Институт
археологии
Российской
академии наук

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Материалы
спасательных
археологических
исследований

34

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Институт
археологии
Российской
академии наук

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Материалы
спасательных
археологических
исследований

34

МОСКВА 2024 ИА РАН

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
П49

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
доктор исторических наук *А. В. Мастыкова*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук *А. А. Масленников*
кандидат исторических наук *И. А. Сапрыкина*

П49 **Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века:** сборник статей памяти О. В. Шарова / Отв. ред. А. В. Мастыкова. Материалы спасательных археологических исследований. Том 34. М.: ИА РАН, 2024. 348 с.

ISBN 978-5-94375-418-0

Настоящий сборник посвящен памяти известного археолога Олега Васильевича Шарова. Статьи, представленные в сборнике исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Краснодара, Севастополя и других городов, отражают круг интересов О. В. Шарова. Они посвящены древностям Крыма, Тамани, Кубани, Восточного Приазовья, Нижнего Дона, восточноевропейской лесостепи, Юго-Восточной Прибалтики. Издание открывают воспоминания друзей об Олеге, а также ранее не опубликованные материалы из его работ. Представленные материалы охватывают широкий круг вопросов и распределены по трем хронологическим разделам: ранний железный век, эллинизм и римское время; поздняя античность и эпоха Великого переселения народов; Средневековье.

Книга предназначена для историков, археологов, антропологов, палеозоологов и всех интересующихся древней историей Восточной Европы.

УДК 902/904
ББК 63.4

На лицевой стороне обложки:
Перекладчатая фибула с эмалью, Матвеевка А-В, Прихоперье. Фото: А. М. Обломский
Позднеантичный светильник, Зенонов Херсонес. Фото: Р. Г. Синенко

На обороте обложки:
Магуп, укрепление А. Х. Общий вид развала оборонительной стены. Фото: А. А. Душенко

ISBN 978-5-94375-418-0
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2024
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2024

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Каргапольцев С. Ю.
На стыках времен и традиций: воспоминания об О. В. Шарове 10

Захаров В. А.
Из научного наследия О. В. Шарова. Мечеть Хаджи-Бей 17

Кислый А. Е.
Дездар-Дере. Шаров. Память 36

Соколова Л. А.
Керамический комплекс поселения Дездар-Дере 3
(раскопки О. В. Шарова 2020–2021 гг.) 46

Ранний железный век, эллинизм и римское время

Володин С. А.
Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя
как хронологический индикатор 57

Нессель В. А.
К истории изучения древних дорог на хоре Херсонеса (на примере
Т-образного перекрестка в северо-западной части Гераклейского полуострова) 76

Минаев А. П.
Клад бронзовых монет из разрушенного погребения III в. до н. э. 82

Иванов А. В., Кононов В. Ю.
Эллинистические погребения из раскопок кургана на горе Тиздар
на Таманском полуострове 85

Горошников А. А., Белов М. А.
Городище Батарейка (2021 г.) (Краснодарский край, Крымский район) 100

Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Внуков А. А., Малинин М. А.
Предварительный анализ археологического исследования памятника Аджиэль I в 2022 году 116

Суворова Н. И.
Предметы коропластики из Крепостного и Подазовского городищ на Нижнем Дону 120

Зинько В. Н.
Золотой перстень из погребального комплекса некрополя Пантикапея 133

Свиридов А. Н.
Погребение конца I – начала II века со сложносоставным луком
из могильника Фронтовое 3 142

Полянская Е. Ю., Антипина Е. Е., Язиков С. В.
Заупокойная пища в погребальных комплексах могильника римского времени
Киль-Дере 1 152

Обломский А. М.
О характере контактов позднезарубинецкого и сарматско-позднескифского населения
в лесостепи (I – II вв. н. э.) 161

Неневоля И. И., Волошинов А. А.
Могила III в. н. э. из некрополя Предущельное (Юго-Западный Крым) 185

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Поздняя античность и эпоха Великого переселения народов

Журавлев Д. В., Быковская Н. В.
О нескольких позднеантичных светильниках из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника 199

Соколов П. М.
Об одном погребении эпохи Великого переселения народов из Восточного Приазовья (поселение Сербин 1) 210

Казанский М. М.
Удила с орнитоморфным декором эпохи Великого переселения народов из самбийско-натангийского некрополя Тенген – Ушаково 1 215

Средневековье

Родинкова В. Е., Сычева С. А., Шумиловских Л. С., Ершова Е. Г., Пономаренко Е. В., Киселев Д. И.
Человек, почвы и ландшафты в западной части восточноевропейской лесостепи в позднем голоцене (по материалам поселения Куриловка 2) 223

Сазанов А. В., Энговатова А. В.
Амфора типа *Günsenin* III из Ярославля: проблемы типологии и хронологии 249

Тарасова А. А., Петрова К. А.
Коллективные захоронения с нестратифицированными останками. Вопросы учета и камеральной обработки антропологических материалов 258

Душенко А. А.
Укрепления А.X, А.XII и А.XIII Главной линии обороны Мангупа 266

Сейдалиева Д. Э.
Глазурованная керамика Солхата из раскопа XIA (по материалам исследования 2021–2022 гг.) 284

Свиридов А. Н., Язиков С. В.
Средневековые сооружения поселения Городище 11-й километр 295

Успенский П. С., Попов А. Р., Свиридов А. Н.
Исследования грунтового могильника Фонтан 1 в Ленинском районе Республики Крым 303

Меньшиков М. Ю.
Керамическая столовая посуда со знаками собственности (тамгами) из раскопок и разведок в окрестностях поселков Красная Поляна и Роза Хутор (Краснодарский край) 314

Жилина Н. В.
Основные черты убора из украшений балтов в связи с костюмом: литовцы 323

Список сокращений 341

Сведения об авторах 343

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

Preface 9

Kargapoltsev Yu. S.
At the intersection of times and traditions: memories of Oleg Vasilyevich Sharov 10

Zakharov V.A.
From the scientific heritage of O.V. Sharov. Hadji Bey Mosque 17

Kisly A.E.
Dezdar-Dere. Sharov. Memory 36

Sokolova L.A.
Ceramic complex of the settlement of Dezdar-Dere 3
(excavations of O.V. Sharov 2020–2021) 46

Early Iron Age, Hellenistic and Roman period

Volodin S.A.
Middle Don zoomorphic hooks with a bear image
as a chronological indicator 57

Nessel' V.A.
On the history of the study of ancient roads on the chora of Chersonesos
(using the example of a T-junction in the northwestern part of the Heraclean Peninsula) 76

Minaev A.P.
The hoard of bronze coins from the destroyed burial dated 3rd century BC 82

Ivanov A.V., Kononov V.Yu.
Hellenistic burials from excavations of a tumulus on Mount Tizdar
on the Taman Peninsula 85

Goroshnikov A.A., Belov M.A.
Batareyka Hillfort (2021) (Krasnodar Territory, Krymsky Region) 100

Yartsev S.V., Zubarev V.G., Vnukov A.A., Malinin M.A.
Preliminary Analysis of the Archaeological Study of the Adzhiel I Site in 2022 116

Suvorova N.I.
Coroplastic objects from the Krepostnoye and Podazovskoye sites on the Lower Don 120

Zinko V.N.
A gold ring from the burial complex of the necropolis of Panticapeum 133

Sviridov A.N.
The burial of the end of the 1st – early 2nd centuries with composite bow
from the Frontovoe 3 cemetery 142

Polyanskaya E.Yu., Antipina E.E., Yazikov S.V.
Funeral Meal in the Burial Complexes of the Roman Burial Ground Kil-Dere 1 152

Oblomsky A.M.
On the nature of contacts between the Late Zarubintsy and Sarmatian-Late Scythian
populations in the forest-steppe zone (I – II centuries AD) 161

Nenevolya I.I., Voloshinov A.A.
A Grave of 3rd c. AD in the Predushchel'noye necropolis (The Southwestern Crimea) 185

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Late antiquity and the Great Migration Period

Zhuravlev D. V., Bykovskaya N. V.
About several late antique lamps from the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve 199

Sokolov P. M.
One burial of the Great Migration period from Eastern Azov region (settlement Serbin 1) 210

Kazanski M.
A bit with ornithomorphic decoration from the Great Migration Period from the Sambian-Natangian necropolis Tengen – Ushakovo 1 215

Middle Ages

Rodinkova V. Ye., Sycheva S. A., Shumilovskykh L. S., Ershova Ye. G., Ponomarenko Ye. V., Kiselev D. I.
Man, soils and landscapes in the western part of the East European Forest-Steppe zone in the late Holocene (based on the materials of the Kurilovka 2 settlement) 221

Sazanov A. V., Engovatova A. V.
Günsenin III amphora from Yaroslavl: problems of typology and chronology 249

Tarasova A.A., Petrova K.A.
Collective burials with unstratified remains. Issues of recording and desk processing of anthropological materials 258

Dushenko A. A.
Fortifications A.X, A.XII and A.XIII of the Main Line of Defense of Mangup 266

Seidalieva D. E.
Glazed ceramics at Solkhat from excavation XIA (based of the materials research 2021–2022) 284

Sviridov A. N., Yazikov S. V.
Medieval structures of Gorodische 11 kilometer settlement 295

Uspenskiy P. S., Popov A. R., Sviridov A. N.
Research of the Fontan 1 soil burial ground in the Leninsky district of the Republic of Crimea 303

Menshikov M. Y.
Bowls and jugs with property signs (tamgas) from excavations in Krasnaya Polyana and Rosa Khutor (Krasnodar region) 314

Zhilina N. V.
The main features of Balt's attire of adornments in connection with the costume: Lithuanians 323

List of Abbreviations 341

Authors information 343

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

5–6 мая 2022 г. в Херсонесском музее-заповеднике при участии Института археологии РАН и Государственного Эрмитажа был проведен круглый стол «Полевой дневник» памяти известного российского археолога, специалиста по античной и варварской археологии Олега Васильевича Шарова. Были заслушаны 17 докладов как мемуарного характера, так и по проблемам исследований, так или иначе связанных с научной деятельностью Олега Васильевича. Это в первую очередь вопросы изучения археологии Юго-Восточной Европы в древности и Средневековье.

Настоящий сборник создан на базе докладов, зачитанных на этом научном мероприятии в Херсонесе, а также дополнен другими статьями по античной и средневековой археологии, отражающими круг интересов О. В. Шарова. Собранные в этом издании работы посвящены древностям Крыма, Тамани, Кубани, Восточного Приазовья, Среднего и Нижнего Дона, восточноевропейской лесостепи, Нижнего Поднепровья, Юго-Восточной Прибалтики.

Открывают сборник воспоминания друзей об Олеге, а также ранее не опубликованные материалы из его работ – отчет о полевых работах на памятнике мечеть Хаджи-Бей, расположенного на территории комплекса сооружений «Судакская крепость», материалы поселения эпохи средней бронзы Дездар-Дере 3, открытого под Севастополем, подготовленных не только им самим, но и его коллегами.

Исследовательские и публикационные статьи распределены по трем хронологическим разделам: ранний железный век, эллинизм и римское время; поздняя античность и эпоха Великого переселения народов; Средневековье.

Как хронологически, так и тематически данное издание очень разнообразно. В нем собраны работы, посвященные анализу различных археологических предметов (монеты, терракотовая коропластика, зооморфные крючки с изображением медведя, золотой перстень с инталией, сложносоставной лук, удила с орнитоморфным декором, позднеантичные светильники, амфора

Олег Васильевич Шаров
(06.05.1960–21.11.2021).
Конференция «XVIII Боспорские чтения»,
май 2017 г., Керчь.
Экскурсия по Керченскому проливу

типа *Günsenin* III, глазурованная керамика Солхата, керамическая посуда с тамгами и др.), отдельным аспектам погребальной культуры, характеру связей и контактов населения, системе древних коммуникаций и укреплений и т. д.

В сборнике также представлены материалы, полученные буквально несколько лет назад в ходе полевых археологических исследований. Вводятся в научный оборот новые сведения о таких памятниках, как, например, городище Батарейка в Краснодарском крае, Аджиэль I, поселение Городище 11-й км, могильник Фонтан 1, открытых в Восточном Крыму, Мангуп в Юго-Западном Крыму, поселение Куриловка 2 в Курской области и др.

Мы можем лишь сожалеть, что наш безвременно ушедший друг и коллега уже не сможет прочитать и оценить эти работы, которые останутся знаком нашего уважения и памяти о нем.

А. В. Мастыкова

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.10-16

НА СТЫКАХ ВРЕМЕН И ТРАДИЦИЙ: ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О. В. ШАРОВЕ

С. Ю. Каргапольцев

21 ноября 2021 г. закончил свой земной путь Олег Васильевич Шаров (1960–2021), мой старый товарищ, коллега и единомышленник. Именно в тот роковой день я и сам заболел ковидом, причем во второй раз (первое заболевание пришлось на август 2021 г.). Уже вечером температура была 38,5 ºС. Включив смартфон, чтобы сообщить руководству о невозможности выхода на работу в понедельник, увидел в сообщении «Хронографа» (закрытое сообщество историко-археологического семинара М. Б. Щукина) фотографию Олега на фоне уходящей вверх мощенной черным камнем дороги. Указанные над нею даты рождения и смерти были красноречивее всех слов. Уточнив подробности у коллег (М. М. Казанского, П. В. Шувалова и В. Н. Седых), узнал, что Олег заболел ковидом еще в начале месяца, что умер в реанимации ВМА и что лечение осложнили сопутствующие недуги (а может, и накануне сделанная вакцина). На похороны я поехать не смог, проболев до середины января 2022 г., и выразил лишь соболезнования его дочери Анне. Уместно отметить, что через три месяца после Олега, 19 февраля 2022 г., тоже от ковида и тоже в реанимации скончался еще один авторитетный археолог с докторской степенью – С. В. Белецкий (1953–2022). Излишне говорить о том, что и с Сергеем Васильевичем меня связывали узы дружбы и профессионального общения еще с начала 1980-х гг. Светлая им память!

Несмотря на то что в мемориальном выпуске «Стратума» об Олеге подробно написали М. Е. Ткачук, А. В. Энговатова, Г. В. Шарова, Е. Ю. Гиря, И. Л. Тихонов и М. Ю. Афанасьев (Друзей медлительный уход… Памяти Олега Шарова, 2022. С. 11–68), *post factum* и я хотел бы засвидетельствовать свое уважение этому незаурядному человеку в кратком опусе ниже представленных воспоминаний. Надеюсь, что они будут небезынтересны знавшим его людям и что некая сумбурность излагаемого материала будет воспринята с пониманием и снисхождением…

С Олегом я познакомился еще на истфаке ЛГУ в самом начале 1980-х гг., учась на курс младше его. Мир археологов довольно узкий, и вследствие этого общение представителей столь редкой профессии всегда плотное и насыщенное. Как и Олег, я стартовал на кафедре археологии еще с вечернего отделения, куда подал документы после неудачи с дневным (недобрал конкурсных баллов после вступительных экзаменов в 1979 г.). Поскольку заочникам и вечерникам вменялось в обязанность трудиться, я устроился по наводке заведующего кафедрой А. Д. Столяра (1921–2014) на работу в хозяйственную часть Эрмитажа, которую с 1945 г. до самой своей смерти возглавляла широко известная в узких кругах О. Н. Богданова (1925–2014). Будучи добрейшей души человеком, она снисходительно относилась к задвигам своих подчиненных, совмещавших грузчицкие будни с художественным творчеством, музицированием и учебой в вузах (студентом в эрмитажном «обозе» был не я один). Достаточно сказать, что в 1960-х гг. в хозчасти Эрмитажа пять лет проработал знаменитый художник и скульптор М. М. Шемякин. Участие его и четырех других художников – рабочих хозяйственной части ГЭ в несанкционированной выставке своих картин 30–31 марта 1964 г. стоило директорской должности М. И. Артамонову (1898–1972), с которой он был снят после ареста этой самой выставки. Конкретизирую все это потому, что именно в Эрмитаже я познакомился со многими маститыми археологами, главным среди которых, как впоследствии и для Олега Шарова, стал М. Б. Щукин (1937–2008). Зная, что я учусь на кафедре археологии, Ольга Николаевна отправила меня что-то перемещать в Первобытный отдел, где проходил не то какой-то ремонт, не то переезд, уж точно и не помню. Было это в один из месяцев зимы 1980–1981 гг. Именно тогда я впервые попал в знаменитый кабинет Марка Борисовича, где, увидев на столе книги Х.-Ю. Эггерса (1906–1975), Р. Хахмана (1917–

2014) и К. Годловского (1934–1995), попросил разрешения сделать из них выписки для своего курсовика, посвященного вопросам синхронизации «длиннокурганного» вещевого инвентаря с центральноевропейскими древностями позднеримского и раннесредневекового времени. Конечно, попыхивавший своей неизменной трубкой Марк Борисович не только любезно предоставил мне все просимое, но и, угостив чаем, оставил свой телефон для дальнейшего общения.

Как и у Олега, моим научным руководителем был В. А. Булкин (1945–2017). Как и Олег, только годом позже, я перешел на очное (дневное) отделение. Произошло это после окончания третьего курса летом 1982 г. Поскольку я учился на одни пятерки, мне предоставили право выбора: перейти на четвертый курс, т. е. стать одногруппником Олега, или остаться повторно на третьем. Я выбрал второй вариант, поскольку, во-первых, не хотел обременять себя сдачей большого перечня разницы в дисциплинах, а во-вторых, имея задел в уже сданных предметах, планировал «покайфовать» спокойно годик, наверстывая упущенное по науке и всяким разным делам. Интуитивно понимая, что это лучшие годы моей жизни (так, кстати, оно и оказалось), я пытался растянуть их на как можно больший срок. Кроме того, своих новых однокурсников я уже хорошо знал еще по новгородской практике 1981 г., куда ездил набираться опыта у еще одного кафедрального авторитета – Г. С. Лебедева (1943–2003). Из сокурсников ближе всего по интересам для меня был медиевист П. В. Шувалов, занимавшийся широким кругом проблем ранневизантийской истории. За пределами своего курса более всего я общался с В. Е. Еременко (1963–2014), который учился на курс младше меня, и со старшими товарищами – И. А. Бажаном (1957–2018) и Олегом Шаровым. Общими были и круг научных интересов, и выезды в «поле», и гитара с песнями и посиделками, и первые научно-практические конференции, и первые публикации. Забегая вперед, отмечу, что Олег сохранил верность выбранному курсу и дружбе до последних своих дней, всецело отдаваясь делу столь любимой им археологии (рис. 1). В итоге все мы и стали первой волной домашнего семинара М. Б. Щукина, организованного им в октябре 1982 г.[1] Первоначально заседания проходили в его квартире на ул. Володи Ермака (д. 17, кв. 9), а после развода с супругой Марк Борисович переехал к своей матери Милице Михайловне в Поварской переулок (д. 12, кв. 15), где семинар и проходил с 1985 г. до самой смерти Марка Борисовича 14 июля 2008 г. Избегая подробностей в освещении распорядка и традиций домашнего семинара М. Б. Щукина, проходившего раз в месяц (по первым понедельникам в 19:00) и впоследствии получившего наименование «Хронограф», сошлюсь на свои статьи о нем, написанные к 30-летию этого неформального сообщества (*Каргапольцев*, 2011. С. 17–20; 2012. С. 11–15). Отмечу лишь, что рейтинг заседаний «Хронографа» был весьма высоким уже в 1980-е гг., намного опережавшим официальные мероприятия подобного рода в академических, музейных и кафедральных структурах. Семинар стал настоящим полигоном для обсуждения курсовых и дипломных работ, диссертационных исследований, статей, монографий, экспедиционных планов и отчетов. Частыми гостями на заседаниях были археологи из других городов и даже стран. С самого своего начала почетным «медиумом» семинара был уехавший накануне в Париж М. М. Казанский. Переписка с ним «по науке» являлась хорошим подспорьем в получении труднодоступной литературы и свежих новостей из-за «бугра» (с 90-х гг. минувшего века Михаил Михайлович стал доступен и для очного общения). Состав постоянных участников семинара быстро расширялся, достигнув уже к середине 1980-х гг. 25–30 (а может, и более) человек. Всего же, по приблизительной оценке Марка Борисовича, через семинарскую школу прошло не менее сотни специалистов как минимум трех поколений списочного состава.

Уход из жизни Марка Борисовича не стал концом семинара, поскольку с 2009 г. «Хронограф» имени М. Б. Щукина возглавил О. В. Шаров, вернувший регламент ежемесячных заседаний в стенах Античного отдела ИИМК РАН (комн. 201), где Олег работал с 2003 по 2018 г. Особо выделю, что Олег ревностно хранил память о своем учителе Марке Борисовиче и на словах, и на деле. Последним моим посещением семинара было заседание 16 марта 2015 г., на котором выступал сам О. В. Шаров с докладом

[1] На учредительном заседании помимо М. Б. Щукина присутствовали И. А. Бажан, В. Е. Еременко, С. Ю. Каргапольцев, А. В. Мултанен и О. В. Шаров.

Рис. 1. Олег Шаров среди коллег на археологическом выезде (дер. Ополье Кингисеппского р-на Ленинградской области, 29 мая 2008 г.)

«Принципы выделения элиты Боспора римской эпохи по археологическим данным» (в силу занятости по основной работе с 2003 г. я ходил на заседания лишь периодически, выбираясь на более всего интересные для меня доклады)[2]. Всего примерно за 3,5 десятилетия своего существования семинар «Хронограф» Щукина – Шарова стал стартовой площадкой как минимум для 30 кандидатов и докторов наук, внесших существенный вклад в развитие отечественной археологии.

Возвращаясь к биографии Шарова (так его обычно называли в близком кругу общения), отмечу лишь основные этапы его жизни и научной деятельности. После окончания ЛГУ в 1986 г., где на дневном отделении была военная кафедра со специализацией офицера гаубичной артиллерии, Олег, будучи уже женатым человеком, загремел в армию. Служил он два года в гарнизоне Каменка Выборгского района и в самом Выборге. Послужить лейтенантом довелось и мне. Как краснодипломник, я имел право выбора места службы, чем не преминул воспользоваться, попросившись на Кольский полуостров. Эти места мне были хорошо знакомы по временам детства, где я прожил по месту службы отца (офицера-подводника) с 1969 по 1976 г. Довелось в 1985–1987 гг. послужить и под Печен-

[2] В сентябре 2003 г., вскоре после кончины Г. С. Лебедева, я уволился из центра «Петроскандика» НИИКСИ СПбГУ (ныне – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева при факультете социологии СПбГУ), где работал с апреля 1996 г. в должности старшего научного сотрудника, перейдя на преподавательскую работу в СПбГАСУ.

гой, и в самом Мурманске. Поскольку это были мотострелковые полки, офицерам-артиллеристам полагались дополнительные сборы, которые проходили на учебно-тренировочном артполигоне между Красным Селом и Пушкином, расположенном у шоссе близ пос. Нагорный и Малое Карлино (ныне – мрачного вида руины). Проходя эти сборы в конце 1985 г., я приехал на семинар Щукина в военной форме. Так совпало, что и Олег в тот день пришел при погонах, будучи не то в отпуске, не то на побывке. Марк Борисович со смехом пошутил, констатируя «милитаризацию» своих «семинаристов» (в 1986–1988 гг. в подмосковной Таманской дивизии отслужил лейтенантом еще один «семинарист» – В. Е. Еременко).

После службы, в 1986 г., не найдя себе достойного применения по специальности, Олег устроился в Василеостровский ДПШ руководителем кружка археологии, вывозя школьников «в поле» на Херсонщину и в Крым. По этому пути после «дембеля» пошел и я, устроившись в августе 1987 г. руководить кружком археологии в Кировский ДПШ Ленинграда, поскольку, как это часто бывает, обещанное мне А. Н. Кирпичниковым (1929– 2020) место в аспирантуре славяно-финского сектора ЛОИА к этому времени досталось О. И. Богуславскому (с 2006 г. – заместитель директора по научной работе ИИМК РАН). Поездка в Москву тоже ничего не дала, так как у В. В. Седова (1924–2004) был уже в аспирантах славяно-русского отдела Института археологии мой сверстник Н. В. Лопатин (с 2018 г. – заведующий отделом научной информации и подготовки публикаций ИА РАН). Олег же в 1991–1992 г. «вписался» в учреждение частного издательства «Фарн» в статусе ТОО, войдя в команду И. А. Бажана и М. Ю. Афанасьева, пребывавшую под неизменным кураторством М. Б. Щукина. В 1993 г. Олег «подвесил» в «Фарне» и мою трудовую книжку, где я числился редактором вплоть до своего устройства весной 1996 г. в археологический центр «Петроскандика» при НИИКСИ СПбГУ, создателем и руководителем которого был Г. С. Лебедев. Основным детищем «Фарна» стал периодически выходивший ПАВ («Петербургский археологический вестник»), просуществовавший до 1997 г. и ставший идейным предшественником высокорейтингового «Стратума».

Оформив в 1990 г. соискательство на кафедре археологии ЛГУ, Олег защитил свою кандидатскую по аспектам синхронизации древностей горизонта Лёйна-Хаслебен и черняховской культуры в 1995 г. В силу ведомственной казуистики научным руководителем Олега оставался В. А. Булкин, а М. Б. Щукин выступил в качестве оппонента. Та же история была и с моей защитой, произошедшей годом ранее, в 1994-м. Прикол состоял в том, что Василий Александрович публично критиковал наши подходы в исследовании, а Марк Борисович, наоборот, хвалил. Такая вот традиционная особенность защитной процедуры (отмечали же успех все равно все вместе). В ИИМК РАН Олег попал лишь в 2003 г., проработав там до осени 2018 г., параллельно трудясь на сторонних договорах, и завершил свою карьеру ведущим научным сотрудником ИА РАН, где отработал с ноября 2018 г. до дня своей смерти. В 2009 г. О. В. Шаров защитил докторскую диссертацию по Боспорскому царству и варварскому миру Центральной и Восточной Европы середины II – середины IV в. Там, где хронологически заканчивались его узкие интересы (III–IV вв.), мои только начинались. Олег был приятно удивлен нашей с И. Ю. Лапиной публикацией о пещерном городе Эски-Кермен, расположенном в Юго-Западном Крыму. Точнее, статья была посвящена не столько Эски-Кермену, сколько разоблачению некорректных ссылок Н. Л. Эрнста (1889–1956), А. В. Заморяхина, Ю. М. Могаричева и других исследователей на работу Ф. А. Козена (1782–1840), первого директора петербургского УГИ в 1832–1840 гг., «О пещерном городе Эски-Кермен» (*Лапина, Каргапольцев*, 2016. С. 143–157). Еще более Олега удивило, что И. Ю. Лапина (моя завкафедрой в СПбГАСУ) в студенческие годы была его сокурсницей, носившей в ту пору фамилию Лебедева. Такой вот тесный петербургский мир! В наших планах с Олегом была серия совместных работ на стыке, в том числе создание «фунд-листа» с комментариями по мегалитическим сооружениям юга и севера, с какой-то их типологизацией и выстроенной относительной (а по возможности и абсолютной) хронологией, но реализоваться им так и не было суждено. Единственной моей соавторской публикацией с Олегом стал перечень работ М. Б. Щукина, представленный в мемориальном выпуске «Стратума» 2011 г. (*Всевиов, Шаров, Каргапольцев*, 2011. С. 17–20).

Общаясь с Олегом урывками и в основном на семинарах (а в последние годы и вовсе

в соцсетях или по телефону), воспроизведу по памяти и сохранившейся переписке его многочисленные экспедиционные маршруты в рамках Славяно-Сарматской экспедиции ГЭ в Молдавии (1988–1990) и в Крыму. В 1990–1992 гг. Олег копал в Херсонесе (в составе Гераклейской экспедиции музея-заповедника «Херсонес Таврический») и Керчи (обследование на северном склоне горы Митридат участка некрополя Пантикапея). В 1993 г. он снова работал в Керчи, где проходили раскопки разновременного кургана у Вокзального шоссе, а в 1994–1996 гг. принимал участие в раскопках могильника Чатыр-Даг у Алушты. В 1997–2001 гг. руководимая М. Б. Щукиным и О. В. Шаровым Славяно-Сарматская экспедиция вновь вернулась в Молдавию, проведя исследования на городище Рудь и поселении черняховской культуры у села Покровка. В 2003 г., уже будучи сотрудником отдела истории античной культуры ИИМК РАН, Олег создал Таракташ-скую экспедицию по изучению одноименного культового комплекса святилищ I/II – середины IV в. у г. Судак в Восточном Крыму, в 2010–2013 гг. принимал участие в обследовании памятников неолита и эпохи бронзы на Кольском полуострове, в 2013–2017 гг. в охранных исследованиях, проводимых экспедициями ИИМК и ИА РАН на Таманском полуострове и в Крыму (г. Судак), в 2018–2020 гг. – на новостроечных работах по строительству Крымского моста и на автотрассе «Таврида» (как на восточном берегу Керченского пролива, так и на западном), а с 2020 г. проводил раскопки в Херсонесе, где он был одним из руководителей комплексной экспедиции ИА РАН, ГЭ и музея-заповедника «Херсонес Таврический». В этот период Олег стал частенько появляться в новостных телевизионных выпусках, комментируя результаты проведенных изысканий и рассказывая о сделанных открытиях. Излишне говорить о том, что ковидные ограничения 2020-го – начала 2022 г. серьезным образом осложнили как саму процедуру исследований, так и проблемы транспортной доступности Крыма (для проезда туда в 2021 г. вакцинация была обязательной).

Помимо плановых исследований по основному профилю Олег часто выезжал к друзьям и коллегам как в Ленобласть, так и на широкие просторы РФ. Помню, как на служебных машинах в 1996 и 2000 гг. мы с С. Л. Кузьминым (1966–2020) прокатили его, Ю. Ю. Шевченко (1954–2015) и Ю. М. Лесмана (1954–2013) по объектам Полужья и Поплюсья и как он приезжал на раскопы в Петергоф и Гатчину, где в 2001–2012 гг. я занимался по прямым договорам с дирекцией ГМЗ «Петергоф» и «Гатчина» археологическим обследованием утраченных комплексов XVIII – начала XX в. Занесла нелегкая Олега на подработку даже в Северную Якутию, где в 2004 г. с «каменщиками» из ИИМК РАН он принимал участие в раскопках верхнепалеолитической стоянки на р. Яне, испытав себя на прочность непрекращающимся холодом и ненасытными комарами. В следующем сезоне 2005 г. Олег участвовал в исследовании палеолитического слоя в Ахтырской пещере, расположенной в окрестностях Сочи. В 2012 г. ему довелось поруководить отрядом Саяно-Тувинской экспедиции, копавшей в Туве курганный могильник VIII–III вв. до н. э. Белое Озеро 4. Очень сожалею, что во время своих служебных поездок в Крым 2018 и 2020 гг. я не смог состыковаться с Олегом вживую, поскольку оба мы были ограничены жестким расписанием и привязкой к местам пребывания. Также не дождался я и соавторского участия Олега в статье о «каменных кругах», обнаруженных мною на Кольском полуострове севернее аэродрома Килпъявр. Предварительный осмотр в 1987 г. показал там присутствие вещей позднеримского времени (D-образная железная пряжка и обломок ножа с прямой спинкой и уступом) и опосредованную типологическую связь объекта с подобными сооружениями Северной Балтики и Скандинавии (*Каргапольцев*, 1989. С. 178–180). В период вышеупоминавшихся «неолитических» и «бронзовых» изысканий на кольском севере 2010–2013 гг. Олег рассчитывал осмотреть этот памятник, а по возможности и «копнуть». Однако и этим замыслам не суждено было сбыться: время жестко регламентировано плановым заданием, а расстояния для заезда далеко немалые. Поняв, что тянуть уже некуда, мы с В. Н. Седых сделали обстоятельный обзор этого комплекса к 60-летию Олега, уже без его участия (*Каргапольцев, Седых*, 2020. С. 395–408). Для справки отмечу, что, побывав на этом комплексе 15 августа 2022 г., я убедился в практически полной сохранности «кругов», а также получил заверения петрозаводского коллеги М. М. Шахновича о его намерении их полного археологического исследования.

Подытоживая, отмечу, что у каждого из нас были свои пути и интересы в науке, приобщение к которой состоялось еще в студенческие годы. Но были и схожие алгоритмы: вхождение в тему на семинарах и практиках, выбор спецкурсов, приватное общение с учителями, первые конференции и публикации, выезды в «поле» и т. д. Кто-то увлекался больше кабинетной археологией, кто-то полевой, кто-то пытался совмещать эти ипостаси, привыкая мерить жизнь сезонами и межсезоньем. Для кого-то это все сливалось в один непрерывный микс, дополняемый бытовухой, повседневными заботами и суетой. Помимо научных забот Олег был отцом троих детей (Анны и Александра от первого брака, Филиппа от второго) и пытался уделять им должное внимание в перерывах между своими экспедиционными выездами. Но, несмотря ни на что, важное место в иерархии ценностей занимало у нас общение с единомышленниками как по *alma mater*, так и за ее пределами.

Именно так происходило вхождение в профессию и у Олега Шарова, который всегда куда-то спешил, уезжал, переезжал, решая свои жилищные и семейные вопросы. И хотя многое из его планов так и осталось нереализованным, список достижений О. В. Шарова в науке, как и географический охват его полевых исследований, впечатляют. Занимаясь стыком времен и традиций (раннеримского и позднеримского времени, поздней античности и раннего Средневековья, Запада и Востока), Олег и сам жил на стыке советского и постсоветского времени со всеми вытекающими следствиями. Печально сознавать, что не только учителя, но и многие мои сверстники уже ушли из жизни. Психологически к этому невозможно привыкнуть и принять это как непреложную данность. В памяти моей они все живые, активные и веселые. Олег же навсегда останется в моем сознании как настоящий археолог и отзывчивый товарищ, до последних дней сохранивший верность своим принципам и выбранному жизненному пути. Вечная ему память!

ЛИТЕРАТУРА

Всевиов Л. М., Шаров О. В., Каргапольцев С. Ю., 2011. Список печатных работ М. Б. Щукина // Петербургский апокриф. Послание от Марка / О. В. Шаров (отв. ред.). Кишинев: Stratum Plus. С. 17–20 (Библиотека Stratum plus).

Друзей медлительный уход… Памяти Олега Шарова. 2022 / М. М. Казанский, А. В. Мастыкова (отв. ред.). Кишинев: Stratum Plus (Библиотека Stratum plus). 348 с.

Каргапольцев С. Ю., 1989. Новые находки «каменных кругов» на севере Восточной Европы // XI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч. I. М.: Изд-во Института истории АН СССР. С. 178–180.

Каргапольцев С. Ю., 2011. Воспоминания о Марке Борисовиче Щукине, его домашнем семинаре и старых добрых временах // Петербургский апокриф. Послание от Марка / О. В. Шаров (отв. ред.). Кишинев: Stratum Plus. С. 17–20 (Библиотека Stratum plus).

Каргапольцев С. Ю., 2012. Семинар «Хронограф» – научно-педагогическая школа Марка Борисовича Щукина // Санкт-Петербург в истории и культуре России: материалы междунар. науч.-практ. конф. / И. Ю. Лапина (отв. ред.). СПб.: СПбГАСУ. С. 11–15.

Каргапольцев С. Ю., Седых В. Н., 2020. Находки «каменных кругов» на северо-западе Кольского полуострова (проблемы атрибуции и хронологии) // Stratum plus. № 4. С. 395–408.

Лапина И. Ю., Каргапольцев С. Ю., 2016. Ф. А. Козен, крымские пещеры и проблемы источниковедения в исследовательской практике (прошлое и настоящее) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: сборник научных статей. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского». С. 143–157.

Резюме. В статье освещаются некоторые факты биографии Олега Васильевича Шарова – известного специалиста по археологии поздней античности Центральной и Восточной Европы. Затрагиваются в контексте круг его интересов, друзей, коллег, учителей. Дается субъективная оценка происходившим событиям и общего вклада О. В. Шарова в науку.

Ключевые слова: О. В. Шаров, М. Б. Щукин, кафедра археологии Ленинградского государственного университета, семинар «Хронограф», Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Институт археологии Российской академии наук.

Yu. S. Kargapoltsev

At the intersection of times and traditions: memories of Oleg Vasilyevich Sharov

Abstract. The article highlights some facts of the biography of Oleg Vasilyevich Sharov, a well-known specialist in the archeology of late antiquity in Central and Eastern Europe. In the context, the circle of his interests, friends, colleagues, teachers are affected. A subjective assessment is given of the events that took place and the overall contribution of O. Sharov to science.

Keywords: Oleg Sharov, Mark Shchukin, Department of Archeology of Leningrad State University, Seminar «Chronograph», State Hermitage, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Science, Institute of the Archeology of the Russian Academy of Science.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.17-35

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ О. В. ШАРОВА. МЕЧЕТЬ ХАДЖИ-БЕЙ

В. А. Захаров

Весть об уходе из жизни специалиста высочайшего уровня, доктора исторических наук Олега Васильевича Шарова потрясла всех знавших его. Он был известен в Судаке не только как исследователь уникального позднеантичного памятника Таракташ, но и как один из инициаторов возрождения после «Крымской весны» 2014 г. археологических работ в Судакской крепости. Ученик Марка Борисовича Щукина, Олег Васильевич был специалистом высочайшего уровня, умелым наставником и другом, на плечо которого можно всегда положиться. Судакская крепость, как объект познавательного туризма, всегда привлекала посетителей, ногами которых буквально вытаптывались и фундаменты построек, и древние захоронения. Именно по его инициативе и при его участии мною были получены разрешительные документы на проведение археологических разведок. Археологические работы были возобновлены в 2016 г. с расчистки захоронений на цитадели и на северо-западном склоне городища. Также было решено расчистить от травы и скопившегося там мусора фундаменты памятника «Мечеть Хаджи-Бей», изучаемого в конце 70-х – начале 90-х гг. прошлого века экспедицией И. А. Баранова для дальнейшей консервации и музеефикации. Не считаясь с личным временем, Олег Васильевич, тогда еще сотрудник Санкт-Петербургского отделения ИИМК РАН, лично принимает участие в этих работах и готовит перспективный отчет.

В публикуемом ниже отчете за 2016 г., написанном О. В. Шаровым, сохранены оригинальный текст, оформление ссылок, библиография. Из 21 рисунка, представленного в этом отчете, не взяты лишь изображения средневековых исследователей.

Отчет о предварительных работах по исследованию объекта археологического наследия, выявленного в центральной части памятника культурного наследия федерального значения «Комплекс сооружений «Судакская крепость» – мечети Хаджи-Бей» д. и. н., в. н. с. ИИМК РАН Шарова О. В. Судак-2016

Аннотация

Отчет об итогах проведения работ, предваряющих археологические исследования (раскопки) на территории Судакского городского округа Республики Крым Российской Федерации на комплексе сооружений «Судакская крепость», памятнике культурного наследия федерального значения, состоит из одного тома. Объем текстовой части отчета составляет 31 страницу, иллюстрации включают в себя 21 рисунок.

Цель работ: Судакская крепость. Исследования с целью музеефикации выявленного в 1979–1980, 1992 гг. Судакской экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством И. А. Баранова объекта археологического наследия, названного в отчете 1992 года «Мечеть Хаджи-Бей».

Состав и содержание намеченных работ: историко-архивные и библиографические исследования; визуальное обследование территории; работы по очистке археологического объекта от травы и мусора, предшествующие археологическим исследованиям.

Ключевые слова: Судакский район, крепость, Республика Крым, мечеть Хаджи-Бей, позднее Средневековье.

Введение

В августе 2016 г. сотрудники ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость» научный сотрудник Захаров В. А., музейные смотрители Рак Д. А., Фролов С. В., Аблялимов М. К. под руководством в. н. с. ИИМК РАН, д. и. н. Шарова О. В. провели подготовительные работы на объекте археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей», расположенного в центральной части памятника культурного наследия федерального значения – комплексе сооружений «Судакская крепость». Эти работы предваряют последующие археологические раскопки и не требуют для их проведения получения открытого листа в Министерстве культуры Российской Федерации.

Актуальность работ, предваряющих археологические раскопки в Судакской крепости, была обусловлена тем, что объект археологического наследия мечеть Хаджи-Бей была после раскопок 1992 г. не законсервирована и с каждым годом постепенно разрушалась. Объект археологического наследия полностью зарос травой, которая разрушала кладки стен, сложенных на глиняном растворе, помещения «А – Г» северной постройки объекта археологического наследия (условное название «Мечеть Хаджи-Бей») и был заполнен бытовым мусором. Необходимо было для проведения последующих археологических работ освободить кладки каменных фундаментов от травы, а помещения – от бытового мусора. Помимо этого одной из актуальных задач работ 2016 г. также являлось определение в ходе последующих археологических работ функционального назначения выявленного объекта археологического наследия, так как в ходе археологических исследований 1979/1980, 1992 гг. были выявлены стены большого общественного здания размерами 30×39 м лишь с северной и южной сторон. Несмотря на интересную гипотезу И. А. Баранова о том, что перед нами фундаменты мечети Хаджи-Бей, упомянутой Эвлией Челеби в 1665 г., у целого ряда исследователей остались большие сомнения в том, что перед нами именно фундаменты данной мечети. Эти сомнения основаны на том, что не была совсем раскопана центральная часть постройки, которая лишь и могла быть помещением мечети, но раскопаны лишь фундаменты жилых построек с северной и южной сторон от центральной части, которые сложены на простом глиняном растворе и вряд ли могут быть связаны по своим конструктивным особенностям с мечетью Хаджи-Бей.

Также является одной из актуальных задач 2016 г. после проведения последующих археологических раскопок музеефикация выявленного объекта археологического наследия, его последующая консервация и реставрация полученного археологического материала.

Не менее важной актуальной задачей работ 2016 г. является необходимость расширения фактологической базы об объектах археологического наследия на территории комплекса сооружений «Судакская крепость» Республики Крым.

Основной целью проводимых исследований является получение наиболее полной информации для определения точных границ территории объекта археологического наследия (условное название «Мечеть Хаджи-Бей») в соответствии с «Методикой определения границ территорий объектов археологического наследия», утвержденной Письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ для подготовки учетной документации и определения возможности включения объекта в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Перечень работ, проведенных на объекте археологического наследия, названного в отчете 1992 г. с. н. с. КФ ИА НАНУ И. А. Барановым «Мечеть Хаджи-Бей», расположенного в центральной части памятника культурного наследия федерального значения ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость»

Работы, предваряющие археологические исследования на памятнике культурного наследия федерального значения – комплексе сооружений «Судакская крепость», – велись в соответствии с «Методикой определения границ территорий объектов археологического наследия», утвержденной Письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ, и «Положением о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации», утвержденным Постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН 27.11.2013 № 85 и включали в себя:

– изучение архивных материалов в научных архивах Государственного Эрмитажа, Института

истории материальной культуры РАН, Института археологии Крыма, рукописном архиве ГБУ РК «Судакская крепость» и Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым;

– изучение публикаций, относящихся к объекту археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей»;

– визуальное обследование территории с целью определения границ объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей»;

– фотофиксация объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» до начала работ по очистке территории будущих раскопок от травы и мусора;

– работы по очистке места старого раскопа – объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» – от травы и бытового мусора перед началом археологических раскопок;

– фотофиксация объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» после окончания работ по очистке территории будущих раскопок от травы и мусора;

– фиксация характерных точек и границ объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» на карте топографической съемки 2014 г.

Границы объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» определялись в соответствии с «Методикой определения границ территорий объектов археологического наследия», утвержденной Письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ, исходя из:

– ландшафтно-топографической ситуации, отражающей рельеф, основные элементы ландшафта памятника культурного наследия федерального значения – комплекса сооружений музея-заповедника «Судакская крепость»;

– антропогенной ситуации, отражающей антропогенное и техногенное воздействие на территорию в районе объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» в момент его очистки от травы и мусора;

– информации, содержащейся в отчетах за 1980/1981, 1992 гг., отражающих места происхождения предметов и находок, хранящихся в фондах ГБУ РК «Музей-заповедник «Судакская крепость»;

– картографической информации, имевшейся в наличии (план крепости 1771/1775 гг. подполковника Фишера, топографическая съемка 2014 г.).

Таким образом, отчет состоит из четырех частей.

1. Архивные данные полевых отчетов 1980/1981 и 1992 гг. о раскопках общественного здания, объекта археологического наследия, названного позднее, в 1992 г., с. н. с. КФ ИА НАНУ, руководителем Судакской экспедиции И. А. Барановым мечетью Хаджи-Бей.

2. Сведения ученых, историков и путешественников XIII–XIX вв. о Судаке и Судакской крепости, в которых упоминаются внутрикрепостные строения.

3. Анализ полученных сведений для определения местонахождения указанных объектов с целью проведения последующих археологических раскопок.

Фотофиксация проведенных технических работ до и после очистки территории объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей» от травы и бытового мусора; альбом иллюстраций.

Раздел 1. История исследований объекта археологического наследия «Мечеть Хаджи-Бей»

Исследования 1929 г. экспедицией ГАИМК. Руководитель Ю. В. Готье

Одной из задач раскопочной кампании 1929 г. для ориентировки на Судакском городище было установление основной магистрали дорог. Главные дороги на городище могли идти по трем направлениям: от ворот вдоль западной части нижней стены, от ворот вдоль северной части нижней стены и от ворот наверх в замок, к донжону. Радиальное расхождение дорог от ворот не вызывало сомнений, но нащупать ту из них, которая пересекала все городище, направляясь к замку, представляло известные трудности. Раскопки во впадине за бугром, обозначенным на одном из планов XVIII в. как место Падеша-мечети, дали определенный ответ: расчет на обнаружение улицы оказался правильным, потому что сразу же открылось нечто вроде «шоссе» в виде слоя утрамбованного мелкого бута, окаймленного двумя параллельными кладками. Благодаря незначительной глубине нель-

зя счесть эту дорогу ни за сугдейскую – догенуэзскую, ни за солдайскую – генуэзскую улицу (хотя по впадине текут дождевые потоки и сильно размывают ее, так что здесь не обязателен мощный слой наноса), но более древние магистрали могли пролегать здесь же, на большей глубине, потому что линии прохождения дорог почти неизменно сохраняются из века в век. Расширение раскопа обнаружило множество насухо или на глине сложенных кладок, расположенных в известном порядке относительно направления улицы, т. е. либо параллельно, либо перпендикулярно к ней. Эти кладки были раскопаны значительно глубже, чем «шоссе» (значит, возможно было на этой же глубине открыть более древнюю мостовую), и навели на мысль о существовании здесь бедного ремесленного квартала. Дома концентрировались около какого-то большого здания, открытого здесь же, при раскопке на бугре Падеша-мечети. Здесь, вероятно, у Ю. В. Готье и Е. Ч. Скржинской, по мнению В. В. Майко, закралась ошибка, связанная с картографическими погрешностями. На плане 1771 г. это место названо «Другая мечеть». Названием «Падеша-мечеть» обозначено сохранившееся до сих пор здание мечети в восточной части крепости, ныне – «Храм с аркадой».

Пока раскопана массивная стена, идущая глубоко вниз до кирпичного пола; по всей вероятности, к этому же сооружению относятся фрагменты росписи турецкого времени, в большом количестве попадавшиеся в выбрасываемой земле. Кроме этого комплекса (большое здание, которое могло быть не исконной мечетью, а византийским храмом, и серии кладок, группирующихся по одну сторону «улицы» и около большого здания) был раскопан еще один пункт (против башни Джудичи, № 6), где раскоп был доведен до материка и дал чрезвычайно сложные кладки различных эпох. Вот и все, что открыли едва только начатые и, к сожалению, пока не продолжающиеся раскопки на городище Судакской крепости. Вещевой материал раскопок содержит предметы самого разного времени, что является свидетельством многовековой заселенности места; в одной из вымосток был найден мраморный фрагмент большого рельефного византийского креста (VI в.); тут же лежали обломки мраморной плиты с несколькими буквами генуэзской надписи (XIV–XV вв.); в мусорной куче на большой глубине была найдена резная костяная пластинка с фигурками пляшущих пут-то византийской работы XI в. На месте предполагающегося ремесленного квартала найдены формы для отливки крестов и колец, камни для растирания краски, куски мрамора для шлифовки, большое количество шлака, целые грубые глиняные сосуды, обломки чиненной глиняной посуды, маленький жернов и т. д. Результаты этих работ были, к сожалению, не востребованы, и на этом месте вновь были начаты раскопки в 1980 г.

Исследования 1980–1981 гг. Судакской археологической экспедиции Отдела археологии Крыма Института археологии Академии наук УССР. Руководитель И. А. Баранов

Разведка на участке общественного здания на главной улице Солдайи. Руины этого большого здания с двором прямоугольной формы отмечены на плане Судакской крепости конца XVIII в. В наше время местоположение этой постройки утеряно, и лишь в 1979 г. стены комплекса были выявлены в результате глазомерной разведки; молодая трава четко обрисовала контуры здания, и оно стало заметно с высот башни Кез-Куле. В 1980 г. с целью выявления планировки комплексов были произведены лишь зачистки стен. До начала зачисток кладки представляли собой валообразные каменные насыпи со скатом на внешнюю сторону. Нами была произведена разборка завалов с внешней стороны северной части комплекса. Каменный завал разобран до уровня современной дневной поверхности, при этом кладки были обнажены на высоту одного-двух рядов. Зачищенные кладки принадлежали большому зданию 12,0×10,0 м, к которому примыкал двор квадратной формы. Размеры двора в отчетном году выяснить не удалось. Здание ориентировано по оси север – юг, при этом двор находился с южной стороны. Стены постройки и забор двора сложены из крупного бута в перевязь на глиняном растворе. Толщина кладки – 0,9–1,0 м. При разборке завалов под северной стеной здания было обнаружено большое количество клинчатых камней из капсельского ракушечника, которые, вероятнее всего, сохранились от свода. Здесь же была найдена часть круглой колонны из такого же известняка. Диаметр колонны – 0,3 м. В завале камня обнаружено большое количество черепицы-«татарки»

современного типа, что позволяет говорить о разрушении этой постройки в Новое время. Детали планировки и назначение этого комплекса остаются невыясненными. Работа будет продолжена в 1981 г.

Исследования 1981 г. были незначительны, и все материалы были обобщены уже в отчете за 1992 г., посвященном раскопкам уже мечети Хаджи-Бей. Это название возникло от упоминания мечети Хаджи-Бай в Судакской крепости известным турецким путешественником Эвлией Челеби в 1665 г.: «В этой большой крепости во времена неверных было *до тысячи маленьких церковок*. Они и теперь стоят, но в них держат быков и ослов. В те времена город был столь отстроен и заселен, что в этой крепости на скалах, один над другим, *было 40 тысяч домов*. Подтверждением заселенности и отстроенности в ту эпоху являются теперешние *40 тысяч садов*. Теперь в этой нижней крепости-пригороде всего *100 домов*, крытых черепицей, а иногда и дерном. Сохранилось также *две соборные мечети*. Первая – на восточной стороне крепости, у берега моря – *древняя соборная мечеть султана Баязида Вели*, с каменным куполом и каменным минаретом, построенными из как бы светящегося мягкого камня. В этой мечети есть *михраб*, опять же вырезанный из этого камня, образцовый и украшенный, как хамелеон, да так, что разум человеческий поражается. Этот *михраб* выстроен как *михраб* мечети святого *шейха* Шами в городе Кескине Сивасского *эйялета.* Но в этой мечети известка на высоком куполе с течением времени попортилась. По тексту *аята*: *«Поистине, стройте мечети Божии»*, эта султанская мечеть нуждается в исправлении и восстановлении. Во времена неверных сын *падишаха* Узбека был в море в окрестностях Судака и стал пленником неверных генуэзских франков этой крепости. С разрешения заблудшего короля он построил эту мечеть и окружающие [здания]. Поэтому ее *кыбла* выверенная[284]. Потомки этого сына *падишаха* Узбека размножились. И стало до 3 тысяч общины Мухаммеда. Император неверных испугался, как бы их не стало слишком много. Когда однажды они собрались в мечети и совершали пятничный *намаз*, неверные сделали их всех *шехидами* и похоронили со всех сторон от мечети. И теперь на стенах внутри мечети заметна и различима кровь *шехидов.* И счастливый *шехид,* сын Узбека, тоже похоронен под высоким куполом.

В стороне этой мечети совсем нет домов. Потом, после захвата [крепости], эту мечеть *шехидов* Баязид-хан Вели снова сделал мечетью. Но она стоит далеко от общины. В этом месте есть также мечеть Хаджи Бая. Но нет ни лавок, ни *ханов,* ни *медресе,* школ и *текке.* Эти места крепости остались свободной землей. Но садов и виноградников там довольно много. Воды, однако, в этом месте нет. Но много цистерн для воды. Теперь эти цистерны стоят без употребления, но они будто только что вышли из-под искусных рук мастеров».

Привязку, где могла быть эта мечеть, нам дает план крепости подполковника Фишера 1771 (1775) г., где в центре крепости поставлена *«Другая мечеть»*, которая находится напротив ворот крепости к югу и к западу от цистерн. На основании этих данных и появилась гипотеза И. А. Баранова, что раскопанное в 1980–1981, 1992 гг. большое здание является *мечетью Хаджи-Бей*.

Исследования 1992 г. Судакской археологической экспедиции Крымского филиала Института археологии Академии наук Украины. Руководители И. А. Баранов, В. В. Майко

Мечеть Хаджи-Бей находилась в самом центре Судакской крепости, к западу от храма Девы Марии (рис. 1; 3, *1*). Обнаружена и частично расчищена И. А. Барановым в 1979–1981 гг. Исследована в 1992 г. В. В. Майко. До нашего времени сохранились только основания фундаментов стен, опущенные ниже древней дневной поверхности и сохранившиеся на высоту не более 0,50 м. Все кладки сложены в технике двухпанцирной кладки, толщиной 0,60 до 0,75 м, из разномерного бута на глинисто-грязевом растворе. В южной части объекта восточная и западная стены сооружения практически не сохранились, но их направление прослеживается в рельефе по траншеям выборок. Все кладки, за исключением северного комплекса помещений, в чрезвычайно плохом состоянии (рис. 2), поэтому реконструировать внешний вид постройки можно только гипотетически.

Основная часть постройки представляет собой почти квадратное сооружение 39×30 м. Внутри сплошного периметра внешних стен в южной части открыты обрывки кладок

Рис. 1. Топоплан 2014 г. с основными археологическими объектами. Стрелкой указано местонахождение мечети Хаджи-Бей

Рис. 2. Аэрофотосъемка центрального участка Судакской крепости. Стрелкой показано местонахождение мечети Хаджи-Бей

стен как минимум пяти небольших помещений (рис. 3, *3*). По всей видимости, помещения по периметру здания окружали открытый двор: никаких построек внутри него в рельефе не прослеживается. С севера к основному комплексу примыкала симметричная постройка из трех групп помещений, выступавшая за периметр основного объема здания (рис. 4). Очевидно, она представляла собой входной портал с галереей, одним или двумя воротными полотнами (18×7 м), а также примыкающими к нему двумя группами боковых служебных помещений (10×4 м) по два с каждой стороны. До окончательного исследования объекта сложно судить о первоначальном облике объекта (рис. 5), однако уже сейчас можно говорить, что общими очертаниями плана сооружение напоминает архитектуру средневековых крымско-малоазийских караван-сараев, медресе и текке дервишей, с открытым двором и помещениями по его периметру. Очевидно, михраб находился

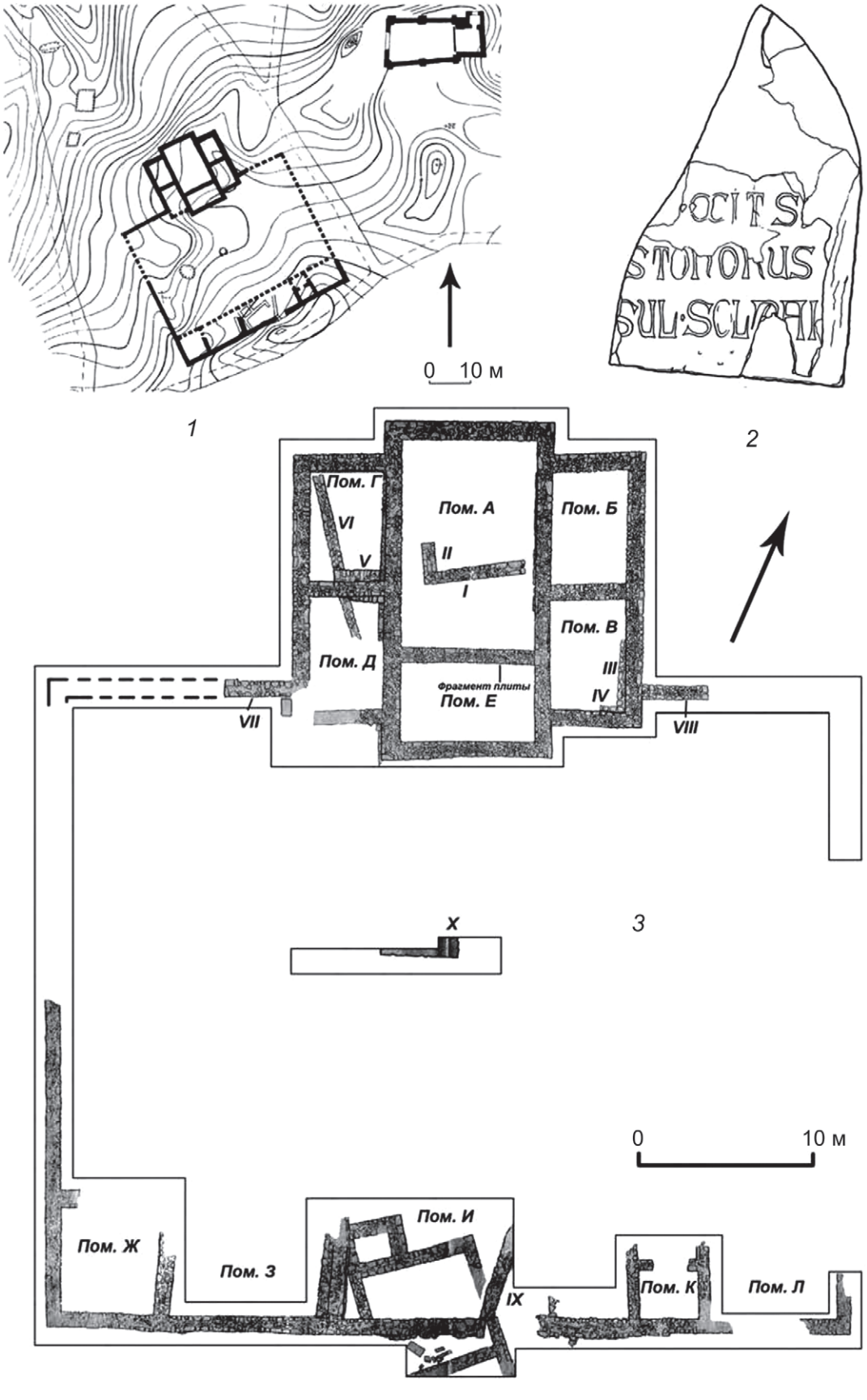


Рис. 3. План-схема и местонахождение мечети Хаджи-Бей по итогам раскопок 1992 г.
По: *Майко, Джанов*, 2015. Рис. 210

Рис. 4. Мечеть Хаджи-Бей. Перед началом реконсервации раскопа 1992 г. Вид с северо-востока

Рис. 5. Мечеть Хаджи-Бей. Реконсервация раскопа 1992 г. Вид с северо-востока

Рис. 6. О. В. Шаров и В. А. Захаров за зачисткой северо-западного участка мечети Хаджи-Бей. Фото Д. Рака. 2016 г.

Рис. 7. Рабочий момент, зачистка фундамента мечети Хаджи-Бей. 2016 г. Фото Д. Рака

Рис. 8. Левый подпятник входной двери мечети Хаджи-Бей, открытый во время производства работ по расчистке кладки фундаментов сооружения. Вид с севера. 2016 г. Фото Д. Рака

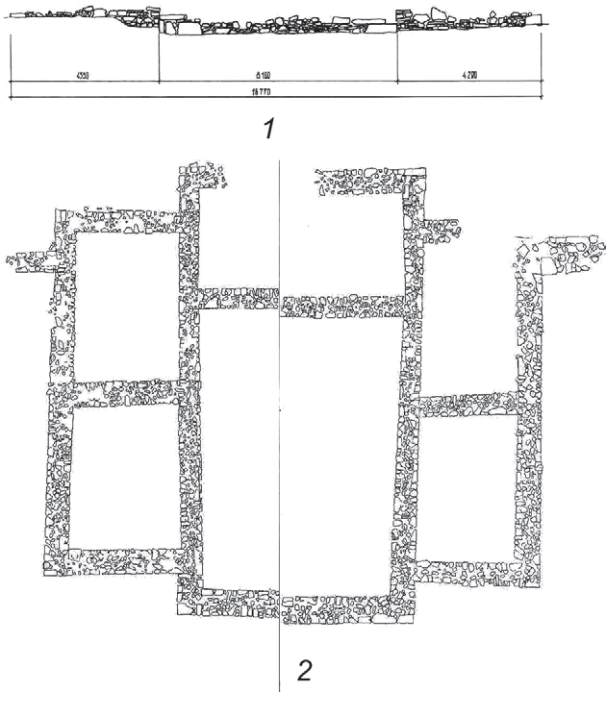


Рис. 9. План фундамента мечети Хаджи-Бей после реконсервации. М: 1:50.
1 – фасад; *2* – план фундаментов помещений по состоянию на 2016 г.

в одном из помещений у южной стены. Вполне возможно, что весь комплекс возводился как поминальный, о чем, вероятно, свидетельствует название объекта, посвященного некоему Хаджи-Бею. Поскольку фундаменты здания были сложены на глинисто-грязевом растворе, правомерно утверждать, что оно было небольшим по высоте (рис. 6; 7). Крыша здания была покрыта, очевидно, не черепицей, а плитками песчаника, поскольку большого количества черепицы во время раскопок не встречено. Судя по малочисленному археологическому материалу, мечеть возникает после 1475 г. и по всей площади перекрывает жилые кварталы генуэзского времени. В кладке воротного полотна портала найден фрагмент генуэзской закладной строительной плиты (рис 3: *2*; 8). Время разборки постройки следует отнести к периоду строительства казарм для российского Кирилловского гарнизона в конце XVIII в. Надо отметить, что здание было разобрано основательно, во многих местах до нижних рядов камней фундаментов. Полы помещений и вымостки при этом также были снесены (рис. 9).

Раздел 2. Судакская крепость в описаниях историков, ученых и путешественников XIII–XIX вв.

Величественная Солдайя-Сугдея поражала многих путешественников, тем не менее случилось так, что ни один из них не оставил обстоятельного и подробного описания памятника ни от своей, ни от более ранней поры. В основном в этой части отчета проанализированы лишь те сведения историков и путешественников, где есть описания города или крепости и внутрикрепостные строения.

Арабский историк XIII в. Ибн-аль-Биби описал поход турок-сельджуков на Судак, половцев и русских. Историками этот поход отнесен к 1221–1222 гг. В тексте читаем следующее сообщение (после взятия Судака): «<…> султан разрешил простить жителей Сугдака в их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов *там были михраб, манбар и шариат, установленный пророком.* <…> На высоком месте города муэдзин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол и меньше чем в две недели выстроили *прекрасную соборную мечеть*».

Вероятно, речь идет о строительстве знаменитой мечети Падишах-Джами в восточной части крепости.

По данным Сугдейского синаксаря, не позднее 1249 г. городскую администрацию Сугдеи возглавляют чиновники с титулом севаст. На страницах Сугдейского синаксаря встречаются заметки с именами севастов Сугдеи и членов их семей, принадлежавших к родам Алупсу, Полеа, Чочак. Причем записи с упоминанием имен и прозвищ севастов наиболее часто встречаются в период с 1249 по 1330 г.

История этой богослужебной книги весьма интересна. В середине XIX в. в монастырской библиотеке на острове Халка в Мраморном море была обнаружена греческая рукописная богослужебная книга Синаксарь. В Средние века Синаксарь хранился в одном из монастырей Сугдеи (Судака). Начиная с 1186 по 1419 г. на ее полях были занесены заметки об интересных событиях: о нападении на город татар, о количестве населения, о деятельности епархии, о днях памяти почитаемых в Сугдее святых.

Арабский писатель Ал-Муфаддаль сохранил для нас рассказ о нападении татар в 1298 г.: «Ногай <…> пришел в Судак с большим войском и приказал жителям Судака, чтобы все, которые были за него, вышли за город со своими людьми и со своим имуществом. Вышли все приверженцы его, а их было более 1/3. Потом он приказал войскам (своим) окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим, истязал его и отбирал все его имущество, а затем убивал его, так что умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его и уничтожил его дотла».

Речь идет о *слое пожара конца XIII в.*, который хорошо читается при археологических раскопках.

В Сугдейском синаксаре за 1322 г. говорится: «В тот же день пришел Толактемир… и взял Сугдею без войны, и сняли колокола все, и сломали иконы и кресты, и затворили ворота, и была скорбь, каковой не было никогда». Год спустя, **26 января 1323 г.:** «В тот же день закрыли безбожные агаряне божественную и священную икону Спаса нашего Иисуса Христа, (что) в царских воротах богоспасаемого города Сугдеи»; **25 апреля 1327 г**.: «Разрушил крепость, *Святую Софию Сугдейскую, и Святого Стефана, и Святую Варвару, прозывавшийся Агач Пасли <…>».*

Речь в данных отрывках идет о разрушении христианских храмов, которых было много в крепости, что отмечено позднее Эвлией Челеби в 1665 г.

Арабский путешественник и купец Ибн-Баттутта (1333) записал, что Сурдак – «это один из городов кипчакской степи, на берегу моря. Гавань его одна из самых больших и лучших гаваней. Вокруг него сады и воды. <…> *Большая часть домов его деревянные*. Город этот (прежде) был велик, но большая часть его была разрушена <…>».

Это сообщение очень важно, потому что отчасти подтверждает предположение о том, что доитальянский Судак как крепость не сохранился почти совершенно по той причине, что он был деревянный.

Посланник польского короля Мартин Броневский (1578) сообщает о виде Солдайи следующее: «Сидагиос, город с крепостью, так называемый греками; генуэзцами же называемый Судак, вовсе неизвестен татарам. Он построен греками, или генуэзцами, на высокой горе, утесистой и широкой, возвышающейся скалою недалеко от моря; имеет три крепости, или

замка: верхнюю, среднюю и нижнюю, окруженные стеною и башнями. *В нем множество греческих церквей, несколько часовен, еще уцелевших, но по большей части лежащих обломками среди развалин.* Гордые, несогласные и мятежные греки, побежденные генуэзцами, лишились этого города. Там видны следы владычества генуэзцев гораздо явственнее, нежели греков.

Что этот город был весьма значителен, как видно из развалин, об этом говорят сами греки, которых там оказалось немного. Они утверждают, что греки дошли наконец до такой вражды междоусобной, что семейства, наиболее страдавшие от этих смут, не хотели даже присутствовать и участвовать в публичных богослужениях. Отсюда произошло такое *множество церквей, что, по словам христиан, число их доходило до нескольких сот.* В нижней крепости видны *три большие католические церкви,* дома, стены, ворота и красивые башни, украшенные узорами и гербами генуэзскими. От митрополита греческого, мужа почтенного и честного, который с греческих островов прибыл для осмотра церквей, я узнал, что, когда турки осаждали этот город с моря многочисленным войском, генуэзцы храбро сражались и сильно защищали его; но когда уже не могли более переносить голода и выдерживать беспрерывную осаду столь сильного войска, тогда несколько сот, или, как он уверял, почти тысяча отборных воинов, *затворившись в большой церкви, которая и до сих пор еще цела,* и несколько дней храбро защищаясь в нижней крепости, в которую турки ворвались, одержали над ними славную победу, но, наконец побежденные числом неприятеля, в храме том все погибли. Турки заложили камнем двери и окна церкви; а трупы убитых и теперь еще лежат без погребения. Какой-то турок из Кафы, по имени Сенияк, постоянно там живущий, запретил мне входить в эту церковь».

Доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи (1634) записал свои впечатления о Судаке: «Судак на расстоянии одного дня пути (от Каффы) стоит на морском берегу, где, как уверяют, были другие деревни и *одна церковь*; в настоящее время видны уцелевшие стены многих. Окрест города обильно производятся превкусные и крепкие вина, а также произрастают прекрасные и нежные плоды. <…> Одним словом, это самое прелестное место Татарии».

Турецкий путешественник и ученый Эвлия Челеби (1665) оставил нам наиболее яркое описание Судака в главе «Описание сада удовольствий, то есть мощной крепости Судак»: «Ее в <…> году при содействии Менгли Герай-хана захватил из рук короля генуэзских франков *султан* Баязид Вели-хан десницей Гедик Ахмедапаши. По распоряжению Баязид-хана она теперь в *эйялете* и воеводстве Кефе. Это *каза* с доходом в 150 *акче* <…>. Есть начальник крепости и 50 стражников. А других управителей нет.

Описание земли крепости Судак. Впервые ее построил сын генуэзского короля в страхе перед родом Омейядов. Он покинул крепость Суда на острове Крит, прибыл сюда, построил крепость и назвал ее Суда. Но ветроподобный татарский народ называет ее Судак-керман. Эта крепость расположена на тянущей вершину к небу до Млечного Пути высокой горе, созданной в виде горки плова. На голубой скале находится высокая и прочная, мощная четырехугольная крепость, а в ней – высокодостойные обладатели озарения, которые владеют цитаделью, подобной высокой [крепости] Кахкаха. Однако внутри нее совсем нет домов и строений. Лишь в караульном помещении несколько человек несут стражу. Потому что боятся непокорных казаков. С древних времен в этой цитадели горит маяк, его видно с расстояния в 150 миль из Черного моря. По этому маяку узнают, что это крепость Судак. Так корабли могут приходить среди ночи. Причина того, что в этой крепости нет людей. Так как эта крепость вершиной достигает небес и окутана облаками, роду Адама очень трудно туда подниматься и оттуда спускаться. Поэтому люди оттуда ушли, и там не живет ни один человек, только стража несет службу. На север выходит железная дверь. В этой цитадели есть 10 выложенных неверными из камня домов, двери их заперты. Но там имеется одежда и вещи хозяев. Башня Кыз-куле до верху наполнена просом.

Описание нижней средней крепости. Ее называют внутренней крепостью. Это крепость в один ряд стен, каменных и начиненных [землей]. Окружность ее составляет целых 1000 шагов. Ее единственные ворота обращены на север. Но эти ворота двойные, железные и с извилистым проходом. Имеется также 6 башен. В этой части крепости есть 10 домов стражников, крытых черепицей. Но и здесь никто не живет. Это тоже очень высокая крепость, подниматься туда и спускаться оттуда очень тяжело, и поэтому внутри этой крепости человек жить не может. Там тоже есть стражники. В стороне моря

кроме стен этой второй крепости нет больше крепостных стен. Потому что с этой стороны к морю спускаются на 300 аршинов голые скалы, подобные горе Бисутун. Под скалы заходят и встают там на якорь небольшие суда с мачтами. Вот такие это скалы, на которых гнездятся соколы, совы и черные орлы, за которые не зацепится и коготь птицы – голубые, голые, ужасные скалы!

Описание нижней крепости. Она находится ниже средней крепости, на ровном месте, это пригород верхней крепости в виде дугообразной твердыни, окружающей среднюю крепость со всех сторон по окружности. Окружность ее составляет целых 3 тысячи шагов. Это мощное укрепление с крепкими каменными стенами. Но стены построены в один ряд, и те очень старые. Это строение подобно шаддадовским. Ни в одной крепости нет подобных стен. Имеется 24 башни, подобных [башням крепости] Кахкаха. С двух сторон каждой башни есть тамги и изображения генуэзских неверных на четырехугольных беломраморных досках. На каждой башне – изображения *банов*, королей и *беев*, которые ее строили. Потому что тысяча неверных *беев* помогали строить эту крепость, иначе ее не построили бы и за сто лет, такая это мощная, огромная, высокая крепость. Поэтому на каждой башне – изображения каждого из *беев.* Рвом этой крепости является большое и широкое ущелье, высеченное по Божьей воле в скалах, напоминающее адские пропасти и глубочайшие колодцы преисподней. В сторону северного ветра открываются только одни ворота, а ворота к порту и ворота к садам стоят постоянно запертыми.

В этой большой крепости во времена неверных было до тысячи маленьких церковок. Они и теперь стоят, но в них держат быков и ослов. В те времена город был столь отстроен и заселен, что в этой крепости на скалах, один над другим, было 40 тысяч домов. Подтверждением заселенности и отстроенности в ту эпоху являются теперешние 40 тысяч садов. *Теперь в этой нижней крепости-пригороде всего 100 домов, крытых черепицей, а иногда и дерном.*

Сохранилось также 2 соборные мечети. Первая – на восточной стороне крепости, у берега моря – древняя соборная мечеть султана Баязида Вели, с каменным куполом и каменным минаретом, построенными из как бы светящегося мягкого камня. В этой мечети есть михраб, опять же вырезанный из этого камня, образцовый и украшенный, как хамелеон, да так, что разум человеческий поражается. Этот *михраб* выстроен как *михраб* мечети святого *шейха* Шами в городе Кескине Сивасского *эйялета.* Но в этой мечети известка на высоком куполе с течением времени попортилась. По тексту *аята*: «Поистине, стройте мечети Божии», эта султанская мечеть нуждается в исправлении и восстановлении.

Во времена неверных сын *падишаха* Узбека был в море в окрестностях Судака и стал пленником неверных генуэзских франков этой крепости. С разрешения заблудшего короля он построил эту мечеть и окружающие [здания]. Поэтому ее *кыбла* выверенная. Потомки этого сына *падишаха* Узбека размножились. И стало до 3 тысяч общины Мухаммеда. Император неверных испугался, как бы их не стало слишком много. Когда однажды они собрались в мечети и совершали пятничный *намаз*, неверные сделали их всех *шехидами* и похоронили со всех сторон от мечети. И теперь на стенах внутри мечети заметна и различима кровь *шехидов.* И счастливый *шехид,* сын Узбека, тоже похоронен под высоким куполом.

В стороне этой мечети совсем нет домов. Потом, после захвата [крепости] эту мечеть *шехидов* Баязид-хан Вели снова сделал мечетью. Но она стоит далеко от общины.

В этом месте есть также мечеть Хаджи Бая. Но нет ни лавок, ни ханов, ни медресе, школ и текке. Эти места крепости остались свободной землей. Но садов и виноградников там довольно много. Воды, однако, в этом месте нет. *Но много цистерн для воды*. Теперь эти цистерны стоят без употребления, но они будто только что вышли из-под искусных рук мастеров <…>. За воротами нижней крепости, в ущелье, есть мусульманский квартал. Там 200 домов, крытых дерном, и *квартальная мечеть, один источник живой воды <…>*».

Академик Петр Симон Паллас (1793–1794) дал более деловое описание крепости: «Древняя генуэзская крепость Солдайя <…> стоит на площадке продолговатой и голой скалы, которая отлого спускается к северу и возвышается со стороны моря, где отвесная крутизна ее более значительна <…>. Во время моего первого путешествия по Крыму существовало еще большое число зданий готического стиля и изящной архитектуры; но потом они были разрушены с тою целью, чтобы материал от них употребить на постройку казарм, которые и были сооружены внутри самой крепостной стены. Уцелели только,

на восточной отлогости города, *большое куполообразное здание кафедрального собора,* а также башни и стены крепости <…>».

П. Н. Сумароков составил свои записки вскоре после академика Палласа в начале уже XIX в., издав «Досуги крымского судьи» в 1805 г. (СПб., 1803–1805). История генуэзских поселений в Крыму. «Воздымающаяся в версте отсюда высокая гора, *с уродливыми на нее развалинами Судакской крепости,* призывает мое любопытство, и мы туда отправляемся верьхами <…>. *Ныне здесь, за исключением казарм, нет никакого строения, а кроме двух рот солдат, других обитателей*, и Судак сохраняет еще именитые свои разрушения для единого только о себе воспоминания. Представшая нам острая громада открыла на себе *три яруса торчащих частей от каменных укреплений,* которые <…> суть произведения генуэзцев <…>. *У нижней стены находится уцелевшая от древности церковь, с изглаженными или попорченными при входе надписями, которая обращена в полковую».* В книге присутствует рисунок Судакской крепости, где также видны строения внутри крепости помимо казарм Кирилловского полка.

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1820), русский писатель и дипломат, отец трех декабристов, также оставил нам описания Судакской крепости: «Я начал в Судаке осмотр мой с места, где было второе по Каффе поселение в Тавриде купцов-республиканцев. Город Солдайя лежал на восточном боку гор, окружающих узкую судацкую долину <…>. *Ключ прекрасной воды, текущей в мраморный бассейн, показывает место, где был некогда въезд в город, а теперь на пустырь, по коему рассеяны кое-где хижины немецких поселенцев. На сем пространном раскате, на коем Паллас видел множество зданий приятной готической архитектуры, при нем уже употребляемых на построение казарм, я ничего не нашел, кроме церкви; и в ту не мог попасть, потому что ключарь оной случился в отсутствии.* <…>. Это величественно; а что ужасно, так это край скалы, висящий над пропастью. Если взглянуть вниз, то в страшной глубине видно только море под ногами; нет предметов, на которых бы взор мог отдохнуть; и как глаз измеряет одну только бездну, то горе тому, у кого легко кружится голова!.. Кроме сей четвероугольной башни, остались еще развалины десятка других круглых и четвероугольных со стенами между ними, служившими для защиты крепости от моря, с той стороны скалы, с коей полагали возможность приступа. На сих стенах и башнях находилося множество гербов и надписей <…>; я заметил только две надписи и о тех, по незнанию моему готических букв, ничего тебе не скажу. Остается мне только *заметить глиняные трубы, лежащие в стене, под которою я шел на гору.* Паллас полагает, что они служили для провода воды из дождевых колодцев, в крепости находившихся. Но для чего бы спускать воду дождевую вниз, где изобилие ключей и, следственно, хорошей воды. Я скорее думаю, что эти трубы принадлежали какой-нибудь гидравлической махине, служившей для подъема воды в крепость».

Более сдержанная и даже сухая манера швейцарского ученого, археолога и естествоиспытателя ***Фредерика Дюбуа де Монпере*** (1843) не остановила и этого автора от яркого выражения своих впечатлений по поводу судакских развалин: «Нельзя себе представить руин более прекрасных, величественных и вместе с тем меланхолических, нежели руины Судакской крепости». При этом он оставил нам план мечети в восточной части крепости, называемой сегодня «мечеть Падишах-Джами», а также рисунок с видом крепости с юго-западной стороны, где видны строения внутри крепости помимо казарм Кирилловского полка.

Последующие описания середины – второй половины XIX в. не добавляют никаких новых сведений о строениях внутри Судакской крепости.

Раздел 3. Анализ полученных сведений для определения местонахождения указанных объектов с целью проведения последующих археологических раскопок

Следует отметить следующие сведения историков, путешественников XIII–XIX вв. о крепости как наиболее существенные и важные для последующих раскопок в центральной части Судакского городища:

1. Пожар 1298 г. в Судакской крепости по данным Сугдейского синаксаря.

Разрушения крепости в 1327 г., разрушение христианских церквей святой Софии, святого Стефана, святой Варвары, по данным Сугдейского синаксаря.

2. Множество греческих церквей в развалинах, по данным Мартина Броневского 1578 г.

3. Наличие внутри крепости храма значительных размеров, где могли поместиться все защитники крепости (тысяча человек – храм святой Софии, святого Стефана, Девы Марии??), который стоял еще в 1578 г. при посещении Мартина Броневского.

4. Наличие в нижнем городе трех католических соборов и домов, стоящих еще в 1578 г. при Мартине Броневском.

5. Наличие двух соборных мечетей в крепости, одна из них в восточной части – древняя соборная мечеть султана Баязида Вели (ныне сохранившаяся мечеть Падишах-Джами), вторая называлась «мечеть Хаджи-Бей», местонахождение ее неизвестно, но существует гипотеза, что это строение размерами 30×39 м в центральной части городища, раскопанное в 1980/1981, 1992 гг. И. А. Барановым и В. В. Майко. Оба описания оставил нам лишь Эвлия Челеби в 1665 г.

6. Эвлия Челеби пишет также, что нет в крепости «ни лавок, ни ханов, ни медресе, школ и текке».

7. Наличие большого количества христианских храмов внутри крепости (тысячи маленьких церквей), превращенных к 1665 г. в хлевы, по Эвлии Челеби.

8. Наличие большого количества жилых построек внутри крепости, по описаниям Эвлии Челеби, и цветущих садов еще в 1665 г. (40 000 домов и 40 000 цветущих садов).

9. Наличие в нижнем городе 100 домов, крытых черепицей, по данным Эвлии Челеби.

10. Академик П. С. Паллас упоминает в 1793/1794 гг. куполообразное здание кафедрального собора, которое является, несомненно, описанием бывшей мечети султана Баязида Вели в восточной части крепости.

11. П. И. Сумароков упоминает три казармы Кирилловского полка и у нижней стены церковь, обращенную в полковую. На рисунке, прилагаемом к тексту, видны здания трех казарм и к востоку от них высокое здание с притвором, обращенным, судя по расположению казарм, в восточную сторону. Возможно, это и есть рисунок церкви, упомянутой П. И. Сумароковым, но она расположена напротив центрального входа в крепость, а не в восточной части крепости. Тогда это могут быть и сохранившиеся к началу XIX в. стены собора святой Марии, святой Софии, святого Стефана или же стены «другой мечети» (мечети Хаджи-Бей по Эвлии Челеби), переделанной в полковую церковь, которая расположена в центре крепости, по плану подполковника Фишера, напротив центрального входа и к западу от цистерн. Получается, что к началу XIX в. существовали два действующих христианских храма: кафедральный собор – бывшая мечеть султана Баязида Вели (ныне Падишах-Джами) и Другая мечеть (по Эвлии Челеби, мечеть Хаджи-Бей), переделанная в полковую церковь. Выше этой церкви расположены, по рисунку П. И. Сумарокова, еще два здания, одно из них, верхнее, можно уверенно отождествить с храмом на консолях.

12. На рисунке Судакской крепости, прилагаемом к книге Ф. Дюбуа де Монпере, хорошо видны здания трех казарм и хорошо читаются развалины башен, зданий в портовой части города.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА

Антонин (архимандрит), 1863. Заметки XII–XV вв., относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные греческому Синаксарю // ЗООИД. Т. V. С. 595–628.

Баранов И. А., 1980. Отчет о раскопках Судакской крепости в 1979 г. Симферополь, 1980 // Архив ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Инв. Кн. 2. Инв. № 206. Папка № 461.

Баранов И. А., 1981. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1980 г. Симферополь, 1981 // Архив ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Инв. Кн. 1. Инв. № А-98. Папка № 185.

Баранов И. А., 1993. Отчет об археологических исследованиях мечети Аджи-Бей в Судакской крепости в 1992 г. Симферополь, 1993 // Архив ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Инв. Кн. 3. Инв. № 261. Папка № 563.

Баранов И. А., Климанов Л. Г., 1997. Новые латинские надписи генуэзской Солдайи // Археология Крыма. Т. I. 1/97. Симферополь: Южногородские ведомости. С. 99–107.

Бертье-Делагард А. Л., 1918. Каламита и Феодоро // ИТУАК. № 55. С. 1–44.

Бертье-Делагард А. Л., 1920. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. № 57. С. 1–35.

Броневский В. Б., 1822. Обозрение южного берега Тавриды в 1815. г. Тула: тип. Губ. правления. 192 с.

Брун Ф. К., 1879. Материалы для истории Сугдеи // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. 1852–1887. Ч. I. Одесса: Печ. в типографии Г. Ульриха, Красный пер., дом Шварца № 3. 277 с.

Ваксель Л. С. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах. СПб.: типография И. К. Шнор, 1801. 8 с. 15 илл.
Васильевский В. Г., 1915. Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Т. 3. Петроград. С. 257–259.
Гавриил архиепископ Херсонский и Таврический, 1844. Остатки христианских древностей в Крыму // ЗООИД. Т. I. С. 320–328.
Дортелли д'Асколи Э., 1902. Описание Черного моря и Татарии. Перевод Н. Н. Пименова // ЗООИД. Т. XXIV. С. 89–180.
Кеппен П. И., 1837. О древности Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. СПб.: Типография Императорской Академии наук. С. 200–202.
Кондараки В. Х., 1875. Универсальное описание Крыма. СПб.: типография В. Виллинга, Т. IV. Ч. 2–7. 535 с.
Лапин Н., 1928. Сугдея – Солдайя – Судак. М.: ГИЗ. 71 с.
Латышев В. В., 1897. Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. Т. XX. Отд. 1.
Лашков Ф. Ф., 1889. Камеральное описание Крыма 1784 г. // ИТУАК. Т. 7. С. 25–45. Т. 8. С. 12–40.
Лопушинская Е. Ч., 1991. Крепость в Судаке. Киев: Будівельник. 102 с.
Майко В. В., Джанов А. А., 2015. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал. 448 с.
Марко Поло. Путешествие. Пер., комм. К. И. Кунина. Ленинград: Художественная литература, 1940. 265 с.
Муравьев-Апостол И. М., 1823. Путешествие по Тавриде в 1820 годе. СПб.: типография при Особ. канц. Минист. внутр. дел. 337 с.
Мурзакевич Н. Н., 1837. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: в Городской типографии. 91 с.
Описание Крыма Мартина Броневского. Перевод с лат. И. Г. Шершневича // ЗООИД. Т. VI. 1867. С. 346–347.
Паллас П. С., 1881. Путешествия по Крыму в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. Т. XII. С. 196–198.
Полканов А. И., 1926. Судак. Историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымгосиздат. 47 с.
Рубрук Г., 1911. Путешествие в Восточные страны. СПб.: типография Суворина. 224 с.
Сумароков П. И., 1803–1805. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография. Ч. I. 226 с. Ч. II. 244 с.
Эвлия Челеби. Книга путешествий. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). Пер., вступ. статья и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
Pallas P. S. 1803. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. II: Reisen in der Krym. Leipzig: Gottfried Martini. 478 S.

Резюме. В статье, посвященной доброй памяти доктора исторических наук О.В. Шарова, вводится в научный оборот работа ученого «Отчет о предварительных работах по исследованию объекта археологического наследия, выявленного в центральной части памятника культурного наследия федерального значения «Комплекс сооружений «Судакская крепость» – мечети Хаджи-Бей» 2016 г.

Ключевые слова: ученый, археолог, историк, мечеть Хаджи-Бей, письменные источники, исследователи.

V.A. Zakharov

From the scientific heritage of O.V. Sharov. «Hadji Bey Mosque»

Abstract. In the article dedicated to the good memory of the Doctor of Historical Sciences O.V. Sharov, the work of the scientist «Report on preliminary work on the study of the archaeological heritage object identified in the central part of the monument of cultural heritage of federal significance «The complex of structures «Sudak Fortress» – «Hadji Bey Mosque» in 2016 is introduced into scientific circulation.

Keywords: scientist, archaeologist, historian, Hadji Bey Mosque, written sources, researchers.

Фото 1. 2016 г. Олег Васильевич Шаров в Судакской крепости

Фото 2. 2016 г. Судакская крепость. Цитадель. Зачистка христианского захоронения конца IX – XI в. Слева направо: О.В. Шаров, В.А. Захаров. Фото Д. Рака

Фото 3. 2021 г. Судакская крепость. Программа «У стен барбакана». Инструктаж перед началом работ проводит О.В. Шаров. Фото И. Лыкова

Фото 4. 2021 г. Судакская крепость. Программа «У стен барбакана». Рабочий момент. Фото И. Лыкова

Фото 5. 2021 г. Судакская крепость. Таким он и останется в нашей памяти

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.36-45

ДЕЗДАР-ДЕРЕ. ШАРОВ. ПАМЯТЬ

А. Е. Кислый

К началу лета 2021 г. под руководством заместителя начальника Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН Олега Васильевича Шарова были закончены полевые исследования поселения эпохи средней бронзы Дездар-Дере 3 под Севастополем (восточные склоны Загайтана). Работы проходили в напряженном режиме практически полгода и дали необыкновенные результаты. Олег несколько смущался, рассказывая об этих раскопках: «Я не «бронзовик», ехал сюда как специалист по римскому времени, но оказалось, что объект не мой. Извини». Однако чувствовалось, что ему было очень приятно так великолепно справиться с новым для него делом, а еще неожиданно продолжить «в натуре», в поле наше с ним прежнее вербальное познание столь интересного периода в археологии и истории Крыма.

Олег мне часто помогал с раскопками поселения эпохи ранней бронзы Глейки в восточной части Крыма. Расспрашивал о времени, об исследованных мною иных поселениях, о местных проявлениях культур бронзового века. Его все интересовало, хотя, казалось, слушал он не очень внимательно рассказы о поселении Каменка и о трудностях издания моей монографии по каменской культуре Восточного Крыма (ККВК). И вот он мне при раскопках Дездар-Дере повторяет мои же слова о ценности материалов и зовет на консультацию. Удивительно, он говорил так, как бы это делал человек, хорошо знающий проблемы: о ККВК и ее необычных следах под Севастополем, проч. Я увидел очень счастливого человека – он был вдохновлен и восхищен Дездар-Дере эпохи бронзы, рассказывал всем, давал яркие интервью, убеждал, часто повторял слово «уникальность» (рис. 1). У многих было впечатление, что Олег Васильевич переживает те же эмоции, что каждому археологу известны при первых открытиях и раскопках. А ведь к этому периоду научной карьеры у него были не менее знаменательные достижения. Искренность его отношений, внимательность к памятникам Крыма при высокой общей культуре и профессионализме археолога для меня были уже очевидными после нескольких случаев (он же о них никогда не говорил…), когда он не соглашался на меньшее в защите памятников ради каких-то иллюзорных благ. Поэтому, когда он попросил моей протекции для сдачи всей («всех находок по эпохе бронзы, 5048 ед.!» – писал мне тогда Олег) коллекции находок из Дездар-Дере в фонды Херсонского заповедника, я сделал все возможное, чтобы четко прозвучало мое личное мнение, Института археологии Крыма и др. Далее мы с Олегом планировали издать монографию, а коллекция не просто обширная, но и сложная для понимания. Однако обратимся к чисто научному анализу ситуации в науке, затем к показу места Дездар-Дере в кругу подобных памятников.

Среди наиболее дискутируемых проблем эпохи бронзы Северного Причерноморья – особенности трансформаций (развития) катакомбной культурно-исторической общности и перехода от периода бытования «катакомбного» населения к тому, что оставил памятники срубно-сабатиновского облика. Сначала оказалось, что переходные, главным образом ранние срубные, памятники (отчасти по времени позднекатакомбные) можно выделить в отдельную бабинскую культуру (культура многоваликовой керамики, КМК) (*Березанская*, 1960). Впервые на сосуды катакомбного облика с валиками среднего этапа культуры, но в большей мере позднего обратила внимание Т. Б. Попова (1955). Затем стало очевидно, что выделение КМК достаточно плодотворно и порождает в науке сложные практические и теоретические вопросы: о соотношении поселенческих и погребальных памятников (*Писларий*, 1983), о научном символизме валиков как артефакта культуры (*Братченко*, 1977. С. 21–42), о культуре или же моде КМК (*Березанская*, 1998. С. 60–65), о типологическом значении валиковой орнаментации и важности

Рис. 1. Олег Васильевич с сотрудниками рассматривает находки из поселения эпохи бронзы Дездар-Дере

стратиграфического метода (*Отрощенко*, 2001. С. 81, 82, 112, 195), о значении эпонимного (Бабино III) памятника (*Братченко*, 1977; *Санжаров*, 2013), о превалировании погребальных памятников КМК как источника над поселенческими (*Отрощенко*, 2001. С. 82; *Литвиненко*, 2009), вновь о крымской катакомбной культуре и ее трансформациях, связях, демографии (*Кислый*, 2005а; 2022. С. 147–149 и др.), о роли населения КМК, ККВК в сложении микенской культуры и др. (*Березанская*, 1986. С. 38, 39; *Кислый*, 2022. С. 157–159), о целесообразности выделения культур и культурно-исторических общностей (*Отрощенко*, 2001. С. 81, 82 и др.).

В иной научной традиции, где немного дольше следовали преимущественно схеме культурогенеза В. В. Городцова, востребованными оказались уже классические ныне понятия «поздне/посткатакомбного» населения как подосновы раннесрубных памятников (*Попова*, 1960. С. 43 и др.; *Юдин, Матюхин* 2006. С. 68, 72; об этом: *Пряхин*, 2011. С. 66 и др.). И все же вновь актуализирован успешный поиск конкретных культурных проявлений посткатакомбности, в том числе в регионах восточнее культуры Бабино, теперь на основе культурного круга Лола (*Мимоход*, 2005; 2013).

Всем понятно, хотя на этом прямо нет необходимости акцентировать внимание, что особую остроту проблематике придает то, что катакомбный обряд погребений как бы вклинивается ярким инородным элементом в традиции местных погребальных архитектур от Поволжья до низовий Дуная и от Курска до Крыма. Т. е. при анализе поселенческих материалов, когда признак катакомбы исчезает, появляются наиболее острые вопросы. Целесообразно вспомнить в связи с необычностью катакомбных погребальных сооружений трактовку ригведовского образа: «Придет день, и меня положат в землю, как вкладывают перо в стрелу» (РВ X, 18.16). Как известно, этот пассаж чуть ли не как основу Л. С. Клейн использовал для получившего широкую известность своего доказательства, что катакомбный обряд описан в Ригведе, а индоарии – прямые наследники катакомбников. Но если катакомбный обряд погребений четко может маркировать катакомбную культуру и, вернее всего, какой-то этнос, то многоваликовость керамики не может, хотя как раз многоваликовости можно най-

ти много ассоциаций что в Ригведе, что, к примеру, в Ветхом Завете. Подобно мною обращено внимание на точное описание одной из функциональных особенностей сосудов ККВК в Библии (Числа) (*Кислый*, 2022. С. 84). Но если вы исследуете конкретные поселения с катакомбноидной многоваликовой керамикой, а также многоваликовой и керамикой, близкой к сабатиновской, то, оставаясь лишь на позициях жестко стратиграфического метода (главным образом иными исследователями использованного на основе исследования курганных памятников для всей территории культурно-исторических общностей), проблемы не решить. С такой возможной постановкой согласны теперь многие познакомившиеся с новыми материалами ККВК, при этом тщательно проверяя все стратиграфические диссонансы (В. В. Отрощенко, Г. Н. Тощев, А. В. Кияшко и др.). В рассмотрении проблемы надо назвать не лишь Каменку, Планерское, Алчак и т. д., но и ряд иных памятников, в частности, поселение катакомбной культуры Матвеевка I, где обнаружена керамика также бабинского типа (*Никитин*, 1989). Сооружения с кольцевыми ровиками на поселениях Каменка, Матвеевка маркируют традиции жизнедеятельности подвижного населения, сооружение недолговременного жилья (*Кислый*, 2022. С. 36), что особенно интересно, если исследовать гипотезу возможности дальних походов бабинцев. В комплексе разных фактов ранние валики на катакомбноидных сосудах в таком случае не лишь предмет керамического декора или стратиграфический маркер, но и вторичное отражение в декоре потребностей подвижных скотоводов, воинов (*Кислый*, 2022. С. 96). Г. М. Буров считал, что каменская культура могла быть одной из первых по времени, где на керамике появились валики (*Буров*, 2006. С. 97). Безусловный, по мнению В. И. Никитина, факт участия катакомбных племен в генезисе КМК дополняется его пониманием этой культуры в качестве определенного хронологического пласта существования катакомбной культуры на ее конечном, т. е. финальном этапе. От моих выводов, полученных в результате многолетних исследований памятников ККВК, это отличается только тем, что, считаю, ККВК в значительной мере сосуществует в Крыму с катакомбной культурой. То есть комплексный анализ процессов (а для Дездар-Дере он еще впереди) показывает, что невозможно разделить поселения ККВК по отдельным культурам, это единый трансформирующиеся организм конкретной территории, испытывавший разные влияния, но и продуцировавший аутентичные элементы культуры. Недавняя обобщающая работа Е. Н. Черных, Л. Б. Орловской по радиоуглеродному датированию в рамках ямной и катакомбной культур (*Черных, Орловская*, 2016) во многом была ожидаема и помогает уточнить ранее нами прослеженное на памятниках ККВК, где встречаются материалы ранние, относимые традиционно к периоду ямной общности или раннему этапу катакомбной.

Каменку, эпонимный памятник культуры на восточной окраине Керчи, у переправы начал исследовать в 1953 г. В. Ф. Гайдукевич. Затем им была приглашена В. Д. Рыбалова, продолжившая здесь раскопки в течение многих лет (1956–1959, 1961–1962, 1965). Виктор Францевич ожидал найти на Каменке следы киммерийцев. В. Д. Рыбалова считала, что первый этап жизни поселения одновременен широкому расселению срубных племен в Причерноморье, но А. М. Лесков датировал Каменку более ранним периодом. Надо особо отметить, что Валентина Дмитриевна работала на поселении в то время, когда продуктивной в науке оказалась идея вычленения памятников КМК, а также сабатиновской культуры. Поэтому в итоговой публикации (*Рыбалова*, 1974) больший акцент сделала на поздних проявлениях каменской культуры, но в беседах со мной не отрицала возможности найти слои катакомбного времени, да и те материалы ее раскопок, что ныне хранятся в Эрмитаже, говорят о том, что такие слои были уже найдены. Она сразу сделала замечание, что перед нами особый каменский (крымский) вариант КМК (*Рыбалова*, 1974. С. 42 и др.). Вскоре памятник становится эталонным для сравнений в очень широком диапазоне у многих специалистов (А. М. Лесков, С. Н. Братченко, И. Н. Шарафутдинова, А. А. Щепинский, В. А. Колотухин и др.). Погребения этой культуры она предполагала найти в виде могил в каменных ящиках или, вернее, в катакомбах с каменными кромлехами. Такие кромлехи она зафиксировала во время разведок у поселения ККВК Чалка (район Солнечной долины) (*Кислый*, 2022. С. 141, 142). Наши разведки 80-х гг. обнаружили здесь глубокую плантажную вспашку и лишь остатки лепной керамики. С ее благословения и при ее помощи я продолжил исследования Каменки.

В 1980–1981 гг. сотрудник Херсонесского заповедника О. Я. Савеля исследует инте-

реснейший грунтовый могильник Штурмовое в окрестностях Севастополя (луга у р. Черной). Памятник случайно обнаружен в ходе раскопок поселения кизил-кобинской культуры (*Савеля*, 1983). Найдено восемь кромлехов с катакомбными погребениями внутри. Керамика оказалась сопоставима как с керамикой катакомбной, так и с каменской. В интерпретации Г. Н. Тощева и О. Я. Савели могильник Штурмовое выглядит как собственно каменский могильник, который по ряду признаков можно соотнести с погребениями позднекатакомбного типа (*Савеля, Тощев*, 1992). Правда, еще в 1984 г. известнейший специалист по эпохе бронзы С. Н. Братченко сделал заключение, что Каменка и крепости Ливенцовка, Каратаево очень близки, выделил каменско-ливенцовский тип памятников, во многом отличный от КМК, и к нему же отнес также Штурмовое, верхние слои пос. Кирово и др. (*Братченко*, 1985. С. 458–461). Такое признание для своего времени было очень значимо в науке. Затем было обосновано выделение отдельной каменской культуры (А. Е. Кислый, Г. Н. Тощев). Отметим, что ее вхождение в круг оригинальных по своей специфике крымских культур видели еще в 40-х гг. П. М. Заболоцкий, О. Н. Бадер, А.Я Брюсов. Они называли ее прибрежной крымской (*Брюсов*, 1948. С. 8).

Конечно, сложность проблемы еще и в понимании прямых или же опосредованных связей последовательно развивавшихся культур эпохи бронзы. В этом плане всех детерминирует признание или непризнание за культурами этнических организмов. Вопрос не исчез из повестки дня, просто лишь стало сложнее заниматься теорией науки. Проблема осталась, и она влияет на выводы, понимание артефактов. Мы придерживаемся общего мнения В. А. Шнирельмана, высказавшегося против «молчаливого признания» большинством археологов связи археологической культуры с этносом. Важно: он, занявшись этносоциологией, увидел, что не бывает настоящей социологии без древнейшей истории и археологии (*Шнирельман*, 2011. С. 20). Ни история, ни социология не могут состояться без системного археологического познания (*Кислий*, 2018; *Кислый*, 2019), а системно заниматься археологией никогда не будут те, кто себя называет в науке социологами (*Васильев*, 2013. С. 696). Смысл выделения археологических культур на протяжении всех периодов истории не одинаков, что уже ясно. В палеолите термин «культура» заменен терминами «индустрия», «технокомплекс», др. По мере накопления массовых материалов в пределах эпохи неолита – бронзы сначала оказалось целесообразным выделение больших массивов единых культур (общностей), а затем более мелкое деление в заданных рамках. С появлением первых письменных источников методология научного понимания культур-этносов кардинально меняется. Так у специалистов, исследующих письменно обеспеченные периоды, вырастает методологически неоправданное желание отождествить понятия «культура» и «этнос» и для эпохи бронзы. К этому инстинктивно стремятся также «бронзовики», ибо такой подход престижен, о чем пишет и В. А. Шнирельман. Важно отметить, что как-то незаметно тот научный дискурс (понятийный аппарат и проч.), что характеризует исторический период, переносим на «доисторию» без особых замечаний. Здесь уместно еще раз вспомнить методологическую корректность О. В. Шарова, проявившуюся с Дездар-Дере.

Археологические культуры дописьменных периодов де-факто всегда вначале выделяются лишь как специализированный археологический инструмент познания, а вот стоит ли за этим этнос или иное, решается позже. В этом отличие археологии от этнографии (*Кислый*, 2022. С. 22). Сравним: огромнейший ряд находок мы наверняка можем связать с античной цивилизацией, даже если некоторые из них стали артефактами варварских культур. Но, к примеру, на антропоморфной стеле эпохи бронзы из греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму не обозначено, какой она культуры. Тем не менее научные «гадания» на тему антропоморфных стел эпохи бронзы, так непонятные специалистам по раннему железному веку, хотя аморфны, но по сути продуктивны. Аналогичен случай с боспорскими переправами. Проблемы участия населения эпохи бронзы Северного Причерноморья в сложении культур древнейшей Греции от нас не уйдут. Поэтому так важны внешне скромные данные о Каменке как о форпосте протокочевников перед переправами через Керченский пролив, об их обширном использовании моря и дальних походах, о значении находки на Каменке дисковидного псалия и даже предметов, маркирующих прохождение позже здесь античной дороги (*Кислый*, 2022. С. 146 и сл.). Во всех построениях о миграциях индоевропейских или иных племен на территории Северного Причер-

номорья просто выпускали из виду своеобразие Крыма. Он казался столь неприметным, в результате никому не нужным в построениях, хотя через Крым при отсутствии в древности солидных водных препятствий на севере и востоке полуострова (не более Днепра и Волги!) проходили самые удобные и безопасные по сути пути. Эти наши тезисы давно (*Кислый*, 2005б. С. 222–235) были поддержаны при поиске истоков ахейской культуры в Северном Причерноморье А. А. Масленниковым. Идея поиска античных переправ через Боспор Киммерийский в науке себя изжила и никогда не была значимой, ибо для античного времени важен был не поиск необыкновенного или узкого места пролива, а технология кораблей-гаваней. Но для эпохи бронзы каждое новое мнение по вопросу важно (*Ермолин*, 2015. С. 34), ведь технологии тех переправ, их значение в истории вовсе иные. Отсюда непонятно, почему исследование переправ эпохи бронзы через Протобоспор Киммерийский, подкрепляемое артефактами из Каменки, надо оценивать со старых позиций исследования античных переправ или вовсе сравнивать с переправой декабристов по льду пролива. В самом мифотворческом термине «Боспор» отражена история доантичная, эпохи формирования ахейской Греции. Если ученые по крохам собирают данные о предках ахейцев или микенцев с территории Северного Причерноморья (западные пути миграций), то лишь незнанием Крыма можно объяснить игнорирование дополнительных фактов восточных, морских путей.

Все эти проблемы обсуждались мною с О. В. Шаровым неоднократно, именно поэтому он с таким воодушевлением встретил Дездар-Дере. Таким образом, как в частностях, так и в значимых для истории выводах исследование эпохи бронзы, и особенно среднего периода этой эпохи, в Крыму важно необыкновенно, тем более если идет речь о таком значимом поселении, как Дездар-Дере.

Поселение было расположено в небольшой древней долине у склона гор, оно небольшое, относится к классу долговременных стоянок (*Кислый*, 2005а. С. 97). По заключению О. В. Шарова, заселялось не менее десяти раз, но населением одной культуры. Остатков жилищ или иных строений не обнаружено, места расположения жилищ облегченной конструкции прочитывались по скоплению материала и кострищам. Вероятно, наиболее весомой причиной ухода отсюда жителей были мергелевые наносы со склона, которые здесь действительно сильны в непогоду. Как полагал О. В. Шаров, оставление поселения также связано с истреблением травяного покрова и плодородного грунта при выпасах. Но даже в этом случае жителей должно было что-то привлекать к возвращению именно сюда, ведь вовсе невдалеке можно было найти обширные луговые пастбища, травянистые склоны для сезонного выпаса и возвышенные долины для стойбищ. Напомним, что подобная ситуация с делювиальными наносами прослежена на Алчаке и Планерском. При этом автор раскопок второго памятника Г. Н. Тощев даже полагал возможность расчета по прослойкам отложений и сезонам время бытования поселения.

Керамика Дездар-Дере, как и на всех ярких поселениях каменской культуры, аккуратно сформована, украшена валиковым разнообразным орнаментом (множественные, одиночные валики, как правило расчлененные насечками, параллельными линиями и углами по тулову, др.), встречен прочерченный и накольчатый орнамент. Оригинальна орнаментация сосуда внутри крестом из валиков (вероятно, открытый кверху сосуд). Преобладающие формы – посуда с раздутым туловом, прямым или отогнутым по краю венчиком; валики, как правило, украшают плечики, шейки сосудов. Такие сосуды известны на большинстве поселений ККВК (рис. 2, *1–6*). Практически отсутствуют сосуды «позднего» облика – более вытянутые кверху, с профилем, близким к S-образному, и более небрежным налепным валиком. Однако сосуды подобного облика, вовсе не столь поздние, известны в бассейне среднего течения Дона – Донца. Далее их меньше на Маяке, затем на Каменке, еще меньше на Планерском. Поэтому замечание Г. Н. Тощева о возможной ошибке в процентном соотношении разных форм, подсчитанное нами, лишь отчасти верно. Наблюдаемый эффект более системный в структуре культуры, чем уровень исследованности отдельных поселений (*Тощев*, 2007. С. 160, прим.). К тому же надо представить условия бытования разных селищ ККВК. В холмисто-гористой местности менее будут использоваться крупные вытянутые кверху сосуды для объемных припасов, больших «кухонь». И это вовсе не обязательно говорит о хронологии, по крайней мере не прямо, как бы хотелось и мне, дабы иметь более твердые доказательства, связанные со старыми стратиграфическими

Рис. 2. Находки из поселения Дездар-Дере (*1, 2, 7, 13, 15–17*) и аналогии:
3, 12 – Киммерик; *4, 9, 10* – Планерское; *5, 6, 14* – Каменка; *8* – Штурмовое; *11* – Алчак-Кая

наблюдениями. Поэтому в этом случае слово «позднего» взято выше в кавычки. Все же это тема более обширного исследования.

Еще два признака отличают посуду Дездар-Дере от более восточной крымской ККВК. Во-первых, поверхность сосудов гораздо чаще и плотным рисунком по поверхности обработана гребенкой из ракушки. Далее она более яркого (кирпичного) обжига. В целом, как уже отмечено (*Кислый*, 2005а. С. 110), чем далее мы находим распространение культуры на запад, даже в пределы Феодосии, Планерского, Судака, тем более она яркая. Это же еще больше проявилось и в дездарских сосудах. В связи с вышеот-

меченным уместно иное, но подобное сравнение. На раскопках Трои, куда я был приглашен руководителем экспедиции проф. Манфредом Корфманом, участник экспедиции Магда Пинежек-Сикора (см. ее работу о связах Трои и Северо-Западного Причерноморья: *Pieniążek-Sikora*, 2002) обратила мое внимание на тамошние сосуды т. н. сабатиновского облика. Но они оказались (по рисункам незаметно) более яркими, даже валики, кажется, крупнее. Мне тогда показалось, что такой эффект – результат условий жизни, когда приходилось все делать тщательнее и готовить на большую общину. Но это лишь очень смелое предположение.

Одной из особенностей каменской керамики является орнаментация круглыми «пуговичными» налепами, иногда самостоятельными в композиции, чаще – в разных сочетаниях, в т. ч. и с валиками. Можно позавидовать научному успеху О. В. Шарова в открытии Дездар-Дере. Сорок лет наука ждала поселенческий аналог могильнику Штурмовое. Он теперь обнаружен, и орнамент одного из сосудов из катакомбы Штурмового – полная аналогия Дездар-Дере (рис. 2, *7, 8*). Подобия в разных ярких орнаментальных вариантах находим на многих памятниках ККВК – Алчак, Киммерик, Планерское (рис. 2, *9–12*).

Изделия из бронзы среди находок из поселений ККВК редки. Это практически лишь немногочисленные бронзовые шилья. Так и в Дездар-Дере. Грубые изделия из камня общие для культуры – терочники, лощила, ударники, молотки, каменные небольшие «колесики», округлые терочники (?) с вогнутой с двух сторон поверхностью. Кажется, в коллекции Дездар-Дере имеем одно рыболовное грузило – округлое, с проточинами для перекрестного привязывания, но со вторичным использованием (рис. 2, *13*). Грузило не сильно уплощено, как это чаще встречается на Каменке или др., однако отметим, что также лишь одно типичное рыболовное грузило найдено на степном памятнике ККВК Слюсарево. Очень похожее по форме грузило с проточинами для привязывания есть среди каменских материалов в Эрмитаже (рис. 2, *14*). Выполнено дездарское грузило из желтого камня-ракушечника, которого нет в окрестностях Севастополя. Наиболее известные месторождения – район Евпатории и Сак, они широкой полосой тянутся к Тарханкутскому побережью и местности у Джанкоя. Но есть небольшие отложения такого камня и среди плиоценовых суглинков, что слагают оползневое побережье у Качи. Юго-восточнее Качи (ближе всего), а также у сел Песчаное, Угловое можно найти участки месторождений желтого ракушечника. Предположим, что грузило, как и некоторые другие предметы из Дездар-Дере, были сделаны в описанных районах, возможно, на побережье рек или моря. Последнее не так уж маловероятно, большинство каменских грузил выполнены на берегу непосредственно при ловле рыбы, некоторые приносились на поселения – Каменку, Алчак-Каю, Юркино IV (*Кислый*, 2022. С. 61, 62, 121). Изделия из кремня (рис. 2, *15–17*) характерны для памятников этого времени и ККВК (*Кислый*, 2022. С. 111. Рис. 44). Можно лишь заметить особую аккуратность выделки некоторых изделий, наконечников стрел и наличие достаточно тонких листовидных наконечников копий, что, возможно, говорит о сохранении древних традиций. На этом этапе исследования придержимся в целом мнения Г. Н. Тощева, высказанного в отношении могильника Штурмовое, что и Дездар-Дере относится к особому варианту ККВК с яркими остатками влияния катакомбной культуры. Заметим, в условиях географического разнообразия Крыма с очень раннего времени катакомбники продуцировали здесь разные вариации местной культуры иногда в небольших локациях. Эта особенность древних культур давно отмечена этнографами, географами. Но наиболее общие черты культуры оформляются в Восточном Крыму.

Остается вопрос о потребности у древнейших протокочевников-пастухов в периодическом и фактически постоянном размещении стойбищ на восточных отрогах Загайтанских скал. Южнее этой территории в легкой досягаемости проходит долина р. Черной и есть межгорная обширнейшая и удобная территория. Именно здесь находился могильник, раскопанный О. Я. Савелей, здесь же поселение кизил-кобинской культуры (рис. 3). В долине, согласно картам XIX – первой пол. XX в., многочисленные крымско-татарские деревни. Но на картах нет поселений, стойбищ и т. п. в районе поселения Дездар-Дере. Место очень для этого неудобное, тем более что и археологически здесь зафиксированы постоянные древние осыпи на месте стоянки. Несколько подобная ситуация с поселением ККВК Планерским, размещенным также в относительно незаселенной местности и на склоне холма. Но мимо поселения Планерское проходит дорога, и нами в этой

Рис. 3. Местность в окрестностях Севастополя, где размещался могильник Штурмовое

местности реконструированы древнейшие пути; в какой-то мере Планерское имело защитно-оборонительную функцию (*Кислый*, 2022. С. 43–48). Учитывая, что размещение у дорог, рядом с высотами, удобными для наблюдения, – одна из особенностей селищ ККВК, нечто подобное можно реконструировать и с Дездар-Дере. При этом вовсе не обязательно, чтобы древнейшие пастушеские защитные сооружения были каменными (*Долгоруков*, 1982. С. 176–190). На старых картах (карта сборника П.И. Кеппена 1836 г., карта из приложения к путеводителю Г.Г. Москвича 1911 г. и др.) невдалеке проходили дороги из долины р. Черной в район сел. Залаанкой и далее на северо-восток к удобным местам. Более точные реконструкции будут возможны при дальнейших исследованиях материалов поселения.

Даже среди крымских посткатакомбных памятников Штурмовое выглядит необычно, и Дездар-Дере поможет уточнить многие сделанные предположения. В обзорах сложных проблем археологии средней бронзы высказаны естественные надежды на метод радиоуглеродного датирования (*Гей*, 2011. С. 8). Вместе с тем абсолютно парадоксальная ситуация (редкая в науке в таком ракурсе) создалась с публикацией обширного сравнительного анализа радиоуглеродных датировок двух разных культурных общностей (*Черных*, *Орловская*, 2016). Она нацеливает на возможное углубление методологического поиска в двух направлениях: или с превалирующим недоверием к методу ^{14}C и подразумеванием какой-то **системной** ошибки (что невозможно), или с частичным недоверием ко многим стратиграфическим тщательно выполненным наблюдениям. Выход, как мне представляется, в более аккуратном подходе к традиционному анализу каждого памятника, не уповая при этом на глобальные стратиграфические наблюдения. *Diabolus in details*.

Пройдет время, и многих из нас уже не будет. Но сейчас хочу, чтобы тогда память об Олеге Васильевиче осталась самой светлой среди всех коллег. В том числе и среди украинских. Он с ними также работал. Многое и многое можно сказать по этому поводу, но главное – он такой памяти достоин. Его работы в археологии отличались научной аккуратностью, высоким профессионализмом, честностью и необыкновенной юношеской увлеченностью.

ЛИТЕРАТУРА

Березанская С. С., 1960. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. № 4. С. 26–41.

Березанская С. С., 1986. Культура многоваликовой керамики // Березанская С. С., Отрощенко В.В, Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. 168 с.

Березанская С. С., 1998. КМК – культура или керамический стиль // Материалы конференции «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики». Запорожье: ЗГУ. С. 60–65.

Братченко С. Н., 1977. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 21–42.

Братченко С. Н., 1985. Каменско-ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР. Т. I / Гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 458–462.

Брюсов А. Я., 1948. Экспедиция ГИМ 1948 г. Отчет. Архив ИА РАН. Д. 214.

Буров Г. М., 2006. Каменско-ливенцовская культура // Энциклопедия крымских древностей / Ред. И. А. Айбабин. Киев: Стилос, 2006. С. 95–97.

Васильев С. А., 2013. Работа археолога: от раскопа до книги (Клейн Л. С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 1, 2012; Кн. 2. 599 с. Донецк: Донецкий национальный университет) // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 696–702.

URL: https://search.ukr.net/?q=Васильев+С.+А.+Работа+археолога/ (дата обращения 09.09.2016).

Гей А. Н., 2011. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 225. С. 3–10.

Долгоруков В. С., 1982. Укрепления древнегреческого города // Археология Старого и Нового Света / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Наука. С. 176–190.

Ермолин А. Л., 2015. Древняя переправа через Керченский пролив и ее оборона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». № 7 (204). Вып. 34. С. 38–47.

Кислий О. Є., 2018. Системологія та періодизація історії: спадщина історичного марксизму і новітні матеріали з історії первісного суспільства // Габитус. № 5. С. 12–21.

Кислый А. Е., 2005а. Население и памятники каменской культуры Восточного Крыма // Stratum plus. № 2. С. 93–126.

Кислый А. Е., 2005б. Поселение Глейки II – новые данные о «Боспорском феномене» // Древности Боспора. Вып. 8. С. 222–235.

Кислый А. Е., 2019. Общество 0.5 как воспоминание о будущем. От археологии до социологии будущего // VII Садыковские чтения «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего». Казань: КФУ. С. 17–21.

Кислый А. Е., 2022. Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. Ростов-на-Дону: Медиаграф. 190 с.

Литвиненко Р. О., 2009. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток). Автореф. дис. докт. іст. наук. Київ: Інститут археології НАН України.

Мимоход Р. А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України / Отв. ред. В. В. Отрощенко. Луганськ: Шлях. С. 70–74.

Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М: ИА РАН. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).

Никитин В. И., 1989. Матвеевка 1 – поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА. № 2. С. 136–150.

Отрощенко В. В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та ранньої бронзі Півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення. Київ, ІА НАНУ. 290 с.

Писларий И. А., 1983. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР. 22 с.

Попова Т. Б., 1955. Племена катакомбной культуры. М.: Госкультпросветиздат. 180 с. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 24).

Попова Т. Б., 1960. О многоваликовой керамике // СА. № 4. С. 42–45.

Пряхин А. Д., 2011. Памятники покровского типа на современном этапе изучения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 1. С. 62–74.

Рыбалова В. Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. С. 19–49.

Савеля О. Я., 1983. Отчет о полевых исследованиях СОНАЭ в 1980 и 1981 гг. Архив Херсонесского государственного историко-археологического заповедника. Ф. 1. №. 2252.

Савеля О. Я., Тощев Г. Н., 1992. Могильник Штурмовое эпохи средней бронзы // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. III. С. 122–127.

Санжаров С. Н., 2013. Проблемы финала катакомбного культурогенеза и керамический комплекс поселения Бабино III // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 12. С. 15–38.

Тощев Г. Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗГУ. 304 с.

Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2016. Радиоуглеродная хронология ямной и катакомбной археологических общностей // Археология евразийской лесостепи-степи: сборник научных статей / Ред. В. Н. Глазьев. Воронеж: Изд. дом ВГУ. С. 17–33.

Шнирельман В. А., 2011. Подделки и альтернативная история // Фальсификация источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А. Е. Петров, В. А. Шнирельман. М.: ИА РАН. С. 17–34.

Юдин А. И., Матюхин А. Д., 2006. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Научная книга. 116 с.

Pieniążek -*Sikora M., 2*002. Neue Anregungen zur Diskussion über die Beziehungen zwischen Troia und dem nordwestpontischen Gebiet // Mauerschau: Festschrift fur Manfred Korfmann / Hrsg. R. Aslan *et alii*. Remshalden-Grunbach: Greiner. S. 705–715.

Резюме. Статья посвящена памяти друга. Одна из его работ, что увлекала с новой силой и его, и меня, – раскопки поселения эпохи средней бронзы Дездар-Дере под Севастополем. Материалы экспедиции, которая работала на поселении под руководством О. В. Шарова, позволяют уточнить и расширить наше понимание каменской культуры Восточного Крыма.

Ключевые слова: Шаров Олег Васильевич, эпоха бронзы, поселение Дездар-Дере, могильник Штурмовое.

A. E. Kisly

Dezdar-Dere. Sharov. Memory

Abstract. The article is dedicated to the memory of a friend. One of his works, which captivated both him and me with renewed vigor, was the excavation of the settlement of the Middle Bronze Age Dezdar-Dere near Sevastopol. Materials of the expedition, which worked at the settlement under the direction of O.V. Sharov allow us to clarify and expand our understanding of the Kamenskaya culture of the Eastern Crimea.

Keywords: Sharov Oleg Vasilyevich, Bronze Age, Dezdar-Dere settlement, Shturmovoe burial ground.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.46-54

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ДЕЗДАР-ДЕРЕ 3 (РАСКОПКИ О. В. ШАРОВА 2020–2021 ГГ.)

Л. А. Соколова

Комплексы эпохи бронзы неоднократно встречались в процессе раскопок О. В. Шарова. В 1996 г. на поселении римского времени Чатыр-Даг попадались единичные фрагменты кизил-кобинской керамики. В 2019 г. на поселении Фронтовое 2 кизил-кобинский слой был более выражен. В 2015–2016 гг. на поселении Ильич под эллинистическим слоем IV–II вв. до н. э. неожиданно был обнаружен догреческий слой эпохи поздней бронзы – раннего железа. Часть сосудов относилась к сабатиновской культуре XII–X вв. до н. э. А ковш с высокой ручкой и лепную кружку с выступом на ручке можно отнести к протомеотской эпохе (*Шаров, Клемешова*, 2019). Помимо колодцев с каменной обкладкой были обнаружены грунтовые ямы глубиной до 5–6 м диаметром до 6–10 м неизвестного назначения. На дне этих ям в слое гумусированной глины находились развалы крупных сосудов с вертикальными петельчатыми ручками. Эти находки сформировали представление, что население было занято поисками подземных источников воды. В слое обнаружены кости лошадей, что объяснило необходимость таких масштабных работ, как поиски воды для скотоводческих хозяйств. Самое интересное каменное сооружение, «водохранилище», представляло собой ступенчатую каменно-земляную конструкцию глубиной 6 м, которое спустя некоторое время после раскрытия стало заполняться чистой родниковой водой. Такие огромные сооружения требовали продления сроков работ и удорожания проекта, что не могло не вызвать критики и противодействия со стороны кураторов проекта и коллег. Тем не менее О. В. Шаров настаивал на полноценных работах в ручном режиме. В результате на поселении Ильич было открыто скотоводческое поселение эпохи поздней бронзы – раннего железа, где зафиксированы объекты, связанные с водоснабжением. Этот комплекс открыл новую страницу в изучении истории Таманского полуострова в догреческую эпоху (*Шаров, Соколова*, 2017).

Однако судьба приготовила О. В. Шарову встречу с еще более древним периодом истории Крыма. В 2020–2021 гг. в створ трассы «Таврида» попал памятник Дездар-Дере 3, который по результатам разведок считался могильником римского времени. Однако начавшиеся работы выявили лишь небольшой слой римского времени, подстилаемый насыщенным многослойным пластом, содержавшим лепную керамику.

На поселении было зафиксировано два хронологических горизонта на всех квадратах и понижение уровня на 57-м участке с выделением третьего хроногоризонта. Верхний мешаный слой включал небольшое количество гончарной керамики римского времени, но основную часть коллекции составляет керамика эпохи бронзы. Всего на поселении зафиксировано 18 тыс. фрагментов лепной керамики, из них 3200 профильных частей сосудов. Благодаря тщательной методике фиксации, которой придерживался О. В. Шаров, появилась возможность дать характеристику керамического комплекса поселения относительно слоев, морфологии и орнаментации сосудов.

Технология

Тесто в основном плотное, хорошо промешанное. В качестве отощителя использовался дробленый известняк (мергель) (рис. 1, *1*).

Примерно 95% поверхности сосудов обработано зубчатым инструментом. Найдены два вида таких инструментов – кремневый овальный отщеп с зазубренным краем (рис. 1, *2*) и створка раковины (рис. 1, *3*). При дообжиговой обработке стенки сосуда образовывался характерный технический орнамент. Целью такой обработки являлось выравнивание спаек глиняных лент, из которых набиралось полое тело сосуда (рис. 1, *4, 5*).

Гладкостенных сосудов сравнительно немного.

Наиболее характерным орнаментальным приемом являются валики. Интересно, что налепными валиками был украшен только один сосуд

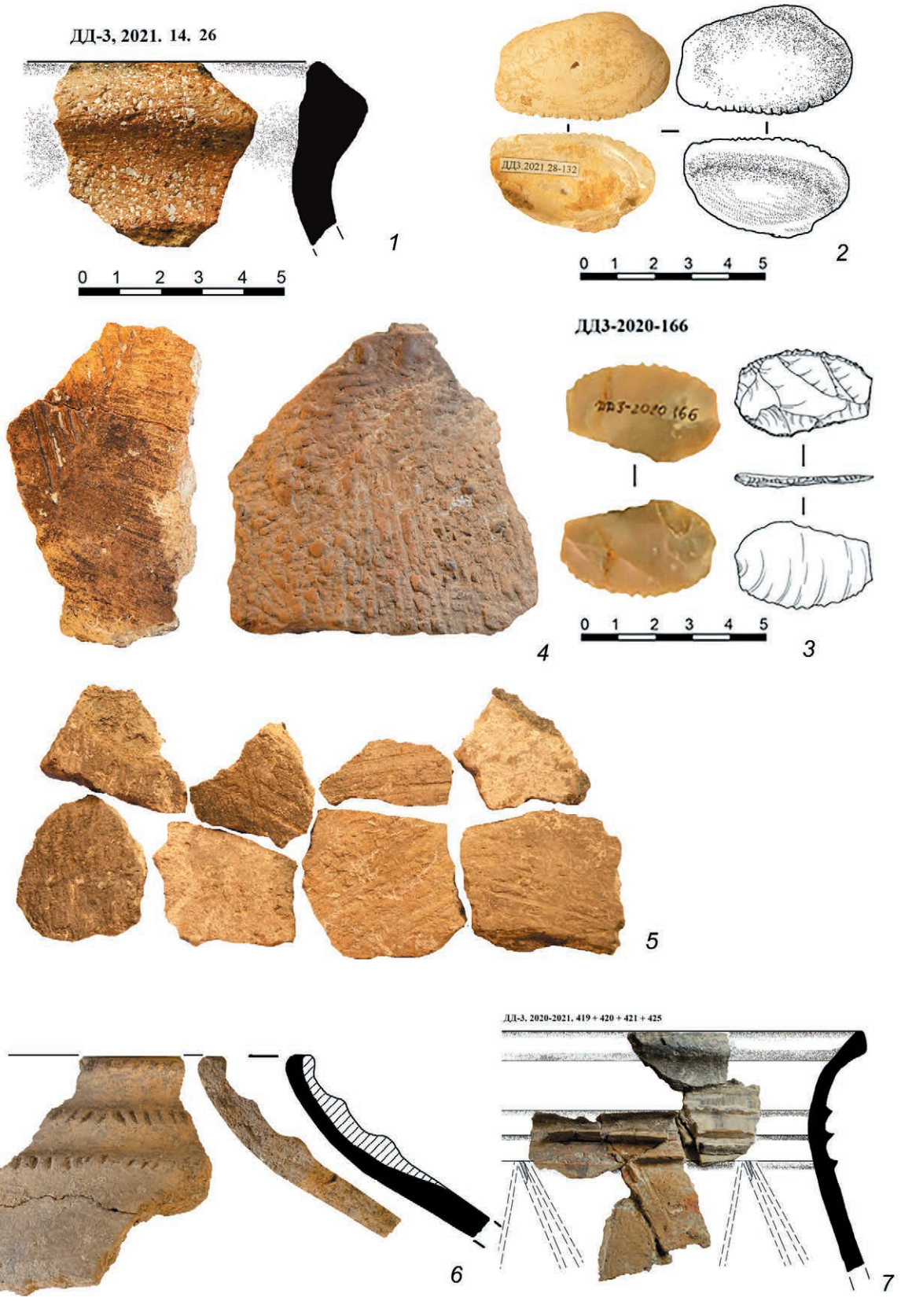


Рис. 1. Керамический комплекс Дездар-Дере 3. Технология.
1 – фрагмент, демонстрирующий плотность отощителя – дробленого известняка; *2, 3* – изделия для нанесения расчесов на стенки сосудов: *2* – створка раковины с зубчатым краем; *3* – отщеп кремня с зубчатой ретушью; *4, 5* – стенки сосудов с расчесами; *6* – фрагмент венчика с двойным формованным валиком; *7* – фрагмент венчика с налепными валиками

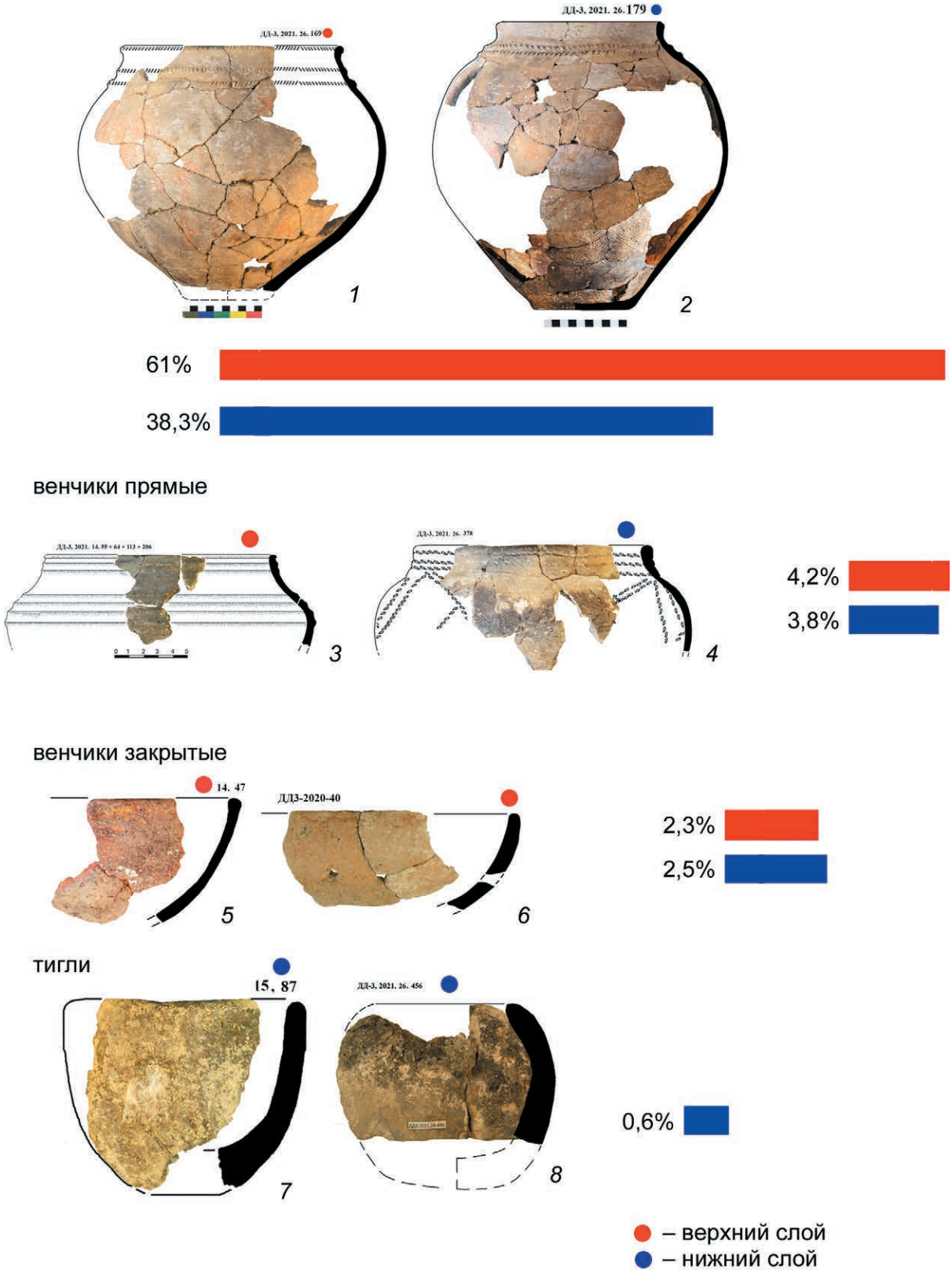


Рис. 2. Керамический комплекс Дездар-Дере 3. Морфология.
1, 2 – реконструкции сосудов с отогнутыми венчиками и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях;
3, 4 – фрагменты сосудов с прямыми венчиками и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях;
5, 6 – фрагменты сосудов с закрытыми венчиками и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях;
7, 8 – фрагменты сосудов тиглей

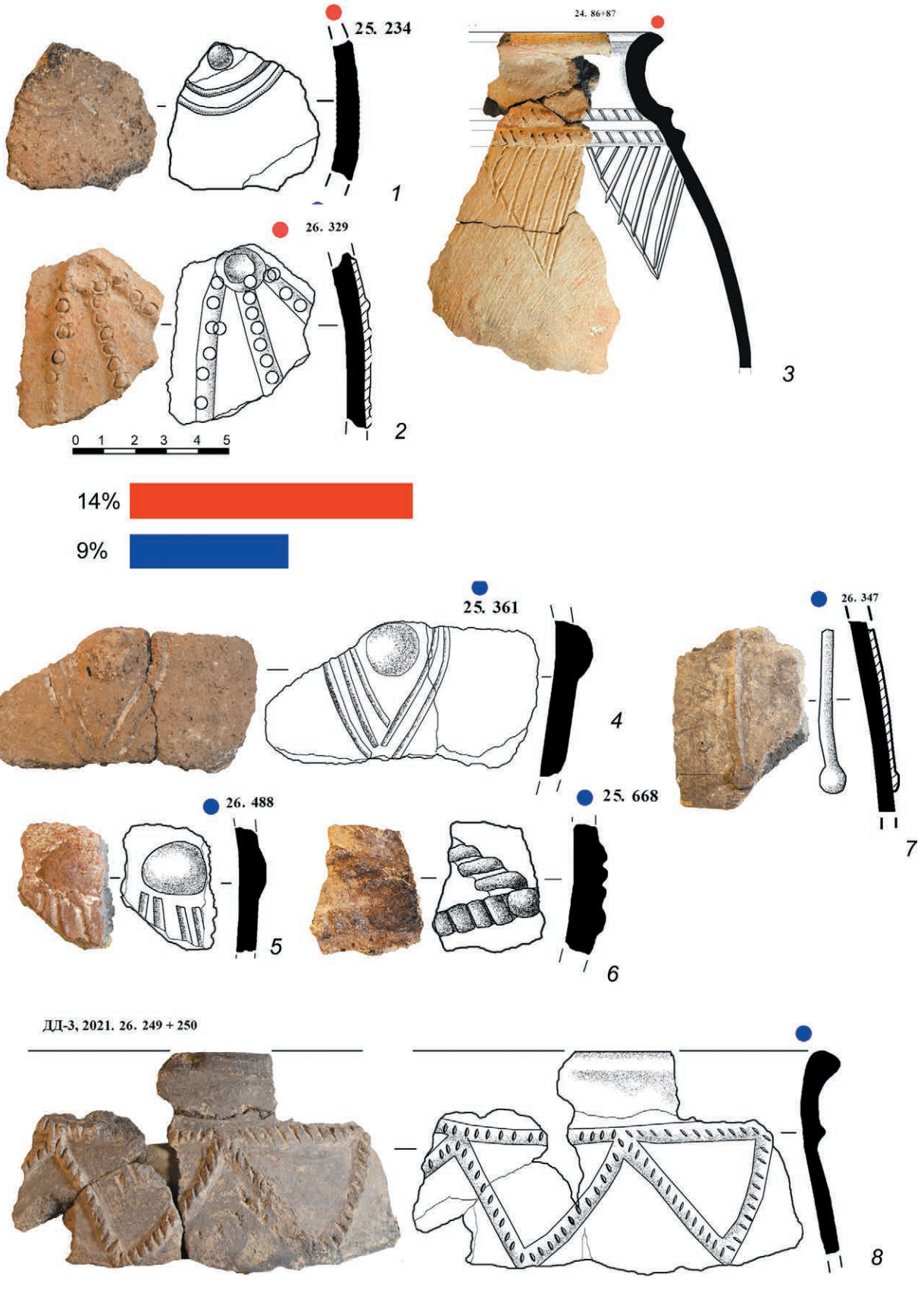


Рис. 3. Керамический комплекс Дездар-Дере 3. Орнаментальный мотив – формованные валики.
1–8 – фрагменты сосудов с валиковой орнаментацией и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях. Варианты орнаментов

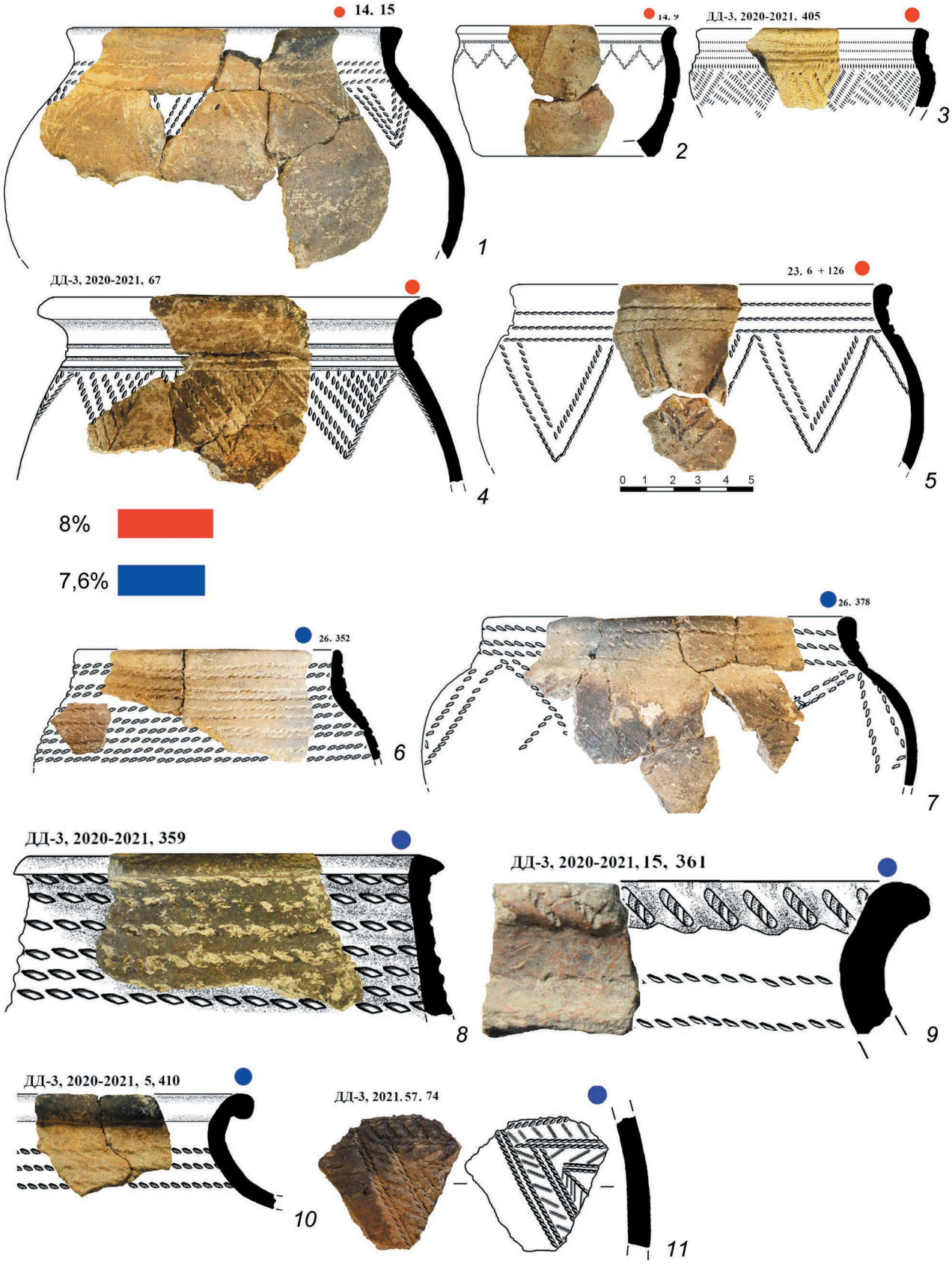


Рис. 4. Керамический комплекс Дездар-Дере 3. Шнуровой орнамент.
1–11 – фрагменты сосудов со шнуровой орнаментацией и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях. Варианты орнаментов

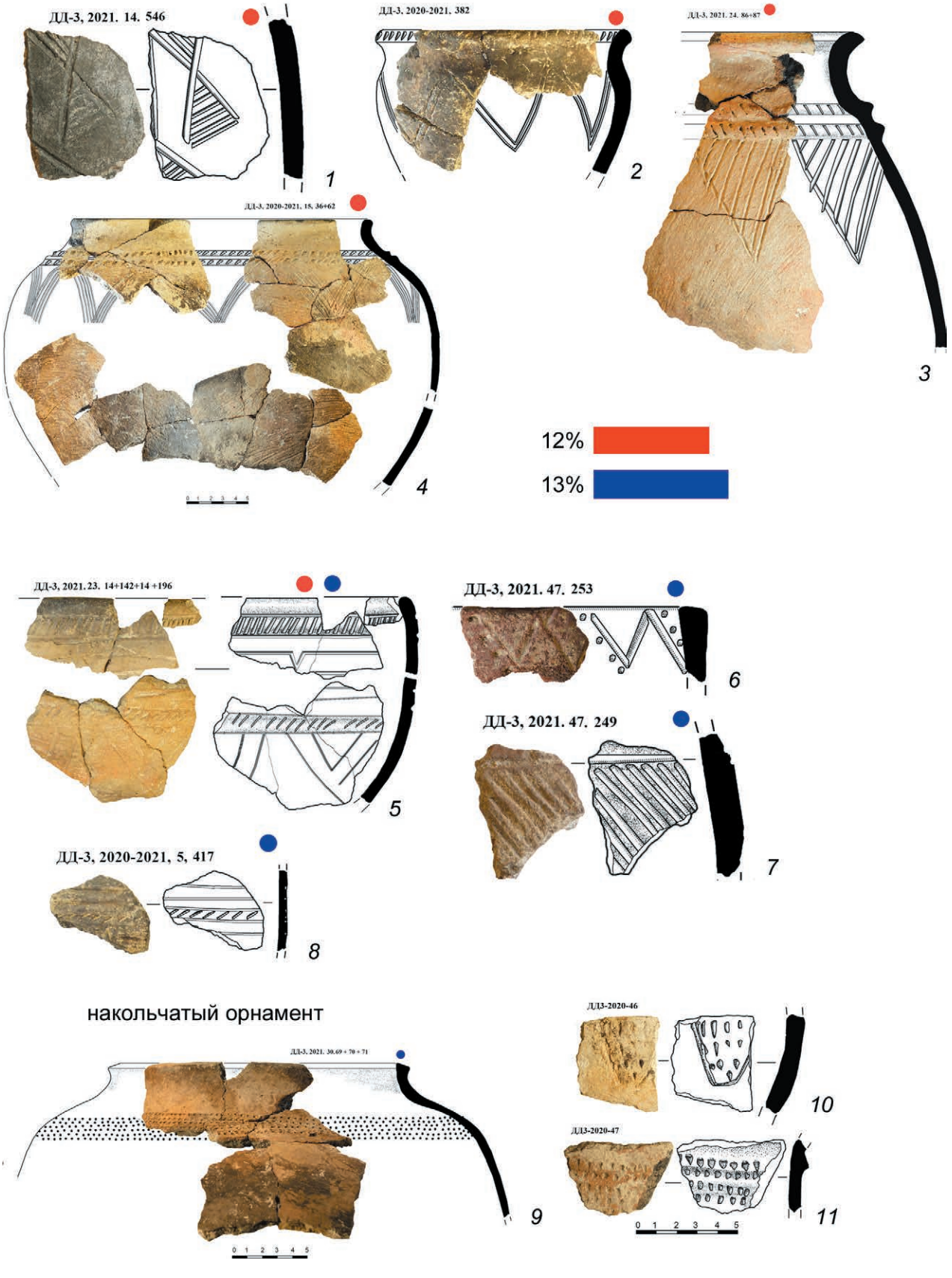


Рис. 5. Керамический комплекс Дездар-Дере 3. Резной и накольчатый орнаменты.
1–8 – фрагменты сосудов с резной орнаментацией и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях. Варианты орнаментов; *9–11* – фрагменты сосудов с накольчатой орнаментацией

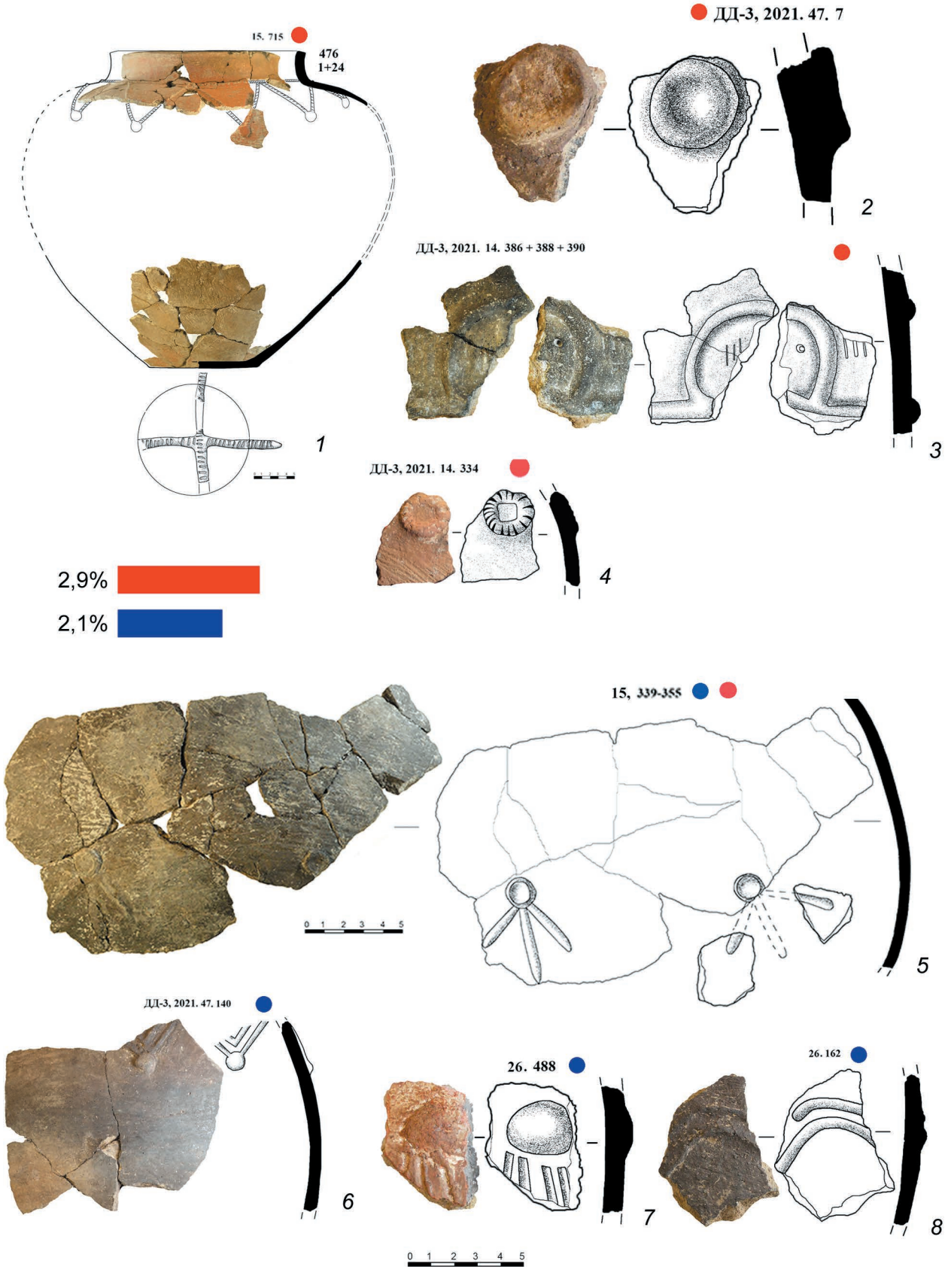


Рис. 6. Керамический комплекс Дездар-Дере 3. Налепные композиции.
1–8 – фрагменты сосудов с налепной орнаментацией и их процентное соотношение в верхнем и нижнем слоях. Варианты композиций

и эти валики резко отличаются от основной массы. Они тонкие и острые в разрезе (рис. 1, *7*). Основная масса валиковой орнаментации выполнена методом формовки из специального утолщения стенки (рис. 1, *6*).

Морфология

99% сосудов имеют плоскодонную форму с раздутым туловом и отогнутым венчиком (рис. 2, *1, 2*). В верхнем горизонте такая керамика составила 61%, в нижнем – 38% (рис. 2, *1, 2*).

Сосуды с прямым венчиком – соответственно 4,2 и 3,8% (рис. 2, *3, 4*).

Сосуды открытой формы – 2,3 и 2,5% (рис. 2, *5, 6*).

Несколько фрагментов можно отнести к категории тиглей с характерной особенностью – вторичным обжигом. Форма тиглей – округлодонная с прямым или закрытым венчиком (рис. 2, *7, 8*). Тигли встречены только в нижнем слое в квадрате 26 – всего шесть фрагментов.

Орнаментация

Всего в коллекции было найдено 1530 орнаментированных фрагментов, что составило 48% от общего количества фрагментов.

Наиболее часто встречаемый орнаментальный мотив – формованные валики с насечками или без. В верхнем слое было найдено 14% фрагментов с валиками, в нижнем – 9% фрагментов. Чаще всего валики располагаются под венчиком, иногда сгруппированные по два или три. Такие валики часто являются составной частью орнаментальной композиции (рис. 3, *3*). Порой валики составляют самостоятельные довольно пышные композиции (рис. 3, *1, 2, 8*).

Мотив «шнур»: верхний слой – 8%, нижний – 7,6%. Шнуровой орнамент представлен 15% от всех орнаментированных фрагментов. Наиболее характерные композиции – параллельные ряды (рис. 4, *9, 10*) и свисающие треугольники (рис. 4, *1–5, 7*). Как правило, шнуровым орнаментом образуются самостоятельные композиции. В верхнем и нижнем слоях представлен практически поровну.

Резной орнамент: верхний слой – 7,2%, нижний – 7,7%. Орнамент, выполненный резными линиями, в композициях заменяет формованные валики и образует свисающие треугольники (рис. 5, *1–8)*.

Накольчатый орнамент: представлен 11%. В верхнем слое – 6,6%, в нижнем – 4,4%. Как правило, наколами заполняется орнаментальное поле (рис. 5, *9–11*).

Налепной орнамент: верхний – 1,7%, нижний – 1,2%. Составной частью орнаментальных композиций часто выступают округлые налепы, которые акцентируют угловые мотивы (рис. 3, *4–7*; 6, *1, 2, 4, 6, 7*). Есть также уникальные пышные композиции, выполненные валиками (рис. 6, *3, 5, 8*).

О.В. Шаров надеялся, что тщательная фиксация по слоям и обработка керамики даст возможность проследить тенденции развития керамического материала. Однако проведенный анализ продемонстрировал сугубо близкую картину распределения типов и орнаментов. Можно отметить только некоторое преобладание валиковой орнаментации в верхнем слое. Ситуация объясняется небольшим временным промежутком между слоями.

Итак, керамический комплекс поселения Дездар-Дере 3 можно считать монолитным образованием, возникшим в короткий период времени. По общему мнению специалистов, каменская культура является локальным вариантом, образовавшимся на основе катакомбной и многоваликовой традиций. Таким образом, поселение Дездар-Дере 3 демонстрирует своеобразный комплекс признаков, тяготеющих к культуре многоваликовой керамики. От культуры многоваликовой керамики данный комплекс отличает немногочисленность сосудов четко изломанного профиля.

ЛИТЕРАТУРА

Кислый А. Е., 2000. Каменская культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Вып. IX. С. 206–228.

Шаров О. В., Клемешова М. Е., 2019. Лепная керамика эпохи бронзы поселения Ильич 1 по данным технико-технологического анализа // КСИА. № 256. С. 344–362.

Шаров О. В., Соколова Л. А., 2017. Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015–2016 гг. // Таврические студии. № 12. С. 167–175.

Резюме. Поселение Дездар-Дере 3 эпохи средней бронзы оказалось последним объектом в полевой деятельности Олега Васильевича Шарова. О. В. Шаров, специалист по археологии римского времени, уже не в первый раз столкнулся с комплексами эпохи бронзы. Каждый археолог знает, что никакие разведки не гарантируют полной информации об объекте до проведения раскопок. Всегда возможны неожиданные находки и комплексы, но отношение к этим «сюрпризам» характеризует подлинный профессионализм исследователя. В данном случае вместо могильника римского времени оказалось довольно большое поселение эпохи средней бронзы. В литературе поселения такого типа атрибутированы как каменская культура Восточного Крыма XVIII–XV вв. до н. э. (*Кислый*, 2000). Однако Дездар-Дере находится вблизи Севастополя, который никак нельзя отнести к Восточному Крыму. Таким образом, ареал данной археологической культуры значительно расширился по результатам археологических работ 2020–2021 гг.

Ключевые слова: каменская культура Восточного Крыма, поселение Дездар-Дере, XVIII–XV вв. до н. э., эпоха бронзы, керамика, морфология, технология, орнаментация, перфорированные топоры, кремень.

L.A. Sokolova

Ceramic complex of the settlement of Dezdar-Dere 3 (excavations of O.V. Sharov 2020-2021)

Abstract. The settlement Dezdar-Dere 3 of the Middle Bronze Age turned out to be the last object in the field activity of Oleg Vasilyevich Sharov. O.V. Sharov, a specialist in Roman archaeology, but it was not the first time he encountered complexes of the Bronze Age. Every archaeologist knows that no exploration guarantees complete information about the object before the excavation. Unexpected finds and complexes are always possible, but the attitude to these «surprises» characterizes the genuine professionalism of the researcher. In this case, instead of a Roman burial ground, there was a rather large settlement of the Middle Bronze Age. In the literature, settlements of this type are attributed as the Kamensk culture of the Eastern Crimea of the XVIII–XV centuries BC (*Кислый*, 2000). However, Dezdar-Dere is located near Sevastopol, which cannot be attributed to the Eastern Crimea in any way. Thus, the area of this archaeological culture has significantly expanded according to the results of archaeological work in 2020–2021.

Keywords: Kamensk culture of the Eastern Crimea, Dezdar-Dere settlement, XVIII–XV centuries BC, Bronze Age, ceramics, morphology, technology, ornamentation, perforated axes, flint.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, ЭЛЛИНИЗМ И РИМСКОЕ ВРЕМЯ

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.57-75

СРЕДНЕДОНСКИЕ ЗООМОРФНЫЕ КРЮЧКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МЕДВЕДЯ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР

С. А. Володин

Детали ременной и портупейной гарнитуры народов Евразии разных эпох неизменно привлекают внимание исследователей. Их изучению посвящен значительный пласт литературы, и интерес к этим предметам, пожалуй, никогда не угаснет. Комплекс одежды ранних кочевников I тыс. до н. э. также не стал исключением.

Крючки, выполненные чаще всего из металла или кости (рога), как элементы снаряжения воина-всадника появились еще на рубеже II–I тыс. до н. э., на заре сложения культурного горизонта ранних кочевников евразийских степей. Их изображения в районе пояса отмечаются на оленных камнях Монголии (см., напр.: *Волков*, 2002. С. 150. Табл. 35, *3*). Крючки получили широкое распространение на евразийском континенте вследствие высокой мобильности населения степных пространств, которая обеспечивала быстрое распространение культурных инноваций. На Западе этот импульс нашел отражение в бытовании крючков-застежек с зооморфными мотивами в памятниках самнитской культуры в Италии (*Rosrovtzeff*, 1929. P. 42–43, 58–59; *De Puma*, 2013. P. 167). На Востоке зона распространения, хотя и в более позднюю эпоху (I в. до н. э. – IV в. н. э.), достигла Кореи (*Чжун Сукбэ, Чо Гёнми*, 2021). Самой северной зоной распространения подобных крючков в Восточной Европе является ареал ананьинской культурно-исторической области (далее – АКИО) (см., напр.: *Збруева*, 1952. С. 173–174; *Васильев*, 2002. С. 75–82).

Историография по вопросу изучения крючков ранних кочевников скифской эпохи весьма обширна, в том числе ввиду широкого географического охвата. Также она в немалой степени дискуссионна: острые споры ведутся по проблемам в первую очередь функциональной интерпретации крючков, их генезиса и путях распространения. Также до сих пор не выработана единая типология этих предметов, так как большинство исследований крючков носят скорее региональный характер.

Для Волго-Уральского региона сведения о крючках впервые обобщил К. Ф. Смирнов (*Смирнов*, 1961. С. 35). Первая типология этих изделий в рамках изучения прохоровской культуры была предложена М. Г. Мошковой, разделившей весь массив известных ей крючков на три варианта согласно способу крепления и форме (*Мошкова*, 1963. С. 35). В рамках принципов, заложенных М. Г. Мошковой, В. М. Клепиков позже предложил выделение четырех типов крючков Нижнего Поволжья IV–III вв. до н. э. (*Клепиков*, 2002. С. 82). Для савромато-сарматских памятников Южного Приуралья схожим образом, по способу крепления, С. Ю. Гуцаловым были выделены пять типов крючков (*Гуцалов*, 2004. С. 32). В. Н. Мышкин на основе признаков, выделенных во всех обозначенных выше работах, предложил очень дробную классификацию этих изделий с территории Самаро-Уральского региона (VII–I вв. до н. э.), предполагающую выделение 11 типов на основе анализа 94 экземпляров (*Мышкин*, 2010).

В. С. Ольховским была предложена типологическая схема для всех крючков ранних кочевников I тыс. до н. э. с обширных пространств евразийского континента. Разделение на пять групп (дротовые, фигурно-дротовые, полупластинчатые, пластинчатые и фигурно-пластинчатые) осуществлялось им по форме и общей конфигурации предмета, а варианты выделялись в зависимости от системы крепежа (*Ольховский*, 1999. С. 183–185). Обозначенные выше исследования последних лет основывались на схожих принципах, однако никак не учитывали наработки В. С. Ольховского, которые, на мой взгляд, позволяли бы избежать излишнего усложнения классификаций. Некоторый опыт был учтен при новых исследованиях материалов с территории юга Западной Сибири, однако предложенная Н. Н. Головченко схема также несколько отличается от предыдущих (*Головченко*, 2018. С. 33).

Если упомянутые труды касались разработки типологии всех вариантов исполнения крючков, то В. И. Гуляевым был проведен предметный анализ изделий исключительно с зооморфной орнаментацией щитка (*Гуляев*, 1969). Первоначально он ограничивался выборкой предметов из памятников европейской части страны (в первую очередь со Среднего Подонья и Волго-Камья), однако в дальнейшем обратился и к пространствам на востоке от Урала (*Гуляев*, 2016). В. И. Гуляев предложил деление зооморфных крючков на две группы. Первая характеризуется наличием щитка с зооморфным изображением, четко отделенного от стержня, переходящего в крючок и также оформленного в зверином стиле. Для этой группы, таким образом, характерно наличие двух независимых звериных образов. Вторая группа характеризуется отсутствием выделенного стержня, изделие представляет собой пластину, один конец которой образует загнутый крючок; присутствует лишь один зооморфный образ. Внутреннее деление каждой из выделенных групп В. И. Гуляев предложил ввести по сюжетным композициям изображений (*Гуляев*, 1969. С. 110). Эта классификация была как принята исследователями (*Васильев*, 2014. С. 41–45), так и встретила некоторую критику[1] (*Головченко*, 2018).

Прежде чем перейти к вопросам собственно хронологии, хотелось бы осветить также крайне острую проблему интерпретации функций крючков ранних кочевников. К настоящему времени в отечественной науке сложилось несколько точек зрения по этому вопросу. Первая предполагает использование изделий в качестве колчанных крюков (*Смирнов*, 1961. С. 35, 109; *Мошкова*, 1963. С. 35; *Максименко*, 1983. С. 101; *Яблонский*, 2013б. С. 117–119 и др.). Л. Т. Яблонский при этом не подразумевал никакого иного варианта использования для всех типов крючков. Однако еще К. Ф. Смирнов высказал краткое предположение, что пластинчатые крючки с расширением могли использоваться для пристегивания пояса (*Смирнов*, 1961. С. 35).

В. И. Гуляев также говорил о многофункциональности этой категории предметов[2] (*Гуляев*, 1969. С. 127). Он считал, что зооморфные крючья могли использоваться в качестве застежек как пояса, так и потрупейных ремней, деталей одежды. Не исключал В. И. Гуляев и возможности использования их в отдельных случаях как колчанных, отмечая при этом, что для подвешивания горита применялись в основном простые пластинчатые или дротовые крючки (*Гуляев*, 2016. С. 7, 71). Точка зрения о многофункциональности крючьев была поддержана значительным числом исследователей (см., напр.: *Троицкая*, *Бородовский*, 1994. С. 35; *Могильников*, 1997. С. 57; *Мышкин*, 2010. С. 269; *Головченко*, 2018 и др.). Фигурно-пластинчатые экземпляры (по В. С. Ольховскому), украшенные звериными мотивами, в ряде работ рассматриваются исключительно как «крючки-застежки» или «поясные крючки» (см., напр.: *Савченко*, 2004. С. 229–241; *Овсянников*, 2006; *Овсянников*, *Тагиров*, 2011; *Васильев*, 2014. С. 41–45; *Чжун Сукбэ*, *Чо Гёнми*, 2021). Однако В. Н. Мышкин для данной группы изделий отнюдь не исключает функции колчанного крюка, указывая на возможность неординарного в представлении большинства крепления – крюком за пояс, обеспечивающего расположение зооморфных образов в «правильном» положении (*Мышкин*, 2010. С. 269).

В. С. Ольховский считал, что использование одного лишь крюка для жесткого крепления колчана или горита, которое необходимо при скачке, было бы недостаточно, а потому трактовал все группы крючьев исключительно как застежки поясов (*Ольховский*, 1999. С. 183). Тщательное и детальное исследование воинских поясов населения Алтая и Северного Китая, проведенное П. И. Шульгой, также демонстрирует, что крючки использовались лишь в качестве застежек, а устройство подвеса оружия и снаряжения предполагало использование системы многочисленных потупейных ремешков (*Шульга*, 2008; 2010. С. 71–76, 101–103).

Не ставя целью этой работы изучение функционала крюков скифской эпохи, хотел бы лишь отметить, что группа фигурно-пластинчатых крючков с изображениями в зверином стиле на щитке в этой работе будет рассматриваться в качестве поясных/портупейных застежек.

Обращаясь к вопросам генезиса крючков-застежек и реконструкции путей их распространения в пределах «скифо-сибирского мира»,

---

[1] В данном случае, как мне кажется, критика в некотором роде излишне строга, учитывая разный подход к исследованию совокупности материалов.

[2] Вероятно, данное мнение было сформировано независимо от К. Ф. Смирнова.

хотел бы заметить, что далее речь пойдет исключительно о крючках групп, выделенных В. И. Гуляевым (пластинчатые и фигурно-пластинчатые по В. С. Ольховскому) и украшенных изображениями в зверином стиле.

В послевоенные годы на основании известной тогда источниковой базы А. В. Збруева сделала предположение о зарождении традиции украшения пластинчатых застежек зооморфными мотивами на территории Прикамья, откуда они распространились в лесостепные территории к западу и востоку (*Збруева*, 1952. С. 173–174). В. И. Гуляев первоначально частично согласился с этой точкой зрения, выделяя в качестве «прародины» для второй выделенной им группы крючков Волго-Камский регион, для первой – Средний Дон (*Гуляев*, 1969. С. 110). Через практически половину века, учтя новые материалы и данные, он остановился скорее на позиции о среднедонском происхождении обеих групп зооморфных крючков[3] (*Гуляев*, 2016. С. 72–73). Появление этих предметов на указанных территориях он относит к V в. до н. э. (*Гуляев*, 1969. С. 109; 2016. С. 69). К такому же выводу пришел и Е. И. Савченко (*Савченко*, 2004. С. 241).

К позиции о том, что появление в памятниках Волго-Камья и Приуралья зооморфных крючков-застежек связано с влиянием в большей мере населения Среднего Подонья, в меньшей – Южного Приуралья и Зауралья, пришли также и исследователи искусства АКИО и кара-абызской культуры[4] (*Корепанов*, 1981. С. 135; *Васильев*, 2002. С. 76; *Овсянников*, 2021. С. 11). Ст. А. Васильев предполагает развитие в ананьинском искусстве зооморфных мотивов именно в связи с влиянием южных традиций, переработкой скифских сюжетов и композиций, наибольшая активность которых фиксируется в позднеананьиское время (*Васильев*, 2002. С. 144). О Среднем Подонье как месте происхождения зооморфных крючков говорит и А. Д. Таиров, характеризуя взаимосвязи донских и южно-зауральских памятников (*Таиров*, 2019. С. 189).

Иных взглядов придерживался В. С. Ольховский. Он указывал, что начальной точкой генезиса всех крючков является восток Евразии (с чем трудно не согласиться), а традиция украшения фигурно-пластинчатых застежек зарождается в савроматской культуре в VI–V вв. до н. э. Именно оттуда она, по его мнению, попадает к населению АКИО, которое впоследствии стимулировало появление приемов зооморфного украшения щитка крючков у среднедонского населения (*Ольховский*, 1999. С. 185). Схожую позицию высказала и Е. Е. Васильева (*Васильева*, 2004. С. 37–38).

В общих чертах похожей точки зрения придерживается и В. Н. Васильев, анализируя, впрочем, только крючки с зооморфными изображениями групп, выделенных В. И. Гуляевым. Он полагает, что истоки общей морфологической схемы зооморфных крючков находились в Китае, а вектор распространения традиции использования этих предметов у народов Евразии был однонаправленным, с востока на запад (*Васильев*, 2014. С. 45). В. Н. Васильев в этом мнении опирается на работы китайских исследователей, и приводимые им иллюстрации действительно демонстрируют, что крючки, богато украшенные изображениями реальных и фантастических зверей, появляются еще на раннем этапе эпохи Восточного Чжоу, т. е. в VIII–VII вв. до н. э. (*Васильев*, 2014. С. 42. Рис. 1, *7–11*. С. 45). Подобные изделия в большом количестве были обнаружены также в могильнике Юйхуанмяо в Северном Китае, датировка которого определена П. И. Шульгой в рамках VII–VI вв. до н. э.[5] (*Шульга*, 2015. С. 269. Рис. 98–99).

Материалы из Северного Китая, безусловно, демонстрируют сходство с более поздними восточноевропейскими крючками. Однако, как мне кажется, в концепции В. Н. Васильева, на первый взгляд очень стройной, есть некоторые противоречивые моменты. Во-первых, бросается в глаза существенное конструктивное отличие китайских застежек от крючков, распростра-

---

[3] Стоит отметить, что критика Н. Н. Головченко В. И. Гуляева относительно анализа зон распространения зооморфных крючков в целом оправдана, т. к. последним не был учтен целый ряд находок за Уралом из могильников Котлик, Боротал I, Уландрык, Аймырлыг и др. Впрочем, это не отменяет того верного наблюдения В. И. Гуляева, что именно на Среднем Дону, в этой компактной группе памятников крючков с зооморфными изображениями встречено на порядок больше, чем в любой другой культуре «скифо-сибирского мира».

[4] Первоначально В. В. Овсянников придерживался несколько иной точки зрения, предполагавшей, что зооморфные крючки в кара-абызской культуре появились под влиянием ананьинского населения (*Овсянников*, 2006. С. 173).

[5] Здесь также необходимо отметить, что в материалах могильника Юйхуанмяо крючки не могут интерпретироваться иначе как застежки поясов, т. к. во многих случаях найдены непотревоженными.

нившихся в среде населения «скифо-сибирского мира»: конец стержня первых всегда загнут в сторону лицевой плоскости, а не оборотной, на которой располагается шпенек или петля крепления. Данная традиция наблюдается как на ранних, так и на более поздних застежках из Северного Китая и Ордоса (*Гуляев*, 2016. С. 101). Точно такую же систему мы можем наблюдать на поясных крючках из Кореи, датирующихся значительно более поздним временем (*Чжун Сукбэ, Чо Гёнми*, 2021. С. 17). В связи с этим возникают вопросы: почему же при заимствовании традиции использования зооморфных застежек степным населением не была взята изначальная конструкция? И почему ни один из крючков ранних кочевников не имеет «китайской» системы застегивания? Как мне представляется, в процессе переосмысления степняками изначальной схемы застежек обязательно должны были бы появиться гибридные экземпляры, выполненные в «кочевническом» стиле, но использующие оригинальную систему застегивания.

Во-вторых, далеко не все материалы, приведенные В. Н. Васильевым в качестве доказательства однозначного движения традиции украшения застежек зооморфными изображениями с востока на запад, выстраиваются в хронологическую последовательность сообразно заданному автором вектору. Так, например, курган 1 могильника Мажалык-Ховузу I, из которого происходит одна из застежек (*Грач*, 1980. С. 251. Рис. 113, *4*), датируется Д. Г. Савиновым второй половиной периода второго этапа саглынской культуры, т. е. IV, а не V в. до н. э. (*Савинов*, 2002. С. 118). Как отмечает и сам В. Н. Васильев, датировка застежки из могильника Аймырлыг в Туве находится пока в широком диапазоне от V до III в. до н. э. (*Мандельштам*, 1992. С. 427. Табл. 77, *7б*). Таким образом, данные крючки могли быть созданы не только одновременно, но и даже позже среднедонских или кара-абызских.

Оказался не учтенным В. Н. Васильевым крючок из кургана 3 могильника Уландрык IV со стилизованным изображением птицы на широкой части щитка (*Кубарев*, 1987. С. 279. Табл. LXXVIII, *19*). В. Д. Кубарев датирует этот комплекс в рамках переходного от пазырыкского к шибинскому этапу, т. е. III в. до н. э. (*Кубарев*, 1987. С. 132). Подобные крючки-застежки, всей своей формой стилизованные под изображение хищной птицы, почти нигде не встречаются, кроме Среднего Подонья, где датируются IV в. до н. э. (*Гуляев*, 2016. С. 100. Табл. VI).

Более ранними по отношению к среднедонским экземплярам являются лишь крючки, обнаруженные на Алтае в кургане 82 могильника Боротал 1 и датируемые второй половиной V в. до н. э. (*Кубарев, Шульга*, 2007. С. 34, 232. Рис. 37, *6*), и в кургане 7 могильника Кайнду[6], датируемого в рамках середины VI – начала V в. до н. э. (*Кирюшин, Степанова*, 2004. С. 104, 237. Рис. 56, *1*). Таким образом, если крючки-застежки действительно проникают в традиции степных народов из Китая, то происходит это через посредство пазырыкского населения, судя по хронологии и географии известных на сегодняшний день находок.

Также не все однозначно с датировкой памятников Южного Урала, где были обнаружены два зооморфных крючка – в кургане Котлик в Челябинской обл. (*Таиров*, 2019. С. 358), а также в погребении 4 кургана 4 могильника Филипповка 1 (*Яблонский*, 2013а. С. 109. Кат. 1227). Комплекс кургана Котлик датируется V в. до н. э., но при этом А. Д. Таиров отмечает, что застежка наиболее близка экземплярам лесостепного Подонья, и, как упоминалось ранее, называет родиной изделий подобного облика область Среднего Дона (*Таиров*, 2019. С. 189). Очевидно, что исследователь имел в виду сходство с донскими крючками с изображениями медведей, но в таком случае намечается некоторое противоречие дат: как будет показано ниже, эти застежки датируются более поздним временем.

Элитное погребение 4 кургана 4 могильника Филипповка 1 М. Ю. Трейстер и Л. Т. Яблонский относят к самым ранним захоронениям могильника, т. е. к рубежу V–IV – первому десятилетию IV в. до н. э. (*Трейстер, Яблонский*, 2012. С. 283). В эту же группу они относят и курган 1. Однако в последних работах наметилась некоторая тенденция к омоложению этих датировок Филипповского могильника. Например, погребение 2 упомянутого кургана 1 исследователи датируют в пределах середины – третьей четверти IV в. до н. э. (*Аникеева и др.,* 2023. С. 349). Таким образом, датировка кургана 4 также

[6] Данный памятник не совсем верно локализован В. Н. Васильевым в Тыве, хотя располагается в Горном Алтае. Также нужно добавить, что крючок в этом погребении был обнаружен в районе тазовых костей, вне связи с колчанным набором.

может в будущем претерпеть изменения, тем более что и сам В. Н. Васильев ранее, как он отмечает, склонен был датировать Филипповку более поздним временем (*Васильев*, 2014. С. 44).

Многочисленные комментарии к концепции В. Н. Васильева отнюдь не подразумевают невозможность ее существования, а лишь демонстрируют, что вектор движения культурных инноваций в рамках «скифо-сибирского мира» мог быть не только однонаправленным. Вполне возможно, что некоторые из идей, приходя с востока на запад, модифицировались и в уже измененном виде могли возвращаться обратно на восток. Кроме того, эти примечания прекрасно иллюстрируют тот факт, что для окончательного решения вопросов генезиса и направления распространения крючков-застежек в культурах евразийского пояса степей и лесостепей крайне важно определить точные хронологические рамки для каждого из изделий. Именно эта задача и является основной для данной работы.

В. И. Гуляевым в последней работе было учтено 30 зооморфных крючков, происходящих с территории Среднего Подонья (*Гуляев*, 2016. С. 8)[7]. Из них восемь экземпляров – с изображением медведя. Они были найдены в к. 11 (раскопки ВУАК) (*Замятнин*, 1946. С. 38. Рис. 27, *2*) и к. 11 (раскопки П. Д. Либерова) могильника Частые курганы (*Либеров*, 1954. Л. 16об); к. 1 могильника Русская Тростянка (*Пузикова*, 2001. С. 144. Рис. 3; 18); к. 38 могильника у с. Староживотинное (*Медведев*, 2001. С. 13. Рис. 4, *5*); к. 4 могильника Терновое I (*Савченко*, 2001а. С. 62. Рис. 7, *26*); курганах 1 (9) (*Савченко*, 2001б. С. 155. Рис. 2; 21) и 17 могильника Колбино I (*Шевченко*, 2009. С. 82. Рис. 21, *1*); к. 6 могильника у х. Дубовой (*Березуцкий*, 2006. С. 140. Рис. 2, *4*). На мой взгляд, вполне оправданным будет включить в эту выборку также крючки из кургана 1 у х. Кащеевка (*Максименко*, 1983. С. 172. Рис. 18, *14–15*) и случайную находку фрагмента застежки с городища Красный Курган (*Шпилев*, 2012. С. 169. Рис. 3, *4*). Эти памятники располагались в непосредственной близости к среднедонской группе курганов (междуречье Дона и Северского Донца и Курская лесостепь), вследствие чего эти предметы представляются просто прямыми импортами из лесостепного Подонья.

Все эти крючки конструктивно сходны и состоят из трех элементов. Первый – это стержень, округлый в сечении (рис. 2, *1–2*; 3) или уплощенный, иногда имеющий ребро жесткости (рис. 1; 2, *3–5*). На нем помещалось изображение (иногда очень стилизованное) головы грифона или ушастой птицы, в одном случае – головы горного козла (рис. 1, *1*). Один из концов черешка плавно загнут, образуя собственно крюк для застегивания. Для большинства застежек он символизирует клюв птицы, для экземпляра из кургана 17 могильника Колбино I – высунутый преувеличенный язык козла. На другом конце черешка, перпендикулярно его оси, находится уплощенный щиток с профильным изображением стоящего медведя, обращенного влево или вправо. На тыльной стороне щитка располагается выступающий шпенек со шляпкой для крепления застежки (на некоторых экземплярах не сохранился).

Обратимся к изображению медведя. Хищник представлен стоящим на прямых ногах, опираясь полностью на массивные когтистые лапы, согнутые под прямым углом, что позволяет уверенно атрибутировать его именно как медведя (*Савченко*, 2001б. С. 158). Медведь показан «сгорбленным», его голова опущена вниз, а пасть приоткрыта или раскрыта полностью (т. н. поза «пьющего медведя»). Данный образ медведя в классификации изображений хищников восточноевропейского звериного стиля А. Р. Канторовича относится к типу II-A-I-5, Кащеевско-колбинскому (*Канторович*, 2022. С. 56–57). В этот же тип совершенно обоснованно им были включены аналогичные изображения на бляшках конской узды (рис. 4), происходящих из к. 9 могильника у с. Дуровка (*Пузикова*, 2001. С. 231. Рис. 29, *2–3*), к. 29/21 могильника у с. Мастюгино (*Пузикова*, 2001. С. 103. Рис. 30, *1–2*), к. 5 могильника Колбино I (*Савченко*, 2001а. С. 89. Рис. 35, *2*) и к. 10 могильника Горки I (*Гуляев, Савченко*, 2004. С. 40. Рис. 4, *2–7*)[8].

---

[7] Сейчас их количество несколько увеличилось (*Гуляев и др.*, 2020. С. 26. Рис. 4, *2*).

[8] Необходимо отметить крайне досадную нестыковку в безусловно фундаментальной работе А. Р. Канторовича (*Канторович*, 2022. С. 162–163). В масштабном каталоге им учтены целых 13 комплексов, в которых были найдены эти уздечные бляхи, хотя на самом деле их всего четыре (и бляшек, соответственно, всего 11). А. Р. Канторович, по всей видимости, для подсчета использовал посмертную публикацию Е. И. Савченко (*Савченко*, 2009). И данная путаница возникла, безусловно, вследствие ошибки макетировщика или составителя подписей. При работе с этим изданием сразу

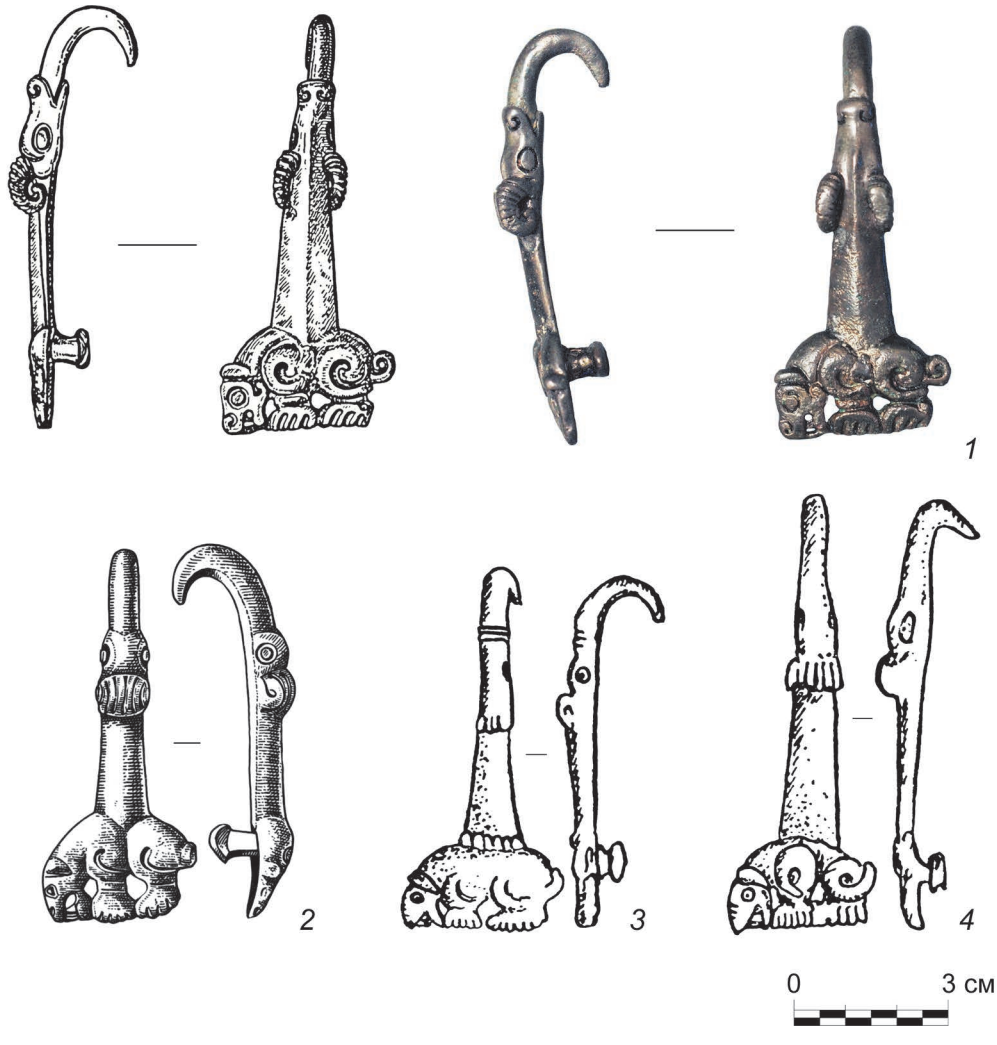


Рис. 1. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя первой серии.
1 – курган 17 могильника Колбино I (по *Шевченко*, 2009, фото – архив Донской экспедиции); *2* – курган 1 могильника у с. Русская Тростянка (по: *Пузикова*, 2001); *3, 4* – курган 1 у х. Кащеевка (по: *Максименко*, 1983) (*1–4* – бронза)

Несмотря на кажущееся единство конструкции всех указанных застежек, образа медведя на их щитках и грифона или ушастой птицы на другом конце стержня, при внимательном анализе материала достаточно четко, на мой взгляд, выделяются четыре варианта их исполнения. Причем внутри каждого варианта эти изделия не просто аналогичны или схожи, а представляют собой единую серию копий облика одного конкретного прототипа, изготовленную, вероятно, в узкий промежуток времени. Причем схематичность исполнения некоторых характерных деталей внутри каждой серии может быть не только следствием внутренней изобразительной динамики, хронологической последовательности изготовления предметов. На мой взгляд, это возможно объяснить и практическими, производственными причинами.

Для пояснения этой мысли рассмотрим уздечные бляшки из кургана 10 могильника Горки I (рис. 4, *4–5*). Это шесть парных украшений для трех комплектов конского снаряжения, изготов-

бросается в глаза дублирование страниц (с. 315 и 316). Подпись к рисунку была подготовлена, конечно же, уже не самим Е. И. Савченко, а тот, кто ее готовил, организовал неразбериху, вследствие которой эти бляшки попали в совершенно другие комплексы. Шесть экземпляров из кургана 10 могильника Горки I оказались разбросаны по одному в другие погребения, порой несуществующие (непонятно, что за разрушенный курган у с. Староживотинное). Впрочем, эта статистическая оплошность нисколько не мешает построениям и выводам А. Р. Канторовича, с которыми я абсолютно согласен.

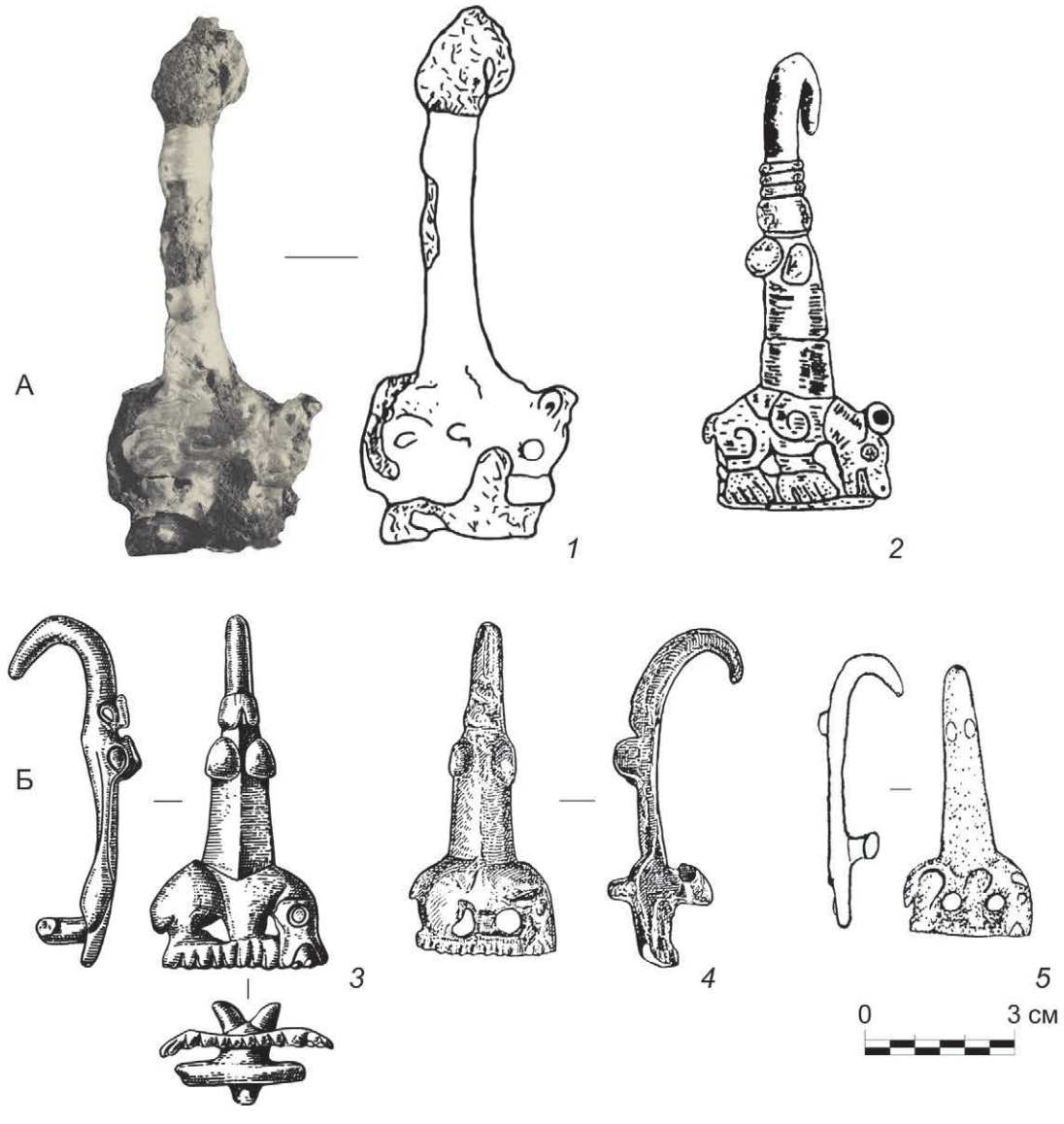


Рис. 2. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя второй (А) и третьей (Б) серий.
1 – курган 11 (раскопки П. Д. Либерова) могильника Частые курганы (по *Гуляев*, 2016; *Либеров*, 1954);
2 – курган 1 (9) могильника Колбино I (по *Савченко*, 2001б); *3* – курган 11 (раскопки ВУАК) могильника Частые курганы (по *Замятнин*, 1946); *4* – курган 4 могильника Терновое I (по *Савченко*, 2001а);
5 – курган 38 Староживотинного могильника (по *Медведев*, 2001) (*2–4* – бронза; *1* – железо, золотая фольга)

ленных, очевидно, одномоментно или в короткий отрезок времени, т. к. найдены они все вместе. Две самые крупные бляшки (вероятно, основной комплект) достаточно аккуратно воспроизводят «ядро образа», лопатки медведей старательно обозначены завитками (рис. 4, *4*). Остальные четыре экземпляра (рис. 4, *5*) сделаны значительно более схематично и грубо, над проработкой деталей восковой модели для отливки существенно меньше старались. Либо над ними работал уже другой мастер, который пытался скопировать в силу своих возможностей основной комплект. Рассматривая эти бляшки по отдельности, действительно можно предположить наличие динамики развития образа. Однако нахождение их всех в одном комплексе убеждает, что это одно и то же изображение, просто повторенное с разной степенью тщательности. Причем данный случай не единичный, аналогичную ситуацию можно наблюдать, например, с комплектами бляшек для упряжи с изображением волка из кургана 7 могильника Девица V (*Гуляев и др.,* 2022. С. 41. Рис. 5, *2*. С. 42. Рис. 6, *14–16*. С. 44). Даже внутри одного комплекта уздечных блях можно заметить схожие тенденции, если взглянуть на бляшки из кургана 29/21 у с. Мастюгино (рис. 4, *2*).

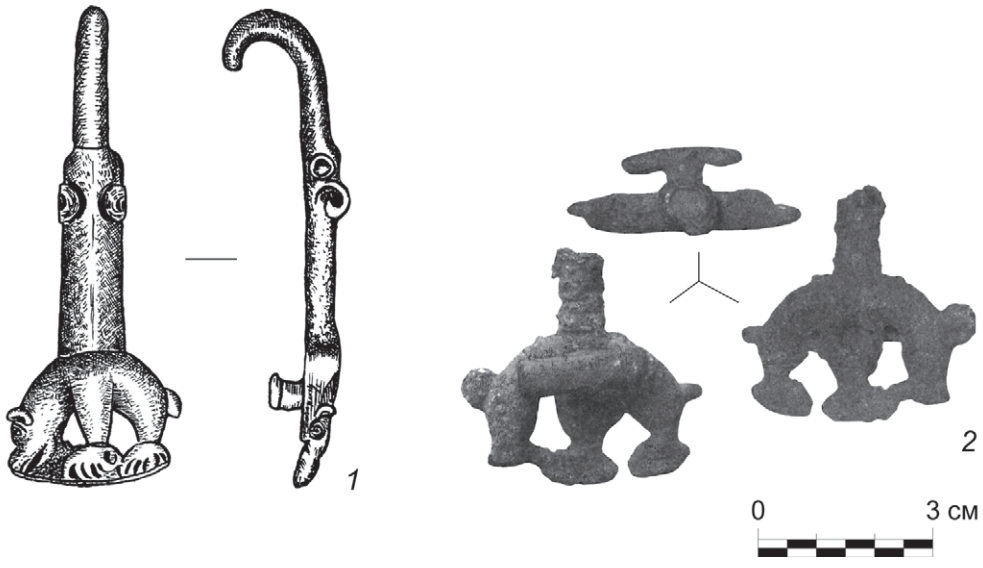


Рис. 3. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя четвертой серии.
1 – курган 6 у х. Дубовой (по *Березуцкий*, 2006); *2* – случайная находка на городище Красный Курган (по *Шпилев*, 2012) (*1* – бронза, *2* – железо)

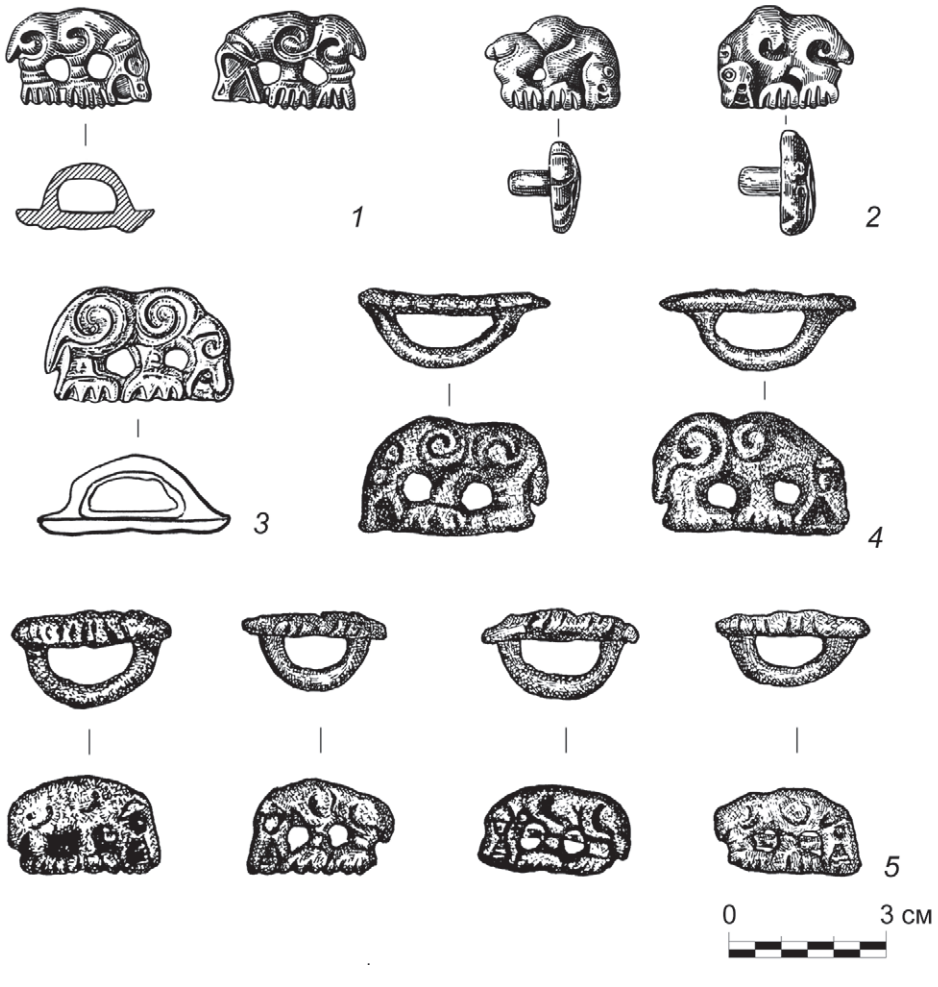


Рис. 4. Уздечные бляшки с изображением медведя.
1 – курган 9 у с. Дуровка (по: *Пузикова*, 2001); *2* – курган 29/21 у с. Мастюгино (по: *Пузикова*, 2001); *3* – курган 5 могильника Колбино I (по: *Савченко*, 2001а); *4, 5* – курган 10 могильника Горки I (по: *Гуляев, Савченко*, 2004) (*1–5* – бронза)

Все изложенное выше, как мне представляется, говорит о том, что на Среднем Дону в скифскую эпоху могли существовать именно *серии* изделий, некоторое количество копий оригинального предмета.

Серия 1 включает четыре крючка: к. 17 могильника Колбино I, к. 1 могильника Русская Тростянка, к. 1 у х. Кащеевка (рис. 1). Отличительные особенности данной серии: стержень уплощенный, изображение медведя на щитке обращено влево. Фигура хищника хорошо проработана, ухо выделено рельефными овалом, в раскрытой пасти хищника обозначены клыки, ноздри показаны либо завитком, либо каплевидной впадинкой. Ноги короткие и мощные, каждая из лап с когтями четко выделена, мускулатура на бедрах и лопатках обозначена характерным завитком. Короткий хвост свернут в колечко. В одном случае над спиной зверя в месте перехода щитка в стержень обозначен рельефный поясок с косыми насечками (рис. 1, *3*).

Застежка из Колбино отличается от других наличием на другом конце стержня изображения головы горного козла с четко выделенными закрученными ребристыми рогами (рис. 1, *1*). Ноздри выделены завитками, рельефно подчеркнуты губы. Крюк для застегивания передан как высунутый преувеличенный язык. На трех остальных крючках этой серии конец стержня стилизован под головку грифона или ушастой птицы (рис. 1, *2–4*). Однако заметна интересная и важная деталь: уши этого существа не разделены, как на всех других среднедонских крючках (в том числе и с изображениями других образов на щитках), а представлены в виде одного рельефного ребристого валика. На мой взгляд, это объясняется тем, что крючок из Колбино выступает тем самым прототипом, с которого делались последующие копии. И в данном случае ребристость ушей грифонов является наследием оригинального образа горного козла, которого мастера, копировавшие колбинский крючок, упростили до привычного изображения фантастического существа, характерного для конца стержня всех остальных крючков-застежек (не только среднедонских, но и ананьинских, кара-абызских, южноуральских и сибирских).

Датировка комплексов с застежками первой серии, к сожалению, крайне размыта ввиду отсутствия надежных хронологических маркеров. Погребение под курганом 17 могильника Колбино I Е.И. Савченко датировал широко IV в. до н. э. (*Савченко*, 2004. С. 241). Курган 1 у с. Русская Тростянка, как и курган 1 у х. Кащеевка, датируются исследователями еще более широко, IV–III вв. до н. э. (*Пузикова*, 2001. С. 125; *Максименко*, 1983. С. 172). Могу отметить, что вместе с колбинским крючком были обнаружены фрагменты железной пряжки-сюльгамы (*Шевченко*, 2009. С. 82. Рис. 21, *2–3*). Такие пряжки обычно обнаруживаются в комплексах, датировка которых находится в пределах второй половины IV в. до н. э. (см. ниже).

Впрочем, в данном случае крючки-застежки первой серии сами могут выступать хроноиндикаторами вследствие того, что они крайне близки второй серии, а изображение медведя на их щитках максимально близко уздечным бляшкам, речь о которых шла выше.

Серия 2 включает два крючка из к. 11 (раскопки П.Д. Либерова) могильника Частые курганы и к. 1 (9) могильника Колбино I (рис. 2, *1–2*). В отличие от первой серии, стержень застежки имеет округлое сечение. Верхний его конец украшен либо крайне стилизованной головкой грифона или ушастой птицы, в основании клюва которой обозначена восковица. Крючок из Частых курганов имеет крайне плохую сохранность, и в месте, где должны были располагаться уши фантастического существа, произошел разрыв золотой обкладки, а коррозия уничтожила железную основу. Но при этом на обкладке вполне прослеживаются ребристые валики на предполагаемом месте восковицы. Уши на экземпляре из Колбино, в отличие от предыдущей серии, показаны раздельно, двумя овальными выступами. Изображение медведя на щитке обращено вправо и в целом очень близко во многих деталях к серии 1. Характерной особенностью является способ моделировки уха – здесь оно выступает за общий абрис фигуры, показано круглым, с выделенной раковиной. Ноздря едва обозначена точкой. В раскрытой пасти хищника клыки не обозначены, хвост не свернут в кольцо, а опущен вниз. Присутствуют, впрочем, характерные и для первой серии завитки на бедрах и лопатках зверя.

Погребение в кургане 1 (9) Колбинского могильника Е.И. Савченко четко датирует серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. (*Савченко*, 2001б. С. 159), а курган 11 могильника Частые курганы (раскопки П.Д. Либерова) – серединой IV в. (*там же*). Изображение оленя на зо-

лотой оковке деревянного сосуда из последнего захоронения относится А. Р. Канторовичем к типу II–I-1 Нимфейско-уляпскому, датировка большинства изображений которого находится в рамках середины V – начала IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. С. 131–133). Впрочем, по его мнению, схематизм и примитивность изображения оленя из Частых курганов не противоречит дате, предложенной Е. И. Савченко. Однако в своде А. Р. Канторович не учел еще два изображения, которые полностью идентичны оковке из Частых курганов и могут быть отнесены к этому типу, – бляшки из погребения 1 кургана 8 Песочинского могильника (*Бабенко*, 2005. С. 250. Рис. 17, *5*) и кургана 6 у с. Старый Мерчик (*Бандуровский, Буйнов*, 2000. С. 152. Рис. 12, *4*). Эти украшения крайне важны, т. к. имеют точную датировку по находкам импортной античной посуды и амфорной тары, многочисленным аналогиям. Л. И. Бабенко датирует погребение 1 кургана 9 Песочинского могильника концом третьей четверти – концом IV в. до н. э. (*Бабенко*, 2005. С. 163). Погребение в кургане 6 у с. Старый Мерчик датируется по мендийской амфоре 30-ми гг. IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов*, 2000. С. 56). Из этого следует, что датировка кургана 11 могильника Частые курганы (раскопки П. Д. Либерова) также может определяться в рамках середины – третьей четверти IV в. до н. э.

Таким образом, датировка крючков второй серии на основании общей хронологии комплексов вполне определенная: середина – третья четверть IV в. до н. э.

Обратимся к изображениям медведя на уздечных бляшках (рис. 4). По сути, они сочетают в себе характерные особенности хищников на щитках первой и второй серий застежек. Преднамеренно укороченное туловище, короткие и мощные ноги с выделенными когтистыми лапами, на бедрах и лопатках – завитки, хвост опущен вниз (как у медведей из серии 2), уши выделены рельефным валиком, не выступающим за абрис фигуры (как у серии 1), клыки на некоторых экземплярах выделены, на некоторых – нет. На всех бляшках, кроме мастюгинских (рис. 4, *2*), голова хищника несколько схематизируется. В целом изображения медведей на этих бляшках почти идентичны тем, что располагались на застежках первой и второй серий, но отличаются от тех, что помещены на щитках крючков третьей и четвертой серий (рис. 2, *3–5*; 3).

А. И. Пузикова датировала курган 9 у с. Дуровка достаточно широко, IV в. до н. э. (*Пузикова*, 2001. С. 191). В этом погребении среди прочего инвентаря были обнаружены два меча типа Чертомлык (*Пузикова*, 2001. С. 2332. Рис. 30, *1–2*). Оружие этого типа обнаруживается в самых богатых захоронениях скифской эпохи: собственно в Чертомлыке, Куль-Обе, 8-м кургане группы Пять братьев, Толстой Могиле, Карагодеуашхе и других. Несмотря на дискуссионность датировок этих комплексов (см. многочисленные работы А. Ю. Алексеева, В. И. Каца, Н. Ф. Федосеева, С. В. Полина, С. Ю. Монахова), Д. А. Топал приходит к вполне аргументированному и справедливому мнению, что временем массового распространения на территории степей и лесостепей Восточной Европы мечей типа Чертомлык в их классическом исполнении является третья четверть IV в. до н. э. (*Топал*, 2014. С. 136).

Кроме того, в захоронении была найдена бляшка с изображением т. н. «петушка-гиппокама» (*Канторович*, 2022. С. 316–318). Этот образ присутствует на предметах из многих богатейших курганов Скифии, в частности, в Толстой, Гайматовой и Бабиной Могилах, Чертомлыке. А. Р. Канторович предлагает хронологические рамки бытования этого образа в рамках второй четверти – конца IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. С. 318). Однако наибольшее распространение этот образ получил именно в погребениях второй – третьей четвертей IV в. до н. э. Таким образом, курган 9 могильника у с. Дуровка следует датировать третьей четвертью IV в. до н. э., предполагая возможность некоторого расширения хронологических рамок до второй – третьей четверти IV в. до н. э.

Курган 29/21 у с. Мастюгино[9], в котором также были обнаружены две уздечные бляшки с изображением медведя (рис. 4, *2*), первоначально был датирован V в. до н. э. по находке бронзовой гидрии (*Башилов*, 1966; *Пузикова*, 2001. С. 61). В дальнейшем эта датировка достаточно прочно утвердилась в научной литературе (см., напр.: *Медведев*, 1999. С. 95–97; *Канторович*, 2022. С. 323 и др.). Однако еще в 1973 г. А. П. Манцевич при публикации материалов

[9] Был доследован П. Д. Либеровым в 1960 г. после раскопок А. А. Спицына в 1905 г., которым был обозначен как курган II (*Манцевич*, 1973).

из Мастюгинских курганов, хранящихся в Государственном Эрмитаже, датировала этот курган второй половиной IV в. до н. э. благодаря ритону, сходному с обнаруженным в Мордвиновском кургане, а также железным наконечникам стрел, аналогичным обнаруженным в Чертомлыке и Карагодеуашхе (*Манцевич*, 1973. С. 41). Д. С. Гречко и А. В. Шелехань на основании комплекта наконечников стрел предложили датировку этого погребения: середина – вторая половина IV в. до н. э. (*Гречко*, *Шелехань,* 2012. С. 103).

Этой же датировки комплекса придерживался и Е. И. Савченко (*Савченко*, 2005. С. 479). Он отметил крайнее сходство семи золотых бляшек с изображением лошади, обнаруженных в кургане 29/21 могильника у с. Мастюгино, с бляшками, обнаруженными в к. 7 могильника Колбино I (*Савченко*, 2001а. С. 99. Рис. 33, *21*). Е. И. Савченко даже предположил, и с этим я полностью согласен, что изображение на изделиях из двух могильников были оттиснуты одним штампом, так как они совпадают в мельчайших деталях (*Савченко*, 2005. С. 479). Датировка погребения в к. 7 могильника у с. Колбино определяется по мечу типа Чертомлык третьей четвертью IV в. до н. э.

Кроме того, я уже подчеркивал ранее сходство золотых бляшек с изображением головы кабана из кургана 29/21 у с. Мастюгино с находками из погребения 1 кургана 18 могильника Колбино I (*Володин*, 2022). В этом комплексе также была найдена амфора, согласно определениям А. П. Абрамова, колхидского производства, изготовленная в третьей четверти IV в. до н. э., скорее во второй ее половине (*Гуляев, Савченко*, 1998. С. 128).

Исходя из вышесказанного, датировка этого кургана у с. Мастюгино должна быть определена в рамках скорее третьей четверти IV в. до н. э.

Курган 5 могильника Колбино I, в котором была найдена одна бляшка с изображением медведя (рис. 4, *3*), Е. И. Савченко датировал по набору вещей и комплекту наконечников стрел первой половиной IV в. до н. э. (*Савченко*, 2009. С. 261). Однако если говорить о стрелковом наборе из данного кургана, то надо отметить, что наконечники стрел т. н. типа «ласточкин хвост» встречаются в курганах, датированных не ранее середины IV в. до н. э., – кургане 12 могильника Горки I, кургане 9 могильника Девица V (*Гуляев, Шевченко,* 2017. С. 124. Рис. 13, *8*; *Гуляев и др.,* 2020. С. 32. Рис. 8, *8*). Обнаруженная в захоронении пряжка-сюльгама, как уже говорилось выше, также дает основания говорить о более поздней датировке погребения; они были обнаружены, например, в упоминавшихся выше курганах 29/21 у с. Мастюгино, 9-го могильника Девица V, 7-го могильника Колбино I. Надежную датировку имеет также курган 1 могильника Частые курганы (раскопки ВУАК) благодаря обнаруженной бронзовой патере, датированный М. Ю. Трейстером не раньше последней четверти IV в. до н. э. (*Трейстер*, 2021. С. 384). В этом комплексе также была найдена аналогичная пряжка-сюльгама. Среди материалов курганов степной Скифии можно обнаружить схожую пряжку в кургане Толстая Могила (*Мозолевський*, 1979. С. 124. Рис. 106, *6*). А. Ю. Алексеев датирует этот курган в интервале 350–320 гг. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 264). С. В. Полин склонен датировать его второй четвертью этого столетия, не позднее 350 г. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 523).

Найденный в к. 5 могильника Колбино I конский налобник с изображением птицы был отнесен А. Р. Канторовичем к Гаймановско-пастырскому типу, который датируется в широких рамках середины V – IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. С. 273–274). Однако налобник из колбинского кургана явно далек по исполнению от образов V в. до н. э. в рамках этого типа. При этом курган 13 могильника Горки I, в котором также был найден налобник этого типа, очень близкий к колбинскому по облику, датирован серединой – второй половиной IV в. до н. э. (*Гуляев, Савченко*, 2004. С. 47). Другое аналогичное конское украшение присутствует в материалах кургана 7 могильника у х. Дубовой, который также можно датировать в пределах середины – второй половины IV в. до н. э. (*Гуляев и др*., 2022. С. 44).

Резюмируя приведенные данные, мне представляется, что курган 5 могильника Колбино I следует датировать скорее серединой – третьей четвертью IV в. до н. э., учитывая также и обсуждаемую бляшку с изображением медведя.

Курган 10 могильника Горки I, в котором были найдены уже упоминавшиеся выше три комплекса парных бляшек (рис. 4, *4–5*), датируется по находке амфоры типа Пепарет II третьей четвертью IV в. до н. э. (*Гуляев, Савченко*, 2004. С. 43). С этим определением не согласились В. И. Бидзиля и С. В. Полин, которые считают вслед за С. Ю. Монаховым и Е. В. Кузнецовой, что эта

амфора относится к продукции неустановленных центров в Пропонтиде или Северной Эгеиде и датируется в пределах середины первой – третьей четвертей IV в. до н. э. При этом датировку всего комплекса в целом они ограничивают первой половиной IV в. до н. э. вследствие того, что в погребении были обнаружены биметаллические S-видные псалии, бытование которых, по их мнению, не выходит за пределы середины IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 208).

Позволю себе не согласиться с В. И. Бидзилей и С. В. Полиным. Получается, что в среднедонской группе памятников, скорее наоборот, расцвет использования биметаллических псалиев приходится именно на середину и третью четверть IV в. до н. э. Они были найдены в кургане 13 могильника Горки I, в кургане 7 у х. Дубовой, в кургане 29/21 у с. Мастюгино, в кургане 9 у с. Дуровка, т. е. именно в том круге погребений, который описывался выше. Также подобные псалии обнаружены в кургане 36 могильника Колбино I, который точно так же можно отнести к третьей четверти IV в. до н. э. по находке классического меча типа Чертомлык (*Шевченко*, 2009. С. 104. Рис. 43, *19*). Единственное исключение – это курган 14 у с. Русская Тростянка, в котором также присутствовал схожий биметаллический псалий, датируемый по находке амфоры раннего производства Гераклеи А. П. Абрамовым первой половиной IV в. до н. э., Г. А. Ломтадзе – началом IV в. до н. э. (*Пузикова*, 2017. С. 18). Кроме того, В. И. Бидзиля и С. В. Полин отмечают, что S-видные псалии из Краснокутского кургана, как и комплекс в целом, датируются третьей четвертью IV в. до н. э., добавляя, что это анахронизм (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 190). Почему бы не существовать и другим «анахронизмам»?

Таким образом, курган 10 могильника Горки I и, соответственно, интересующие нас бляшки датируются в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

Обобщая анализ хронологии бытования уздечных бляшек с изображением медведя, хотелось бы суммировать: все они датируются в рамках одного промежутка середины – третьей четверти IV в. до н. э., как и крючки второй серии. Поэтому мне представляется, что и застежки первой серии, близкие к ним, следует отнести к этому промежутку. Скорее всего, прототипы каждой из этих серий как крючков, так и бляшек появились в середине столетия (вероятно, именно так нужно датировать экземпляр из кургана 17 Колбино I), а копии были созданы чуть позднее, в ближайшие два десятилетия.

Серия 3 состоит из трех крючков-застежек (рис. 2, *3–5*), найденных в кургане 11 могильника Частые курганы (раскопки ВУАК), в кургане 4 могильника Терновое I, в кургане 38 могильника у с. Староживотинное. Как в первой серии, стержень крючка уплощен, есть ребро жесткости у двух экземпляров. На одном конце он имеет изображение грифона или ушастой птицы, в одном случае предельно стилизованное (рис. 2, *5*). Уши фантастического существа оформлены так же, как и у крючка из второй серии, глаза обозначены только на одном экземпляре из Частых курганов, причем расположены они под восковицей. Последняя рельефно обозначена и на крючке из Тернового I.

Изображение медведя на щитке крючков третьей серии обращено вправо, оно более схематичное, нежели на предыдущих. Голова упрощена и стилизована, в раскрытой пасти отсутствуют клыки, ухо выделено небольшим овальным выступом, едва читаемым. Тело медведя гладкое, без завитков, мускулы бедер показаны рельефно, хвост короткий, опущен вниз. Более стилизованными изображены лапы хищника, они оказались словно слитыми в одну сплошную гребенку. На крючке из Староживотинного отсутствует обозначение когтей на лапах. В целом образ медведя этой серии крючков более стилизованный.

Крючок из кургана 38 у Староживотинного могильника имеет точную датировку благодаря находке в погребении гераклейской амфоры с клеймом магистрата Писистрата в рамках третьей четверти IV в. до н. э. либо более узко – второй половины 40-х – первой половины 30-х гг. этого столетия (*Медведев*, 2001. С. 5).

Курган 11 могильника Частые курганы (раскопки ВУАК) датировался П. Д. Либеровым в пределах IV в. до н. э. (*Либеров*, 1965. С. 25. Табл. IX). Набор золотых штампованных бляшек (*Замятнин*, 1946. С. 43. Рис. 33) обнаруживает полные аналогии на Среднем Дону в кургане 1 у с. Дуровка (*Пузикова*, 2001. С. 209–211. Рис. 7–9), в том числе и в случае весьма редких бляшек с изображениями кабанов (*Володин*, 2022). Последний А. И. Пузикова датирует широко IV–III вв. до н. э. (*Пузикова*, 2001. С. 184). Однако весь набор нашивных украшений из этих двух погребений аналогичен коллекции

бляшек из Александропольского кургана (*Полин, Алексеев*, 2018. С. 309. Кат. 54. С. 311. Кат. 62. С. 542. Кат. 38. С. 543. Кат. 40. С. 454. Кат. 48. С. 569. Кат. 189 и т. д.). Изображение оленя на бляшке из Дуровки А. Р. Канторович относит к 3-му варианту типа I-1-I-3 Завадско-акмечетскому, ближайшие аналогии которому находятся также в Александропольском кургане, Огузе (*Канторович*, 2022. С. 124). Серебряные нащечники из кургана 11 Частых курганов (*Замятнин,* 1946. С. 42. Рис. 31, *3–4*) наиболее близки к выделенному А. Р. Канторовичем типу I–I-6 Огузско-чертомлыцкому, датированному в рамках второй четверти – конца IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. С. 237–239). Серебряный налобник из этого погребения В. И. Гуляев справедливо относит к фракийскому типу и определяет ближайшие аналогии в курганах Чертомлык, Толстая Могила, Козел и Александропольском (*Гуляев*, 2001. С. 46).

Основной круг приведенных аналогий демонстрирует, что датировка кургана 11 могильника Частые курганы (раскопки ВУАК) привязана к хронологии царского Александропольского кургана. К настоящему времени сложились две точки зрения на его датировку. А. Ю. Алексеев склонен его датировать в пределах 320–300 гг. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 270), хотя с появлением новых данных он начал высказывать более осторожные мнения (*Полин, Алексеев*, 2018. С. 590). С. В. Полин на основе анализа амфорной тары и клейм приходит к выводу о несколько более ранней датировке Александропольского кургана в интервале 340–330 гг. до н. э. (*Полин, Алексеев*, 2018. С. 464). Исходя из этого, представляется наиболее обоснованной датировка рассматриваемого погребения из Частых курганов в рамках конца третьей четверти – конца IV в. до н. э.

Дату кургана 4 могильника Терновое I, в котором был найден последний крючок третьей серии, Е. И. Савченко определил в рамках второй половины – конца V в. до н. э. (*Савченко*, 2004. С. 270–271. Табл. 14–15. С. 277. Табл. 20). Что характерно, один из аргументов к подобной датировке – именно рассматриваемый крючок-застежка. Учитывая, что он поразительно похож на экземпляр из Частых курганов, рассмотренный выше, датировка экземпляра из Тернового столетием раньше представляется не совсем оправданной. Дата наконечника копья – первая половина V в. до н. э. – может быть уточнена на фоне новых находок из могильника Девица V, где зафиксирован аналогичный наконечник в погребении второй половины IV в. до н. э. (*Володин, Шевченко*, 2023. С. 33. Рис. 7, *2*). Черешковые наконечники стрел типа «ласточкин хвост», как говорилось выше, в основном бытовали также в это время.

Возможно, больше всего Е. И. Савченко сподвигла на столь раннюю датировку комплекса находка уникальных роговых С-видных псалиев с зооморфными окончаниями (*Савченко*, 2001а. С. 64. Рис. 8, *21–22*). Но для датировки их концом VI – первой половиной V в. до н. э. нет никаких оснований. Как отмечает сам исследователь, псалии С-видной формы появляются в Скифии в IV в. до н. э. (*Савченко*, 2009. С. 238). Изготовление псалиев из рога и украшение их зооморфными образами действительно характерно скорее для памятников скифской архаики (правда, в трехдырчатом исполнении). Однако эта традиция могла существовать и в IV в. до н. э. Так, например, двухдырчатые псалии Г-образной формы с зооморфными окончаниями были обнаружены в курганах 8 могильника Колбино I и 13 могильника Горки I. Датировка последнего была обозначена выше, первый Е. И. Савченко датирует в пределах середины – третьей четверти IV в. до н. э. (*Савченко*, 2009. С. 232).

В этом же погребении найдена еще одна пара слабо согнутых в С-видную форму роговых псалиев с геометрическим орнаментом (*Савченко*, 2001а. С. 64. Рис. 8, *23–24*). Единственная аналогия обнаруживается в погребении 11 кургана 3 2-го Крепинского могильника, которое В. Е. Максименко датировал IV–III вв. до н. э. (*Максименко*, 1983. С. 187. Рис. 33, *2*). Третий комплект узды из кургана 4 Тернового I включал в себя железные С-видные псалии с раструбовидным окончанием стержней и псалии аналогичной формы с шишечками на концах стержней (*Савченко*, 2001а. С. 64. Рис. 8, *9–11*). Е. И. Савченко представил обширные аналогии этим изделиям, определяя даты аналогий как не выходящую за пределы IV в. до н. э. для псалиев с раструбовидными окончаниями (*Савченко*, 2009. С. 240). Также он приходит к выводу, что С-видные псалии с шишечками возникают лишь во второй половине IV в. до н. э. (*Савченко*, 2009. С. 241).

Как видим, даже у самого исследователя возникала некоторая несогласованность в датировках определенных вещей, что делает несколь-

ко необоснованным вывод о дате кургана 4 могильника Терновый I в рамках второй половины – конца V в. до н. э. Кроме того, недавно были получены радиоуглеродные датировки образцов из костей покойного из этого захоронения[10]. Несмотря на известные проблемы радиокарбонного датирования скифской эпохи, нужно отметить, что ни один пик калибровочной кривой образца из рассматриваемого погребения не заходил в V в. до н. э.

Все сказанное выше убеждает, что дата кургана 4 могильника Терновый I должна находиться в пределах второй половины IV в. до н. э. Учитывая степень сходства крючка-застежки с экземпляром из Частых курганов, датировка этих двух погребений не должна иметь серьезный разрыв. Поэтому для крючка из Тернового представляется наиболее обоснованной датировка в рамках конца третьей четверти – конца IV в. до н. э.

Датировка третьей серии крючков-застежек с изображениями медведя, таким образом, находится в интервале середины третьей четверти – конца IV в. до н. э., т. е. она несколько позднее первых двух. Более схематичная манера исполнения звериного образа также явно свидетельствует о том, что эти крючки являются некой производной, упрощением первичной схемы. Из трех застежек на роль прототипа серии с точки зрения качества проработки, казалось бы, может претендовать экземпляр из Частых курганов (рис. 2, *3*), однако изделие из Староживотинного датируется несколько более ранним временем.

Серия 4 представлена двумя экземплярами крючков из к. 6 могильника у х. Дубовой и случайной находкой фрагмента застежки с городища Красный Курган (рис. 3). Стержень крючков имеет округлое сечение, на предмете из Дубового конец его представлен в виде стилизованного изображения грифона или ушастой птицы. Уши обозначены рельефными валиками, намечена раковина. Выделены глаза существа, восковица отсутствует. На щитке представлено изображение медведя, обращенное влево, которое выполнено в несколько более натуралистичной, хоть и сильно упрощенной, манере. При взгляде на эти образы первоначально может даже сложиться впечатление, что они выполнены не в скифском зверином стиле.

Спина хищника выгнута дугой, ноги не такие короткие и мощные, как на крючках предыдущих серий. Лапы в большей мере скруглены, линия абриса нижней части изображения представлена в форме дуги, тогда как на других застежках это скорее прямая линия. Пасть зверя слегка приоткрыта, ухо показано в одном случае почковидным валиком, немного выступающим за пределы фигуры (рис. 4, *1*), в другом – круглым выступом (рис. 4, *2*). Интересно, что на экземпляре из Курской лесостепи глаз, как и, видимо, остальные детали, сниве-лированные коррозией, отображены на оборотной стороне застежки, под шпеньком для крепления.

Датировка находки с городища Красный Курган затруднена ввиду ее случайного характера[11]. Впрочем, датировка кургана 6 у х. Дубовой точнее, чем IV в. до н. э., также затруднительна ввиду отсутствия ярких хроноиндикаторов или датирующего материала, что и констатирует В. Д. Березуцкий (*Березуцкий*, 2006. С. 145–146). Однако общая манера исполнения образа медведя, даже несколько отдаленная от скифского звериного стиля, может говорить о том, что позиция данных крючков-застежек на хронологической шкале должна следовать после третьей серии, т. е. не раньше последней четверти IV в. до н. э. Верхняя датировка при этом остается открытой. Однако подкурганные погребения, датирующиеся позже горизонта Александропольского кургана, среди среднедонской группы памятников мне пока неизвестны.

Подводя итоги анализа среднедонских (и некоторых сопредельных) крючков-застежек с изображением медведя, можно сделать несколько общих выводов.

1. Все крючки были изготовлены в рамках четырех серий, каждая из которых имеет отличительные черты: определенная форма стержня, стилизация крюка-зацепа; направление фигуры медведя; характерные детали и способы отображения частей тела зверя; выработанная общая манера исполнения. То есть внутри каждой серии изделия это копии конкретного прототипа.

---

[10] Материалы находятся в стадии подготовки публикации, вследствие чего пока я не могу полностью обнародовать калибровочную кривую и другую дополнительную информацию.

[11] Впрочем, нужно сказать, что на городище был выявлен культурный слой скифской эпохи (юхновская культура) (*Шпилев*, 2012. С. 165).

2. Каждая серия была изготовлена в относительно короткий срок, причем возникали они последовательно. При этом наблюдается постепенный общий регресс, упрощение и схематизация изобразительных приемов.

3. Время бытования всех крючков-застежек с изображением медведя определяется в относительно узком интервале половины столетия – с середины до конца IV в. до н. э.

Последний вывод особенно важен в рамках темы данной работы. Зооморфные крючки с образом медведя могут служить вполне надежным хроноиндикатором, позволяющим уточнять датировку иногда вплоть до четверти столетия в случаях, когда речь идет о возможности установления определенной серии изделия с территории Среднего Подонья или прилегающих областей, либо позволяющим установить *terminus post quem* для конкретной находки.

Так, например, изображение медведя на бронзовой пряжке из Майкопского клада (*Leskov*, 2008. Cat. № 25) было явно скопировано с крючка-застежки третьей серии, т. е. этот предмет не может датироваться раньше середины – третьей четверти IV в. до н. э. Крючок из разрушенного погребения у с. Бажиган (*Маслов, Очир-Горяева*, 1997. Рис. 2, *14*), несмотря на несколько иную художественную манеру, повторяет, скорее всего, вторую серию среднедонских застежек, что говорит о его датировке не раньше середины IV в. до н. э.

Особенно полезным хронологическим индикатором среднедонские крючки с изображением медведя могут выступать для определения датировок ряда памятников АКИО и кара-абызской культуры. Как обсуждалось в начале работы, скорее всего, в традиции населения регионов Волго-Камья и Приуралья использование зооморфных крючков-застежек попадает именно с территории лесостепного Подонья. Некоторые исследователи в связи с этим активно привлекают материалы среднедонских памятников скифской эпохи для датирования комплексов позднего периода АКИО (см., напр.: *Чижевский*, 2017). Исходя из обозначенных выше датировок, все обнаруженные в Волго-Камском, как и в Приуральском регионах крючки с медвежьим образом не могли появиться раньше середины – третьей четверти IV в. до н. э.

В качестве ремарки хотелось бы также отметить, что рассмотренные в этой работе изображения представляют почти весь Кащеевско-колбинский тип по А. Р. Канторовичу. В него также входят изображение хищника с оковки ручки деревянного сосуда из кургана 1 могильника Частые курганы (речь о нем шла выше, датировка – последняя четверть IV в. до н. э.), фигура зверя на бронзовых уздечных бляхах из кургана у с. Желтокаменка (*Мозолевский*, 1982. Рис. 28; 38, *1*). Последний датируется, как и изображения на первой и второй серии крючков и бляшках, третьей четвертью IV в. до н. э., более узко – 350–340 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 546–547). В таком случае изображение на золотой обивке деревянного сосуда из Чабанцовой Могилы является наиболее ранним и может выступать в качестве возможного прообраза (*Мозолевский*, 1980. С. 83. Рис. 20, *3*). Б. Н. Мозолевский датирует погребение V в. до н. э., но А. Р. Канторович уточняет датировку до третьей четверти этого столетия (*Канторович*, 2022. С. 330).

Подводя итоги работы, хотелось бы вновь вернуться к вопросу о путях распространения и генезисе традиции использования зооморфных крючков-застежек ранними кочевниками Евразии. Напомню, что, по мнению А. Д. Таирова, местом происхождения зооморфных крючков являлся регион Среднего Подонья, а находка подобного изделия в кургане Котлик свидетельствует о контактах кочевников Южного Зауралья с населением этой территории (*Таиров*, 2019. С. 189). На первый взгляд это вполне оправдано, т. к. согласно датировкам и В. И. Гуляева, и Е. И. Савченко крючки появляются в лесостепном Подонье в V в. до н. э. (*Гуляев*, 1969. С. 109; *Савченко*, 2004. С. 277. Табл. 20). Однако если внимательно присмотреться к таблице, подготовленной последним, то можно заметить, что всего две застежки датируются этим временем. Первая из них – это проанализированный выше крючок из кургана 5 могильника Колбино I. Второй экземпляр происходит из кургана 15/11 у с. Мастюгино (*Пузикова*, 2001. С. 86. Рис. 13, *1*). Это железная застежка, щиток которой представляет собой тело птицы, крылья и ее хвост, а гладкий стержень с крюком-зацепом символизировал шею и голову с клювом. Датировка этого предмета концом V в. до н. э. вызывает сомнения. Абсолютно аналогичный крючок был обнаружен в кургане 9 могильника Девица V, который надежно датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (*Гуляев и др.,* 2020. С. 26. Рис. 4, *2*). Все остальные крючки-застежки Среднего Подонья датируются в рамках IV в. до н. э.

Зооморфный крючок из кургана Котлик в Челябинской обл. является в таком случае более ранним по отношению к среднедонским экземплярам. К тому же манера исполнения образа хищника на нем сама свидетельствует о более ранней хронологической позиции. И это действительно свидетельствует, как писал В. Н. Васильев, о продвижении традиции использования такого элемента поясной гарнитуры с востока, вероятно, с Алтая через Южное Зауралье.

Последним остается вопрос о крючке из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1. При ближайшем рассмотрении мы можем заметить, что это изделие демонстрирует почти все элементы, свойственные для среднедонских крючков с изображением второй серии. Причем, как и в случае с экземпляром из кургана 11 (раскопки П. Д. Либерова) могильника Частые курганы, основа была изготовлена из железа, сверху ее обтянули золотой фольгой. Бросаются в глаза схожие схема изображения хищника; форма щитка, диктующая похожий абрис фигуры; детали образа – голова опущена вниз, пасть раскрыта, в ней обозначены клыки, ухо обозначено рельефно, не выступая за края абриса, мускулатура ног выделена не только рельефом, но и орнаментом, хвост опущен. Л. Т. Яблонский предположил, что на крючке мог быть изображен медведь (*Яблонский*, 2013а. С. 108. Кат. 1227). Однако, как верно заметил В. И. Гуляев, здесь представлен кошачий хищник, в чем убеждает не только длинный хвост, но и манера опоры не только на лапы, наличие выделенной гривы (*Гуляев*, 2016. С. 73).

Впрочем, некоторые отличия никак не могут, на мой взгляд, свидетельствовать о более ранней хронологической позиции застежки из Филипповки по отношению к сериям крючков с изображением медведя с территории Среднего Дона. Весь внешний облик и устройство этого предмета свидетельствует, что он является переосмысленной копией западных аналогов. Соответственно, он не может датироваться ранее середины IV в. до н. э.

Проведенное уточнение хронологии зооморфных крючков-застежек, на мой взгляд, демонстрирует, что применительно к истории и археологии ранних кочевников евразийских степей не всегда стоит исходить из постулата об однонаправленном движении культурных инноваций исключительно с востока на запад. Дойдя до западных регионов, идеи, вещи, искусство трансформировались и вполне могли возвращаться в новом качестве обратно на восток.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 416 с.

Аникеева О. В., Балабанова М. А., Клепиков В. М., Пилипенко А. С., 2023. Погребение «жрицы» из Филипповки: опыт комплексного исследования // Stratum plus. № 3. С. 341–413.

Бабенко Л. И., 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер. 284 с.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., 2000. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ. 236 с.

Башилов В. А., 1966. Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино // Советская археология. № 2. С. 304–308.

Березуцкий В. Д., 2006. Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. С. 138–148.

Бидзиля В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 752 с.

Васильев В. Н., 2014. К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре Кара-абыза // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 40–47.

Васильев Ст. А., 2002. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. … канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ. 513 с.

Васильева Е. Е., 2004. К проблеме интерпретации бронзовых зооморфных крючков кобанской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летия со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа) / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М. С. 35–38.

Волков В. В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 248 с.

Володин С. А., 2022. Золотые бляшки с изображением головы кабана из погребальных памятников Среднего Подонья скифского времени // Актуальная археология: Материалы международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. А. М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН. С. 167–170.

Володин С. А., Шевченко А. А., 2023. Курганный могильник скифского времени Девица V на Среднем Дону (предварительные итоги исследования) // Полвека в поисках древностей: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического университета / Отв. ред. А. Н. Меркулов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. С. 22–47.

Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Главная редакция восточной литературы. 256 с.

Гречко Д. С., Шелехань А. В., 2012. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев: ИА НАНУ. 198 с.

Головченко Н. Н., 2018. Проблемы типологии и интерпретации поясных крючьев эпохи раннего железа юга Западной Сибири // Вестн. НГУ (История, филология). Т. 17. № 3: Археология и этнография. С. 32–38.

Гуляев В. И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время (МИА № 151) / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука. С. 109–127.

Гуляев В. И., 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 18–52.

Гуляев В. И., 2016. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: Каталог и описание. М.: ИА РАН. 104 с.

Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А., 2020. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // Российская археология. № 4. С. 21–39.

Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А., 2022. Новые открытия Донской экспедиции ИА РАН на Среднем Дону в 2021 г. // Российская археология. № 3. С. 35–51.

Гуляев В. И., Савченко Е. И., 1998. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) // Российская археология. № 4. С. 115–132.

Гуляев В. И., Савченко Е. И., 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 35–52.

Гуляев В. И., Шевченко А. А., 2017. Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки I и Девица V. М.: ИА РАН. 155 с.

Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск. 136 с.

Замятнин С. Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // Советская археология. Вып. VIII. С. 9–51.

Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху (МИА № 30). М. 326 с.

Канторович А. Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в 2 томах. Москва: Изд-во Московского университета. Т. 1 – 431 с. Т. 2 – 359 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., 2004. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 292 с.

Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. 216 с.

Корепанов К. И., 1981. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. С. 130–136.

Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск. 304 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 282 с.

Либеров П. Д., 1954. Отчет о раскопках «Частых курганов» Воронежской археологической экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1954 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1024–1024а.

Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону (САИ. Вып. Д1-31). М.: Наука. 112 с.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 224 с.

Мандельшам А. М., 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. тома М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 178–196.

Манцевич А. П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. № 15. С. 12–28.

Маслов В. Е., Очир-Горяева М. А., 1997. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI – начале IV в. до н. э. // Степь и Кавказ (культурные традиции). Труды ГИМ / Отв. ред. П. М. Кожин. М.: ГИМ. С. 62–74.

Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 160 с.

Медведев А. П., 2001. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. С. 4–14.

Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН. 195 с.

Мозолевський Б. М., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 251 с.

Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 70–154.

Мозолевский Б. Н., 1982. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка. С. 179–222.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры (САИ. Вып. Д1-10). М.: Изд-во Академии наук СССР. 91 с.

Мышкин В. Н., 2010. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 262–279.

Овсянников В. В., 2006. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем. С. 171–179.

Овсянников В. В., 2021. Металлические поясные крючки в лесостепном Предуралье скифского периода // Международная научная конференция. Вторые чтения памяти И. В. Яценко. Тезисы докладов. М. С. 10–11.

Овсянников В. В., Тагиров Ф. М., 2011. Новые находки зооморфных поясных крючков из памятников лесостепного Предуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 11. С. 50–52.

Ольховский В. С., 1999. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения / Отв. ред. П. П. Толочко. Запорожье: ИА НАНУ. С. 182–187.

Полин С. В., Алексеев А. Ю., 2018. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев – Берлин: Видавець Олег Філюк. 930 с.

Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.

Пузикова А. И., 2017. Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья. М.: ИА РАН. 160 с.

Савинов Д. Г., 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 204 с.

Савченко Е. И., 2001а. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–144.

Савченко Е. И., 2001б. «Забытый» курган из раскопок П. Д. Либерова // Российская археология. № 4. С. 153–161.

Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.

Савченко Е. И., 2005. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 451–489.

Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–329.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов (МИА № 101). М.: Изд-во АН СССР. 162 с.

Таиров А. Д., 2019. Южный Урал в эпоху ранних кочевников // История Южного Урала: в 8 т. Т. 3. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 400 с.

Топал Д. А., 2014. Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка // Stratum plus. № 3. С. 129–156.

Трейстер М. Ю., 2021. Македонская (фракийская?) бронзовая патера из кургана № 1/1910 группы «Частые курганы» на Среднем Дону // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. С. 380–403.

Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т., 2012. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияние ахеменидской культуры. Т. I / Под ред. М. Ю. Трейстера и Л. Т. Яблонского. М.: Таус. С. 253–261.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П., 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука. 184 с.

Чжун Сукбэ, Чо Гёнми (Пуё), 2021. Зооморфные поясные крючки со щитком из Кореи // Международная научная конференция. Вторые чтения памяти И. В. Яценко. Тезисы докладов. М. С. 17–19.

Чижевский А. А., 2017. Памятники позднего периода Ананьинской культурно-исторической области // Археология евразийский степей. № 4. С. 196–256.

Шевченко А. А., 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–112.

Шпилев А. Г., 2012. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // Древности Днепровского левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой) Курск: МУП «Курская городская типография». С. 165–169.

Шульга П. И., 2008. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул: Азбука. 276 с.

Шульга П. И., 2010. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация): монография. Барнаул: Изд-во АлтГТУ. 238 с.

Шульга П. И., 2015. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до н. э. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 304 с.

Яблонский Л. Т., 2013а. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН. 232 с.

Яблонский Л. Т., 2013б. Раннесарматский рыцарь // Поволжская археология. № 2 (4). С. 104–125.

De Puma R. D., 2013. Etruscan Art in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art. 336 p.

Leskov A. M., 2008. The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. 304 p.

Rostovtzeff M. I., 1929. The Animal Style in Russia and China. Princeton: University Press. 112 p.

Резюме. В работе проанализированы все известные в настоящее время поясные крючки-застежки с изображениями медведя с территории Среднего Подонья. Были выделены четыре серии предметов, отмечены характерные особенности каждой из серий. С привлечением широких аналогий, в том числе уздечных бляшек со сходным образом медведя, каждая из серий продатирована в узких хронологических рамках. Полученные результаты говорят о коротком промежутке времени, в котором бытовали эти крючки, – середина – конец IV в. до н. э., что делает этот материал надежным хроноиндикатором. На основании полученных датировок сделаны выводы о путях распространения зооморфных крючков-застежек в среде ранних кочевников Евразии.

Ключевые слова: скифы, скифская эпоха, Средний Дон, поясные крючки, звериный стиль, медведь, грифон.

S. A. Volodin

Middle Don zoomorphic hooks with a bear image as a chronological indicator

Abstract. The work analyzed all currently known belt hooks with images of a bear from the Middle Don territory. Four series of objects were identified, and the characteristic features of each series were characterized. Using broad analogies including bridle plaques with a similar image of a bear each of the series was dated within a narrow chronological framework. The results obtained indicate a short period of time in which these hooks were in use – the middle – end of the 4th century BC. It makes this material a reliable chronoindicator. Were drawn conclusions about the distribution of zoomorphic hooks among the early nomads of Eurasia, based on the datings obtained.

Keywords: Scythians, Scythian era, Middle Don, belt hooks, animal style, bear, griffin.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.76-81

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ДОРОГ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА (НА ПРИМЕРЕ Т-ОБРАЗНОГО ПЕРЕКРЕСТКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА)

В. А. Нессель

На протяжении последних десятилетий древние дороги на хоре Херсонеса Таврического не раз становились объектами археологического изучения. Однако эти исследования чаще всего не носили системного характера, поскольку проводились в рамках новостроечных экспедиций: главная задача при проведении работ состояла в фиксации результатов, полученных в течение одного полевого сезона. С начала 90-х гг. XX в. были открыты отдельные отрезки античных дорог в разных местах Гераклейского полуострова, однако специфика проведения работ не предусматривала изучения особенностей дорожного строительства в разные периоды их существования. Настоящее исследование посвящено историографическому обзору археологического изучения древних дорог на ближней хоре Херсонеса, а также сравнению полученных ранее данных с результатами новейших изысканий на участке пересечения двух античных дорог в северо-западной части Гераклейского полуострова, на территории между современными бухтами Камышовая и Круглая (Омега) (рис. 1).

Согласно земельному кадастру Херсонеса IV–III вв. до н. э., здесь, между бухтами Камышовая и Круглая (Омега), было проложено несколько дорог: поперечные дороги I и II и продольные дороги H, I, J, K (*Николаенко*, 1999. С. 52, 53. Рис. 35; 2001. Вклейка между с. 71 и 72; 2004. С. 180–188. Рис. 3). Поперечная дорога II в древности связывала северо-западную часть ближней хоры Херсонеса с внешними гаванями, в данном случае – со Стрелецкой бухтой, не входя при этом, по предположению Г. М. Николаенко, в число основных транспортных магистралей данного района Гераклейского полуострова (*Николаенко*, 2004. С. 187, 188. Рис. 3). Протяженность этой дороги на пространстве между бухтами Камышовой и Омегой (Круглой) составляет 1354 м (*Нессель*, 2019. С. 231, 232).

Одними из самых первых работ по археологическому исследованию степного пространства, прилегающего к трассировке продольной дороги II, можно считать работы отряда О. В. Шарова в составе комплексной Гераклейской археологической экспедиции Херсонесского государственного историко-археологического музея-заповедника в 1991 г. (*Николаенко*, 2001. С. 9, 10). В указанном сезоне археологические исследования проводились на двух объектах, расположенных на участках 5, 6 и 10 древней хоры: первый объект – территория смежных земельных участков с сохранившимся плантажом, второй – интересующий нас важный магистральный узел, который условно делится на две составные части – древние дороги между наделами и земельные участки, примыкающие к этим дорогам. Работами 1991 г. было открыто место пересечения II поперечной дороги с продольной дорогой I – так называемый Т-образный перекресток; продольная дорога была раскрыта на протяжении 18 м, поперечная – на 28 м (рис. 1, *а*). Было установлено, что первоначально (в III в. до н. э., по мнению автора раскопок) ширина продольной дороги составляла 4–4,2 м, поперечной – 5–6 м, затем (в римский период) произошло сужение до 2–3 м, причем в это время дорога использовалась с развалленными стенами и периодически подсыпалась в центральной части. Такой прием был вполне оправдан, поскольку даже сейчас место, где расположен этот раскоп, является сильно уязвимым в дождливый период. Немаловажно отметить, что тщательная зачистка пространства полотна выявила чередование ровной и бугристой поверхности, по которой без земляной подсыпки ходить и ездить невозможно.

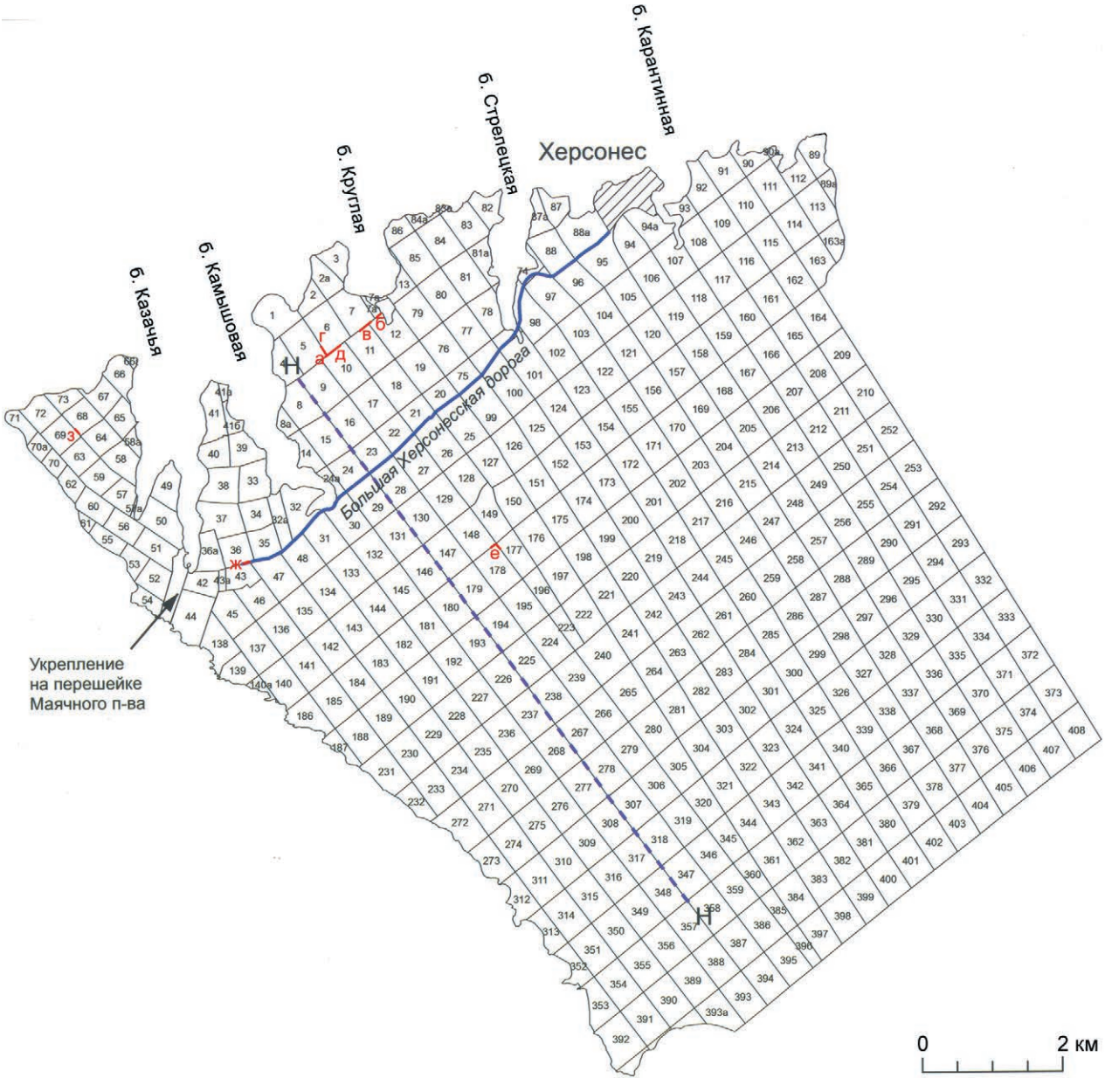


Рис. 1. План размежевки Гераклейского полуострова (по Г. М. Николаенко) с локализацией районов полевых работ:
А–г – на поперечной дороге II и продольной дороге I (а – работы 1991 г., б – работы 1992 г.; в – работы 2003–2009 гг.; г – работы 2012 г.; д – работы 2018, 2020 гг.; е – на перекрестке поперечной дороги IX и продольной дороги J; ж – на Большой Херсонесской дороге в 2000-х гг.; з – на Маячном полуострове в 1993 г.

Интересен и вывод, полученный в результате проведения работ 1991 г., что дорога была сооружена позже, в III в. до н. э., в то время как плантажи на участках 5 и 10 функционировали уже в конце IV в. до н. э. (*Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021а. С. 220).

В 1992 г. исследование на участке II поперечной дороги, прилегающем к западному берегу бухты Круглая (Омега), проводил отряд Кульчукской экспедиции ИА РАН в составе Гераклейской экспедиции Херсонесского государственного историко-археологического музея-заповедника (начальник экспедиции Г. М. Николаенко). Работами этого отряда руководил А. С. Голенцов (*Голенцов*, 1993. Л. 4, 5). Исследование велось на участке дороги между наделами 7, 7а и 12, непосредственно у западного берега бухты Омега (рис. 1, *б*). Всего в сезоне 1992 г. было вскрыто и исследовано 90 погонных метров полотна дороги с прилегающими к ней стенами-

оградами. Ширина дорожного полотна на открытом участке составляет 4,5–5 м. Ширина стен-оград – до 1,5 м. В «Отчете Гераклейской экспедиции за 1992 г. » особое внимание уделено описанию строительной техники сооружения дороги: «Древние строители сначала выравнивали участок в материковой скале до прочной поверхности камня. Мергель и рыхлый известняк снимался и насыпался в те места, где предполагалось возводить стены-ограды. В одном случае при выборке мергеля на полотне будущей дороги получился довольно большой котлован… который был плотно забутован камнями. После выравнивания поверхности материковой скалы полотно дороги мостили плоскими камнями. Швы между ними заполнялись смесью щебенки с глиной. При зачистке нижней вымостки на материковой скале были обнаружены обломки хиосской амфоры последней четверти IV в. до н. э. В римское время дорога была вымощена вторично…» (*Голенцов*, 1993. Л. 4, 5. Рис. 10–12).

В 2003–2009 гг. на расстоянии примерно 515 м к северо-востоку от Т-образного перекрестка экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством Г. М. Николаенко проводились работы по изучению и музеефикации еще одного фрагмента II поперечной дороги, прилегающего к усадьбе участка № 11 (рис. 1, *в*). Было раскрыто 160 м дорожного полотна и стен, служивших одновременно оградами участков № 6 и 10. Стены-ограды, толщиной от 1,20–1,30 до 1,65–1,95 м, сохранились на 1–2 ряда кладки, высотой до 0,5 м. Кладка двухлицевая, фасы сложены из больших камней, с мелкой забутовкой на земляном растворе. Нижний ряд кладки был уложен на плотную земляную подсыпку, насыщенную известняковой крошкой, в отдельных местах в подсыпке находились мельчайшие фрагменты керамики. Само полотно дороги шириной около 5 м выложено мелкими камнями, сверху которых находился древний грунт мощностью 0,10–0,12 м. К дороге со стороны участка № 10 примыкала плантажная стенка виноградника (*Николаенко*, 2003. Л. 6–9; 2010. С. 303; *Николаенко*, *Шевченко*, 2009. Л. 4, 5).

В 2012 г. в результате раскопок, которые проводила экспедиция музея-заповедника под руководством С. Г. Демьянчука на территории земельного участка № 6 (современный микрорайон Омега-2А), примерно в 270–280 м к северо-западу от Т-образного перекрестка был открыт отрезок продольной дороги I (рис. 1, *г*). В результате этих работ исследованы стены-ограды древней дороги, сложенные в двухслойной, двухлицевой технике. Стены шириной 1,1–1,3 м, сохранились на 2–3 ряда кладки высотой 0,3–0,4 м. Фасы сложены из крупных, слабо обработанных известняковых камней на грязевом растворе с использованием мелких камней в качестве распорок. Размеры камней: 0,4×0,23×0,36 м. Стена лежит на грунтовой подушке толщиной около 0,5 м, перемешанной с щебнем и камнями, под которой залегает материковая скала (*Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021а. С. 221).

В 2018 и 2020 гг. спасательные археологические раскопки музея-заповедника «Херсонес Таврический» были сосредоточены на участках древних дорог I и II, примыкающих с северо-запада и северо-востока к Т-образному перекрестку (*Нессель*, 2019. С. 231–234; *Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021а. С. 219–225; 2021б. С. 119–128). Наши исследования позволили изучить технику сооружения дорожных оград и полотна на нескольких открытых участках.

В 2018 г. вдоль линии прохождения продольной дороги I на расстоянии 80–90 м к северу от Т-образного перекрестка были заложены четыре пары раскопов, которые выявили следующую картину строительства стен-оград дороги на данном отрезке (*Нессель*, 2019. С. 231–234). Стены шириной 1–1,1 м были уложены на слой предскального суглинка, перемешанного с щебнем и мелкими камнями мощностью до 0,45–0,5 м. Стены, сохранившиеся на высоту до 0,45 м, сложены из бутового камня средних и крупных размеров, с мелкой забутовкой между фасами.

В 2020 г. в непосредственной близости от Т-образного перекрестка, в 7,7 м к востоку от раскопа 1991 г., на трассе прохождения II поперечной дороги нами был заложен один из раскопов, площадью 480 кв. м (*Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021б. С. 119–128) (рис. 1, *д*). Дорога на этом участке пересекает ложе древней балки, которая полого спускается с юго-запада на северо-восток. В процессе раскопок нами было изучено 40 м древней дороги. Стены – северная и южная ограды дороги – являются здесь одновременно границами между земельными участками № 6 и 10. Стены сложены в двухлицевой технике из средних и крупных необработанных камней, с мелкой забутовкой, на земляном растворе. Ширина стен-оград составляет 1,1–1,5 м, дорожного полотна – 4,65–4,7 м; степень сохран-

ности стен и полотна на протяжении всего исследованного участка дороги заметно варьируется. Подошва кладки стен-оград лежит на мощной земляной прослойке (до 1,1 м толщиной), состоящей из чистого, без бута и щебня, грунта, который подстилает слой предматериковой глины. И земляная подушка, и слой глины археологически абсолютно стерильны. Как нам удалось установить, на перекрывавший неровную поверхность скалы желто-коричневый суглинок мощностью 0,1–0,15 м сверху были уложены плохо подогнанные друг к другу уплощенные бутовые камни среднего и мелкого размера, верхний ряд которых выровнен плотно утрамбованным коричневым грунтом. Толщина дорожного полотна составляет 0,25–0,3 м. Единичные находки керамических и стеклянных изделий античного и раннесредневекового времени встречались главным образом возле развала стен. В качестве датирующей находки следует отметить найденное среди камней дорожного полотна пирамидальное глиняное грузило херсонесского производства IV–III вв. до н. э. (*Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021б. С. 119, 120. Рис. 2–5). Данную находку можно вполне обоснованно считать маркером первоначального этапа существования этой транспортной магистрали.

На расстоянии 170 м к востоку от этого раскопа нами был исследован еще один участок II поперечной дороги длиной 8 м, где удалось подробно изучить стратиграфию и строительную технику полотна. Стены-ограды дороги шириной 1,3–1,4 м сохранились на 1–2 ряда кладки, нижний ряд уложен на тонкую по сравнению с первым раскопом подсыпку стерильного грунта. Дорожное полотно, представляющее собой хаотичный наброс бутового камня толщиной 0,3–0,7 м, выровненный сверху утрамбованным грунтом, очевидно, имело целью снивелировать неровную скальную поверхность (*Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021б. С. 120, 121. Рис. 6; 7).

Даже поверхностное ознакомление с результатами полевых исследований на трассе древней поперечной дороги II и прилегающих к ней участков продольной дороги I показывает разницу в способе сооружения разных отрезков самой дороги (полотна), так и ограждавших ее стен, которые одновременно служили оградами земельных участков. Это особенно заметно при сравнении толщины подсыпки или, при полном ее отсутствии, по способу мощения полотна и предшествующей этому нивелировке поверхности скалы. Чтобы выяснить причину столь разных строительных техник, примененных при сооружении одной и той же дороги, мы попытались найти аналогии среди исследованных в других местах древней хоры Херсонеса отрезков античных транспортных коммуникаций. Так, в западной части Гераклейского полуострова, на водоразделе Стрелецкой и Нижне-Юхариной балок, в 2018–2019 гг. к югу от пересечения современных автодорог Севастополь – Камышовая бухта и Севастополь – мыс Фиолент был частично исследован перекресток древней продольной дороги J и поперечной дороги IX. В результате раскопок были открыты две стены-ограды, выполненные из рваных известняковых блоков, поставленных на ребро в траншею, прорытую в надматериковой глине. По мнению авторов раскопок, это границы-ограды участка 178, которые одновременно являются частью древних дорог. На месте прохождения древней продольной дороги J было исследовано собственно дорожное полотно в виде навала бутового камня шириной не менее 6 м, который нивелировал естественное понижение рельефа на данном участке. Время сооружения этого отрезка дороги определяется находкой монеты рубежа IV–III вв. до н. э. (*Аржанов, Тюрин, Лесная*, 2020. С. 28. Рис. 9, *6*).

При изучении фотоматериалов участка Большой Херсонесской дороги, раскрытого в начале 2000-х гг. экспедицией Херсонесского музея-заповедника под руководством Г. М. Николаенко, можно видеть, что ширина дорожного полотна превышает 5 м. Ширина ограждавших полотно стен достигает 1,5–2 м. Собственно полотно представляет собой плотную щебенисто-земляную трамбовку (ср.: *Николаенко*, 2018. Рис. 73а; *Николаенко* и др., 2020. С. 191, 192). По мнению Г. М. Николаенко, эта дорога соединяла Херсонес, расположенный у Карантинной бухты, с укреплением и поселением на Маячном полуострове (*Николаенко*, 2004. С. 188. Рис. 1).

Наиболее информативными в интересующем нас вопросе техники сооружения дорог на хоре Херсонеса являются исследования 1993 г. на Маячном полуострове, в результате которых была частично изучена дорога между древними земельными участками 68 и 69 (отряды А. С. Голенцова и М. В. Калашникова в составе Гераклейской экспедиции Херсонесского музея-заповедника под руководством Г. М. Николаенко) (*Николаенко, Голенцов, Калашников*, 1993. 52 л.). Исследованный отрезок длиной 3 м позволил установить ширину

дороги – 5–5,2 м, а также изучить строительную технику, при которой все неровности материковой скалы были тщательно утрамбованы щебнем. К начальному периоду функционирования дороги относятся обломки синопских амфор эллинистического времени и стенка чернолакового сосуда аттического производства. Во втором строительном периоде, в римскую эпоху, полотно дороги было вымощено камнями с добавлением щебня и грунта, при этом вымостка скрыла нижний ряд камней. Был установлен интересный факт, что дорога выполняла еще и функцию террасы прилегающего к ней поля (*Николаенко, Голенцов, Калашников*, 1993. Л. 30–33).

Приведенные результаты исследования участков некоторых древних дорог на ближней хоре Херсонеса позволяют подтвердить сделанное нами раньше наблюдение, что полотно дороги требовало постоянного ухода, подсыпок и трамбовок, делавших передвижение по дорогам не только удобным, но и вообще возможным (*Нессель, Лесная, Ушакова*, 2021а. С. 223). Такой уход мог быть обеспечен при одновременном существовании находившейся рядом усадьбы. В случае запустения усадьбы в негодность приходила и примыкающая к ней дорога. Скорее всего, отрезки дорог, расположенные на отдаленном от действующих усадеб расстоянии, ремонтировались нерегулярно, о чем свидетельствует открытый нами фрагмент II поперечной дороги. Именно исходя из качества дорожного покрытия можно судить о направлении и интенсивности движения на Гераклейском полуострове, связанного с перевозкой продукции как к портам в бухтах в северной части полуострова, так и в Херсонес. Наибольшее внимание уделялось магистральным дорогам; там же, где движение осуществлялось от случая к случаю, дорожное полотно как таковое отсутствует или находится в очень «неухоженном» состоянии. Хотя к настоящему времени накопленных данных о характере дорожного строительства на хоре Херсонеса крайне мало, можно с осторожностью высказать следующее предположение: дороги, будучи одним из главных элементов размежевки, в значительной степени зависели от местности, по которой они были проложены, от своего предназначения – основные или второстепенные и, что не менее важно, от владельцев расположенных рядом земельных участков. Возможно, именно этим можно объяснить различия в способе сооружения дорожного покрытия и стен-оград, выявленные при исследовании II поперечной дороги. Исходя из результатов работ на участках древних дорог на хоре Херсонеса, можно сказать, что проложены они были в IV–III вв. до н. э. (хотя однозначного мнения на этот счет даже по поводу одной конкретной дороги нет, см. об этом выше), использовались на протяжении всей античной эпохи, а некоторые и в гораздо более позднее время.

ЛИТЕРАТУРА

Аржанов А. Ю., Тюрин М. И., Лесная Е. С., 2020. Охранные работы на усадьбе участка 177 (178) на Гераклейском полуострове в 2018–109 гг. // История и археология Крыма. Вып. XIII. С. 25–38.

Голенцов А. С., 1993. Отчет Гераклейской экспедиции за 1992 г. НА ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3199. Т. II-а. 16 л.

Нессель В. А., 2019. Археологические исследования в микрорайоне «Омега-2А» в г. Севастополе в 2018 г. // История и археология Крыма. Вып. XI. С. 231–234.

Нессель В. А., Лесная Е. С., Ушакова К. С., 2021а. О характере сооружения древних дорог на Гераклейском полуострове: некоторые наблюдения по результатам полевых исследований 2018 и 2020 гг. // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 219–225.

Нессель В. А., Лесная Е. С., Ушакова К. С., 2021б. Археологические исследования древней дороги на Гераклейском полуострове в 2020 году // История и археология Крыма. Вып. XV. С. 119–128.

Николаенко Г. М., 1999. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. I. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический». 84 с.

Николаенко Г. М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. II. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический». 164 с.

Николаенко Г. М., 2003. Краткая информация о работе Гераклейской экспедиции 2003 г. НА НА ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3647. 12 л.

Николаенко Г. М., 2004. Дороги на городской хоре Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XIII / Отв. ред. М. И. Золотарев. С. 187–195.

Николаенко Г. М., 2010. Исследования на Гераклейском полуострове // Археологічні дослідження в Україні 2009 року. Київ: Волинські старожитності. С. 301–303.

Николаенко Г. М., 2018. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь: Альбатрос. 344 с.

Николаенко Г. М., Голенцов А. С., Калашников М. В., 1993. Отчет о работе Гераклейской экспедиции в 1993 г. НА ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3200. 52 л.; Д. 3201. 67 л.

Николаенко Г. М., Шевченко А. В., 2009. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне прокладки коммуникационного коридора к корпусам 18–10 в микрорайоне «Омега-2А» в 2009 г. // НА ГИАМЗ ХТ. Д. 3996. 14 л.

Николаенко Г. М., Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., Пасуманский А. Е., 2020. Атлас ближней хоры Херсонеса. Т. 1. Спб.: Алетейя. 292 с.

Резюме. Статья представляет собой историографический обзор исследований, связанных с изучением древних дорог на ближней хоре Херсонеса на Гераклейском полуострове. Первые археологические раскопки на нескольких участках античной дороги между бухтами Стрелецкой и Камышовой (поперечная дорога II по нумерации Г. М. Николаенко) были проведены в 1991–1992 гг. В результате этих работ установлены ширина дорожного полотна (4,5–5 м), его структура, исследованы стены – ограды дороги, служившие одновременно стенами древних земельных участков, а также определено время сооружения дороги – не позднее III в. до н. э. и функционирование на протяжении всего античного периода, причем в первых веках н. э. полотно дороги на отдельных участках было сужено до 2–3 м. Эти выводы подтверждены последующими исследованиями данной дороги, проводившимися на трассе ее прохождения с 2003 по 2020 г., а также на участке соединения поперечной дороги II и продольной дороги I. Подобная археологическая ситуация была зафиксирована при раскопках участков других дорог в северо-восточной и западной частях Гераклейского полуострова. Сравнительный анализ результатов полевых исследований позволяет предполагать, что дороги, будучи одним из главных элементов размежевки, в значительной степени зависели от местности, по которой они были проложены, от своего предназначения – основные или второстепенные, и, что не менее важно, от владельцев расположенных рядом земельных участков, которые, вероятно, следили за состоянием и сохранностью транспортных коммуникаций.

Ключевые слова: античные дороги, Херсонес Таврический, хора, Гераклейский полуостров, дорожное полотно, стены-ограды.

V.A. Nessel'

On the history of the study of ancient roads on the chora of Chersonesos (using the example of a T-junction in the northwestern part of the Heraclean Peninsula)

Abstract. This article is devoted to a historiographical review of the studies of ancient roads in the near chora of Chersonesos on the Herakleian Peninsula. The first archaeological excavations on several sections of the ancient road between Streletskaya Bay and Kamyshovaya Bay (transverse road II according to the numbering of G. M. Nikolaenko) were carried out in 1991–1992. As a result, the width of the roadbed (4.5–5 m) was established, its structure and the fence walls were investigated. These walls were at the same time the walls of ancient land plots. Based on these studies, the time of the construction of the road belongs to the period no later than the 3rd century BC. The road functioned throughout the ancient period. In the first centuries AD the roadbed was narrowed to 2–3 m in some sections. These conclusions were confirmed by further studies that were carried out on its sections and at the junction with the longitudinal road I in the period from 2003 to 2020. A similar archaeological situation was recorded during excavations of sections of other roads in the northeastern and western parts of the Herakleian Peninsula. A comparative analysis of the results of field studies suggests that roads were one of the main elements of the ancient land parcelling system and largely depended on the landscape, as well as on their purpose - main or secondary. An equally important circumstance was the role of the owners of adjacent land plots. Owners of land plots, probably, were supposed to ensure the safety and good condition of transport communications.

Keywords: ancient roads, Tauric Chersonesos, the chora, the Herackleian Peninsula, roadbed, fence walls.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.82-84

КЛАД БРОНЗОВЫХ МОНЕТ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ III В. ДО Н. Э.

А. П. Минаев

В 2015 г. в фонды Азовского музея-заповедника жителем х. Дугино были переданы предметы, найденные на разрушаемом строителями памятнике Малаховский Ерик VI. Поселение и грунтовый могильник Малаховский Ерик VI расположены на левом берегу ерика Малаховский, в центральной части крупного острова дельты р. Дон, в 3,8 км к северо-западу от Елизаветовского городища. Памятник занимает одну из высоких песчаных дюн, вытянутых цепочкой вдоль левого берега ерика, и датируется эпохой раннего железного века – Средневековья (V в. до н. э. – XIV в. н. э.). В настоящее время на поселении ведутся незаконные строительные работы, связанные с добычей песка, значительная часть памятника повреждена или уничтожена.

Среди найденных предметов особого внимания заслуживают шесть бронзовых монет Боспорского царства конца IV – середины III в. до н. э. Находки встречены на поврежденной строительной техникой части памятника. Все монеты отчеканены на территории Боспорского царства, в Пантикапее[1]. Четыре монеты – это тетрахалки, две другие монеты – оболы (рис. 1).

На аверсе тетрахалков помещена голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Изображение перекрыто вырезанной в штемпеле круглой надчеканкой «звезда». На реверсе помещена голова льва влево, внизу – осетр влево, по сторонам – греческие буквы П, А и N. На аверсе оболов помещена голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Изображение перекрыто вырезанной в штемпеле круглой надчеканкой «звезда». На реверсе изображен лук, под ним стрела вправо, ниже надпись греческими буквами «ΠΑΝ». Сохранность монет различная, на некоторых экземплярах изображение почти полностью стерто, на поверхности патина.

Тетрахалк 1 (рис. 1, *1*). Датировка: 300–275 гг. до н. э. Вес: 4,45 г. Размер: 20,9×20,9 мм. Номер по КП: 31278/1. Сравнение: *Станиславский*, 2003. С. 190. № 789.

Тетрахалк 2 (рис. 1, *2*). Датировка: 300–275 гг. до н. э. Вес: 5,80 г. Размер: 22,3×21,4 мм. Номер по КП: 31278/2. Сравнение: *Станиславский*, 2003. С. 190, № 789.

Тетрахалк 3 (рис. 1, *3*). Датировка: 300–275 гг. до н. э. Вес: 5,59 г. Размер: 20,0×18,5 мм. Номер по КП: 31278/3. Сравнение: *Станиславский*, 2003. С. 188. № 784.

Тетрахалк 4 (рис. 1, *4*). Датировка: 300–275 гг. до н. э. Вес: 6,23 г. Размер: 18,2×18,9 мм. Номер по КП: 31278/4. Сравнение: *Станиславский*, 2003. С. 188. № 784.

Обол 1 (рис. 1, *5*). Датировка: 275–250 гг. до н. э. Вес: 5,97 г. Размер: 20,0×20,9 мм. Номер по КП: 31278/5. Сравнение: *Станиславский*, 2003. С. 191. № 791.

Обол 2 (рис. 1, *6*). Датировка: 275–250 гг. до н. э. Вес: 5,26 г. Размер: 19,9×20,0 мм. Номер по КП: 31278/6. Сравнение: *Станиславский*, 2003. С. 191. № 791.

Клады конца IV – середины III в. до н. э. нередко встречались и на других памятниках Боспорского царства. Из Горгиппии происходит несколько похожих кладов монет. При исследовании помещения 53 дома 10А в 1980 г. было найдено 35 монет (34 медных и одна серебряная) (*Абрамзон, Новичихин*, 2019. С. 15). На лицевой стороне монет изображена голова сатира влево, на оборотной стороне – лук со стрелой. Из помещения 52 происходит другой клад из 10 медных монет типа «голова сатира влево/лук и стрела, ΠΑΝ», перечеканенные из тетрахалков типа «голова сатира влево/голова льва, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками звезды и горита (*Абрамзон, Новичихин*, 2019. С. 17). При раскопках помещения 102 дома 29 в 1986 г. был найден клад из 32 монет одного типа – «голова сатира влево/голова льва, осетр, ΠΑΝ» (*Абрамзон, Новичихин*, 2019. С. 17).

[1] Определение монет выполнено старшим научным сотрудником Азовского музея-заповедника Н. М. Фомичёвым.

Рис. 1. Клад бронзовых монет из разрушенного погребения первой половины III в. до н. э.
1–4 – тетрахалки 300–275 гг. до н. э.; *5, 6* – оболы 275–250 гг. до н.э.

На памятниках дельты р. Дон конца IV – первой четверти III в. до н. э. монеты встречаются гораздо реже, чем на поселениях, расположенных в Северном Причерноморье и Приазовье. За все время проведения археологических исследований Елизаветовского городища было встречено не более 30 медных монет рассматриваемого периода. Наиболее поздние экземпляры представлены тетрахалками с изображением безбородого сатира в венке влево с надчеканкой в виде двенадцатилучевой звезды на аверсе и львиной головы с осетром под ней и надчеканкой в виде горита с луком на реверсе (то есть не позднее 275 г. до н. э.) (*Марченко, Житников, Копылов*, 2000. С. 64).

Найденный клад боспорских монет уникален тем, что был найден в погребении, которое датируется временем гибели греческой колонии Елизаветовского городища, то есть после 275 г. до н. э. Найденные два бронзовых обола 275–250 гг. до н. э. указывают, что и после гибели памятника местное население по-прежнему вело торговлю с Боспорским царством, однако не интенсивную, как ранее, а спорадическую.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., 2019. Клады пантикапейских монет IV–III вв. до н.э. из раскопок Горгиппии 1980 и 1986 гг. // Древности Боспора. Т. 24. С. 15–25.

Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П., 2000. Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф. 281 с.

Станиславский И.М., 2003. Античные монеты Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. М. 248 с.

Резюме. В 2015 г. в фонды Азовского музея-заповедника был передан клад бронзовых монет из разрушенного погребения грунтового могильника Малаховский Ерик VI. Клад состоял из четырех тетрахалков 300–275 гг. до н. э. и двух оболов 275–250 гг. до н. э. Клад уникален тем, что датируется временем гибели большой греческой колонии Елизаветовского городища (после 275 г. до н. э.), когда монетное обращение в дельте р. Дон практически исчезло на несколько десятилетий до расцвета Танаиса.

Ключевые слова: Боспорское царство, клад, тетрахалк, обол.

A. P. Minaev

The hoard of bronze coins from the destroyed burial dated 3rd century BC

Abstract. In 2015, a hoard of bronze coins from the destroyed burial of the Malakhovsky Erik VI burial ground was gifted to the collection of the Azov Museum-Reserve. The treasure consisted of four tetrachalkouses of 300–275 BC and two obol coins of 275–250 BC. The treasure is unique because it dates back to the time of the death of the large Greek colony of the Elizavetovskoye settlement (after 275 BC), when coin circulation in the river Don delta almost disappeared for several decades before the heyday of Tanais.

Keywords: Bosporan Kingdom, hoard, tetrachalkous, obol coin.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.85-99

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК КУРГАНА НА ГОРЕ ТИЗДАР НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

А. В. Иванов, В. Ю. Кононов

Олег Васильевич Шаров был далеко не редким гостем на Таманском полуострове. Его опыт, знания, в том числе и организационные способности, позволяли браться за самые сложные памятники. С этим человеком было легко общаться. Добрый и отзывчивый, он всегда встречал широкими объятиями и богатым столом, в диалоге был сердечным в словах, а напутствовал мудрым советом. Но одновременно с этим, если дело доходило до дискуссии, то не было никакой мягкости – Олег Васильевич был напорист, жесток, логичен, его живой ум был в вечном поиске истины. Предложенной публикацией коллектив авторов отдает долг памяти выдающемуся исследователю, коллеге, археологу.

Территория в районе горы Тиздар на Таманском полуострове у пос. За Родину хорошо известна археологам по таким значимым памятникам, как, например, раннепалеолитические стоянки Богатыри/Синяя балка, Кермек и Родники, а также архитектурный ансамбль Таманский толос и резиденция (или дом) Хрисалиска. Впрочем, даже беглый взгляд, брошенный на карту Тамани Я. М. Паромова, позволяет судить о том, что на этой территории расположены не только перечисленные выдающиеся археологические объекты. Здесь находятся поселения, могильники[1], курганы разных исторических эпох. Четыре кургана, сооруженные непосредственно на горе Тиздар, были раскопаны нами во главе экспедиции Южного регионального центра археологических исследований (г. Краснодар) в сезон 2013–2014 гг. Все они насыпаны в эпоху бронзы, и лишь на одном из них выявлен сектор с погребениями античной эпохи. Именно этим комплексам и посвящена публикация.

Курган гос. № 4885 находился в 1,31 км к западу от пос. За Родину, на южном склоне горы Тиздар, в 700 м к северо-западу в прямой видимости от Таманского толоса и резиденции Хрисалиска (рис. 1, *1*). Памятник выявлен разведочным отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1983 г. под руководством Я. М. Паромова. Раскопки показали, что курган насыпан в два приема над погребениями эпохи бронзы. В эллинистическое время в юго-западном секторе кургана функционировал небольшой некрополь. Здесь исследованы пять детских захоронений в амфорах, тризны, а также три грунтовых склепа (рис. 1, *2*).

Погребение № 6

Совершено в грунтовом склепе (рис. 1, *3*). Глубина от R_0 до дна погребальной камеры – 3,89 м. Входная яма длинная, подпрямоугольной формы, с хорошими четкими углами, ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Стенки ровные, вертикальные. Юго-западная стенка имеет небольшую ступеньку. Дно неровное, имеет наклон в сторону дромоса. Размеры входной ямы: длина – 2,30 м, ширина – 1,20 м. Глубина от прослеженного края – 1,05 м. Дромос расположен в северо-восточной стенке входной ямы и перекрыт закладным камнем. Размеры закладного камня: 0,75×0,65 м. Дромос узкий, трапециевидный. Дно дромоса имеет значительный уклон в сторону погребальной камеры. Размеры дромоса: длина – 0,66 м, ширина – 0,65 м.

Погребальная камера подпрямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. В северо-восточной стенке у северного угла камеры была сделана небольшая ниша. Дно камеры ровное, лишь у северо-восточной стенки имеется небольшое возвышение. В склепе вдоль длинных стенок камеры на «ложах» находились два скелета человека. Между погребенными по центру камеры, от дромоса и практически до северо-восточной стенки,

[1] Часть из которых уже подвергалась раскопкам. См., напр.: *Сударев, Жуков, Бакунова*, 2010. С. 224–227.

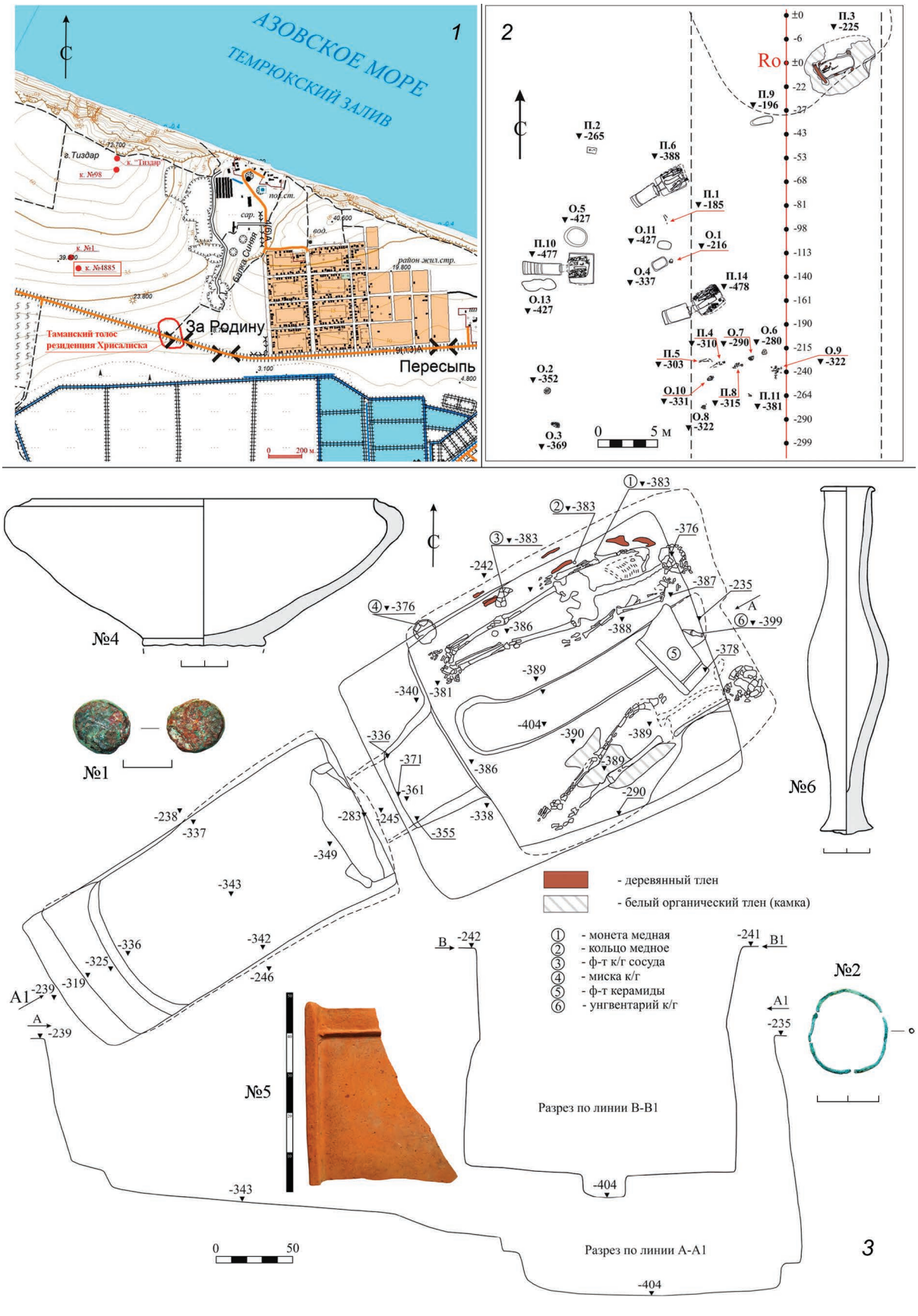


Рис. 1. *1* – местоположение кургана № 4885; *2* – античный некрополь на фрагменте общего плана кургана № 4885; *3* – погребение № 6, чертеж и погребальный инвентарь

проходила неглубокая канавка, которая имела расширение со стороны дромоса. Костяк погребенного № 1 лежал вдоль северо-западной стенки вытянуто на спине головой на северо-восток. Череп погребенного был развернут влево, ноги и руки лежали вытянуто, параллельно друг другу. Между погребенным и северо-западной стенкой вдоль покойного находились две деревянные доски, сохранившиеся в виде бежевого тлена. Между костями грудной клетки человека местами встречался органический тлен темно-коричневого цвета, возможно, от одежды. Костяк погребенного № 2 располагался вдоль юго-восточной стенки. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Череп развернут влево, ноги и руки лежат вытянуто параллельно друг другу. Погребенный лежал на органической подстилке пепельно-белого и темно-коричневого цвета.

Погребальный инвентарь (рис. 1, *3*). У правого локтя костяка погребенного № 1 были расчищены монета медная № 1 и фрагменты медного кольца № 2. У правого бедра был расчищен фрагмент красноглиняной крышки (тарелки) № 3 со следами черной краски. У правой стопы человека находилась красноглиняная миска № 4. У северо-восточной стенки камеры канавка была перекрыта фрагментом красноглиняной керамиды № 5, под которой на дне канавки стоял красноглиняный унгвентарий № 6. При разборе погребения под фрагментом керамиды № 5 обнаружен фрагмент красноглиняной крышки № 3 и фрагмент железного предмета № 7 (проколка?).

Погребение № 10

Это захоронение совершено в грунтовом склепе (рис. 2). Глубина от R_0 до дна в центре погребальной камеры – 4,77 м. Входная яма длинная, подпрямоугольной формы, с ровными четкими углами, ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Стенки ровные, вертикальные. Западная стенка имеет пять ступеней. Размер ступеней: ширина – от 15 до 25 см, высота – около 20 см. Дно ямы неровное, имело наклон в сторону дромоса. Размеры входной ямы: длина – 3,60 м, ширина – 1,5 м. Глубина от прослеженного края – 1,33 м. Дромос располагался в восточной стенке входной ямы, был перекрыт закладным камнем. Камень прямой с рваными краями, размерами 0,65×0,65 м. Дромос узкий, цилиндрический, имел небольшой уклон в сторону входной ямы. Размеры дромоса: 0,55×0,60 м, длина – 0,60 м.

Погребальная камера подквадратной формы, ориентирована длинной осью по линии запад – восток. В центре камеры по линии запад – восток, практически до восточной стенки камеры, проходила небольшая канавка. Размеры канавки: длина – 1,15 м, ширина – 0,20 м, глубина от прослеженного края – 0,12 м. Канавка подпрямоугольной вытянутой формы, с западной и восточной сторон сильно скругленная. Канавка тем самым делила камеру на две половины, поверхность которых представляла собой погребальные ложа. В камере похоронены последовательно восемь человек. В северной ее части, начиная от северной стенки камеры и до северной стороны канавки, находились черепа костяков № 1–4. В южной части камеры, начиная от южной стенки камеры и до южной стороны канавки, находились еще четыре костяка № 5–8.

Костяк № 1 лежал у северной стенки. Положение погребенного проследить не удалось из-за очень плохой сохранности костей. Расчищены фрагменты черепа и тлен от правой голени. Костяк № 2 частично перекрывал костяк погребенного № 1, был положен сверху него. Лежал вытянуто на спине головой на восток. Правая рука слегка согнута в локте, левая нога немного согнута в колене. Правая прижата к левой. Костяк № 3 лежал между костяком № 2 и костяком № 4 головой на восток. Положение рук и ног проследить не удалось из-за очень плохой сохранности костей. Костяк № 4 лежал вытянуто на спине головой на восток. Положение рук проследить не удалось. Ноги лежали вытянуто параллельно друг другу. Костяк № 5 лежал вдоль южного края канавки, вытянуто на спине, головой на восток. Руки прижаты к телу, кисти рук находились в районе таза. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Костяк № 6 был частично перекрыт костяками № 5 и 8, лежал головой на восток. Голова слегка наклонена влево. Ноги не в анатомическом порядке, сдвинуты к ногам костяка № 5. Костяк № 7 лежал на спине головой на восток. Голова повернута вправо и вверх. Левая рука согнута в локте, кисть – у левого крыла таза. Правая нога слегка согнута в колене. Левая нога лежала не в анатомическом порядке, кости ноги сдвинуты к южной стенке погребальной камеры. Сохранность костей очень плохая. Костяк № 8 располагался вытянуто на спине головой на восток. Левая рука прижата к телу. Ноги

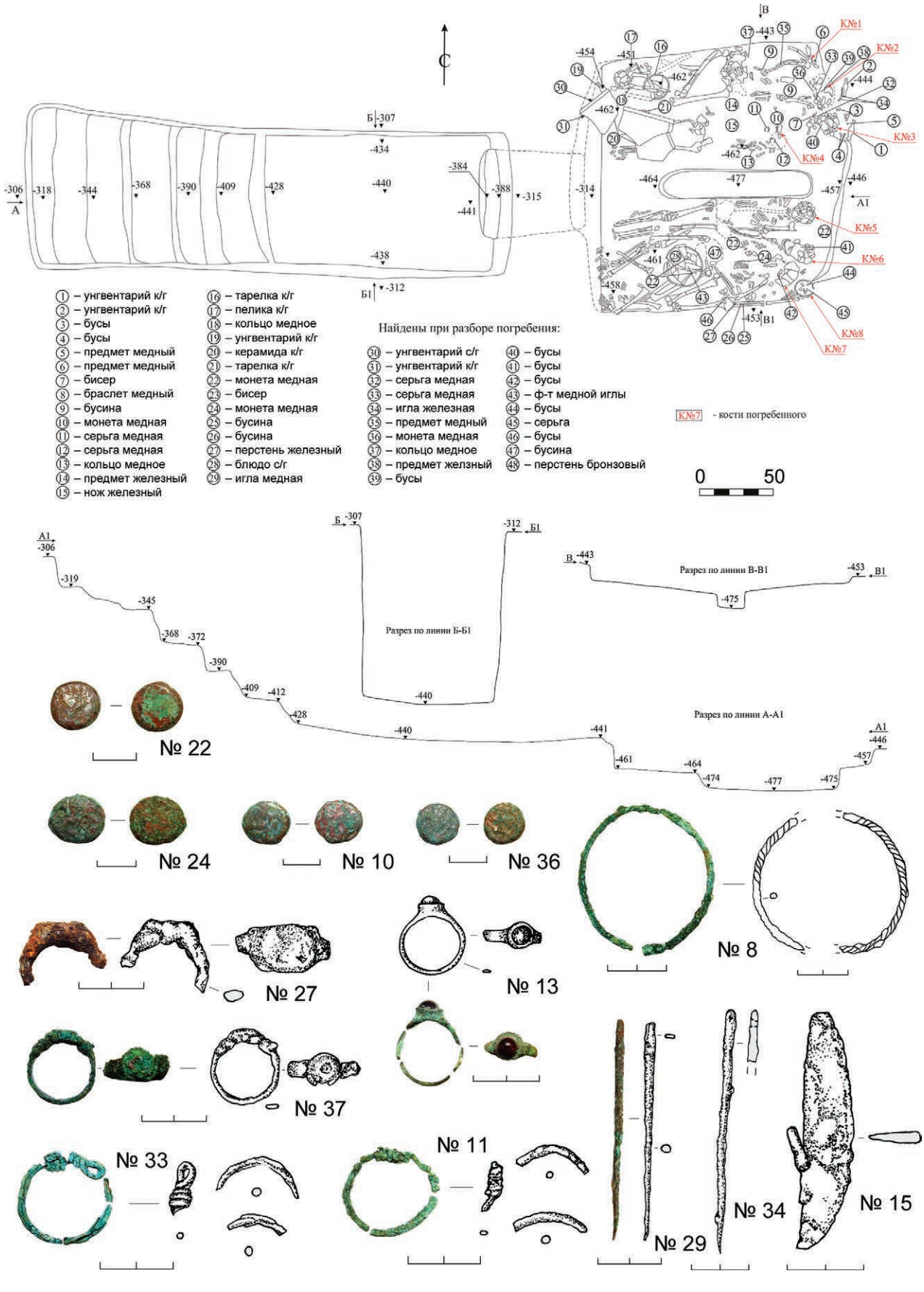


Рис. 2. Погребение № 10. Чертеж и погребальный инвентарь

лежали у южной стенки погребальной камеры не в анатомическом порядке. Костяк № 8 частично перекрыт костяком № 7.

Погребальный инвентарь (рис. 2; 3). У погребенного № 1 в северо-западном углу камеры были найдены фрагменты бронзового предмета № 6. Над черепом погребенного № 2 расчищен красноглиняный унгвентарий № 2. На груди погребенного лежала бусина № 9. На правое предплечье был надет медный браслет № 8. Под костями голени расчищены тарелка № 16 и красноглиняная пелика № 17. У стоп лежал красноглиняный унгвентарий № 19, частично перекрытый фрагментом красноглиняной черепицы № 20. У головы погребенного № 3 были расчищены красноглиняный унгвентарий № 1, три бусины № 3, фрагмент медного предмета № 5, бусы № 4, у челюсти лежал бисер № 7. Справа от головы погребенного № 4 зафиксирована медная монета № 10, у челюсти – фрагменты медной серьги № 11 и № 12, у левой ключицы было расчищено медное кольцо № 13, на фаланге пальца у правого крыла таза лежали железный предмет № 14 и железный нож № 15. Ноги погребенного были покрыты двумя фрагментами черепицы № 20. На черепе погребенного № 5 была расчищена медная монета № 22. У фрагментов позвонков грудного отдела погребенного № 6 был обнаружен бисер № 23. Рядом с бисером, ближе к тазу, лежала медная монета № 24. Между ног, перекрывая левое бедро, находилась сильно раздавленная сероглиняная тарелка № 28. В блюде лежала медная игла № 29.

При разборе погребения в северо-западном углу погребальной камеры под фрагментом черепицы № 20 лежали унгвентарии № 30 и 31. У головы костяка № 3 обнаружили фрагменты медной серьги № 32 и бусы № 40. Фрагменты медной серьги № 33 находилось у головы костяка № 2. Там же лежали медная монета № 36, железный предмет № 38, бусина № 39. Под предплечьем правой руки костяка № 2 был найден медный предмет № 35. У правого крыла таза костяка № 2 лежало медное кольцо № 37. Под черепом костяка № 6 – бусы и бисер № 41. Под черепом костяка № 7 также находились бусы и бисер № 42. Под блюдом № 28 был обнаружен фрагмент медной иглы № 43. Под черепом костяка № 8 лежали бусы и бисер № 44, а также серебряная серьга № 45. Под левым локтем костяка № 7 находились бусы № 46. Бусина № 47 была обнаружена под тазом костяка № 7.

Погребение № 14

Совершено в грунтовом склепе (рис. 4). Глубина от R_0 до дна в центре погребальной камеры – 4,78 м. Входная яма подпрямоугольной формы с ровными четкими углами, ориентирована длинной осью по линии запад – восток с небольшим смещением к северу. Стенки ямы ровные, вертикальные. Западная стенка имеет ступеньку. Размеры ступеньки: ширина – 0,25 м, глубина от прослеженного края – 0,09 см. Дно ямы неровное, имеет очень небольшой уклон в сторону дромоса. Размеры входной ямы: длина – 2,27 м, ширина – 1,26 м, глубина от прослеженного края до центра ямы – 0,47 м. Дромос был перекрыт фрагментом черепицы и камкой. Дромос узкий, в плане трапециевидный. Дно имело значительный уклон в сторону погребальной камеры. Размеры дромоса: высота – 0,50 м, ширина – 0,52 м, длина – около 0,50 м.

Погребальная камера подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами, ориентирована длинной осью по линии северо-востоко-восток – юго-западо-запад. Относительно входной ямы длинная ось камеры смещена к северо-востоку. Дно ровное. Размеры камеры: длина – 2,60 м, ширина – 2,05 м, глубина от прослеженного края до дна камеры – 0,88 м. В центре камеры, между дромосом и в 0,60 м к юго-западу от северо-восточно-восточной стенки, канавка, ориентированная длинной осью по линии северо-востоко-восток – юго-западо-запад. Стенки канавки ровные, вертикальные. Углы скругленные у дромоса и ровные у северо-восточно-восточной стенки. Размеры канавки: длина – 1,80 м, ширина – 0,40 м, глубина от дна камеры до дна канавки – 0,20 м. Канавка тем самым делила камеру на две половины, поверхность которых представляла собой погребальные ложа.

На дне камеры, вдоль длинных сторон, были расчищены: в юго-юго-восточной части – костяк № 1; в северо-северо-западной – костяк № 2; у северо-северо-западной стенки – костяк № 3; в северо-восточном углу – скопление костей и три черепа (костяки № 4–6). Костяк погребенного № 1 лежал вытянуто на спине, головой на северо-востоко-восток. Череп лежал на правом боку. Кости ног не в анатомическом порядке: большая берцовая находится на месте бедра, а бедренная и малая берцовая кости правой ноги сдвинуты к юго-юго-восточной стенке.

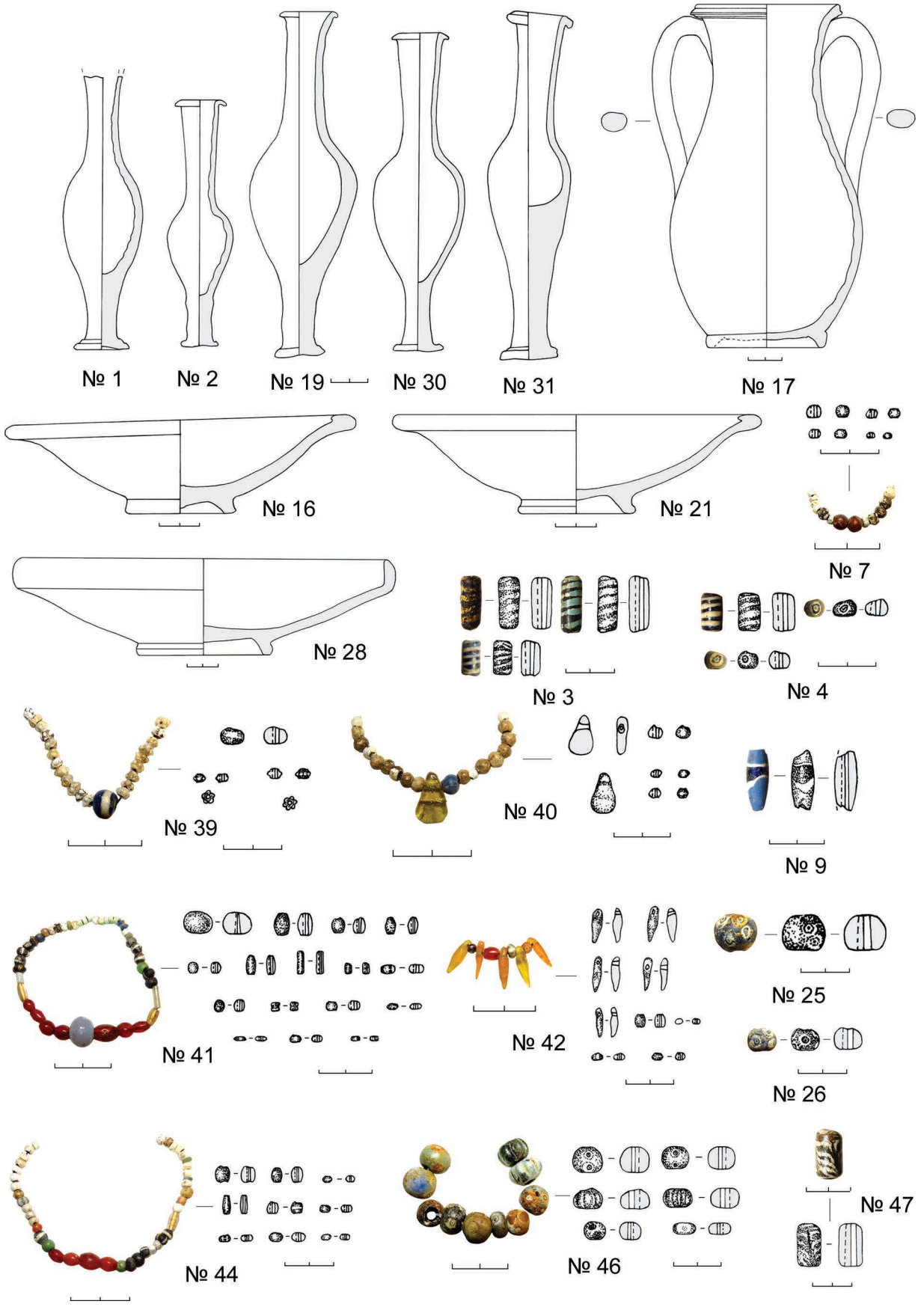


Рис. 3. Погребение № 10. Погребальный инвентарь

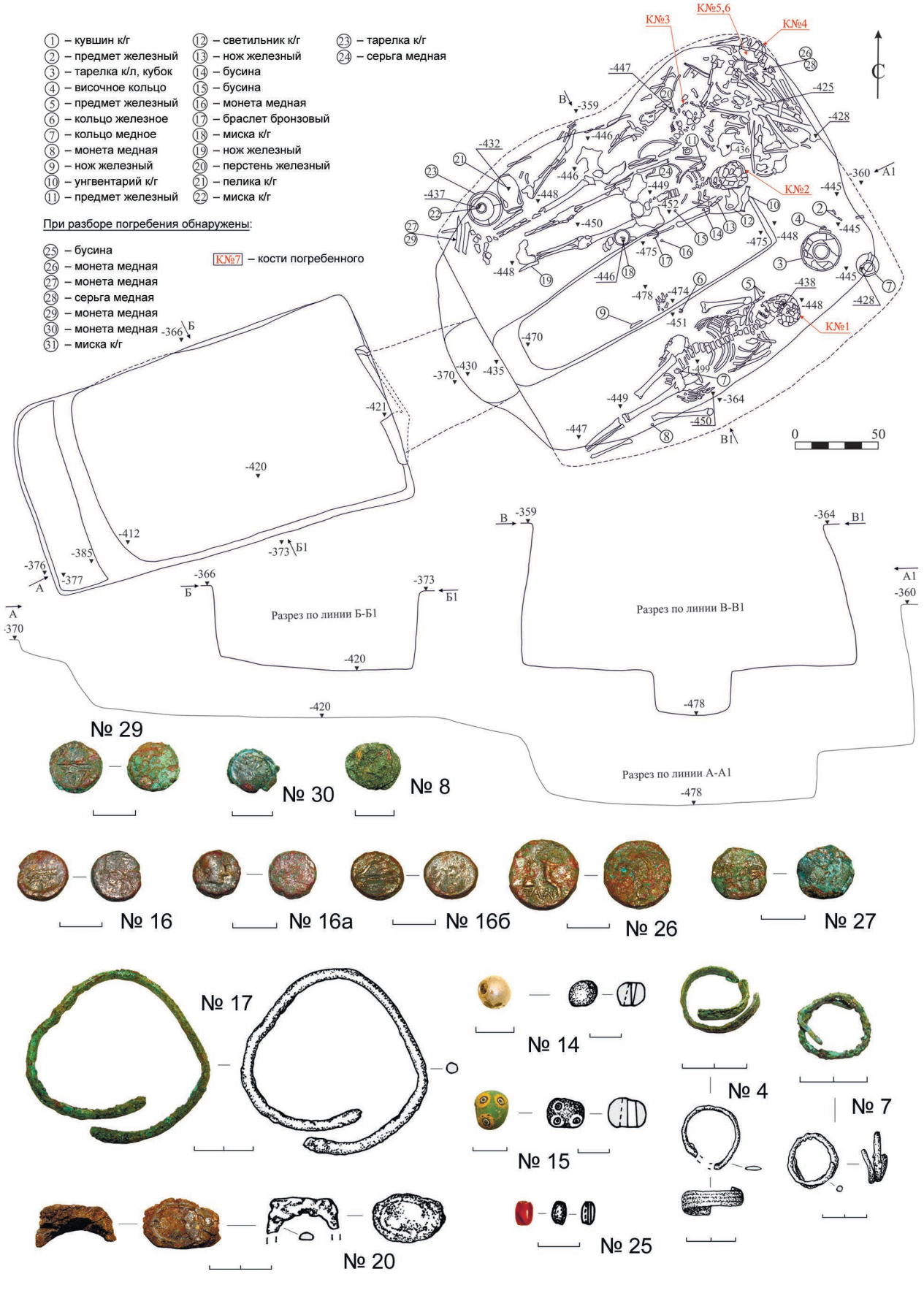


Рис. 4. Погребение № 14. Чертеж и погребальный инвентарь

Предплечье правой и левой рук, стопы и правая кисть не сохранились. Костяк № 2 лежал вытянуто на спине головой на северо-востоко-восток. Левое плечо слегка перекрывает канавку (в центральной части камеры). Череп лежит на основании, слегка приподнят в затылочной части. Руки лежат вытянуто вдоль тела. Ноги вытянуты, параллельны друг другу. Костяк № 3 лежал вытянуто на спине головой на северо-востоко-восток. Череп лежит на основании, слегка наклонен вправо. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги лежат вытянуто, сведены в районе стоп. Костяки № 4, 5 и 6 были сдвинуты в северо-восточный угол погребальной камеры и лежали в беспорядке.

Погребальный инвентарь (рис. 4; 5, *1*). В юго-восточном углу камеры стоял красноглиняный кувшин № 1. Рядом с кувшином, ближе к голове погребенного № 1, лежала вверх дном раздавленная краснолаковая тарелка № 3 и буролаковый кубок № 3а. Под тарелкой находились фрагменты медного височного кольца № 4. Рядом с тарелкой по направлению к северо-восточно-восточной стенке камеры лежало шило № 2. У правого плеча покойного № 1 обнаружены фрагменты железного предмета № 5. В центре таза, в крестцовом отделе, находилось медное кольцо № 7. Ближе к левому колену погребенного № 1 лежала медная монета № 8. У края канавки обнаружены фрагменты железного кольца № 6. В канавке находился железный нож № 9. У черепа погребенного № 2, слева, лежал на боку красноглиняный унгвентарий № 10. Рядом с ним, ближе к левому плечу, – красноглиняный светильник № 12. У правого плеча лежали фрагменты железного предмета № 11. У левого плеча, ближе к черепу, – железный нож № 13. Под левой лопаткой погребенного обнаружена бусина № 14, а ближе к левому локтю – бусина № 15. На левом предплечье был надет бронзовый браслет № 17. Рядом с ним лежали три медные монеты № 16 а, б, в. У правого крыла таза, в верхней его части находилась медная серьга № 24. Рядом с левой кистью, прижатая к левому бедру, стояла красноглиняная миска № 18. У левой ступни лежал железный нож № 19. Ближе к черепу погребенного № 3, между правым плечом и черепом, зафиксирован фрагмент железного перстня № 20. У правого колена на боку лежала красноглиняная пелика № 21. Между правой стопой и пеликой № 21 стояла тарелка № 23, в ней вверх дном лежала красноглиняная миска № 22.

При разборе погребения в скоплении костей у черепа костяка № 4 были обнаружены бусина № 25, медная монета № 26 и медная серьга № 28. Под костями голени в северо-западном углу находились медные монеты № 27 и 29. Под черепом костяка № 5 найдена медная монета № 30. Между черепом костяка № 2 и северо-восточно-восточной стенкой, под завалом костей, находились миска № 31, краснолаковая мисочка № 3 и фрагмент красноглиняной керамиды № 33.

Грунтовый склеп – распространенный тип погребального сооружения на Боспоре, ему посвящен достаточно большой объем литературы (*Абрамова*, 1982. С. 9; *Даньшин*, 1992. С. 72–76; *Масленников*, 1982. С. 37; 1990. С. 27–35; *Ольховский*, 1991; *Савостина*, 1981; 1984 и т. д.). На землях Боспорского государства такие склепы начинают сооружаться еще в IV в. до н. э., но особенно распространились они в III–I вв. до н. э., сам же тип сооружения генетически связан с погребальными памятниками Малой Азии и Греции (*Сударев*, 2005. С. 113, 114). Впрочем, грунтовые склепы продолжают сооружаться на протяжении всего римского периода, о чем наглядно свидетельствуют, например, некоторые некрополи Азиатского Боспора (*Ворошилова*, 2018; *Лимберис, Марченко*, 2010. С. 160, 162. Рис. 5–7).

Конструкция склепа позволяла совершать в него подзахоронения, что, собственно, можно наблюдать на материалах кургана на горе Тиздар. Дромос закрывался камнем, при этом входная яма не засыпалась, вероятнее всего, ее устье имело временное перекрытие. Для захоронения склеп открывался, костяки уже упокоившихся людей, а также сопровождающие их вещи сдвигались в сторону, освобождая место для очередного усопшего. Таким образом, исследованные склепы в древности функционировали как усыпальницы для погребения членов одного сообщества, скорее всего объединенных генеалогическими связями.

Инвентарь, на первый взгляд многочисленный, все же не позволяет говорить о каком-то его особом богатстве. Это вполне стандартный набор, а его количество лишь отражает многоактность погребальных действий. Мы не будем разбирать его весь, лишь остановимся на тех предметах, которые позволяют судить о датировке захоронений.

Монеты. Большая часть найденных в погребениях монет по своему состоянию не поддаются

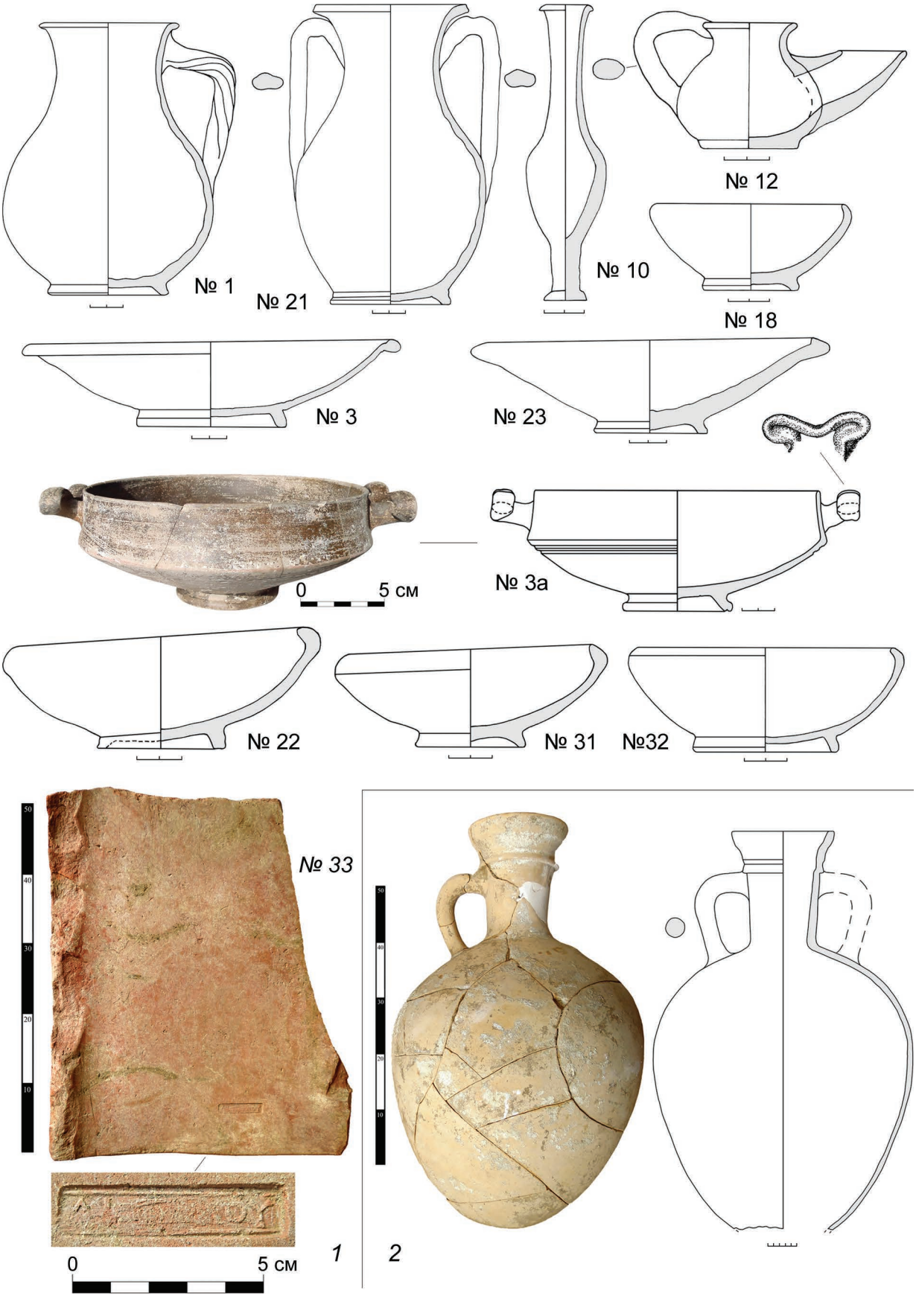


Рис. 5. *1* – погребение № 14, погребальный инвентарь; *2* – амфора с высоким венчиком из тризны

определению, стоит лишь отметить их мелкий номинал – оболы и тетрахалки. Впрочем, и другие монеты, соотнесенные[2] с тем или иным монетным типом, сохранились не особо лучше, и для некрополей Азиатского Боспора такое положение дел далеко не редкость (*Лимберис, Марченко*, 2010. С. 153).

Пантикапей, 220–210 гг. до н. э. (2 экз.): П. 10 № 10, П. 14 № 16 (рис. 2; 4) – тетрахалк. AV. Голова безбородого сатира вправо. RV. ПА лук и стрела вправо (*Анохин*, 1986. С. 142. № 145).

Фанагория, 220–210 гг. до н. э. (3 экз.): П. 14 № 16а, № 29, № 30 (рис. 4) – тетрахалк. AV. Голова безбородого сатира вправо. RV. ФА лук и стрела вправо (*Анохин*, 1986. С. 142. № 147).

Пантикапей, 150–140 гг. до н. э. (1 экз.): П. 14 № 16б (рис. 4) – обол. AV. Голова Аполлона вправо. RV. ΠΑΝ лук в горите (*Анохин*, 1986. С. 143. № 169).

Пантикапей, 130–125 гг. до н. э. (1 экз.): П. 14 № 26 (рис. 4) – тетрахалк. AV. Голова безбородого сатира в венке влево. RV. ΠΑΝ рог изобилия между шапками Диоскуров (*Анохин*, 1986. С. 143. № 175).

Унгвентарии являются одной из наиболее представительных категорий эллинистической керамики (*Rotroff*, 2006. P. 137–160), и потому существует довольно много работ, как зарубежных (*Anderson-Stojanovic*, 1987; *Hayes*, 1991; *Drougou, Touratsoglou*, 1991; *Rotroff*, 2006; *Nikolaou*, 2016; *James*, 2018 и т. д.), так и отечественных (*Паровић-Пешикан,* 1974; *Марченко*, 1996), с типологическими схемами этих сосудов. Недавняя работа М. Ю. Трейстера, где помимо размышлений автора приведена большая литература по унгвентариям, снимает с нас необходимость глубокого погружения в вопросы их распространения и функционала (*Трейстер*, 2021. С. 173, 175).

В погребениях на горе Тиздар представлена наиболее широко распространенная разновидность унгвентариев – так называемые миниатюрные веретенообразные флаконы на ножке (рис. 1, *3*; 3; 5, *1*). Согласно современным данным, они в большом количестве встречаются в комплексах III–I вв. до н. э., а по материалам Афинской агоры, подобные сосуды в подавляющем большинстве датированы в интервале от 315 до 86–50 гг. до н. э. (*Зайцев, Мордвинцева*, 2007. С. 321; *Rotroff*, 2006. P. 153). Глина сосудов рыхлая, с множественными примесями, имеет цвет от красного до светло-коричневого, кроме одного экземпляра (П. 10 № 30) (рис. 3), тесто которого серое, а внешняя поверхность со светлым ангобом. По своим параметрам, в первую очередь по высоте, которая составляет 16,7 см, этот унвентарий соотносится с группой сосудов II – первой половины I в. до н. э., найденных на Афинской агоре (*Rotroff*, 2006. P. 292, 293. № 448–452). Остальные экземпляры в той или иной степени сближены с типами 1 формы B и G по типологии В. Андерсон-Стоянович. В Македонии, например, они бытуют с середины II до первой половины I в. до н. э. (*Anderson-Stojanovic*, 1987. P. 118. Fig. 3, *b*). Подобные флаконы встречаются повсеместно в античных и варварских комплексах Причерноморья (*Паровић-Пешикан,* 1974. Рис. 95; *Максимова*, 1979. Табл. III; *Коровина,* 1987. Рис. 15; *Божкова, Кияшкина,* 2013. Рис. 12, *6*; Медведев, 2014. Рис. 1; *Трейстер*, 2021. Рис. 3; *Ворошилова, Ворошилов, Шавырина*, 2021. С. 114. Рис. 1, *3*).

Особняком, пожалуй, в этом ряду стоит унгвентарий № 31 П. 10 (рис. 3). Его вместилище значительно мельче, чем у сосудов, о которых писалось выше. По этому признаку данный экземпляр сближается с унгвентарием из погребения 64, исследованного на Восточном некрополе Фанагории (*Медведев*, 2014. Рис. 1, *54*). А. П. Медведев (2014. С. 9) интерпретирует сосуд из погребения 64 как унгвентарий ногайчинского типа 2–3-й четверти I в. до н. э. По мнению Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой (2007. С. 321. Рис. 3), тип ногайчинского флакона, по-видимому, местный, боспорского происхождения, а вероятным прототипом ему послужила форма, обозначенная С. Ротрофф как Domed-Mouth Unguentarium (*Rotrof*, 2006. P. 157, 296), для которой предполагаются книдское происхождение и дата в рамках эллинистического времени. Еще один схожий по вместилищу сосуд происходит из керамического материала дома Хрисалиска (*Сокольский*, 1976. Рис. 54, *7*), он сопоставим с унгвентариями II–I вв. до н. э. типа D по типологии В. Андерсон-Стоянович (*Anderson-Stojanovich*, 1987. P. 118).

Светильник № 12 П. 14 (рис. 5, *1*) относится к красноглиняным боспорским кувшинчиковым светильникам, господствующему типу

[2] Реставрация и типологическое определение монет выполнены П. П. Гецко.

осветительных приборов на Боспоре в эллинистическое время, по типологии Д. В. Журавлева, Н. В. Быковской и А. П. Желтиковой (2007. С. 90, 91, 93–108) тип 4, вариант 2, со временем бытования II–I вв. до н. э., возможно, до начала I в. н. э. Д. В. Журавлев (2010. С. 264, 270) приводит множественные аналогии четвертого типа, среди которых находки в Пантикапее, Гермонассе, в доме Хрисалиска, на некрополе Золотое, Артюховском кургане, некрополе Тирамбы. К этим находкам можно добавить и светильник из склепа 191/2013 некрополя Фанагории (*Ворошилова*, 2018. Рис. 14, *2*).

Кувшин с витой ручкой № 1 П. 10 (рис. 5, *1*) местного, боспорского производства. Бытуют кувшины с такой ручкой на территории Боспора начиная с последней четверти III в. до н. э. (*Абрамов, Сазонов*, 1992. С. 157. Табл. XI, *13–15*) до первой половины I в. до н. э. (*Толстиков, Журавлев, Ломтадзе*, 2003. С. 294. Рис. 10). Однако география находок Боспором не ограничивается, подобные кувшины нередки в варварских памятниках Кубани, где они распространены в комплексах II в. до н. э. (*Марченко*, 1996. С. 87, 156. Рис. 24, *12*).

Две пелики, № 17 П. 10 и № 21 П. 14 (рис. 3; 5, *1*), произведены в Фанагории. На некрополях полиса это частая находка, а комплексы, откуда происходят подобные экземпляры, не выходят за рамки II в. до н. э. (*Медведев*, 2014. Рис. 1, *16, 28*; *Ворошилова, Ворошилов, Шавырина*, 2021. С. 114. Рис. 1, *2*). Судя по очень низкому качеству сосудов из кургана (главным образом это касается формовочной массы и обжига), видимо, они предназначались исключительно как вместилище для напутственной пищи, что вполне согласуется с наблюдениями Е. М. Алексеевой (2010. С. 375), согласно которым пелики эллинистического периода являлись в первую очередь предметами погребального культа. Не лучшего качества и фанагорийские тарелки и миски (№ 4 П. 6; № 16, 21 П. 10; № 18, 22, 23, 31 П. 14) (рис. 1, *3*; 3; 5, *1*). Типы этих керамических сосудов также соответствуют II в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2010. С. 157. Рис. 2, *18*; *Медведев*, 2014. Рис. 1, *14, 40, 45*).

Буролаковая тарелка № 3 П. 14 (рис. 5, *1*) по форме находит аналогии среди материалов середины II – первой половины I в. до н. э. дома Диониса в Пафосе на Кипре (*Hayes*, 1991. P. 27, 28. Fig. XV, *6*), а также соотносится с керамической группой F последних трех четвертей I в. до н. э. Афинской агоры (*Robinson*, 1959. P. 10, 14. Pl. 65, F 41). Буролаковый сероглиняный кубок № 3а П. 14 (рис. 5, *1*) соответствует типу, распространенному, судя по материалам Афинской агоры, в хронологическом диапазоне второй четверти II – начала I в. до н. э., а серо-коричневая глина сосуда может указывать на его книдское происхождение, и тогда наш экземпляр можно соотнести с книдскими кубками 160–130 гг. до н. э. (*Rotroff*, 1997. P. 233, 234, 284, 285, 399. Fig. 23; 96: *399, 400, 402, 403, 1577*).

Вся найденная в погребениях черепица относится к боспорскому производству. Особый интерес вызывает керамида с клеймом ΔΙΟΤΥΜΟΥ № 33 П. 14 (рис. 5, *1*), изготовление которой осуществлялось в Фанагории (*Федосеев*, 2012. С. 41). На настоящее время черепица со штампом Диотима датируется 225–215 гг. до н. э. (*Анохин*, 1999. № 121). Помимо Фанагории, Пантикапея и других населенных пунктов Боспора (IOSPE III, № 178–189; *Федосеев*, 2012. С. 41) керамиды Диотима вместе с черепицей ΒΑΣΙΛΙΚΗ использовались для покрытия крыш архитектурного комплекса Таманский толос (*Сокольский*, 1976. С. 60, 74).

Что касается других объектов, исследованных в кургане на горе Тиздар, то пять детских погребений в особом описании не нуждаются. Это стандартные захоронения младенцев в амфорах, которые распространены на Боспоре повсеместно (*Сударев*, 2005. С. 46–54), в том числе и в эпоху эллинизма (*Коровина*, 1987. С. 87. Рис. 7; *Коровина*, 1987а. С. 22. Рис. 16; *Журавлев* и др., 2006. С. 42, 43. Рис. 18, *1*; *Лимберис, Марченко*, 2010. С. 160). Часть амфор родосские, поздней серии I-E-2 II в. до н. э. *(Монахов*, 2003. Табл. 82, *5*), но есть и другие центры, которые ввиду сохранности амфор установить не удалось. С тризнами мы связываем локальные скопления битой и целой посуды и амфор. Из всего этого комплекса обратим внимание на амфору с высоким венчиком (рис. 5, *2*). Как пишет С. Ю. Внуков (2016. С. 113, 114), такие амфоры очень редко встречаются в материалах Северного Причерноморья; все они – масляная тара; основными регионами изготовления этого класса амфор, выявленных в настоящее время с разной степенью уверенности, являются Северный Пелопоннес (Сикион и др.), Центральная Эгеида (Хиос, Эрифры, Кимы) и Южная Италия (район Бриндизи); следы производства таких амфор обнаружены только в Северном Пелопоннесе, в частности

в Сикионе, предварительно они датированы второй половиной II–I вв. до н. э. (*Opait*, 2010. P. 155, 156); находки фрагментов этих амфор в митридатовских слоях Кара-Тобе подтверждают эту дату.

На основании и по совокупности хронологии предметов из перечисленных комплексов вполне обоснованно можно говорить о том, что на кургане захоронения и связанные с ними ритуальные действия совершались на протяжении всего II в. до н. э. Однако широкая хронология некоторых керамических форм позволяет предполагать продолжение функционирования этого локального некрополя и в первой половине I в. до н. э.

Интересным является тот факт, что многое из перечисленного среди материалов кургана тождественно или схоже с находками из архитектурного ансамбля Таманский толос и резиденция Хрисалиска. Это и флаконы, и светильник, кувшин с витой ручкой, наконец, керамида с клеймом Диотима. В целом такие предметы типичны для эллинистического Боспора. Но, может быть, существует более тесная связь между памятниками?

Хронология Таманского толоса и резиденции Хрисалиска хорошо известна антиковедам по книге Н. И. Сокольского (1976), исследовавшего его в последние годы своей жизни. В целом этот многослойный памятник датируется от V–IV вв. до н. э. до II в. н. э. включительно, в том числе содержит выразительные слои с архитектурными остатками и монетами III–I вв. до н. э. (*Сокольский*, 1976. С. 7, 8, 45). В рамках этого эллинистического периода Н. И. Сокольский выделяет несколько горизонтов жизни поселения. На раннем этапе здесь существовал архитектурный ансамбль крупного культового центра – толос внутри перистильного двора, который гибнет в пожаре около середины II в. до н. э. События эти, по мнению исследователя, связаны с действиями окрестных варваров, одно из племен которых, разрушив святилище, превратило его в 20-е гг. II в. до н. э. в окруженную валом крепость. Н. И. Сокольский допускал (1976. С. 48), что в течение 30 лет, с момента разрушения культового центра и до сооружения крепости, жизнь на разрушенном поселении не прекращалась. При Асандре крепость использовалась в качестве резиденции царского сановника Хрисалиска, расположенной в большом здании и погибшей при карательной экспедиции Полемона в 14–13 гг. до н. э. (*Сокольский*, 1976. С. 1, 11; 1975. С. 21, 28, 29). Видимо, не лишним будет сказать о том, что на данный момент временные границы дома Хрисалиска определяются от середины I в. до н. э. до рубежа н. э. (*Бонин,* 2019. С. 65).

Таманский толос и резиденция Хрисалиска, несомненно, выдающийся, интересный и сложный памятник. В том числе и на основе его материалов выстраивается реконструкция военно-политической истории Боспорского государства эпохи эллинизма и римского времени (*Сапрыкин*, 1996; 2002; *Бонин*, 2019). Тем не менее предложенные Н. И. Сокольским трактовки стратиграфических горизонтов, их культурная и даже «этническая» интерпретация, как и толкования полученных в результате раскопок артефактов, до сих пор вызывают массу вопросов. Критический анализ выдвигаемых Н. И. Сокольским положений, а также переосмысление некоторых его выводов были приведены в вышедшей не так давно статье А. А. Завойкина (2018. С. 299–308). Так, исследователь указывает на то, что ни в источниках, ни в данных археологии нет никаких свидетельств присутствия варварских племен на Таманском полуострове, а допущения Н. И. Сокольского по поводу варварской принадлежности укрепления остаются в числе недоказанных и произвольных (*Завойкин*, 2018. С. 300). А. А. Завойкин приходит к выводу: памятник относится к понтийскому этапу боспорской истории и не связан с предшествующей системой землепользования; поселение-крепость было населено повелением царя выходцами из Малой Азии (возможно, и не только ими) (*Завойкин*, 2018. С. 304). Что касается «раннего» комплекса с толосом, то аналогии и рассмотрение архитектурных особенностей и деталей сооружения привели исследователя к заключению: это царская резиденция либо кого-то близкого царской семье, здесь проводились пышные общественные трапезы, как это было свойственно для жизни социальных верхов в эллинистических царствах (*Завойкин*, 2018. С. 307). А. А. Завойкин (2018. С. 300) обращает внимание на то, что подлинные причины разрушения и пожара комплекса с толосом в середине II в. до н. э. неизвестны и никаких указаний в источниках (в том числе и по данным раскопок Н. И. Сокольского) не имеется.

Исходя из событийного ряда, предложенного Н. И. Сокольским, погребения из кургана на горе Тиздар синхронны комплексу с толосом и крепо-

сти «варваров», а верхней хронологической границей для склепов, вероятно, является момент возведения в крепости дома Хрисалиска. Видимо, в пользу сомнений, высказанных А. А. Завойкиным о причастности варваров к сооружению крепости, говорит тот факт, что подзахоронения в склепах продолжались и в момент разрушения толоса, и когда «варвары» Н. И. Сокольского строили и обживали укрепление. В погребениях, кроме действий, связанных с подзахоронениями, никаких следов грабежа не зафиксировано, хотя, по нашему разумению, входы склепов были открытыми и доступ в погребальную камеру был свободным. Но инвентарь, даже пусть небогатый, остался нетронутым. Вопрос тривиальный: громить царскую резиденцию, но не разорять находящиеся рядом, по сути, открытые могилы предков побежденных? Данное обстоятельство, хоть и косвенное, видимо, вполне может служить еще одним свидетельством того, что какой-либо радикальной смены населения в действительности не происходило.

Если следовать дискурсу А. А. Завойкина о принадлежности архитектурного ансамбля с толосом к царской резиденции, то люди, оставившие вполне рядовой некрополь, вряд ли имели отношение к этому раннему поселению, тем более что поселенческих структур вокруг горы Тиздар, где могли они обитать, предостаточно. И в таком случае близкий материальный комплекс, сложенный из бытовых вещей, отражает хронологическое соответствие памятников на определенном временном отрезке, к тому же в рамках существования их в одном культурном пространстве. Но то, что погребенные в кургане были непосредственными свидетелями истории расположенного рядом поселения, в том числе катастрофических разрушений середины II в. до н. э., не вызывает сомнения. Иначе нам тяжело объяснить отнюдь не случайный факт помещения в захоронение керамиды с клеймом Диотима, черепицей которого покрывался ранний архитектурный ансамбль с толосом.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1982. Катакомбные и склеповые погребения юга Восточной Европы (Середина I тысячелетия до н. э. – первые века н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2 / Ред. Д. Л. Талис. М. С. 9–19 (Труды ГИМ. Вып. 54).

Абрамов А. П., Сазонов Ю. С., 1992. Керамика трех подводных комплексов Патрея // Боспорский сборник. Вып. 1. С. 147–172.

Алексеева Е. М., 2010. Пелики из Горгиппии // Проблемы истории, филологии, культуры 1 (2010). С. 361–376.

Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 223 с.

Анохин В. А., 1999. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия. 254 с.

Божкова А., Кияшкина П., 2013. Цистови гробове от елинистическия некропол на Месамбрия на Черно море // Известия на Националния археологически Институт. Т. XLI. С. 53–70.

Бонин А. В. 2019. Сельские поселения Боспора I в. до н. э. – середины II в. н. э.: вопросы хронологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Внуков С. Ю., 2016. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // Древности Боспора. Т. 20. С. 90–122.

Ворошилова О. М., 2018. О склепах Фанагории 1–5 вв. н. э. // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7. Вып. 4 / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 56–76.

Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н., Шавырина Т. Г., 2021. Каменные гробницы Фанагории из раскопок 1980 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 141–159.

Даньшин Д. И., 1992. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Журавлев Д. В., 2010. О боспорских светильниках типа «кувшинчика» // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. С. 264–276.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л., 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н. э. Т. I. Киев: Мистецтво. 308 с.

Журавлев Д. В., Ильина Т. А., Ломтадзе Г. А., Сударев Н. И., 2006. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья / Ред. Д. В. Журавлев. М. С. 12–46 (Труды ГИМ. Вып. 159).

Завойкин А. А., 2018. Таманский толос и резиденция Хрисалиска // ΠΕΝΣΗΚΟΝΣΑΕΣΙΑ. Исследования по античной истории и культуре / Ред. О. Л. Габелко. СПб.: РХГА. С. 299–308.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2007. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 319–358.

Коровина А. К., 1987. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.). Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 8. С. 71–109.

Коровина А. К., 1987а. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 8. С. 3–71.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // ΣΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. С. 152–163.

Максимова М. И., 1979. Артюховский курган. Л.: Искусство. 152 с.

Масленников А. А., 1982. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры // СА. № 1. С. 33–43.

Масленников А. А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука. 230 с.

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар: КубГУ. 336 с.

Медведев А. П., 2014. Эллинистические погребения Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.) // РА. № 3. С. 123–139.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов: Киммерида. 352 с.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука. 256 с.

Парович-Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка. 220 с.

Савостина Е. А., 1981. О земляных склепах Боспора // Тезисы докладов научной сессии по итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1980 год. М.: ГМИИ. С. 27–29.

Савостина Е. А., 1984. Боспорские склепы. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Сапрыкин С. Ю., 1996. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука. 348 с.

Сапрыкин С. Ю., 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука. 272 с.

Сокольский Н. И., 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. Вып. 143. С. 21–30.

Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука. 128 с.

Сударев Н. И., 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Сударев Н. И., Жуков В. А., Бакунова Т. Н., 2010. Исследования Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН и Фонда «Археология» на Таманском полуострове в 2009 г. (Предварительные данные) // ΣΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. С. 224–227.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2003. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. Вып. III. С. 289–314.

Трейстер М. Ю., 2021. Веретенообразные унгвентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. VII. С. 157–194.

Федосеев Н. Ф., 2012. Керамические клейма. Боспор. Т. 1. Киев: Мистецтво. 160 с.

Anderson-Stojanovic V. R., 1987. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // American Journal of Archaeology. Vol. 91. No. 1. P. 105–122.

Drougou St., Touratsoglou I., 1991. Hellenistische Keramik aus Makedonien: Chronologische Indizien // Antike Kunst. Jg. 34. S. 13–21.

James S. A., 2018. Hellenistic Pottery. The Fine Wares. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 360 p. (Corinth VII, 7).

Hayes J. W., 1991. The Hellenistic and Roman pottery. Paphos III. Nicosia: Dept. of Antiquities. 224 p.

Nikolaou E., 2016. Βόρειο νεκροταφείο αρχαίας Δημητριάδας. Η ανασκαφή1995–1996. Οι γυναικείες ταφές του 3ου και 2ου αιώνα π. Χ. Volos: Πανεπιστήμιο Θεσσαλίας. 182 σ.

Opait A., 2010. Aspects of the provisioning of the Pontic settlements with olive oil in the Hellenistic and early Roman periods // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table-Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 April 2006 / Eds. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Istanbul: Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil. P. 153–158 (Varia Anatolica. XXI).

Robinson H. S., 1959. Pottery of the Roman Period. Chronology. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 163 p. (The Athenian Agora. Vol. V).

Rotroff S. I., 1997. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 612 p. (The Athenian Agora. Vol. 29).

Rotroff S. I., 2006. Hellenistic Pottery: The Plain Ware. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 444 p. (The Athenian Agora. Vol. 33).

Резюме. В публикации освещены материалы эпохи эллинизма из раскопок кургана на горе Тиздар на Тамани. Производится описание комплексов, их анализ, на основе погребального инвентаря предлагаются хронологические рамки захоронений. Особый интерес представляет то, что курган расположен рядом со знаменитым архитектурным ансамблем Таманский толос и резиденция Хрисалиска.

Ключевые слова: Таманский полуостров, гора Тиздар, курган, некрополь эллинистического времени, склепы, Таманский толос и резиденция Хрисалиска.

A. V. Ivanov, V. Yu. Kononov

Hellenistic burials from excavations of a tumulus on Mount Tizdar on the Taman Peninsula

Abstract. The publication tells about the materials of the Hellenistic era from the excavations of the burial mound on Mount Tizdar on Tamini. The complexes are described and analyzed; on the basis of the grave goods, a chronological framework of burials is proposed. Of particular interest is the fact that the mound is located next to the famous architectural ensemble of Taman tholos and the residence of Chrysaliska.

Keywords: Taman Peninsula, Mount Tizdar, mound, Hellenistic necropolis, crypts, Taman tholos and Chrysaliscus residence.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.100-115

ГОРОДИЩЕ БАТАРЕЙКА (2021 Г.) (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, КРЫМСКИЙ РАЙОН)

А. А. Горошников, М. А. Белов

Весной – осенью 2021 года совместной экспедицией ФГБУН ИА РАН и ООО «ОКН-Проект» был исследован участок памятника археологии федерального значения «Городище Батарейка» в Крымском р-не Краснодарского края, попадающего в полосу отвода под строительство объекта по проекту реконструкции ВЛ 220 кВ Тамань – Славянская на участке общей площадью 3899 м^2 (рис. 1; 2). В северо-восточной части памятника был заложен раскоп № 9 (в соответствии с общей нумерацией раскопов на памятнике).

Городище Батарейное, Краснобатарейное или Батарейка, расположенное на территории х. Красная Батарея Крымского р-на Краснодарского края, относится к числу широко известных археологических памятников, первые сведения о нем появляются еще в XIX в. История изучения и результаты работ на городище отражены в работе Н. Ф. Шевченко (*Шевченко,* 2009).

Работы проводились на северо-восточной окраине ОАН «Городище Батарейка». Поверхность памятника в этом месте в целом ровная, с общим понижением от центра к северо-западу и юго-востоку. В центральной части земельного участка в рельефе выделяется небольшое пологое возвышение (жилой холм).

Стратиграфический разрез памятника дает относительно простую, четко выраженную картину культурных напластований. Это обусловлено характером почвы и расположенным в низине участком работ. Глинистые грунты хорошо задерживают влагу, весной и осенью во время обильных осадков местность заболачивается. Высоко расположенные к поверхности грунтовые воды промывают поселенческий слой снизу, сезонно меняя свой уровень, поэтому границы между слоями условны и размыты. Объекты и ямы фиксировались либо по пятнам их заполнения, по цвету отличным от материковой глины, либо по плотной концентрации находок в слое серо-коричневого суглинка.

Максимальная мощность и насыщенность культурного слоя приходится на центральную часть раскопа, где сосредоточены все археологические объекты. Здесь прослеживается небольшое возвышение (жилой холм) с наибольшей концентрацией археологического материала, ям и объектов, к северо-западу и юго-востоку их количество минимально, что связано с расположением этих участков раскопа на окраине памятника, на краю границ его территории. Также в крайних квадратах раскопа на востоке и западе фиксируется выход грунтовых вод.

Вероятно, в древности эта часть городища подтапливалась (была заболочена) и хозяйственную деятельность возможно было вести на небольших участках, возвышающихся на местности. Можно предположить, что освоение плохо пригодных окраин приходилось на расцвет городища и благоприятную демографическую ситуацию.

Находки концентрируются в слое рыхлого гумусированного суглинка темно-серого цвета, а также в слое плотного суглинка серо-коричневого цвета, что соответствует стратиграфически 2–5-му пластам. На участках, где серо-коричневый суглинок насыщен пеплом (центральная часть раскопа), находки фиксировались по всей глубине слоя. В первых пластах (№ 1–3) по всей площади раскопа встречались редкие отдельные находки и фрагменты керамики, относящиеся к эпохе Средневековья и Нового времени.

Всего в пределах исследованной площади было зафиксировано 20 хозяйственных ям и 33 объекта, связанных с хозяйственной деятельностью жителей городища в античное время (рис. 3). Также обнаружены два погребения (датировка затруднительна вследствие отсутствия инвентаря, по характеру трупоположения могут быть отнесены к эпохе античности – Средневековья).

Общее планиграфическое устройство северо-восточной, периферийной части городища по раскопанному участку затруднительно реконструировать из-за фрагментарности расчищенных объектов и небольшой площади работ.

В пределах раскопа можно выделить некоторые особенности и элементы планиграфии этой

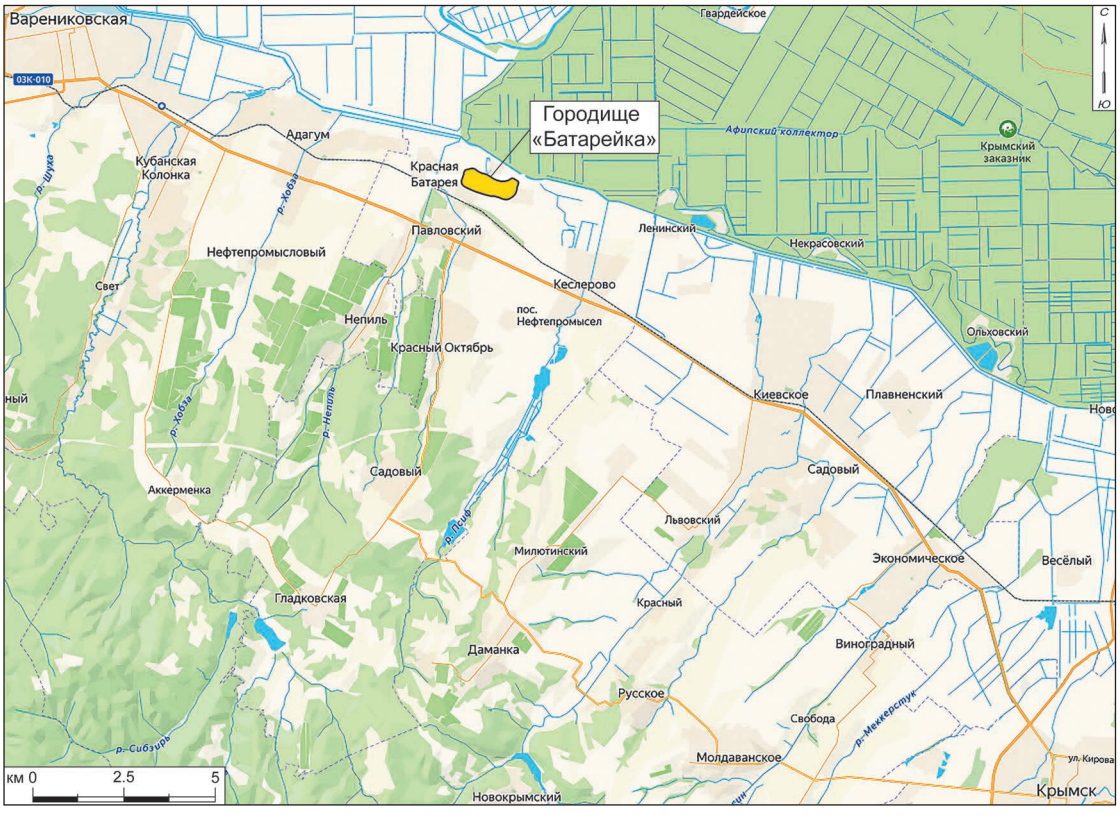


Рис. 1. Карта-схема места проведения работ

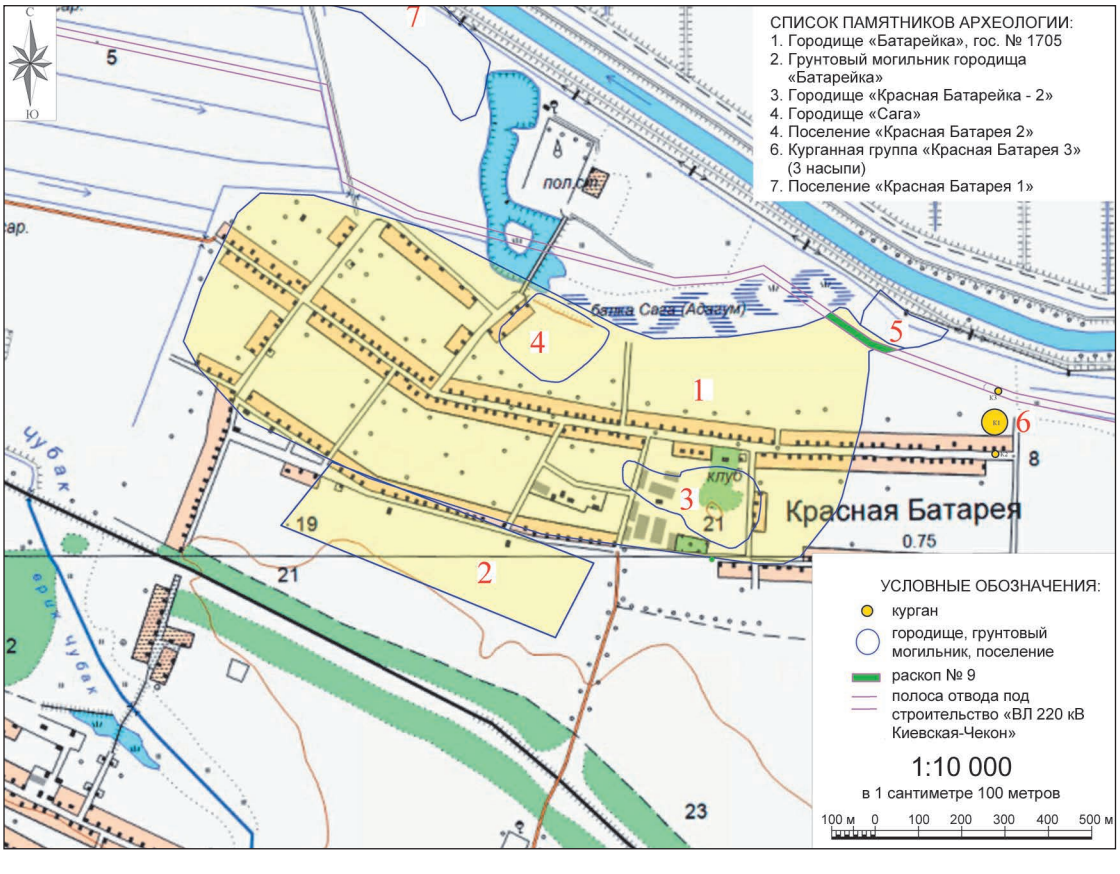


Рис. 2. Схема расположения городища Батарейка (с обозначенным раскопом № 9) и памятниками археологии, находящимися в непосредственной близости

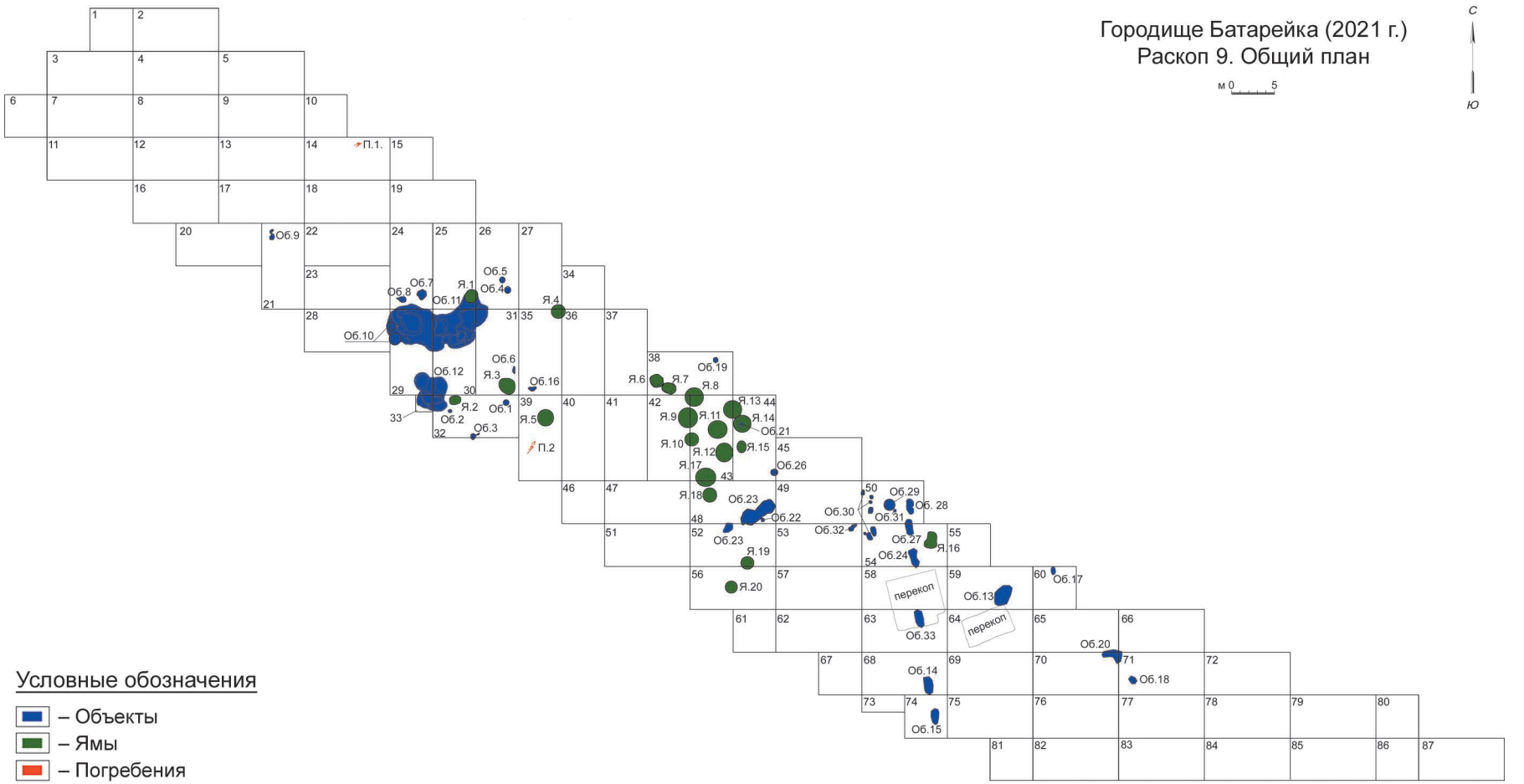


Рис. 3. Городище Батарейка. Общий план раскопа 9

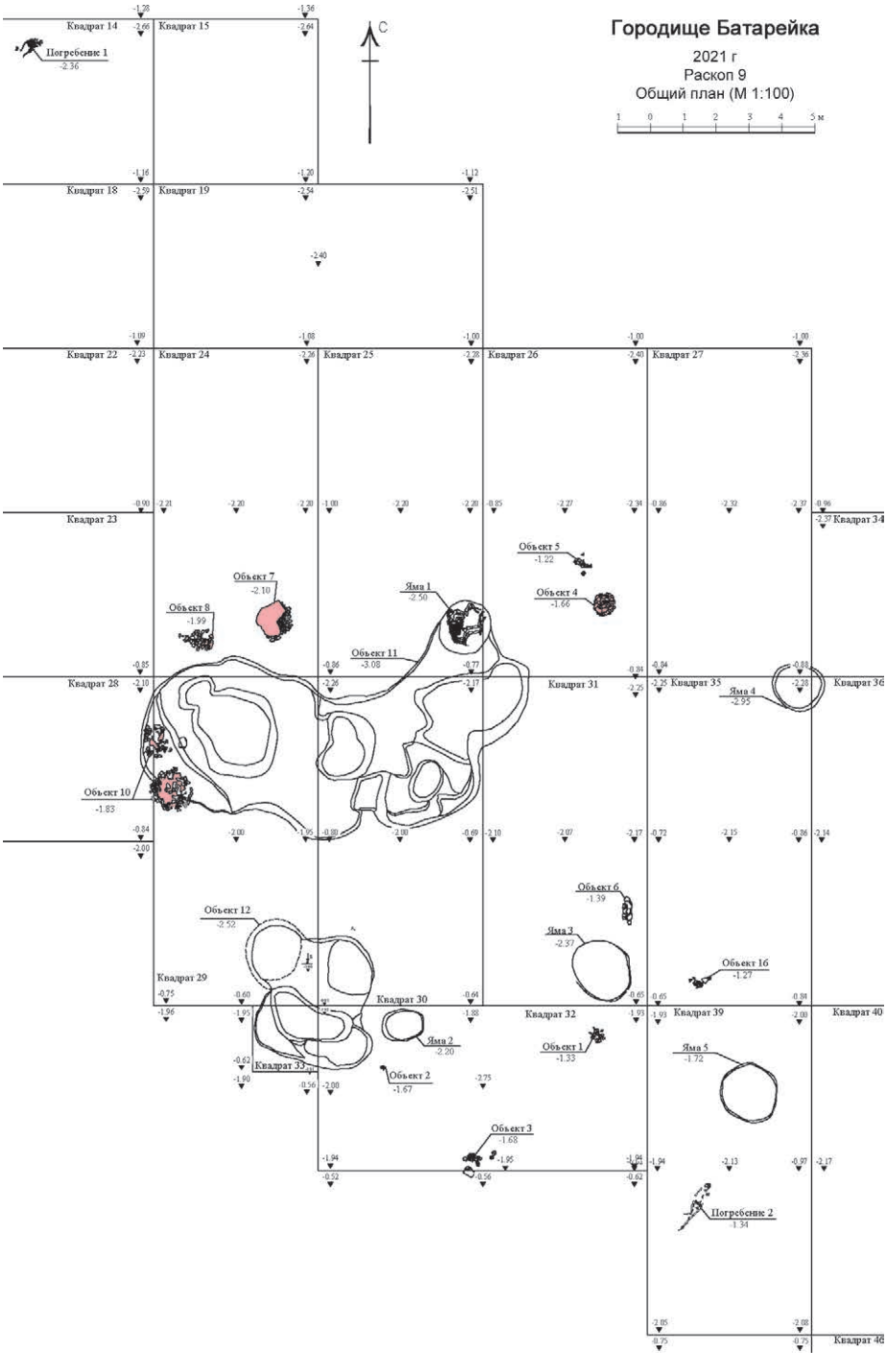


Рис. 4. Городище Батарейка. Западный участок раскопа 9

части памятника (рис. 3). В центральной части раскопа можно условно выделить три участка (западный, центральный и восточный) с плотной концентрацией ям и объектов.

Участки вытянуты с севера на юг и расположены друг от друга на расстоянии около 10 м. Каждый состоит из серии хозяйственных ям, развалов керамики, углубленных очагов с уложенным из фрагментов керамики дном, фрагментарных остатков каменных конструкций. Объекты расположены на небольшом удалении друг от друга. Ямы, как правило округлой и овальной в плане формы, преимущественно заполнены мешаным суглинком серо-коричневого цвета либо мешаной материковой глиной желто-коричневого цвета.

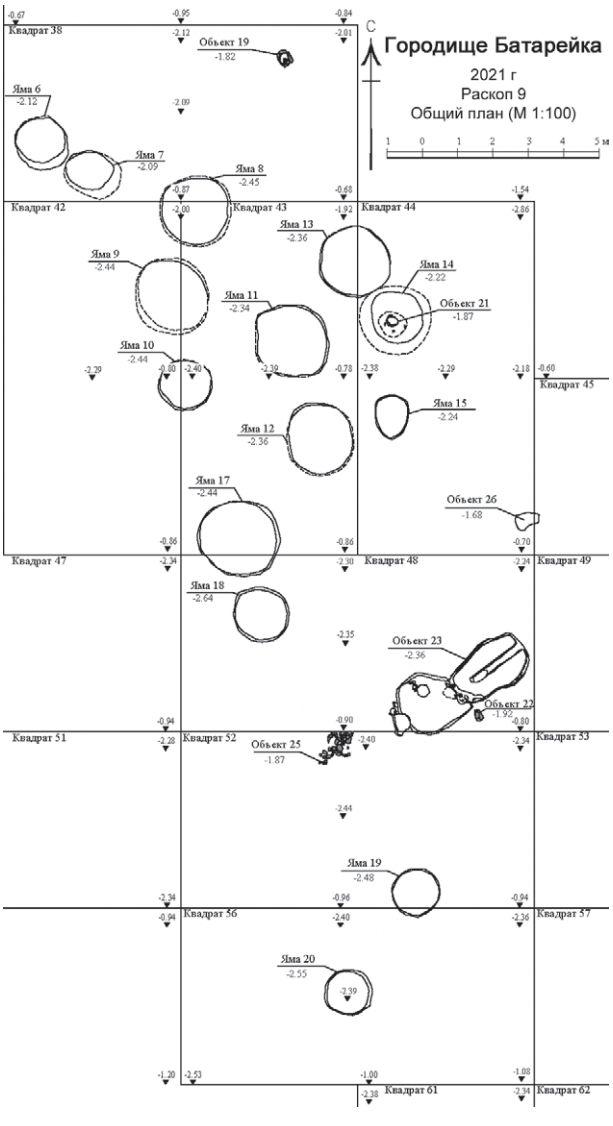


Рис. 5. Городище Батарейка. Центральный участок раскопа 9

Западный участок (рис. 4) размером около 20×24 м включает в себя два углубленных в материк аморфных котлована (рис. 4), вероятно, для добычи глины, впоследствии засыпанных, и пять хозяйственных ям (№ 1–5). Котлован объекта 11, по стратиграфическим наблюдениям, является наиболее ранней конструкцией на участке (рис. 7). С востока в него впущена яма № 1 (рис. 8) с целым скелетом двухгодовалой лошади среднего роста, 136–144 см в холке, относящейся к тонконогой категории лошадей[1], а с запада заполнение перекрыто очажными конструкциями объекта 10 (рис. 9). Всего к северу и востоку от котлована расположены четыре очажные конструкции (объекты 7, 8, 10), представляющие собой плотно уложенные скопления керамики (стенками и профильными частями кружальных сосудов) округлой в плане формы, обмазанные пережженной глиной мощностью до 3 см (рис. 4; 9). Керамика в них уложена тыльной стороной вверх. Также на этом участке расположены зафиксированные на разной глубине развалы керамических сосудов и уложенные на одном уровне скопления костей керамики и обмазки (объекты № 1–5, 16). Однозначно интерпретировать объекты как развалы, находящиеся на древней дневной поверхности, или заполнение хозяйственных ям либо несохранившихся конструкций затруднительно. К востоку от котлованов сохранились остатки каменной конструкции, возможно, фундамента (объект 6).

Центральный участок вытянут по линии север – юг, размером около 27×15 м (рис. 5). Состоит из 14 хозяйственных ям округлой в плане формы, расположенных в непосредственной близости друг от друга (ямы № 6–15, 17–20), одиночной глыбы известняка (объект 26) и четырех развалов керамики (объекты № 19, 21, 22, 25).

Отдельного внимания заслуживает объект 23, расположенный в юго-восточной части квадрата 48, представляющий собой печь для обжига керамики (рис. 10; 11).

Овальная подовая печь для обжига керамики с двумя камерами, обрушившимся глиняным сводом и приямком у топочной камеры. Конструкция углублена в материк, стенки и дно обмазаны глиной и обожжены, верх был перекрыт глиняным сводом. Овал печи по длинной оси разделен глиняной перегородкой, не доходящей до топочной камеры, которая ориентирована в направлении северо-восток – юго-запад. Размеры по внешним границам 2,45×1,45 м, перегородка длиной 1,75 м, ширина составляет 0,20–0,25 м по верху, по низу – до 0,30 м, высота перегородки – 0,20–0,25 м, в южной части – до 0,37 м, стенки расширяются ко дну. Переход от стенок ко дну скруглен. Толщина обмазки на стенках – 5–7 см, в восточной части – до 12 см. В центральной и южной частях печи, ближе к топочной камере стенки, дно и перегородка сильно пережженные. Глина обуглилась, повздувалась и крошится, что говорит о многократном использовании печи. Перегородка в южной части у топки, видимо, несколько

[1] Определения археозоологического материала выполнила С. О. Двуреченская, ИА РАН.

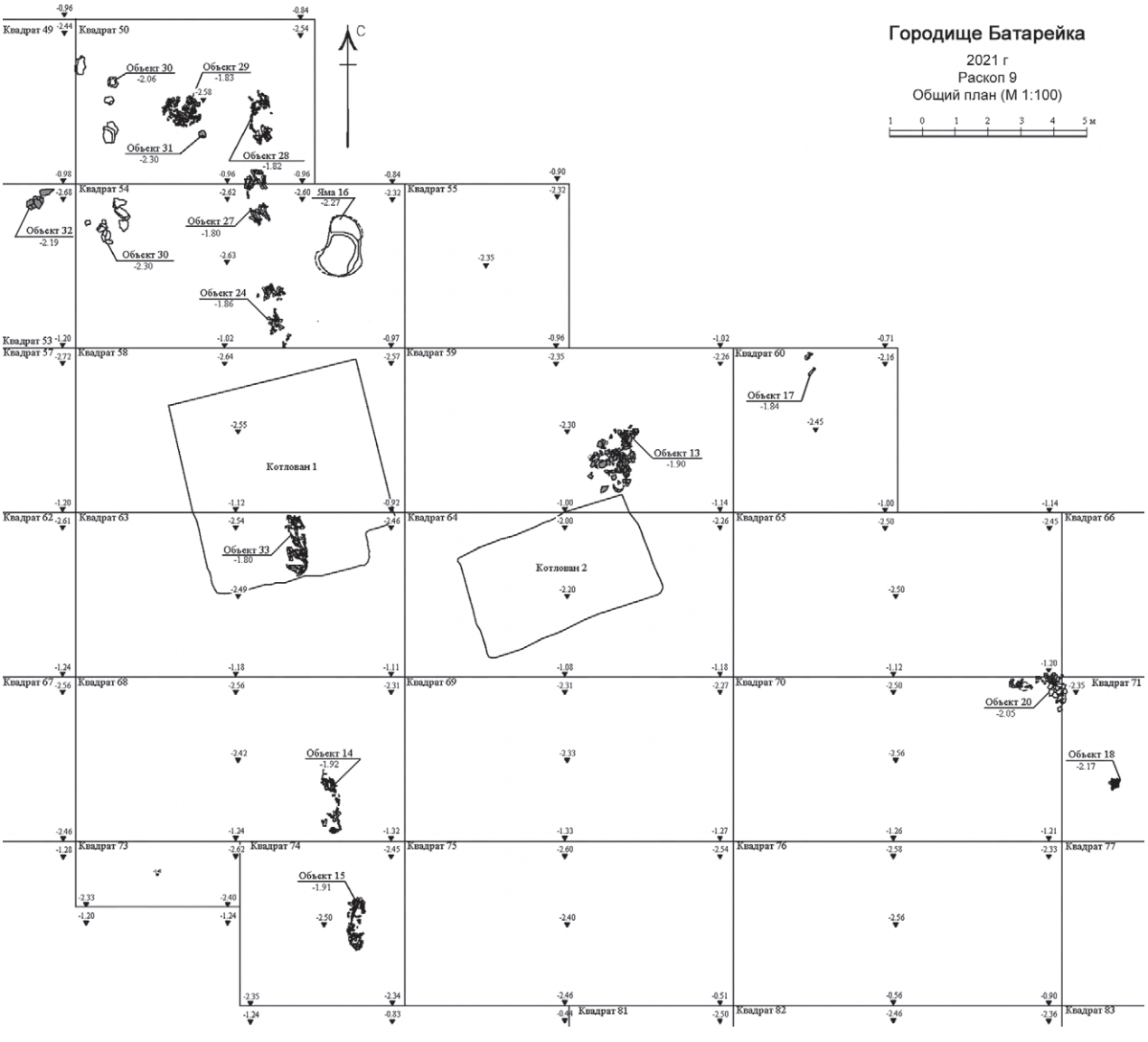


Рис. 6. Городище Батарейка. Восточный участок раскопа 9

раз обновлялась (наращивалась), в северной части, подверженной более низким температурам, сохранились остатки обмазанного дна мощностью до 2 см. Стенки и перегородка в северной части заглажены глиной, не подвергались сильному температурному воздействию.

Камера печи заполнена пережженной глиной от рухнувшего свода, перемешанного с серо-коричневым суглинком, на дне прослойка пепла мощностью до 1 см, в южной части у топочной камеры сохранились шесть продухов диаметром от 8 до 20 см. В топочном отверстии сохранился небольшой блок, использованный для закладки топочной камеры, размером 27×12 см.

К юго-западу от печи прослежено углубление диаметром около 2,00 м, заполнено мешаным серо-коричневым суглинком с обмазкой и углями, глубиной до 0,25 м. В южной части конструкции выделяется плита, уложенная на материк с уклоном к северу, размером 0,60×0,45 м, к западу от нее два крупных фрагмента обмазки, вероятно, оставшихся от ремонта печи. Также в яме расположена округлая плита и два фрагмента обмазки, уложенные по линии запад – восток. Вероятно, приямок при печке использовался для топки и временного складирования продуктов горения.

Восточный участок вытянут по линии северо-запад – юго-восток, размером около 25×8 м (рис. 6). Объекты расположены на большом расстоянии, поэтому объединены в комплекс условно. Состоит из фрагментарных остатков камен-

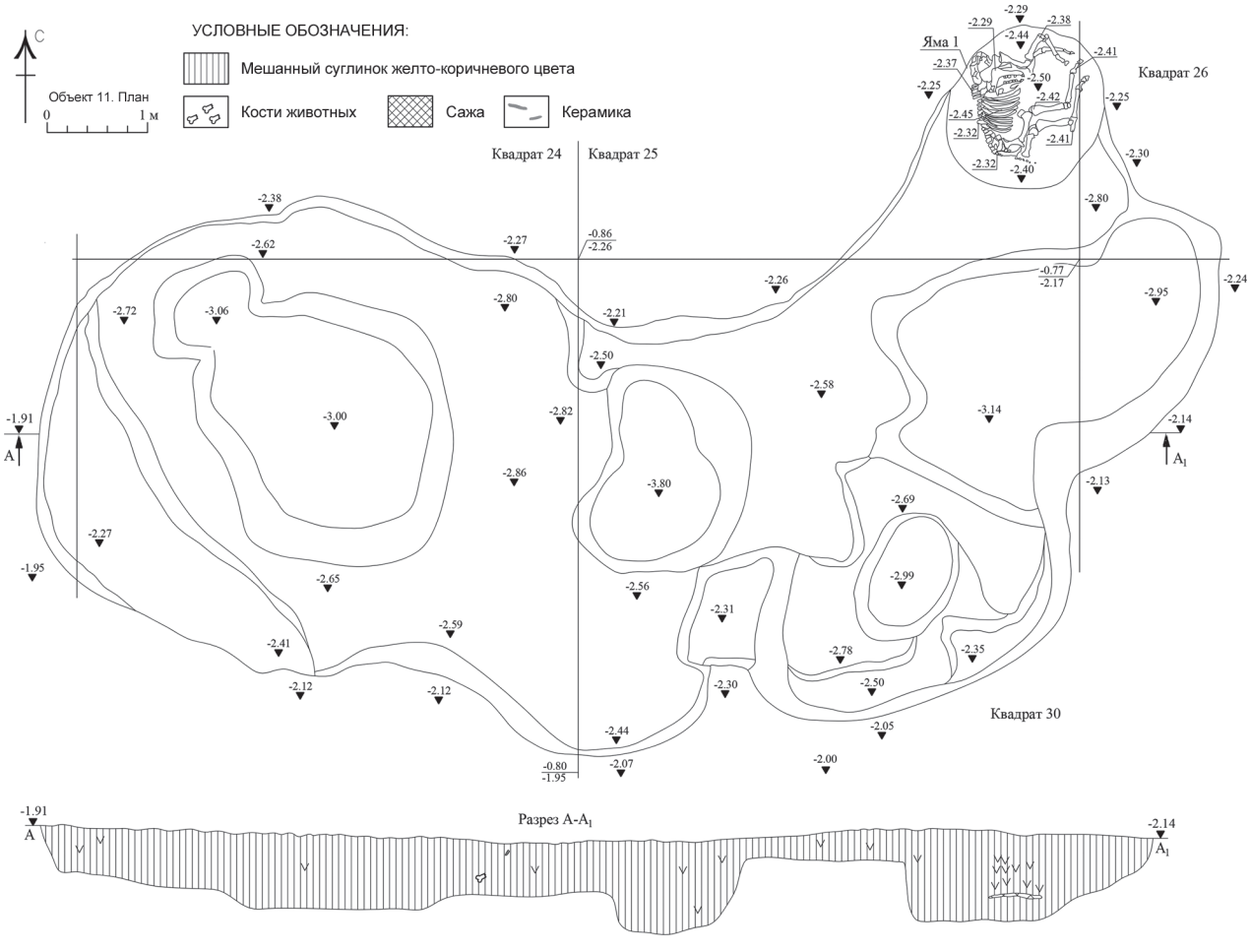


Рис. 7. Объект 11, котлован. План

ной конструкции объекта 30, к востоку и западу от которого расположены два развала керамических сосудов (объекты № 31, 32). К востоку от каменной конструкции на расстоянии 1,6 м расположен очаг, представляющий собой плотно уложенное скопление керамики округлой в плане формы, обмазанное пережженной глиной мощностью до 0,03 м. Также к комплексу можно отнести яму 16 и удаленный к юго-востоку от нее развал керамики объекта 13. Отдаленные от выделенных участков объекты единичны, развалы керамики (объекты № 9, 20) и скопление костей животных (объект 18).

Таким образом, можно предполагать наличие остатков трех разных усадеб в границах раскопа, расположенных на небольших выделяющихся в рельефе участках. Концентрация археологического материала в слое также привязана к комплексам, снижается по мере отдаления от хозяйственных комплексов. Находки концентрируются в слое рыхлого гумусированного суглинка темно-серого цвета, а также в слое плотного суглинка серо-коричневого цвета, что соответствует стратиграфически 2–5-му пластам.

Отдельно стоить выделить захоронения коней, часть из которых была взнуздана, зафиксированных на *восточном* участке (рис. 6), вытянутых цепочкой по линии север – юг (объекты 14, 15, 24, 27, 28, 33) (рис. 12; 13). Возможно, кони были приведены на место захоронения и там умерщвлены в ритуальных целях.

Общеизвестным является тот факт, что у меотов в IV–II вв. до н. э. были распространены жертвенники со взнузданными конями, иногда сопровождаемые и человеческими жертвоприношениями (*Лесков и др.,* 2013). В первые века нашей эры фиксируются одиночные захоронения коней, обычно на территории некрополей. Целая серия таких конских погребений зафиксирована в ходе недавних исследований некрополей Ростовского и Темерницкого городищ. Несомненно, что донские меоты принесли этот обряд с Кубани. Рядом

Рис. 8. Яма 1, первый уровень фиксации. Вид с северо-востока

Рис. 9. Объект 10. Очаги, вид с юга

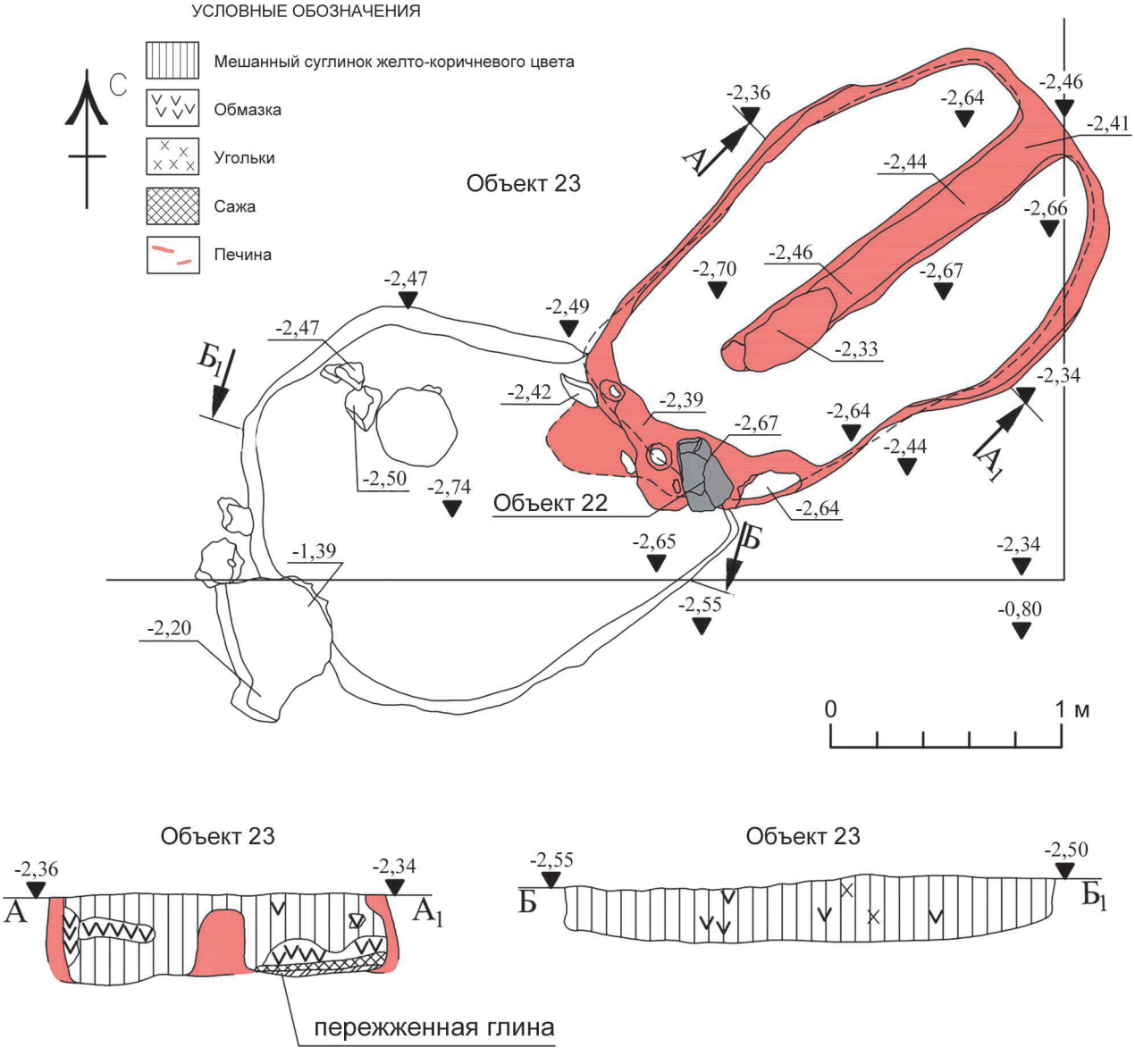


Рис. 10. Объект 23. Печь для обжига керамики. План

со взнузданными конями, зафиксированными в пределах исследованной территории, нет человеческих погребений. Однозначно, перед нами ритуальный комплекс.

Расстояние между конскими погребениями составляет 0,75–6,20 м. Три туши (объекты 24, 27, 28) уложены на левом боку черепом на север. Два костяка уложены черепом на юг на левом боку (объекты 14, 33), помимо этого один костяк уложен черепом на юг на правом боку (объект 15).

Железные удила (рис. 14), находящиеся, как правило, у челюсти, обнаружены в четырех случаях – в объектах 14, 24, 28, 33 (рис. 12, *1, 3, 5, 6*). Среди них выделяются двучастные с крестовидными (рис. 14, *2, 4*) или колесовидными псалиями (рис. 14, *1*), датируемые I–III вв. н. э., другие два экземпляра (рис. 14, *3, 5*) датируются достаточно широко – в пределах I в. до н. э. – III в. н. э.

Антропологический материал из слоя городища Батарейка представлен разрозненными костями, собранными на различных квадратах раскопа, на некоторых из них фиксируются следы прижизненного ранения острым рубящим орудием. В единичном случае зафиксирован дефект, вероятно, образовавшийся от ранения острым рубящим орудием, результатом которого могла стать декапитация. Цвет скола кости в области дефекта позволяет предполагать, что он является последствием предсмертной травмы.

В пределах исследованной площади обнаружено два синхронных безынвентарных по-

Рис. 11. Объект 23. Печь для обжига керамики. Первый и второй уровни фиксации

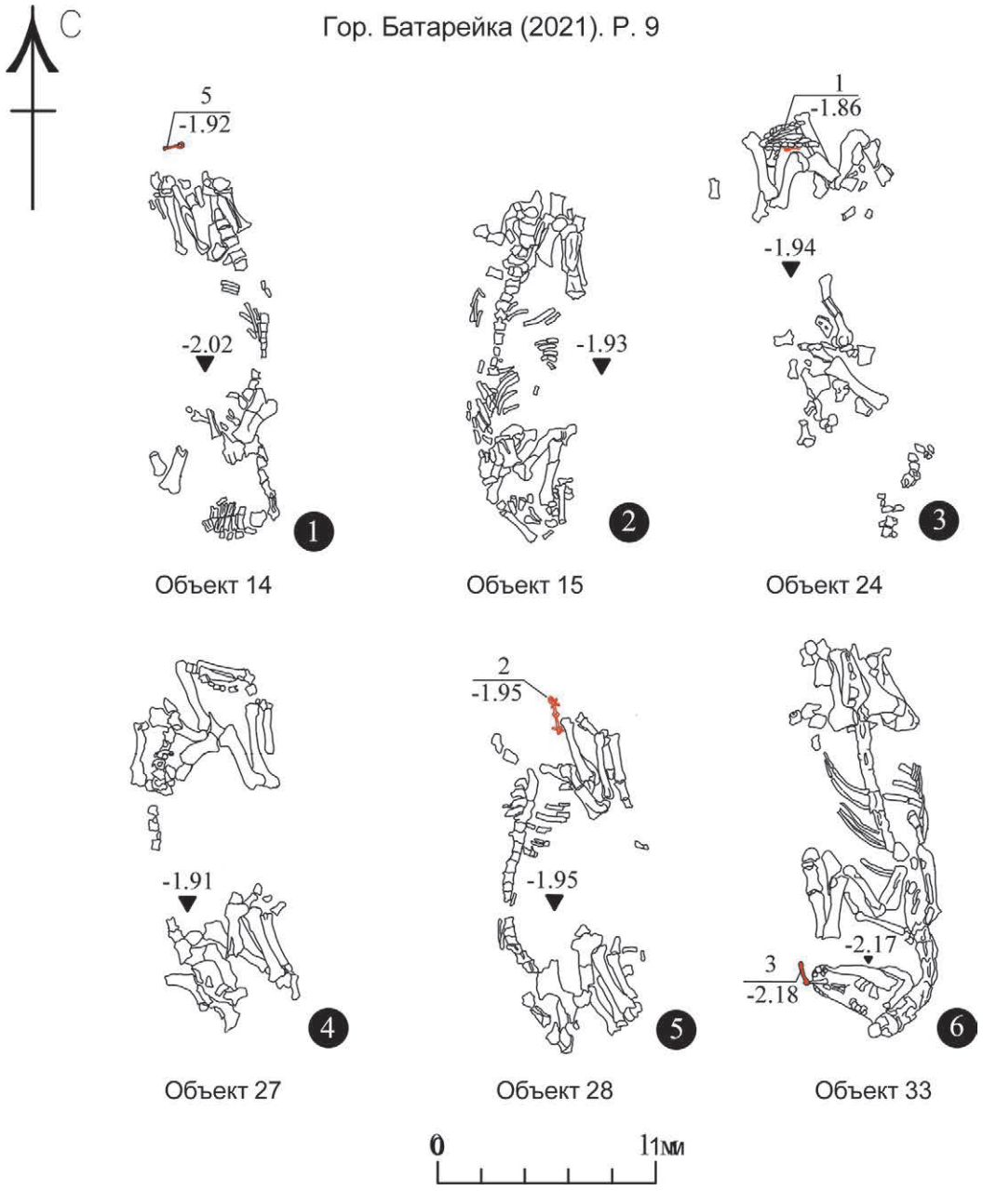


Рис. 12. Ритуальные захоронения коней. План

гребения, удаленных друг от друга на расстояние около 40 м (рис. 4). Погребенные мужчина (возрастом 45–55 лет) и женщина (35–45 лет)[2] расчищены в слое желто-коричневого суглинка (материк). Могильная яма в обоих случаях не прослежена.

Погребенные расположены вытянуто на спине, головой на северо-восток. Погребение 2 впущено в поселенческий слой, что позволяет датировать погребения либо поздним этапом существования городища в античное время, либо эпохой Средневековья.

Остеологическая коллекция насчитывает свыше 3600 костных фрагментов, среди костных остатков преобладают домашние животные[3]. Крупный рогатый скот составлял основу мясного потребления, схема забоя указывает на интенсивную мясную эксплуатацию вида.

[2] Определения антропологического материала выполнили А. Н. Абрамова, к. и. н., заведующая отделом археологических фондов Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына, и А. А. Тарасова, к. и. н, н. с. ИА РАН.
[3] Определения археозоологического материала выполнила С. О. Двуреченская, ИА РАН.

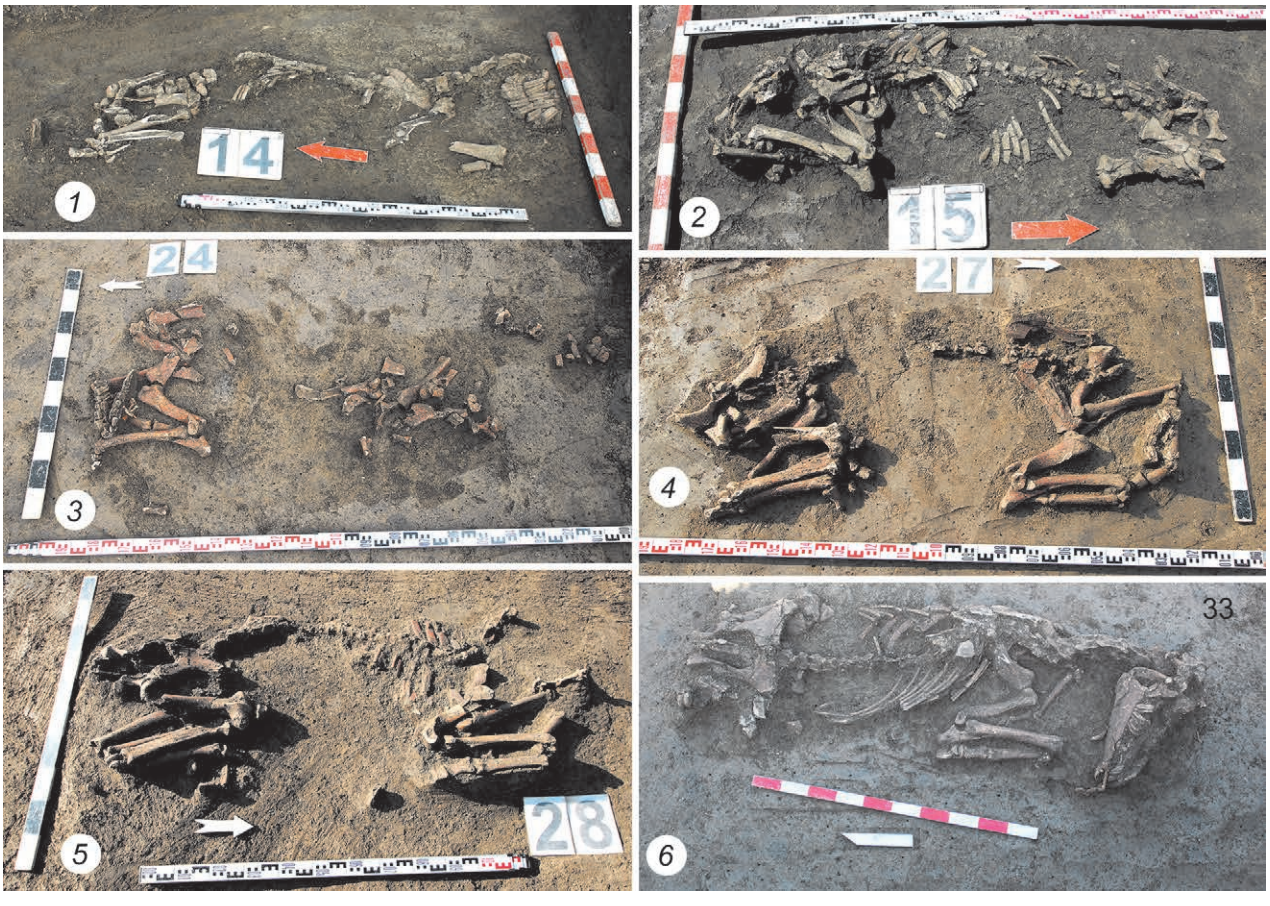


Рис. 13. Ритуальные захоронения коней. Фото

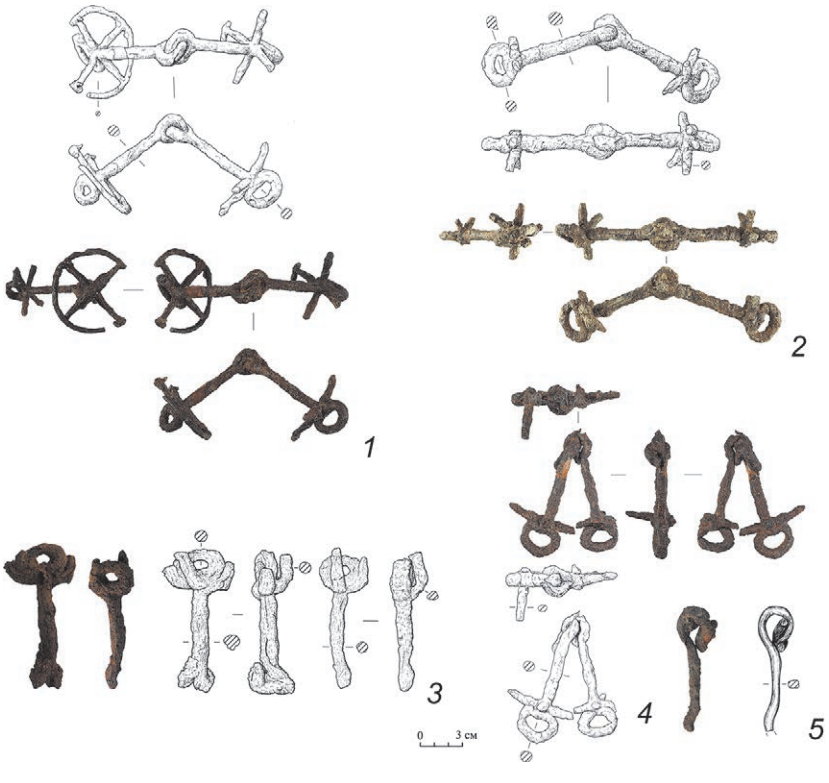


Рис. 14. Железные удила из ритуальных захоронений коней и культурного слоя памятника

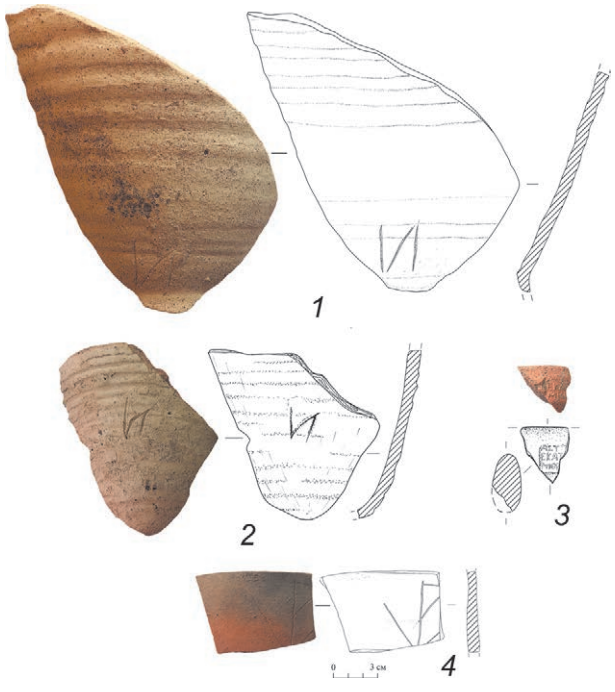


Рис. 15. Находки: фрагменты амфор

Патологические изменения на костях крупного рогатого скота говорят об использовании мускульной силы этих животных.

Коллекция профильных частей керамических сосудов и т. н. индивидуальных находок, к которым отнесены украшения одежды, орудия труда, изделия из камня и т. д., полученная по итогам работ, составила свыше 1 тыс. единиц.

Также в ходе работ было получено свыше 11 тыс. единиц статистического массового материала, среди которого стенки амфор, кружальных сосудов, пифосов и лепных сосудов, фрагменты обмазки и печины, керамического шлака.

Все индивидуальные находки можно разделить на несколько категорий по материалу, из которого они были изготовлены. Это керамика, металл, камень, стекло и кость. Большая часть находок относится к II–IV вв. н. э. Также встречаются находки IV–III вв. до н. э. и более поздние находки, относящиеся к Средним векам (в частности, фрагмент бронзового наперстка) и Новому времени (фрагменты поливной керамики и курительных трубок).

Амфоры – самая многочисленная и наиболее информативная в хронологическом плане группа керамики. Транспортная тара представлена обломками стенок и профильными частями амфор и транспортных кувшинов. Большую часть находок составляли светлоглиняные узкогорлые амфоры типа А и С по классификации Д. Б. Шелова (*Шелов,* 1978. С. 16–22) и типа 105 по классификации И. Б. Зеест (*Зеест,* 1960. С. 122. Табл. XLI), амфоры позднесинопские типа Син I и II по классификации С. Ю. Внукова (*Внуков,* 2003. С. 130–140. Рис. 51–56), амфоры типа 83 по классификации И. Б. Зеест (*Зеест,* 1960. С. 115–116. Табл. XXXIV), амфоры-кувшины типа XIII по классификации C. Scorpan (*Scorpan,* 1977. P. 269–297).

Остальные типы амфор представлены несколькими фрагментами. В целом массовый амфорный материал, обнаруженный во время раскопок на поселении, датируется II–IV вв. н. э. Также встречаются фрагменты I в. н. э. и более раннего времени – IV–III вв. до н. э.

Были обнаружены три фрагмента амфор с граффито на стенках (в виде фрагмента веточки, один экземпляр (рис. 15, *4*), I–II вв. н. э., и в виде буквы «И», сделанное по сырой глине, – два экземпляра (рис. 15, *1, 2*), III–IV вв. до н. э.), а также фрагмент клейма конца III в. до н. э. на ручке синопской амфоры (рис. 15, *3*).

Сохранилась левая часть трехстрочного клейма:

ἀστ[υνομοῦντος]
Ἑκατ[αίου] [прора вправо]
Μιθρ[αδάτης]

По В. И. Кацу (*Кац,* 2007) клеймо относится к 270-м гг. до н. э., по Conovici (*Conovici,* 1998) клеймо датируется около 275 г. до н. э. Клеймо астинома Гекатея I.

Прочие категории посуды представлены:

– красноглиняной столовой керамикой (кувшины, ойнохои, миски и другие формы) различных центров производства как Северного Причерноморья, включая Боспор, так и расположенных за пределами этого региона;

– сероглиняной столовой керамикой (кувшины, миски и ойнохои), ее можно отнести к местному производству, на которое влияние оказали античные традиции производства;

– лепной керамикой (горшки, миски, крышки для сосудов и сковороды).

В незначительном количестве найдены фрагменты краснолаковой посуды (два фрагмента донцев сосудов, I–III вв. до н. э.) и фрагмент крупного хозяйственного сосуда – фрагмент венчика лутерия (относится к продукции южнопонтийских мастерских, III в. н. э.).

Рис. 16. Находки: монеты

Прочие изделия из глины представлены стандартными предметами бытового и производственного назначения – пряслицами, грузиками для ткацкого станка, грузилами керамическими, пробками керамическими, продухом печным и лепным однорожковым светильником. Помимо этого найдена керамическая плитка (глиняная «таблетка»), такие изделия часто встречаются на поселениях I–II вв. н. э., и вотивное изделие, представляющее собой округлое плоское изделие без отверстий.

К строительной керамике относится черепица производства мастерских Боспора преимущественно III в. н. э. и позднее. Зачастую она имитировала импортную черепицу южнопонтийского производства. Также представлена черепица более раннего времени, относящаяся к IV в. до н. э.

Изделия из камня представлены каменным скребком и оселками прямоугольной формы, фрагментом грузила, якорем и фрагментом жернова.

Костяные изделия имеют характерные сработанности рабочих поверхностей, указывающие на соприкосновение с мягкими материалами: их использовали в кожевенном деле на этапе мездрения шкур. Помимо этого обнаружены рог со следами обработки – заготовка для изделия, альчик и рукоятка орудия с отверстиями для крепления.

Среди металлических изделий можно выделить предметы бытового назначения – кованые железные однолезвийные ножи с черенками и без них, бритву, железный гвоздь, проколку, втулку железного орудия (тесла?), предметы одежды – железные пряжки, фрагмент пряжки медной фибулы (пружинное устройство фибулы с подвязным приемником, I–II вв. н. э.), пластины и нашивки (изделия сильно фрагментированы, датировка затруднительна), а также железные и бронзовые предметы неясного назначения (сохранность фрагментарная).

Изделия из стекла представлены одной находкой – фрагментом тулова сосуда. Стекло полупрозрачное, зеленоватого цвета, с многочисленными мелкими округлыми пузырьками внутри, по внешней поверхности нанесена перламутровая полоса. Снаружи покрыто радужной иризацией и серовато-коричневатыми плотными пятнами на поверхности. Подобные сосуды относятся к I–II вв. н. э.

Отдельной категорией металлических изделий являются монеты (рис. 16). В пределах исследованной площади обнаружено девять монет и заготовка под монету (рис. 16, *9*). Восемь монет изготовлены из медных сплавов, одна – из белого металла (серебра). Нумизматический материал был определен лишь частично из-за неудовлетворительной сохранности. Но даже эта небольшая выборка дала пантикапейскую монету III в. до н. э. (рис. 16, *2*), монету царя Фофорса (рис. 16, *1*), а также серебряную монету – подражание денарию Антонина Пия (рис. 16, *3*).

Сохранность монет различная, определить оказалось возможным следующие.

№ п/п	Описание. Датировка	Материал, параметры
1	Обол. 275–245 гг. до н.э., № 133 по В.А. Анохину (*Анохин*, 1986), надчеканка на монете неясна. Описание аверса: голова безбородого сатира в венке влево. Описание реверса: ΠΑΝ. Лук, под ним стрела влево.	Медный сплав, 1,4×1,3×0,15 см, вес – 1,8 г
2	Подражание денарию Антонина Пия. Л.с.: грубое изображение бюста императора вправо. Псевдонадпись из буквоподобных знаков. О.с.: женская фигура прямо. В правой руке тирс (?). Псевдонадпись из буквоподобных знаков. Слева от фигуры Δ. III – IV вв.	Серебро, 1,9×1,8×0,16 см, вес – 2,6 г
3	Статер царя Фофорса. Л.с.: бюст царя вправо. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ. О.с.: бюст императора вправо. ΘϤΦ, справа тамга ⚲. 599 г. боспорской эры, 302–303 гг.	Медный сплав, 1,81×1,9×0,4 см, вес – 7,2 г
4	Заготовка для монеты	Серебро, 1,2×1,25×0,3 см, вес – 2,6 г

В целом археологический материал, полученный по итогам работ, весьма разнообразен. Он дает представление об ассортименте посуды, во-вторых, позволяет представить уровень керамического производства поселения, в-третьих, при наличии аналогий в сопредельных регионах предоставляет возможность изучения хронологии комплексов и культурных связей древнего населения Кубани IV–III вв. до н. э. и III–IV вв. н. э. В целом датировка материалов укладывается в схему, предложенную для данного памятника Н. Ф. Шевченко (*Шевченко,* 2009).

Таким образом, итоги археологических работ на северо-восточной периферии городища Батарейка в 2021 г. можно представить следующим образом.

1. В центральной части раскопа концентрируются археологические объекты и конструкции, культурный слой насыщен находками, на участках к северо-западу и юго-востоку их количество минимально.

2. Исследовано не менее трех скоплений объектов и конструкций, расположенных компактными группами на возвышенных участках.

3. Значительный интерес представляют захоронения коней, расположенные в один ряд на сравнительно небольшом удалении друг от друга, которые можно интерпретировать как ритуальный комплекс. Данный сюжет, несомненно, нуждается в тщательном осмыслении и достоин рассмотрения в рамках отдельной работы.

4. По итогам работ получен выразительный археологический материал и обнаружены выразительные объекты, которые позволяют пролить свет на хозяйственную деятельность населения этого региона в период IV–III вв. до н. э. и I–IV вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 178 с.

Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 235 с.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 177 с. (МИА. № 83)

Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь – Керчь. 480 с.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы // М: Государственный музей Востока. 186 с.

Шевченко Н. Ф., 2009. Краснобатарейное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции, Анапа, 5–10 октября 2009 года / Отв. ред. И. И. Марченко. Анапа: Кубанский государственный университет. С. 434–438.

Шелов Д. Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.

Conovici N., 1998. Histria. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Bucarest: Editura enciclopedicã; Paris: Diffusion de Boccard. 206 p.

Scorpan C., 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IVe–VIIe siècles) dans l'espace istro-pontique // Dacia. Bucarest, 1977. T. 21. P. 269–297.

Резюме. Весной – осенью 2021 г. совместной экспедицией ИА РАН и ООО «ОКН-Проект» был исследован участок памятника археологии федерального значения «Городище Батарейка в Крымском районе Краснодарского края, общей площадью 3899 м^2. Полученные в ходе исследования материалы подтверждают датировку памятника предыдущими исследователями эпохой античности (IV–III вв. до н. э. – I–IV вв. н. э.). В раскопе обнаружены отдельные объекты и единичные находки, относящиеся к эпохе Средневековья и Нового времени. Всего в пределах исследованной площади исследованы 2 погребения, 20 хозяйственных ям и 33 объекта, связанных с хозяйственной деятельностью жителей городища в античное время.

Ключевые слова: Крымский район, городище Батарейка, эпоха античности, хозяйственные ямы, захоронения коней, печь, очаги, керамика.

A. A. Goroshnikov, M. A. Belov

Batareyka Hillfort (2021)
(Krasnodar Territory, Krymsky Region)

Abstract. In the spring – autumn of 2021, a joint expedition of the Federal State Budgetary Institution of Science IA RAS and «OKN-Project», Ltd explored the site of the archaeological monument of federal significance «Batareyka Hillfort» in the Crimea district of the Krasnodar Territory, with a total area of 3899 m^2. The findings obtained during the exploration confirm the previous researchers' dating of the monument back to the Classical antiquity (the 4th–3rd centuries BC – 1st–4th centuries AD). The excavation revealed individual objects and single finds dating back to the Middle Ages and Modern Times. In total, within the explored area, 2 burials, 20 utility pits and 33 objects related to the household activities of the settlement inhabitants throughout the Ancient times were investigated.

Keywords: the Crimea district, Batareyka Hillfort, the Classical antiquity, utility pits, horse burials, oven, hearth, pottery.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.116-119

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА АДЖИЭЛЬ I В 2022 Г.

С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, А. А. Внуков, М. А. Малинин

Аджиэльское урочище расположено в Восточном Крыму на Керченском полуострове вблизи северного участка Узунларского вала. Урочище Аджиэль примечательно тем, что здесь сохранились остатки древних фортификационных укреплений и оборонительных сооружений различного времени. Среди них особенно выделяется городище Белинское, которое уже более 20 лет исследует группа ученых под руководством д. ист. н. профессора В. Г. Зубарева. Указанной группой проводятся систематические археологические разведки территорий, близлежащих от городища Белинского и его некрополя. В ходе этих разведок В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов и С. В. Ярцев в 2017 г. обнаружили по значительному скоплению античных керамических изделий несколько ранее неизвестных археологических объектов.

В 2018 г. С. В. Ярцев исследовал два из них. На памятниках Аджиэль I и Аджиэль II им было заложено несколько шурфов, которые дали многозначительный материал (*Зубарев и др.,* 2022. С. 45). В археологическом плане Аджиэль I не раскапывался. Первые шурфы, которые были заложены в 2018 г., подтвердили наличие здесь культурного слоя, в котором были выявлены останки древних фортификационных оборонительных сооружений. Предварительный анализ археологического объекта и изъятого материала дал право полагать исследователю, что обнаруженные стены могли принадлежать одной из многих сторожевых башен, относящихся к оборонительной системе Боспорского царства (*Ярцев и др.*, 2018а). Они были, вероятно, сооружены, если верить Гипсикрату и Страбону, во время правления царя Асандра (Strabo, VII, 4, 6) в I в. до н. э.

Отметим, что Аджиэль I еще не состоит на государственном учете и является выявленным объектом археологии, который периодически подвергается разграблению, о чем свидетельствуют грабительские ямы на юго-западном склоне, где был выявлен зольник площадью 0,44 га. Поэтому первостепенной задачей тульских археологов является скорейшая постановка памятника на государственный учет и внесение его в реестр объектов археологического наследия. Именно с данной целью, а также для выяснения стратиграфической ситуации и уточнения границ объекта в июле – августе 2022 г. Аджиэльским археологическим отрядом на памятнике был выполнен ряд мероприятий исследовательского характера.

Под руководством С. В. Ярцева на площади 1,94 га заложены 18 шурфов размером 1×2 м. Они были разбиты по зеркальному принципу по предполагаемой ранее границе. Большая часть их располагалась на юго-западном склоне, четыре – на плато, два – на юго-восточном и один – на восточном склонах. В ходе работ на шести шурфах был выявлен культурный слой. Два из них примыкали к выявленной ранее стене башни, а четыре находились в районе зольника.

Шурф № 4 расположен на относительно ровной площадке в 150 м от здания ритуального назначения мусульманского кладбища с. Белинское. Площадка плато относительно ровная. Современная дневная поверхность задернована. Шурф размером 1×2 м ориентирован бортами по сторонам света. Перепад высот в пределах шурфа в северном направлении – 0,06 м. Глубина шурфа достигает от 0,09 до 0,13 м. Работы были доведены до материковой скалы. Стратиграфия всех профилей бортов шурфа однородна. Слой дерна, гумус прослеживаются по всей поверхности раскопа. Археологических объектов при раскопе шурфа выявлено не было.

Археологические предметы при раскопе шурфа № 4 происходят из слоя темно-серой супеси с бутом и камнями и включают в себя керамические изделия, прежде всего фрагменты тарной светлоглиняной, красноглиняной и лепной посуды. Фрагменты профильных частей амфор представлены типами С Ia, С II, С III по С. Ю. Внукову (*Внуков,* 2003. С. 28–117). Стенки амфор

светлогляных, красноглиняных, коричневых сосудов, а также фрагменты стенок лепной посуды включены в полевую опись без зарисовки. После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Шурф № 6 расположен на плато в 3 м к северо-западу от шурфа № 4. Площадка плато относительно ровная. Он, как и предыдущий шурф, имеет относительно ровную дневную поверхность и однородный культурный слой. Археологических объектов при раскопе шурфа выявлено не было.

Находки представлены в основном стенками красноглиняной, светлоглиняной амфор, стенками сосудов из темно-серой глины в коричневой обмазке, стенками лепных сосудов из темно-серой глины с примесью шамота и битой ракушки. Фрагменты профильных частей амфор представлены ножкой типа IE-1 (2.20) по А. П. Абрамову (*Абрамов,* 1993. С. 78) и двуствольной ручкой амфоры варианта С Ia по С. Ю. Внукову (*Внуков,* 2003. С. 28–95). Шурф был разработан до материковой скалы.

Шурфы № 5, № 21, № 22 и № 23 расположены на юго-западном склоне мыса. Склон, на котором заложены шурфы, имеет уклон в юго-западном направлении. Современная дневная поверхность шурфов задернована. Шурф № 21 частично имеет выход золистого слоя на поверхность. Шурфы размером 1×2 м ориентированы бортами по сторонам света. Работы были доведены до материкового слоя. Стратиграфия всех профилей бортов шурфов однородна. Археологических объектов при раскопе шурфов не выявлено. Археологические предметы, найденные при раскопе шурфов, происходят из слоя суглинка с большим содержанием золы и камня и представлены керамическими изделиями, такими как фрагменты тарной, светлоглиняной, красноглиняной, краснолаковой, розовоглиняной и прочей посуды. Лепная тара представлена в основном стенками сосудов из темно-серой глины с примесью шамота и битой ракушки. Сохранность артефактов слабая и достаточно фрагментарная. Профильные части амфор (венчики, ручки, ножки) представлены в основном типом С I и его вариантами Ia и Iб. Одна из двуствольных ручек даже имела пальцевые вдавления на верхнем корне сверху от ствола. Помимо всего из шурфов были изъяты фрагменты амфор типов С II по С. Ю. Внукову и яблоновская по А. П. Абрамову (*Внуков,* 2003. С. 96–101; *Абрамов,* 1993. С. 44, 113).

У шурфов № 7–18 и № 20, заложенных на подошве холма, дневная поверхность также задернована. Указанные шурфы, как и описанные ранее, были ориентированы бортами по сторонам света. Работы на них были доведены до материкового слоя. Стратиграфия всех профилей бортов шурфа однородна. Археологических объектов и предметов при раскопе шурфов выявлено не было. Однако надо отметить одну из особенностей стратиграфии шурфа № 15, расположенного у подножия мыса с восточной стороны. Дело в том, что его материковый слой – зеленовато-серая глина, визуально напоминающая майкопские глины, почвообразующие породы керченских почв, отличающиеся сланцеватыми вложениями и трещиноватостью (*Дзенс-Литовская*, 1970. С. 15). Именно из этой глины, как показал визуальный анализ, были сформированы стенки некоторых лепных сосудов, что может свидетельствовать о местном производстве подобной тары. Разумеется, эти выводы до находок местных центров керамического производства являются исключительно предположительными.

В целом отметим, что, судя по керамическому материалу, башня на Аджиэль I могла функционировать с середины I в. до н. э. до первой четверти I в. н. э. На это явно указывают находки фрагментов светлоглиняных амфор типа С, которые представлены, в отличие от других сосудов, более массово. Первый тип подобных амфор и его вариант появился в Северном Причерноморье в конце 60–50 гг. до н. э., после нормализации кризисной обстановки, связанной с Третьей Митридатовской войной, а амфоры типа С III – в конце I в. н. э. (*Внуков*, 2006. С. 139). Смена вариантов амфор с С Ia на С Iб произошла в первом десятилетии I в. н. э. (*Внуков*, 2006. С. 142). Вариант С Iб используется в обиходе у жителей Причерноморья вплоть до первой трети II в. н. э. (*Внуков,* 2006 С. 167). Поэтому выделенные маркеры можно считать верхней и нижней хронологическими точками существования археологического объекта Аджиэль I, так как более поздних типов амфор в заложенных шурфах не было. Тот же вариант С Iб на памятнике представлен единичным фрагментом. Возможно, подобные варианты амфор были в ограниченном использовании у контингента Аджиэль I в связи с отсутствием их массового проникновения. Такое положение дел характерно в целом для первых десятилетий I в. н. э. Следовательно, уместно связать разрушение Аджиэль I с деятельностью

Полемона по ослаблению варварской оппозиции в 13–12 г. до н. э. как более близким во временном пространстве кризисным событием. Тем более что именно тогда погибли в пожаре основные оборонительные сооружения на Узунларском валу (*Ярцев*, 2016. С. 113). Наличие же амфор С Iб в зольнике Аджиэль I, скорее всего, связано с тем, что еще несколько десятилетий в районе Аджиэльской балки проживали военные поселенцы, которые вполне могли использовать подобную тару. Таким образом, можно констатировать, что башня на Аджиэль I функционировала примерно с 47–12 гг. до н. э.

Все это свидетельствует о важном значении исследуемого археологического объекта для изучения истории Боспорского царства. По всей видимости, археологический объект Аджиэль I являлся частью оборонительной системы Асандра и был каким-то образом связан с сооружениями на Узунларском валу во второй половине I в. до н. э. Необходимость в подобных пограничных укреплениях возникла у боспорян в результате роста варварской угрозы и участившихся набегов кочевников со стороны северопричерноморских степей на территорию государства (*Ярцев*, 2018б. С. 27).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. № 3. С. 4–135.

Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М.: Институт археологии РАН. 235 с.

Внуков С. Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб: Алетейя. 320 с.

Дзенс-Литовская Н. Н., 1970. Почвы и растительность степного Крыма. Ленинград: Наука. 156 с.

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В., Бутовский А. Ю., 2022. «Аджиэль I» – новый выявленный объект археологического наследия, расположенный на территории Керченского полуострова // Археология и история Боспора. Вып. IV. С. 41–47.

Ярцев С. В., 2016. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. – 3-я четверть IV в. н. э.) / Дисс. на соискание уч. ст. док. ист. наук. Белгород. 669 с.

Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., 2018а. Система обороны европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 10. № 5/2. С. 25–31.

Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Смекалов. С. Л., 2018б. Урочище Аджиэль в контексте локальной истории крымского Приазовья: основные итоги и перспективы исследований // ИСОМ. № 6–2. С. 25–34.

Резюме. В статье анализируются результаты полевых исследований 2022 г. в Восточном Крыму. С целью постановки археологического объекта Аджиэль I в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) авторами статьи был предпринят ряд мероприятий по уточнению хронологии памятника и его границ. В период с 26 июля по 31 августа 2022 г. ими были заложены 18 шурфов по предполагаемой границе археологического объекта. В результате чего обнаруженный в ходе шурфовки материал дал возможность исследователям выявить точные границы памятника, а также обозначить его верные хронологические рамки. Именно в это время здесь, на вершине скального мыса, действовала сторожевая башня и функционировал расположенный ниже по склону зольник. По мнению авторов, строительство подобных фортификационных сооружений связано с периодом правления боспорского царя Асандра в середине I в. до н. э., а их гибель – с деятельностью римского ставленника Полемона в 12 г. до н. э.

Ключевые слова: археология Крыма, Аджиэль I, Узунларский вал, Боспорское царство, Асандр, фортификационные сооружения, башня, разведка, керамика, античность.

S. V. Yartsev, V. G. Zubarev, A. A. Vnukov, M. A. Malinin

Preliminary Analysis of the Archaeological Study of the Adzhiel I Site in 2022

Abstract. The paper analyses the results of the 2022 field survey in East Crimea. In order to place the Adzhiel I site on the Unified State Register of Cultural Heritage Sites (historical and cultural monuments). The authors of the paper undertook a number of measures to clarify the chronology and boundaries of the site. In the period from July 26 – August 31, 2022, they 18 stratigraphic holes along the proposed boundary of the archaeological site. As a result, the material discovered during the excavations enabled researchers to establish the exact boundaries of the site and to trace out its correct chronological framework. It was at this time that a watchtower operated here at the top of the rocky promontory, and a downhill ash pit was in operation. According to the authors, the construction of such fortifications is associated with the period of the reign of the Bosporan king Asander in the first century BC, and their death with the activities of the Roman protege Polemon in 12 BC.

Keywords: archeology of the Crimea, Adzhiel I, Uzunlar Val, Bosporan Kingdom, Asander, fortifications, tower, exploration, ceramics, antiquity.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.120-132

ПРЕДМЕТЫ КОРОПЛАСТИКИ ИЗ КРЕПОСТНОГО И ПОДАЗОВСКОГО ГОРОДИЩ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Н. И. Суворова

На территории современного г. Азова в античную эпоху существовало два городища: Крепостное и Подазовское (рис. 1). Эти названия условные, они были даны археологами при исследовании данных памятников. Первое городище находится в центре города на территории Азовской крепости XVII–XVIII вв. и до середины XX в. называлось Придонским селищем или Азовским городищем (*Горбенко, Косяненко*, 2011. С. 9). Временем его открытия можно считать 1800 г., когда Эдвард Кларк во время своего путешествия по Нижнему Дону обнаружил на территории Азова фрагменты греческой керамики. Крепостное городище частично исследовалось в 1923–1929 гг. сотрудниками Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК; в 1956 и 1958 гг. И. С. Каменецким (*Бойко*, 1991. С. 73). С конца 1960-х гг. археологические раскопки на памятниках «Крепостное городище» и «Некрополь Крепостного городища» проводят сотрудники Азовского музея-заповедника. Исследование этих памятников античного времени затруднено вследствие регулярной городской застройки.

Второе городище, Подазовское, находится на юго-западной окраине города Азова, когда-то не входившей в черту города и именовавшейся хутор Подазовский (*Бойко*, 1987. С. 36). Оно было обнаружено в 1911 г. председателем Ставропольской ученой архивной комиссии Г. Н. Прозрителевым при осмотре строительства ветки Владикавказской железной дороги от Батайска до Азова. В 1920–1930-е гг. исследования здесь проводили А. А. Миллер и С. А. Вязигин, а в 1960–1970-х гг. – Д. Б. Шелов и И. С. Каменецкий (*Минаев*, 2019. С. 6). К началу 1990-х гг. оно считалось наиболее изученным среди нижнедонских городищ. В настоящее время исследование этого памятника продолжается.

Оба городища датируются последней четвертью I в. до н. э. – концом II в. н. э. По времени основания они являются более ранними из числа 12 городищ, относящихся к округе Танаиса, и, возможно, их появление следует связывать с приходом представителей первой аланской волны в Северо-Восточное Причерноморье и ее переселенческой политикой (*Раев*, 2008. С. 57).

Исследуя нижнедонские городища, И. С. Каменецкий пришел к выводу, что Азовское (Крепостное) было одним из самых крупных в низовьях Дона, а Подазовское – средним (*Каменецкий,* 1993. С. 11). Судя по археологическим находкам, жители этих городищ занимались земледелием, животноводством, рыболовством, гончарным производством и ткачеством (*Каменецкий,* 1974. С. 214). Они активно взаимодействовали с эллинским миром. Подтверждением тому являются найденные фрагменты амфор, краснолаковой керамики и терракоты. Последние представляют для нас особый интерес, именно им посвящено данное исследование.

Предметы коропластики редко находят на территории нижнедонских городищ и их некрополей. Это объясняется некоторой удаленностью их от крупных боспорских центров с развитой эллинской культурой. Один фрагмент боспорской терракоты-марионетки был обнаружен при исследовании Хапровского городища в 1971 г. (*Язовских,* 2002. С. 53). В 2011 г. в некрополе Сухо-Чалтырского городища была найдена терракотовая протома Деметры (*Абоян, Ларенок,* 2013. С. 84). Крепостное и Подазовское городища в данном случае не являются исключениями. При исследовании Крепостного городища и его некрополя было обнаружено всего три терракотовых предмета, а при раскопках Подазовского городища – пять.

Обратимся сначала к предметам коропластики, обнаруженным при исследовании Крепостного городища и его некрополя. К случайной находке 1976 г. относится объемная терракотовая статуэтка богини удачи Тюхе, обнаруженная

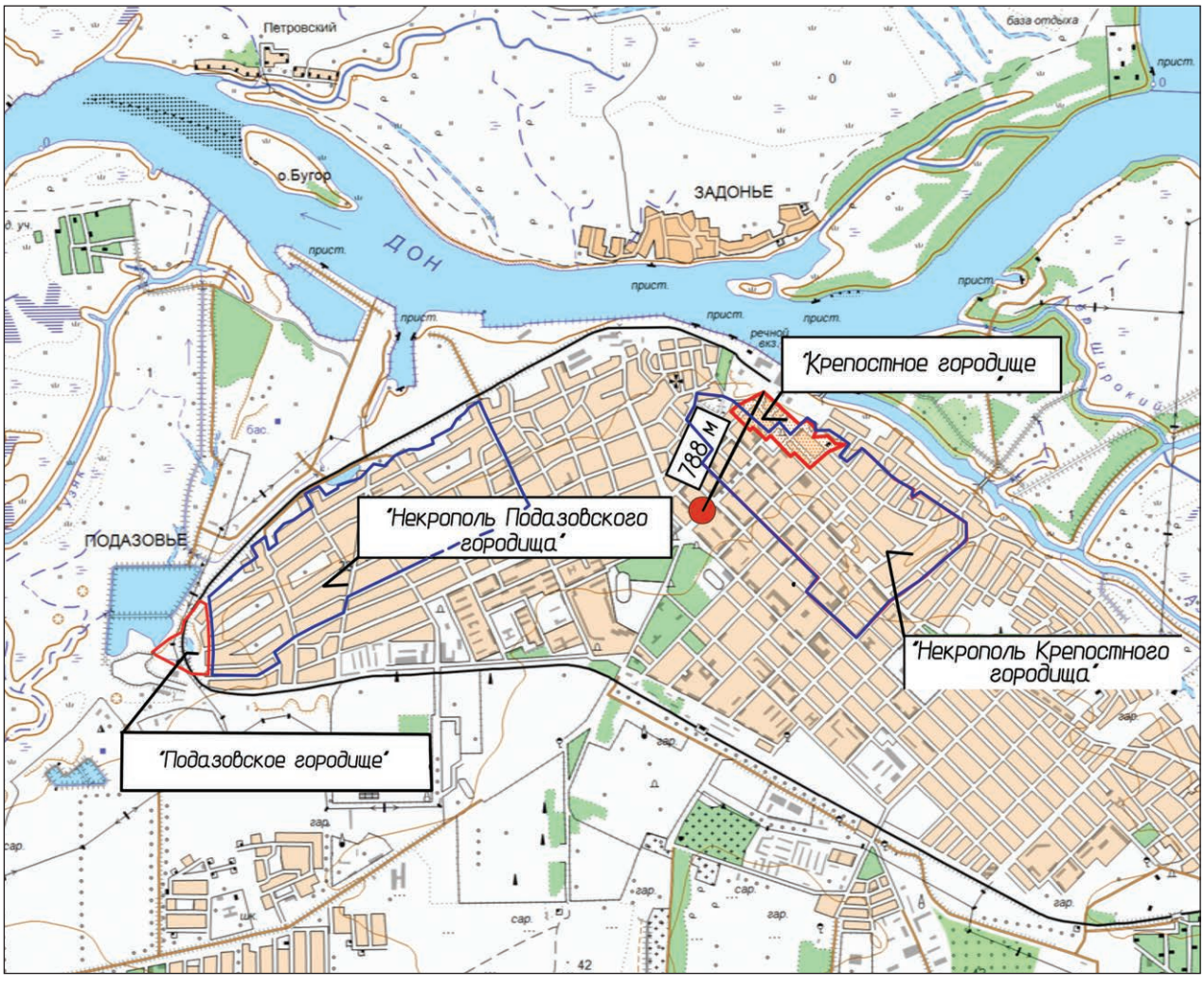


Рис. 1. План города Азова с указанием территории городищ и их некрополей

П. Н. Ягловым[1] с северной стороны вала II полубастиона Алексеевского раската Азовской крепости, состоящего из культурного слоя Крепостного городища I–II вв. н. э., взятого при строительстве рва крепости в XVII в. (рис. 2, *б*). Статуэтка изображает женщину, стоящую на невысоком округлом постаменте (рис. 2, *а*)[2]. Лицо невысокое, узкое, черты лица не проработаны. Густые волосы обрамляют лоб и спускаются до плеч. Богиня одета в длинный, высоко подпоясанный под грудью хитон, драпирующийся вертикальными широкими складками. На голове модий – цилиндрический головной убор в виде меры зерна, встречающийся у элевсинских божеств и символизирующий плодородие. Поверх него наброшен гиматий, спускающийся сзади до постамента, а спереди от левого плеча по диагонали к правому бедру. Богиня стоит прямо, чуть наклонив голову вправо и согнув левую ногу в колене. Правая рука опущена вниз, придерживает руль. В левой, чуть согнутой в локте, богиня держит рог изобилия. Статуэтка объемная, полая внутри. Лицевая сторона отмята в форме, оборотная заглажена от руки. На оборотной стороне округлое отверстие. На поверхности светлый ангоб, следы краски розового цвета и стеки. Глина коричневого цвета, с примесью извести и песка. Высота статуэтки – 11,6 см, ширина – 3,4 см, толщина – 2,7 см; размеры постамента – 3,5×3,3 см, высота постамента – 1,1 см. Поверхность заизвесткована, на поверхности сколы и трещины. По-видимому,

[1] В 1976 г. рабочий тарного комбината, участник многих археологических раскопок, с 2008 г. сотрудник Азовского музея-заповедника.

[2] Аз-1975, КРГП, случайная находка. АМЗ, КП 25867 А1 494, № 1.

а

б

Рис. 2. Глиняная статуэтка из Крепостного городища и место ее обнаружения.
а – терракотовая богиня Тюхе; *б* – вид на раскоп у крепостного вала II полубастиона Алексеевского раската с обозначением места обнаружения терракоты (по: *Фомичев, Гончарова*, 1976. Рис. III, *1*)

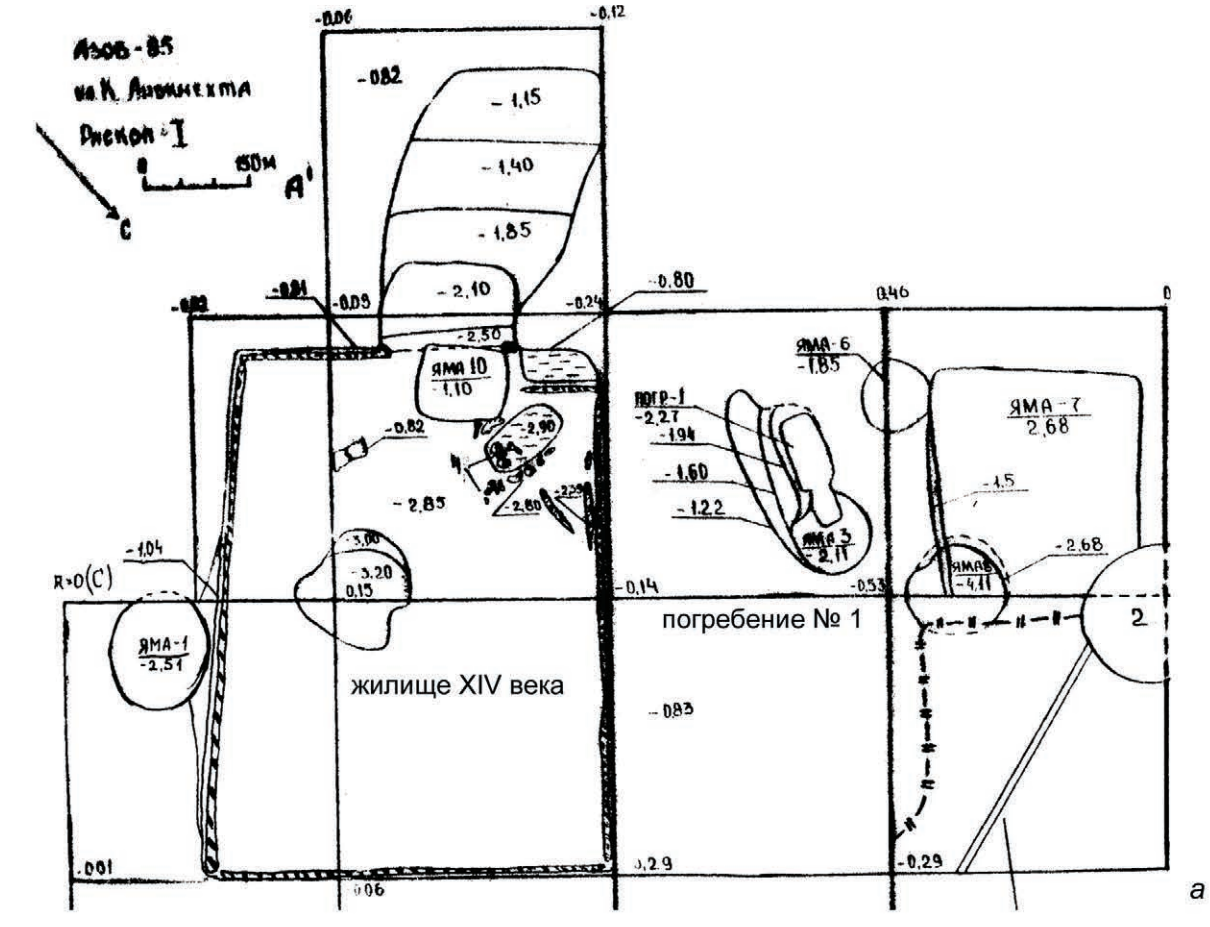
терракота была изготовлена на Боспоре и датируется I–II вв. н. э. Аналогичная статуэтка пантикапейского производства была обнаружена на горе Митридат и датируется I в. н. э. (*Силантьева,* 1974. С. 27. Табл. 27, *3*). Образ богини Тюхе хорошо был известен жителям Северного Причерноморья. Не случайно статуэтки, изображающие эту богиню, использовались на Боспоре длительное время – с I в. до н. э. по III в. н. э. Они были обнаружены в некрополе на горе Митридат в Пантикапее (*Силантьева,* 1974. С. 27. Табл. 27, *2, 4*), Тирамбе (*Коровина,* 1974. С. 12. Табл. 5, *1*), Танаисе (*Арсеньева,* 1974. С. 10. Табл. 3, *10*), Херсонесе (*Шевченко,* 2016. С. 151. Табл. XCIV, *5*), Михайловке (*Петерс,* 1970. С. Табл. 54, *8*), Горгиппии (*Алексеева,* 1987. С. 73), на городище Тиритака (*Котина,* 2020. С. 656. Рис. II, *3*). Беспаспортная статуэтка Тюхе I–II вв. н. э. хранится в Краснодарском музее (*Хачатурова,* 1987. С. 136).

Богиня Тюхе (Тихе, Тиха, Тихея) относится к древнегреческой мифологии. В ней видели богиню удачи и судьбы. Не случайно главными ее атрибутами были колесо, руль и рог изобилия. В Афинах ей поклонялись с V в. до н. э., но особенно ее культ распространился в период эллинизма как сознательное противопоставление древнему представлению о неизменной судьбе, поскольку Тюхе символизирует изменчивость мира, его неустойчивость и случайность любого факта личной и общественной жизни (Мифы народов мира, 1982. С. 515). Города Антиохия и Александрия считали ее своей богиней-покровительницей. Павсаний упоминает статую работы Праксителя в святилище Тюхе в Мегарах, а также статую в храме в Коринфе (*Павсаний,* I, 43, 6; II, 2, 7, цит. по изданию1996 г. С. 114, 127). В римской мифологии Тюхе идентифицировалась с Фортуной, богиней счастья и удачи. Первоначально она считалась богиней урожая и покровительницей женщин и материнства (Мифы народов мира, 1982. С. 571). Не случайно ее изображали в ритуальных головных уборах модии или калафе и с рогом изобилия в руках. В Северном Причерноморье существовал частный культ этой богини, поэтому изображения ее не так часто встречаются при исследовании античных городов и некрополей. В Горгиппии в одном из домов II в. до н. э. нашли мраморное изображение Тюхе (*Алексеева,* 1987. С. 68). В Фанагории был обнаружен керамический штамп II в. до н. э. с изображением этой богини (*Кобылина,* 1975. С. 63). При исследовании резиденции Хрисалиска I в. до н. э. на Тамани были обнаружены плита и терракотовые статуэтки с изображением богини Тюхе (*Сокольский,* 1975. С. 24). В орфических гимнах Тюхе наделялась хтоническими чертами Деметры и Артемиды. С I в. до н. э. на Боспоре Тюхе изображалась с фиалой и в калафе, а это атрибуты Великой Матери. В римское время формируется синкретический культ Великой богини, вобравшей в себя черты многих женских богинь греческого пантеона, в том числе и Тюхе.

В 1985 г. Азовский археологический отряд под руководством И. В. Белинского проводил археологические раскопки в городе Азове по ул. Карла Либкнехта в районе строительства средней школы № 15. В античное время там располагался некрополь Крепостного городища, а в XIV в. – городские кварталы Азака. В заполнении землянки золотоордынского времени была обнаружена керамическая форма для отминки античных терракот (*Белинский,* 1986а. С. 13). В непосредственной близости от средневекового жилища, где была найдена керамическая форма, обнаружили ограбленное погребение № 1 античного времени, разрушенное средневековой ямой № 3 (рис. 3, *а*). Вполне возможно, именно оттуда античный предмет попал в жилище золотоордынского времени.

Форма прямоугольная со скругленными углами, с одной стороны плоская, с другой – округлая (рис. 3, *б*)[3]. Оборотная сторона неровно заглажена. На лицевой стороне – глубокий оттиск фигуры. На предмете, полученном в результате отминки в этой форме, можно увидеть сгорбленную человеческую фигуру с большой головой и руками, сложенными на животе. На внешней и внутренней поверхности формы – следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Глина коричневого цвета, с примесью извести и песка. Высота формы – 12,0 см, ширина – 5,8 см, толщина – 3,1 см. Поверхность заизвесткована, на поверхности сколы и трещины. По-видимому, форма была изготовлена на Боспоре и датируется I–II вв. н. э. Вероятно, эта форма служила для отминки терракот-марионеток, изображающих

[3] Аз-1985, К. Л. Раскоп I, жилище 1. АМЗ, КП 24559 А1 391, № 1.



а

б

Рис. 3. Исследование некрополя Крепостного городища в 1985 г.
а – план жилища XIV в. и античного погребения № 1 из раскопок некрополя Крепостного городища в 1985 г. (по: *Белинский*, 1986б. Рис. 8); *б* – глиняная форма для отминки терракоты-марионетки и оттиск с нее

мистов, участников религиозных празднеств-мистерий. Ближайшей аналогией оттиску из формы является терракота I–I вв. н. э. из Пантикапея (*Марченко,* 1974. С. 41. Табл. 54, *7, 8*). По классификации И. Д. Марченко подобные терракоты можно отнести к самой многочисленной пятой группе. Терракоты такого типа условно называют «жертвователями», поскольку в руках они держат различные предметы, предназначенные для жертвоприношений богине. М. М. Кобылина связывала их с культом богини-матери (*Кобылина,* 1961. С. 163). Некоторые исследователи отождествляют ее с Великой богиней. Похожие терракоты I–III вв. н. э. были обнаружены в Танаисе (*Арсеньева,* 1974. С. 10. Табл. 4, *4*), Пантикапее (*Марченко,* 1974. С. 45. Табл. 55, *1, 3*), Тиритаке (*Котина,* 2013. С. 405), Мирмекии (*Пругло*, 1970. С. 99. Табл. 45, *б*), Херсонесе (*Шевченко,* 2016. С. 129. Табл. CXXVI), Горгиппии (*Хмара,* 1987. С. 90) и на Елизаветинском городище (*Хачатурова,* 1987. С. 139). Несколько фрагментов терракот-марионеток хранится в Феодосийском музее древностей. Обнаруженная форма для отминки терракот позволяет предположить, что в древнем Паниардисе проживали ремесленники-коропласты, изделия которых пользовались популярностью среди той части населения, которая восприняла эллинскую культуру и обычаи.

В 2014 г. при исследовании восточной границы некрополя Крепостного городища на территории г. Азова по пер. Коллонтаевскому, 65 под руководством Э. Б. Широченко в женском погребении I в. н. э. была обнаружена объемная полая статуэтка, изображающая юношу у гермы (рис. 4, *а*)[4]. Сохранились две части терракоты: фрагменты лицевой и оборотной стороны (рис. 4, *б*). Детали лица юноши не проработаны. Лицо округлое, нос прямой большой, рот маленький. Юноша чуть повернул и склонил голову влево. Он стоит на невысоком постаменте прямоугольной формы, слегка согнув левую ногу в колене и выставив ее вперед, опираясь локтем левой руки на герму. Правая рука опущена вдоль тела. На нем длинный хитон, драпирующийся вертикальными параллельными складками, и плащ, наброшенный на левое плечо и свободно опускающийся до середины голени. На правом плече плащ скрепляет круглая фибула-брошь. Герма на невысоком постаменте, прямоугольной формы, чуть расширяющаяся кверху. Герму венчает голова Гермеса или Диониса (?), чуть смещенная к краю. Детали лица головы гермы не проработаны. Лицевая сторона статуэтки была отмята в форме, оборотная – заглажена от руки. На оборотной стороне в верхней части округлое отверстие. На внутренней поверхности сохранились следы стеки и многочисленные отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, красно-коричневого цвета, с мелкими включениями извести и песка. Фрагменты терракоты склеены из множества расслаивающихся глиняных пластин, догипсованы. На поверхности сколы, поверхность заизвесткована. Высота сохранившейся лицевой части – 15,5 см, ширина – 6,7 см; высота сохранившейся оборотной части – 12,3 см, ширина – 6,7 см, диаметр отверстия – 1,7 см. Вероятно, статуэтка была произведена на Боспоре в I в. н. э. Ближайшей аналогией вышеупомянутой статуэтки является терракота, обнаруженная в Мирмекии (*Денисова,* 1981. С 67. Табл. XXIII, *к*). Похожая статуэтка, изображающая юношу у гермы, хранится в экспозиции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника в г. Керчи[5]. Аналогичный сюжет мы можем увидеть на более ранних боспорских терракотах. Глиняная статуэтка из Мирмекия, найденная в слоях раннеэлинистического зольного алтаря III–I вв. до н. э. и хранящаяся в Государственном Эрмитаже, изображает юношу, стоящего у гермы (*Пругло,* 1970. С 99). Другая похожая статуэтка обнаружена в каменной гробнице в Пантикапее и хранится также в Государственном Эрмитаже (*Силантьева,* 1974. С. 31). Семь статуэток I в. до н. э. – I в. н. э. с похожим сюжетом хранятся в Анапском археологическом музее (*Хмара,* 1987. С. 89). Проведенное ранее исследование позволяет связать данную терракоту с дионисийско-орфическим кругом верований (*Суворова, Широченко,* 2020. С. 412). Помещение ее у ног усопшей отражало определенные религиозные представления местных жителей: она могла служить проводником в потусторонний мир. Обнаружение ее в явно нерядовом погребении (помимо

[4] Аз-2014, Колл. 65, кв. 3Д, п. 4. АМЗ, КП 31169 А1Г 1128/31.
[5] Инв. № КТ-230.

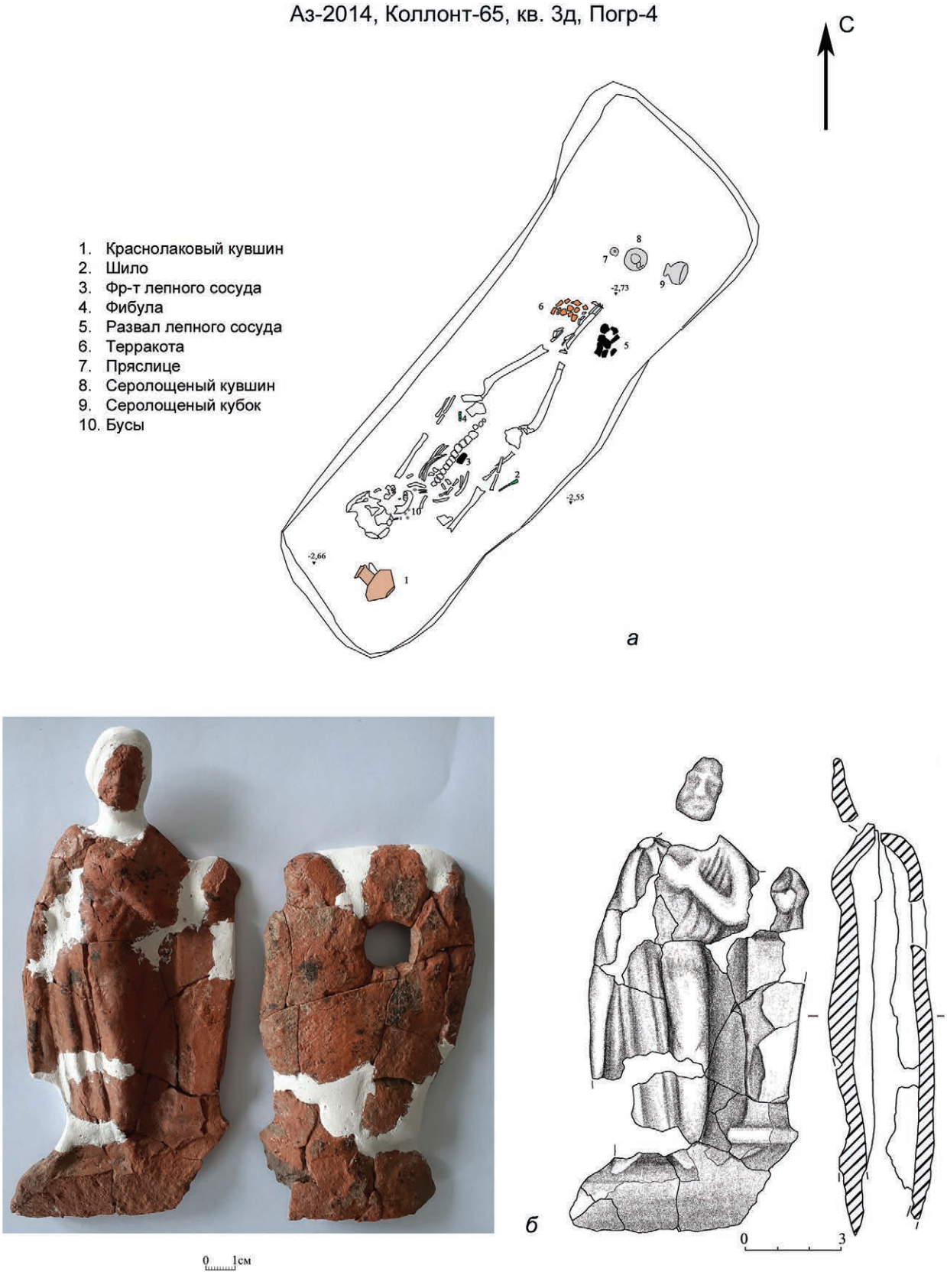


Рис. 4. Исследование некрополя Крепостного городища в 2014 г.
а – чертеж погребения 4 из раскопок некрополя Крепостного городища в 2014 г.; *б* – объемная терракотовая статуэтка, изображающая юношу, опирающегося на герму (по: *Суворова, Широченко*, 2020. С. 417)

терракоты в погребении было обнаружено множество предметов: краснолаковый кувшин, серолощеный кубок, лепная курильница, фибула, зеркало, серьги, бусы из гешира и стекла, шило и т. д.) свидетельствует о высокой степени эллинизации верхушки местного общества, почитающего культ Диониса хтонического.

Пять терракотовых предметов происходят из раскопок Подазовского городища 1962–1964 гг.: два лепных идола и три фрагмента боспорских терракот. Один глиняный идол был обнаружен в 1962 г. экспедицией под руководством Д. Б. Шелова при зачистке юго-западного обреза Подазовского городища в верхнем горизонте (рис. 5, *а*)[6]. Идол цилиндрической формы, сужающийся кверху. Сплошной, изготовлен вручную в виде антропоморфной фигуры: огромные вмятины вместо глаз, нос передан защипом, основание плоское. На поверхности следы копоти и отпечатки пальцев мастера. Глина коричневого цвета, с примесью извести и песка. Высота предмета – 6,2 см, ширина – 2,5 см, диаметр основания – 2,0 см. Поверхность заизвесткована, на поверхности сколы и трещины. По-видимому, идол местного производства и датируется I–II вв. н. э.

Второй идол был обнаружен в 1964 г. экспедицией под руководством И. С. Каменецкого при исследовании жилища 18 (рис. 5, *в*). Он находился около восточного края ямы 19, у лежанки, под завалом горелой соломы и камыша (*Каменецкий,* 1964а. С. 50). Идол похож на вышеупомянутый предмет. Он тоже цилиндрической формы, сужающийся кверху (рис. 5, *б*)[7]. Сплошной, изготовлен вручную в виде антропоморфной фигуры: огромные вмятины вместо глаз, нос передан защипом, основание плоское. На поверхности следы копоти и отпечатки пальцев мастера. Глина коричневого цвета, с примесью извести и песка. Высота предмета – 5,7 см, ширина – 2,5 см, диаметр основания – 2,0 см. Поверхность заизвесткована, на поверхности сколы и трещины. По-видимому, идол местного производства и датируется I–II вв. н. э. Похожие лепные идолы были обнаружены на Елизаветинском городище (*Кобылина,* 1974а. С. 51. Табл. 59, *3–5*), у с. Золотая Балка (*Вязьмитина,* 1970. С. 57. Табл. 39, *3*), в святилище у г. Ялты (*Клейман,* 1970. С. 78. Табл. 19, *4*), на городище у с. Семеновка (*Кругликова,* 1970а. С. 110. Табл. 49, *3–7*), на городище Киммерик (*Кругликова,* 1970б. С. 82. Табл. 27, *3*), в Херсонесе (*Шевченко,* 2016. С. 76. Табл. LXVI, *420, 421*), на городище Тиритака (*Котина,* 2020. С. 662. Рис. XII).

Вероятно, подобные глиняные предметы можно связать с земледельческим культом местного населения, поклоняющегося богине Матери-земле.

Два фрагмента боспорских терракот, отмятых в форме, были обнаружены в 1963–1964 гг. на полу жилища 11, датирующегося I–II вв. н. э.

Оба предмета, вероятно, являются фрагментами одной терракотовой статуэтки, изображающей всадника на скачущем коне (рис. 6, *а*). Статуэтка объемная, внутри полая, снизу открытая. На первом фрагменте сохранились нижняя часть лицевой и оборотной стороны статуэтки[8]. На лицевой стороне можно рассмотреть фрагменты двух задних ног коня. Лицевая сторона отмята в форме, оборотная заглажена от руки. Поверхность гладкая. На внутренней и внешней поверхности следы стеки и светлого ангоба. Обжиг сквозной. Глина тонкая, плотная, розовато-коричневого цвета, с примесью извести и песка. Размеры фрагмента – 6,9×4,2 см, толщина стенки – 0,6 см.

Второй фрагмент представляет собой среднюю часть лицевой стороны статуэтки (рис. 6, *б*)[9]. Сохранились верхняя часть правой ноги всадника, часть торса коня с выброшенными вперед передними ногами, а также ниже рельефное изображение фрагмента бегущего вправо зайца (голова, ухо и передние лапы). На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера и следы стеки. На внешней поверхности – следы стеки и светлого ангоба. Обжиг сквозной. Глина тонкая, плотная, розовато-коричневого цвета, с примесью извести и песка. Поверхность заизвесткована, на поверхности сколы. Размеры фрагмента – 6,7×5,5 см. По-видимому, данная статуэтка изображает сцену охоты. Она была изготовлена на Боспоре в I в. н. э. Аналогичная статуэтка была обнаружена на Карантинной горке в Феодосии и датируется II–I вв. до н. э. (*Кобылина,* 1970. С. 82). Морфологически близкая

[6] ПАЗ – 1962, 16-17. АМЗ, КП 3503 А1 84, № 1.
[7] ПАЗ – 1964, жилище 18. АМЗ, КП 3503 А1 84, № 2.
[8] ПАЗ – 1963, 9, 10, жилище 11 б, № 721. АМЗ, КП 15202 А1 109, № 463.
[9] ПАЗ – 1964, жилище 11, ВК, № 93. АМЗ, КП 15202 А1 109, № 1077.

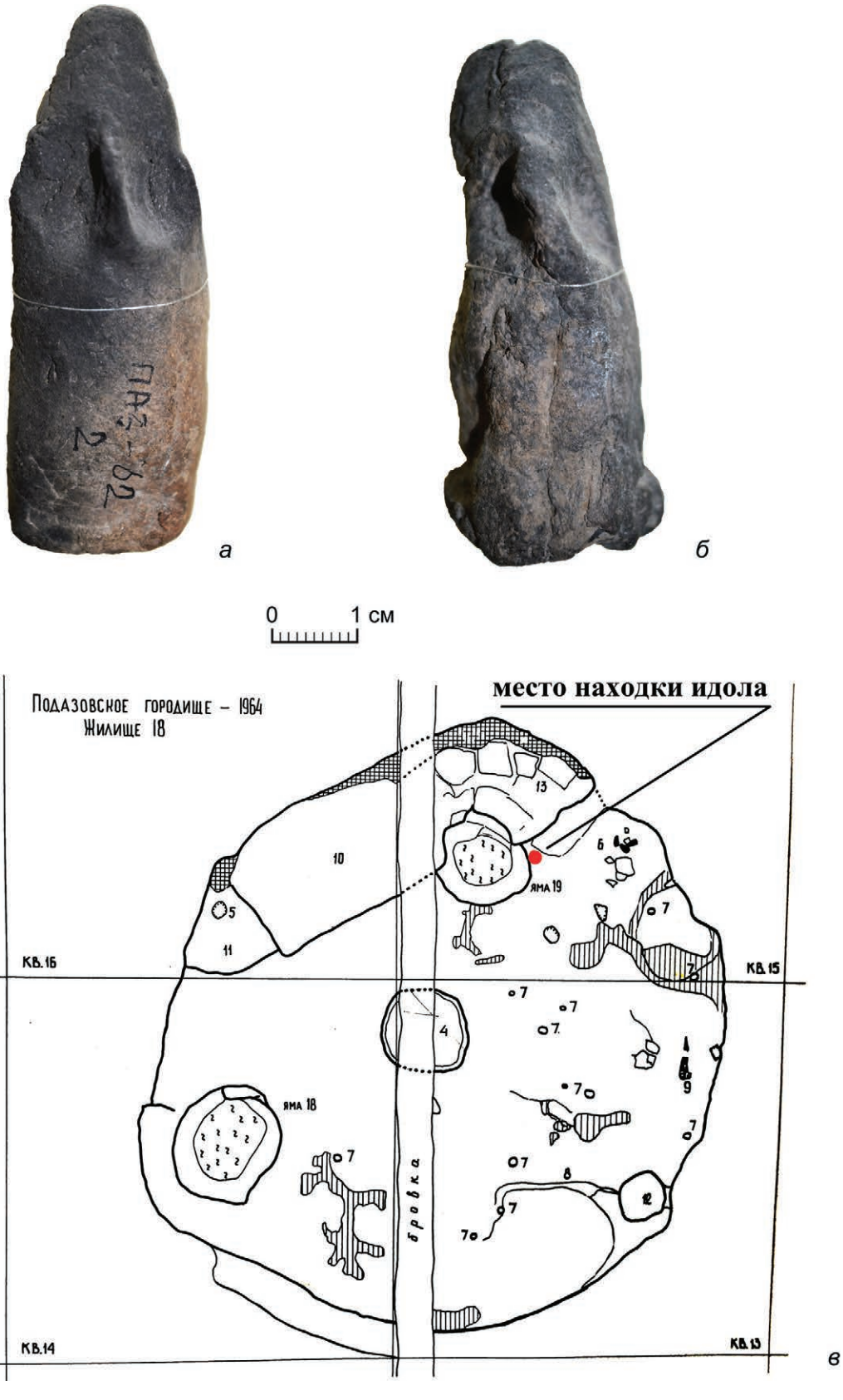


Рис. 5. Лепные фигурки из Подазовского городища.
а – глиняный идол, обнаруженный в 1962 г. на Подазовском городище; *б* – глиняный идол из жилища 18; *в* – чертеж жилища 18 с обозначением места находки терракоты (по: *Каменецкий*, 1964б. Рис. 105)

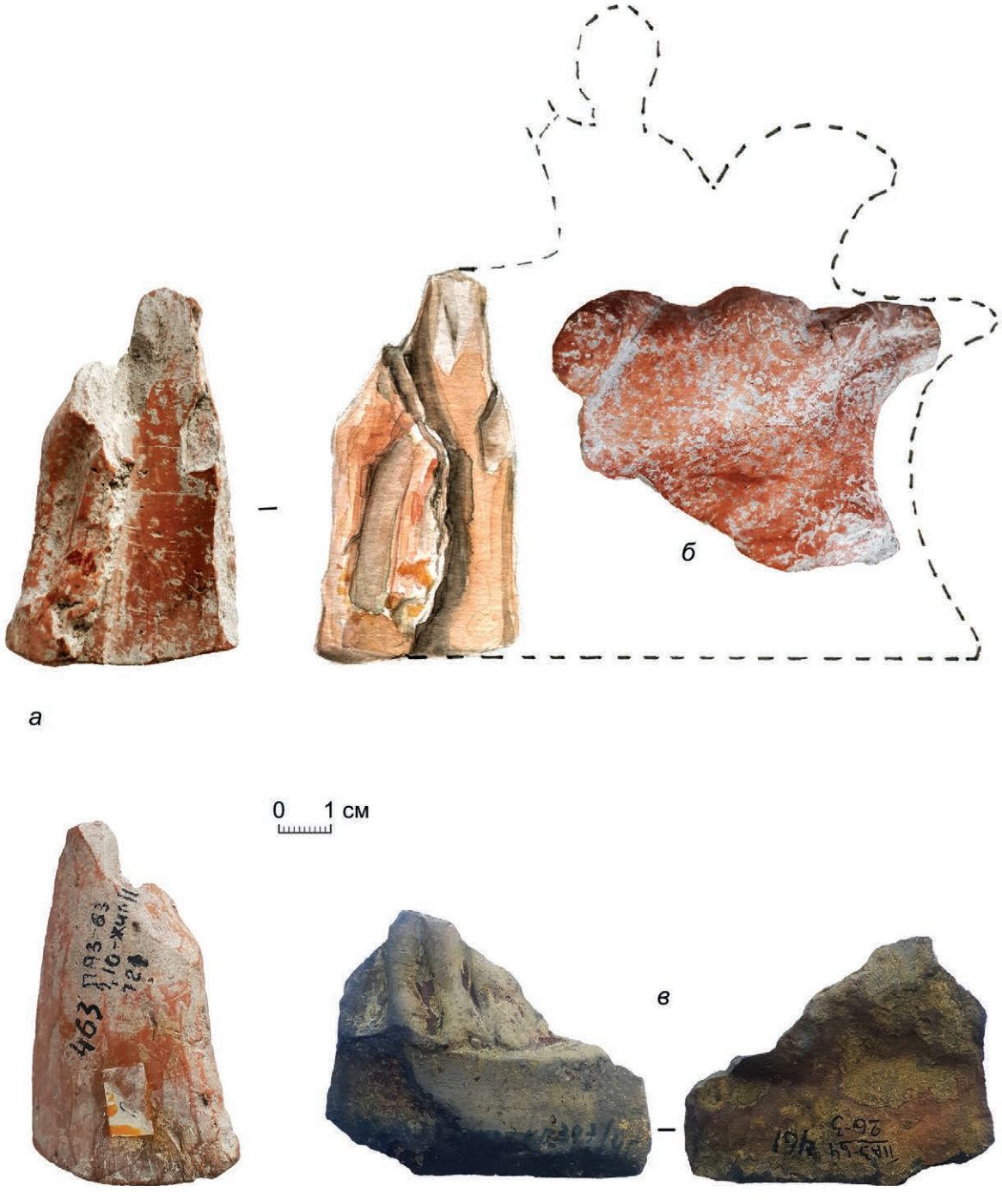


Рис. 6. Боспорская терракота из Подазовского городища.
а – фрагмент статуэтки, изображающей всадника (рисунок С. Н. Гупал); *б* – второй фрагмент статуэтки, изображающей всадника; *в* – фрагмент статуэтки, изображающей стоящую женщину в хитоне

статуэтка происходит, по-видимому, из Керчи и датируется I–II вв. н. э. (*Журавлев, Ильина,* 2002. С. 69). Терракотовые статуэтки с похожим сюжетом получают широкое распространение в конце эллинистического периода и существуют до II в. н. э. Их находят при исследовании некрополей и городищ античного времени на всей территории Боспорского царства. Несомненно, они являются культовыми. Вероятно, в основе их иконографии – синтез эллинских традиций культа героев и местных верований, связанных с почитанием конного бога. Некоторые исследователи называют подобные статуэтки фракийскими всадниками. С IV в. до н. э. по III в. н. э.

во Фракии существовал культ Великого бога, изображаемого в виде всадника, связанный с идеями жизни после смерти и целительства. Другие исследователи связывают появление подобных терракотовых статуэток с распространением культа Митры, малоазийского бога света, правды и справедливости, покровителя воинов, дарующего победу (*Суворова,* 2021. С. 717). В. И. Пругло выделяет два типа статуэток данного вида. К первому типу относятся изображения всадников на галопирующих конях, ко второму – изображения всадников на спокойно стоящих конях (*Пругло,* 1977. С. 177). Интересующий нас вышеупомянутый терракотовый фрагмент относится к первому типу данной классификации.

Еще одна терракота была обнаружена на Подазовском городище в 1964 г. Она представляет собой фрагмент объемной глиняной статуэтки, изображающей стоящую на постаменте женщину[10] (рис. 6, *в*). Сохранилась нижняя часть лицевой стороны статуэтки: фрагмент невысокого постамента прямоугольной формы; нижняя часть длинного хитона, драпирующегося вертикальными широкими складками. Статуэтка отмята в форме. На внешней поверхности – следы светлого ангоба и стеки. На внутренней поверхности – следы пальцев мастера. Глина тонкая, хорошо отмученная, темно-коричневого цвета, с примесью извести и песка. Поверхность заизвесткована, на поверхности – сколы и следы копоти. Размеры фрагмента – 4,8×5,8 см. Толщина стенки – 0,3 см. Возможно, статуэтка была изготовлена в Фанагории в I в. н. э. Похожий тип драпировки хитона можно увидеть на статуэтках I в. до н. э. из Танаиса (*Суворова,* 2017. С. 66) и Фанагории (*Кобылина,* 1974б. С. 29. Табл. 34, *3*), на статуэтках I в. н. э. из Мирмекия (*Денисова,* 1981, С. 76. Табл. XIX, *ж*), Тирамбы (*Коровина,* 1974. С. 11. Табл. 6, *1, 8*) и Горгиппии (*Хмара,* 1987. С. 95. № 77–79). Некоторые из вышеупомянутых терракотовых статуэток изображают стоящих женщин с гроздьями винограда и собачкой, другие – с птицей и собачкой. Терракотовые статуэтки из Горгиппии изображают женщину с ребенком на руках – Деметру Куротрофу. В настоящее время трудно однозначно интерпретировать фрагмент статуэтки из Подазовского городища, однако отрицать ее культовое значение не стоит.

Находки боспорской терракоты могут свидетельствовать о присутствии греческого населения на Подазовском городище, а также об эллинизации местного населения, воспринявшего греческую культуру и религию.

Все терракотовые предметы, обнаруженные при исследовании вышеупомянутых нижнедонских городищ, свидетельствуют о религиозных верованиях местного населения, связанных с земледельческими и хтоническими культами: Тюхе, Деметры, Диониса, Великой богини и конного бога.

Дальнейшие археологические исследования и обнаружение новых терракотовых предметов двух городищ, расположенных на месте древнего города Азова, позволят расширить наши представления о населении, занятиях, а также об их религиозных представлениях и верованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Абоян Ю. В., Ларенок В. А., 2013. Раскопки некрополя Сухо-Чалтырского городища в 2011 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27. С. 68–98.

Алексеева Е. М., 1987. Коропластика Горгиппии // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края / Науч. ред. И. Т. Кругликова. Краснодар: Краснодарское книжное издательство. С. 53–79.

Арсеньева Т. М., 1974. Терракоты из Танаиса // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 8–10 (САИ, Г 1-11).

Белинский И. В., 1986а. Отчет о работах Азовского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1985 г. // Архив АМЗ. КВФ 10619/1. 45 с.

Белинский И. В., 1986б. Альбом иллюстраций к отчету о работах Азовского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1985 г. // Архив АМЗ. КВФ 10619/2. 176 рис.

Бойко А. Л., 1987. Паниардис – поселение античного времени на территории г. Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (тезисы докладов к областному семинару). Азов: Издательство Азовского краеведческого музея. 56 с.

[10] ПАЗ – 1964, 26-3, № 461. АМЗТ, КП 347/АО 24/41.

Бойко А. Л., 1991. Изучение Крепостного городища и его некрополя в послевоенный период (1954–1989 гг.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. С. 71–82.

Вязьмитина М. И., 1970. Терракотовые статуэтки из с. Золотая Балка // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. I / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 57, 58 (САИ, Г 1-11).

Горбенко А. А., Косяненко В. М., 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов: Издательство Азовского музея-заповедника. 512 с.

Денисова В. И., 1981. Коропластика Боспора. Ленинград: Наука. 172 с.

Журавлев Д. В., Ильина Т. А., 2002. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном историческом музее. 30 мая – 15 августа 2002 г. / Науч. ред. Д. В. Журавлев. М.: Государственный исторический музей. 143 с.

Каменецкий И. С., 1964а. Подазовское городище (по раскопкам 1963–1964 гг. // Архив АМЗ. КВФ 9797/5. 84 с.

Каменецкий И. С., 1964б. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках Подазовского городища в 1963–1964 годах // Архив АМЗ. КВФ 9797/6. 213 рис.

Каменецкий И С., 1974. Итоги исследования Подазовского городища // СА. № 4. С. 212–221.

Каменецкий И. С., 1993. Городища донских меотов: Вопросы датировки. М.: Авто. 176 с.

Клейман И. Б., 1970. Статуэтки из святилища у г. Ялты // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 78 (САИ, Г 1-11).

Кобылина М. М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: АН СССР. 184 с.

Кобылина М. М., 1970. Терракоты из г. Феодосии // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 78–82 (САИ, Г 1-11).

Кобылина М. М., 1974а. Терракоты с Елизаветинского городища // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 50, 51 (САИ, Г 1-11).

Кобылина М. М., 1974б. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 20–30 (САИ, Г 1-11).

Кобылина М. М., 1975. Штамп с изображением Тихи из Фанагории // КСИА. Вып. 143. С. 63–66.

Коровина А. К., 1974. Терракоты Тирамбы // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 11–13 (САИ, Г 1-11).

Котина А. В., 2013. Терракотовые статуэтки с подвесными конечностями из Тиритаки (раскопки 2002–2012 гг.) // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. С. 404–416.

Котина А. В., 2020. Коллекция терракотовых статуэток из слоев и комплексов III–IV горизонтов городища Тиритака // Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III. Археологические комплексы второй половины III–VII в. Симферополь, Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; Благотворительный фонд «Деметра». С. 646–671.

Кругликова И. Т., 1970а. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 100–111 (САИ, Г 1-11).

Кругликова И. Т., 1970б. Статуэтки из Киммерика // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 82, 83 (САИ, Г 1-11).

Марченко И. Д., 1974. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. Ч. III. Пантикапей / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. 1974. С. 38–46 (САИ. Г 1-11).

Минаев А. П., 2019. Отчет об археологических разведках в г. Азове Ростовской области по пер. Некрасова, 47 в 2019 году // Архив АМЗ. КВФ 14641. 41 с.

Мифы народов мира, 1982. Энциклопедия в 2 томах. Т. 2. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия. 720 с.

Павсаний, 1996. Описание Эллады. I–IV книги. Перевод С. П. Кондратьева. Отв. ред. Э. Д. Фролов. Санкт-Петербург: Алетейя. 352 с.

Петерс Б. Г., 1970. Терракоты из городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 112–114 (САИ, Г 1-11).

Пругло В. И., 1970. Статуэтки из Мирмекия // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 94–100 (САИ, Г 1–11).

Пругло В. И., 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 177–183.

Раев Б. А., 2008. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: ИА РАН. С. 55–57.

Силантьева П. Ф., 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. Ч. III. Пантикапей / Ред. М. М. Кобылина. М.: Наука. С. 5–37 (САИ. Г 1-11). С. 5–37.

Сокольский Н. И., 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. Вып. 143. С. 21–30.

Суворова Н. И., 2017. Терракота Танаиса III–I вв. до н. э. // Вестник Танаиса. Вып. 4. С. 63–83.

Суворова Н. И., Широченко Э. Б., 2020. Уникальная находка из некрополя Паниардиса // МАИАСП. Вып. 12. С. 403–427.

Суворова Н. И., 2021. К вопросу о распространении понтийского синкретического культа Мена-Митры-Аттиса на Боспоре // МАИАСП. Вып. 13. С. 715–729.

Фомичев Н. М., Гончарова Г. Г., 1976. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в зоне реконструкции валов Азовской крепости с северной стороны II полубастиона Алексеевского раската, на территории Крепостного (Азовского) городища рубежа – первых веков нашей эры в 1975 году // Архив АМЗ. КВФ 9797/15. XLIV с.

Хачатурова Е. А., 1987. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского рая / Науч. ред. И. Т. Кругликова. Краснодар: Краснодарское книжное издательство. С. 103–144.

Хмара Е Б., 1987. Терракотовые статуэтки Анапского историко-археологического музея // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского рая / Науч. ред. И. Т. Кругликова. Краснодар: Краснодарское книжное издательство. С. 80–102.

Шевченко А. В., 2016. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий. 520 с.

Язовских А. Г. Терракота Хапровского городища // Нижний Дон – этнические контакты. IV Донские археологические чтения. Ростов-на-Дону. 2002. С. 53–55.

Резюме. Статья посвящена терракотовым предметам, обнаруженным в 1962–2014 гг. во время археологических исследований двух нижнедонских городищ I в. до н. э. – II в. н. э., находившихся на территории древнего города Азова. Небольшое их количество подтверждает тезис об уменьшении подобных находок с удаленностью от крупных боспорских центров. Все предметы коропластики, обнаруженные при исследовании Крепостного и Подазовского городищ, свидетельствуют о религиозных верованиях местного населения, связанных с земледельческими и хтоническими культами: Тюхе, Деметры, Диониса, Великой богини и конного бога.

Ключевые слова: Боспорское царство, Крепостное городище, Подазовское городище, коропластика, терракотовые предметы, некрополь, эллинизация, культ.

N. I. Suvorova

Coroplastic objects from the Krepostnoye and Podazovskoye sites on the Lower Don

Abstract. The article deals with the coroplast items discovered from 1962 to 2014 during archaeological studies of two Lower Don sites dated I BC – II AD, which were situated in the territory of ancient Azov town. The small amount of found coroplasts proves that such findings become rarer with the distance from large Bosporan centers. All the terracotta items discovered during the studies of Krepostnoye and Podazovskoye sites reflect the religious beliefs of local people, which are connected to agricultural and chthonic cults: Tyche, Demeter, Dionysus, the Great Goddess and the Horse God.

Keywords: Bosporan Kingdom, Krepostnoye site, Podazovskoye site, coroplast, terracotta items, necropolis, Hellenization, cult.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.133-141

ЗОЛОТОЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ[1]

В. Н. Зинько

С Олегом я познакомился еще в годы учебы на кафедре археологии Ленинградского госуниверситета. Знакомство носило шапочный характер, мы посещали разные семинары: он – у М. Б. Щукина, а я – у А. Н. Щеглова. Лишь с 1990 г. наши контакты стали более тесными. Олег принимал участие в моих проектах, практически ежегодно весной приезжал в Керчь на Боспорские чтения, а осенью мы встречались в Петербурге – в Эрмитаже или в ИИМКе. Представляемый сюжет – это память о совместных раскопках в Керчи в 1990 г.

В конце 80-х гг. прошлого века в Керчи, несмотря на начавшийся развал советской экономики, происходит своеобразный строительный бум, в ходе которого значительные участки центральной исторической части города попали в зону строительных работ. Лишь благодаря настойчивой позиции Э. В. Яковенко, директора созданного в 1987 гг. Керченского историко-культурного заповедника, процесс производства земляных работ удалось поставить под археологический контроль. Все работы проводила Комплексная постоянно действующая археологическая экспедиция, созданная мною летом 1989 г. Среди сотрудников экспедиции, в которую входили все штатные работники отдела охраны памятников и ряда других отделов Керченского заповедника, особо следует отметить прекрасного полевого археолога О. Д. Чевелева и начинающего исследователя синопских амфорных клейм Н. Ф. Федосеева. Экспедицией проводились как охранно-спасательные работы, так и научно-исследовательские раскопки античных и ранневизантийских сельских поселений и некрополей в различных частях Керчи и ближайших окрестностях. Ежегодно раскапывались на значительных площадях несколько новостроечных объектов, поэтому с 1990 г. мною практиковалось приглашение специалистов из Киева (А. Б. Занкин, В. Н. Корпусова), Ленинграда (Е. Я. Рогов, О. В. Шаров и др.) и Симферополя (А. И. Айбабин, И. В. Ачкинази и др.). Так в 1990 г. на участке строительства многоквартирного дома № 42 по улице Крупской необходимо было провести охранно-спасательные раскопки на площади 1,5 тыс. кв. м вблизи восточной границы некрополя Пантикапея на северном склоне горы Митридат. На эту работу и был приглашен О. В. Шаров, который в 1988–1992 гг. руководил в Ленинграде научно-археологическим объединением «Ойум».

Участок археологических раскопок располагался в средней части северного склона Митридатской гряды: абсолютные отметки объекта – от 19,02 м в южной части до 15,07 м в северной. Он занимал прямоугольник, образованный улицами Шлагбаумская, Крупской (бывшая Институтская) и Госпитальная, в 30 м к югу от здания Керченского роддома. С западной и восточной сторон почти вплотную к раскопу примыкали частные дома с приусадебными участками. Последние постройки на этой территории исчезли в 1950–1960 гг., но в западной и центральной частях участка хорошо читались следы их каменных и кирпичных фундаментов. Кроме того, восточная и северо-западная части участка использовались в течение второй половины XIX – XX в. как место для захоронения ненужных отходов. Рельеф участка сформирован в результате сноса старых построек. В геологическом строении участка принимали участие песчано-глинистые отложения меотического яруса, перекрытые насыпными грунтами мощ-

[1] Статья представляет вариант доклада, подготовленного на «Круглый стол памяти О. В. Шарова», в котором по ряду причин я не смог принять участия. Однако было удаленное присутствие. Это благодаря любезности коллег, в первую очередь А. В. Мастыковой, которые смогли на пути в Севастополь заехать в Керчь за нашей с Олегом книгой «Грунтовой некрополь Пантикапея (исследования 1990 г.)» и провести на конференции ее небольшую презентацию. Искренне признателен коллегам за это.

Рис. 1. Могила М-29, каменные плиты перекрытия, вид с востока. Фото О. В. Шарова, 1990 г.

ностью 1,65–3,2 м. Особенность участка – наклонные залегания коренных отложений склонов, угол падения составляет 5–10°.

Раскопки погребальных сооружений на северном склоне горы Митридат были начаты еще в первые десятилетия XIX в. (*Зинько, Шаров*, 2021. С. 8, сл.), а исследованный в 1990 г. участок некрополя Пантикапея находился всего в 100–150 м к востоку от раскопанных в 1903 г. на Институтской улице (ныне ул. Крупской) В. В. Шкорпилом значительного количества грунтовых могил. Тогда археологом были открыты могилы № 2–15, 17, 18, 38–46, 56, 58–61, 69–71, 76, 78, 79, 85 и 93, а также на прилегающих к этой улице частях Шлагбаумской улицы – могилы № 16, 19–35, 37, 86–92, 94–102 и на 1-й Подгорной улице (ныне ул. Желябова) – могилы № 57, 62–68, 72–75, 77, 80–84. Все они относятся к I–II вв. н. э. (*Шкорпил*, 1905. С. 1). Впоследствии, основываясь на работах начала XX в., Г. А. Цветаева составила планы некрополей Пантикапея, в том числе и для северного склона горы Митридат (*Цветаева*, 1951). Судя по одному из них, исследованный в 1990 г. участок находится непосредственно на восточной границе грунтового некрополя Пантикапея I–II вв. н. э. северного склона горы Митридат или даже несколько восточнее (ближе к Госпитальной улице) обозначенной исследовательницей границы (*Цветаева*, 1951. Рис. 3).

Археологический раскоп был заложен по максимальному периметру котлована многоэтажного дома (сейчас это дом № 42 по улице Крупской) без учета его сложной многоступенчатой конфигурации и имел Г-образную форму. В ходе раскопок было исследовано 32 грунтовых погребения, большинство из которых оказалось не ограбленными и не разрушенными в ходе хозяйственной деятельности в XIX – первой половине XX в. Все это дало возможность довольно подробно изучить погребальный обряд и выявить различные категории погребального инвентаря. Особое внимание привлек золотой перстень с инталией, найденный в грунтовом погребении М-29, о котором ниже пойдет речь.

Грунтовое погребение М-29 располагалось в западной части участка раскопок и было выявлено по перекрытию из массивных известняковых плит (рис. 1). Это перекрытие состояло из трех плит, довольно тщательно подтесанных

со всех сторон. Восточная и западная плиты располагаются под углом к центральной плите, которая наклонена к северу и просела в могильную яму (рис. 2). После снятия плит перекрытия контуры могильной ямы не читались. Кости погребения практически не сохранились, они были представлены лишь фрагментами костных остатков стопы, зубами и фрагментом лучевой кости (рис. 3). Контур погребения можно определить по достаточно мощному древесному тлену, который располагается узкой полосой, ориентированной в направлении запад – восток, шириной в восточной части 0,27 м, в западной части – 0,23 м. Вероятно, погребенный был уложен на деревянный помост. По местонахождению костей стопы можно определить, что весь костяк был ориентирован головой на восток. Судя по размерам могильной ямы, в погребении М-29 был взрослый человек, а учитывая набор сопровождающего инвентаря, это, вероятнее всего, женщина.

В изголовье погребенного были обнаружены две бусины из желтой и белой пасты (рис. 4, *6, 8*), а также маленький бронзовый тонкий гвоздь с круглой шляпкой (рис. 4, *9*). В средней части тлена, предположительно в районе таза, найдена сильно фрагментированная бронзовая круглая поясная пряжка, полая внутри (рис. 4, *10*). В районе предполагаемой кисти левой руки был золотой перстень с сердоликовой инталией, на которой изображен мужчина в профиль (рис. 4, *1*). В районе груди располагались две гагатовые бусины (рис. 4, *4*), а к западу от фаланг стопы лежала большая круглая пастовая белая бусина (рис. 4, *7*), украшенная спиральной синей полосой. В районе скопления зубов зафиксированы золотые плетеные нити одежды (рис. 4, *5*). При снятии тлена в изголовье найдены два золотых трилистника от погребального венка (рис. 4, *2*). У колен находилось скопление из 32 гагатовых бусин разного диаметра (рис. 4, *3*). В ногах стоял краснолаковый двуручный кувшин (рис. 4, *11*). Если учитывать даты всех типов вещей, встреченных в погребальном инвентаре могилы № 29, можно довольно узко датировать комплекс последней четвертью I – первой половиной II в. н. э. (70/80–140/150 гг.) (*Зинько, Шаров*, 2021. С. 115).

Золотой перстень с инталией (рис. 4, *1*) имеет следующие размеры: диаметр перстня – 34 мм; диаметр шинки – 17,5 мм; диаметр сердоликовой вставки – 12 мм. Полый перстень спаян из тонкого листового золота. Шинка круглая с внутренней стороны, круглая с внешней, расширяется кверху и переходит в овальный щиток. Слегка выпуклая вставка занимает почти все пространство щитка. Камень частично помещен в оправу и закреплен при помощи плотно облегающей его полоски золота. Внутри перстня было наполнение.

Сердолик круглый, с плоской верхней гранью, на которой вырезано изображение головы в профиль влево (рис. 5). В волосах лавровый венок, завязанный лентами на затылке. У основания мощной шеи мастер показал часть плеч и грудь. Тщательно переданы портретные черты персонажа, принадлежащего к римской императорской династии Юлиев-Клавдиев. Лицо широкое, чуть полноватое, тяжелый округлый подбородок, нос прямой «греческий» с легкой горбинкой. Резчик изобразил слегка открытый рот и крупные сочные губы. Волосы кудрявые, выполненные длинными изогнутыми врезами. Лицо обрамляют волнистые бакенбарды, переходящие в короткую курчавую бороду. Изображение тщательно проработано округлым резцом и гладко отполировано. Без сомнения, это официальный портрет римского императора. На основании сопоставления портретных черт персонажа с аналогичными изображениями на монетах, а также в глиптике (*Арсентьева, Горская*, 2019. С. 133. № 145) можно атрибутировать изображение как портрет императора Нерона, выполненный в 60-е гг. н. э.

В свое время на азиатской части Боспора, на Таманском полуострове, был найден еще один золотой перстень с агатовой геммой, на которой изображен профиль Нерона вправо (*Неверов*, 1976. С. 178. Табл. IV, *9*). Однако у этого изображения несколько другая трактовка. Здесь у императора, наподобие Аполлона, длинные кудри, увенчанные лавром, грудь его покрывает хитон. Возможно, резчик стремился намекнуть на те таланты, которые так ценил в себе Нерон, этот «артист на троне римских цезарей» (*Неверов*, 1976. С. 178).

Найденные в Пантикапее италийские геммы, прежде всего с портретами римских императоров и членами их семей, обычно рассматриваются в контексте политических и дипломатических контактов Боспора и Рима, учитывая особую роль перстней с портретами правителей в политической пропаганде (*Трейстер*, 1993. С. 53). В то же время это могли быть и награды особо

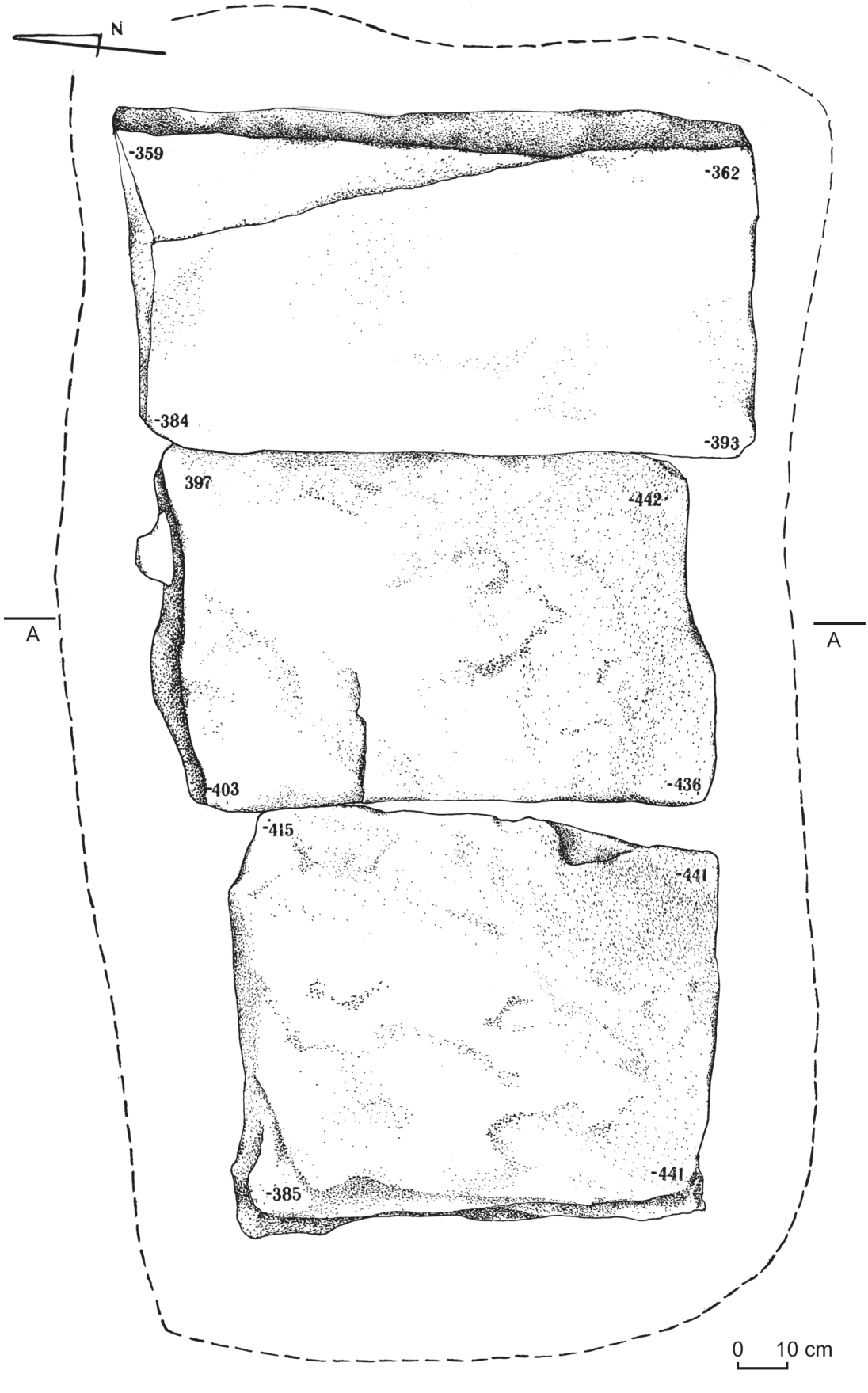


Рис. 2. План могилы М-29 на уровне каменных плит перекрытия

Рис. 3. Могила М-29, погребение после расчистки, вид с запада

Рис. 4. Инвентарь могилы М-29: *1* – золотой перстень с сердоликовой инталией; *2* – золотой трилистник; *3* – бусы из гагата, 32 шт.; *4* – бусы из гагата, 2 шт.; *5* – золотое плетение; *6* – желтая пастовая глазчатая бусина; *7* – бусина пастовая двухцветная; *8* – бусина пастовая белая; *9* – бронзовый гвоздь; *10* – бронзовая полая пряжка; *11* – красноглиняный амфориск

отличившимся римским легионерам. В свое время О. Я. Неверовым было учтено 60 италийских гемм, из которых 32 происходят из Пантикапея (*Неверов*, 1979. С. 105).

Уже в I в. до н. э. Боспорское царство оказалось непосредственным участником длительной борьбы между Римом и понтийским царем Митридатом VI. В отношении Боспора римляне следовали своей обычной политике: Фарнаку Помпей дал звание друга и союзника римского народа, предоставив в управление Боспор. Однако обстановка в Боспорском царстве была сложной (*Цветаева*, 1979. С. 14). Дальнейшая череда событий, связанная с возведением на боспорский престол сменяющих друг друга Асандра, Полемона, Динамии, способствовала втягиванию высших слоев боспорских городов и представителей племенной аристократии в тесные политические и экономические связи с Римской империей. И уже сын Динамии Аспург (10/1–38/9 гг. н. э.) совершает визит в Рим для утверждения боспорским царем (*Фролова*, 1979. С. 138). Грубое вмешательство императора Калигулы в боспорское престолонаследие привело к двоевластию на Боспоре, и лишь Клавдий, сменивший Калигулу, признал боспорским царем Митридата. Однако посланный в Рим для скрепления договора о дружбе брат Митридата Котис открыл план брата на освобождение от римской власти. Тогда император назначил Котиса царем Боспора и вместе с ним послал для его утверждения в 44–45 гг. н. э. римские войска под командованием Дидия Галла и Гая Юлия Аквилы (*Цветаева*, 1979. С. 15–16).

При императоре Нероне происходит дальнейшая эскалация военного присутствия Рима в Крыму. Первыми с просьбой оказать помощь в борьбе со скифами, которые стояли у стен города, обратились херсониситы. Трибун Плавтий Сильван, пришедший с римскими войсками, снял с Херсонеса скифскую осаду. Возможно, в Пантикапее также появился римский военный контингент (*Цветаева*, 1979. С. 16). Это были, судя по найденным в Пантикапее надгробиям легионеров, воины кипрской и фракийской когорт, а также, как это подтверждает находка в Синопе надписи с упоминанием *cohors Cypria*, солдаты вифинской когорты или их подразделений. Надо

Рис. 5. Сердоликовая инталия с профилем императора Нерона

полагать, что вифинские части стояли в Пантикапее и во II в. н. э. (*Трейстер*, 1993. С. 70)[2].

По замыслу императора Нерона Боспорское царство должно было составить, как при Митридате Евпаторе, в административно-политическом отношении одно целое с бывшим Понтийским царством и Колхидой. Это нашло отражение в прекращении выпуска монет боспорского царя Котиса I и появлении на Боспоре монет обычного провинциального типа с изображением Нерона. При проведении Нероном в жизнь планов его восточной политики Котис I в 62 г. н. э. был лишен права помещать на статерах свою монограмму, заменив ее не именем Нерона, а всего лишь его монограммой, оставив за собой возможность помещать на золотых монетах годы понтийской эры. Начиная с 63 г. н. э. на Боспоре выпускается несколько видов медных монет с портретом Нерона, на одной из которых вместо портрета императора воспроизводилось изображение пятиколонного храма и монограммы в венке. Тот факт, что этот тип монет не мог оскорбить честолюбие Нерона, доказывается множеством самых различных изображений, имеющихся на медных монетах вре-

[2] Искренне благодарю М. Ю. Трейстера за предоставленную литературу по данному вопросу.

мени Нерона, выпущенных в различных городах римских провинций (*Фролова*, 1997. С. 99)[3].

Вопрос об эмиссиях монет на Боспоре после 62 г. н. э. тесно соприкасается с проблемой определения политического статуса Боспорского царства во время правления императора Нерона. Предполагается, что после войны 45–49 гг. н. э. зависимость Боспора от Рима стала настолько полной, что обращать его в римскую провинцию не было никакой надобности. На золотых монетах, выпускаемых на Боспоре в период между 62–69 гг. н. э., нет ни боспорской даты, ни изображения, ни монограммы боспорского царя, лишь портрет Нерона с надписью имени императора. Однако, по мнению Н. А. Фроловой, нумизматические свидетельства не могут являться аргументом в пользу положения о превращении Боспора в римскую провинцию в течение семи лет (*Фролова*, 1997. С. 101). Поэтому имеются все основания считать, что во время правления Котиса I Боспорское царство представляло собой самостоятельное, политически целое государство, сохранившее свои границы и не являющееся составной частью Римской империи.

Нерон после смерти был проклят, а его изображения уничтожены согласно практике *damnatio memoriae*, поэтому его портреты, дошедшие до наших дней, не столь многочисленны. Считается, что редкие сохранившиеся образцы принадлежали близким друзьям или изготавливались в восточных провинциях империи (*Арсентьева, Горская*, 2019. С. 134). В то же время судьба золотого перстня с инталией Нерона из Пантикапея, как мне представляется, была иной. Его можно рассматривать как прощальный дар некой молодой особе от римского легионера, законного владельца перстня, навсегда покидавшего пределы Боспорского царства. Она хранила его как памятный знак все оставшиеся десятилетия, а затем новая владелица перстня была захоронена с ним, судя по погребальному инвентарю, не ранее конца I в. н. э., т. е. через 20–30 лет после вручения подарка. Не исключено, что перстень мог быть передан ее наследникам, погребенным уже в первой половине II в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Арсентьева Е. И., Горская О. В., 2019. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 196 с.

Зинько В. Н., Шаров О. В., 2021. Грунтовой некрополь Пантикапея (исследования 1990 г.). Симферополь, Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; Благотворительный фонд «Деметра». 232 с.

Неверов О. Я., 1976. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XVII. С. 166–182.

Неверов О. Я., 1979. Италийские геммы в некрополях северопонтийских городов (К вопросу об италийском импорте в Северное Причерноморье) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху / Ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора. С. 102–113.

Трейстер М. Ю., 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2. С. 50–74.

Фролова Н. А., 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э. Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э. М.: Едиториал УРСС. 448 с.

Цветаева Г. А., 1951. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I / Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 63–86 (МИА. № 19).

Цветаева Г. А., 1979. Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. 136 с.

Шкорпил В. В., 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // Известия ИАК. Вып. 17. СПб.

[3] Искренне благодарю М. Г. Абрамзона за консультацию в вопросе боспорской нумизматики времени Нерона.

Резюме. В 1990 г. ходе раскопок некрополя Пантикапея на северном склоне горы Митридат были открыты 32 грунтовых погребения, большинство из которых оказалось не разрушенными и не ограбленными. Все это дало возможность подробно изучить погребальный обряд и выявить различные категории погребального инвентаря. Особое внимание привлек золотой перстень с инталией, найденный в грунтовом погребении М-29. Золотой перстень был спаян из тонкого листового золота. Шинка круглая с внутренней стороны, круглая с внешней, расширяется кверху и переходит в овальный щиток. Камень частично помещен в оправу и закреплен при помощи плотно облегающей его полоски золота. Сердолик круглый, с плоской верхней гранью, на которой вырезано изображение головы в профиль влево. Тщательно переданы портретные черты персонажа, принадлежащего к римской императорской династии Юлиев-Клавдиев. Лицо широкое, чуть полноватое, тяжелый округлый подбородок, нос прямой «греческий» с легкой горбинкой. Лицо обрамляют волнистые бакенбарды, переходящие в короткую курчавую бороду. Без сомнения, это официальный портрет римского императора. На основании сопоставления портретных черт персонажа с аналогичными изображениями на монетах, а также в глиптике можно атрибутировать изображение как портрет императора Нерона, выполненный в 60-е гг. н. э. Найденные в Пантикапее италийские геммы, прежде всего с портретами римских императоров, рассматриваются в контексте политических и дипломатических контактов Боспора и Рима, учитывая особую роль перстней с портретами правителей в политической пропаганде. В то же время это могли быть и награды особо отличившимся легионерам, квартировавшим в боспорских городах. Наш перстень можно предположительно считать прощальным даром некой молодой особе от римского легионера, навсегда покидавшего пределы Боспорского царства. Она хранила его как памятный знак все оставшиеся десятилетия, а затем была захоронена с ним, судя по погребальному инвентарю, не ранее конца I в. н. э., т. е. через 20–30 лет после дарения перстня. Не исключено, что перстень мог быть передан ее наследнику, упокоившемуся уже в первой половине II в. н. э.

Ключевые слова: Боспорское царство, некрополь Пантикапея, грунтовое погребение, золотой перстень, инталия, император Нерон.

V. N. Zinko

A gold ring from the burial complex of the necropolis of Panticapeum

Abstract. In 1990, during the excavations of the necropolis of Panticapaeum on the northern slope of Mount Mithridates, thirty-two ground burials were discovered, most of which were neither destroyed nor robbed. All this made it possible to study the funeral rite in detail and identify various categories of funeral equipment. A gold ring with an intaglio found in the M-29 ground burial attracted special attention. The gold ring was soldered from thin gold leaf. The splint is round on the inside and round on the outside. It expands upwards and turns into an oval shield. The stone is partially placed in the frame. It is secured with a tightly fitting strip of gold. Carnelian is round, with a flat upper face, on which the image of the head is cut out in profile to the left. The portrait features of a character belonging to the Roman imperial Julio-Claudian dynasty are carefully represented. The face is broad and slightly plump. It has a heavy rounded chin and a straight «Greek» nose with a slight hump. Wavy sideburns, turning into a short curly beard frame the face. Undoubtedly, this is the official portrait of the Roman emperor. Based on the comparison of the portrait features of the character with similar images on coins, as well as in the glyptic art, it is possible to attribute the image as a portrait of Emperor Nero, made in the 60s AD. The Italian gems found in the Panticapaeum, primarily with portraits of Roman emperors, are considered in the context of political and diplomatic contacts between Bosporus and Rome, taking into account the special role of rings with portraits of rulers in political propaganda. At the same time, those rings could also be awards to particularly distinguished legionnaires who were quartered in Bosporan cities. Our ring can presumably be considered a farewell gift from a Roman legionnaire, who left the Bosporan Kingdom forever, to a certain young lady. She kept it as a memorial sign for all the remaining decades. Then she was buried with it, judging by the funeral inventory, no earlier than the end of the I century AD, i.e. 20 to 30 years after the ring had been handed over. It is possible that the ring could have been handed over to her heir, who was laid to rest in the first half of the II century AD.

Keywords: the Bosporan Kingdom, necropolis of Panticapaeum, ground burial, golden ring, intaglio, Emperor Nero.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.142-151

ПОГРЕБЕНИЕ КОНЦА I – НАЧАЛА II ВЕКА СО СЛОЖНОСОСТАВНЫМ ЛУКОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3[1]

А. Н. Свиридов

В статье рассмотрено погребение с остатками сложносоставного лука, происходящее из могилы 280 некрополя Фронтовое 3 (Нахимовский р-н г. Севастополя, Юго-Западный Крым). Некрополь датируется концом I – началом V в. (*Гавритухин и др.*, 2020).

Подбойная могила 280 располагалась на крайнем юго-западе северной части некрополя и планиграфически соответствует раннему периоду существования кладбища, т. е. концу I – первой половине III в. (рис. 1).

Входная яма имела форму вытянутого прямоугольника (198×58 см), ориентированного по линии востоко-юго-восток – западо-северо-запад. Подбой (200×57 см) располагался вдоль северо-восточной стенки входной ямы, заклад представлен в виде одного ряда вертикально установленных крупных камней, слегка заваленных в сторону подбоя (рис. 2).

На дне подбоя был захоронен мужчина 35–45 лет[2]. Сохранность костей удовлетворительная, из биологических особенностей погребенного можно отметить вставочные кости в затылочном шве, а также прижизненную утрату зубов.

Погребенный лежал головой к востоко-юго-востоку, в слабо скорченном положении, на правом боку с завалом туловища на спину. Череп располагался на правом боку, лицевые кости были обращены к северу. Левые ребра перекрывали позвоночник и частично правую сторону грудной клетки. Правое крыло таза лежало на задней поверхности, левое крыло стояло «на ребре». Правая рука вытянута вдоль туловища, ее кисть находилась с северной стороны от проксимального конца правой бедренной кости. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе, кисть лежала на паховой области погребенного. Ноги, слегка согнутые в коленных суставах, лежали параллельно с незначительным сближением к низу. Стопы согнуты в естественном сгибе и уложены вправо, вплотную друг к другу.

В юго-восточном углу подбоя располагался сопроводительный инвентарь. Особенностью, выделяющей это погребение из общей массы синхронных комплексов Фронтового, является разграничение пространства с погребальным инвентарем за головой. Двумя небольшими камнями было ограничено место, в котором располагалась установленная вертикально красноглиняная кружка, ручкой к югу. Кружка была накрыта небольшим уплощенным камнем (рис. 2, *1*; 3, *2*). Вплотную с юго-востока к плечевому суставу, частично заходя под него, стояла красноглиняная миска (рис. 2, *2*; 3, *1*). В восточной половине миски лежал железный нож, острием к юго-западу, черешковая часть слегка выступала за край миски (рис. 2, *3*; 4, *6*). В южной половине миски параллельно ножу лежала левая плечевая кость КРС (особь от 3 до 9 лет и старше)[3].

На западном краю уплощенного камня, между черепом и миской, на пятне древесного тлена треугольной формы (мощность до 3 см) была расположена группа предметов. В южной части древесного тлена лежал железный ременный наконечник (рис. 2, *4*; 4, *4*), под ним была обнаружена деформированная железная пряжка (рис. 2, *5*; 3, *15*). Вдоль северо-западного края пятна располагался кремневый отщеп (рис. 2, *6*; 4, *2*). Вплотную к нему с востока лежал оселок (рис. 2, *7*; 4, *3*). Рядом с оселком расчищен железный стержневидный предмет (шило?) (рис. 2, *8*; 4, *5*).

Вдоль шейного отдела позвоночника с северной стороны лежал ряд стеклянных бус (рис. 2, *9*; 3, *3–10*). При снятии костяка под

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

[2] Антропологические исследования были проведены Н. Г. Свиркиной и М. А. Самородовой в Лаборатории контекстуальной археологии ИА РАН.

[3] Археозоологический анализ выполнен Е. Е. Антипиной, Е. Ю. Полянской в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

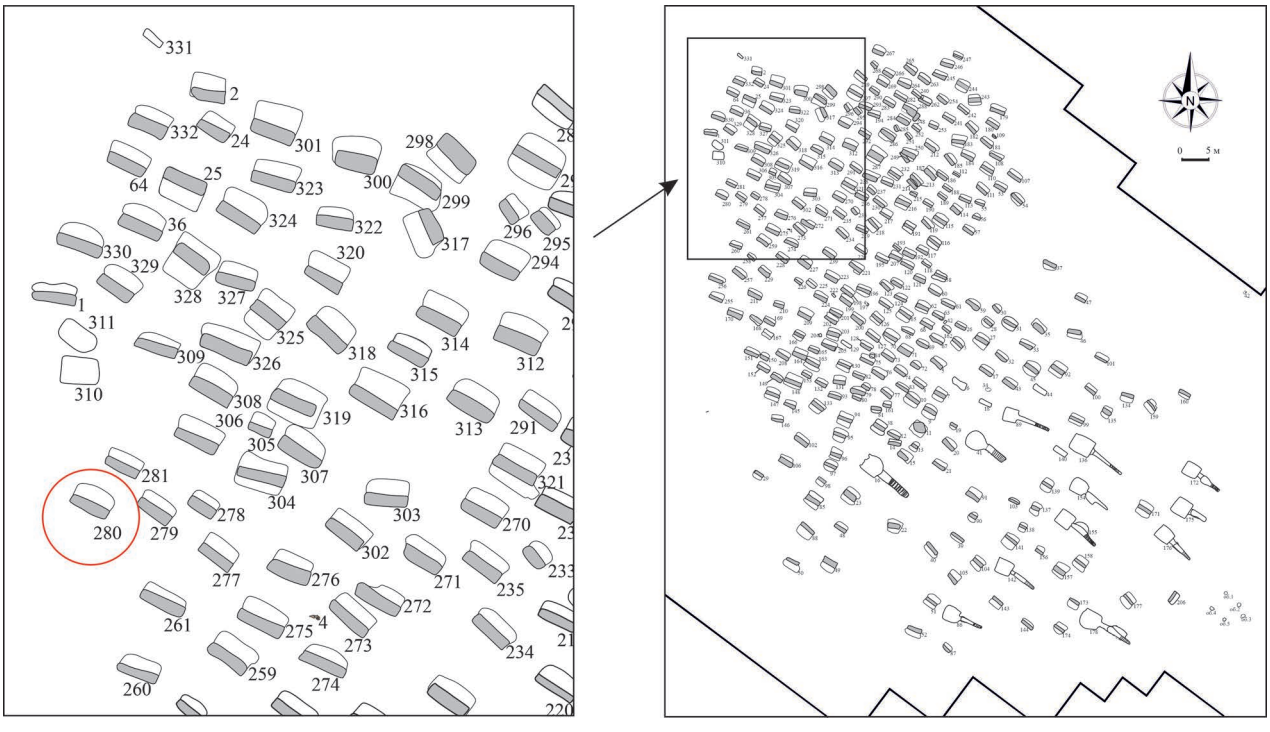


Рис. 1. Могильник Фронтовое 3. План с обозначением местоположения могилы 280

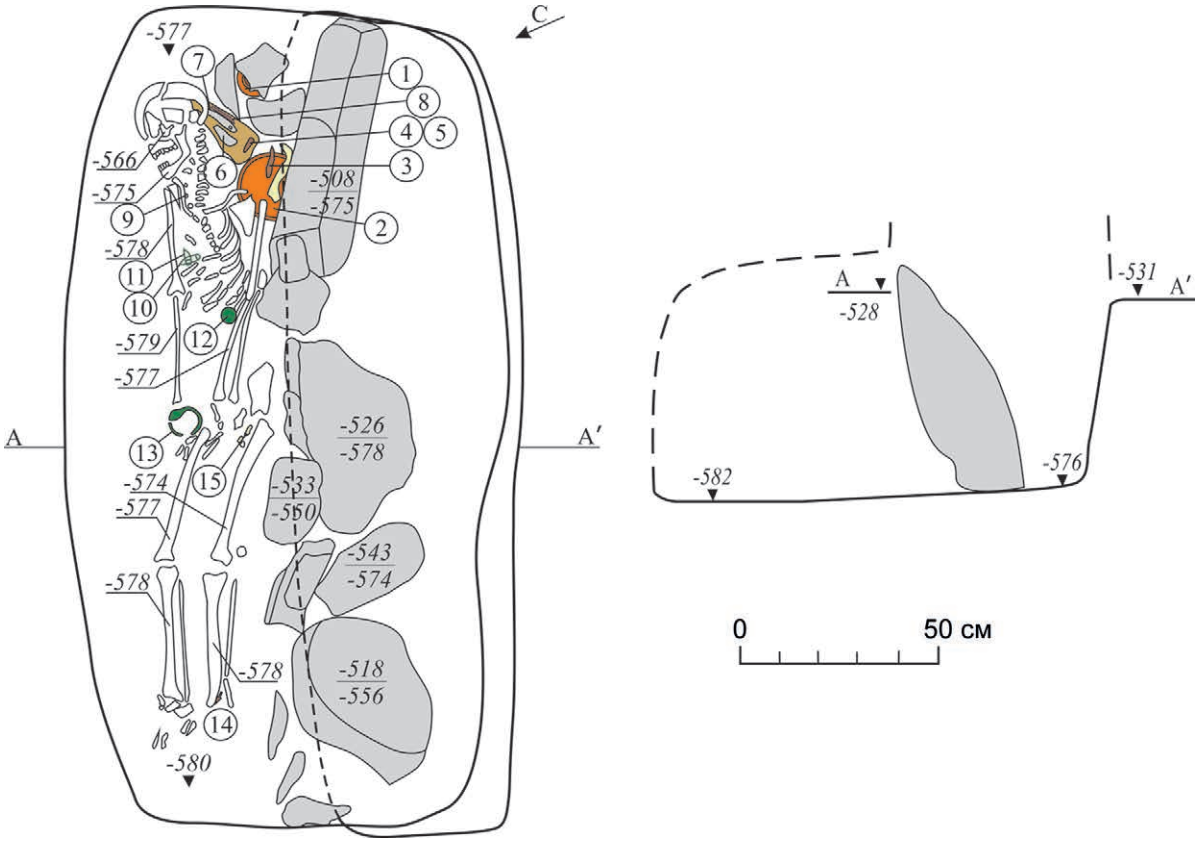


Рис. 2. Могильник Фронтовое 3. Могила 280. План и разрез. *1* – кружка; *2* – тарелка; *3* – нож; *4* – ременный наконечник; *5* – пряжка; *6* – кремень; *7* – оселок; *8* – предмет; *9* – бусы; *10, 11* – фибула; *12* – накладка; *13* – браслет; *14* – наконечник стрелы; *15* – срединные накладки на лук

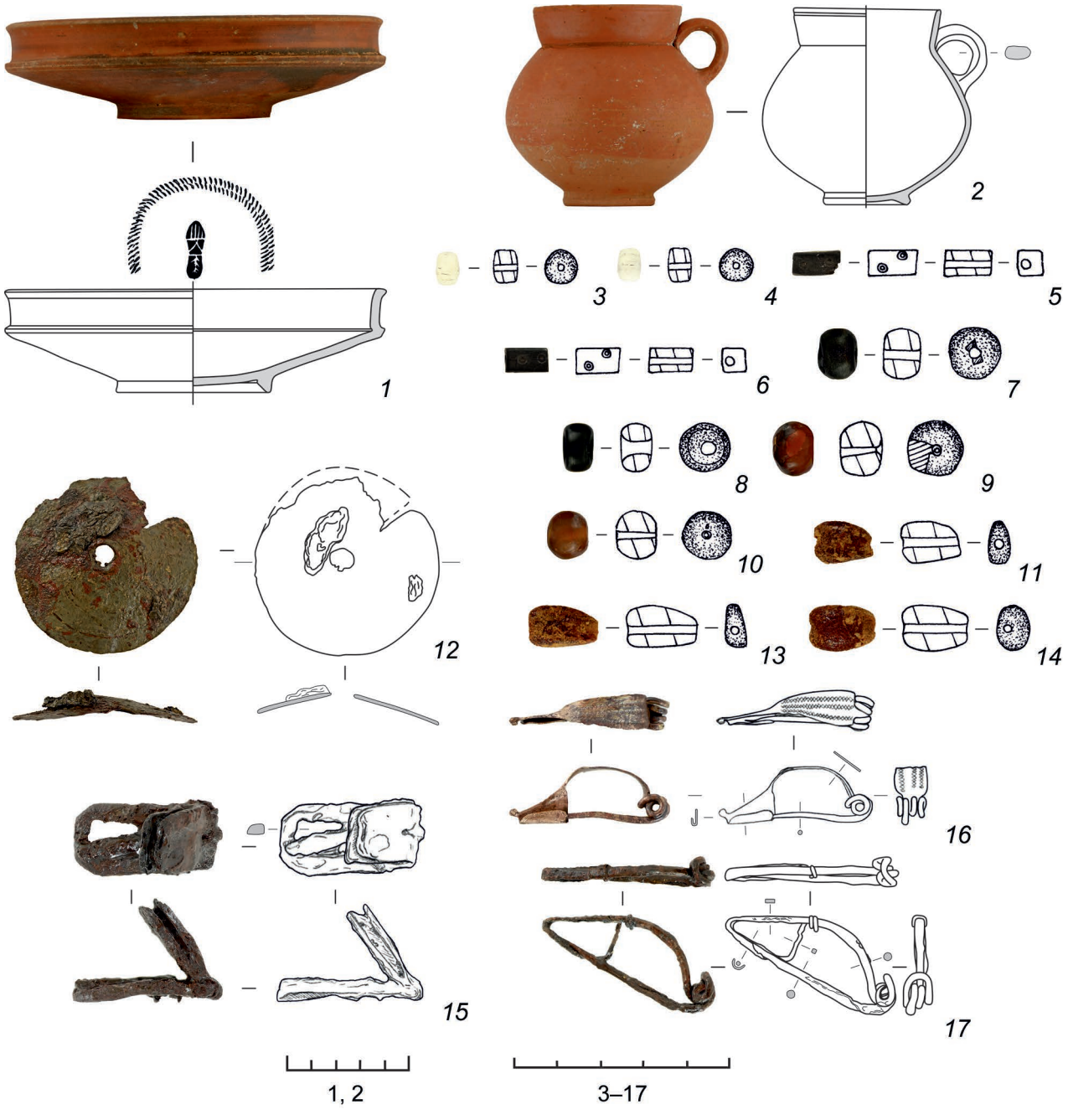


Рис. 3. Могильник Фронтовое 3. Могила 280. Находки. *1* – тарелка; *2* – кружка; *3–11,13, 14* – бусы; *12* – накладка; *15* – пряжка; *16, 17* – фибулы. *1, 2* – керамика; *3, 4* – стекло; *5–8* – гагат; *9, 10* – сердолик; *11, 13–14* – янтарь; *15* – железо; *16, 17* – бронза

правой ключицей был обнаружен один ряд янтарных бус (рис. 3, *11, 13–14*).

На северном краю правой половины грудной клетки, в ее центральной части, друг на друге лежали две бронзовые фибулы. Снизу располагалась лучковая фибула (рис. 2, *10*; 3, *17*), сверху на ней – фибула с кнопкой на конце приемника (рис. 2, *11*; 3, *16*).

В районе правого запястья обнаружен бронзовый браслет (рис. 2, *13*; 4, *1, 1а*). На позвоночнике, на границе грудной клетки и брюшной полости, лежала бронзовая накладка (?) круглой формы (рис. 2, *12*; 3, *12*).

Поверх погребенного был уложен сложносоставной лук с костяными накладками. Деревянная кибить истлела, зафиксированы только костяные накладки. Фрагменты центральной накладки на лук были обнаружены *in situ* в районе таза, они лежали вплотную с севера к верхней половине левой бедренной кости (рис. 2, *15*; 5, *5*).

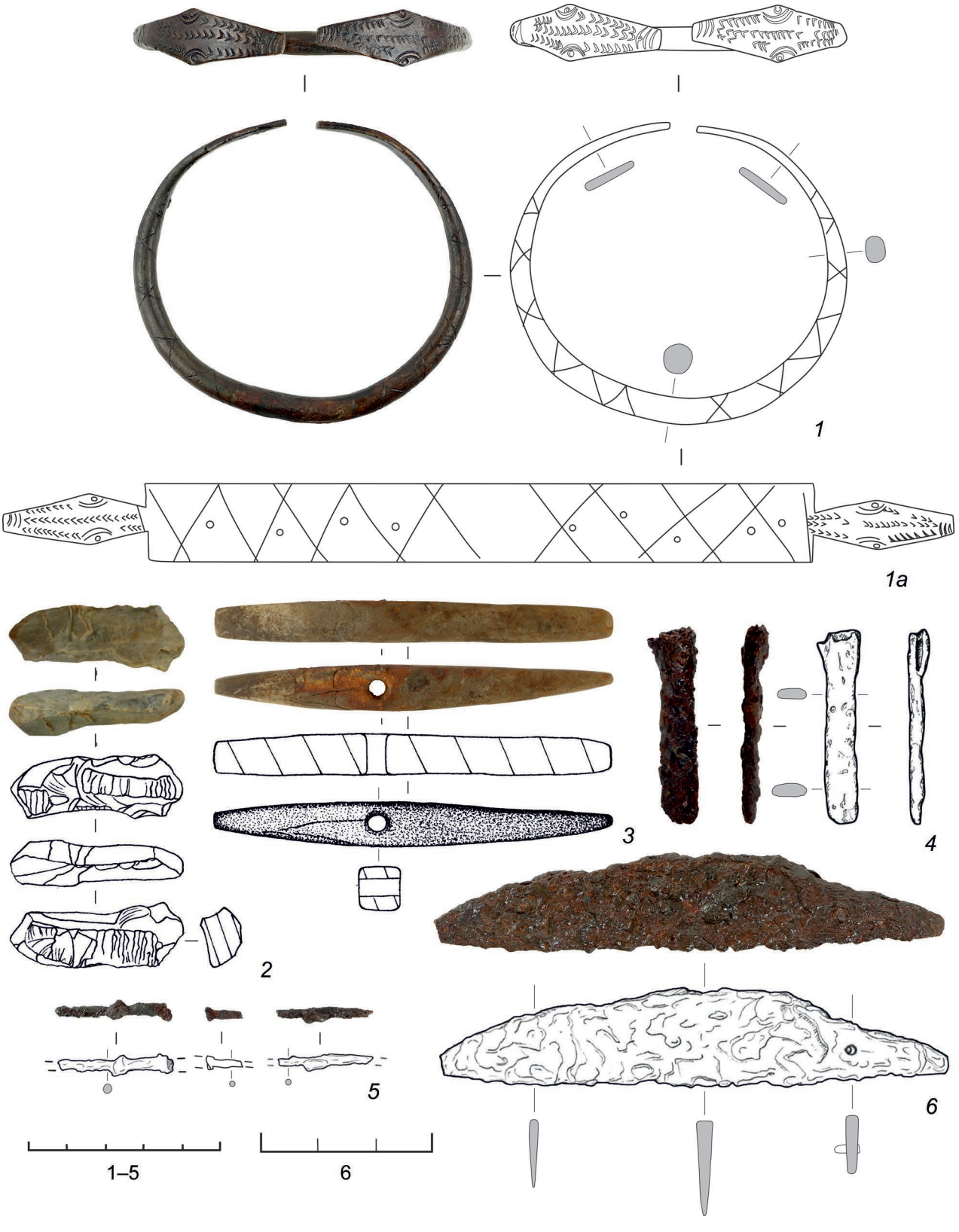


Рис. 4. Могильник Фронтовое 3. Находки. *1, 1а* – браслет; *2* – отщеп; *3* – оселок; *4* – наконечник ременный; *5* – шило (?); *6* – нож. *1* – бронза; *2* – кремень; *3* – песчаник; *4–6* – железо

В районе черепа были найдены две фрагментированные костяные концевые накладки от верхней пары (рис. 5, *1, 2*). В районе дистальной части левой большой берцовой кости лежал железный наконечник стрелы, острием к ногам (рис. 2, *14*; 5, *4*). Предположительно к югу от наконечника располагалась одна концевая накладка нижней пары (рис. 5, *3*). К сожалению, при зачистке концевые накладки были сдвинуты и точное их местоположение определить невозможно.

Верхние парные накладки рассыпались на несколько фрагментов. У одной из накладок фиксировался арочный вырез для тетивы (рис. 5, *1*), у другой не сохранился (рис. 5, *2*). После реставрации удалось установить, что длина наибольшего фрагмента была не менее 13,5 см, а если учитывать отдельные фрагменты, можно предположить, что общая длина могла достигать 20 см. Толщина накладок – 1,2–1,4 см. Накладки прямые, в сечении имели линзообразную форму. Вероятно, нижний край был несколько заострен. Внешняя сторона накладок отполирована, внутренняя имеет ряд параллельных насечек. Накладки выполнены из диафиза плюсны лошади[4].

Нижняя пара представлена концевой накладкой, обнаруженной в виде нескольких фрагментов. После реставрации длина наибольшего фрагмента составляет 13,2 см. В верхней части сохранился арочный вырез для тетивы (рис. 5, *3*). Учитывая наличие еще двух небольших фрагментов, можно предположить, что общая длина была около 20 см, ширина – 1,2–1,4 см. Накладка прямая, в сечении имела линзообразную форму. Нижний край, вероятнее всего, был заострен. Внешняя сторона отполирована, внутренняя имеет ряд параллельных насечек. Накладка выполнена также из диафиза плюсны лошади.

Срединные боковые накладки сохранились не полностью, всего насчитывается пять фрагментов размером от 1×1,4 до 5×2,2 см (рис. 5, *5*). Внешняя сторона отполирована, на внутренней имеются следы от параллельных насечек. На одном из фрагментов на лицевой стороне есть следы красного пигмента. Накладка была изготовлена из лопаточной кости крупного копытного животного.

Комплекс можно датировать достаточно уверенно[5]. Тарелка с клеймом *planta pedis* относится к варианту 4.1 по Д. В. Журавлеву и датируется концом I – первой половиной II в. Кружка может быть отнесена к типу 4 по Д. В. Журавлеву и датироваться первой половиной II в., либо концом I – 3-й четвертью II в. (*Журавлев,* 2010).

Фибула с кнопкой на конце приемника (рис. 3: *16*) по А. К. Амброзу относится к группе 12, варианту 2, который датируется I в. (*Амброз,* 1966. С. 43). Помимо этого в ней присутствует ряд общих черт с вариантами 3 и 6, имеющим более поздние датировки – 2-я пол. I – 1-я пол. II в. (*Амброз*, 1966. С. 43–44). По классификации В. В. Кропотова она относится к варианту 1 группы 9, датированному 2-й пол. I в. – началом II в. (*Кропотов*, 2010. С. 212, 213). Лучковая фибула (рис. 3, *17*) соотносится И. О. Гавритухиным с выделенным им вариантом 1-1-А горизонта ФЛ-1 и датируется последними десятилетиями I в. (*Гавритухин,* 2022. С. 28. Рис. 5, 1-1-А, 2-1-А).

Браслет с ромбовидными пластинчатыми окончаниями в виде змеиных голов относится к типу VI-А по А. А. Труфанову, наиболее ранние образцы которого датированы концом I – началом II в.; к II в. относится время их наибольшего распространения (*Труфанов*, 2009. С. 226). Железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы с лопастями, срезанными под тупым углом, относится к 6-му типу по А. М. Хазанову и 3-му типу по А. В. Симоненко (*Хазанов*, 1971, С. 38; *Симоненко*, 2009. С. 98). Датируются подобные наконечники достаточно широко, по материалам Крыма характерны для комплексов с рубежа I–II в. н. э. по II в. н. э. (*Медведев*, 2021. С. 143).

Среди находок отдельный интерес представляет бронзовая округлая накладка выгнутой формы с отверстием в центре и прорезью от края к центру (рис. 3, 12). Диаметр накладки – около 4,3 см, длина прорези – около 1 см. При обнаружении *in situ* оба конца прорези четко фиксировались, позже один из них был утрачен. Схожие по форме предметы встречены в склепе 620, а также в воинской могиле 848 на могильнике Усть-Альма. В погребении два склепа 620 справа от ног костяка располагались остатки колчанного набора, с которым соотносятся не менее 6 круглых выгнутых предметов диаметром

[4] Определение сырьевых материалов для археологических костяных артефактов выполнено Е. Е. Антипиной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

[5] Слова благодарности выражаю И. О. Гавритухину за ценные наблюдения при датировке комплекса.

Рис. 5. Могильник Фронтовое 3. Находки. *1–3* – концевые накладки на лук; *4* – наконечник стрелы; *5* – фрагменты срединной накладки на лук. *1–3, 5* – кость; *4* – железо

от 2 до 4 см (*Loboda et al*., 2002. Abb. 19, *22, 27, 28*; Abb. 20, *19, 20*). Среди обозначенных предметов по крайней мере один имеет отверстие в центре. Схожей по форме является также костяная пронизь с отверстием в центре, обнаруженная в могиле 848 (*Пуздровский, Труфанов,* 2017. С. 18. Рис. 40: *3*). Металлические предметы из склепа 620, как и костяную пронизь из могилы 848, А. Е. Пуздровский определяет в качестве деталей портупейных и колчанных креплений и датирует в рамках I – начала II в. (*Пуздровский*, 2007. С. 135–136. Рис. 91, *I.1–2*; 91, *V*). Исходя из вышесказанного, описываемая накладка также может относиться к предметам, связанным с колчанным набором. При этом наличие прорези может свидетельствовать о том, что она могла выполнять помимо эстетической еще и унитарную функцию.

Остальные находки, обнаруженные в погребении, не противоречат указанным датам. Несмотря на то что фибулы из могилы 280 выглядят несколько архаичнее, чем краснолаковая посуда и браслет, по совокупности предметов погребение можно предварительно датировать концом I – началом II в.

В археологической литературе сложносоставные луки с костяными накладками традиционно именуются луками гуннского типа. Этот термин используется в том числе и для сарматских комплексов I–II вв. Наиболее ранние сложносоставные луки известны у хунну в III в. до н. э. (*Худяков*, 1993. С. 121–122), в сарматских памятниках ранние находки луков подобного типа относятся к I–II вв. н. э. (*Хазанов*, 1971. С. 28). В самом начале нашей эры сложный лук с костяными накладками бытует на обширной территории. Подобные находки известны в Южной Сибири, на Алтае, в Казахстане, Средней Азии, Поволжье (*Худяков*, 1993; *Коновалов*, 1976; *Горбунов, Тишкин*, 2006; *Хабдулина*, 1994. С. 72. Табл. 42, 44; *Свиридов*, 2008. Рис. 2, *5, 6*; *Литвинский*, 1966; *Скрипкин*, 1998. С. 107. Рис. 10, *17* и др.). Подробный разбор эволюции и распространения таких луков, в том числе первых веков н. э., приведен в работе А. М. Хазанова «Очерки военного дела сармат» (*Хазанов*, 1971. С. 28–35). Современными исследователями сложносоставные луки разделяются на две хронологические группы по форме окончания концевых накладок. К более раннему, интересующему нас времени относят луки с узкими, слегка закругленными окончаниями. Для гуннского и более позднего времени характерны накладки с расширением на концах (*Моисеев и др.*, 2015. С. 21; *Казанский*, 2022. С. 141). При этом типология второй группы разработана гораздо лучше (*Савин, Семенов,* 1989; *Круглов*, 2005).

Ближайшими аналогиями луку из Фронтового являются находки, обнаруженные в погребении 1 кургана 1 у с. Пороги Винницкой обл. Украины, датированном второй половиной I в. (*Симоненко, Лобай*, 1991. С. 13–14. Рис. 3, 5), а также погребение в кургане 29 у станицы Усть-Лабинской на Кубани, которое датировано второй половиной I – II в. н. э. (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 10, 37. Табл. 37, *345*). В богатом мужском погребении у с. Пороги обнаружены две срединные и три концевые накладки. Судя по расположению накладок, длина лука в спущенном состоянии составляла около 120 см. Только на одной накладке сохранился вырез для тетивы. Внешняя часть залощена, внутренняя покрыта насечками. Отличительной особенностью накладки является округлое отверстие на ее краю. В кургане у станицы Усть-Лабинской накладки на лук представлены обломками концевой и срединной накладок.

Лук из Фронтового сближают с луком из могилы у с. Пороги несколько признаков. Во-первых, по классификации хуннских луков Ю. С. Худякова они оба, скорее всего, относятся к типу 1 – лук с двумя парами концевых боковых и парой срединных боковых накладок (*Худяков*, 1993. С. 109). Во-вторых, их сближает отсутствие одной накладки. В могиле 280 одна накладка отсутствует в нижней паре, у лука из Порогов дается информация об отсутствии одной накладки, но не указывается, от какой пары. Отсутствие одной накладки в погребении из Порогов А. В. Симоненко объясняет тем, что лук мог быть уложен уже без накладки или преднамеренно испорчен (*Симоненко*, 2009. С. 92). Схожую идею высказывал ранее и А. М. Хазанов. Исследователь, принимая во внимание этнографические наблюдения, предполагает, что сложные луки были дорогим оружием и в связи с этим встречаются довольно редко в погребениях. В отдельных случаях вместо самих луков могли класть деревянные модельки либо не целый лук, а сломанный или его часть. Как подтверждение этому он отмечает, что часто в непотревоженных погребениях находят 1–3 костяные накладки (*Хазанов,* 1971. С. 35).

Среди комплексов конца I – начала II в. на могильнике Фронтовое 3 известна группа

воинских погребений. В них обнаружены длинные железные мечи, короткие мечи и кинжалы, предметы конской упряжи (*Свиридов*, 2020). Железные наконечники стрел в погребениях синхронного времени на Фронтовом известны всего в двух комплексах. В могиле 292 наконечник обнаружен среди ребер погребенного и вряд ли может расцениваться как элемент погребального инвентаря. В могиле 326 был погребен мужчина с железным мечем и кинжалом с кольцевым навершием. В ногах обнаружен комплекс предметов, среди которых группа наконечников стрел.

Анализируя набор инвентаря воинских погребений могильника Фронтовое 3, можно сделать некоторые предположения. Первое: погребение мужчины с луком из могилы 280, вероятнее всего, не относится к кругу воинских, так как отсутствует традиционный для таких комплексов набор инвентаря. Второе: погребальный обряд могилы хоть и схож с большинством захоронений Фронтового, но имеет некоторую особенность, представленную в виде обособления части керамической посуды в отдельном отсеке, образованном камнем, а также в использовании деревянного предмета для размещения части инвентаря. Наличие пряжки ременного наконечника может свидетельствовать о своеобразном поясе, на который крепился оселок и могли размещаться каким-либо образом кремень и железный предмет (шило?). Отдельно стоит отметить расположение могилы на некрополе. Она является крайней с юго-запада среди могил ранней части памятника, тем самым находясь несколько обособленно, в стороне от основных погребений.

Редкое помещение в могилу луков, в том числе и сложных, объясняется исследователями либо трудностью изготовления и дороговизной изделия (*Симоненко*, 2009. С. 90), либо ритуальными соображениями (*Медведев*, 2021. С. 142). Для раннего периода развития некрополя Фронтовое 3 характерно наличие целого круга богатых погребений, в том числе и с элементами воинского погребального инвентаря. В связи с этим связывать отсутствие луков с их дороговизной, по крайней мере для Фронтового, не представляется объективным. Наличие одного наконечника стрелы, а не колчанного набора также может свидетельствовать об особом, не военном статусе его присутствия в могиле. Вероятнее всего, здесь необходимо учитывать в первую очередь особый социальный статус погребенного, захороненного с предметом вооружения, но не относящегося к категории воинов.

В связи с этим интересно рассмотреть некоторые аспекты верований традиционного общества на примере тюркской традиционной культуры. К примеру, атрибутами многих алтайских шаманов были лук и стрелы, употреблявшиеся для оборонительных или гадательных церемоний (*Ларенок*, *Ларенок*, 2019. С. 270). Одними из многозначных символов, проявляющихся в различных сферах традиционной тюркской культуры, являются лук со стрелой. Относясь к числу древнейших мифологем, они занимали особое место в шаманском мифе и ритуале (*Львова и др.*, 1988. С. 134). Стрела выступала аналогом центральной оси, элементом, соединяющим миры, носителем оплодотворяющего начала (*Львова и др.*, 1988. С. 135). Ритуальная стрела считалась средоточием благополучия дома, служила оберегом его обитателей. Подтверждение о связи стрелы с жизнью семьи и рода исследователи видят в лексике тюркских языков, где слово «ук»/«ок» (стрела) одновременно означает «род», «племя», «происхождение». Обладание стрелой означало обладание особой силой, наследуемой от предков. Поэтому лук и стрела являются древнейшими атрибутами родового шаманства. Так, с помощью лука, используемого преимущественно для гадания и ворожбы, шаман обслуживал только родственников. В процессе камлания шаман запускал в небо стрелы, одновременно «поднимался» на небо, преодолевая его слои (*Львова и др.,* 1988. С. 135).

В заключение еще раз отметим, что помимо приведенных выше аналогий с алтайскими традициями целый ряд моментов отличает погребение в могиле 280 от синхронных комплексов могильника Фронтовое 3. К ним относится присутствие в могиле особого набора инвентаря, включающего лук и стрелу, предметов, связанных с культом огня (кремень); наличие особенностей в погребальном обряде; расположение могилы на памятнике. Все эти моменты позволяют в качестве рабочей гипотезы предположить, что рассматриваемое в статье погребение является захоронением человека особого статуса, вероятнее всего связанного с культом.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Гавритухин И. О., 2022. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 22–43.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. № 2. С. 91–110.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., 2006. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 79–85.

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. Спб.: Фарн. 172 с.

Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Деметра (МАИЭТ, Supplementum 9).

Казанский М. М., 2022. Погребения лучников гуннского времени в северном Иллирикуме // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и эпоху Средневековья: Материалы II российско-сербской археологической конференции «Славяне в мире Балкан и Восточной Европы: историко-археологическая панорама» (14–21 мая 2017 г., г. Москва) / Ред. О. Румянцева, С. Трифунович. М: ИА РАН, Музей Воеводины. С. 138–147.

Коновалов П. Б., 1976. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 248 с.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина. 384 с.

Круглов Е. В., 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. С. 73–142.

Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2019. Погребение золотоордынского времени из Таганрога (интерпретация источника) // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Сб. статей / Редколл.: Е. В. Круглов, А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина; ФГБОУ ВО ВГСПУ; ВООД ВДАО; ВРО ВООПИиК. Волгоград: Сфера. С. 260–277.

Литвинский Б. А., 1966. Сложносоставной лук в древней Средней Азии // СА. № 4. С. 51–69.

Медведев Г. В., 2021. Луки и стрелы в погребальном обряде Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // ПИФК. № 4. С. 137–162.

Моисеев А. В., Козмирчук И. А., Обломский А. М., 2015. Поселение и могильник Ксизово-16 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А. М. Обломский. Москва: ИА РАН, 2015. С. 15–29.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия. II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь – М. 369 с.

Савин А. М., Семенов А. И., 1989. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // 1-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 104 –107.

Свиридов А. Н., 2008. Исследования погребения рубежа эр в Акмолинском Приишимье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 2. С. 24–247.

Свиридов А. Н., 2020. Могильник Фронтовое 3. Общие сведения и характеристика погребального обряда // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 15–21.

Симоненко А. В., 2009. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Спб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 328 с. (Historia Militaris).

Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка. 111 с.

Скрипкин А. С., 1998. Материалы Сусловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. С. 104–124.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С., 1988. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. 2019. Пространство и время. Вещный мир / Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 225 с.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. № 4. С. 117–328.

Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс. 170 с.

Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. Москва: Наука. 171 с.

Худяков Ю. С., 1993. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН. С. 107–108.

Loboda I. I., Puzdrovskij A. E., Zajcev J. P., 2002. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Grabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.

Резюме. В статье публикуются уникальный комплекс могилы 280 из некрополя Фронтовое 3. В погребении поверх костяка мужчины были обнаружены остатки сложносоставного лука. Погребение по найденному в нем инвентарю датируется концом I – началом II в. н. э. Ранее для этого хронологического этапа на территории Крыма не были известны находки луков подобного типа. Ближайшие аналогии происходят с территории Украины и Краснодарского края. Погребальный инвентарь могилы отличается от типичного набора воинских захоронений Юго-Западного Крыма, что может свидетельствовать об особом статусе умершего.

Ключевые слова: римское время, сложносоставной лук, Фронтовое, Юго-Западный Крым.

A. N. Sviridov

The burial of the end of the 1st – early 2nd centuries with composite bow from the Frontovoe 3 cemetery

Abstract. The article presents a unique burial complex from grave 280 of the Frontovoe 3 burial ground. In the burial, remains of a composite bow the were found. They were discovered above the male's skeletal remains. Based on the inventory, the dating of this burial is estimated to be from the late 1st to the early 2nd century AD. Similar bows of this type were not known in the Crimea region for this chronological period. The closest analogies are found in the territory of Ukraine and the Krasnodar region. The burial inventory in this grave differs from the typical set of warrior burials in the South-Western Crimea. It may suggest a special status of the buried person.

Keywords: Roman period, composite bow, Frontovoe, South-western Crimea.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.152-160

ЗАУПОКОЙНАЯ ПИЩА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ МОГИЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ КИЛЬ-ДЕРЕ 1

Е. Ю. Полянская, Е. Е. Антипина, С. В. Язиков

Инкерманским отрядом Крымской новостроечной экспедиции Института археологии РАН под руководством С. В. Язикова и А. Н. Свиридова в 2020 г. были проведены спасательные археологические работы (раскопки) в центральной части Инкерманской долины, на территории могильника римского времени Киль-Дере 1.

Основу могильника составляют грунтовые погребения с одним или двумя подбоями, также встречаются грунтовые могилы с каменными ящиками и кремации в амфорах. Крупнейшая коллекция позднескифских каменных надгробий, собранная на могильнике Киль-Дере 1, говорит об особом статусе этого кладбища для населения ближайшей округи Херсонеса и всего Юго-Западного Крыма, так как каменные стелы могли себе позволить лишь привилегированные члены общества (*Язиков и др.*, 2023. С. 8). Погребальный инвентарь свидетельствует о функционировании могильника в широких хронологических рамках с рубежа I–II вв. н. э. до конца IV в. н. э.

В ходе спасательных археологических раскопок изучено 318 погребальных конструкций (рис. 1), большая часть которых была разрушена в ходе интенсивного разграбления памятника и лишь 28 погребений оказались непотревоженными. Остатки животных фиксировались в самих погребениях как находки отдельных крупных костей (рис. 2), так и совокупностей мелких костей, в частности, от скелетов птиц в ритуальных мисках (рис. 3), а также в грабительских ямах и в непосредственной близости к разрушенным захоронениям.

При изучении собранного остеологического материала были решены такие задачи, как определение видового состава жертвенных животных, анатомической и таксономической принадлежности костей и, когда это возможно, установление размерных характеристик и относительного возраста животных. Цель данной публикации – введение в научный оборот результатов этого исследования, которые впоследствии могут быть использованы (в соотнесении с данными по вещевому комплексу и с антропологическими характеристиками захороненных индивидуумов) для реконструкции особенностей погребальных ритуалов населения Инкерманской долины в римский период античной истории Крымского полуострова.

Материал и результаты исследования

Собранная при раскопках остеологическая коллекция включает 97 отдельных костей животных, а также 15 совокупностей остатков скелетов птиц. Однако их принадлежность к конкретным погребениям удалось установить только в 79 случаях, в том числе к 8 погребениям, не подвергшимся разграблению. Эта часть коллекции с точной привязкой к погребальным комплексам римского времени составила 94 кости животных и 13 совокупностей костных остатков птицы. Совокупности костей птиц независимо от количества остатков в них принимаются далее за один объект, т. е. за единицу в таблицах с указанием числа костей. Остатки животных, обнаруженные в трех грабительских ямах, несомненно, синхронны времени бытования могильника, однако отнести их к конкретным погребениям не представлялось возможным, поэтому они не учитываются далее при анализе коллекции. Не учитывается также почти полный скелет теленка (возрастом 2–3 месяца), обнаруженный в блиндаже времен Великой Отечественной войны (объект 10), прорезавшем погребение 228.

Естественная сохранность костных остатков из погребений римского времени достаточно однородна: при сохранении общей формы поверхностный слой компакты значительно разрушен (рис. 4). Такое состояние оценивается в диапазоне 2–3 балла по пятибалльной шкале, где 5 баллов фиксируют наилучшую сохранность кости (*Антипина*, 2016. С. 107).

Тем не менее состояние материала позволило провести точную анатомическую

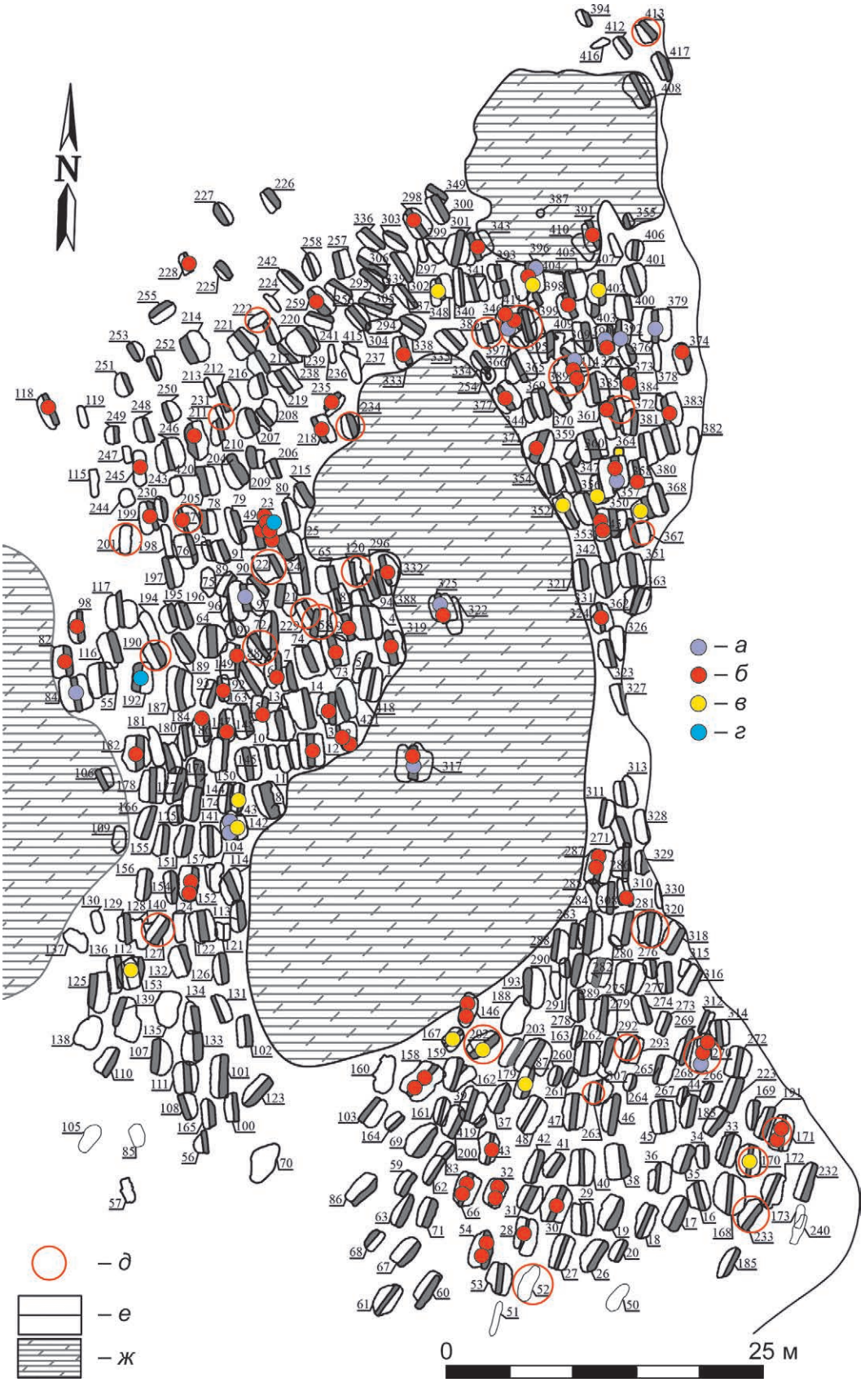


Рис. 1. Могильник Киль-Дере 1. Общий план.
а – птицы, *б* – КРС, *в* – МРС, *г* – лощадь, *д* – неграбленая могила, *е* – линия обрыва, *ж* – скальный выход

Рис. 2. Могильник Киль-Дере 1. Погребение 171. Детали погребального инвентаря и диафиз плечевой кости КРС

Рис. 3. Могильник Киль-Дере 1. Погребение 397. Детали погребального инвентаря и кости птицы

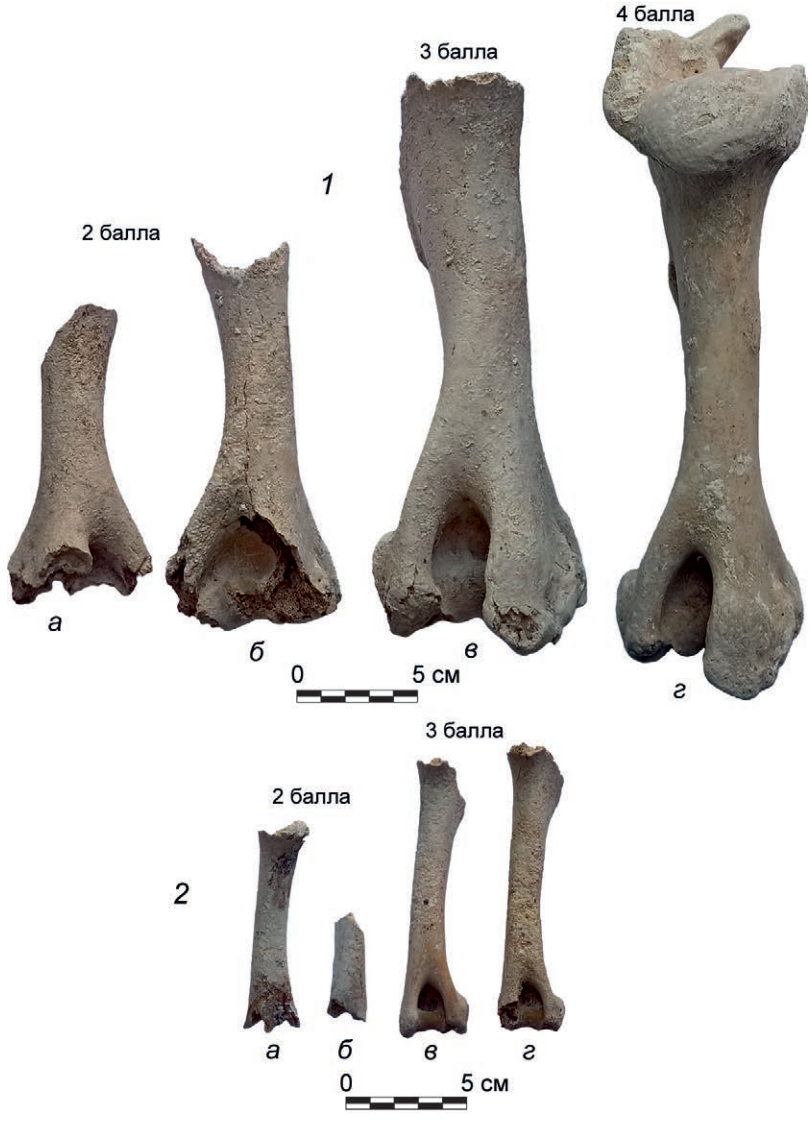


Рис. 4. Могильник Киль-Дере 1. Тафономическое состояние костей животных:
Оценка сохранности по пятибалльной шкале (*Антипина*, 2016).
1 – плечевые кости КРС: *а* – погребение 325, *б* – погребение 211, *в* – погребение 23, *г* – погребение 182;
2 – плечевые кости МРС: *а* – погребение 302, *б* – погребение 143, *в* – погребение 112, *г* – погребение 179

и таксономическую идентификацию для 96,8% костей млекопитающих. Среди остатков этой группы определены главным образом кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*, далее КРС) и овец (*Ovis aries*, далее МРС); обнаружены также скелетные элементы лошади и зайца, которые представлены единичными находками (табл. 1). Таксономическое определение птичьих костей еще не закончено, но, по экспертной оценке, ряд костей птиц из находок в мисках достоверно принадлежал некрупным курам *Gallus gallus* (взрослым и молодым птицам). Далее при анализе материала все остатки птиц фигурируют только на уровне их таксономической идентификации как птичьих.

Наиболее многочисленными в коллекции оказались кости КРС (72 кости в 60 погребениях; табл. 1). В большинстве своем это плечевые кости (66 экз. в 54 погр.; табл. 2). Также присутствуют две бедренные кости (погр. 23 и 390), фрагменты нижних челюстей (погр. 353 и 146) и зубов (погр. 146, 152). Преобладание элементов от какой-либо стороны скелета среди всех этих остатков, прежде всего по плечевым костям, не прослеживается.

Кости МРС (овец) по количеству составляют вторую группу находок в погребениях. Они представлены плечевыми костями (12 экз. в 12 погр.; табл. 2), одной бедренной (погр. 350), одной таранной (погр. 49), зубом (погр.

Таблица 1. Могильник Киль-Дере 1.
Таксономический состав жертвенных животных в погребениях римского времени

Таксоны	Число костей млекопитающих и число совокупностей птичьих остатков	Число погребений с костями конкретных таксонов
КРС (*Bos taurus*)	72	60
МРС (*Ovis aries*)	16	16
Лошадь (*Equus caballus*)	2	2
Заяц (*Lepus sp.*)	1	1
Неопределенное крупное копытное	3	3
Птица (число совокупностей)	13	13
Всего костей и совокупностей по таксонам	**94 + 13**	**В 79 погребениях достоверно зафиксированы кости животных**

Таблица 2. Могильник Киль-Дере 1. Анатомический состав костных остатков жертвенных копытных животных в погребениях римского времени и соотнесение числа их костей и числа погребений, в которых они зафиксированы

Элементы скелета (названия русский/латинские сокращения)		КРС	МРС (овца)	Лошадь	Неопределимое крупное копытное
		Число костей (число погребений)			
Плечевая кость	HUM	66 (54)	12 (12)		2 (2)
Зубы	DEN	2 (2)	1 (1)	1 (1)	
Бедренная	FEM	2 (2)	1 (1)		
Нижнечелюстная	MND	2 (2)			
Кости черепа	CRA		1 (1)		
Таранная	AST		1 (1)		
Ребра	COS				1 (1)
Пястная кость	MTC			1 (1)	
Соотнесение общего числа костей и числа погребений		**72 (60)**	**16 (16)**	**2 (2)**	**3 (3)**

352) и фрагментом черепа (погр. 353), с небольшим преобладанием костей от правой стороны скелета по плечевым костям. Подчеркнем, что среди 16 остатков мелкого рогатого скота точная их таксономическая принадлежность овце *(Ovis aries*) установлена по ряду общепринятых достоверных признаков (*Prummel, Frisch*, 1986. P. 570) лишь для пяти плечевых костей, астрагала и фрагмента черепа, что составляет чуть менее половины их общего количества. На остальных плечевых костях МРС из коллекции Киль-Дере 1 диагностические области эпифизов не сохранились. Однако все они обнаружили большое сходство по особенностям морфологии и размерам с плечевыми костями овец (48 точно идентифицированных костей) из синхронного грунтового могильника Фронтовое 3, также расположенного в окрестностях Севастополя (*Свиридов и др.*, 2023. С. 158). Поэтому с небольшой долей условности мы отнесли все скелетные остатки МРС из могильника Киль-Дере 1 к овцам.

Единственная кость зайца представлена позвонком молодого животного (погр. 374), а остатки

Таблица 3. Могильник Киль-Дере 1. Относительный возраст жертвенных животных КРС и МРС в погребениях римского времени

Возрастные группы	КРС	МРС (овца)
	Число костей (число погребений)	
1–1,5 года	2 (2)	
2–3 года	8 (8)	
3,5 года	2 (2)	
3–3,5 и старше	35 (30)	
Почти/вполне взрослая особь	25 (24)	
Молодая/почти взрослая: 0,5–2 года		11 (11)
Вполне взрослая: старше 2 лет		5 (5)
ВСЕГО	**72 (60)**	**16 (16)**

лошади – зубом взрослого животного (погр. 192) и небольшим фрагментом пястной кости (погр. 23).

Неопределимые до видового уровня кости принадлежат крупному копытному, это фрагмент ребра (погр. 302) и два фрагмента двух плечевых костей (погр. 268 и 404). Судя по некоторым морфологическим признакам, они с большой долей вероятности могут быть отнесены к костным остаткам КРС.

Анатомический и видовой состав костей жертвенных животных однозначно фиксирует (за единичными исключениями) их происхождение из мясных отделов туш домашних копытных, в частности, крупного и мелкого рогатого скота. Учитывая эту информацию, а также расположение этих костей в могильных ямах и сопутствующий инвентарь (в восьми случаях остатки были зафиксированы *in situ* – в мисках, тарелках либо рядом с ними, в том числе в комплексе с железным ножом), можно утверждать, что большинство из них являются остатками заупокойной или напутственной пищи (рис. 3, 4). Птицы также являются достаточно типичной для римского времени сопутствующей погребенному пищей (*Lauwerier*, 1993. P. 77).

Обсуждение

Полученные результаты дают основание для характеристики остеологической коллекции как остатков заупокойной пищи и для обсуждения двух аспектов погребальной практики римского времени у населения южных территорий Крыма: возрастные и морфологические характеристики жертвенных животных и регламентация состава заупокойной/напутственной пищи.

Аспект 1. Полученные по плечевым костям данные (на основе оценки степени прирастания так или иначе сохранившихся эпифизов) о возрастном составе КРС, туши которого использовались для заупокойной пищи погребенных, свидетельствуют, что среди этих животных отсутствуют особи моложе 1 года. Принесенных в жертву представителей КРС можно условно разделить на две группы: это молодые особи – от 1 года до 3–3,5 лет (12 костей) и животные старше 3–3,5 лет (35 костей, включая остатки бедра, нижних челюстей и двух зубов; табл. 3). Невозможность более точного определения особей из второй возрастной группы (от 3,5 лет и старше) и неясность, насколько старыми могли быть эти жертвенные животные, связаны в первую очередь с анатомическим составом остатков от заупокойной пищи. По плечевым костям точный возраст вполне взрослых домашних копытных (для КРС после 3–3,5 лет) достоверно неустановим. Впрочем, некоторое уточнение для этой группы удалось сделать по степени стертости двух нижних коренных зубов из двух погребений: эти остатки принадлежали особям в возрасте 4–6 лет. Отдельную подгруппу составили 25 диафизов плечевых костей с полностью разрушенными эпифизами, по которым определение относительного возраста жертвенных особей крайне затруднено. Однако их размерные характеристики соответствуют костям от почти взрослых или уже вполне взрослых особей. Вероятнее всего, эти остатки могут происходить от особей старше 3 лет, но могут

Таблица 4. Могильник Киль-Дере 1. Встречаемость разных вариантов состава заупокойной пищи и других остеологических объектов в погребениях римского времени

Виды животных	Число погребений	%	%
КРС	40	50,5	75,8
КРС + КРС	9	11,3	
КРС + заяц	1	1,3	
КРС + лошадь	1	1,3	
КРС + МРС	1	1,3	
КРС + МРС + птица	2	2,5	
КРС + птица	5	6,3	
КРС + птица + неопред.	1	1,3	
МРС	11	13,9	16,5
МРС + птица	1	1,3	
МРС + неопред (ребро)	1	1,3	
Птица	4	5,1	5,1
Лошадь	1	1,3	1,3
Неопределимое копытное	1	1,3	1,3
ВСЕГО	**79**	**100,0**	**100,0**

включать и более молодых животных в возрасте 2–2,5 лет.

Оценивая установленную для жертвенных животных из могильника Киль-Дере возрастную структуру, следует подчеркнуть, что коровы в возрасте 2–5 лет представляют особую хозяйственную ценность для поддержания маточного стада. Тогда как молодые бычки в возрасте от 1 до 3 лет, достигшие почти взрослых весовых кондиций, как правило, разделяются на две группы: большинство «расходуется» как основной мясной ресурс, а меньшая часть остается для воспроизводства. Несомненно, что с позиций экономической целесообразности именно быки из этой возрастной группы могли быть наиболее востребованным вариантом жертвенных животных для погребальных обрядов. В нарративных источниках римской эпохи нередко можно обнаружить указание на забой быков – и молодых, и взрослых – как наиболее статусной погребальной жертвы, а также для поминальной и заупокойной пищи (*Тацит*. Анналы. VI, 37).

Сравнение длины 10 плечевых костей (как целых, так и с разрушенной проксимальной частью) от взрослых и почти взрослых особей КРС, рост которых уже завершен, обозначило различия в размерах костей и, соответственно, в габитусе животных. Нами установлено, что максимальные отличия по длине костей достигают 3,9 см, что означает использование в погребальной практике почти взрослых и взрослых животных разной конституции – и небольших грацильных, и более массивных крупных особей. Такие различия вероятнее всего могут быть соотнесены с проявлениями полового диморфизма КРС: в одной породной группе быки нередко крупнее и массивнее коров. Можно предположить, что среди взрослых жертвенных животных были и коровы, и быки.

По причине неудовлетворительной сохранности остатков МРС определение относительного возраста жертвенных животных удалось сделать в условных и достаточно широких границах. Достоверно можно говорить лишь о том, что большая часть костей (11 из 16) принадлежала молодым или почти взрослым особям (табл. 3), возраст которых может быть обозначен рамками от 6 месяцев до 2 лет. Среди костей МРС не оказалось ни одной целой кости, пригодной для измерения. Поэтому размеры сохранившихся частей плечевых костей оценивались на качественном уровне по трем размерным группам: крупные, средние, мелкие. Зафиксировано присутствие среди жертвенных особей представителей всех трех групп с некоторым превалированием среднемелких по размерам

животных. Наиболее крупные особи, вероятнее всего, были самцами – баранами. В сравнении с современными породами все особи МРС, использованные как жертвенные животные, по размерам окажутся среди среднемелких породных групп.

Аспект 2. Как уже было показано выше, среди костных остатков, маркирующих заупокойную пищу, оказались почти исключительно плечевые кости КРС и МРС и лишь единичные находки бедренных костей этих видов. По-видимому, это означает существование некоего устойчивого погребального регламента по включению именно переднего окорока этих животных в комплекс заупокойной или напутственной пищи. В каком варианте использовалась эта часть туши – сырое или вареное мясо на кости? Или символически – только кость, очищенная от сваренного мяса? На эти вопросы ответить не удается вследствие неудовлетворительной сохранности костей.

Анализ встречаемости разных видов и их сопряженности в погребальных комплексах выявил, что наиболее часто, в 75,8% случаев (60 погребений из 79) в составе заупокойной пищи обязательно присутствовала хотя бы одна часть туши КРС (табл. 4). При этом вариант заупокойной пищи только с КРС оказался в наибольшем числе погребений (49 из 60, табл. 4). В других вариантах в состав заупокойной пищи помимо КРС были включены птицы (6 погребений), птицы и МРС (2 погребения). В единичных случаях наряду с костями КРС обнаружены фрагмент метаподия лошади и позвонок зайца, отнесение которых к заупокойной пище маловероятно.

Части туши МРС (опять же в основном передние окорока) выступали доминантой в качестве заупокойной пищи в 13 случаях (16,5% от всех 79 погребений; табл. 4). Кости исключительно птицы встречаются в 4 погребениях (5,1% погребений), а в сочетании с костями домашних копытных – в 9 погребениях (11,4%).

Все эти зафиксированные варианты состава заупокойной пищи также подчеркивают явную регламентацию использования одной из мясных частей туш (переднего окорока) КРС и МРС в погребальных ритуалах населения, оставившего могильник Киль-Дере 1.

Но, пожалуй, как наиболее интересные варианты стоит отметить сочетание костных остатков КРС и МРС, встреченное трижды, причем в двух случаях в погребениях присутствовали и кости птицы. В этих вариантах статусность жертвенной туши КРС явно усилена дополнительной жертвой барана и птицы, что, в свою очередь, вероятно, подчеркивает высокую социальную позицию погребенных индивидуумов.

И в заключение подчеркнем, что обсуждаемые выше аспекты погребальной практики свидетельствуют об эффективности включения археозоологической информации в процесс изучения погребального обряда и необходимости ее сопряжения с антропологическими и археологическими данными по памятнику.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., Полянская Е. Ю., Антипина Е. Е., 2023. Остеологические материалы в реконструкции погребального обряда могильника Фронтовое 3 (предварительные результаты) // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: Сб. статей в честь 70-летия Михаила Казанского / Отв. ред.: А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 155–163.

Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. 1993. Соч. в 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения / Ред. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Пер. А. С. Бобовича. М.: Ладомир. С. 7–326.

Язиков С. В., Волошинов А. А., Свиридов А. Н., 2023. Каменные изваяния могильника Киль-Дере 1 (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 32). М.: ИА РАН. – 204 с.

Lauwerier, R. C., 1993. Bird remains in Roman Graves // Archaeofauna, 2. P. 75–82.

Prummel W., Frisch H.-J., 1986. A guide for the distinction of species, sex, and body side in bones of sheep and goat // Journal of Archaeological Science, 13. P. 567–577.

Резюме. В статье публикуются результаты исследования остеологического материала из погребальных комплексов грунтового могильника Киль-Дере 1, отнесенного к остаткам заупокойной или напутственной пищи. В научный оборот вводится корпус данных по видовому составу жертвенных животных, анатомической принадлежности костных остатков, их возрастные, размерные характеристики и анализ встречаемости и сочетания разных видов.

Ключевые слова: археозоология, грунтовый могильник, заупокойная пища, погребальный обряд, Причерноморье, римское время.

E. Yu. Polyanskaya, E. E. Antipina, S. V. Yazikov

Funeral Meal in the Burial Complexes of the Roman Burial Ground Kil-Dere 1

Abstract. The article publishes the results of a study of osteological material from the burial complexes of the Kil-Dere 1 burial ground, classified as the remains of funeral or farewell food. A corpus of data on the species composition of sacrificial animals, the anatomical identity of bone remains, their age and size characteristics, and an analysis of the occurrence and combination of different species is introduced into scientific circulation.

Keywords: archaeozoology, burial ground, funeral food, Black Sea region, Roman period.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.161-184

О ХАРАКТЕРЕ КОНТАКТОВ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОГО И САРМАТСКО-ПОЗДНЕСКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПИ (I – II ВВ. Н. Э.)

А. М. Обломский

В середине – третьей четверти I в. н. э. происходит кризис или распад зарубинецкой культуры как исторического целого. Признаками кризиса являются исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования всех зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья, массовые миграции населения с этих коренных территорий в различных направлениях вплоть до Западного Буга на западе и до верховьев Десны, Псла, Северского Донца, Оскола и бассейна Хопра на северо-востоке и востоке; изменение топографии поселений (массовое появление селищ на низких припойменных участках или в пойме), инновации в социальной организации (начало ведения хозяйства малыми семьями: на поселениях появляются усадьбы одной-двух семей) и в погребальном обряде.

Кризис (распад) зарубинецкой культуры дал толчок к возникновению нового археологического явления в новых исторических условиях раннеримского времени – позднезарубинецкого (по другой терминологии – постзарубинецкого) культурно-хронологического горизонта (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 5, 6)[1].

Предположение, что продвижение зарубинецких племен из Среднего Поднепровья на север было связано с «активизацией кочевников-сарматов», высказывал П. Н. Третьяков (*Третьяков*, 1970. С. 40, 41). Гипотезу о сарматском нашествии на север как главной причине распада зарубинецкой культуры, основном импульсе этого процесса, сформулировал М. Б. Щукин (*Щукин*, 1986. С. 29, 30; 1994. С. 232, 233). В 2000-е гг. эту идею активно развивает С. В. Воронятов. Согласно его концепции, позднезарубинецкое население т. н. горизонта Лютеж – Почеп по отношению к сарматам занимало подчиненное положение. На сарматов, в частности, работали металлургические центры у Умани и в Лютеже (*Воронятов*, 2012; *Воронятов, Еременко*, 2013).

Тема настоящей работы – анализ информации о контактах сарматского и тесно связанного с ним позднескифского населения с позднезарубинецкими группировками раннеримского периода на территории лесостепи.

В лесостепной зоне в I–II вв. сарматские могильники известны в Верхнем Поднестровье, в Среднем Поднепровье, на водоразделе Днепра и Южного Буга и в бассейне Южного Буга, в Верхнем Подонье. Отдельные пункты находятся на территории Днепровского левобережья. Наиболее полную их сводку недавно опубликовал В. В. Приймак (2022. Табл. 1). Городища и селища оседлого позднескифского населения раннеримского периода изучены в Северном Причерноморье к западу от Днепра (памятники типа Холмское, Мологи), в Нижнем Поднепровье, в Крыму. В лесостепной зоне они распространены в Верхнем Подонье и бассейне р. Воронеж, на Самарской луке Волги и у г. Саратова. Отдельные городища (Битица, Ратское) известны на территории Днепровского лесостепного левобережья и на Северском Донце (*Гудкова*, 1999. С. 242–270; *Обломский*, 2006; *Бирюков*, 2009), а также в Среднем Поднепровье (часть ингумаций могильника Дидов Шпиль, городище Бучак-Лысуха) (*Максимов*, 1982. С. 74, 75; *Обломский, Приймак*, 2020. С. 380–382).

Южные позднезарубинецкие памятники составляют несколько культурных групп, которые распространены в лесостепи на территории бассейна Хопра, в Среднем Поднепровье, бассейне Южного Буга и в Поднестровье (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 100–101. Рис. 1).

Таким образом, племена сарматской, позднескифской культур и население позднезарубинец-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

кого горизонта обитали не только в близком соседстве друг с другом, но даже и на некоторых территориях чересполосно. Их ареалы зачастую перекрывают друг друга, о чем наглядно свидетельствуют карты на рис. 1, 5, 10.

Эти карты по нескольким причинам условны. Во-первых, границы групп позднезарубинецких памятников лесостепи и позднескифских древностей Верхнего Подонья показаны в общем виде и зависят от того, какие участки территорий были обследованы и с какой степенью тщательности. Новые разведки могут эти границы изменить.

Во-вторых, образ жизни не только кочевников-сарматов, но и позднезарубинецких племен был достаточно подвижным. Поселения, возникшие в результате распада зарубинецкой культуры, были относительно кратковременными (*Обломский, Терпиловский, Петраускас*, 1990. С. 7–9). Из-за редкости узко датируемых вещей хронологические рамки не только большинства поселений, но и многих сарматских погребений можно определить лишь в пределах общего периода их существования на той или иной территории, т. е. достаточно широко. Расположение конкретных группировок населения в раннеримский период на тех или иных участках лесостепи могло меняться.

Проблема форм и интенсивности контактов позднезарубинецкого и позднескифско-сарматского населения очень актуальна, но рассматривать ее нужно не в целом, а по конкретным регионам, что вполне позволяет современная источниковая база. Особое внимание при этом нужно обращать на информацию о формах и характере влияния традиций разных культурных групп, о поступлении вещей, характерных для той или иной археологической общности, на памятники другой либо на отсутствие таких сведений.

Восток (лесостепное Подонье, восток Днепровского левобережья)

Территория и хронология. В лесостепном Подонье позднескифские памятники распространены примерно от широты г. Данкова Липецкой обл. на севере до устья р. Воронеж на юге, от среднего течения рек Быстрая Сосна и Красивая Меча на западе до истоков р. Воронеж на востоке. Наибольшая концентрация поселений этого круга отмечена на участке донской лесостепи в средней части долины Дона и в долине р. Воронеж (с притоками) (рис. 1).

Этот массив памятников относится к особой местной группе позднескифской археологической культуры – древностям типа Сырское-Ишутино (*Обломский*, 2017а. С. 322, 323; 2018. С. 57). Точное их количество пока неизвестно из-за отсутствия полного свода. Предварительно, по сведениям И. Е. Бирюкова, их насчитывается более 200 (*Бирюков*, 2020. С. 393).

В ареале позднескифских городищ и селищ известны также сарматские курганы и грунтовые захоронения (*Медведев*, 2008а. С. 33, 82, 116; *Клюкойть и др*., 2018). Если не считать Новониколький и Вязовский могильники, этнокультурная атрибуция которых пока не ясна окончательно (А. П. Медведев допускает, что потомки местного скифского населения сарматской эпохи играли значительную роль в сложении оставивших их общин) (*Медведев*, 2008а. С. 102–110), по карте, опубликованной А. П. Медведевым в 2008 г., их насчитывается 19 пунктов, с уточнениями по последующим публикациям (*Березуцкий и др*., 2021) – 24 могильника и одиночных погребения. Они локализуются в основном в низовьях р. Воронеж и около них (*Медведев*, 2008а. Рис. 1). В среднем течении этой реки находятся царский курган на окраине г. Липецка и рядовой сарматский могильник в центре города.

Сарматские памятники известны, кроме того, в междуречье Дона и Хопра и в Прихоперье – 34 пункта западнее бассейна р. Медведицы (*Берестнев*, 2020. Рис. 1; *Березуцкий и др.*, 2021. Рис. 41) (рис. 1). Однозначно определимых следов позднескифского населения в этом регионе пока не отмечено.

К западу от Верхнего Подонья (точнее, от водораздела Дона и р. Оскол) днепро-донецкая лесостепь в раннеримский период занята в основном позднезарубинецкими памятниками. В их составе выделяются древности типа Картамышево, которые локализуются к западу от водораздела Днепра и Дона, т. е. на востоке Днепровского лесостепного левобережья (17 поселений, исследованных раскопками), и круга Терновки, распространенные в бассейне Северского Донца и Оскола (10 поселений) (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 54–66). Известны на этой территории и отдельные памятники типа Гриней (Вовки, Рябовка-3 на Днепровском лесостепном левобережье и, вероятно, Раковка в бассейне Северского Донца) (*Обломский*, 2002. С. 15),

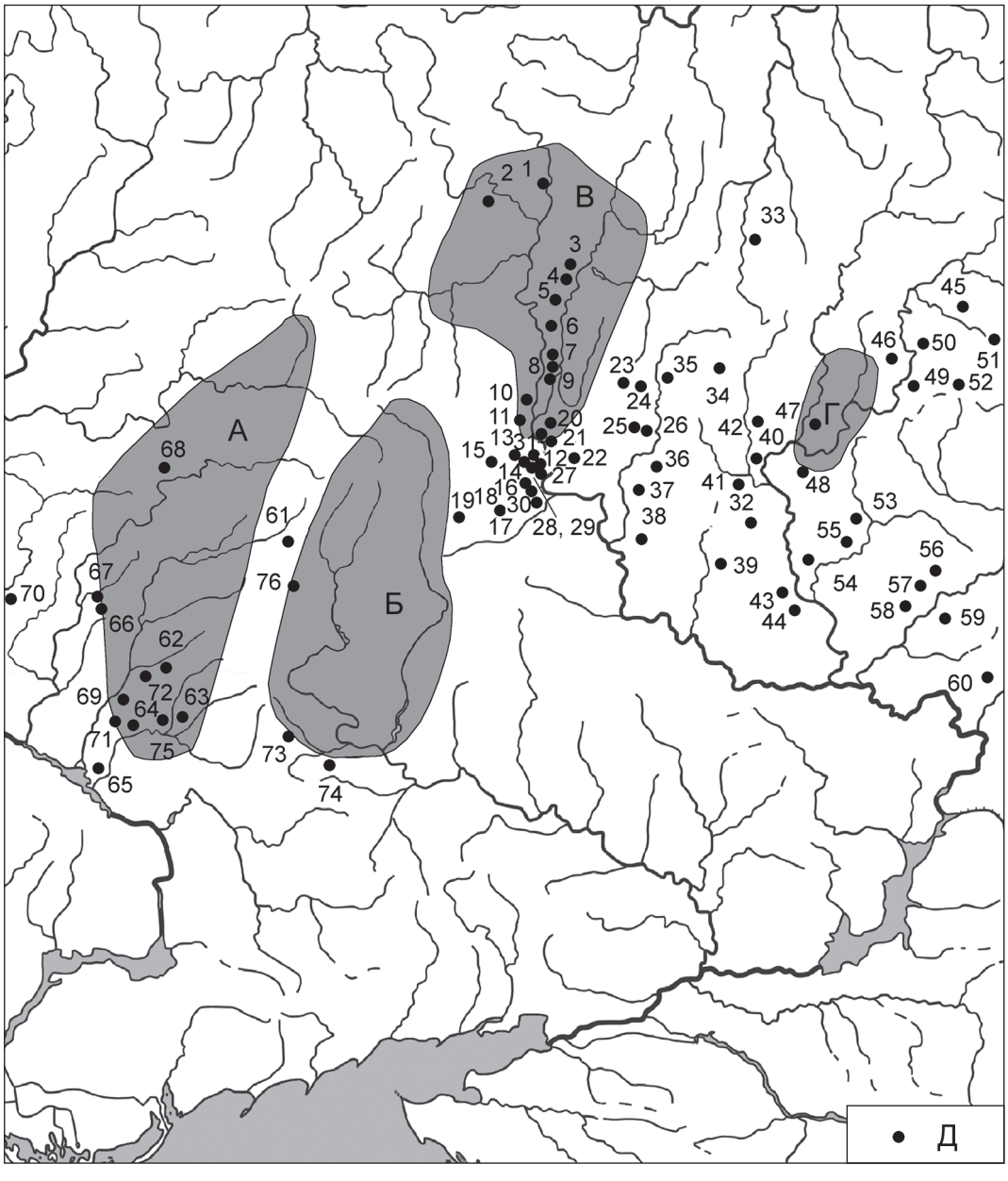


Рис. 1. Позднезарубинецкие, позднескифские и сарматские памятники первых веков н.э. в лесостепном Подонье и на востоке Днепровского левобережья.
А – позднезарубинецкие памятники типа Картамышево; Б – позднезарубинецкие памятники типа Терновки; В – позднескифские памятники типа Сырское-Ишутино; Г – позднезарубинецкие и раннекиевские памятники типа Шапкино-Инясево (ареалы); Д – сарматские могильники (пункты – *Березуцкий и др.*, 2021. Рис. 41; *Приймак*, 2022; *Шрамко и др.*, 1977).
1 – Ново-Никольский; 2 – Вязовский; 3 – Липецк (могильник у Петровского проезда); 4 – Липецкий курган; 5 – Писаревский; 6 – II Чертовицкий; 7–12 – Рубцов; 13 – Заречье; 14 – Сасовка; 15 – Дуровка; 16 – Караяшник; 17 – Россошь; 18 – Архиповка; 19 – Мандрово; 20 – Каширский; 21 – Левая Россошь; 22 – Ермоловка; 23 – Левашевка; 24 – Ст. Тойда; 25 – Шишовка; 26 – Монастырка; 27 – Верхний Карабут; 28 – Луговой; 29 – Белогорье; 30 – Голубая Криница; 31 – Лосево; 32 – Березовка (Воронежская); 33 – Пичаево; 34 – Жердевка; 35 – Большие Ясырки; 36 – Новая Чигла; 37 – Красный-2; 38 – Александровка Донская; 39 – Манино; 40 – Сорокинский; 41 – Ёлка; 42 – Ивановка-7; 43 – Нехаево; 44 – Мазин; 45 – Таптулино; 46 – Турки; 47 – Власовка; 48 – Третьяки; 49 – Ключи; 50 – Машевка; 51 – Аткарск; 52 – Радушинка; 53 – Новоаннинск; 54 – Красновка; 55 – Березовка (Волгоградская); 56 – Королева могила; 57 – Сидоры; 58 – Арчединская; 59 – Короли; 60 – Новая Норка; 61 – Борисовка; 62 – Ладыжино (Малый Ладыжин); 63 – Климовка; 64 – Павловка; 65 – Орлик; 66 – Яроховка; 67 – Барановка; 68 – Битица; 69 – Новые Санжары: 70 – Березоточа; 71 – Ливенское; 72 – Макуховка; 73 – Бунаковка; 74 – Мечебелово; 75 – Абазовка; 76 – Большие Проходы

а также селища, близкие к среднеднепровским типа Лютежа (Березовка-2, некоторые комплексы Жерновца). Здесь же в лесостепи расположены немногочисленные сарматские памятники I–II в. н. э. и позднескифские городища (Рать, Беседовка). Небольшая группа позднескифских памятников находится южнее в среднем течении Северского Донца (*Обломский*, 2002. С. 13, 14; *Обломский, Приймак*, 2020; *Любичев*, 2019. С. 40–48).

Особый, изолированный от других массив позднезарубинецких памятников (типа Шапкино-Инясево) находится в бассейне р. Хопёр, в основном на р. Ворона (*Хреков*, 1994; 1997; *Зиньковская*, 2019; 2020). В настоящее время опубликованы более или менее подробные сведения о восьми памятниках этой культурной группы, включая один могильник (Инясево). Необходимо заметить, что данные постоянно пополняются. Во время разведки, проведенной в 2022 г. автором в среднем течении р. Вороны, были обнаружены еще 14 поселений. Серия новых памятников исследована в последние годы А. А. Хрековым в долине р. Хопёр (*Хреков*, 2021).

Наиболее ранние погребения на Дону (Дуровка и др. памятники) датируются II в. до н. э. (*Медведев*, 2008а. С. 19, 20; 2022. С. 208–212). Прочие появляются не раньше I в., воронежскую группировку А. П. Медведев датирует серединой I – началом II в. (*Медведев*, 2008а. С. 48–50). Липецкий курган относится к I – началу II в. (*Медведев*, 2008б. С. 107), Липецкий могильник – ко второй половине I – первой половине – середине II в. н. э. (*Клюкойть и др.*, 2018. С. 92).

Своеобразные в культурном отношении Новоникольский и Вязовский могильники, которые находятся в северной части донской лесостепи, А. П. Медведев датирует II – первой половиной III в. (*Медведев*, 2008а. С. 99–102).

На территорию от Дона до р. Медведицы массовое проникновение сарматов начинается на рубеже н. э. – в I в. н. э. К среднесарматскому периоду относятся погребения в 18 курганных группах и отдельных насыпях. В этом же регионе известны и позднесарматские могильники середины II – середины III в. Комплексы этого периода изучены в семи пунктах (*Берестнев*, 2020. С. 368–370; 2017. Рис. 19; 20). К завершающему этапу истории сарматов этой территории (предгуннскому) относятся всего три кургана (Лосево и два в Берёзовке) (*Медведев, Березуцкий*, 2018. С. 139–143).

Хронология памятников типа Шапкино-Инясево в Прихоперье до недавнего времени определялась в широких рамках серединой – второй половиной I – второй половиной III в., а в узких – второй половиной II – второй половиной III в. (*Обломский*, 2021б. С. 466–468). В 2022 г. во время разведки Раннеславянской экспедиции в среднем течении р. Вороны на поселении Краснояровка-3 была обнаружена железная позднелатенская фибула варианта P по Ю. В. Кухаренко. Фибулы позднелатенской схемы неоднократно встречены на поселениях и могильниках классической зарубинецкой культуры ее завершающего этапа (вторая половина I в. до н. э. – первая половина I в. н. э.) и на ранних позднезарубинецких памятниках, которые возникли после ее распада (середина – третья четверть I в. н. э.) (*Обломский*, 2021а. С. 150). Находка из Краснояровки свидетельствует, что позднезарубинецкие памятники в бассейне Хопра возникли тогда же, когда и большинство групп этого культурного круга на более западных территориях, т. е. еще в I в. н. э.[2] (рис. 2, *1*).

Восточные для Днепровского лесостепного левобережья и водораздела Днепра и Дона позднезарубинецкие памятники типа Картамышево, Терновки и Гриней суммарно датируются от времени распада зарубинецкой культуры до финала позднезарубинецкого горизонта, т. е. серединой – третьей четвертью I–II в. н. э.

Судя по фибулам, позднескифские памятники бассейна Верхнего Дона и Воронежа относятся ко времени II в. до н. э. – II в. н. э. Начальная дата этого массива древностей подтверждается также амфорным материалом Третьего Чертовицкого городища (*Обломский*, 2021а. С. 145–149).

Таким образом, время близкого соседства позднезарубинецких с одной стороны и сарматских и позднескифских группировок населения – с другой в лесостепном Подонье охватывает период середины – третьей четверти I – II в., а в бассейне Хопра и на прилегающих

[2] Недавно появились сведения о находках на поселениях Прихоперья более поздних вещей – IV в., гуннского времени и, вероятно, раннего Средневековья (Духовое, еще не опубликованные материалы разведки РАЭ ИА РАН 2022 г. – Заполатово, Березовка Первая 3) (*Хреков*, 2021. С. 170). Соотношение их с памятниками типа Шапкино-Инясево пока непонятно.

Рис. 2. Некоторые новые датирующие материалы памятников раннеславянской традиции из Прихоперья (р. Ворона).
1, 3 – Краснояровка-3; *2, 5–7* – Шапкино-Варварино; *4* – Матвеевка А–В; *8* – Кулябовка 2; *1, 8* – железо; *2, 4–6* – бронза, эмаль; *3, 7* – бронза. Фотографии А. М. Обломского

территориях еще и значительную часть III в. Именно этим временем и датируется большинство позднескифских и сарматских памятников верхнедонского региона.

Характер контактов. Факт отсутствия контактов между населением памятников типа Шапкино-Инясево и сарматами междуречья Дона и Медведицы был отмечен самими сарматологами (*Медведев*, 2008а. С. 32; *Берестнев*, 2020. С. 371). Очень ярко эта идея подтверждается наблюдением, что ни в одном из сарматских комплексов не только этого региона, а вообще в Верхнем Подонье нет ни одного изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей, которые весьма характерны для восточных позднезарубинецких и раннекиевских древностей (*Обломский*, 2021а. С. 146–148) (рис. 2, *2–7*). Изредка такие вещи встречаются и у сарматов, но не в донской лесостепи (*Обломский*, 2017б). Какие-то контакты между соседними сарматскими и позднезарубинецкими группировками в Прихоперье все же были, о чем свидетельствует находка, сделанная во время разведки Раннеславянской экспедиции ИА РАН в 2022 г. на поселении Кулябовка 2 на р. Вороне с лепной керамикой круга Шапкино-Инясево, обломка верхней части железного меча с рукояткой-штырем, типичного для сарматского вооружения раннеримского периода (рис. 2, *8*).

В моей статье 1993 г., написанной совместно с Т. В. Томашевич, сказано, что позднезарубинецкое происхождение могут иметь две группы сосудов из сарматских могильников доно-воронежского ареала – близкие к баночным слабопрофилированные закрытые и открытые (т. н. тюльпановидные) горшки, а также некоторые миски (*Обломский, Томашевич*, 1993. С. 48–51). А. П. Медведев считает, что горшки этих форм могут иметь и верхнедонское происхождение, т. е. могут быть связаны с традициями местного населения скифской эпохи (*Медведев*, 2008а. С. 76). Действительно, на позднескифских памятниках первых веков н. э. подобные сосуды встречаются, хотя и относительно редко (*Медведев*, 1998. Рис. 4, *1, 2, 12*; *Разуваев*, 1998. Рис. 6, *8*; *Обломский*, 2018. Рис. 7, *12*), т. е. принадлежность подобных форм к позднезарубинецко-раннекиевскому кругу неоднозначна.

Несомненное сходство имеют некоторые формы восточных позднезарубинецких (памятники типа Терновки и Шапкино) и донских позднескифских – сарматских лепных лощеных мисок: округлобоких чашеобразных, низких ребристых с прямым венчиком (*Обломский, Томашевич*, 1993. С. 51, 52. Рис. 2, *1–11*) (рис. 3).

Миски этих типов характерны для позднезарубинецких поселений типа Терновки бассейна Северского Донца, составляют (в сочетании) специфический для этого региона набор столовой лепной посуды, который резко отличается от представленного на памятниках прочих позднезарубинецких группировок. В виде исключения такие миски встречены на некоторых поселениях типа Картамышево востока Днепровского левобережья (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 58, 59). Найдены они и на позднезарубинецких памятниках бассейна Хопра (рис. 3, *9–11*). В Среднем Поднепровье, бассейне Южного Буга, в Подесенье также распространены ребристые миски с прямыми венчиками, но эти венчики обычно более высокие, иногда снабжены гранями с внутренней стороны, а ребра зачастую имеют форму треугольного в сечении валика.

На поселениях позднескифской культуры Верхнего Подонья распространены лепные миски тех же форм и пропорций, что и на памятниках типа Терновки (*Обломский*, 2022. С. 162. Рис. 11, *1–11*) (рис. 3, *14–16*).

Аналогичные миски, как ребристые, так и округлобокие, встречаются в погребениях среднесарматского этапа на р. Воронеж, а также в захоронениях своеобразных Новониколького и Вязовского могильников (*Медведев*, 1987. Рис. 2; *Бирюков и др.,* 2022. Рис. 9, *12*) (рис. 3, *17–21*). К востоку от Среднего Дона Р. С. Берестневым учтена только одна лепная остроребериая миска с загнутым внутрь венчиком (сарматское погребение в кургане 76 могильника Третьяки) (*Ефимов*, 1998. Рис. 11, *III, 2*). Погребение датируется II – серединой III в., но на основании форм лепных горшка и миски (*Ефимов*, 1998. С. 24).

На позднезарубинецком поселении Терновка 2 и на раннекиевском селище Шишино 5, которые находятся в бассейне Северского Донца, найдены три округлобоких приземистых горшка, имеющих параллели в сарматских комплексах Верхнего Подонья (*Обломский, Томашевич*, 1993. Рис. 2: *12, 13, 15*).

Сопоставление основных признаков археологического комплекса восточных позднезарубинецких древностей и верхнедонских памятников позднескифской культуры, проделанное автором в двух статьях (*Обломский*, 2021а; 2022), показывает, что они относятся к различным культурным

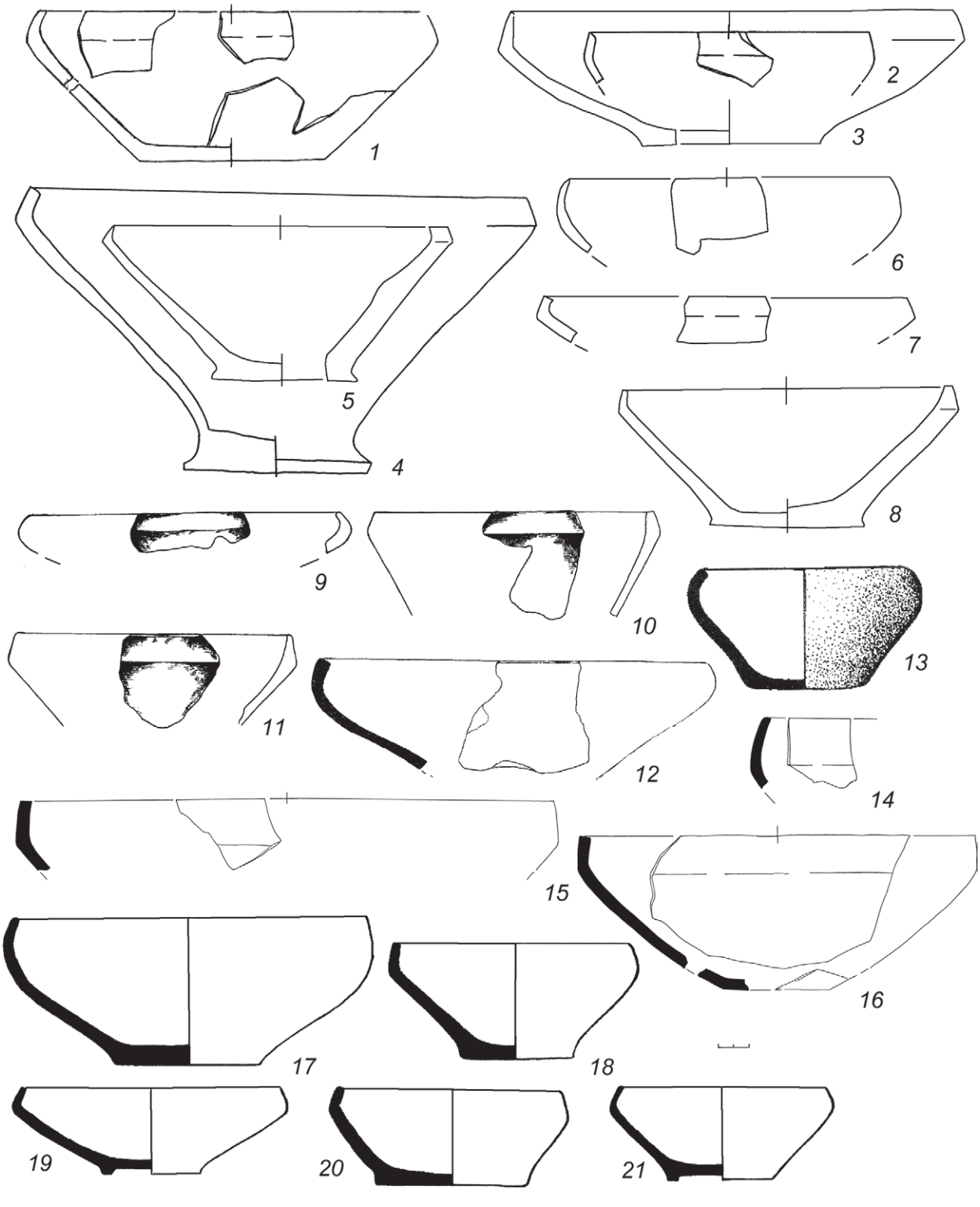


Рис. 3. Лепные миски позднезарубинецких, позднескифских и сарматских памятников бассейна Северского Донца и лесостепного Подонья.
1–8 – позднезарубинецкие памятники типа Терновки; *9–11* – позднезарубинецкие памятники типа Шапкино; *12–21* – позднескифские и сарматские памятники. *1* – Родной Край 1; *2* – Колесники; *3, 5–8* – Терновка 2; *4* – Новодоновка 1; *9–11* – Шапкино 1; *12* – Чертовицкое 3; *13* – Ишутино; *14* – Ксизово 17А; *15* – Ярок 9; *16* – Стаево 10; *17, 19, 21* – I Чертовицкий могильник; *18* – Новоникольский могильник; *20* – Вязовский могильник. Рисунки: *1–8, 14–16* – А. М. Обломского; *9–11* – А. А. Хрекова; *12, 17–21* – А. П. Медведева; *13* – Ю. Д. Разуваева

провинциям и демонстрируют разное направление связей. Отличия между ними ощущаются практически во всех сферах культуры – в типах поселений и их ландшафтном расположении, керамике, наборе предметов культуры престижа, снаряжении всадника. Тем не менее имеются и элементы сходства.

Если позднезарубинецкие поселения часто находятся низко над уровнем водного источника, то позднескифские располагаются на разных участках речных долин – от возвышенных (коренной берег) до низменных (поймы). Очевидно, что это связано с разными способами ведения сельского хозяйства. Укрепления зафиксированы только на позднескифских поселениях. Все позднезарубинецкие представляют собой селища.

Груболепная керамика позднескифских поселений по фактуре резко отличается от позднезарубинецкой, в чем нельзя не видеть две отличные друг от друга технологические традиции.

На позднескифских памятниках совершенно отсутствуют ребристые сосуды, которые на позднезарубинецких поселениях Прихоперья составляет от 16 до 31%, на памятниках типа Терновки – около 15%, Картамышево 2 – 24–25%.

Некоторые параллели в наборе позднескифских и позднезарубинецких горшков можно найти среди закрытых округлобоких сосудов с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и мягким изгибом в месте шейки. Тем не менее у большинства позднескифских сосудов венчики более высокие (в тенденции), чем у позднезарубинецких.

На большинстве позднескифских памятников встречены округлобокие сосуды с раструбообразными прямыми венчиками, причем перелом шейки часто подчеркнут изнутри ребром. Для позднезарубинецких памятников такие сосуды не характерны.

На позднескифских памятниках ни разу не встречены характерные для позднезарубинецкого археологического комплекса бассейна Хопра и Северского Донца диски (плоские и со слабо выраженным бортиком).

Для позднезарубинецких поселений восточных регионов не характерны крышки в виде отрезка сферы со сплошным или полым внутри цилиндрическим выступом в верхней части, которые широко распространены на позднескифских поселениях.

Как было отмечено выше, позднезарубинецкие и позднескифские округлобокие и ребристые с короткими венчиками миски чрезвычайно похожи друг на друга.

На позднескифских поселениях Подонья значительно чаще, чем на позднезарубинецких, встречается позднеантичная гончарная керамика (от 3,1% в Студеновке 3 до трети на Ишутинском городище).

Набор фибул, которые происходят с позднескифских поселений, характерен для Северного Причерноморья. Многие типы имеют параллели в сарматских погребениях верхнедонской лесостепи. Фибулы, найденные на восточных позднезарубинецких памятниках, близки к тем, которые происходят из более западных позднезарубинецких групп, из Средней Европы, отчасти из Юго-Восточной Прибалтики. Достаточно часты на восточных позднезарубинецких памятниках украшения восточноевропейского убора с выемчатыми эмалями, которые совершенно отсутствуют на донских позднескифских поселениях (без более поздних слоев).

На позднескифских поселениях Верхнего Подонья известна серия находок обломков зеркал, а также изделия из египетского фаянса.

Имеются различия в вооружении и снаряжении боевого коня и всадника. На позднескифских памятниках достаточно многочисленны стрелы, найдены удила с псалиями, а на позднезарубинецких – шпоры (из новых находок в Прихоперье см.: *Хреков*, 2021. С. 167–169) (рис. 4).

Для позднескифского населения характерно в первую очередь южное – степное, причерноморское – направление связей, очевидно обусловленное «симбиозом» с сарматами, которые и были их проводником. Вероятнее всего, именно через сарматов на позднескифские поселения и поступал импорт (керамика, украшения, египетский фаянс).

Традиции восточного позднезарубинецкого населения ориентированы в первую очередь на археологический комплекс классической зарубинецкой культуры и отчасти пшеворской, а также более западных позднезарубинецких группировок. Как продемонстрировали исследования последних лет, эмаль, использование которой относится к финалу позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта, наносилась на бронзовые украшения с применением провинциально-римской технологии, но сами вещи представляют собой творческую переработку прототипов в восточноевропейском вкусе.

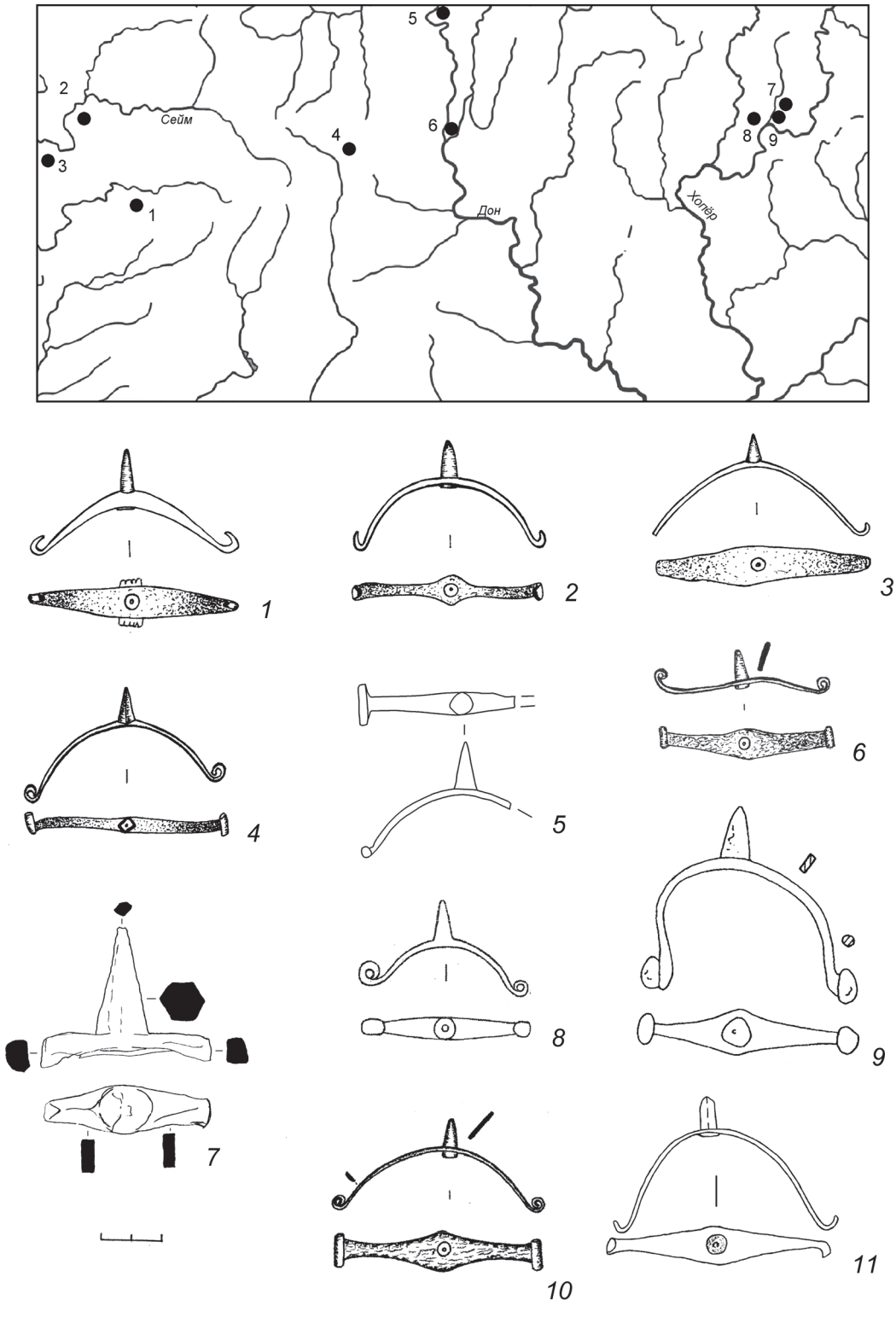


Рис. 4. Образцы шпор на памятниках позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и ранней стадии памятников культуры (восток Днепровского левобережья, Подонье) (по О. А. Радюшу, А. М. Обломскому, А. А. Хрекову).

А. Карта находок. 1 – Гочево 1; 2 – Комаровка; 3 – Попово-Лежачи 4; 4 – Ездочное; 5 – Нижнее Казачье 10; 6 – Шилово; 7 – Малык; 8 – Богатырка; 9 – Разнобрычка.

Б. Железные шпоры. *1, 2, 4* – Малык; *3* – Шилово; *5* – Нижнее Казачье 10; *6, 10* – Богатырка; *7* – Гочево 1; *8* – Ездочное; *9* – Попово-Лежачи 4; *11* – Разнобрычка (рисунки: *1–4, 6, 10, 11* – А. А. Хрекова; *5, 9* – А. М. Обломского; *8* – И. В. Зиньковской; *10* – О. А. Радюша)

Тем не менее показательны общие типы (до нюансов пропорций) лепных лощеных мисок позднезарубинецких памятников круга Терновки и Шапкино, с одной стороны, и верхнедонских позднескифских поселений и сарматских погребений – с другой (рис. 3). Объяснить это сходство только конвергенцией, без учета контактов населения, невозможно. Очевидно, связи между двумя этнокультурными массивами все же были, но не отличались интенсивностью. Позднескифская группировка на Дону сохранила свою обособленность, по крайней мере до конца II в., несмотря на то что она находилась между двумя регионами с позднезарубинецким населением. Показательно в этом отношении практически полное несовпадение восточного позднезарубинецкого и позднескифского комплекса культуры престижа и предметов, связанных с управлением боевым конем.

Центр (Среднее Поднепровье, бассейн Южного Буга)

Территория и хронология. Позднезарубинецкие памятники этого региона относятся к трем культурным группам: типа Марьяновка-Рахны, круга Лютеж и Грини. Территория первой охватывает р. Соб и прилегающий участок долины Южного Буга, второй – все лесостепное Поднепровье, включая реки Тетерев и Трубеж. Памятники типа Грини разбросаны по всей днепро-донецкой лесостепи. Раскопками исследовано 7 поселений типа Марьяновка-Рахны и один могильник (Рахны)[3], 16 – типа Лютеж и могильники в Бортничах, Жаботине и Ивковцах. Два селища типа Лютеж расположены на востоке Днепровского левобережья (Берёзовка 2 и Жерновец).

Из поселений типа Грини, которых всего известно восемь, на территории Среднего Поднепровья находятся пять (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 16, 36, 41. Рис. 2; 3) (рис. 5).

Позднескифские памятники концентрируются в низовьях Днепра. На карте, опубликованной А. В. Симоненко в 2020 г., их обозначено 15, включая 3 могильника (Николаевка/Казацкое, Золотая Балка, Красный Маяк) (*Симоненко*, 2020. Рис. 1А).

Сарматских могильников и отдельных погребений в Днепровской лесостепи известно 31 (*Симоненко*, 2012. Рис. 1). С. В. Воронятов отметил еще два пункта в бассейне Южного Буга в непосредственной близости к ареалу памятников типа Марьяновка-Рахны (*Воронятов*, 2012. Рис. 1) (рис. 5).

Памятники типа Марьяновка-Рахны суммарно датируются около середины I – середины II в., хотя не исключено, что они прекращают свое существование несколько раньше. Позднезарубинецкие памятники лютежской группы относятся к середине – второй половине I–II в., хотя некоторые пойменные селища в Среднем Поднепровье появились еще в классический зарубинецкий период. Широкая дата поселений типа Грини может быть определена в рамках конца I–II в., а узкая – в пределах второй половины II в. (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 30, 31, 37, 38, 42).

Возникновение особой нижнеднепровской группы позднескифских памятников обычно датируется II в. до н. э. Расцвет ее относится к I в. н. э. По мнению М. Б. Щукина, большинство городищ и Золотобалковский могильник прекратили свое существование в конце I – начале – первой половине II в. На могильнике Городок Николаевка наблюдается хронологический разрыв от середины II до середины – конца III в., т. е. между позднескифским и черняховским периодами его функционирования (*Погребова*, 1958. С. 235; *Щукин*, 1970. С. 56–61; 1979. С. 71; *Вязьмитина*, 1972. С. 187).

Тем не менее позднескифское население зафиксировано в Нижнем Поднепровье и после первой половины II в., что показали раскопки могильника Красный Маяк. Авторы публикаций этого памятника считают возможным датировать прекращение позднескифского периода его функционирования во II–III вв. (*Гей, Сымонович*, 2019. С. 36) или концом II – первой половиной III в. (*Симоненко и др*., 2015. С. 59, 60).

Сарматские памятники юга Среднего Поднепровья А. В. Симоненко датирует I в. н. э. (*Симоненко*, 1981. С. 65, 66; 2012. С. 53). Здесь, по его мнению, кочевало какое-то племя с достаточно яркой культурой. Одно из северных погребений (Хмильна) Е. В. Синица относит ко второй половине I – первой половине II в., скорее к рубежу этих столетий (*Синица*, 2008. С. 13).

---

[3] С. В. Воронятов упоминает около 80 памятников южнобугской культурной группы (*Воронятов*, 2012. С. 70), но, очевидно, по данным разведок, которые нуждаются в проверке.

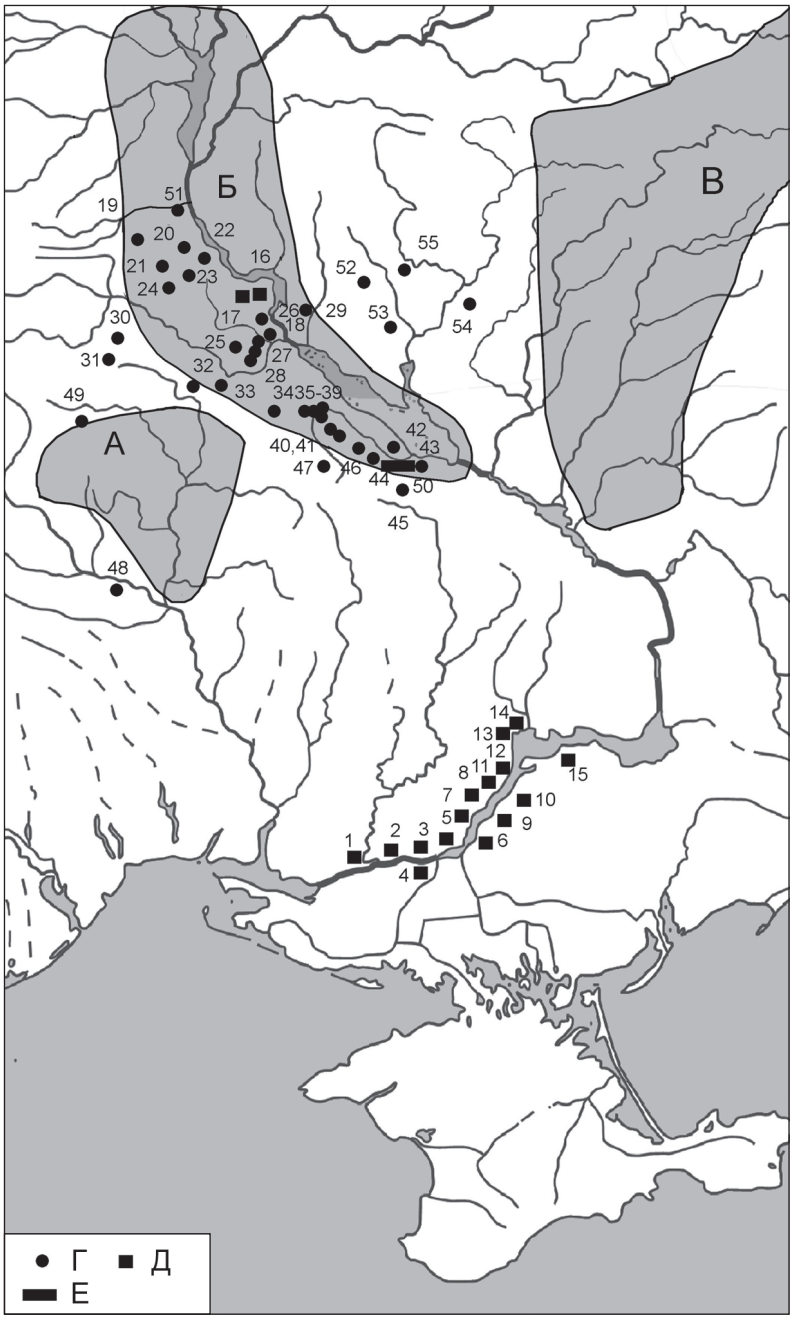


Рис. 5. Позднезарубинецкие, позднескифские и сарматские памятники Среднего и Нижнего Поднепровья.
А – позднезарубинецкие памятники типа Марьяновка-Рахны; Б – позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья (типа Лютеж и Грини); В – позднезарубинецкие памятники типа Картамышево (ареалы); Г – сарматские памятники (по А.В. Симоненко. С.В. Воронятову; В.В. Приймаку, пункты по Орели, Ворскле и Пслу см. на карте на рис. 1); Д – позднескифские памятники (по А.В. Симоненко); Е – поселение и могильник Ивковцы (пункты).
1 – Понятовка; 2 – Львово; 3 – Николаевка/Козацкое; 4 – Любимовка; 5 – Змиевка; 6 – Каиры; 7 – Красный Маяк; 8 – Консуловка; 9 – Горностаевка; 10 – Большая Лепетиха; 11 – Саблуковка; 12 – Анновка; 13 – Гавриловка; 14 – Золотая Балка; 15 – Знаменка; 16 – Дидов Шпиль; 17 – Бучак-Лысуха; 18 – Хмильна; 19 – Марьяновка; 20 – Краснополка. 21 – Гороховатка; 22 – Щучинка; 23 – Бурты; 24 – Липовец; 25 – Карапыши; 26 – Куриловка; 27 – Яблунов, Грищенцы; 28 – Нетеребка; 29 – Домантово; 30 – Баштечки; 31 – ферма Марьянка; 32 – Колодистое; 33 – Рыжановка; 34 – Орловец; 35–39 – Смела, Залевки, Николаевка, Константиново, Яблуновка; 40, 41 – Райгород, Ревовка; 42 – Калантаево; 43 – Светловодск; 44 – Цветна; 45 – Ружичевка; 46 – Старая Осота; 47 – Журовка; 48 – Гордеевка; 49 – Могильно; 50 – Ивковцы; 51 – Обухов; 52 – Золотоноша; 53 – Круподеренцы; 54 – Березоточа; 55 – Пирятин

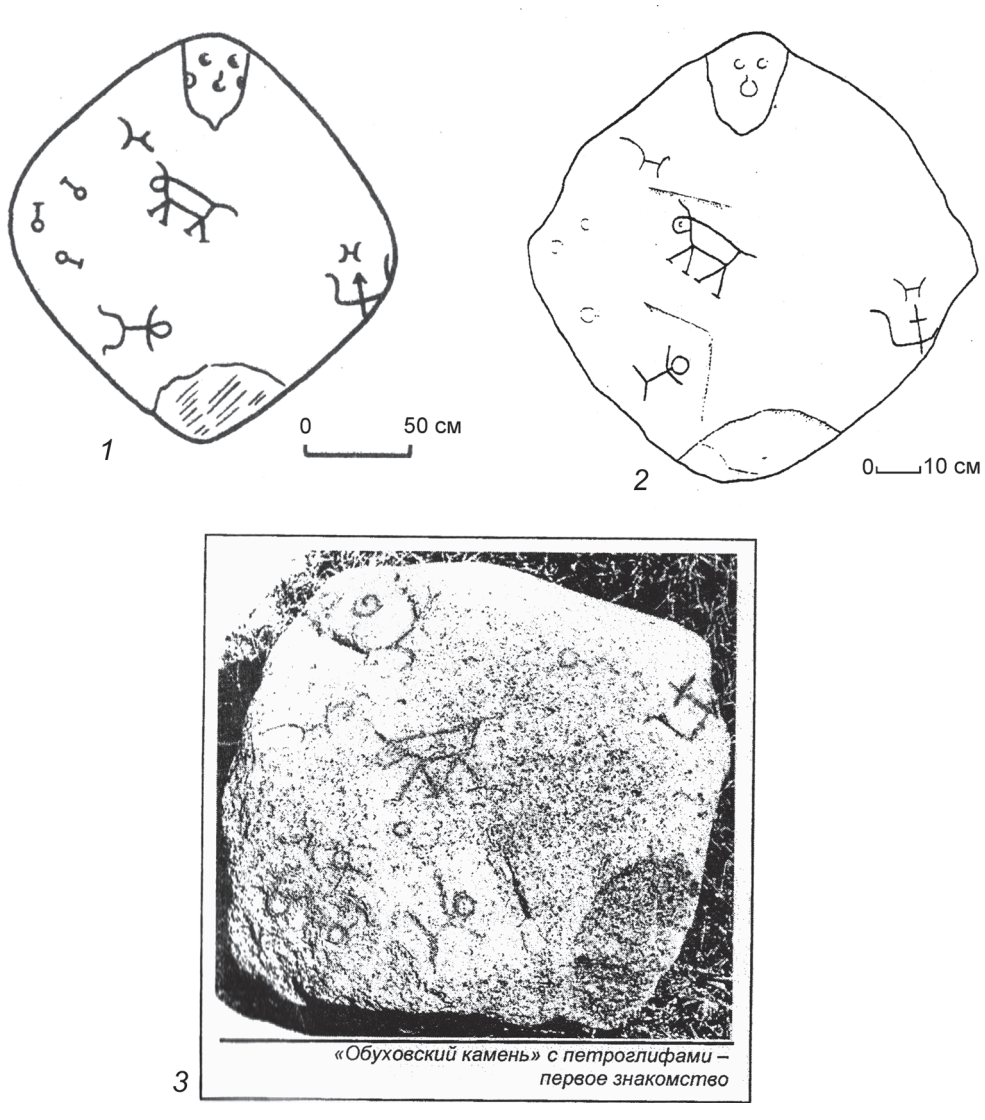


Рис. 6. Обуховский камень.
1 – по: *Кравченко*, 1994; *2* – по: *Кравченко*, 1999; *3* – по: *Кравченко*, 2000

В связи с темой проникновения сарматских племен в лесостепь Среднего Поднепровья, к сожалению, редко обращают внимание на такой своеобразный памятник, как Обуховский камень с петроглифами (рис. 6).

По сообщению Н. М. Кравченко, он был найден около раскопа А поселения Обухов III Обуховского р-на Киевской обл. местным крестьянином, который перетащил его на свою усадьбу (*Кравченко*, 1999. С. 94). Обухов III (Н. М. Кравченко трактует его как святилище) входит в состав сгустка памятников киевской и черняховской культур, который суммарно датируется III – началом V в. Сам камень имеет размеры 0,8×0,8×0,6×0,5 м. По химическому составу он очень близок к гранитам из Тептиевского месторождения на р. Рось, которое находится на расстоянии 45–64 км на юг от Обухова.

На камне в верхней части помещена «маска – морда животного», ниже – изображение еще одного животного в профиль, возможно, быка, а ниже его – схематический рисунок человечка. Прочие пиктограммы представляют собой тамгообразные знаки.

Н. М. Кравченко считает эти знаки южными (сарматскими) и приводит аналогии Обуховскому камню в Причерноморье. По характеру знаков и наличию зооморфных изображений к нему близки плиты из Керчи, Кривого Рога и с Кубани. Несмотря на эти параллели, Н. М. Кравченко считала Обуховский камень символом владения землей обитателями черняховского поселения

(*Кравченко*, 1999. С. 98–104). Этот вывод кажется парадоксальным, учитывая, что население черняховской культуры тамгобразные знаки практически не использовало, а упомянутые ею плиты и подобные им считаются т. н. энциклопедиями сарматских тамг (*Яценко*, 2001. С. 66–74).

По двум опубликованным прорисовкам и не слишком ясным фотографиям (*Кравченко*, 1994. Рис. на с. 40: *II, 4*; 1999. Рис. 3; 4, *1*; 2000. Рис. на с. 53) на Обуховском камне можно выделить тамги трех форм. Первая представляет собой знак в виде кружочка с отступающей от него вниз вертикальной линией и горизонтальной чертой с нижней стороны. Аналогию такому знаку С. А. Яценко видит на Кубани (Казанская, кург. 48, золотая брошь – середина II – середина III в.) и на Устюрте в Байте (*Яценко*, 2001. Рис. 17, *I, а, 9; III, в, 13*). В. С. Драчук приводит в своей работе подобный знак на плите из Керчи (по С. А. Яценко, знаки этой «энциклопедии тамг» датируются от II в. до н. э. до середины IV в. н. э.) (*Драчук*, 1974. Табл. XL, *462*; *Яценко*, 2001. С. 66). На Северном Кавказе похожие тамги использовались достаточно долго (Кабарда, этнографическое время) (*Драчук*, 1974. Табл. XXII, *71, 72*).

Вторая тамга имеет форму буквы Н, написанной курсивом. Аналогичный знак нанесен на статуе мраморного льва 1 из Ольвии (дата знаков из этой «энциклопедии» по С. А. Яценко – рубеж н. э. – III в: *Яценко*, 2001. С. 67) и на плите из песчаника из Танаиса. Такая же тамга имеется на зеркале с боковой петлей из Румынии. Позже подобные знаки известны в раннесредневековом Крыму (*Драчук*, 1974. Табл. V, *352*; XV, *2*; XVI, *6*; XXX, *31*; XLV, *4/8*).

Третья тамга в виде трезубца, по мнению С. А. Яценко, уникальна (*Яценко*, 2001. С. 79. Рис. 6, *123*), тем не менее по своей графике она имеет аналогии среди сарматских знаков, что и отмечала Н. М. Кравченко.

Возможно, в новых публикациях можно найти и другие аналогии тамгам Обуховского камня, но мне кажется, что сказанного достаточно, чтобы сделать вывод, что их расположение и наличие зооморфных композиций показывают принадлежность его сарматскому кругу древностей. Недаром С. А. Яценко рассматривает этот камень с петроглифами в ряду других камней – энциклопедий с сарматскими знаками (*Яценко*, 2001. С. 79).

По всей видимости, Обуховский камень маркирует крайний северный рубеж продвижения сарматов в Среднее Поднепровье (рис. 5). Скорее всего, прямого отношения к кусту киевско-черняховских памятников на Стугне этот камень не имеет.

Таким образом, период допустимых контактов позднезарубинецкого населения бассейна Южного Буга и Среднего Поднепровья с сарматами днепровской лесостепи охватывает середину – третью четверть – конец I, возможно, начало II в. н. э., т. е. очень узкий период времени. Связи позднезарубинецкого и нижнеднепровского позднескифского населения могли быть более длительными.

Общеизвестны находки трехлопастных черешковых стрел в валах зарубинецких городищ (Пилипенкова Гора, Бабина Гора), а также кружки, имеющей сарматские аналогии, во рву городища Бабина Гора (*Максимов*, 1982. С. 100, 101. Табл. X, *9*; XVIII, *4*; XIX, *8*; *Синица*, 2013. С. 15). Тем не менее эти факты относятся к более ранней эпохе классической зарубинецкой культуры и трактуются как следы набегов. Напомню, что одним из признаков ее кризиса в Среднем Поднепровье является прекращение жизни на укрепленных поселениях.

В степном Поднепровье известны отдельные погребения с зарубинецкими находками, в т. ч. с лепными сосудами и фибулами (Мануйловка, Дьяченки, Лубны и др.). Под курганом у с. Лозивок в катакомбе находились остатки трупосожжения, сопровождающиеся зарубинецкой керамикой и фибулой среднелатенской схемы (*Кубишев, Покляцький, Симоненко*, 1987; *Обломский*, 2002. С. 14; *Синица*, 2013. С. 16, 19). Все эти погребения, судя по керамике и фибулам, также относятся к классическому зарубинецкому периоду.

Прямых свидетельств контактов среднеднепровских сарматов и позднезарубинецкого населения в северной части Среднего Поднепровья нет. Можно упомянуть лишь лощеную ребристую позднезарубинецкую миску с прямым венчиком из сарматского погребения в Хмильне (*Синица*, 2008. Рис. 3, *2*).

На позднезарубинецких памятниках среднеднепровского региона отсутствуют находки сарматского вооружения и конского снаряжения, характерные предметы культуры престижа. Ярким исключением являются поселение и могильник Ивковцы в бассейне Тясмина (юг среднеднепровского позднезарубинецкого ареала). Недавно были опубликованы предварительные сведения об исследованиях этих памятников. Авторы публикации датируют их концом I – началом – серединой II в.

и подчеркивают, что их керамический комплекс комбинирует черты как древностей типа Лютеж, так и классических зарубинецких (*Башкатов, Бітковська*, 2021. С. 59, 60).

На поселении и в могильнике обнаружено большое количество южных импортов. К ним относятся фибулы типа Авцисса (10 экз.) (*Башкатов, Бітковська*, 2021. С. 58. Рис. 4, *7*; 7, *14*). Изданы две лучковые подвязные фибулы (группа 15, серия I, варианты 1 и 2 по А. К. Амброзу) (*Башкатов, Бітковська*, 2021. Рис. 4, *3*; 7, *13*; *Амброз*, 1966. С. 48, 49), крупная фибула с пластинчатой спинкой и кнопкой на конце приемника (группа 12, вариант 4, разновидность а) (*Башкатов, Бітковська*, 2021. Рис. 7, *12*; *Амброз*, 1966. С. 44), пронизка из египетского фаянса в виде скарабея, более десяти фрагментов зеркал, в т. ч. зеркало-подвеска типа IX по А. М. Хазанову, упомянуты краснолаковая посуда, обломки амфор (*Башкатов, Бітковська*, 2021. С. 58. Рис. 7, *7–10*) (рис. 7, *1–7*). Все эти вещи характерны для античной культуры римского времени Северного Причерноморья, но и в сарматских погребениях они встречаются часто.

Два обломка лепных сосудов авторы публикации считают возможным отнести к сарматскому керамическому комплексу, правда, формы не восстановлены (*Башкатов, Бітковська*, 2021. С. 58. Рис. 7, *1, 2*).

Очень интересны сведения о вероятном проникновении отдельных групп позднескифского населения на север – достаточно глубоко на территорию, занятую позднезарубинецким населением.

На городище Лысуха около с. Бучак Каневского р-на Черкасской обл. (правый берег Днепра, недалеко от зарубинецкого городища Бабина Гора) во время раскопок 2004–2005 гг. В. А. Петрашенко и Л. А. Цындровской обнаружена характерная позднескифская керамика, в т. ч. и обломки сосудов со специфическими раструбообразными венчиками, подчеркнутыми переломом профиля с внутренней стороны, украшенные по краю насечками и пальцевыми вдавлениями. Краткие сведения об этих раскопках опубликованы (*Петрашенко, Циндровська*, 2006).

Раскопки на городище Лысуха недавно были продолжены экспедицией Ю. В. Болтрика. К сожалению, изданы лишь предварительные итоги ее работ. По обломкам амфор, краснолаковой керамике и фибулам раннеримский горизонт поселения датируется второй половиной I – II в. н. э. (*Болтрик и др.*, 2019а; 2019б). К этому времени на памятнике относятся фибулы как среднеевропейского происхождения (Альмгрен-69, глазчатая основной серии), так и причерноморского (лучковая подвязная лебяжьинской серии варианта 2 по А. К. Амброзу) (*Кармазіна*, 2019. С. 240. Рис. 1) (рис. 7, *8*).

Чрезвычайно интересным памятником является могильник Дидов Шпиль, который расположен на правом берегу Днепра рядом с зарубинецким городищем Бабина Гора около того же с. Бучак. В 1971–1975 гг. на памятнике Е. В. Максимовым вскрыто 52 погребения (*Максимов*, 1982. С. 104; *Циндровська*, 2009. С. 155). По Л. А. Цындровской, издавшей классические зарубинецкие захоронения могильника, к этой культуре относятся 14 трупосожжений, большинство из которых концентрируются в средней части памятника. По инвентарю их дата определяется I в. до н. э. – I в. н. э. (*Циндровська*, 2009).

К юго-западу от них обнаружено 19 трупоположений и еще 5 – к северо-востоку. Из трупоположений происходили бусы и конические миски на полых поддонах. Аналогии инвентарю Е. В. Максимов находил в материалах поселений и могильников позднескифской культуры Нижнего Поднепровья (Золотая Балка, Любимовка, Гавриловка и Николаевка). Дата позднескифских ингумаций из Дидова Шпиля по Е. В. Максимову – рубеж н. э. – I в. н. э. (*Максимов*, 1982. С. 103–109).

Р. В. Терпиловский и О. В. Петраускас выделили на могильнике серию черняховских трупоположений (*Терпиловський, Петраускас*, 2005. С. 58–64).

Культурно-хронологическая принадлежность безынвентарных ингумаций из Дидова Шпиля неоднозначна. Хронологически неопределимы также погребения с простыми бронзовыми серьгами (№ 39, 44). Тем не менее из 9 ингумаций происходят вещи «золотобалковского круга» (миски на полых ножках – рис. 7, *9–11*, лепной горшок, бусы: погребения 8, 23, 24, 29, 34, 45, 46, 47, 52) (данные о дискуссии и материалы отчетов см. в *Обломский, Приймак*, 2020. С. 380, 381).

Важно подчеркнуть, что все ингумации позднескифского круга Дидова Шпиля, кроме одной (№ 23), расположены к западу и юго-западу от ареала зарубинецких трупосожжений (см. план могильника в: *Циндровська*, 2009. Рис. 1), т. е. могильник с ингумациями к зарубинецкой культуре прямого отношения не имеет, он планиграфически обособлен.

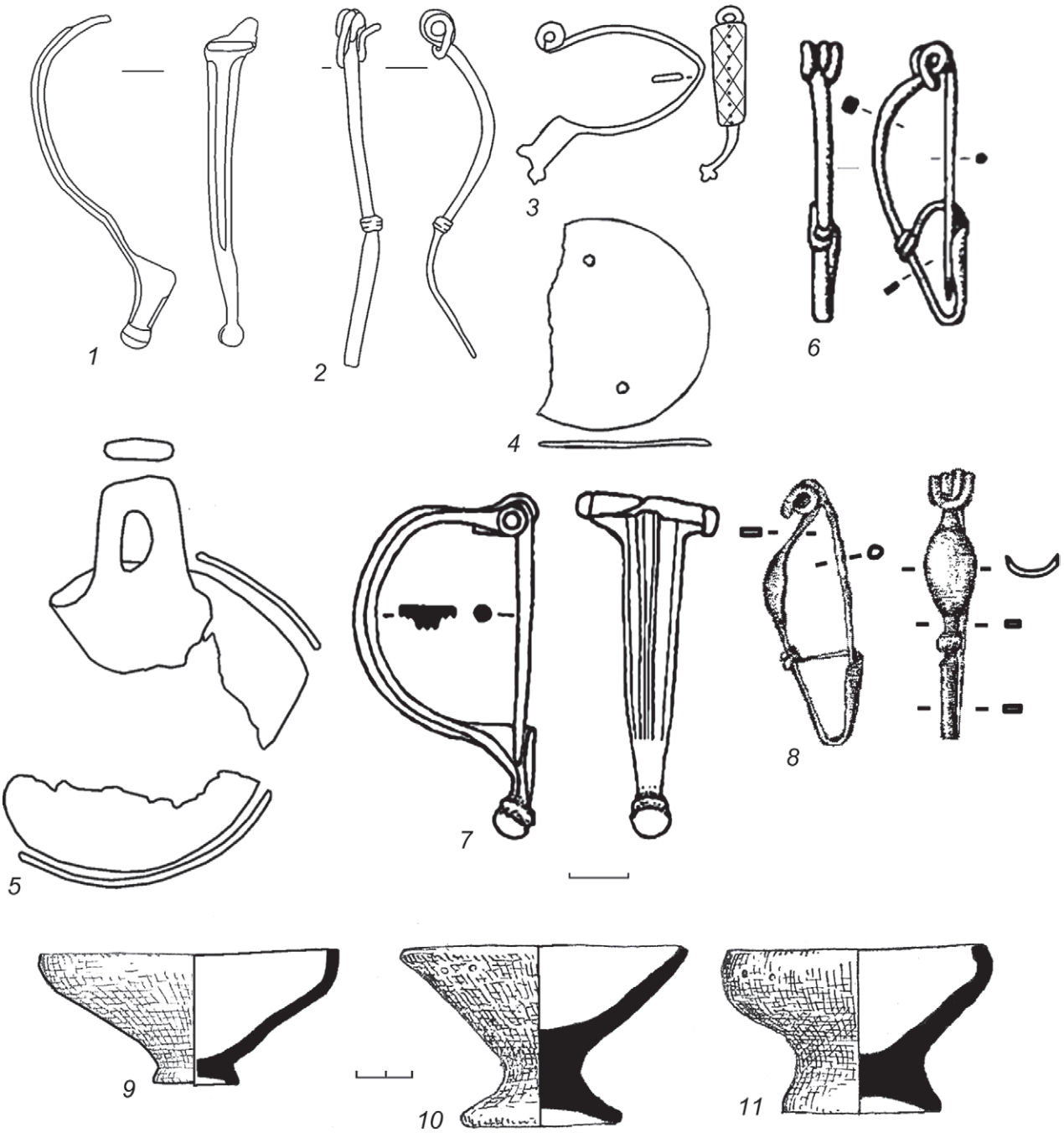


Рис. 7. Южные материалы памятников оседлого населения Среднего Поднепровья.
1–5 – поселение Ивковцы; *6, 7* – могильник Ивковцы; *8* – городище Бучак (Лысуха); *9–11* – могильник Дидов Шпиль.
1–3, 6–8 – бронза; *4, 5* – серый светлый сплав; *9–11* – лепная керамика (рисунки: *1–7* по Ю.Ю. Башкатову и Т.В. Битковской; *8* – по Л.В. Каразиной; *9–11* – по Е.В. Максимову)

В Среднем Поднепровье какие бы то ни было группы позднескифского населения в классический зарубинецкий период неизвестны. С какими событиями в степи было связано продвижение позднескифского населения на север, мы не знаем, но сам этот факт наглядно показывает, что границы этнокультурных образований в раннеримское время иногда были весьма проницаемыми.

Характер контактов. Имеется также ряд фактов, свидетельствующих об использовании украшений круга эмалей, распространение которых начинается в лесостепном Поднепровье в позднезарубинецкий период позднескифским населением Нижнего Поднепровья и сарматских степей Северного Причерноморья (Красный Маяк, могила 48 погр. 1 конца II – первой

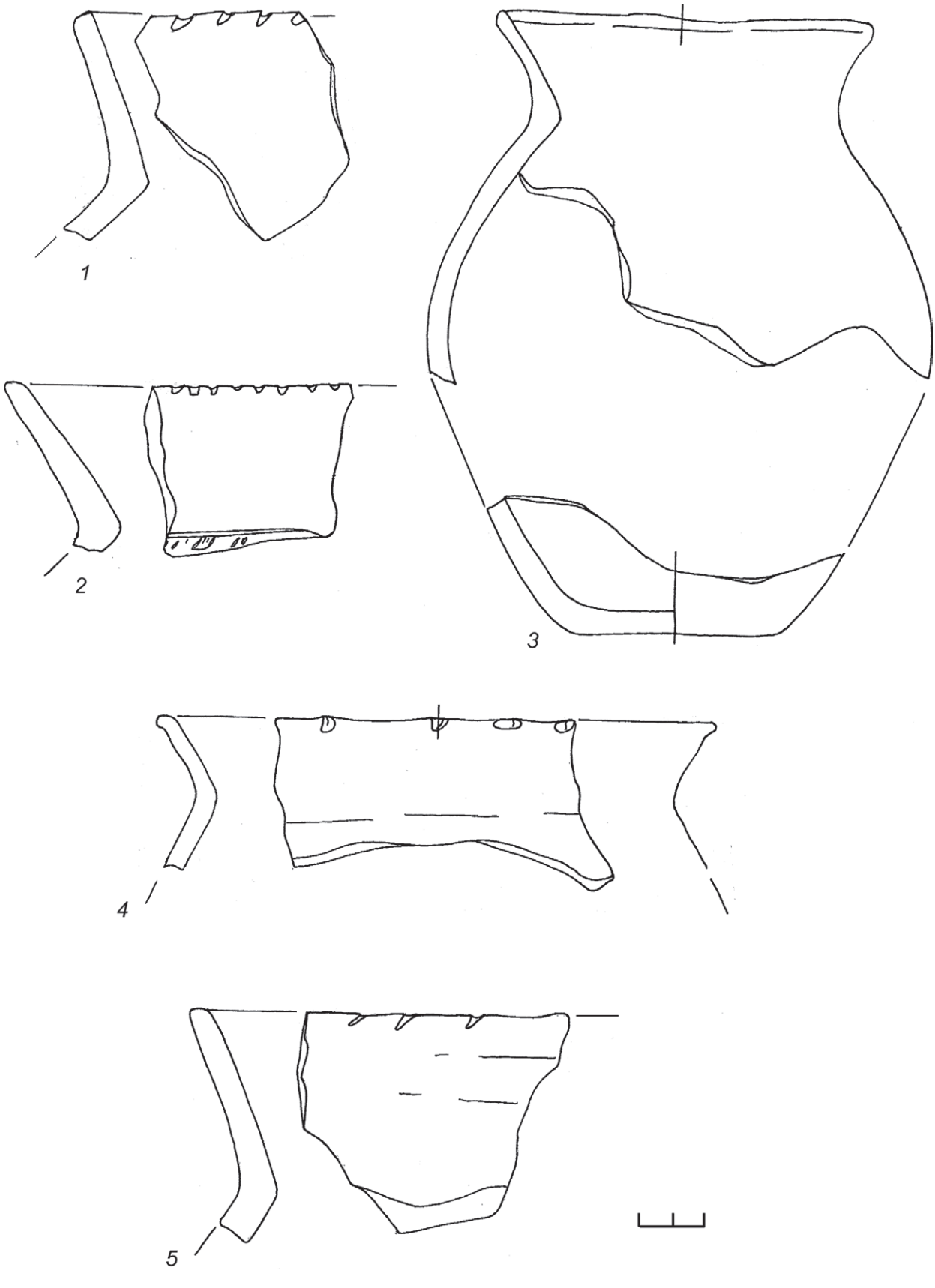


Рис. 8. Лепные сосуды позднескифских форм на позднезарубинецких памятниках бассейна Южного Буга.
1, 5 – Пархомовка; *2, 4* – Марьяновка; *3* – Рахны, могильник. Рисунки А. М. Обломского

половины III в.; Бедражи Нои, III в., не исключая конца II в.; Дивизия, 240–270 гг.; Валовый, курган 33, погр. 1 конца II – первой трети III в.) (*Обломский*, 2017б. С. 55–59). Все перечисленные факты относятся к более позднему времени, когда лесостепная группировка сарматов в Среднем Поднепровье уже прекратила свое существование.

В отношении южных импортов позднезарубинецкие памятники бассейна Южного Буга в известной степени похожи на комплекс могильника и поселения Ивковцы.

На селищах Марьяновка, Сокольцы, Пархомовка, в погребении 9 могильника Рахны найдены округлобокие груболепные сосуды с прямыми отогнутыми наружу раструбообразными венчиками. Перегиб шейки изнутри зачастую подчеркнут ребром (рис. 9). Сосуды подобной формы в целом не характерны для позднезарубинецких памятников, зато часто встречаются на позднескифских от древностей типа Холмского в Буджакской степи до Алексеевского городища в Саратовском Поволжье (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 19. Рис. 9, *1, 4*; 24, *2*; 36, *15*; 47, *1*). На селищах Марьяновка, Рахны, Пархомовка, Ометинцы и в могильнике Рахны неоднократно встречены обломки античных амфор, а в Пархомовке и в могильнике Рахны – сероглиняная гончарная посуда (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 24, 25. Рис. 7, *4*; 8, *3, 4*; 13, *1–9*; 19, *8*; 22, *16*; 23, *4*; 29, *4, 6–8*; 33, *1, 2*; 36, *7*; 48, *1*; 50, *11*; 57, *8*; 58, *12*; 64, *3*; 66, *10–12*).

Из украшений показательны южные фибулы типа Авцисса (могильник Рахны, 1 экз.), сильнопрофилированная причерноморского типа по А.К. Амброзу (группа 11, вариант I-1, могильник Рахны, 1 экз.), пружинные с гладким корпусом и кнопкой на конце приемника (группа 12, варианты 1–3, могильник и поселение Рахны, 2 экз.; вариант 4, могильник и поселение Рахны, 2 экз.) (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 26, 27; Рис. 18, *1, 2*; 21, *1*; 25, *1*; 27, *2, 14*). В погребениях могильника Рахны обнаружены изготовленная из бронзового тонкого круглого перекрученного дрота гривна с концами в виде таблеткообразной и биконической шишечек, браслет с окончаниями в виде овальных шишечек, две миниатюрные подвески-лунницы; из Марьяновки, Пархомовки и Рахнов происходят три литых кольца из бронзы, снабженные шишечками, расположенными в три ряда. Бусы и пронизи из египетского фаянса найдены на поселениях Носовцы и Рахны и в могильнике Рахны (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 26–29. Рис. 12, *5*; 18, *7*; 26, *1, 6*; 49, *10*; *Воронятов*, 2012. С. 71–77. Рис. 4, *1*; 6, *1, 2*) (рис. 9). Все эти вещи имеют многочисленные аналогии в Северном Причерноморье, в т.ч. на сарматских и позднескифских памятниках[4].

Аналогии изготовленной из бронзового тонкого круглого перекрученного дрота гривне с концами в виде таблеткообразной и биконической шишечек С.В. Воронятов находит на памятниках доримской Дакии (*Воронятов*, 2021. С. 76, 77). Некоторые параллели экземпляр из Рахнов имеет с гривнами типа 5Б А.А. Стояновой из Крыма, которые датируются I–III вв. (*Стоянова*, 2011. С. 119, 120. Рис. 3, *4*; 4, *5*).

Таким образом, на позднезарубинецких памятниках бассейна Южного Буга и юга Среднего Поднепровья найдено довольно много предметов южного причерноморского импорта, в т.ч. и изделий культуры престижа, проводником которого, очевидно, были соседние сарматы и позднескифское население. Наблюдается глубокое проникновение сарматов и позднескифских группировок на север – севернее р. Рось. Влияние сарматской и отчасти позднескифской культуры на позднезарубинецкие группировки бассейна Южного Буга и юга Среднего Поднепровья было весьма сильным.

Запад (лесостепное Поднестровье)

Территория, хронология. Ареал сарматских памятников региона охватывает Верхнее Поднестровье и Попрутье, а также их междуречье. По данным В.И. Гросу с дополнениями С.В. Воронятова и Я.И. Онищука, курганных и грунтовых могильников, а также одиночных погребений на этой территории насчитывается 35. Самые северные памятники (Ленковцы, Островец, Киселев, Бурякивка) находятся в районе впадения в Днестр Серета и Збруча (*Смішко*, 1976. С. 46, 47. Рис. 1).

[4] Недавно лунницы, подобные происходящей из могильника Рахны, были рассмотрены в статье А.В. Мастыковой и А.Н. Свиридова. Они были отнесены к варианту 2. Авторы отмечают, что «в большинстве случаев эти подвески встречаются в погребальных комплексах второй половины III в., причем как в Крыму, так и на территории Северного Дагестана, в Калмыкии и в Нижнем Подонье» (*Мастыкова, Свиридов*, 2021. С. 238, 239). Лунница из Рахнов является наиболее ранней среди украшений этой серии, т.к. нет оснований для датирования позднезарубинецкой группы южнобугских памятников временем после середины II в.

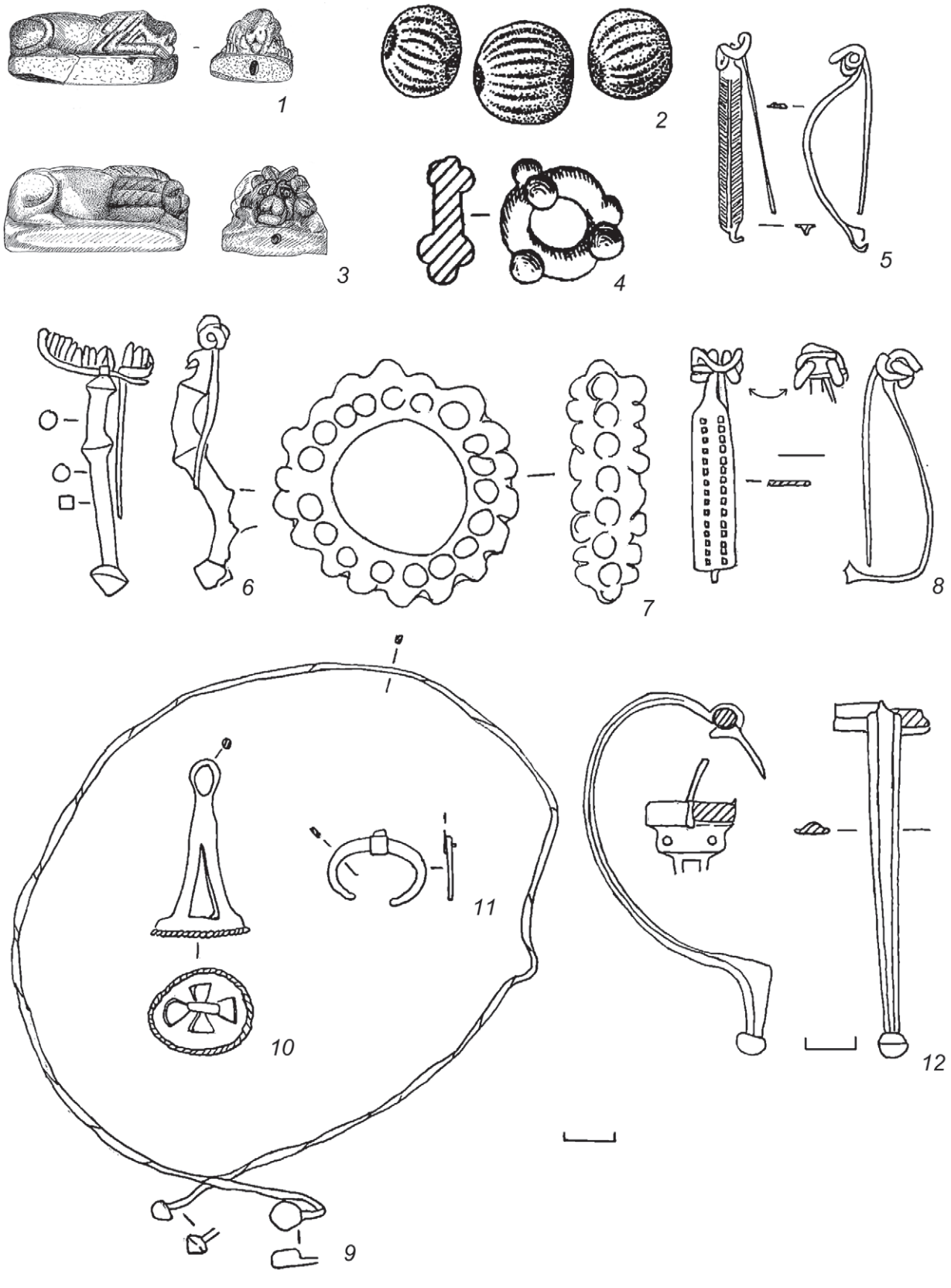


Рис. 9. Южные по происхождению украшения на позднезарубинецких памятниках бассейна Южного Буга.
1–4 – египетский фаянс; остальное – бронза.
1, 5 – Рахны, поселение; *2, 6, 8, 9, 11, 12* – Рахны, могильник; *3* – Носовцы; *4, 10* – Марьяновка; *7* – Пархомовка (рисунки: *1–4* – П. И. Хавлюк; остальное – А. М. Обломский)

Первое обобщающее исследование сарматских памятников лесостепного Приднестровья было опубликовано М. Ю. Смишко в 1976 г., т. е. довольно давно. В нем проанализированы самые северные памятники. Более полные данные с учетом новых материалов приведены в работе В. И. Гросу (*Гросу*, 1990). Весьма интересна также монография А. В. Симоненко и Б. И. Лобая, где опубликованы находки из погребений в Порогах (*Симоненко, Лобай*, 1991). Материалы приднестровских памятников рассматривались также С. В. Воронятовым (*Воронятов*, 2012. С. 70), новая карта северных памятников опубликована Я. И. Онищуком (*Онищук*, 2018. Карта 8) (рис. 10).

М. Ю. Смишко датировал северную группу сарматских памятников I – началом II в. (*Смішко*, 1976. С. 47).

В. И. Гросу сарматские памятники Верхнего Поднестровья-Попрутья относил к разным отрезкам I–II вв. н. э. (*Гросу*, 1990. С. 39–82. Табл. 5. Рис. 1; 2). В этот же хронологический диапазон укладывается и погребение 8 из кургана 1 Писаревки, судя по находке в нем фибулы типа Альмгрен-68 (*Воронятов*, 2012. Рис. 2, *4*). Надежно обоснована в рамках второй половины I в. н. э. и дата погребений в Порогах (*Симоненко, Лобай*, 1992. С. 90).

По А. В. Симоненко, который свел хронологические индикаторы из сарматских комплексов Причерноморья в единую систему периодизации, из рядовых погребений днестровско-прутской лесостепи происходят фибулы бойев, типа Альмгрен-68-69, причерноморские сильнопрофилированные с верхним крючком (серии 1 А. К. Амброза) зеркала типов VI и IX по А. М. Хазанову, мечи с кольцевидным навершием, а также с черешковой ручкой, светлоглиняные амфоры типа Шелов С, римский ковш типа Эггерс 144 и ряд других хронологических индикаторов. Не вдаваясь в дискуссию о нюансах сарматской хронологии, отмечу, что все эти типы вещей в сочетании указывают практически на тот же хронологический диапазон, который приводит В. И. Гросу, т. е. на I–II вв. Допускается существование сарматских памятников и в начальной части III в. (*Симоненко*, 2004. С. 139–151).

Единственным исключением из этого правила, которое невозможно оспорить, является захоронение 7 из Старой Сараты-1. По пряжке с овальной рамой, треугольной обоймой и фасетированным язычком с площадкой около места крепления оно датируется IV в. (*Гросу*, 1990. С. 93, 94). Тем не менее этот комплекс пока уникален. В целом сарматское присутствие в лесостепи Поднестровья – Попрутья относится к гораздо более раннему времени.

Особое археологическое явление в Подолии и на Волыни представляет собой зубрецкая культура (более раннее название «волыно-подольская группа памятников»), выделенная Д. Н. Козаком. В ее археологическом комплексе наблюдается сложный сплав пшеворских, липицких и зарубинецких традиций материальной культуры. Раскопками, судя по картам Д. Н. Козака, исследовано 17 поселений (не считая памятников типа Сокольники-Давыдов ее завершающего этапа) (*Козак*, 2008. Рис. 2) (рис. 10).

«Классический» период зубрецкой культуры (фазы 1 и 2) Д. Н. Козак датировал серединой I – II в. (*Козак*, 1985а. С. 33; 2008. С. 56). Дату ее возникновения он определял на основании параллелей форм столовых сосудов с пшеворским керамическим комплексом. Зарубинецкая по происхождению керамика появляется уже в ранних объектах (*Козак*, 2008. С. 45–56).

Узко датируемых хронологических индикаторов на ранних памятниках зубрецкой культуры пока нет. Не исключено, что к начальному периоду ее существования относятся одночленные гребни с полукруглыми спинками из Загаев-2, Майдана Гологорского, Хринников и Линива (*Козак*, 1991. С. 65. Рис. 20: *7*; 2008. Рис. 206: *10*; *Цигилик*, 1975. Рис. 52, *6*), которые Д. Н. Козак по А. Хмелёвской датирует второй половиной I – II в. (*Козак*, 1991. С. 65). Поздняя хронологическая граница фазы 2 надежно определяется фибулой типа Альмгрен-84 из Пасек Зубрецких и обломком застежки, вероятно, того же типа из Ремезивцев, смычковой фибулой с обмоткой проволокой (*Козак*, 1985а. Рис. 5, *23*; *Цигилик*, 1975. Рис. 6, *2)*. Последнюю Д. Н. Козак по аналогиям датирует концом II – началом III в. (*Козак*, 1985б. С. 39).

Таким образом, как два археологических массива сарматские и зубрецкие памятники в лесостепном Поднестровье сосуществовали как минимум в пределах середины – второй половины I–II в., т. е. в течение всего позднезарубинецкого периода.

Характер контактов. Тем не менее каких бы то ни было устойчивых связей между этими двумя группами разного по происхождению населения не прослеживается. На памятниках зубрецкой культуры отсутствуют южные украшения

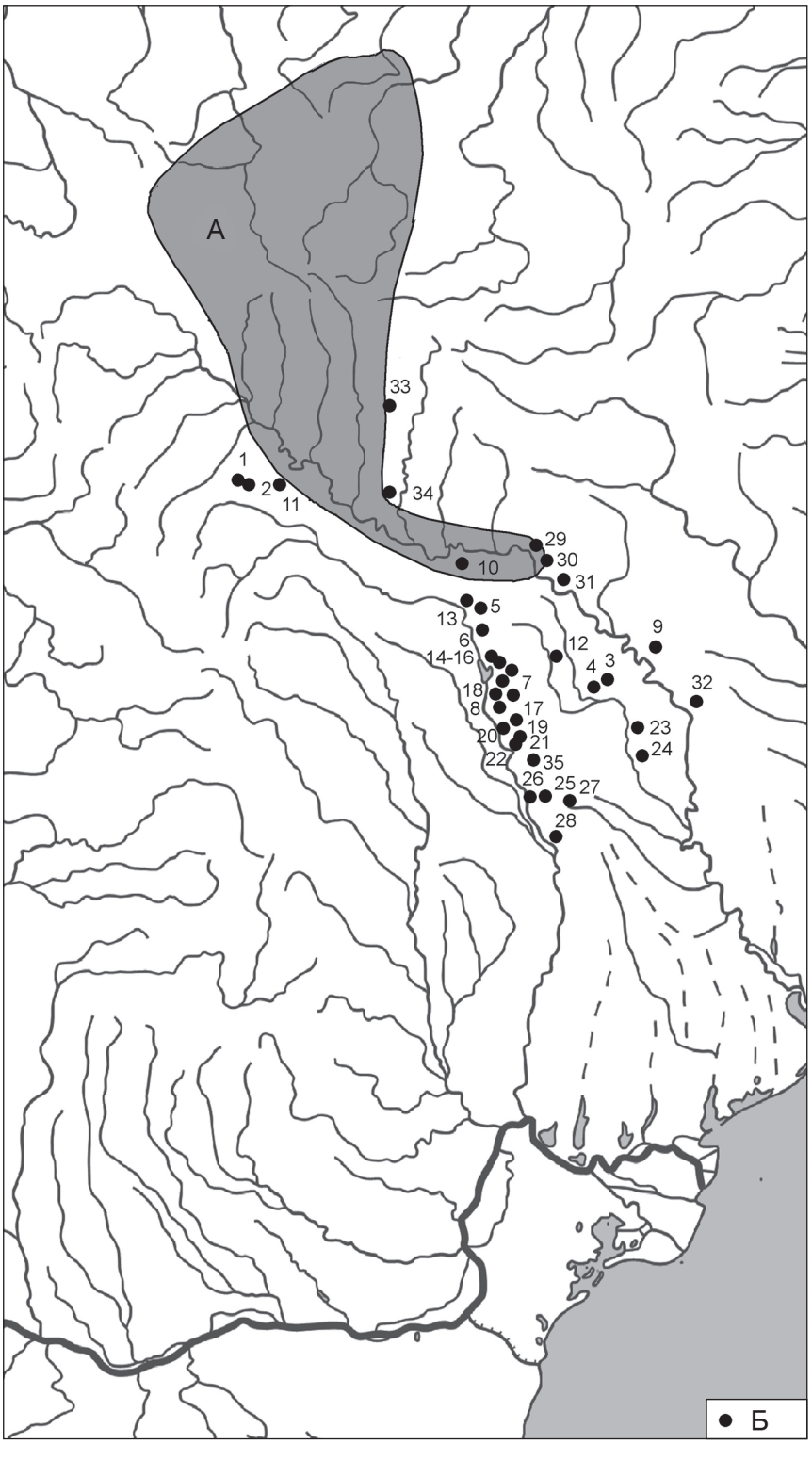


Рис. 10. Памятники сарматской и зубрецкой культур в лесостепном Поднестровье и Попрутье.
А – памятники зубрецкой культуры (ареал); Б – сарматские памятники (по М. Ю. Смишко, В. И. Гросу, С. В. Воронятову, Я. И. Онищуку – пункты).
1, 2 – Островец; 3 – Изворы; 4 – Безены; 5 – Ханкауцы; 6 – Корпач; 7 – Варатик; 8 – Новые Костешты; 9 – Грушка; 10 – Ленковцы; 11 – Киселев; 12 – Дрокия; 13 – Брынзены; 14–16 – Старые Куконешты, Старые Куконешты 1 и 2; 17 – Щербака; 18 – Думены; 19 – Новые Друиторы; 20 – Костешты; 21 – Ивановка; 22 – Бутешты; 23 – Негурены; 24 – Кодрул-Ноу; 25 – Боканы; 26 – Рисипены; 27 – Бурсучены; 28 – Петрешты; 29 – Пороги; 30 – Писаревка; 31 – Северионовка; 32 – Мокра; 33 – Заздристь; 34 – Товсте; 35 – Старая Сарата 1

(не считая отдельных бус)[5], сарматское оружие и конское снаряжение. Импортная посуда и обломки амфор на зубрецких поселениях встречаются, но Д. Н. Козак связывает эти находки с памятниками ее завершающего этапа (типа Сокольники-Давыдов) конца II – середины – конца III в. (*Козак*, 1985а. С. 33; 2008. С. 84–86), когда большинство сарматских могильников в северной части днестровского ареала прекратило свое существование.

По ряду традиций (некоторые формы столовой посуды, украшения) зубрецкая культура отчетливо ориентирована на Запад – на среднеевропейский культурный круг.

Тем не менее контакты сарматов с оседлым населением Поднестровья (но не с зубрецким периода зарубинецкого проникновения) все-таки были. Д. Н. Козак отмечал, что на могильниках Звенигород – Гоева гора и Загуменки наблюдается переплетение элементов пшеворской, липицкой и сарматской культур. К последней относятся железный меч с кольцевым навершием, хрустальные бусы, зеркало и румяна (*Козак*, 2008. С. 198).

Как отметил С. В. Воронятов, в ряде сарматских погребений встречены западные по происхождению фибулы типов Альмгрен-68–69 (Писаревка, Гордеевка, Грушка и Пороги) (*Воронятов*, 2012. С. 70. Рис. 2, *4, 6, 9*). Вряд ли можно утверждать с определенностью, что эти вещи попали к сарматам именно из позднезарубинецкой среды, где найден всего один обломок такой фибулы на поселении Марьяновка в бассейне Южного Буга. Как известно, застежки этих типов широко распространены на памятниках липецкой и пшеворской культур.

* * *

Таким образом, в трех лесостепных регионах, где наблюдается параллельное существование памятников позднезарубинецкого горизонта, сарматской, а в Поднепровье и Подонье еще и позднескифской культур, формы контактов населения были различными.

Археологических свидетельств о прямых контактах племен зубрецкой культурной группы и сарматов пока нет. В Верхнем Подонье связи ограничиваются соседскими взаимоотношениями при сохранении археологической специфики сарматской, позднескифской и позднезарубинецких культурных групп. В южной части Среднего Поднепровья и в бассейне Южного Буга связи сарматского, позднескифского и позднезарубинецкого населения были достаточно тесными вплоть до глубокого проникновения сарматских и позднескифских группировок на территорию Среднего Поднепровья.

Это разнообразие характера контактов показывает, что однозначно говорить о подчинении позднезарубинецких племен сарматам нельзя. Вообще, данные археологии в большинстве случаев не могут прямо свидетельствовать, господствовал один народ над другим или нет. Как правило, можно определить только направление и степень интенсивности связей между археологическими общностями.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 139 с. (САИ, вып. Д1-30).

Башкатов Ю. Ю., Бітковська Т. В., 2021. Івківці – новий тип пізньозарубинецьких пам'яток Середнього Подніпров'я // Археологія. № 2. С. 52–62.

Березуцкий В.Д, Меркулов А. Н., Разуваев Ю. Д., Берестнев Р. В., 2021. Верхнее Подонье в раннем железном веке // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Ред. И. В. Федюнин. Воронеж: Научная книга. С. 283–460.

Берестнев Р. С., 2017. Сарматы в междуречье Хопра и Волги. Дисс. канд. истор. наук. Воронеж.

Берестнев Р. С., 2020. Сарматы между Хопром и Волгой (итоги исследования) // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 367–376.

Бирюков И. Е., 2009. Постскифская волна от Дона до Волги (сравнительный анализ поселений Подонья и Поволжья первых вв. н. э.) // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7–11 декабря 2009 г. Тезисы докладов / Ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ. С. 39–41.

[5] Единственная бусина из египетского фаянса, который очень характерен для сарматских комплексов, происходит с поселения Пасеки Зубрецкие (*Козак*, 1991. С. 63).

Бирюков И. Е., 2020. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 393–403.

Болтрик Ю., Діденко С., Кармазіна Л., Пробийголова О., Черниш С., 2019а. Хроноіндикатори городища на горі Лисуха (гончарні артефакти) // Археологічні дослідження в Україні 2017 р. / Ред. Ю. В. Болтрик. Київ: ІА НАН України. С. 292–293.

Болтрик Ю., Кармазіна Л., Пробийголова О., Очеретний С., 2019б. Житлово-господарські комплекси городища Лисуха // Археологічні дослідження в Україні 2017 р. / Ред. Ю. В. Болтрик. Київ: ІА НАН України. С. 302–305.

Воронятов С. В., 2012. Позднезарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра // Российская археология. № 1. С. 69–81.

Воронятов С. В., Ерёменко В. Е., 2013. «Плавильщики» царя Фарзоя // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: Сб. статей к 60-летию А. Н. Дзиговского / Ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк. С. 51–58.

Вязьмитина М. И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев: Наукова думка. 191 с.

Гей О. А., Сымонович Э. А., 2019. Позднескифский могильник Красный Маяк (раскопки 1976–1977 гг.). М.: ИА РАН. 83 с.

Гросу В. И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца. 202 с.

Гудкова А. В., 1999. 1–4 вв. в Северо-Западном Причерноморье (Культура оседлого населения) // Stratum plus. № 4. С. 235–404.

Драчук В. С., 1974. Система знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых вв. н. э. Киев: Наукова думка. 176 с.

Зиньковская И. В., 2019. Варварские эмали в лесостепном Доно-Волжском междуречье // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 3. С. 59–66.

Зиньковская И. В., 2020. Горизонт выемчатых эмалей, венеты и сарматы в бассейне Дона // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 409–420.

Кармазіна Л. В., 2019. Фібули із городища на горі Лисуха (знахідки 2016–2018 рр.) // Археологія і давня історія України. № 4 (33). С. 239–246.

Клюкойть А. А., Бирюков И. Е., Голышкин А. О., 2018. Новый сарматский могильник на Верхнем Дону (предварительное сообщение) // Археология восточноевропейской лесостепи. Сб. научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года) / Ред. В. А. Сарапулкин. Белгород: ИД «Белгород». С. 88–99.

Козак Д. Н., 1985а. Пшеворская культура и волыно-подольская группа // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 25–33.

Козак Д. Н., 1985б. Липицкая культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 34–41.

Козак Д. Н., 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.). Київ: Наукова думка. 175 с.

Козак Д. Н., 2008. Венеди. Київ: ІА НАНУ. 470 с.

Кравченко Н. М., 1994. Черняхівське поселення Обухів-1 та його київське оточення (до вивчення характеру зв'язків між черняхівською та «традицийними» культурами римської доби) // Старожитності Русі-України / Ред. П. П. Толочко. Київ: Київська Академія Євробізнесу. С. 37–43.

Кравченко Н. М., 1999. Обухівський камінь з петрогліфами // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е. / Ред. Р. В. Терпиловский. Київ – Львів: РАС. С. 94–105.

Кравченко Н. М., 2000. Путешествие в первое тысячелетие нашей эры. Записки об археологической (студенческой) экспедиции. Киев: НПУ им. М. П. Драгоманова. 68 с.

Кубишев А. І., Покляцький О. В., Симоненко О. В., 1987. Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. № 58. С. 56–63.

Любичев М. В., 2019. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V вв. Ч. 1. Харьков: Естет Принт, 268 с. (Ostrogothica – Serie: Bände. Т. 2).

Максимов Е. В., 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 183 с.

Мастыкова А. В., Свиридов А. Н., 2021. Двурогие пластинчатые лунницы римского времени в Крыму: распространение, датировка (по материалам могильника Фронтовое 3) // Stratum plus. № 4. С. 231–244.

Медведев А. П., 1987. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи / Ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ. С. 93–111.

Медведев А. П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины 1 тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н. э. / Ред. А. П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 42–84.

Медведев А. П., 2008а. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 235 с.

Медведев А. П., 2008б. Сарматское «княжеское» погребение в кургане у г. Липецка // Российская археология. № 4. С. 97–107.

Медведев А. П., 2022. Сарматская эпоха // Археология Центрального Черноземья (Дон) / Отв. ред. А. П. Медведев. Воронеж: Научная книга. С. 201–248.

Медведев А. П., Березуцкий В. Д., 2018. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. № 3. С. 138–152.

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М.: Наука, 255 с. (Раннеславянский мир. Вып. 5).

Обломский А. М., 2006. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ. С. 79–81.

Обломский А. М., 2017а. Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж // De mare ad mare. Археология и история: Сб. статей к 60-летию Н. А. Кренке / Ред. Л. А. Беляев, М. И. Гоняный, И. Н. Ершов. М. – Смоленск: Свиток. С. 312–344.

Обломский А. М., 2017б. Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // Российская археология. № 1. С. 55–69.

Обломский А. М., 2018. Материалы первых вв. н. э. на поселениях Ксизово-17 и 19 // Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. К 25-летию Курского государственного областного музея археологии / Ред. Г. Ю. Стародубцев. Курск: КГОМА; АНО «Центр археологических исследований». С. 47–80 (Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. V).

Обломский А. М., 2021а. Фибулы Днепровского лесостепного левобережья и Подонья раннеримского времени. Проблема связей оседлого населения // КСИА. Вып. 265. С. 139–159.

Обломский А. М., 2021б. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Ред. И. В. Федюнин. Воронеж: Научная книга. С. 461–648.

Обломский А. М., 2022. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники востока Днепровского левобережья и Верхнего Подонья. Продолжение темы // Крым в сарматскую эпоху. Вып. VIII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Севастополь: Альбатрос. С. 147–173.

Обломский А. М., Приймак В. В., 2020. Материалы рубежа нашей эры на городище Битица в Сумской области (раскопки 1984–1986 гг.) и некоторые проблемы позднескифской археологии лесостепного Поднепровья // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 377–392.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В., 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев: АН УССР, Институт археологии, препринт. 47 с.

Обломский А. М., Томашевич Т. В., 1993. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья // КСИА. Вып. 207. С. 48–55.

Онищук Я. І., 2018. Населення Західної Волині та Західного Поділля у першій половині І тис. н. е.: культурно-історичний аспект. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 568 с.

Петрашенко В. О., Циндровська Л. О., 2006. Роботи Канівської експедиції у 2005 р. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. / Ред. Н. О. Гаврилюк. Київ, Запоріжжя: ІА НАНУ, Дике Поле. С. 302–307.

Погребова Н. Н., 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье / Отв. ред. К.Ф Смирнов. М.–Л.: Издательство АН СССР. 103–247 С. (МИА. Т. 64).

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.), 2010 / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. 330 с. (Раннеславянский мир. Вып. 12).

Приймак В. В., 2022. Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.) // Друзей медлительный уход... Памяти Олега Шарова / Ред. М. М. Казанский, А. В. Мастыкова (Библиотека Stratum plus). Кишинев: Stratum Plus. № 4. С. 221–234.

Разуваев Ю. Д., 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. / Ред. А. П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 42–84.

Симоненко А. В., 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 52–68.

Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. Б. А. Раев. Краснодар. С. 134–173.

Симоненко А. В., 2012. Сарматы в Среднем Поднепровье // Золото, конь и человек: Сб. статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко / Ред. А. В. Симоненко. Киев: КНТ. С. 45–72.

Симоненко А. В., 2020. Поздние скифы и сарматы на Нижнем Днепре: новые данные к проблеме взаимоотношений // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 304–316.

Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-западного Причерноморья в 1 в. н. э. Киев: Наукова думка. 111 с.

Симоненко О. В., Сікоза Д. М., Дзнеладзе О. С., 2015. Пізньоскіфський могильник Чевоний Маяк. Дослідження 2011–2015 рр. Херсон: без изд-ва. 155 с.

Синица Е. В., 2008. Сарматское погребение из хут. Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Вып. I. С. 9–28.

Синица Е. В., 2013. Ще раз про взаємовідносини між сарматами та носіями зарубинецької археологічної культури // Етнична історія народів Європи. Вып. 14. С. 14–20.
Смішко М. Ю., 1976. Сарматські племена // Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу первіснообщинного ладу та в давньруський час / Ред. О. П. Черниш. Київ: Наукова думка. С. 38–47.
Стоянова А. А., 2011. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ, XVII. С. 116–140.
Терпиловський Р. В., Петраускас О. В., 2005. Черняхівські поховання могильника Дідів Шпиль на Канівщині // Археологія. № 1. С. 58–69.
Хреков А. А., 1994. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые вв. н. э. // Российский исторический журнал. № 1. С. 51–57.
Хреков А. А., 1997. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3 / Ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН. С. 325–336.
Хреков А. А., 2021. Воинские атрибуты и некоторые вопросы этнической истории Прихоперья в первой половине I тыс. н. э. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 17. С. 161–196.
Цигилик В. М., 1975. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ: Наукова думка. 175 с.
Циндровська Л. О., 2009. Зарубинецькі тілоспалення могильника Дідів Шпиль // Vita antiqua. № 7–8. 155–162.
Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П., 1977. Справочник по археологии Украины. Харьковская обл. Киев: Наукова думка. 156 с.
Щукин М. Б., 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые вв. н. э. // АСГЭ. Вып. 12. С. 54–67.
Щукин М. Б., 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. Вып. 20. С. 66–89.
Щукин М. Б., 1986. Горизонт Рахны – Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы 1 тысячелетия / Ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет. С. 26–38.
Яценко С. А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература. 190 с.

Резюме. Статья посвящена характеру связей и контактов сарматского и позднескифского населения лесостепи Восточной Европы в I–II вв. н. э. с одной стороны и позднезарубинецкого – с другой. Формы контактов были различными. Их можно свести в три модели. Первая модель. Практически полное отсутствие связей (Верхнее Поднестровье). Археологических свидетельств о прямых контактах племен зубрецкой культурной группы и сарматов пока нет. Вторая модель. Соседские контакты. В Верхнем Подонье связи ограничиваются соседскими контактами при сохранении археологической специфики сарматской, позднескифской и позднезарубинецких культурных групп. Третья модель. Устойчивые связи. В южной части Среднего Поднепровья и в бассейне Южного Буга связи сарматского, позднескифского и позднезарубинецкого населения были достаточно тесными вплоть до глубокого проникновения сарматских и позднескифских группировок на территорию Среднего Поднепровья. Это разнообразие характера контактов показывает, что однозначно говорить о подчинении позднезарубинецких племен сарматам нельзя.

Ключевые слова: Позднезарубинецкие культурные группы, позднескифская культура, сарматы, контакты и связи.

A. M. Oblomsky

On the nature of contacts between the Late Zarubintsy and Sarmatian-Late Scythian populations in the forest-steppe zone (I – II centuries AD)

Abstract. The article is devoted to the nature of relations and contacts of the Sarmatian and Late Scythian populations of the forest–steppe zone of Eastern Europe in the I - II centuries AD, on the one hand, and the Late Zarubintsy, on the other. The forms of contacts were different. They can be combined into three models.

The first model. Almost complete absence of connections (the Upper Dniester region). There is no archaeological evidence of direct contacts between the tribes of the Zubra cultural group and the Sarmatians.

The second model. Neighborhood contacts. In the Upper Don region, connections have the form of neighborly contacts whith preserving the archaeological specifics of the Sarmatian, Late Scythian and Late Zarubintsy cultural groups.

The third model. Stable connections. In the southern part of the Middle Dnieper and in the basin of the Southern Bug, the connections of the Sarmatian, Late Scythian and Late Zarubintsy population were quite close until the deep penetration of Sarmatian and Late Scythian groups into the territory of the Middle Dnieper area.

This diversity of the nature of contacts shows that it is impossible to speak unequivocally about the subordination of the Late Zarubintsy tribes to the Sarmatians.

Keywords: Late Zarubintsy cultural groups, Late Scythian culture, Sarmatians, contacts and connections.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.185-196

МОГИЛА III В. Н. Э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПРЕДУЩЕЛЬНОЕ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

И. И. Неневоля, А. А. Волошинов

Могильник расположен в Юго-Западном Крыму, на правом берегу р. Кача, в 50–80 м к востоку, юго-востоку от с. Предущельное Верхореченского сельского поселения. Занимает тальвег оврага Кош-Дермен (Панны-Дересы, балка Мельничная) и северный склон возвышенности Джан-Баир, господствующей над селом.

Некрополь открыт заместителем директора Бахчисарайского историко-архитектурного музея[1] И. И. Лободой в 1976 г., когда при строительстве линии электропередачи в нижней части балки была частично разрушена камера склепа (не исследовался). В 1995 г. в 80 м к югу от поврежденного склепа при расширении грунтовой дороги, идущей по центральной части склона, было разрушено еще три могилы. По информации местных жителей, могилы содержали по одному погребенному и различные предметы инвентаря (амфора, бусы, обломки железного меча и т. п.).

Археологические исследования памятника были начаты сотрудниками Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника (И. И. Неневоля, А. А. Волошинов) в 1999 г., а в 2000 г. продолжены в рамках Качинской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины (руководитель Ю. П. Зайцев). За указанный период было открыто 21 погребальное сооружение, в том числе 17 подбойных и две грунтовые могилы, а также два продольно-осевых склепа (*Неневоля, Волошинов*, 1999. С. 9–18)[2]. Позднее некрополь был ограблен, раскопки на его территории не возобновлялись.

Погребальные сооружения могильника были врезаны в склон, выкопаны в светлом делювиальном суглинке и ориентированы по оси северо-запад – юго-восток, за исключением могилы № 1, вытянутой по линии север – юг.

Захоронения совершены по обряду ингумации, в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Судя по остаткам древесного тлена, большая часть погребенных была захоронена в деревянных гробах и колодах. Некоторые из могил ограблены в древности.

Погребальный инвентарь имеет многочисленные аналогии в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма и может быть предварительно датирован серединой – третьей четвертью III в. н. э. – первой половиной IV в. н. э.

Могила № 10

Из подбойных могил редким сочетанием инвентаря выделяется могила № 10. Погребальное сооружение было расположено к юго-востоку от подбойной могилы № 9, юго-восточный угол камеры которой был частично разрушен при сооружении могилы № 10.

Погребальное сооружение расположено по линии искусственной древней террасы, на северном склоне возвышенности Джан-Баир, ориентировано по оси северо-запад – юго-восток (рис. 1).

Входная яма в плане имеет подпрямоугольные очертания, ее длина составляет 2,7 м, ширина – 1,1 м, наибольшая глубина от современной поверхности – 2,20 м. Вдоль юго-западной, продольной стенки устроена ступенька высотой 0,72 м и шириной 0,49 м. Ниша подбоя располагалась в северо-восточной стенке входной ямы и была закрыта плитами известняка, установленными на ребро. Весь объем входной ямы

[1] Ныне ГБУ РК БИКАМЗ – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

[2] Одним из результатов этих исследований стало открытие нового для Юго-Западного Крыма типа склепов первой половины IV в. н.э. Их конструктивные особенности (вертикальный спуск во входную яму и устройство в одной из ее стенок могилы-подбоя) находят многочисленные аналогии на памятниках Центрального (Дружное, Перевальное) и Восточного (Курское) Крыма.

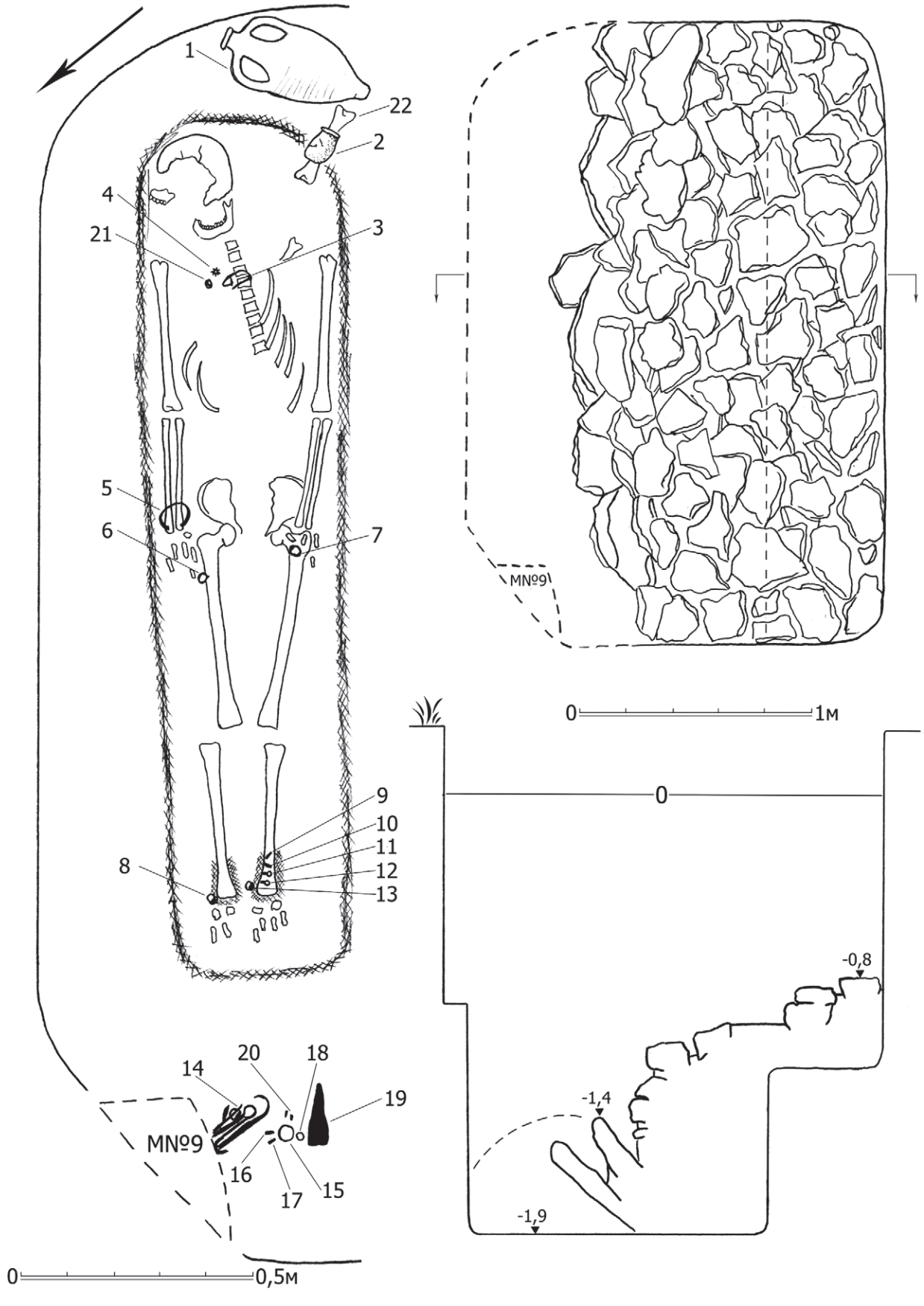


Рис. 1. Планы и разрез могилы 10

на высоту 1,15 м заполнен иррегулярной бутовой кладкой.

Погребальная камера прямоугольных в плане очертаний с закругленными углами параллельна входной яме. Длина камеры – 2,72 м, ширина – 0,72 м. В юго-восточной части свод подбоя сохранился на высоту 0,55 м, его пол на одном уровне с дном входной ямы. После обрушения свода в древности плиты заклада частично просели внутрь камеры.

Захоронение взрослого человека совершено в деревянном гробу подпрямоугольных очертаний. Контур гроба прослежен в виде полос органического тлена темно-коричневого оттенка, его длина составила 1,87 м, ширина – 0,37–0,46 м. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на юго-восток. Лицевая часть черепа незначительно развернута к северу. Правая рука вытянута вдоль тела, левая рука незначительно согнута в локте, кисть была уложена на левое бедро. Ноги вытянуты параллельно, сближены в стопах.

Инвентарь. На крышке гроба зачищены кость животного (рис. 1, *22*), над ней лежал стеклянный стакан (рис. 1, *2*; 2, *2*). У юго-восточной торцевой стенки камеры, за пределами гроба, располагалась светлоглиняная амфора (рис. 1, *1*; 4, *1*), лежавшая горловиной на восток.

В верхней части грудной клетки (в области грудины) находилась бронзовая фибула (рис. 1, *3*; 2, *3*), рядом – стеклянная и хрустальная бусины (рис. 1, *4*, *21*; 2, *4, 21*). На запястье правой руки найден бронзовый браслет (рис. 1, *5*; 2, *5*), на фалангах обеих рук – серебряные перстни (рис. 1, *6;* 2, *6*; 1, *7*; 2, *7*). В области медиальных лодыжек большеберцовых костей прослежен органический тлен – вероятно, остатки короткой кожаной обуви, а также комплект бронзовой обувной (?) фурнитуры (рис. 1, *8–13*; 2, *8–13*).

В северо-западной части камеры находилось скопление железных предметов (рис. 1, *14*; 4, *14*), а также железный наконечник (рис. 1, *19*; 3, *19*), гвозди (рис. 1, *20*; 3, *20*), бронзовое (рис. 1, *15*; 3, *15*) и железное (рис. 1, *18*; 3, *18*) кольца, бронзовые обоймы (рис. 1, *16*, *17*; 3, *16, 17*).

Анализ погребального инвентаря (рис. 2–4):

1. **Светлоглиняная узкогорлая амфора** (рис. 4, *1*). Горло короткое, коническое, расширяющееся книзу. Его нижняя граница обозначена технологическим швом. Венчик валикообразный, с максимальным расширением в центральной части, вертикальное ребро не выражено. Ручки овальные в сечении, с внешней стороны профилированы невысоким продольным гребнем. Тулово реберчатое, яйцевидной формы, плавно переходящее в ножку в виде узкого кольцевого поддона.

Тип D по Д. Б. Шелову (*Шелов*, 1978. С. 18–19. Рис. 7). С. Ю. Внуков подобные сосуды относит к варианту CIVD, датируя наиболее близкие аналогии 240–251 гг. н. э. (*Внуков*, 2016. С. 43. Рис. 4, *16–18*). К поздним вариантам амфор типа Шелов D относит подобные сосуды С. В. Диденко (*Диденко*, 2015. С. 386, 389, 391. Рис. 1, *4, 5*).

Общая высота сосуда составляет 36,2 см. Диаметр венчика – 5,6 см, донца – 2,7 см.

2. **Стакан из прозрачного бесцветного стекла** (рис. 2, *2*). Венчик отогнут наружу и оплавлен, дно вогнутое. Подобные сосуды Айсингс относит к форме 30, датирующейся I в. до н. э. – III в. н. э. (*Isings*, 1957. P. 45). Аналогичный по морфологии кубок I – середины III в. н. э. типа Ф5 найден в некрополе Горгиппии (*Алексеева, Сорокина*, 2007. Табл. 40, *2*). По профилировке сосуд из Предущельного близок стаканам III в. н. э. из могильника Нейзац (*Шабанов*, 2011, С. 146, 147. Рис. 4, *29, 30*).

Высота стакана – 8,1 см, диаметр тулова max. – 5,3 см, диаметр венчика – 4,3 см, дна – 2,4 см.

3. **Двучленная лучковая бронзовая фибула** с дужкой в виде массивного стержня и расширенной ножкой (рис. 2, *3*). Тетива нижняя, дужка квадратная в сечении. Ось пружины изготовлена из железа.

Тип Альмгрен 157 (*Almgren*, 1897. S. 72–76. Taf. VII, *157*). А. К. Амброз отнес подобные фибулы к серии III, типу 1 и датировал его II–III вв. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 52, Рис. 9, *18, 19*). А. А. Труфанов, ссылаясь на мнение ряда исследователей о том, что эти фибулы появляются в середине III в. н. э. и существуют во второй половине века, приводит в подтверждение ряд монетных находок 238–262 гг. (*Труфанов,* 2009. С. 214. Рис. 57, *12*). Близкие фибулы найдены в могиле 20 некрополя Дружное с монетой Галлиена (253–268 гг.) (*Храпунов, Масякин,* 1997. С. 166, 168, 169. Рис. 4, *1*; 5, *5*; *Храпунов*, 2002. С. 19, 91. Рис. 95, *1*; 96, *5*) и во втором, позднем погребении могилы 152 некрополя Нейзац, датируемом второй половиной III в. н. э. (*Храпунов*, 2003. С. 340. Рис. 10, *1*).

В. В. Кропотов отнес подобные фибулы к серии III и датировал их исключительно второй

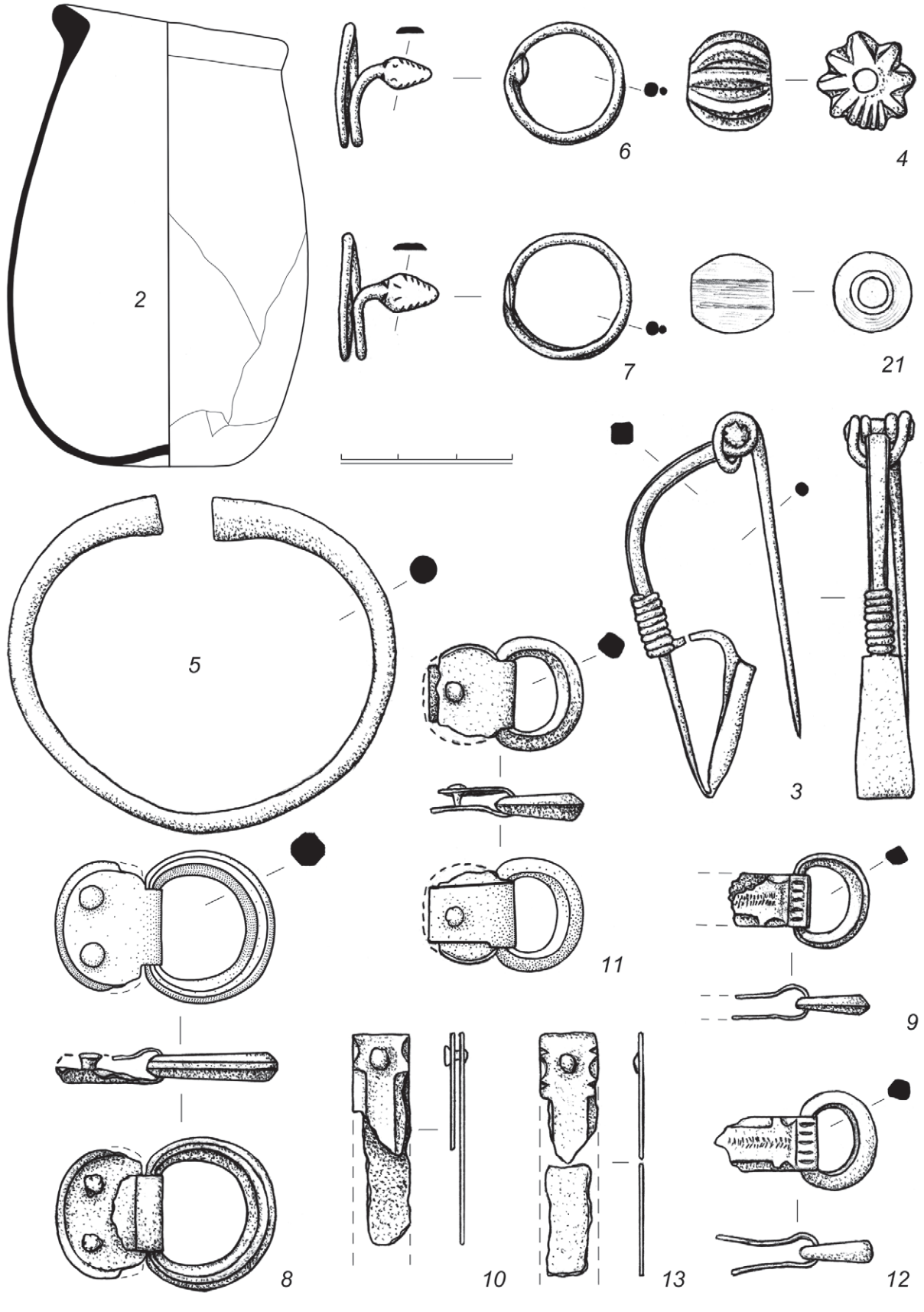


Рис. 2. Погребальный инвентарь могилы 10. Предметы, найденные на крышке гроба (*2*) и на погребенном (*3–7, 21*), в том числе детали ременной гарнитуры в области стоп (*8–13*)

половиной III в. н. э. (*Кропотов*, 2010. С. 150, 151. Рис. 45, *5*). Этим же временем (тип III.1b) датирует их Кирстен Хеллстрём (*Hellström*, 2018. S. 84, 85. Abb. 31, *2*). И. О. Гавритухин подобную фибулу из могилы № 9 некрополя Фронтовое 3 относит к типу 3–1-В, относящемуся к хронологическому горизонту лучковых фибул ФЛ-5 (*Гавритухин*, 2022. С. 27, 36. Рис. 4, *7*).

Общие размеры фибулы – 6,8×2,8 см. Длина дужки – 6,2 см, толщина – 0,35 см, длина иглы – 5,5 см, длина приемника – 2,5 см.

4. **Округлая ребристая бусина** (рис. 2, *4*). Изготовлена из прозрачного синего стекла. Е. М. Алексеева отнесла подобные изделия к типу 149, датирующемуся эпохой эллинизма – первыми веками н. э. Наибольшую популярность этот тип бус приобрел в I в. н. э. (*Алексеева*, 1978. С. 71. Табл. 33, *54*).

Диаметр бусины – 1,8 см, длина – 1,5 см.

5. **Браслет с утолщающимися окончаниями** (рис. 2, *5*). Изготовлен из круглой в сечении бронзовой проволоки. Т. Н. Высотская датирует подобные браслеты I–II вв. н. э. (*Высотская*, 1994. С. 110, 111). В. М. Зубарь считает, что они получают широкое распространение с III в. н. э. (*Зубарь*, 1982. С. 99. Табл. 61, *15–17*). А. А. Труфанов относит такие предметы к комплексам 6-й и 7-й групп, приводя взаимовстречаемость подобных предметов в могильнике Тиритака и Дружное с монетами 238–268 гг. н. э. (*Труфанов*, 2009. С. 226. Рис. 63, *13*).

Размеры – 5,9×6,8 см, диаметр проволоки – 3–8 мм.

6, 7. **Серебряные перстни в виде свернувшейся змеи** с перпендикулярно отогнутой головой (рис. 2, *6, 7*). Свиты в два витка из круглой в сечении проволоки. Голова змеи уплощенная, трапециевидная в поперечном сечении, украшена чеканными насечками в виде треугольников и коротких линий.

Золотые и серебряные изделия подобной формы получили широкое распространение в первые века н. э. (*Труфанов*, 2022. С. 155), их датировка нередко суммарна (Сокровища… 2013. С. 115; *Фурманська*, 1962. С. 128. Рис. 10, *2*). К I–II вв. н. э. относятся находки из погребения А4 некрополя Нимфея (*Грач*, 1999. С. 37. Табл. 6, *5*), близкими по исполнению являются перстни из Помпей (*Pfeiler*, 1970, S. 28. Taf. 4, *2, 3*). Несколько более отдаленной аналогией является перстень из Аугусты Раурики (*Riha,* 1990. Taf. 81, *205*).

Крымские находки проволочных перстней выделены А. А. Труфановым в тип 3.2 (*Труфанов*, 2022. С. 121–197. Рис. 21, *23–25*), а Б. Полит – к подтипу V/2 (*Polit,* 2022. P. 128–130. Pl. 37, *13, 14*). К предметам рассматриваемого типа отнесен бронзовый перстень из могилы № 1 некрополя Нейзац (*Храпунов*, 2011. С. 43. Рис. 45, *7*), датируемый III в. н. э. (*Храпунов, Стоянова,* 2022. С. 304), а также перстень III–IV вв. н. э. из могилы № 53 некрополя Совхоз 10 (*Стржелецкий и др.,* 2005. С. 198, Табл. 7, *80*). IV в. н. э. датируется перстень типа V из могилы 32 некрополя Дружное (*Храпунов,* 2002. С. 42, 92. Рис. 117, *20*). Близкой аналогией является также и перстень из могильника Опушки, найденный в погребении 4 склепа № 346 с инвентарем середины – второй половины III в. н. э. (*Храпунов, Стоянова*, 2022. С. 304. Рис. 21, *5*). Сходным образом моделированы и орнаментированы змеиные головки на серебряном перстне из погребения 21 могильника Фронтовое 3 (к. о. 226). Погребение относится к 2-му хронологическому периоду существования могильника, т. е. второй половине III в. н. э. (*Gavritukhin и др.,* 2021. P. 109. Fig. 10, *18*).

Размеры: диаметр – 2,2 см, ширина – 1,7 см (6); диаметр – 2,3 см, ширина – 1,8 см (7), сечение проволоки – 2 мм.

8–13. **Детали ременной гарнитуры в области стоп** (рис. 2: *8–13*). Предметы в количественном отношении образуют два комплекта, каждый из которых состоит из двух колец в обойме и одного наконечника. Однако идентичными характеристиками обладают только кольца под № 9 и 12 (в подобном же стиле орнаментирована бронзовая обойма № 16). Другие предметы из скопления в области стоп отличаются размерами и орнаментацией и изначально, вероятно, принадлежали к разным наборам.

8, 11. **Бронзовые кольца с одночастным фасетированным щитком** (пряжка без язычка, кольцо в обойме).

8. **Овальное, утолщенное в передней части, восьмигранное в сечении кольцо** (рис. 2, *8*). Закреплено в пластинчатой обойме, которая широкой петлей охватывает более тонкое, прямое основание кольца. Лицевая сторона обоймы овальная, украшена фасеткой и отделена от петли короткими уступами, тыльная сторона прямоугольная, ее ширина соответствует петле. Обойма по линии ее длинной оси скреплена двумя бронзовыми заклепками.

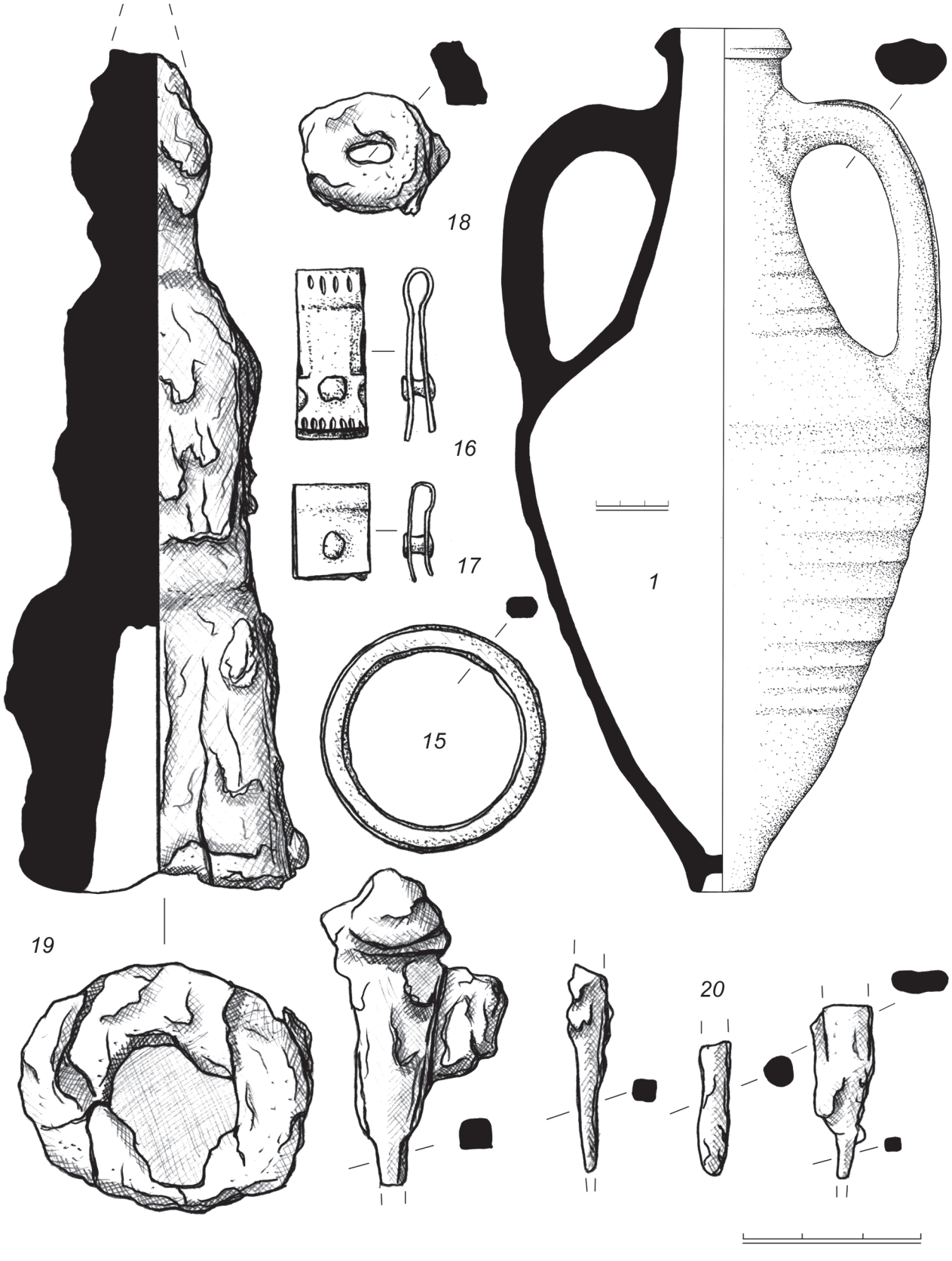


Рис. 3. Погребальный инвентарь могилы 10. Амфора (*1*) и предметы, найденные в северо-западной части камеры (*15–20*)

Общие размеры – 3,8×2,7×0,65 см. Размеры кольца – 2,3×2,7 см, его сечение – 0,4–0,6 см, размеры обоймы – 2,3×1,4 см, толщина – 0,5–0,65 см.

11. **Овальное, утолщенное в передней части, ромбическое в сечении кольцо** (рис. 2, *11*). Закреплено в пластинчатой обойме, которая широкой петлей охватывает более тонкое, прямое основание кольца. Лицевая сторона обоймы овальная, украшена короткой фаской и отделена от петли короткими уступами, тыльная сторона представляет собой трапециевидную пластину, направленную основанием к кольцу, где ее ширина соответствует петле. В центральной части обойма скреплена бронзовой заклепкой.

Общие размеры (11) – 2,7×2,1×0,55 см. Размеры кольца – 2,1×1,55 см, его сечение – 0,45 см, толщина щитка – 0,4–0,5 см. Размеры лицевой стороны обоймы – 1,6×1,7 см, оборотной стороны – 1,35×1,0–1,2 см.

Подобный предмет найден, например, в кургане 7/1 Градештского могильника (*Дзиговский, Субботин,* 1986. С. 156. Рис. 2, *3*), относящемся, вероятно, ко второй половине III в. н. э. (*Храпунов,* 2003. С. 341). Пряжка с граненым кольцом, но с прямоугольной обоймой найдена в могиле № 194 некрополя Нейзац, датируемой III в. н. э. (*Храпунов,* 2004. С. 109. Рис. 2, *4*). В целом же кольца с обоймами использовались во II–V вв. н. э. и известны по материалам степных сарматских и варварских некрополей Крыма (*Храпунов*, 2002. С. 42; 2008. С. 364. Рис. 4, *6*).

9, 12. **Кольца с одночастным щитком** (рис. 2, *9, 12*), орнаментированным фасетками и гравированными насечками (пряжка без язычка, кольцо в обойме).

Овальное, утолщенное в передней части, ромбическое в сечении бронзовое кольцо. Закреплено в пластинчатой обойме, которая широкой петлей охватывает более тонкое, прямое основание кольца. Лицевая сторона обоймы прямоугольная, украшена фасетками и двумя рядами гравированных насечек. Лицевая сторона петли орнаментирована пятью насечками. Сохранность предметов не позволяет установить полные параметры и характер завершения щитков. Относительно близкими аналогиями являются предметы III в. н. э., найденные в могилах № 169 и 222 могильника Нейзац (*Храпунов,* 2011. С. 35. Рис. 4, *8*; 33, *1, 3*).

Общие размеры – 2,5×1,7×0,6 см (9) и 2,8×1,8×0,7 см (12).

9: размеры кольца – 1,3×1,7 см, его сечение – 0,3–0,4 см. Размеры обоймы – 1,4×0,95 см, толщина – 0,4–0,65 см.

12: размеры кольца – 1,4×1,8 см, его сечение – 0,4 см, размеры обоймы – 1,8×0,95 см, толщина – 0,5–0,7 см.

10, 13. **Двухчастные прямоугольные пластинчатые наконечники ремней** с фасетированной лицевой накладкой (рис. 2, *10, 13*). Бронзовые пластины соединены бронзовой заклепкой. Сохранность предметов не позволяет установить характер завершения нижней части.

Наконечники с подобным оформлением найдены в погребениях 7-й хронологической группы, датируемой А. А. Труфановым второй половиной III – началом IV в. н. э. (*Труфанов*, 2009. С. 221. Рис. 61, *30*). По В. Ю. Малашеву, подобные предметы представлены типами Н6, Н7 из погребальных комплексов хронологической группы IIIа и IIIб (*Малашев,* 2000. С. 197. Рис. 1; 8, *В,1*; 9, *А,3*; 9, *Б*; 12, *Б,6,8*; 12, *Д,1*). В аналогичном стиле оформлены наконечники и пластинки наборных поясов из ряда катакомбных погребений нижнедонских степей (*Безуглов*, 2008. С. 288, 289. Рис. 4, *12*; 7, *14, 17, 18*). Близкими по характеру фасеток являются предметы из могилы 169 могильника Нейзац (*Храпунов*, 2011. Рис. 4; 24) и наконечники ремней второй половины III в. н. э. из могилы 152 того же некрополя (*Храпунов*, 2003. С. 340. Рис. 4, *4, 5*; *Храпунов*, 2011. Рис. 24, *4, 5*). Этим временем (*Храпунов*, 2003. С. 341), вероятно, датируются и наконечники ремней из могильника Градешки (*Дзиговский, Субботин*, 1986. С. 155. Рис. 2, *15, 16*).

Размеры наконечников – 3,7×1,0 см, толщина – 0,25 см (10), 4,3×1,0 см, толщина – 0,05 см (13).

14–20. **Скопление предметов в северо-западной части камеры** (рис. 1, *14–20*; 3, *15–20*; 4, *1–6*).

14. 1–6. **Скопление железных предметов** (набор инструментов?) (рис. 1, *14*; 4, *1–6*).

Общие размеры – 14,3×8,3 см.

14.1. **Крюк** с округлой в сечении рукоятью и плоским в сечении, загнутым и заостренным окончанием (лезвием?) (рис. 4, *1*).

Подобные предметы, назначение которых не было определено, найдены в составе погребального инвентаря склепа № 4 и могилы № 125 могильника Нейзац, датируемых IV в. н. э. (*Храпунов,* 2006. С. 42, 44. Рис. 4, *2*; 2008. С. 377. Рис. 9,

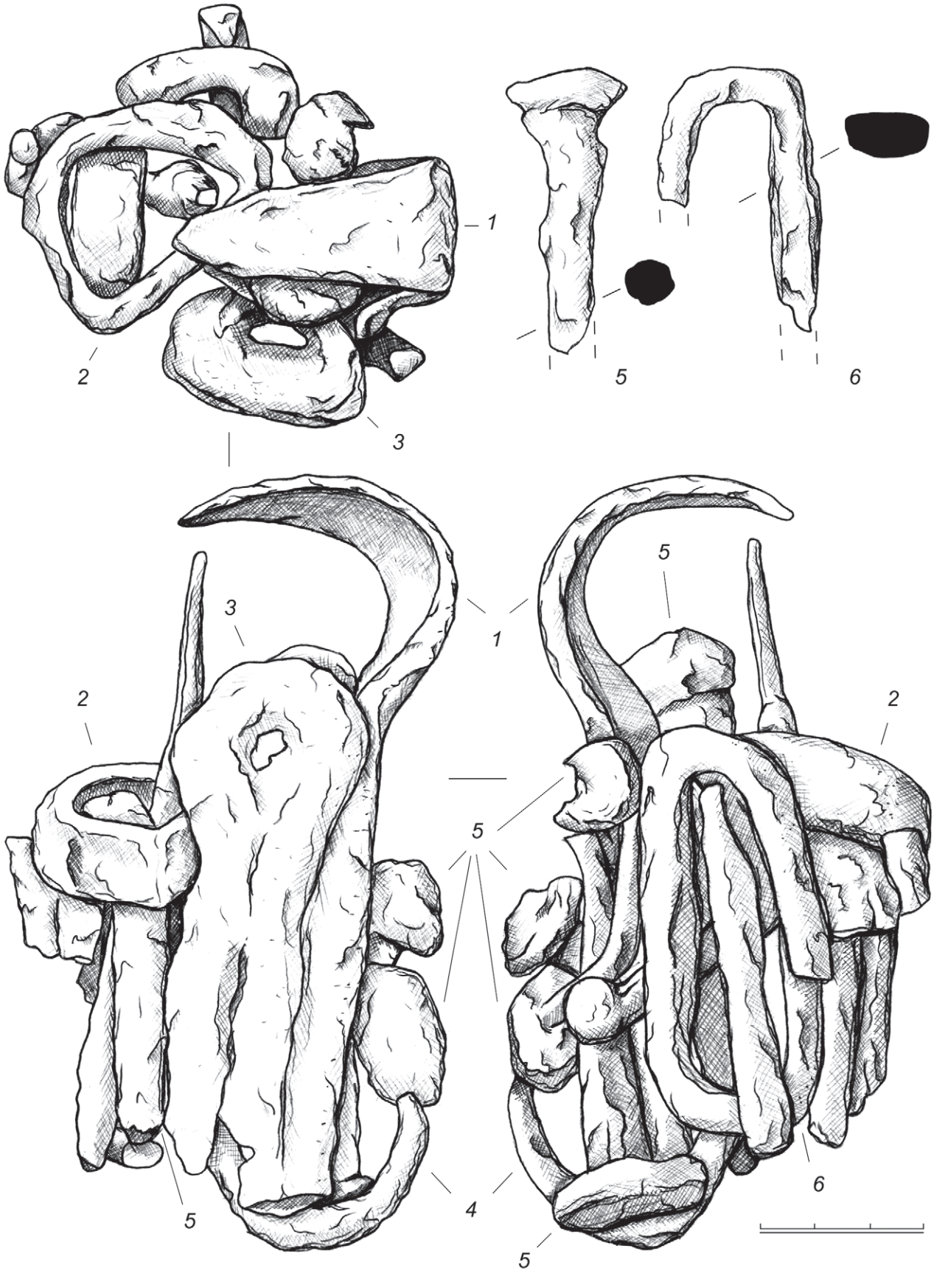


Рис. 4. Погребальный инвентарь могилы 10. Скопление железных предметов (№ 14: *1–6*) в северо-западной части камеры

6). Аналогичные предметы типа современной клюкарзы, которые, как предполагается, использовались в ручной и токарной обработке древесины, найдены в мужском погребении 66 в Газиоре (Gąsior), на севере Польши (*Bitner-Wróblewska, Wyczółkowski*, 2017. P. 84, 88–91. Fig. 2).

Размеры – 13,7×5,5×2,5 см.

14.2. **Кольцеобразный, уплощенный в сечении предмет** с прямой нижней частью и аркоподобной верхней (рис. 4, *2*).

Аналогичные предметы найдены при раскопках городища Артезиан в помещении 4, погибшем в пожаре 46/47 г. Н. И. Винокуров определил их назначение в качестве фиксирующих колец, предназначенных для закрепления железного наконечника лемеха на деревянной части плуга (*Винокуров*, 2014. С. 108, 122. Рис. 2, *1–4*).

Размеры – 3,5×4,7×1,7 см.

14.3. **Железный шплинт**, выполненный из стержня круглого сечения, согнутого пополам (рис. 4, *3*). В месте сгиба – округлое ушко. Размеры – 10,2×3,6 см. Диаметр стержня – 1,0 см.

14.4. **Предмет из круглого в сечении стержня**, напоминающий крюк (рис. 4, *4*).

Размеры: ширина – 4 см, длина не установлена, диаметр стержня – 0,4–0,7 см.

14.5. **Гвозди** с уплощенными, вытянутыми в плане шляпками (7 шт.) (рис. 4, *5*). Размеры: длина – 5,1–7,2 см, диаметр шляпки – 2,1–2,9 см, диаметр округлого в сечении стержня – 0,6–1,4 см. Часть гвоздей промерам не поддается, т. к. расположена внутри скопления. Не совсем ясна и форма шляпки, в отдельных случаях близкая к прямоугольнику.

Крупные гвозди входили в состав погребального инвентаря могил № 15 (35) и № 22 (20) Инкерманского могильника (*Веймарн*, 1963. С. 25, 28. Рис. 17, *7, 8*), которые по набору погребального инвентаря могут быть датированы IV–V вв. н. э. Гвозди входили в погребальный инвентарь склепа № 4 из могильника Нейзац, при этом часть из них найдена в краснолаковом блюде. И. Н. Храпунов предположил, что гвозди выполняли «самостоятельную обрядовую функцию» (*Храпунов*, 2008. С. 374. Рис. 9, *1–5*, *8, 10, 12*).

14.6. **Фрагменты уплощенных в сечении скоб** (рис. 4, *6*).

Размеры – 3,5×7,6 см, 3,0×5,0×1,5 см.

15. **Бронзовое кольцо** (рис. 3, *15*). В сечении – подпрямоугольник с закругленными торцами. Кольцо, вероятно, входило в комплект с двумя зажимами (16, 17). Наиболее вероятно, этот предмет следует отнести к сбруйным кольцам-распределителям – тип С6 или С8 по В. Ю. Малашеву (*Малашев*, 2000. С. 198).

Диаметр – 3,8–4,0 см, толщина – 0,3–0,5 см.

16. **Прямоугольная бронзовая пластинчатая одночастная обойма** с валикообразной петлей на сгибе (рис. 3, *16*). Лицевая сторона обоймы украшена фасетками и 11 гравированными насечками. Четырьмя из них украшена петля, семью – окончание обоймы. Длинные края лицевой части обоймы фасетированы четырьмя симметрично расположенными фасетками (вытянутыми подпрямоугольными вверху и сегментовидными в нижней части).

Относительно близкими аналогиями являются предметы III в. н. э., найденные в могиле № 222 могильника Нейзац (*Храпунов,* 2011. С. 35. Рис. 33, *1, 3*).

Размеры – 2,9×1,2 см, толщина – 0,5 см.

17. **Наконечник (обойма) из согнутой вдвое бронзовой пластины** с валикообразной петлей на сгибе (рис. 3, *17*). Пластина соединена одной заклепкой. Наконечник может быть отнесен к предметам типа Н10 по В. Ю. Малашеву (*Малашев*, 2000. С. 197. Рис. 9, *Б, 6,7*; 10, *Б, 2*) или типа II по И. Н. Храпунову. Подобные находки датируются в целом III–V вв. н. э. (*Храпунов*, 2002. С. 16, 17, 44, 67. Рис. 75, *40, 43;* 80, *9*).

Размеры – 1,6×1,3 см, толщина – 0,4 см.

18. **Железное, подпрямоугольное в сечении кольцо** (рис. 3, *18*).

Диаметр – 2,1 см, толщина – 0,6×1,1 см.

19. **Железный втульчатый наконечник** (рис. 3, *19*). Втулка конусовидная, перо утрачено. В литературе подобные предметы, как правило, именуют наконечниками копий. Ближайшие аналогии представлены находками из могил 58В и 59 могильника Дружное, датируемых IV в. н. э. (*Храпунов*, 2002. С. 27, 28, 44, 93. Рис. 142, *3*; 148, *6*), склепа № 290 могильника Опушки (*Максименков*, 2021. Рис. 2, *1*), склепа № 3 могильника Сувлу-Кая, датируемого последней четвертью IV – первой половиной V в. н. э. (*Масякин, Волошинов, Масюта, Неневоля*, 2012. С. 5. Рис. 15, п. о. 3). Близкими аналогиями являются и наконечники из склепов № 2 и 3 в Килен-Балке (*Контны, Савеля*, 2006. С. 130–133. Рис. 4, *1, 2*; 5, *2*), датируемых IV в. н. э., наконечник V–VI вв. н. э., найденный на Ильичевском городище (*Николаева,* 1986. С. 185, 187. Рис. 2, *1*). Подобные предметы могли служить для нанесения ударов, т. е. использовались как

самостоятельное наступательное вооружение (*Контны, Савеля,* 2006. С. 133).

Само по себе сочетание наконечника копья с крюкоподобным предметом (14.1), вероятнее всего, предназначенным для обработки древесины, и другими изделиями из железа не случайно. По крайней мере, в ряде погребений балтских археологических культур есть немало примеров сочетания предметов вооружения и инструментов для обработки древесины, присутствие которых является одним из важных и отличительных маркеров сакральной сферы. В некоторых случаях наличие подобных инструментов рассматривается как маркер воинских погребений. В этом ряду находится и упомянутое уже погребение 66 в Газиоре (Gąsior) (*Bitner-Wróblewska, Wyczółkowski*, 2017. P. 84, 88–91. Fig. 2).

Впрочем, многочисленные аналогии среди предметов вооружения (*Максименков*, 2021. С. 135–137) не являются единственно возможным назначением наконечника из некрополя Предущельное. Конусовидная форма втулки и незначительная ее глубина позволяют предположить, что предмет мог использоваться в качестве инструмента для обработки дерева или камня (см., напр.: *Trefný et al*., 2022. P. 39. Fig. 25, *13, 14*; 27, 28).

Размеры: длина – 14,3 см, диаметр – 1,3–4,5 см, глубина втулки – 4,5 см, ее диаметр – 1,2–2,4 см.

20. **Железные гвозди** (рис. 3, *20*). Размеры: длина – 5,4 см, диаметр шляпки – 2,2 см, сечение квадратное – 0,5×0,5 см; длина – 3,5 см, сечение квадратное – 0,4×0,4 см; длина – 2,3 см, сечение округлое – 0,5 см; длина – 3,0 см, сечение – 0,2×0,2 см.

21. **Бочонковидная, продольно вытянутая бусина**, изготовленная из горного хрусталя (рис. 2, *21*). Сверление одностороннее, канал отверстия широкий, выходное отверстие окружено лункой с заглаженной поверхностью. Относится к типу 3б по Е. М. Алексеевой (*Алексеева*, 1978. С. 7. Табл. 35, *26*). Дата – II в. н. э.

Диаметр – 1,4 см, длина – 1,45 см.

Инвентарь погребения позволяет отнести его к горизонту комплексов второй половины III в. н. э., наиболее характерными признаками которых являются двухчленные лучковые фибулы и предметы, украшенные фасетированием. Предметы, найденные в могиле № 10 некрополя Предущельное, демонстрируют культурно-обрядовую преемственность погребений III и IV вв. н. э.

Существование синхронных комплексов в могильниках Нейзац и Дружное позволяет говорить о распространении в указанный период определенного воинского набора на территории Центрального и Юго-Западного Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Л.: Наука. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12/2).

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. Л.: Наука. 105 с. (САИ. Вып. Г1-12/3).

Алексеева Е. М., Сорокина Н. П., 2007. Коллекция стекла античной Горгиппии (I–III вв.). М.: Интербук-бизнес. 159 с.

Амброз А. К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Главная редакция восточной литературы. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Безуглов С. И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: сб. памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 284–301 (Материалы и исследования по археологии России; № 10).

Безуглов С. И., Нидзельницкая Л. Ю., 2020. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. VI. С. 215–259.

Веймарн Є. В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. С. 15–89.

Винокуров Н. И., 2014. Набор сельскохозяйственного инструмента из слоя пожара времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан // Древности Боспора. Т. 18. М.: С. 102–125.

Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. № 2. С. 36–47.

Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. К.: Киевская академия евробизнеса. 206 с.

Гавритухин И. О., 2022. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтовое 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтовое 3. Варвары на границах империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН. С. 22–42.

Грач Н. Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука. 328 с.

Дзиговский А. Н., Субботин Л. В., 1986. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. В. Н. Станко. Киев: Наукова думка. С. 150–157.

Діденко С. В., 2015. До питання про верхню хронологічну межу світлоглиняних вузькогорлих амфор типу Шелов D // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (14). С. 385–393.

Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка. 146 с.

Контны Б., Савеля Д. Ю., 2006. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. С. 129–160.

Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина. 384 с.

Максименков В. К., 2021. Пикообразные наконечники копий римского времени из Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. VII. С. 132–139.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232 (Материалы и исследования по археологии Дона).

Масякин В. В., Волошинов А. А., Масюта Д. А., Неневоля И. И., 2012. Отчет об археологических исследованиях некрополя Сувлу-Кая в 2011 году. Архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф-1.

Неневоля И. И., Волошинов А. А., 1999. Отчет об охранных археологических исследованиях в Бахчисарайском районе в 1999 г. Архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф-1.

Николаева Э. Я., 1986. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 183–188.

Сокровища Херсонеса Таврического, 2013. Альбом. К 1025-летию Крещения Киевской Руси / Ред. Н. Алексеенко. Киев: Мистецтво. 320 с.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. № 4. С. 117–328.

Труфанов А. А., 2022. Металлические перстни из варварских погребений Крыма II в. до н. э. – IV в. н. э. // История и археология Крыма. Вып. XVI. С. 121–197.

Фурманська А. І., 1962. Розкопки Тіри в 1958 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XI. С. 122–137.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., 1997. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Strarum+Петербургский археологический вестник. «Европейская Сарматия». Сб. статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина / Ред. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. Санкт-Петербург, Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь-Мэтониум». С. 164–180.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 313 с.

Храпунов И. Н., 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. С. 329–350.

Храпунов И. Н., 2004. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму // Археологія, № 3. С. 104–111.

Храпунов И. Н., 2006. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // Готы и Рим / Гл. ред. Р. В. Терпиловский. К.: Стилос. С. 42–51.

Храпунов И. Н., 2008. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. Вып. XXI. С. 356–391.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ДОЛЯ. С. 13–113.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2022. Склеп III в. н. э. с украшениями в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. VIII. С. 268–324.

Шабанов С. Б., 2011. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. С. 141–191.

Шелов Д. Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. № 156. С. 16–21.

Almgren O., 1897. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen jahrhunderte mit berücksichtung der provinzialrömischen und Südrussischen formen. Akademische Dissertation. Stockholm: Haeggström. 254 s.

Bitner-Wróblewska A., Wyczółkowski M., 2017. The Tornator from Galindia. Roman Period Woodturning tools from the Cemetery at Jaskowska See/Gonschor (Now Gąsior), North-Eastern Poland // Orbis barbarorum. Studia ad archaeologiam Germanorum et Baltorum tempudoribus Imperii Romani pertinentia Adalberto Nowakowski dedicata / Ed. J. Andrzejowski *et alii*, Warszawa, Schleswig: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. P. 81–95 (Monumenta archaeologica Barbarica, Serie S Gemina, Tomus VI).

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S., 2021. The cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. T. 68 (1). P. 87–118.

Hellström K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2.Jh. v.Chr. –3.Jh. n.Chr.). Bonn: Habelt. 382 s. (Archäologie in Eurasien, 39).

Isings C., 1957. Roman glass from dated finds. Groningen: J. B. Wolters. 185 p. (Archaeologica Traiectina, II).

Pfeiler B., 1970. Römischer goldschmuck des ersten zweiten Jahrhunderts n. Chr. Nach datierten Funden. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 136 p.

Polit B., 2022. Jewellery of the Barbarian societies from the Crimea in the Sarmatian period. Earrings, bracelets, band rings and finger rings. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. 426 p.

Riha E., 1990. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst (mit Beiträgen von Willem B. Stern und Curt W. Beck sowie einem Exkurs von Alex R. Furger). Augst: Römermuseum Augst. 243 s. (Forschungen in Augst. Band 10).

Trefný M, Mischka D, Cihla M, Posluschny AG, Václavík FR, Ney W, et al. 2022 Sculpting the Glauberg «prince». A traceological research of the Celtic sculpture and related fragments from the Glauberg (Hesse, Germany) // PLoS ONE. N° 17 (8). P. 1–52. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0271353.

Резюме. Некрополь Предущельное, расположенный в Юго-Западном Крыму, возник в середине III в. н. э. – первой половине IV в. н. э. Погребальный инвентарь могилы № 10 относится к горизонту комплексов второй половины III в. н. э., одним из характерных признаков которых являются предметы, украшенные фасетированием. Предметы, найденные в могиле № 10 некрополя Предущельное, демонстрируют культурно-обрядовую преемственность погребений III и IV вв. н. э.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, подбои, римское время.

I. I. Nenevolya, A. A. Voloshinov

A Grave of 3rd c. AD in the Predushchel'noye necropolis (The Southwestern Crimea)

Abstract. The Predushchelnoye Cemetery is situated in the South-Western Crimea, arose in the middle of the third century AD – first half of the fourth century AD. The grave inventory of grave No. 10 belongs to the horizon of complexes of the second half of the third century AD., one of the characteristic features of which are objects decorated with faceting. Items found in grave No. 10 of the Predushchelnoe necropolis demonstrate the cultural and ritual continuity of the burials of the third and fourth centuries AD.

Keywords: South-Western Crimea, undercut graves, Roman Period.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ И ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.199-209

О НЕСКОЛЬКИХ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ СВЕТИЛЬНИКАХ ИЗ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Д. В. Журавлев, Н. В. Быковская

Светильникам позднеантичного времени с территории Боспора в отечественной историографии практически не уделялось внимания. Среди специальных публикаций укажем лишь на статьи о позднеантичных светильниках аттического производства и их многочисленных имитациях на Боспоре (*Karivieri*, 2008. P. 155–160; *Журавлев, Быковская*, 2020). Значительно лучше ситуация с изучением позднеантичных светильников Херсонеса, хотя, опять же, специальных трудов немного, но они публиковались наряду с другими импортными лампами (см., например: *Кадеев*, 1969; *Кадеев, Сорочан*, 1989; *Залесская*, 2006; и др.).

А между тем даже наша маленькая подборка дает важные сведения о торговых контактах Боспора в V–VI вв. н. э. с традиционными партнерами в Малой Азии и Северо-Западном Причерноморье, а также с Северной Африкой. Статья является малой частью проекта издания светильников Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, два тома которого уже увидели свет (*Журавлев, Быковская, Желтикова*, 2007; 2010). В связи с малочисленностью этой группы мы не разделяли светильники по центрам, где они были найдены: Пантикапей, Зенонов Херсонес, Китей, Тиритака и др.[1]

Малоазийские светильники

Наряду с Грецией (Аттика и Коринф) в позднеантичное время крупное производство глиняных светильников существует в Малой Азии. Они производились не только в таких хорошо известных еще с эллинистического времени производственных центрах, как Эфес или Книд, но и во многих других, выделить которые не всегда представляется возможным. Подробнее о позднеантичных светильниках V–VI вв. н. э. малоазийского производства см.: *Williams*, 1981. P. 69–76.

1. (Рис. 1: *1*). Светильник краснолаковый из Зенонова Херсонеса (раскопки А. А. Масленникова, 1981 г., оп. 239). Тулово имеет округлую форму. От низкого кольцевого поддона отходят прямые парные врезные линии, идущие к рожку и ручке. Рожок короткий и широкий, слегка приподнят, отверстие для фитиля обрамлено широким рельефным валиком. Плечи покатые, украшены рельефным «жемчужным» орнаментом. Щиток вогнут, отделен от плеч рельефным валиком. В центре щитка находится рельефное изображение птицы (петуха?) с повернутой вправо головой с массивным клювом, с распростертыми крыльями и хвостом подтреугольной формы. По обеим сторонам изображения – круглые отверстия для заливания масла. Ручка вертикальная, в виде выступа, изготовлена в одной форме со светильником и профилирована двумя бороздками.

Интересен вопрос о видовой принадлежности птицы, изображенной на светильнике. А. А. Масленников отмечал, что это орел (*Масленников*, 1992. С. 158). Д. Бейли также считает близкое изображение птицы орлом (*Bailey*, 1988. P. 389. Pl. 111. Fig. 99; 143. Q3177). Возможно, следуя мнению Д. Бейли, А. Катсиоти также считает очень близкие изображения на родосских светильниках орлиными (*Katsioti*, 2017. P. 267–268). Справедливости ради скажем, что публикуемый светильник из окрестностей Керчи имеет наиболее четкие, не смазанные контуры птицы, что дает возможность рассмотреть детали.

С одной стороны, иконография птицы близка иконографии орла на античных светильниках (ср.: *Katsioti*, 2017. P. 409. Cat. Kn. 3 – Kn. 4). С другой стороны, интерпретации изображения однозначно как орла противоречит наличие шпор на ногах

[1] Рисунки к статье выполнены Р. Г. Синенко, фотографии – С. В. Ольховским и Р. Г. Синенко.

Рис. 1. Позднеантичные светильники: *1, 3* – Зенонов Херсонес; *2* – из старых поступлений; *4* – Китей

птицы, которые являются характерной особенностью именно петуха. Отсутствие гребешка на голове птицы добавляет загадок, хотя известны породы петухов и без него. Поэтому образ этой птицы скорее собирательный, хотя наличие шпор говорит скорее в пользу петуха[2]. Более нейтрально выглядит описание подобного существа в материалах Коринфа (*Garnett*, 1975. P. 200. N31) или Бенгази (*Bailey*, 1985. P. 100. Pl. 20. C689) – «птица».

Глина коричневая, с мелкими известковыми включениями. Светильник покрыт красно-коричневым лаком. Размеры: длина – 9,5 см, ширина – 6,1 см, высота – 4,0 см. Светильник склеен из пяти фрагментов, на поверхности видны сколы и трещины, рожок закопчен.

ВКИКМЗ. КП-77262; КС-1290. Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 713.

Светильник наряду с другими материалами уже публиковался автором раскопок (*Масленников*, 1992. С. 158. Рис. 16, *5*; 1998. Табл. В7, *6*). А. А. Масленников отмечал, что полных аналогий этому светильнику он не нашел, но в целом отмечал его стилистическую близость к светильникам Афинской агоры V–VI вв. н. э. (*Масленников*, 1992. С. 172. Сноска 64)[3].

Не вызывает никаких сомнений, что перед нами светильник эфесского производства типа Broneer XXIX (*Broneer*, 1930. P. 281. Pl. XX). Оформление дна классифицируется как Eph. A (*Bailey*, 1988. P. 371. Fig. 162). Наиболее близки к нашему светильнику три светильника из некрополя на о. Родос (*Katsioti*, 2017. P. 267, 268. Cat №. AM 112–AM114).

Кроме того, очень близок эфесский экземпляр из Британского музея (*Bailey*, 1988. P. 389. Pl. 111. Fig. 99, 143. Q3177), но на нем птица («орел») изображена головой влево, а дно оформлено как Eph. B. Аналогичный ему экземпляр, но коринфского производства, копия малоазийского оригинала, происходит из «Фонтана светильников» в Коринфе и датируется концом V – началом VI в. н. э. (*Garnett*, 1975. P. 200. № 31). В музее Университета Бонна также хранится близкий по форме экземпляр, дополненный рельефными точками «жемчужника» по плечам и рожку (*Hübinger*, 1993. S. 123, 124. № 233. Taf. 29). Сравнительно близкий по форме и характеру оформления дна светильник представлен в Археологическом музее Софии (*Кузманов*, 1992. С. 41, 118. № 298); его датировка IV в. н. э. вызывает сомнения. Датировка Д. Бейли, напротив, слишком поздняя – 550–650 гг. (*Bailey*, 1988. P. 389), а А. Катсиоти относит аналогичные экземпляры к 500–600 гг. (*Katsioti*, 2017. P. 267, 268).

Комплекс, в котором этот светильник был найден, наряду с другими находками содержал бронзовую монету Фофорса конца III – начала IV в. н. э. и бронзовую фибулу второй половины V в. н. э. (*Масленников*, 1992. С. 157). На наш взгляд, наиболее вероятной датировкой нашего светильника представляется конец V – первая половина VI в. н. э.

2. (Рис. 1, *2*). Светильника краснолакового фрагмент. Паспортные данные на светильник отсутствуют, известно лишь, что он «из довоенных поступлений в Керченский музей». Сохранилась часть тулова с ручкой в виде выступа, изготовленной с ним в одной форме. Ручка профилирована неглубокими бороздками. Плечи узкие, покатые, отделены от вогнутого щитка валиком. На сохранившейся части щитка – фрагмент неясного рельефного изображения (возможно, часть листа).

Глина коричневая, плотная. На тулове сохранились остатки красно-коричневого лака. Размеры: длина – 4,0 см, ширина – 3,0 см, высота – 2,0 см. Большая часть светильника утрачена, сколы, лак местами утрачен.

ВКИКМЗ. КП-19504; КС-755. ДО-16. Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 584.

По всей видимости, публикуемый фрагмент происходит от светильника малоазийского производства, аналогии которым в Эфесе датируются 500–600 гг. (*Bailey*, 1988. P. 372). Правда, целый ряд подобных ламп из пергамского Асклепейона датируется несколько более ранним временем – концом IV – первой половиной V в. (*de Luca*, 1984. S. 49, 50), а коринфские светильники из «Фонтана светильников» – концом V – началом VI в. (*Garnett*, 1975. P. 199, 200). В связи с фрагментарностью нашего экземпляра точная датировка его затруднена.

---

[2] Мы признательны доктору биологических наук М. В. Саблину (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург) за консультацию.

[2] В Афинах найдено значительное число аттических светильников V–VI вв., изготовленных по той же схеме, но близкой иконографии на щитке там нет. Из изображений птиц, например, присутствует голубь (первая половина V в. до н.э.) (*Perlzweig*, 1961. P. 174. Pl. 38, №. 2390), а петух имеет совсем иной облик (*Perlzweig*, 1961. P. 174. Pl. 38, №. 2387).

Рис. 2. Позднеантичные светильники: *5* – Пантикапей (Боспор); *6* – Тиритака; *7* – из старых поступлений

3. (Рис. 1, *3*). Светильник из Зенонова Херсонеса (раскопки А. А. Масленникова, 1978 г., № 79, раскоп Западный). Тулово округлое с вогнутым дном; на слабовыраженном широком кольцевом поддоне, от которого берут начало парные врезные прямые линии, идущие к рожку. Плечи покатые, широкие, украшены пояском крупного рельефного «жемчужника». Вокруг вогнутого щитка – рельефный валик. Центр щитка пробит, закопчен. Возможно, изначально на нем было какое-то изображение, но реконструировать его невозможно. На тулове сохранился корень вертикальной ручки с рельефным орнаментом в виде вытянутых побегов (?) в нижней части тулова. В центре дна – плохо различимый отпечаток ступни – *planta pedis*.

Глина красно-коричневая, с мелкими включениями. Поверхность светильника покрыта бурым лаком с темными пятнами. Размеры: длина – 7,0 см, диаметр – 6,2 см, высота – 2,0 см. Часть тулова с рожком и ручка утрачена, сколы; следы копоти на поверхности.

ВКИКМЗ. КП-11052**;** КС-477. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 577.

Импортный эфесский светильник. Форма нижней части тулова Eph. B (*Bailey*, 1988. P. 371. Fig. 162). Аналогичные светильники известны с Родоса (*Katsioti*, 2017. P. 279. Cat. №. AM 146; там же смотри и другие параллели) и датируются 500–600 гг. Датировка публикуемого светильника в пределах VI в. н. э. сомнений не вызывает.

4. (Рис. 1, *4*). Светильник т. н. *Warzenlampe* из раскопок Китея (раскопки Е. А. Молева, 1970 г. Раскоп 1, кв. 3, шт. 7, оп. 252). Тулово округлой формы, на кольцевом поддоне. Рожок короткий и широкий. Плечи широкие, покатые, украшены «жемчужным» орнаментом в виде рельефных точек. Щиток вогнут, отделен от плечиков рельефным валиком; слабовыраженный рельефный валик оформляет и узкое отверстие для масла. У основания рожка сохранилась верхняя часть заглубленных язычков (листьев пальметты?). Ручка светильника, изготовленная с ним в одной форме, оформлена в виде выступа, профилирована тремя бороздками. На нижней части тулова у основания корня ручки декор в виде побегов (?), близкий дну светильников Eph B по Д. Бейли.

Глина коричневая, плотная, лак бурый. Размеры*:* длина – 8,5 см, диаметр – 7,0 см. Светильник склеен из двух обломков, часть рожка утрачена, сколы.

ВКИКМЗ. КП-12281. КС-344 (старый инв. №: К-11144/62). Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 359.

Светильник был опубликован автором раскопок (*Молев*, 2010. С. 219. Табл. 73, *1*; 74, *1*). Этот экземпляр принадлежит типу Broneer XXIX (*Broneer*, 1930. P. 114–116. Pl. XX) или типу XXVIII по К. Иконому (*Iconomu*, 1967. P. 26, 27. Fig. 49). Подобный светильник, отнесенный М. Бернхард к греческому производству и III в. н. э., хранится в Варшаве (*Bernhard*, 1955. P. 331. Tabl. XCIV, № 336), целая серия – в музее Варны (*Кузманов*, *Минчев*, 2018. С. 115. Табл. XXXV. № 508–510). К IV в. В. Н. Залесская относит и два близких светильника из Херсонеса (*Залесская*, 2006. С. 161. № 316, 317). Подробный список аналогичных светильников приводит А. Катсиоти (*Katsioti*, 2017. P. 315).

Нижняя часть публикуемого экземпляра оформлена типично для эфесских светильников (форма Eph. B, но без линий, отделяющих рожок). Подобные светильники известны, например, из Британского музея (*Bailey*, 1988. P. 387, 388. Pl. 109, Q3151–Q3159). О распространении таких светильников в VI в. на Балканах см. подробнее: *Curta*, 2016. P. 67–75; там же список аналогий. Мы относим китейский светильник к первой половине VI в. н. э.

5. (Рис. 2, *5*). Светильник краснолаковый из Пантикапея (раскопки В. В. Шкорпила, найден 17 мая 1905 г., № 5). Тулово округлое, на слабовыраженном кольцевом поддоне. Плечи узкие, орнаментированы рельефным пояском неясного характера. Рожок короткий, округлый, слегка приподнят, закопчен. В центре вогнутого щитка – рельефное неясное изображение животного (?) вправо. Ручка вертикальная, гладкая, петлевидная. Все рельефные изображения оттиснуты нечетко.

На верхней части тулова сохранились фрагменты лакового покрытия. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями, лак коричневый. Размеры: длина – 9,5 см, диаметр – 6,0 см, высота – 3,5 см. На поверхности светильника видны сколы и трещины, он сильно затерт.

ВКИКМЗ. КП-12171; КС-234 (К-469/2; инв. 29, № 1136; V, 114; Г-3872). Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 106, 107.

Подобные светильники по форме близки североафриканским экземплярам типа Hayes II (*Hayes*, 1972). В Британском музее хранятся два аналогичных книдских светильника с изображением льва на щитке, хотя, в отличие от них, дно нашего светильника гладкое (*Bailey*, 1988. P. 365. Pl. 97.

Рис. 3. Позднеантичные светильники: *8, 11* – Пантикапей (Боспор); *9* – из старых поступлений; *10* – Зенонов Херсонес

Fig. 81, *Q3007, Q3008*). Вероятнее всего, публикуемый светильник имеет малоазийское происхождение и датируется второй половиной V–VI в. н. э.

6. (Рис. 2, *6*). Светильник краснолаковый из Тиритаки (раскопки О. Д. Чевелева, 1983 г., уч. XXV, кв. 4, шт. 5, № 11). Тулово округлое, со слегка вогнутым дном на слабо выраженном кольцевом поддоне, от которого берут начало парные врезные прямые расходящиеся линии, идущие к корню рожка. В центре дна – неясный оттиск. Плечи узкие покатые, украшены мелким «жемчужным» орнаментом в два ряда, отделены от широкого щитка рельефным валиком. Рожок короткий, округлый, расширен на конце, слегка приподнят, закопчен. У основания рожка – две волюты. В центре вогнутого щитка – рельефное изображение сидящей фигуры влево (Эрот?), играющей на двойной флейте, с побегами по обеим сторонам. Ручка вертикальная, в виде выступа; изготовлена в одной форме со светильником. Основание ручки переходит на нижней стороне тулова в рельефные стилизованные побеги с окружностью между ними. В центре дна – плохо различимый оттиск отпечатка ступни – *planta pedis*, обрамленный кольцевой бороздкой.

Глина коричневая, с мелкими известковыми включениями, покрыта светлым ангобом. Размеры: длина – 8,0 см, диаметр – 6,0 см, высота – 2,5 см. У светильника есть сколы, трещины, часть рожка утрачена, догипсована.

ВКИКМЗ. КП-104018; КС-1360. Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 777.

По внешнему виду светильник напоминает малоазийские лампы позднеантичного времени. Наиболее близки светильники из некрополя на Родосе, которые отличаются лишь деталями оформления плеч (*Katsioti*, 2017. P. 239. Cat. №. AM 32 – AM 33), у AM 33 на донце также оттиснута *planta pedis*. Иконография, возможно, связана с аттическими светильниками с изображением обезьяны, играющей на диаулосе (см., например: *Böttger*, 2002. Taf. 33, *1572–1583*), но это изображение вправо. Известны и изображения Эрота, играющего на диаулосе, но они также вправо (см., например: *Bailey*, 1988. Q3304. Fig. 17). Но оформление плеч аттических светильников совсем другое, поэтому малоазийское происхождение публикуемого светильника более вероятно. Родосские параллели датируются между 500 и 600 гг. (*Katsioti*, 2017. P. 239). Очевидно, и светильник из Восточно-Крымского заповедника можно также отнести к VI в. н. э.

7. (Рис. 2, *7*). Светильника фрагмент из «довоенных поступлений в Керченский музей древностей». Сохранился обломок нижней части тулова на низком кольцевом поддоне с основанием вертикальной ручки, выполненной в одной форме с туловом. Нижняя часть корня ручки переходит в два рельефных расходящихся стилизованных побега (?).

Глина светло-коричневая, плотная, с мелкими белыми включениями. Лак темно-коричневый. Размеры: длина – 6,3 см, ширина – 5,7 см, высота – 1,3 см. Большая часть тулова утрачена, сколы.

ВКИКМЗ. КП-19617; КС-869 (ДО-327; ДО-11). Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 584.

По всей видимости, фрагмент принадлежит малоазийскому светильнику, датируемому V–VI вв.

8. (Рис. 3, *8*). Светильник красноглиняный миниатюрный из Пантикапея (Боспора) (раскопки В. В. Шкорпила, 1909 г.). Тулово биконическое, с плоским дном. Вокруг широкого отверстия для заливания масла – невысокий валик. Рожок короткий, приподнятый, заостренный, со следами копоти. Ручка вертикальная, в виде выступа. Верхняя часть светильника деформирована в процессе производства.

Глина красно-коричневая, с известковыми включениями. Размеры: длина – 6,2 см, диаметр – 4,2 см, высота – 3,2 см. Сколы на поверхности.

ВКИКМЗ. КП-12176; КС-239 (К-573). Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 107.

Вполне возможно, что это боспорская имитация популярного в Северном Причерноморье типа биконических светильников (см., например: *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1988. P. 141–143. № 82–84, со списком аналогий).

V–VI вв. н. э.

9. (Рис. 3, *9*). Светильник красноглиняный из «довоенных поступлений в Керченский музей древностей». Тулово биконическое, с плоским дном со слабо выраженным кольцевым поддоном. Вокруг отверстия для масла – воронковидное углубление. Рожок короткий, округлый, со следами копоти. Ручка вертикальная, в виде выступа, изготовлена в одной форме со светильником.

Глина серая, с известковыми включениями. Размеры: длина – 9,5 см, высота – 3,5 см. Верхняя часть ручки утрачена, сколы.

ВКИКМЗ. КП-11979. КС-42. Старый инв. № К-6906.

V–VI вв. н. э.

Североафриканский светильник

10. (Рис. 3, *10*). Светильник краснолаковый из Зенонова Херсонеса (раскопки А. А. Масленникова, 1982 г. Раскоп «Город», кв. 3–5, шт. 4–5, № 5). Тулово грушевидной формы, на кольцевом поддоне, в центре дна – две врезные окружности. Рожок длинный, широкий, со следами копоти на конце. Плечи широкие, плоские, орнаментированы рельефными концентрическими окружностями (в виде мишени – targets), тип E1 (*Ennabli*, 1976). В центре плоского щитка – рельефный четырехугольник с вписанным в него ромбом (возможно, изображение обложки книги?), с четырехугольными выступами по сторонам. По обеим сторонам от изображения расположены два круглых отверстия для наливания масла. Рельефный валик отделяет щиток от плеч и очерчивает верхнюю часть рожка и фитильное отверстие, образуя канал между отверстиями для масла и фитиля. Ручка вертикальная, в виде выступа, изготовлена в одной форме со светильником.

Глина красно-коричневая, плотная. Весь светильник покрыт красным лаком. Размеры: длина – 9,5 см, диаметр – 6,1 см, высота – 4,0 см. Склеен из 8 фрагментов, часть тулова и рожка утрачены, сколы, трещины, копоть на рожке.

ВКИКМЗ. КП-102306; КС-1338. Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 774.

Светильник уже публиковался автором раскопок (*Масленников*, 1992, Рис. 16, *6*; 1998. Табл. В7, *5*). Он был найден на полу в помещении, около печи, в слое пожара, содержащего разновременные находки (*Масленников*, 1992. С. 157). Светильник относится к типу Atlante X A Ia (*Anselmino, Pavolini*, 1981. P. 200 Tav. XCIX: *6, 7*) или Hayes IIA (*Hayes*, 1972); ср. также: *Mackensen*, 1993. S. 125, 126. Abb. 31. Beil. 1. Согласно последней хронологической схеме М. Бонифе, светильник, учитывая его небольшой (6,1 см) диаметр, относится к типу 55 (Atlante X A, группа C3) (*Bonifay*, 2004. P. 382–386. Fig. 214). Изображенный на щитке четырехугольник с вписанным в него ромбом – популярный орнамент на североафриканских светильниках. Д. Бейли предполагает, что это изображение обложки книги (*Bailey*, 1988. P. 196), во всяком случае, те экземпляры, на которых в центре находится изображение креста. При этом полностью идентичные изображения на щитке нам неизвестны; наш светильник отличается от остальных наличием двух выступов в верхней и нижней (?) частях четырехугольника (нижняя часть нарушена сколом), а также небольшим четырехугольным выступом справа. Изображение на щитке напоминает орнамент на светильнике из Археологического музея в Софии (*Кузманов*, 1992. С. 42. № 301), но его выступы представляют собой растительный орнамент (точно такой же экземпляр известен из Туниса (*Ennabli*, 1976. Pl. LXIII, *1185*). Изображение близкого по форме четырехугольника фиксируется на многих африканских светильниках (см., например: *Ennabli*, 1976. Pl. LXII, *1170–1180*; LXIII, *1183–1191*; *Bonifay*, 2004. Fig. 213, *83*; 214, *25*; 215, *22*). Рельефные концентрические окружности в виде мишени (targets), тип E1 (*Ennabli*, 1976) встречаются на большинстве североафриканских светильников, но обычно комбинируются с другими изображениями. Декор, состоящий лишь из одних окружностей-мишеней (*targets*), известен на ряде карфагенских ламп (см., например: *Menzel*, 1969. Abb. 77, *8*; *Ennabli*, 1976. Pl. XXIV, *453*; XXXVIII, *719*; XL, *760*; L, *917*; и т. п.). Как известно, североафриканские мастера использовали один и тот же набор штампов как для светильников, так и для африканской сигиллаты.

Хронология этих светильников очень широка. В свое время Дж. Хейс датировал их производство в пределах 420–500+ гг. н. э. (*Hayes*, 1972. P. 314). Сейчас эти датировки немного уточнены: производство подобных ламп начинается во второй половине IV в. н. э., но их находки постоянно встречаются в комплексах V в. н. э. (*Anselmino, Pavolini*, 1981. P. 200) и даже VI в. н. э., а отдельные светильники встречены в контекстах начала VII в. н. э. (см. подробнее: *Mackensen*, 1993. S. 151–152; ср.: *Curta*, 2016. P. 53–60). А. А. Масленников датирует этот светильник V в. н. э. (*Масленников*, 1992. С. 157), с чем можно согласиться.

Мезийский (?) светильник

11. (Рис. 3, *11*). Светильника фрагмент из Пантикапея (Боспора) (раскопки В. П. Толстикова, 2005 г., № 112, раскоп Ц.–С., кв. 10, шт. 7). Сохранилась ручка в виде креста.

Глина красно-коричневая, плотная, с мелкими включениями. Размеры: 4,6×4,4×2,0 см. Тулово светильника утрачено.

ВКИКМЗ. КП-162020; КС-2342. Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1769.

Этот тип светильников хорошо известен в Северном Причерноморье. Прежде всего укажем на находку аналогичного светильника в Керчи (*Макарова*, 1991. Рис. 15, *2*). Значительное количество подобных светильников происходит из византийских слоев Херсона (Византийский Херсон, 1991. Кат. 36; *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 172–174. № 108–110; *Залесская*, 2006. С. 186. № 399; *Журавлев*, 2014. С. 277–281). Широкое распространение эти светильники получили на территории современной Румынии (*Iconomu*, 1967. Fig. 57, 58; *Bailey*, 1988. P. 398, 399; Q3225–Q3228; *Mlasowsky*, 1993. S. 446, 447. № 443) и Болгарии (*Кузманов*, 1992. С. 44, 123; № 325; *Калчев*, 1982. № 37. Обр. V, *3*; *Majewski et al.*, 1973. Rys. 55; *Čičikova*, 1999. P. 107. № 8, 11; *Кузманов, Минчев*, 2018. Табл. LVII, *842–845*; и т. п.). Хранится подобный светильник и в Народном музее Варшавы (*Bernhard*, 1955. Tabl. XCVI. № 340). В Кранево (Болгария) были найдены и формы для изготовления подобных светильников. Подробный список аналогий см.: *Hayes*, 1992. P. 83; 435–436. Сводка находок светильников этого типа представлена в статье Ф. Курты (*Curta*, 2016. P. 53–60).

В. Н. Залесская предполагает, что в Херсонесе могло существовать и собственное производство подобных светильников «по фракийскому образцу» (*Залесская*, 2006. С. 186).

Согласно классификации К. Иконому светильник относится к типу XXXIII (*Iconomu*, 1967. P. 28, 29; 146–150. Fig. 57; 58), по Г. Кузманову – к типу XXXVIII (*Кузманов*, 1992. С. 43, 44, 122, 123. № 323, 325). По типологии Дж. Хейса (раскопки в Сарачане, Стамбул) светильники с аналогичной ручкой относятся к типу 11 (*Hayes*, 1992. P. 83. Pl. 22, *71–78*), он отмечает их широкое распространение в слоях конца VI – VII в. н. э. Датировка публикуемого фрагмента светильника – конец VI – первая половина VII в. н. э.

Заключение

Помимо местных изделий, представленных различными типами сероглиняных светильников, традиционной для Боспора была продукция малоазийских, в первую очередь эфесских мастерских. Не случайно большая часть находок V–VI вв., представленных в нашей статье, относится именно к этому производственному центру. Близкая картина наблюдается и в Херсонесе (*Кадеев, Сорочан*, 1989. С. 70, 71. Рис. 30; 36). Североафриканский импорт на Боспоре был сравнительно немногочисленным. К находкам африканской краснолаковой керамики и амфор (ср.: *Смокотина*, 2011) можно добавить и уникальную египетскую ампулу с изображением св. Мины, с большой вероятностью найденную в Керчи (*Журавлев*, 2012). Какие-либо исследования об африканских светильниках в Северном Причерноморье пока отсутствуют. В основном их находки известны из Херсонеса (*Кадеев*, 1969. С. 169. Рис. 7; *Кадеев, Сорочан*, 1989. Рис. 13: *1*; *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 155–160. № 93–98; *Залесская*, 2006. С. 212, 213. № 489, 492); на Боспоре их находки пока просто уникальны (*Масленников*, 1992. Рис. 16, *6*; 1998, вклейка В7, *5*) или, возможно, не введены в научный оборот. Об импорте африканских светильников в другой причерноморский регион, Подунавье, см.: *Părău*, 2008. P. 197–206. В недавней статье Ф. Курта картографировал находки всех африканских светильников на Балканах (*Curta*, 2016. P. 53–60; карта – P. 58. Fig. 10).

Находки светильников из Сиро-Палестинского региона, одного из важных производителей осветительных приборов эпохи поздней античности, до настоящего времени на Боспоре неизвестны, при этом в Херсонесе они присутствуют, хотя и в ограниченном числе (*Залесская*, 2006. С. 186. № 407–411; *Журавлев*, 2007).

Эти светильники, наследующие форму античных ламп, топливом для которых служило оливковое масло, были последними вариантами масляных осветительных приборов не только на Боспоре, но и во всем Причерноморье. Немного позднее, с середины VII в., они полностью вытесняются стеклянными лампадами и свечами, а также факелами и жировыми глиняными открытыми светильниками. Это во многом было связано с возникшим дефицитом традиционного топлива классических светильников – оливкового масла, связанного с утратой в VII в. североафриканских владений Византийской империи (*Сорочан*, 1999. С. 108, 109; *Sorochan*, 2002. P. 114).

Несмотря на небольшой размер выборки светильников, публикуемых в нашей статье, эти находки расширяют наши представления о торговых партнерах боспорских городов в эпоху поздней античности.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлев Д. В., 2007. Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского времени из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. С. 339–355.

Журавлев Д. В., 2012. Две ампулы с изображением святого Мины из Крыма // РА. № 3. С. 91–96.

Журавлев Д. В., 2014. Об одном типе ранневизантийских светильников из Херсонеса // Славяне и иные языци… К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Ред. Н. И. Асташова. М.: Государственный исторический музей. С. 277–281 (Тр. ГИМ. Вып. 198).

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., 2020. Позднегреческие светильники и их имитации в собрании Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника // Таврические студии. № 22. С. 52–66.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л., 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н. э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 1. Киев: Мистецтво. 208 с.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л., 2010. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники III в. до н. э. – IV в. н. э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 2. Киев: Мистецтво. 336 с.

Залесская В. Н., 2006. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа. 272 с.

Кадеев В. И., 1969. Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. № 3. С. 159–170.

Кадеев В. И., Сорочан С. Б., 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков: Выща школа. 136 с.

Калчев К., 1982. Антични и късноантични лампи от Стара Загора // Известия на музеите от Югоизточна България. Т. V. С. 7–22.

Кузманов Г. 1992. Антични лампи. София: БАН. 170 с.

Кузманов Г., Минчев А., 2018. Антични лампи. Колекция на Регионален исторически музей Варна. София: Национален археологически институт и музей – БАН. 266 с. (Известия на Националния археологически институт. Т. XLV).

Макарова Т. И., 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Сборник научных трудов (К XVIII конгрессу византинистов). Киев: Наукова думка. С. 121–147.

Масленников А. А., 1992. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М: Наука. С. 120–173.

Масленников А. А., 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик. 304 с.

Молев Е. А., 2010. Светильники Китея. Приложение IV // Е. А. Молев. Боспорский город Китей. Керчь: Благотворительный фонд «Деметра». С. 205–253 (Боспорские исследования. Supplementum. 6).

Смокотина А. В., 2011. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. Вып. XVII. С. 328–362.

Сорочан С. Б., 1999. Светильник и свеча в ранней Византии, или Две эпохи осветительных приборов // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1997–1998. С. 101–114.

Anselmino L., Pavolini C., 1981. Terra sigillata: Lucerne // Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. Atlante delle forme ceramiche, I. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana. P. 184–207.

Bailey D. M., 1985. Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. III. Part 2: The Lamps. Tripoli, London: Department of Antiquities, Society for Libyan Studies. 200 p. (Supplement to Libya antiqua – V).

Bailey D. M., 1988. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London: British Museum. 561 p.

Bernhard M. L., 1955. Lampki starozytne. Warszawa: Wydawnictwo Sztuka. 384 p.

Bonifay M., 2004. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique. Oxford: Archaeopress. 525 P. (BAR International Series. 1301).

Böttger B., 2002. Die kaiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos. München: Hirmer Verlag. 342 S. (Kerameikos. Bd. XVI).

Broneer O., 1930. Corinth IV, 2. Terracotta Lamps. Cambridge – Massachusetts: Harvard University Press. XX+339 p.

Chrzanovski L., Zhuravlev D., 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Roma: «L'Erma» di Bretschneider. 296 p. (Studia archaeologica, 96).

Čičikova M., 1999. Lampes paléobyzantines de Novae // Hrsg. G. von Bülow, A. Milčeva. Der Limes an der Unteren Donau von Diokletian bis Heraklios. Vorträge der Internationalen Konferenz. Svištov, Bulgarien (1. – 5. September 1998). Sofia: Nous Publishers LTD. P. 105–110.

Curta F., 2016. Shedding Light on a Murky Matter: Remarks on 6th to Early 7th Century Clay Lamps in the Balkans // Archaeologia Bulgarica. T. XX, 3. P. 51–116.

de Luca G., 1984. Das Asklepieion. 4. Teil. Via Tecta und Hallenstrasse. Die Funde. Berlin: W. de Gruyter. 163 S. (Altertümer von Pergamon. Bd. XI. 4.).

Ennabli A., 1976. Lampes chrétiennes de Tunisie (Musées du Bardo et de Cartage). Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique. 256 p.

Garnett K. S., 1975. Late Roman Corinthian Lamps from the Fountain of the Lamps // Hesperia. T. XLIV. P. 173–206.

Hayes J. W., 1972. Late Roman Pottery. London: British School at Rome. XXVII+477 p.
Hayes J. W., 1992. Excavations at Saraçhane in Istanbul. The Pottery. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press. 455 p.
Hübinger U., 1993. Die antiken Lampen des Akademischen Kunstmuseums der Universität Bonn. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut. 164 S.
Iconomu C. 1967. Opaiţe greco-romane. Constanţa: Muzeul regional de arheologie Dobrogea. 167 p.
Karivieri A., 2008. Athenian lamps in the Black Sea area // Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Age. Lychnological Acts 2. Acts of the 2nd International Congress on Ancient and Middle Age Lighting Devices (Zalău – Cluj-Napoca, 13th – 18th of May 2006) / Eds. C.-A. Roman, N. Gudea. Cluj-Napoca: Ed. Mega. P. 155–160.
Katsioti A., 2017. The Lamps of Late Antiquity from Rhodes. 3rd – 7th centuries AD. Oxford: Archaeopress. 669 p.
Mackensen M., 1993. Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien): Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik de 4. Bis 7. Jahrhunderts. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchehandlung. 679 S. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 5).
Majewski K. et al., 1973. Novae – sektor zacjodni. Sprawozdanie tymczasowe z wykopalisk ekspedycji archeologicznej Universytetu Warszawskiego // Archeologia. T. XXIV. P. 101–146.
Menzel H., 1954. Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum. VIII+119 S.
Mlasowsky A., 1993. Die antiken Tonlampen im Kestner-Museum Hannover. Hannover: Museum. 510 S.
Părău V., 2008. La diffusion delle lucerne nordafricane dei sec. IV–VI d. C. nelle ex-provincie central e sud danubiane. La lucerna del tipo Atlante VIII–X con chrismon // Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Age. Lychnological Acts 2. Acts of the 2nd International Congress on Ancient and Middle Age Lighting Devices (Zalău – Cluj-Napoca, 13th – 18th of May 2006) / Eds. C.-A. Roman, N. Gudea. Cluj-Napoca: Ed. Mega. P. 197–206.
Perlzweig J., 1961. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. VII. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. XV+240 p.
Sorochan S., 2002. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World / Ed. D. Zhuravlev. Oxford: Archaeopress. P. 111–119 (BAR Intern. Series 1019).
Williams H., 1981. Kenchreai. Eastern port of Corinth. Vol. V. The Lamps. Leiden: Brill. 360 p.

Резюме. Статья посвящена публикации нескольких позднеантичных светильников с территории Боспора. Среди них преобладают малоазийские (эфесские) светильники, есть также мезийский и североафриканский экземпляры. Несмотря на небольшой размер выборки светильников, эти находки расширяют представление о торговых партнерах боспорских городов в эпоху поздней античности.

Ключевые слова: светильники, Боспор, поздняя античность, Малая Азия, Северная Африка.

D. V. Zhuravlev, N. V. Bykovskaya
About several late antique lamps from the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve

Abstract. The article is devoted to the publication of several late antique lamps from the territory of the Bosporus. Among them, Asia Minor (Ephesian) lamps predominate, there are also Moesian and North African examples. Despite the small size of the collection, these finds expand the understanding of the trading partners of the Bosporan cities in Late antiquity and Early Byzantine period.

Keywords: lamps, Bosporus, Late antiquity, Asia Minor, North Africa.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.210-214

ОБ ОДНОМ ПОГРЕБЕНИИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ (ПОСЕЛЕНИЕ СЕРБИН 1)

П. М. Соколов

Целью данной работы является ввод в научный оборот нового погребения эпохи Великого переселения народов, среди инвентаря которого был обнаружен однолезвийный железный палаш, что является достаточно редкой находкой для Восточного Приазовья.

В 2021 г. археологическим отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ» под руководством автора статьи проводились археологические раскопки поселения Сербин 1 в Славянском р-не Краснодарского края (рис. 1). Памятник был расположен у автомобильной дороги из г. Славянск-на-Кубани в х. Сербин, на правом берегу р. Кубань, на расстоянии 2,1 км к западу от места впадения в р. Кубань р. Протока.

На исследованном участке памятника помимо культурного слоя VI–III вв. до н. э. были также обнаружены несколько десятков погребений разных эпох. Некоторые из них относятся к эпохе Великого переселения народов. Об одном из этих погребений и пойдет речь в данной статье.

Погребение 5

Оно было выявлено после снятия пятого пласта на глубине 1,36 м от 0 репера (1,25 м от уровня современной поверхности). Погребальная яма имела подпрямоугольную форму, была вытянута по линии западо-юго-запад – востоко-северо-восток. Яма постепенно расширялась в направлении с запада на восток. Длина погребальной ямы – 1,97 м, ширина с восточной стороны – 0,68 м, с западной – 0,4 м. Заполнение погребальной ямы представляло собой черно-коричневый суглинок средней плотности. Максимальная глубина ямы от уровня обнаружения – 0,11 м.

Погребенный мужчина 30–35 лет располагался по центру, вдоль длинной оси могильной ямы в положении вытянуто на спине, головой был ориентирован на востоко-северо-восток. Череп слегка наклонен на левую сторону, лицом вверх. Правая рука не сохранилась, вероятно, была вытянута вдоль тела. Левая рука согнута в локте и кистью помещена на таз. Ноги погребенного вытянуты (рис. 2).

При расчистке погребения были найдены (для всех предметов оставлены номера согласно полевой описи отчета, сданного в архив ИА РАН) следующие предметы.

П. о.[1] № 1686. Железный меч или палаш располагался вдоль скелета с южной стороны, вплотную примыкал к левой руке. Без перекрестья и навершия. Клинок однолезвийный треугольного сечения, прямой, лезвие параллельно обуху, немного сужается к острию. Черенок рукояти пластинчатый, прямоугольного сечения, со скругленным торцом, плавно расширяется к пяте. Имеет два отверстия с частью штифтов для крепления несохранившейся рукояти. На черенке и клинке следы древесного тлена. Общая длина сохранившейся части меча – 87,3 см, длина клинка – 76 см, размеры клинка в сечении у основания – 3,4×1,2 см; длина рукояти – 10,5 см; размеры рукояти в сечении – 2,1×0,9 см, диаметр отверстий на рукояти под штифты – около 0,5 см (рис. 3, *1*).

П. о. № 1687. Биметаллическая пряжка лежала на позвоночнике в районе пояса погребенного с южной стороны. Представляет собой железную рамчатую пряжку с подвижным железным язычком, которая крепилась к ремню с помощью бронзового щитка. Рамка овальная в плане, изготовлена из округлого в сечении прута, частично утрачена. Язычок изогнутый, немного выступающий, загнут к раме. К раме крепятся два фрагмента щитка, изготовленного из согнутой вдвое медной пластины, скрепленной заклепкой. На щитке имеется отпечаток ткани. Общие

[1] Здесь и далее: П.о. – полевая опись.

размеры сохранившейся части рамки: 2,8×2 см, размеры прута в сечении: 0,4×0,4 см. Длина щитка – 2,7 см, ширина пластин, из которых он изготовлен, – 0,6 см, толщина – 0,1 см. Диаметр заклепки на щитке – 0,2 см, длина заклепки – 0,7 см. Толщина ремня, к которому крепился щиток, видимо, 0,35 см. Длина язычка – 3,1 см, ширина – от 0,6 до 0,4 см, толщина – от 0,6 см до 0,4 см (рис. 3, *2*).

П. о. № 1688. Фрагмент железного предмета (кресало?) располагался на левом бедренном суставе, частично под лучевыми костями левой руки. Представляет собой пластину клиновидного сечения с изогнутыми кромками и скругленным торцом. Длина предмета – 9,2 см, размеры в сечении – 3,4×0,6 см (рис. 3, *3*).

П. о. № 1689. Железный нож располагался вдоль левой бедренной кости с южной ее стороны. Клинок треугольного сечения, спинка немного изогнутая, через тонкую обоймицу переходит в пластинчатый черешок подпрямоугольной в плане формы. На поверхности черешка – следы древесного тлена. Длина фрагмента – 18,4 см, размеры клинка в сечении – 2,1×0,5 см, размеры обоймицы в сечении – 2,5×1,2 см, размеры черешка в сечении – 1,9×0,4 см (рис. 3, *7*).

П. о. № 1690. Бронзовая скоба от ременной гарнитуры (?) располагалась в 0,01 м на север от левого локтевого сустава. Изготовлена из бронзового плоского подпрямоугольного в сечении прута. Имеет форму прямоугольной рамки, одна длинная сторона которой изогнута внутрь. Вторая длинная сторона также изогнута внутрь, частично не сохранилась. Концы скобы, возможно, были разомкнуты. Общие размеры предмета – 3,1×1,4 см. Размеры прута в сечении – 0,3×0,2 см (рис. 3, *5*).

П. о. № 1691. Камень кресальный найден под железным предметом (п. о. № 1688) при разборке погребения. Представлял собой кремень кресальный трапециевидной формы подтреугольного сечения с ретушью утилизации и забитостями на гранях. Кремень светло-коричневого цвета с белесыми вкраплениями. Размер – 2,2×2,1×1 см (рис. 3, *4*).

П. о. № 1692. Фрагмент железного предмета (черешок шила или стрелы?) был обнаружен в районе левого бедренного сустава погребенного при разборке погребения. Представляет собой железный черешок из стержня округлого сечения, половина которого раскована и приострена на конце. Уплощенная часть имеет следы

Рис. 1. Место расположения поселения Сербин 1

древесного тлена, противоположная часть обломана. Длина предмета – 5 см, размеры стержня в сечении – 0,5×0,5 см, размеры черешка в сечении – 0,6×0,4 см (рис. 3, *6*).

Датировка погребения

Хронологическая атрибуция данного погребения базируется на датировках двух предметов. Это однолезвийный меч-палаш и биметаллическая пряжка. По совокупности аналогий этих вещей погребение может быть датировано второй половиной V – первой половиной VI в. н. э.

Биметаллическая пряжка, обнаруженная в публикуемом погребальном комплексе, имеет достаточно оригинальную форму. Прямых аналогий ей найдено не было. Вместе с тем, как отмечает И. П. Засецкая, данная категория погребального инвентаря отличается значительным разнообразием форм, конструктивных и технологических особенностей, а также материалами (*Засецкая*, 1994. С. 77). В целом общая форма рамки и щитка находит множество аналогий в инвентаре погребальных комплексов Крыма – погребение 16 могильника Джурга-Оба в Керчи (*Ермолин, Казанский*, 2021. Рис. 2), Лу-

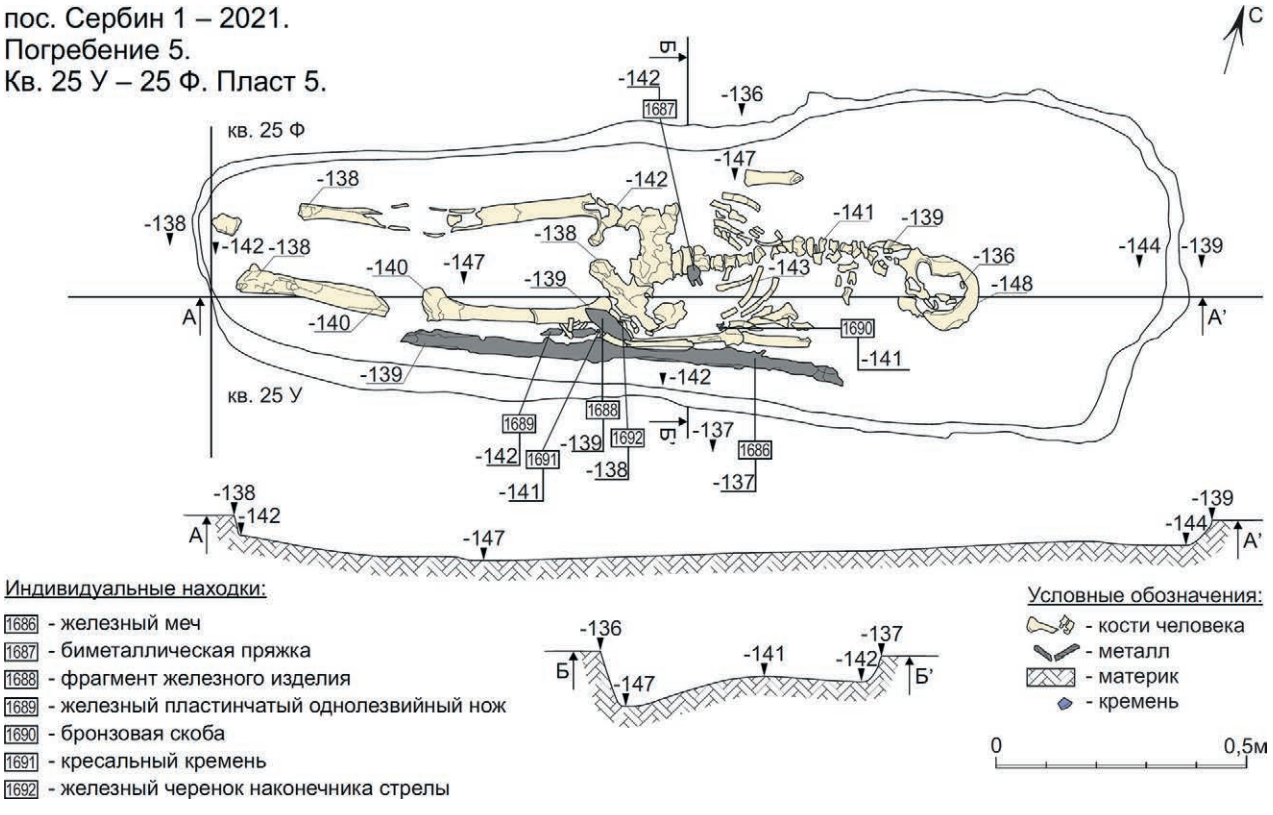


Рис. 2. Поселение Сербин 1-2021. План погребения 5

чистое, склеп 52 (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. Рис. 75), могила 168 (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. Рис. 78), склеп 88 (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. Рис. 79, 80), Алмлык-Дере (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. Рис. 83). Датируются эти комплексы в пределах V – первой половины VI в. н. э. Вместе с тем, по мнению А. К. Амброза, пряжки с язычком, не выступающим за рамку, датируются более ранним временем: III–IV вв. н. э. (*Амброз*, 1989. С. 24, 25).

Учитывая, что рамка пряжки изготовлена из железа, а щиток из двух бронзовых полос, что встречается довольно редко (*Засецкая*, 1994. С. 77), можно предположить, что использование такого сочетания материалов изготовления рамки и щитка стало следствием кустарного ремонта поясного набора.

Однолезвийный меч-палаш из публикуемого погребения 5 также находит аналогии в погребальном инвентаре многих крымских погребений: Джурга-Оба, погребение 16 *(Ермолин, Казанский*, 2021. Рис. 3); Карши-Баир, склеп 5 (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. Рис. 112. С. 153); могильник у с. Лучистое (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. С. 153). Кроме того, однолезвийный меч-палаш, схожий с публикуемым в данной статье, был найден в погребении 13 кургана 1 Климкинского могильника (*Зубов*, 2007. Рис. 4), которое датируется в пределах I–III вв. н. э. Достаточно близки к публикуемому палашу также однолезвийные клинки из рязано-окских могильников VI в. н. э. (*Ахмедов*, 2019. Рис. 1). О находке в Керчи однолезвийного меча также сообщает Н. И. Сокольский. Данный экземпляр датируется им в пределах первой половины IV в. н. э. (*Сокольский*, 1954. С. 166). Однолезвийное клинковое оружие, подобное публикуемому в этой статье, является достаточно редкой находкой для Прикубанья, поэтому хотелось бы остановиться на некоторых особенностях данного предмета подробнее.

Особенности клинкового оружия из погребения

Как справедливо отмечено в статье М. М. Казанского и А. Л. Ермолина, однолезвийное клинковое оружие не может быть охарактеризовано как меч, скорее это палаш (*Ермолин, Казанский*, 2021. С. 243). Палаш – это холодное рубяще-колющее оружие с прямым и достаточно длинным однолезвийным клинком (*Зубов*, 2007. С. 124).

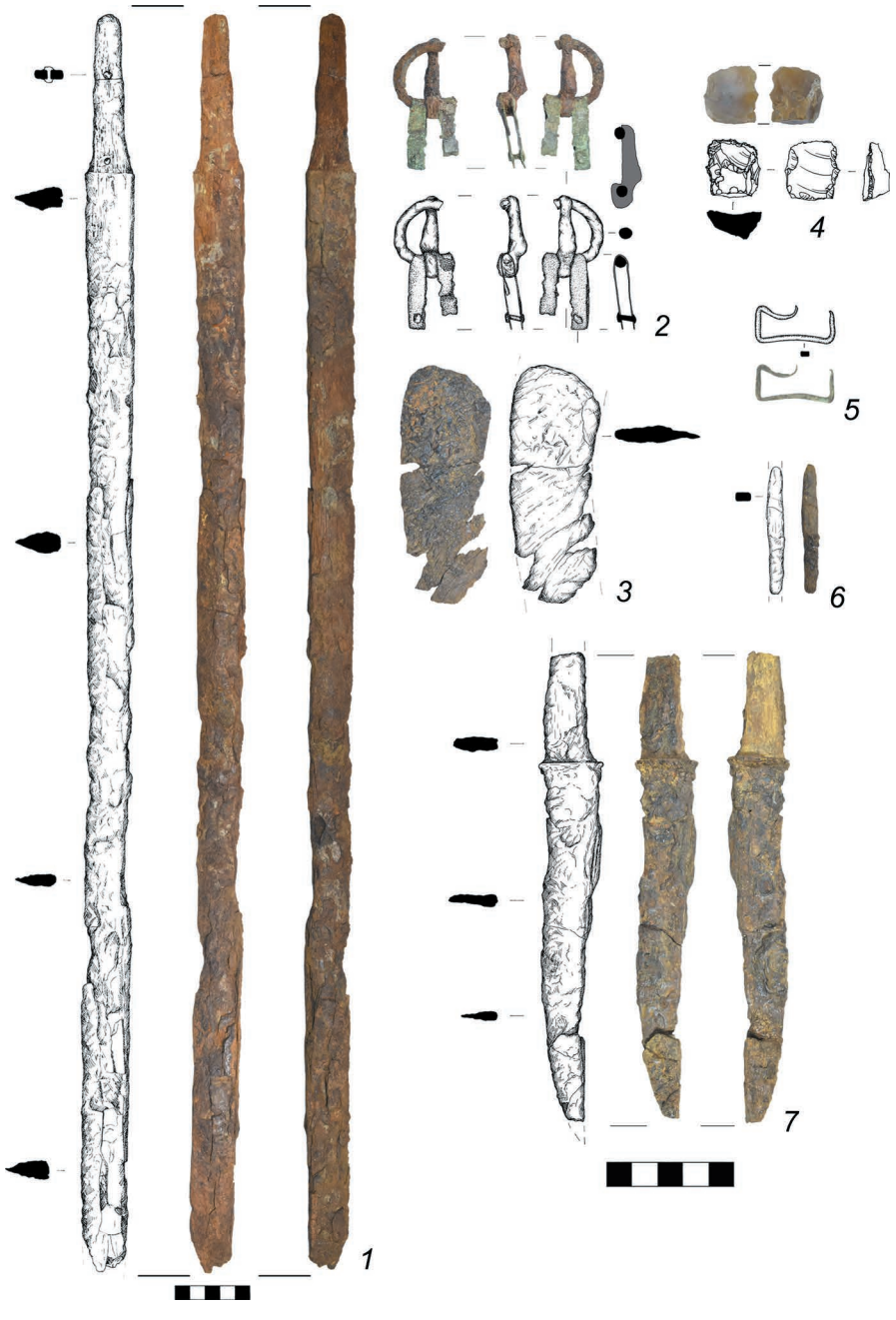


Рис. 3. Поселение Сербин 1-2021. Инвентарь из погребения 5
1 – железный однолезвийный палаш (п.о. № 1686); *2* – биметаллическая пряжка (п.о. № 1687); *3* – фрагмент железного предмета (п.о. № 1688); *4* – кресальный камень (п.о. № 1691); *5* – бронзовая скоба от ременной гарнитуры (п.о. № 1690); *6* – фрагмент железного предмета (п.о. № 1692); *7* – фрагмент железного ножа (п.о. № 1689)

Таким образом, клинковое оружие из погребения 5 могильника Сербин 1 может быть обозначено как палаш.

По замечанию С. Э. Зубова, который следует за Н. Я. Мерпертом, палаш занимает среднее положение в общей схеме эволюции клинкового оружия, между мечом и саблей (*Зубов*, 2007. С. 124; *Мерперт*, 1955. С. 160). М. М. Казанский и А. Л. Ермолин, описывая клинковое оружие из погребения 16 могильника Джурга-Оба, приходят к выводу, что по общей морфологии он близок скрамасаксам. Об этом свидетельствуют достаточно большая ширина и длина клинка (*Ермолин, Казанский*, 2021. С. 243).

Клинок, обнаруженный в погребении 5 могильника Сербин 1, все же скорее соответствует палашам. Общая его длина (вместе с рукоятью) – 87 см, ширина лезвия – 3,4 см. Данный

клинок несколько длиннее скрамасаксов и имеет более узкое лезвие по сравнению с ними. Представляется, что подобные однолезвийные палаши появляются в степях Восточной Европы раньше скрамасаксов и, возможно, являются их предшественниками в эволюции развития клинкового оружия.

Обращает на себя внимание факт взаимовстречаемости в погребениях однолезвийного клинкового оружия с ножами (погребение 5 могильника Сербин 1 и погребение 16 могильника Джурга-оба). В погребении 5 могильника Сербин 1 клинок был помещен с левой стороны от погребенного, что достаточно типично для крымских погребений V в. н. э. (*Айбабин*, *Хайрединова*, 2017. С. 108–109).

Публикуемый погребальный комплекс, по всей видимости, представляет собой достаточно рядовое погребение второй половины V – первой половины VI в. н. э. Тем не менее обнаруженный в нем однолезвийный палаш позволяет уточнить некоторые вопросы эволюции клинкового оружия. Вместе с тем обнаружение этого погребения в степной части восточного Приазовья расширяет количество известных комплексов эпохи Великого переселения народов в данном регионе (*Лимберис, Марченко*, 2011. С. 417–441).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с.

Ахмедов И. Р., 2019. Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н. э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 23–72.

Ермолин А. Л., Казанский М. М., 2021. О клинковом оружии из погребения 16 эпохи великого переселения народов на могильнике Джурга-Оба в Восточном Крыму // КСИА. Вып. 263. С. 235–252.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: АО «Элипс ЛТД». 224 с.

Зубов С. Э., 2007. Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской хронологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 124–136.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2011. Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб., Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 417–441.

Мерперт Н. Я., 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // Советская археология. Вып. XXIII. С. 131–168.

Сокольский Н. И., 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. II / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 123–196 (МИА, № 33).

Резюме. Цель данной статьи – ввести в научный оборот новое погребение эпохи Великого переселения народов. Погребение обнаружено при раскопках поселения Сербин 1 в Славянском р-не Краснодарского края. В инвентаре этого погребения найден однолезвийный железный палаш. Это достаточно редкая находка для Восточного Приазовья. Погребение датируется второй половиной V – первой половиной VI в. н. э.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, погребение, грунтовый могильник, палаш, Восточное Приазовье, пряжка.

P. M. Sokolov

One burial of the Great Migration period from Eastern Azov region (settlement Serbin 1)

Abstract. The purpose of this article is to introduce a new burial of the Great Migration period. The burial was discovered during the excavations of the settlement of Serbin 1 in the Slavyansky district of Krasnodar Krai. In the inventory of this burial was found a single-edged iron sword. This is a rather rare find for the Eastern Azov region. The burial dates from the second half of the V – first half of the VI centuries AD.

Keywords: the Great Migration period, burial, burial ground, sword, eastern Azov region, buckle.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.215-220

УДИЛА С ОРНИТОМОРФНЫМ ДЕКОРОМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ ТЕНГЕН – УШАКОВО 1

М. М. Казанский

Стержневые удила эпохи Великого переселения с зооморфным и орнитоморфным декором уже были предметом изучения (*Akhmedov*, 2001; 2002; *Ахмедов*, 2009; *Kazanski*, 2020). Однако представляется необходимым обратиться к этим немногочисленным вещам еще раз, чтобы уточнить их типологию и зоны распространения отдельных вариантов. Кроме того, в круг этих артефактов необходимо включить еще одну малоизвестную находку на могильнике самбийско-натангийской культуры[1] в Тенген (Tengen), в Натангии.

Могильник Тенген – Ушаково 1 находится на территории с. Новомосковское Гурьевского р-на Калининградской обл., в 1 км к востоку от северо-восточной окраины пос. Ушаково (бывш. Brandenburg, Kr. Heiligenbeil), у места впадения р. Прохладная (нем. Frisching) в Калининградский залив и в 1 км к югу от берега моря. Памятник находится на юго-западном песчаном склоне горы Степная (нем. Heidenberg).

Могильник изучался Г. М. Берендтом (*Berendt,* 1873) и Р. Клебсом в 1872–1873, 1875 и 1878 гг. Было обследовано 50 грунтовых погребений по обряду кремации, датированных временем с периода C1 по период E по хронологии О. Тышлера – Г. Кемке (III–VIII вв.) (*Jaskanis,* 1977. S. 333, 334). В 2015–2019 гг. здесь проводились исследования Самбийской экспедиции РАН (А. Н. Хохлов, К. Н. Скворцов, А. Б. Иванова), во время которых были выявлены материалы II–XII вв.[2]

Интересующие нас удила происходят из погр. 3 (рис. 1, *1–3*), где остатки трупосожжения, в том числе кальцинированные кости, были помещены в лепную урну. Из того же погребения (место не уточнено) происходит и пара удил, одни из них кольчатые, другие со стержневыми псалиями, их окончания украшены головками птиц (орлов?) (рис. 1, *1*) (*Berendt,* 1873. S. 89)[3].

Стержневые удила, украшенные зооморфными и орнитоморфными головками, известны уже в I тыс. до н. э. и встречаются на широкой территории (см., напр.: *Gianelli*, 2015. Fig. 11; *Castelluccia*, 2015. Fig. 10; 11; 16; 65–68; *Cascarino*, 2015. Fig. 5). Такие удила известны и в Римской империи. Это, в частности, показывают находки в Южной Италии (*Simon Ortisi*, 2003. Abb. 9: *43*). Однако в позднеримское время и в начале Средневековья они встречаются крайне редко.

Стержневые удила с орнитоморфными окончаниями существуют в Скандинавии в вендельское время (середина VI – середина VIII в.) (напр., могильник Вендель (*Vendel*), погр. 1: *Stolpe, Arne*, 1927. Pl. 4: *4*)[4] (рис. 1, *6*). В Скандинавии, а также в Восточной и Центральной Европе удила с зооморфными окончаниями псалий доживают до VIII–IX вв. (*Kazanski*, 2020. P. 70. Fig. 4), но изделия, украшенные птичьими головками, встречаются редко (напр.: *Kazanski*, 2020. Fig. 4, *3*). Однако в погребениях могильника Тенген – Ушаково 1 нет позднего материала, они относятся к позднеримскому времени – началу Средневековья. По общей морфологии изделия из Тенгена скорее напоминают удила поздней фазы эпохи Великого переселения народов, поскольку удила VIII–IX вв. имеют выгнутую верхнюю часть стержня, там, где находится зооморфное окончание (см., напр.: *Kazanski*, 2020. Fig. 4).

Из ранних стержневых удил эпохи переселения народов изделия из Тенгена – Ушаково 1

---

[1] Культура Долькайм-Коврово по терминологии польских археологов.

[2] Информация любезно предоставлена К.Н Скворцовым.

[3] Taf. I. Fig. 3 a., b. und Urne Nr. 3. Die kleine Urne, Taf. I. No. 3, dieses Grabes weicht durch breitere Form, sowie durch rohere Arbeit von den meisten der gefundenen Ceremonien-Urnen ab. Von der grossen Urne fand sich nichts als die Knochen. Von weiteren Beigaben bewahrt die Sammlung eine Trense und ein recht geschmackvolles Stangengebiss (Fig. 3 a, b).

[4] Согласно Б. Аррениус, это погребение датируется началом VII в. (*Arrhenius*, 1983. P. 64, 65. Fig. 18).

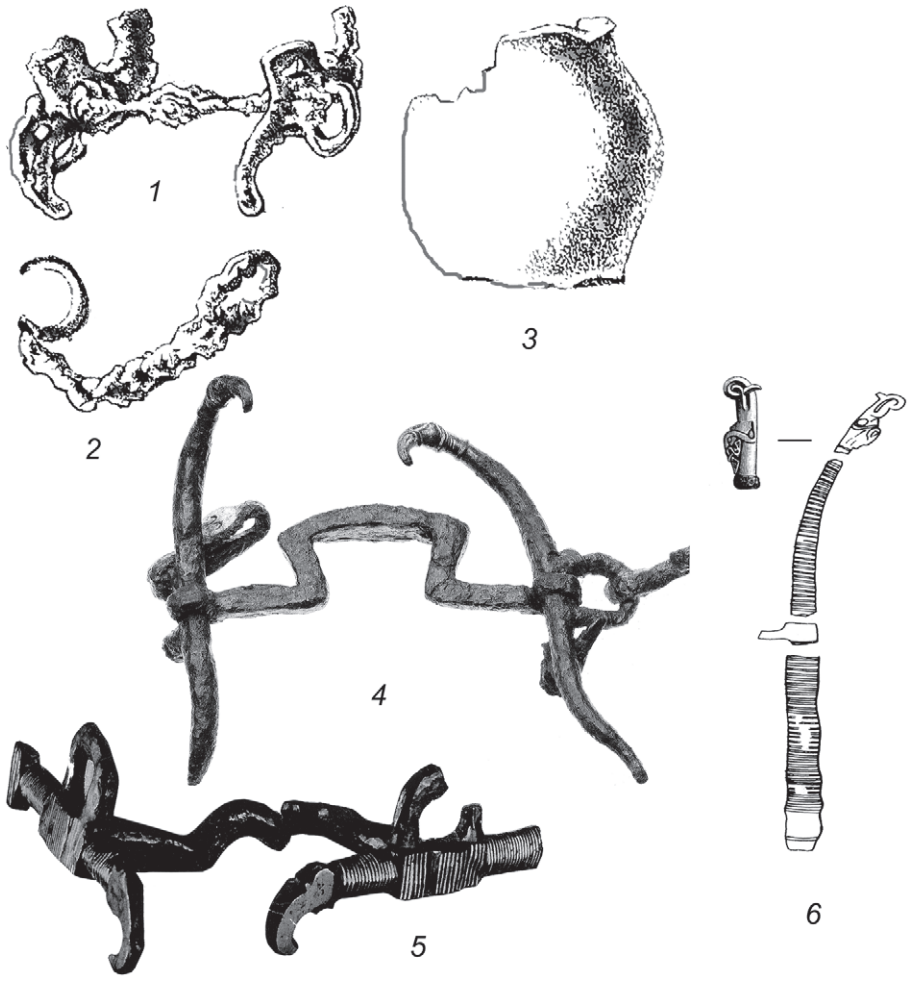


Рис. 1. Североевропейские и западноевропейские удила со стержневыми псалиями, украшенными птичьими головками
1–3 – Тенген – Ушаково 1, погр. 3; *4* – Хёгом, курган 2; *5* – Шарлевиль-Мезьер, погр. 68; *6* – Вендель, погр. 1. *1–3* – по *Berendt*, 1874. Taf. 1, *3*; *4* – по *Ramqvist*, 1992. Pl. 35; *5* – по *Périn*, 1995. Fig. 9; *6* – по *Stolpe, Arne*, 1927. Pl. 4, *4*

более всего напоминают две находки в Северной и Западной Европе.

Одна из них происходит из кургана № 2 на могильнике Хёгом (Högom) в Норрланде (Северная Швеция) (рис. 1, *4*). Это «вождеское» погребение второй половины V в. Здесь в деревянной камере было найдено захоронение – ингумация с богатой воинской экипировкой, включающей меч, и с конским снаряжением, в том числе с удилами. Грызла последних имеют несколько иную форму, чем натангийские, но их стержневые псалии также украшены птичьими головками, а нижняя часть стрежня загнута, как и в Тенгене – Ушаково 1 (*Ramqvist,* 1992. P. 66–77. Pl. 35).

Вторая находка похожих удил происходит из меровингского могильника Шарлевиль – Мезиер (Charleville-Mézières) в Арденнах, из «вождеского» погребения № 68 конца V – самого начала VI в. (рис. 1, *5*). Эта могила-ингумация содержала среди прочего «парадный» меч и поясную пряжку с декором в стиле перегородчатой инкрустации, типичные для могил франкской воинской знати, а также золотую монету византийского императора Зенона (474–491 гг.) (*Périn,* 1972. P. 38, 39; 1995. Fig. 9). По погребальному инвентарю и монете данное захоронение относится к периоду 1 раннемеровингского времени (ок. 470/480–520/530 гг.) (о меровингской хронологии Северной Галлии см. подробно: *Legoux, Périn, Vallet*, 2009). В целом удила с интересующим нас декором для меровингской зоны не характерны. Можно назвать лишь редкие находки с рудиментами декора, где при очень богатом воображении можно усмотреть некие зооморфные черты (например, Russtissen, Liebenau: *Oexle*, 1992. Taf. 72, *126.1*; 200, *439.1*).

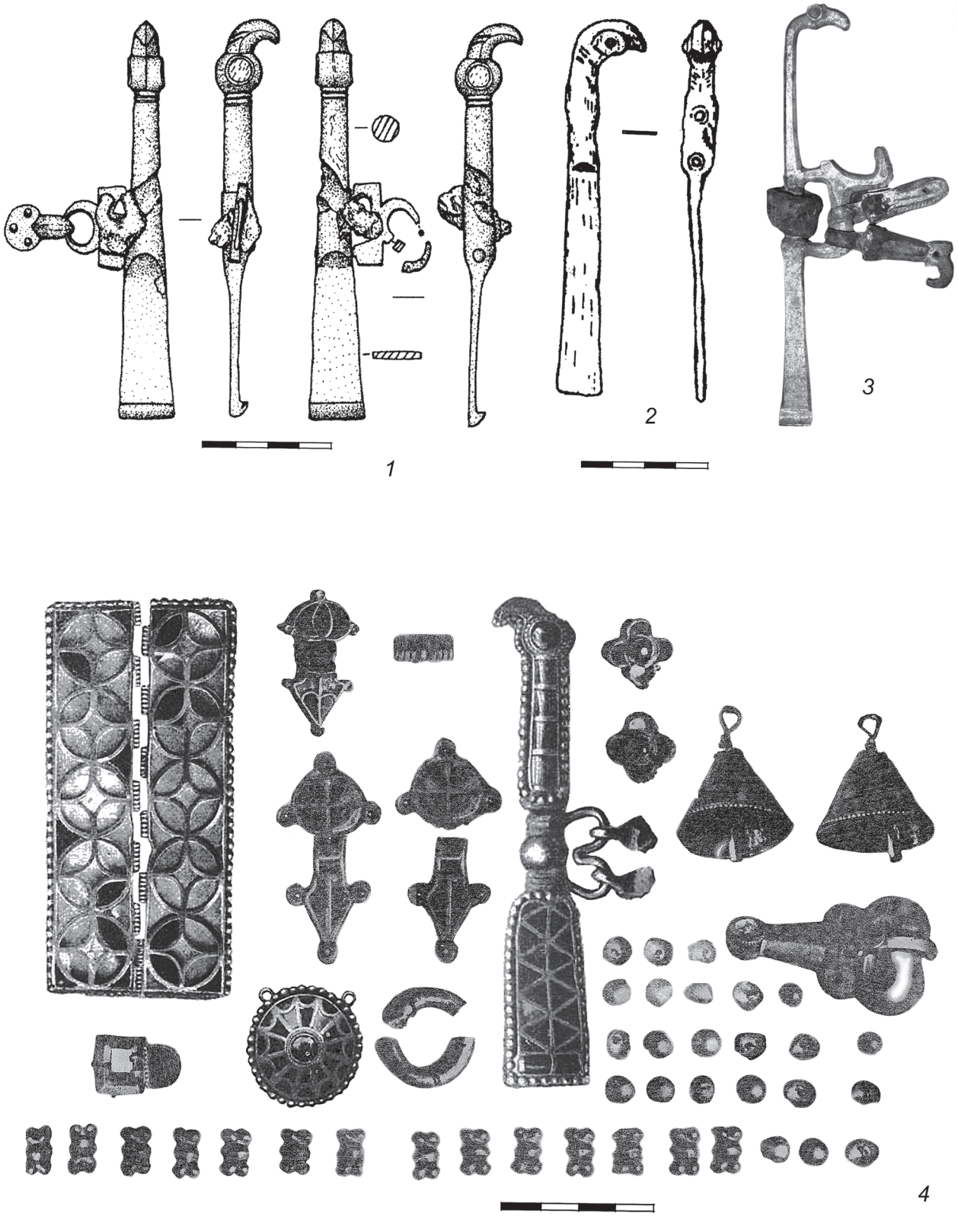


Рис. 2. Удила с лопастными псалиями, украшенными птичьими головками, и сопровождающий материал
1 – Кубань; 2 – Камунта-Кумбулта; 3 – Климовский р-н Брянской обл.; 4 – Былым-Кудинетово, курган 19
По: *Kazanski*, 2020. Fig. 1, *4–22*

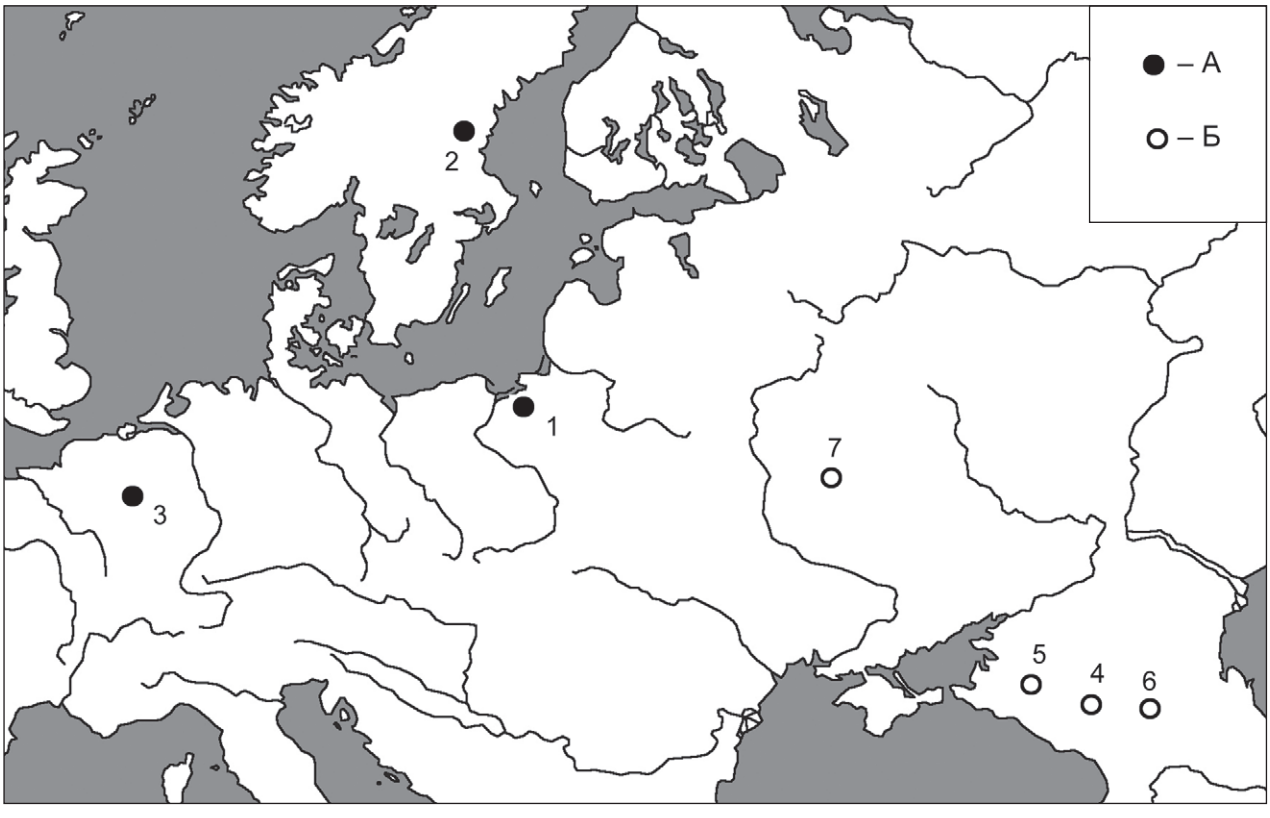


Рис. 3. Распространение удил позднего V – раннего VI в., украшенных птичьими головками.
А – со стержневой нижней частью; Б – с нижней частью в виде лопасти.
1 – Тенген – Ушаково 1; *2* – Хёгом; *3* – Шарлевиль-Мезьер; *4* – Былым-Кудинетово; *5* – Кубань; *6* – Камунта-Кумбулта; *7* – Климовский район.
Локализация памятников приблизительна

В это же время удила, украшенные птичьими и звериными головками, существуют и на юге Восточной Европы – на Северном Кавказе и на Боспоре Киммерийском, где их специально изучал И. Р. Ахмедов (*Akhmedov,* 2001; 2002; *Ахмедов,* 2009), но их отличает большая лопасть в нижней части псалий, там, где она сохранилась (рис. 2). С юга лопастные псалии с птичьими головками попадают и в Центральную Россию. Об этом свидетельствуют находка в Климовском р-не Брянской обл., в зоне колочинской раннеславянской культуры, вместе со шлемом типа Балденхейм позднего V – раннего VI в. (рис. 2, *3*) (подробнее о находке: *Казанский*, 2018. С. 86–89). Отдельные экземпляры таких удил с лопастями и птичьими головками встречаются в Былым-Кудинетово в Кабардино-Балкарии. Псалии с окончанием в виде птичьих голов, богато декорированные в стиле перегородчатой инкрустации, были обнаружены в кургане 14 вместе с другими вещами, такими как три двупластинчатые фибулы, прямоугольная шарнирная пластина, состоящая из двух частей, цельнолитая пряжка с рамкой в форме В, малая пряжка с прямоугольной рамкой, четырехлепестковые и округлые накладки и пр. (рис. 2, *4*). По этим вещам находка из Былым-Кудинетово может быть датирована второй половиной V – началом VI в. Удила из Былым-Кудинетово, вне всякого сомнения, были изготовлены в одном из средиземноморских ателье. Об этом свидетельствует присутствие характерных инкрустированных камней прямоугольной формы, полукруглых в разрезе, а также гранулированный декор по краю изделия (подробнее: *Kazanski*, 2020. P. 64).

Можно обоснованно предполагать, что удила со стрежневыми псалиями, украшенные орнитоморфным декором, составляли часть престижной «княжеской» и «воинской» культуры. В целом изображения орлов как в Римской империи, так и в Барбарикуме носили символический престижный характер. В том, что касается варваров, здесь вполне возможен хорошо известный феномен *imitatio imperii* (*Kazanski, Mastykova, Périn,* 2002. P. 167; *Kazanski, Mastykova,* 1999.

Р. 539; *Akhmedov,* 2002. P. 25. Fig. 8; *Засецкая et al.,* 2007. С. 62; *Kazanski*, 2020. P. 71; Казанский, 2021а. С. 74–77; *Казанский*, 2021б. С. 141, 142)[5].

По географическому распространению можно выделить два варианта удил с орнитоморфным декором. На юге Восточной Европы распространяются лопастные удила, возможно, восходящие к византийской/средиземноморской традиции. В то же время в северной половине Европы – в Северной Галлии, Юго-Восточной Прибалтике и в Скандинавии – распространяются удила со стержневым окончанием (рис. 3). Таким образом, удила из Тенгена – Ушаково 1 демонстрируют распространение у эстиев Юго-Восточной Прибалтики престижной общеевропейской моды.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И. Р., 2009. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А. Г. Фурасьев. Санкт-Петербург, факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 152–166.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 212 с.

Казанский М. М., 2018. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. № 4. С. 83–118.

Казанский М. М., 2021а. Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского // Античная древность и Средние века. Вып. 49. С. 70–78.

Казанский М. М., 2021б. Ранневизантийский орел из Концешт: о возможной идентификации // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский семинар / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 139–148.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. с греческого, вступительная статья, комментарии А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 543 с.

Akhmedov I., 2001. The new data to the origin of some constructive details of the horse-harness on the Great Migrations period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1th –5th centuries A. D. / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód-Nyiregyháza, Jósa András Museum, Osváth Gedeon Museum Foundation. P. 363–388.

Akhmedov I., 2002. Cheek-pieces and elements of harness witch zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. in Tejral. Brno/Archeologický ústav ČR Brno. P. 11–30.

Arrhenius B., 1983. The Chronology of the Vendel graves // Vendel Period Studies / Eds. J. P. Lamm, H.-Å. Nordström. Stockholm: Statens Historiska Museum. P. 39–70.

Berendt G., 1873. Zwei Gräberfeld in Natangien // Schriften der Königlichen Physikalisch-ökonomischen Geselschaft zu Königsberg. Jg. 14/1. S. 81–101.

Cascarino G., 2015. La cavalleria greca // Equus frenatus. Morsi dalla collezione Gianelli / Ed. C. Gianelli. Breno – Brescia: Claudio Gioanelli. P. 91–104.

Castelluccia M., 2015. I morsi bronzei nel Vicino Oriente antico // Equus frenatus. Morsi dalla collezione Gianelli / Ed. C. Gianelli. Breno – Brescia: Claudio Gioanelli. P. 41–90.

Gianelli C., 2015. Breve storia delle imboccature // Equus frenatus. Morsi dalla collezione Gianelli / Ed. C. Gianelli. Breno – Brescia: Claudio Gioanelli. P. 19–40.

Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska kultury zachodnobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. IV. S. 239–350.

Kazanski M., 2020. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations // Cherchez la petite bête. L'animal au haut Moyen Âge. Actes des XXXVIIe Journées internationales d'archéologie mérovingienne / Dir. S. Desbrosse-Degobertière, M. – C. Truc. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, Musée d'Archéologie nationale. P. 63–73.

Kazanski M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. À propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. Bd. 5. P. 523–573.

[5] Об особой роли орла в символике власти свидетельствуют и сообщения древних авторов. Прокопий Кесарийский рассказывает, что когда будущий император Маркиан (392–457 гг., у власти в 450–457 гг.) в Ливии попал в плен к вандалам, то его в толпе военнопленных от палящего солнца прикрывал орел, парящий в небе. Вандальский король Гизерих усмотрел в этом знак судьбы и отпустил Маркиана из плена, взяв с него обещание, когда Маркиан будет властвовать, никогда не поднимать оружия против вандалов (*Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами, I.IV.2–10).

Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav ČR Brno. P. 159–194.

Legoux R., Périn P., Vallet F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. 65 p.

Oexle J., 1992. Studien zu merowingerzeitlichen Pferrdgeschirr am Beispiel der Trensen, Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 308 S.

Périn P., 1972. Trois tombes de «chefs» du début de la période mérovingienne: les sépultures n° 66, 68 et 74 de la nécropole de Mézières (Ardennes) // Bulletin de la Société archéologique champenoise. Vol. 4. P. 3–69.

Périn P., 1995. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association Française d'Archéologie Mérovingienne et la Société des Amis du Musée des Antiquités Nationales. P. 247–301.

Ramqvist P. H., 1992. Högom. The excavations 1949–1984. Neumünster: Karl Wachholtz. 236 p.

Simon Ortisi C., 2003. Studien zum römischen Pferdegeschirr aus Pompeji, Herculaneum und den Vesuvvillen: Metallzäume, Trensen und Kandaren. Dissertation, LMU München, Faculty of Cultural Studies, 2003. URL//https://edo.ub.uni-muenchen.de/3456/1/Simon_Ortisi_Christina.pdf (date de consultation: 25.01.2016).

Stolpe H., Arne J., 1927. La nécropole de Vendel. Stockholm: Kingl. Vitterherts Historie och Antikvitets Akademien. 66 p.

Резюме. На могильнике Тенген – Ушаково 1 (самбийско-натангийская культура) на территории Калининградской области найдены удила с декором в виде птичьих головок. Они принадлежат немногочисленной серии удил поздней фазы эпохи Великого переселения народов, широко распространенных в Европе, от Скандинавии до Северного Кавказа. Удила со стержневыми псалиями, украшенные орнитоморфным декором, составляли часть престижной «княжеской» и «воинской» культуры V – начала VI в. На юге Восточной Европы распространяются лопастные удила, возможно, восходящие к византийской / средиземноморской традиции. В то же время в северной половине Европы – в Северной Галлии, Юго-Восточной Прибалтике и в Скандинавии – распространяются удила со стрежневым окончанием.

Ключевые слова: Великое переселение народов, самбийско-натангийская культура, удила, «княжеская» цивилизация.

M. Kazanski

A bit with ornithomorphic decoration from the Great Migration Period from the Sambian-Natangian necropolis Tengen – Ushakovo 1

Abstract. At the burial ground Tengen – Ushakovo 1 (Sambian-Natangian culture) in the Kaliningrad region, bits with decor in the form of bird heads were found. They belong to a small series of bits from the late phase of the Great Migration Period, widely distributed in Europe, from Scandinavia to the North Caucasus. Bits with rod cheek-pieces, decorated with ornithomorphic decor, were part of the prestigious «princely» and «military» culture of the Vth – early VIth centuries. In the south of Eastern Europe, bladed bits are spreading, possibly dating back to the Byzantine/Mediterranean tradition. At the same time, in the northern half of Europe – in northern Gaul, in the South-East Baltic and in Scandinavia, rod-ended bits are distributed.

Keywords: Great Migration Period, Sambian-Natangian culture, bits, «princely» civilization.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.223-248

ЧЕЛОВЕК, ПОЧВЫ И ЛАНДШАФТЫ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ КУРИЛОВКА 2)[1]

В. Е. Родинкова, С. А. Сычева, Л. С. Шумиловских, Е. Г. Ершова, Е. В. Пономаренко, Д. И. Киселев

Вступление

Изучение различных аспектов взаимодействия человека прошлого и среды его обитания – одно из активно развивающихся направлений исторической географии и археологии. В его основе лежит мультидисциплинарный подход, позволяющий воссоздавать принципы землепользования, предпочитаемые экологические ниши, адаптивные стратегии, использовавшиеся теми или иными коллективами в тот или иной период, – факторы, которые оказывали существенное влияние на формирование типов хозяйствования, экономических и общественных структур, культурной идентичности и в конечном итоге развитие исторического процесса в целом.

Мультидисциплинарные исследования ландшафтов Восточноевропейской лесостепи, направленные на реконструкцию системы «человек – природная среда», начались в 80–90-е годы XX в. Они осуществлялись двумя археолого-природоведческими коллективами, один из которых работал в бассейнах Средней Оки и Верхнего Дона (*Фоломеев и др.*, 1990), другой – в Курском Посеймье (*Сычева, Узянов*, 1987; *Сычева и др.*, 1988; *Сычева*, 1993; *Узянов*, 1993). Решались глобальные проблемы заселения и освоения лесостепи от мезолита до Нового времени. Создавались палеореконструкции и на локальном уровне, например, для участка меридионального течения р. Тускарь, в рамках которой основное внимание уделялось славянским древностям VIII–X вв.

В последние годы в Курской области стали известны новые археологические памятники позднего римского времени и начала раннего Средневековья (III–VII вв.) (*Радюш*, 2015; 2020; *Родинкова*, 2016; 2018; *Кашкин, Родинкова*, 2023; и др.), которые расширяют наши представления о начальных этапах истории славян. В связи с этим данные, позволяющие выявить зоны различного землепользования носителей прото- и раннеславянских традиций, оценить степень их воздействия на окружающую среду и влияние природных факторов на формирование социума, представляют значительный интерес.

Целью настоящего исследования является реконструкция истории освоения человеком ландшафтов в западной части лесостепной зоны Восточной Европы на основе результатов комплексного археологического и естественнонаучного изучения микрорегина в устьевой части р. Суджа, в частности, многослойного поселения Куриловка 2. Основной акцент сделан на прото- и раннеславянский период (вторая – третья четверти I тыс. н. э.), но для более глубокого понимания культурно-исторических и природных процессов рассмотрены материалы широкого временного диапазона от неолита до Нового времени.

[1] Археологические работы на поселении Куриловка 2 в 2015 и 2016 гг. осуществлялись при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 15-01-18065, 16-01-18047). Палинологические исследования Л.С. Шумиловских проводились в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 16-36-00293. Геоморфолого-почвенные исследования выполнены в рамках Государственной программы 14 по теме «Географическая оценка естественной и антропогенной эволюции почв на основе концепции памяти почв для целей рационального природопользования» (0148-2016-0003).

Авторы выражают глубокую признательность Е.А. Батраченко, Й. Шнеевайссу, А.А. Трошиной, Л.М. Придубковой за общую поддержку, а также помощь в организации и проведении полевых работ и в получении и обработке данных.

Рис. 1. Расположение исследуемого региона на карте

В задачи исследования входят:

• характеристика материальных остатков, исследованных на поселении Куриловка 2, в том числе принадлежащих раннеславянскому населению;

• определение этапов заселения памятника;

• определение особенностей геоморфологического и почвенно-литологического строения территории, анализ структуры почвенного покрова на площади поселения и прилегающих участках, выявление этапов эрозии почв;

• изучение динамики растительности, воссоздание истории выращивания культурных растений;

• выделение различных по характеру землепользования зон;

• реконструкция характера и этапов антропогенного освоения микрорегиона в устье р. Суджа и трансформации природных ландшафтов в природно-антропогенные.

1. Регион исследования

1.1. Географическая характеристика

Исследуемый микрорегион расположен в Суджанском р-не Курской обл. России, в нижнем течении р. Суджа и при впадении ее в р. Псел – левый приток р. Днепр (рис. 1). Псел вместе с Суджей образуют один из естественных водных каналов, прорезающих западную часть Среднерусской возвышенности, который соединяет бассейны Днепра и Дона. Рассматриваемая территория представляет собой участок лесостепи с зональными (автоморфными) почвами – типичными черноземами разной степени смытости вследствие значительной расчлененности поверхности овражно-балочной сетью и речными долинами. Междуречья сложены в основном меловыми породами, глинами и лессовидными суглинками, низкие террасы и поймы – преимущественно песками и супесями. В поймах близко к поверхности залегают грунтовые воды.

Река Суджа в нижнем течении обладает обширной сравнительно ровной поймой, которая местами заболочена, изобилует протоками, старичными рукавами, озерами. На ней присутствуют локальные возвышения – останцы древней надпойменной террасы, имеющие различную площадь и высоту над водой. На довольно пологом левом берегу выделяются одна-две террасы. Правый, коренной берег сильно изрезан оврагами и балками.

Характеризуя палеоклиматическую ситуацию в регионе, следует отметить, что первое тысячелетие новой эры (в частности, интересующий нас интервал III–VIII вв.) приходится на переходный период от раннего субатлантического похолодания к раннесредневековому максимальному потеплению – Малому климатическому оптимуму голоцена. Этот период отличался относительно теплым, но неустойчивым климатом (*Хотинский*, 1977; *Климанов*, 1989; *Novenko, Volkova,* 2015), неоднократными сменами потеплений и похолоданий на фоне относительной засушливости. Потепления отмечаются для рубежа новой эры, II, IV вв., похолодания – для III, V, VII вв. (*Клименко и др.*, 2001; *Сидорова и др.*, 2007). По палинологическим данным, в это время фиксируются первые локальные следы антропогенного воздействия, за которыми последовало тотальное сведение леса в XVII в. (*Shumilovskikh et al.*, 2017).

1.2. Археологическая ситуация

Первое масштабное археологическое обследование территории в нижнем течении р. Суджа было проведено Ю. А. Липкингом в конце 1950-х – 1970-е гг. Им открыто множество памятников разных эпох, а также раскопаны раннеславянские могильники Замощанская Дюна и Княжий 1 (*Липкинг*, 1964а; 1964б. Л. 14, 15). В 1980–1990-х гг. систематические разведочные изыскания здесь осуществляли А. В. Кашкин и Н. А. Тихомиров. Результаты этих работ вместе с итогами скрупулезного анализа архивных источников систематизированы в соответствующем разделе научно-справочного издания «Археологическая карта России» (Археологическая карта России, 2000), которое отражает степень изученности региона на начало XXI в. С конца 2000-х гг. комплексные полевые исследования в низовьях Суджи проводит экспедиция Института археологии РАН под руководством В. Е. Родинковой (*Родинкова*, 2016; 2018; 2020; 2021; *Родинкова, Сапрыкина*, 2015а; 2015б; *Родинкова и др.*, 2017). В ее задачи входят мониторинг уже известных и выявление новых археологических памятников, а также раскопки наиболее важных из них.

Имеющиеся данные позволяют говорить о поречье Суджи как о зоне повышенной концентрации объектов археологического наследия разных эпох. Всего на сегодняшний день их выявлено 106. Напластования каменного века, преимущественно неолитического времени, имеются на 10 памятниках, эпохи бронзы – на 49, раннего железного века – на 12, периода римского влияния – на 28, раннего Средневековья – на 12, древнерусской эпохи – на 9 (Археологическая карта России, 2000; с дополнениями В. Е. Родинковой). Таким образом, появление человека на рассматриваемой территории произошло еще в каменном веке, но сравнительно плотное заселение фиксируется в эпоху бронзы, а также с начала или второй четверти I тыс. н. э.

Объекты позднего римского времени (III – первая половина V в.) относятся к двум крупным культурным общностям: черняховской и киевской. Последнюю большинство современных исследователей считают протославянской (обзор литературы см.: *Терпиловский*, 2001–2002). Все раннесредневековые древности принадлежат колочинской культуре (середина/вторая половина V – третья четверть VII в.), которая развилась из деснинского варианта киевской и соотносится с одной из ветвей восточных славян. На некоторых памятниках, кроме того, присутствуют материалы волынцевского типа (конец VII – VIII в.). То есть уже с середины I тыс. н. э. исследуемая территория оказывается заселена исключительно носителями славянских традиций. Оставленные ими памятники тяготеют к низовьям Суджи, к широкой пойме, образуя в ней несколько скоплений («кустов» или «гнезд»). На эту ситуацию обратил внимание Н. А. Тихомиров (*Тихомиров*, 2005), впервые рассмотревший структуру славянского расселения в микрорегионе в связи с особенностями ландшафтной приуроченности памятников. По его мнению, бассейн нижней Суджи представляет собой племенную территорию, на которой во II–VII вв. развивался единый в этнокультурном и социальном отношении организм, а выбор конкретных мест обитания зависел от природных условий и типов землепользования. Полученные нами данные позволяют более детально подойти к рассмотрению этого вопроса.

2. Объекты и методы исследования

2.1. Объекты

Основным объектом настоящего исследования является геоархеологический комплекс, состоящий из многослойного поселения Куриловка 2 и прилегающей к нему территории. Памятник

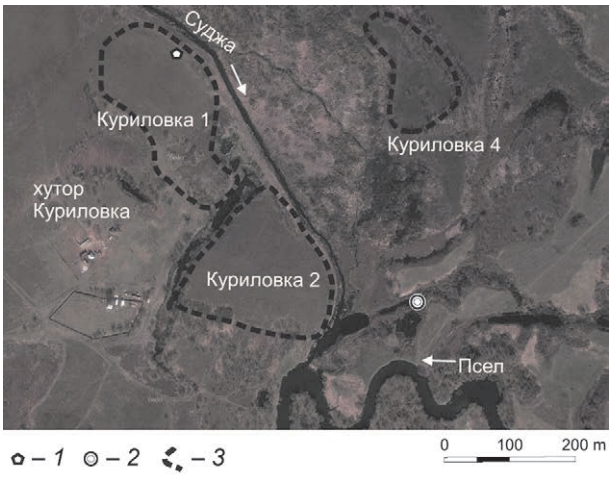


Рис. 2. Археологический комплекс у д. Куриловка на космическом снимке.
1 – место находки Куриловского клада 2007 г.; *2* – фоновый палинологический разрез (керн «Суджа»); *3* – границы археологических памятников

расположен в 150 м от д. Куриловка Суджанского р-на Курской обл. Открыт В. Е. Родинковой и И. А. Сапрыкиной в 2012 г. при обследовании участка, где в 2007 г. был найден клад «древностей антов» раннесредневекового времени (*Родинкова*, 2010), а в 2008 г. выявлено многослойное поселение Куриловка 1, содержащее в том числе лепную керамику «раннеславянского» облика (*Кашкин, Родинкова*, 2010. С. 91, 92). В настоящее время в Куриловский археологический комплекс кроме вышеупомянутых объектов входят разновременные поселения Куриловка 3, Куриловка 4, Куриловка 5 (рис. 2). Исследования, результаты которых представлены в настоящей статье, проводились в 2015–2016 гг.

Поселение Куриловка 2 занимает останец низкой террасы на правом берегу современного русла р. Суджа при впадении ее в р. Псел (рис. 3). Останец имеет подтреугольную форму, его максимальные размеры – 180×210 м, высота над водой – 3–4,5 м, общая площадь – около 2,5 га. Особенности рельефа позволяют говорить об островном расположении памятника: на северо-востоке и востоке его площадка ограничена поймой Суджи, на северо-западе и западе – обводненной протокой, переходящей в ложбину (и разграничивающей поселения Куриловка 1 и Куриловка 2), на юге – низиной, смыкающейся с низкой поймой Псла. В половодье все эти участки заливаются. Поверхность останца неровная. Наиболее высокий участок расположен на юго-востоке, ближе к устью Суджи; к северу и северо-западу местность снижается. Перепад высот составляет около 1,5 м. Склоны останца поросли кустарником и деревьями, площадка покрыта травянистой растительностью, в основном злаковой. В настоящее время она окашивается.

Исследуемый объект представляет собой сложную пространственную структуру, состоящую из нескольких частей. Во-первых, это зона непосредственного проживания коллектива, оставившего памятник, где сохранились остатки строительных конструкций и сформировался культурный слой, содержащий подавляющее большинство артефактов. Во-вторых, это участки (сельско)хозяйственного освоения, отражающие разные типы землепользования (пашни, огороды, пастбища и др.). В-третьих, это окружающие поселение природные территории, на которых человеческая деятельность впрямую не производилась, но которые могли испытывать опосредованное влияние антропогенного фактора. В связи с этим для реконструкции взаимодействия человека и среды его обитания на разных хронологических этапах анализу подверглись не только культурные напластования и содержащиеся в них археологические материалы. Исследована также серия разрезов почв и аллювиальных отложений как в границах распространения культурного слоя, так и на прилегающих участках. Они выстроены в несколько катен по основным направлениям склонов останца. В настоящей работе обсуждаются катены 2 (2015 г.) и 4 (2016 г.), предоставляющие наиболее интересные данные.

В геолого-геоморфологическом аспекте изучены останец древней террасы и пойма Суджи, имеющие каждый свое строение. Воссоздание истории растительности основывается на результатах палинологического анализа 29 образцов из фонового разреза (керн «Суджа» длиной 260 см) в зарастающей старице р. Суджа на расстоянии 120 м от границы поселения Куриловка 2. Кроме того, изучены микроостатки в 12 образцах из культурного слоя в разрезе 10 катены 4 (длина колонки – 95 см), расположенном на территории памятника, в сниженной северной части останца.

2.2. Методы

В ходе раскопок применялись классические для археологии планиграфический и стратиграфический подходы, позволяющие выявить про-

странственную организацию памятника и последовательность залегания слоев и находок. Этнокультурная атрибуция и датирование археологического материала проводились на базе его сравнительно-типологического и хронологического анализа.

Основой почвенных и палеопочвенных исследований стал морфогенетический и сравнительно-корреляционный анализ почвенных профилей и поверхностных отложений. Это дало возможность определить генезис почв, палеопочв, различных фаций отложений, а также стратиграфию напластований. Следующим этапом было построение катен, позволяющее воссоздать систему размещения разных типов почв и антропогенных отложений в пространстве (*Сычева и др.*, 2004; *Пономаренко и др.*, 2015). Определение почв основывалось на российской и международной классификациях (Национальный атлас почв Российской Федерации, URL: https://soil-db.ru/soilatlas/; World Reference Base, 2006).

Характеристика растительности осуществлялась на основе палеоботанических методов, прежде всего спорово-пыльцевого анализа. Образцы из керна «Суджа» подверглись обработке 10%-ным раствором хлорной и 48%-ным раствором плавиковой кислот, ацетолизу, а также просеиванию через сито с размером ячейки 200 и 6 микрон (*Erdtman*, 1960). Для определения концентрации пыльцы в начале лабораторной обработки добавлялись таблетки с известным числом спор *Lycopodium* (*Stockmarr*, 1971). Для расчета процентных соотношений использовалась общая сумма наземной пыльцы. Кроме того, был проведен фитолитный анализ и педоантракологические определения образцов угля из культурного слоя (*Ponomarenko, Anderson*, 2000).

Хронологические этапы развития почв и ландшафтов, а также растительных сообществ выделялись на основе археологического датирования и при помощи радиоуглеродного (включая AMS) анализа. Радиоуглеродные даты были получены в Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН и Канадском центре ускорительной масс-спектрометрии Университета Оттавы. Калибровка выполнялась в программе OxCal. Финальная реконструкция системы освоения территории на разные временные срезы производилась на основе палеоландшафтного подхо-

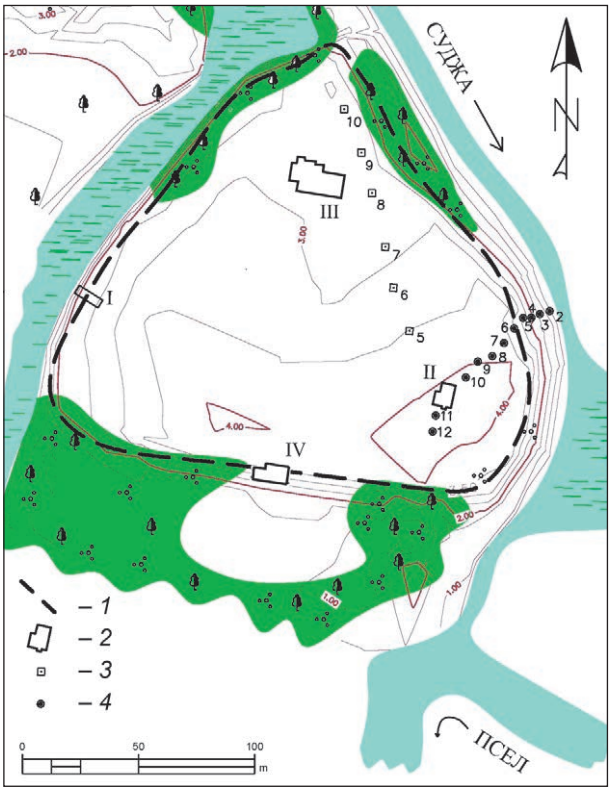


Рис. 3. Поселение Куриловка 2. Топографический план. *1* – граница памятника; *2* – раскопы; *3* – разрезы катены 4 (2016 г.); *4* – разрезы катены 2 (2015 г.)

да; данные анализировались и обобщались последовательно на нескольких уровнях: раскопы и шурфы/разрезы; катены; памятник и геоархеологический комплекс в целом.

3. Материалы и обсуждение

3.1. Археологические материалы

К настоящему времени на поселении Куриловка 2 исследованы четыре раскопа и серия шурфов, часть которых описаны также как почвенные разрезы. Раскоп 1 (48 кв. м) располагался на краю останца, на берегу протоки, ограничивающей памятник с запада, раскоп 2 (74 кв. м) – на наиболее высоком участке на юго-востоке площадки. Раскоп 3 (275 кв. м) исследован в сниженной северной части, раскоп 4 (64 кв. м) – на южном склоне останца (рис. 3). Общая вскрытая раскопами и шурфами площадь составляет более 500 кв. м.

Культурный слой на поселении представляет собой темно-серый сильногумусированный суглинок (иногда супесь), насыщенный

Рис. 4. Поселение Куриловка 2. Раскоп 2

фрагментами керамики, костями животных, кусками обожженной глины и другими материальными остатками. Он распространен на всей площадке и в верхней части склонов останца. Его мощность варьируется от 0,25–0,3 м на возвышенных участках до 0,8 м на наиболее низких. Нижняя часть культурных напластований залегает *in situ*, верхняя, до глубины 0,30–0,35 м от современной поверхности, нарушена распашкой.

Остатки строительных сооружений – углубленные ниже границы культурного слоя ямы различных форм и размеров – зафиксированы по всей площади памятника. В раскопе 2 исследованы 25 углубленных объектов (жилище и 24 хозяйственные ямы), зачастую перекрывающие друг друга (рис. 4), в раскопе 3 – 6 жилых и хозяйственных построек и 37 ям, в раскопе 4 – производственная постройка, 14 ям разного времени, 2 погребения по обряду ингумации. Мощность культурного слоя в углубленных объектах может достигать 1,9 м.

Основу полученного на поселении археологического материала составляет керамика, которая разделяется на две большие группы: круговая и лепная. Практически вся круговая посуда датируется XVII – началом XX в. (рис. 5, *25–30*), за исключением нескольких черепков, принадлежащих черняховской культуре. Подавляющее большинство фрагментов лепной керамики принадлежит сосудам так называемой раннеславянской традиции, характерным для позднезарубинецкого горизонта, киевской, колочинской и волынцевской культур второй – третьей четвертей I тыс. н. э. (рис. 5, *19–24*). Кроме того, встречены единичные обломки сосудов эпох неолита и бронзы (рис. 5, *1–6*).

Набор индивидуальных находок, происходящих с поверхности памятника, из культурного слоя и из заполнения углубленных объектов, достаточно представителен. Среди них выделяется серия кремневых отщепов и пластин (рис. 5, *7, 8*), относящихся к неолитическому времени, хотя не исключена и принадлежность некоторых из них к мезолиту. С эпохой римских влияний и ранним Средневековьем связаны изделия из железа и цветных металлов, глины, кости, стекла, камня (рис. 5, *9–14*). Это инструменты и бытовые изделия (пряслица, точильные камни, фрагменты тиглей и льячек, рыболовные крючки, ножи), предметы вооружения

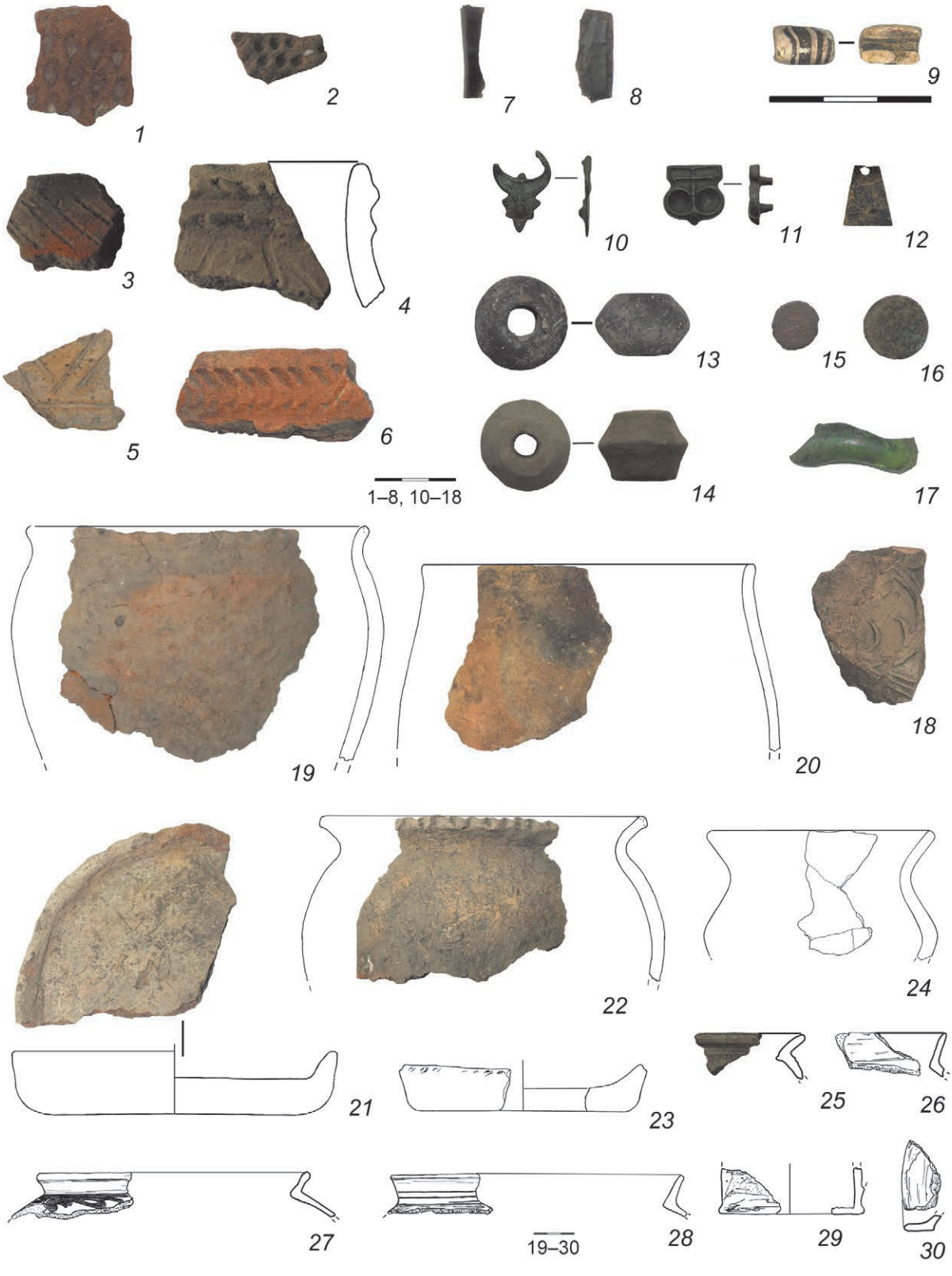


Рис. 5. Поселение Куриловка 2. Археологический материал.
1–6, 19–24 – лепная керамика (*1, 2* – неолитические сосуды; *3–6* – сосуды эпохи бронзы; *19, 21–23* – сосуды типа Сахновки; *20* – сосуд колочинского типа; *24* – сосуд киевского типа); *7, 8* – кремневые пластины; *9* – стеклянная бусина; *10* – серьга волынцевского типа; *11*– поясная накладка; *12* – трапециевидная подвеска; *13*, *14* – глиняные пряслица; *15, 16* – монеты; *17* – фрагмент стеклянного изделия; *18* – фрагмент изразца; *25–30* – круговая керамика

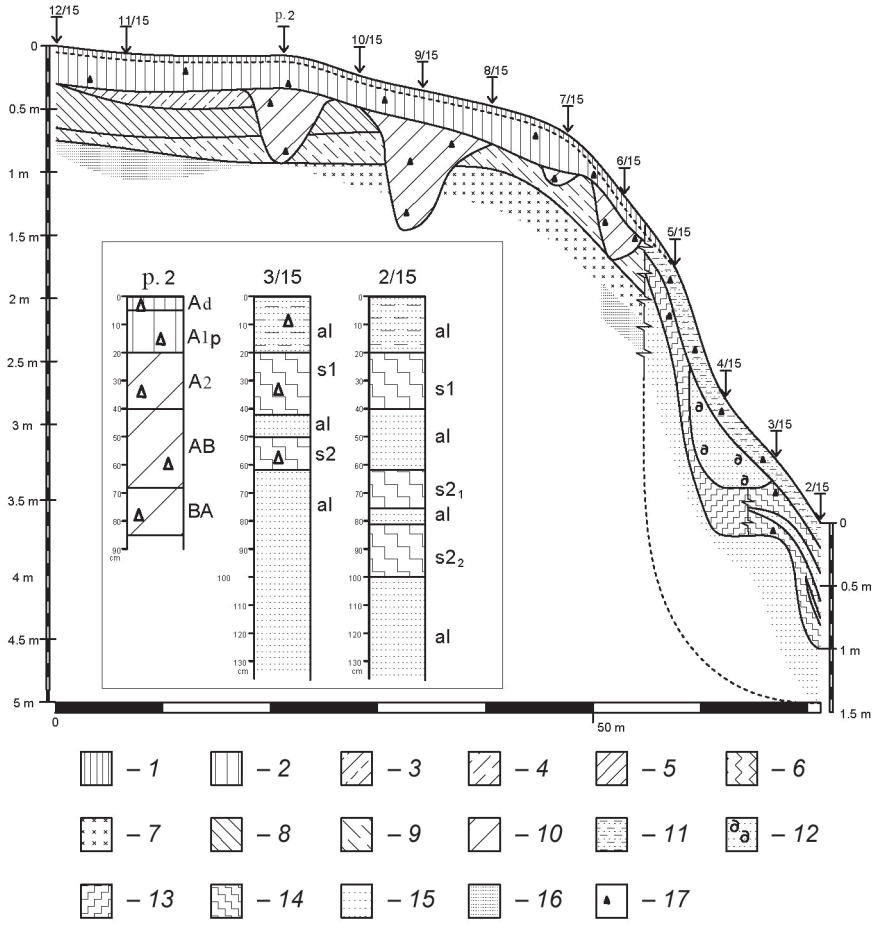


Рис. 6. Катена 2, строение разрезов 2/15, 3/15 и раскопа 2.
Горизонты почв: *1* – дернина (Ad); *2* – старопахотный (Ap); *3* – гумусово-элювиальный (AE); *4* – погребенный гумусовый (Ab); *5* – гумусово-элювиально-иллювиальный (AEB) или элювиально-иллювиальный (EB); *6* – иллювиально-глинистый (Bt); *7* – карбонатный (Bk), переходящий в лесс; *8* – переходный (AB или BA); *9* – иллювиально-железистый (Bfe); *10* – культурный слой в ямах (антроседимент); *13* – дерновая почва на склоне, перекрытая наилком; *14* – слаборазвитые аллювиальные почвы.
Аллювий: *11* – современный (наилок); *12* – старичный с раковинами моллюсков; *15* – позднеголоценовый (гумусированный песок); *16* – позднеледниковый (палевый песок).
17 – археологический материал

и конского снаряжения (наконечники стрел, псалий, кольчужные кольца), мужские и женские украшения (фибулы, элементы поясных гарнитур, подвески разных типов, височное кольцо, бусы) и др. Новому времени принадлежат монеты, фрагменты изразцов, изделий из стекла и железа (рис. 5: *15–18*).

Артефакты разных эпох неравномерно распределены по территории памятника. Так, в раскопе 1 круговая керамика XVII–XIX вв. составляет более 70% находок, а единственный определимый в хронологическом отношении углубленный объект – участок ровика, расположенного вдоль края останца и связанного, вероятно, с хозяйственной деятельностью Нового времени. Велика доля позднего материала и в шурфах, заложенных в южной части памятника. В северной его части встречается преимущественно лепная керамика раннеславянского типа, причем она фиксируется по всей толще культурных напластований, начиная с самого нижнего горизонта, с глубины 0,7–0,8 м. В культурном слое раскопа 2, который в рамках настоящего исследования представляет для нас наибольший интерес, фрагменты лепных сосудов абсолютно преобладают, составляя около 90% коллекции, но строительные объекты, судя по находкам из их заполнения, относятся к разным периодам. Новому времени принадлежит серия столбовых ям, представляющих

собой, вероятно, остатки изгороди или навеса. Постройка – полуземлянка каркасно-столбовой конструкции с глинобитной печью в углу и одна из хозяйственных ям содержат своеобразный набор форм посуды, позволяющий причислять их к древностям волынцевского типа. Из остальных углубленных объектов происходит менее выразительный материал, на основании которого они могут быть датированы в широких рамках второй – третьей четвертей I тыс. н. э. Находки более раннего времени – неолита и эпохи бронзы – зафиксированы на всей площади поселения, но объекты и комплексы этих периодов достоверно не выделяются.

3.2. Почвы и катены

Катена 2/15 (рис. 3; 6) состоит из 12 разрезов (2/15–12/15), один из которых описан в пределах раскопа 2. Они ориентированы вдоль линии юго-запад – северо-восток, от участка, имеющего наибольшую высоту над водой (где заложены раскоп 2 и разрезы 12/15 и 11/15), к руслу р. Суджа. Общая протяженность катены – 70 м. Разрезы 12/15–8/15 находятся на площадке останца, разрез 7/15 – на его бровке, разрез 6/15 – на склоне, разрезы 5/15–2/15 – на пойме Суджи.

В возвышенной части площадки (разрезы 12/15–8/15) мощность почвы составляет 60–80 см. Ее типичное строение демонстрируют разрезы 11/15 (Ad-Ap-AE-2AB-Bf-D) и 8/15 (Ad-Ap-2BfA-Bk), а верхней части – раскоп 2 (Ad-A1p-A2-AB-BA) (табл. 1). Почвенный профиль здесь состоит из дернины (Ad), старопахотного (Ap; антросоль), переходных (AE и AB), иллювиально-железистого (Bf) и иллювиально-карбонатного (Bk; разрезы 10/15, 8/15) горизонтов.

Старопахотный горизонт мощностью 20–30 см характеризуется ровной нижней границей и перемешанностью содержащегося в нем материала, в том числе антропогенного (фрагменты керамики, обожженной глины, кости, уголь, меловая крошка) (рис. 7). Он развит на площадке и склоне останца (раскоп 2, разрезы 12/15–6/15).

Культурный слой состоит из трех подслоев антроседимента, преобразованного наложенным почвообразованием в антропозем (антросоль урбик): Au-AuB-BAu. Вне углубленных объектов (ям) он практически полностью разрушен распашкой. Лишь на некоторых участках (в разрезах 12/15, 9/15, 7/15, 6/15 и раскопе 2)

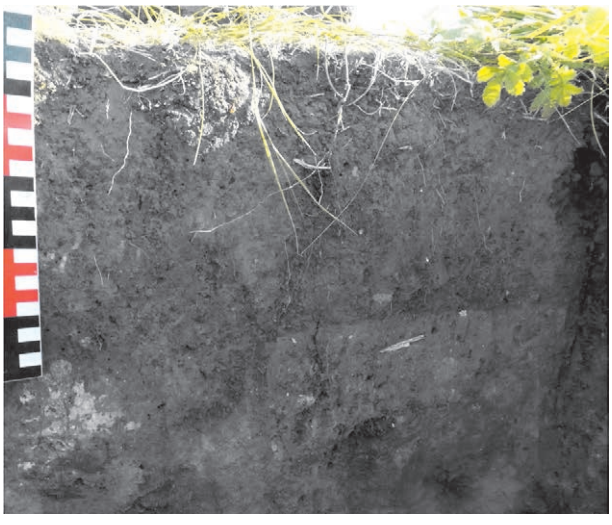


Рис. 7. Поселение Куриловка 2. Старопахотный горизонт

он фиксируется под старопахотным горизонтом в виде линз и прослоев, толщина которых не превышает 10 см.

Ниже старопахотного горизонта или ненарушенного культурного слоя залегает дерновая почва с признаками иллювиирования железа и ила с профилем AE-AB-Bf (разрезы 11/15, 10/15, 8/15, 6/15). В разрезах 12/15, 9/15, 7/15, частично 6/15 она разрушена ямами и замещена культурным слоем. В самой высокой части останца почва отмыта от карбонатов и развита на палевом бескарбонатном песке – древнем перигляциальном аллювии (разрезы 12/15, 11/15) (рис. 8, *A*). Ниже по склону материнской породой ей послужила облессованная карбонатная супесь (разрезы 10/15, 8/15, 7/15, 6/15). В разрезе 6/15 она подстилается древним аллювиальным песком, аналогичным выявленному в разрезах 11/15 и 12/15.

В разрезах 5/15–2/15, заложенных на пойме Суджи и склоне к ней, выявлены более молодые слоистые аллювиальные отложения (наилок). Пахотный горизонт отсутствует. В разрезах 5/15 и 4/15, занимающих более высокие топографические позиции, отмечена одна погребенная почва, в сниженной части поймы их две-три. Здесь гумусированные прослои и слаборазвитые дерновые аллювиальные почвы (флювисоли) переслаиваются с прослоями песка (разрезы 3/15 и 2/15) (рис. 6; 8: *B*). В разрезе 4/15 обнаружено особенно большое количество раковин, в том числе в виде скоплений, что свидетельствует о существовании на данном участке локального водоема.

Табл. 1. Куриловка 2. Строение почв и отложений в наиболее репрезентативных разрезах катен 2 и 4

Слой, почва	Горизонт	Мощность, см	Морфологическая характеристика
Разрез 10/16			
1. *Антропозем* (старопахотный горизонт на культурном слое с признаками элювиирования)	Ad	0–6	Темно-серый легкий суглинок, густо переплетенный корнями растений, комковато-зернистой структуры, гроздья.
	Ap старопахотный	6–26	Темно-серый легкий суглинок, плотный, густо переплетен корнями растений, комковато-зернистой структуры, с фрагментами керамики, меловой крошкой. Переход заметный по плотности, граница ровная.
	AE	26–45	Серый легкий суглинок, рыхлый, с белесой скелетаной. Переход заметный по цвету, плотности. Граница ровная.
2. *Антропозем на темно-серой лесной*	2Ab	45–67	Темно-серый средний суглинок, гумусированный, зернисто-порошистой структуры, рыхлый.
	AEBt	67–87	Серый с коричневатым оттенком средний суглинок, пылеватый, однородный. Отмечаются скелетана и тонкие гумусово-глинистые кутаны.
	3Bht	87–100	Серо-бурый тяжелый суглинок, ореховатой структуры, с гумусово-глинистыми кутанами, скелетаны нет.
	Bt	100–122	Бурый тяжелый суглинок, ореховатой структуры, с гумусово-глинистыми кутанами, бескарбонатный.
3. *Лесс*	Bk	122–132	Палевый легкий суглинок, пористый, карбонатный.
Разрез 7/16			
1. *Антропозем* (старопахотный горизонт на культурном слое с признаками элювиирования)	Ad	0–5	Темно-серый легкий суглинок, пылеватый, густо переплетенный корнями растений, зернистой структуры, гроздья.
	Ap старопахотный	5–20	Темно-серый легкий суглинок, пылеватый, комковато-зернистой структуры, с редкими мелкими фрагментами керамики и редкой меловой крошкой. Граница ровная, нарушена ходами червей, переход заметный по цвету и плотности.
	AE	20–45	Светло-серый, при высыхании темный легкий суглинок, неоднородный, перемешанный, с обильной скелетаной, копрогенной структуры, с единичными фрагментами керамики. Переход заметный.
2. *Антропозем на темно-серой лесной*	2EAb	45–63	Палево-серый, при высыхании белесый легкий суглинок. Внутрипедная масса (ВПМ) однородная, слегка гумусированная. Структура копрогенная, погруженная в ВПМ. Обильная белесая скелетана. Единичные фрагменты керамики. Переход заметный.

Слой, почва	Горизонт	Мощность, см	Морфологическая характеристика
	EBtA	63–78	Буровато-палевый с коричневатым оттенком легкий суглинок. ВПМ бурая, на гранях педов тонкие глинистые кутаны, слабовыраженная таблитчато-мелкоореховатая структура. Переход резкий по гранулометрическому составу и заметный по цвету.
3. *Темно-серая лесная*	3Bt1	78–105	Бурый с рыжеватым оттенком средний суглинок, ореховатой структуры. Педы покрыты мощными гумусово-глинистыми кутанами и скелетаной. С глубины 90 см отмечаются сизые пятна. Граница ровная, переход резкий по гранулометрическому составу и цвету.
	Bt2	105–120	Рыжевато-бурый тяжелый суглинок, более однородный, сложной ореховатой структуры. Гумусово-глинистые кутаны по граням педов и порам. Переход резкий по гранулометрическому составу и цвету.
4. *Лесс*	Bk	120–130	Палевый легкий карбонатный лессовидный суглинок, мелкие карбонатные конкреции.
Разрез 5/16			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–5	Темно-серый легкий суглинок.
	Ap старопахотный	5–25	Темно-серый легкий суглинок, однородный, слегка опесчаненный, с редкими фрагментами керамики и меловой крошкой. Граница ровная, переход заметный по цвету.
	A2	25–36	Темно-серый с буровато-коричневым оттенком легкий суглинок, пятнистый, неоднородный, с более темными и палевыми копролитами. Отмечены единичные фрагменты керамики, встречается уголь (0,5 см), меловая крошка.
Антроседимент	AB – нижний слой заполнения ямы	36–58/66	Перемешанный серый с бурым и палево-бурым суглинок. Видны кротовины диаметром 7 см крапчатого, палевого, темно-серого заполнения.
2. *Темно-серая лесная*	2EBt	58/66–72	Неоднородный палево-светло-бурый с прожилками и пятнами рыжевато-бурого легкий суглинок. Пылеватый, с обилием белесой скелетаны, таблитчато-мелкоореховатой структуры. Местами по нижней границе, над горизонтом B, отмечаются пятна, насыщенные скелетаной, белесые с копрогенной проработкой, размером 4–5 см. Переход резкий по структуре, количеству скелетаны, заметный по цвету.
3. *Темно-серая лесная*	3BtAb	72–120	Неоднородный бурый, фрагментами коричневато-бурый с серыми пятнами средний, ближе к тяжелому, суглинок с гумусированной ВПМ, с кутанами и скелетаной (ее немного). Книзу появляется сизоватость (оглеенность). На глубине 94 см – крупная кротовина (d = 15 см), заполненная палевым карбонатным суглинком.
4. *Лесс*	Bk	120–130	Палевый лессовидный карбонатный суглинок (трубочки по порам и белоглазка размером 3 мм).

Слой, почва	Горизонт	Мощность, см	Морфологическая характеристика
Разрез 9/16			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–5	Темно-серый легкий суглинок.
	A1p старопахотный	5–23	Темно-серый легкий суглинок, плотный, густо переплетен корнями растений, комковато-зернистой структуры, с фрагментами керамики, меловой крошкой. Переход заметный, граница ровная.
	A2	23–36	Темно-серый с легким буроватым оттенком легкий суглинок, копрогенный, переход темными прожилками.
	AE	36–46	Серый легкий суглинок, рыхлый, с белесой скелетаной. Переход заметный по цвету, плотности. Граница ровная.
2. *Темно-серая лесная*	2AEb	46–60	Буровато-серый средний суглинок.
	BtA	60–80	Бурый с сероватым оттенком тяжелый суглинок, перерытый, кутан мало.
3. *Лесс*	Bk	80–90	Палевый легкий карбонатный лессовидный суглинок.
Раскоп 2/15			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–5	Темно-серый легкий суглинок, комковато-зернистой структуры, густо переплетен корнями растений.
	A1p старопахотный	5–20	Серый легкий суглинок, пылеватый, комковато-зернистой структуры. Отмечаются фрагменты керамики, костей, мелкая меловая крошка, не образующая скоплений. Переход постепенный по цвету, рыхлости и составу включений, граница видна не четко.
Антроседимент (культурный слой)	A2	20–37	Серый (немного светлее вышележащего) легкий суглинок, пылеватый, комковато-зернистой структуры. Содержит больше фрагментов керамики, фактически нет меловой крошки. Переход постепенный по плотности и цвету.
	AB	37–68	Неоднородный по цвету и структуре буровато-серый с включениями мелких пятен бурого легкий суглинок, пылеватый, с включениями гнезд и отдельных копролитов, керамики, мелких фрагментов глиняной обмазки.
	BA	68–85	Палево-серый легкий суглинок, слегка опесчаненный, неоднородный. Содержит фрагменты лепной керамики. В яме на глубине 90 см встречены линзы палевого суглинка и включения угля (развал печи).
Разрез 12/15			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–5	Серая супесь, переплетена корнями растений.
	Ap старопахотный	5–30	Неоднородная серая с рыжими пятнами супесь, с включениями фрагментов керамики.
	AB	30–67	Светло-серая гумусированная супесь, включает редкие фрагменты керамики, граница резкая по гранулометрическому составу.
2. *Древний аллювий*	D	67–77	Желтовато-палевый песок.

Слой, почва	Горизонт	Мощность, см	Морфологическая характеристика
Разрез 11/15			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–7	Темно-серый легкий суглинок, комковато-зернистой структуры, густо переплетен корнями растений.
	Ap старопахотный	7–30	Темно-серый легкий суглинок, опесчаненный, комковато-зернистой структуры, с меловой крошкой, фрагментами керамики.
	AE	30–40	Светло-серый легкий суглинок с белесой скелетаной и углем.
2. *Аллювиальная дерновая*	2AB	40–65	Бурая с серым оттенком супесь, пятнистая за счет биогенной проработки. Скелетана обильная.
	Bf	65–75	Темно-бурый плотный песок, сцементированный, граница резкая по цвету.
3. *Древний аллювий*	D	75–103	Палево-желтый песок, мелкозернистый, плотный.
Разрез 10/15			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–4	Серая перемешанная, но в целом однородная супесь.
	Ap старопахотный	4–25	Серая, книзу с палевым оттенком и пятнами палевого песка супесь, плотная, комковато-зернистой структуры. Отмечаются червоточины, мелкая меловая крошка, фрагменты керамики, в том числе лепной, кости, угль. Нижняя граница ровная, но нарушена ходами червей, проникающими на глубину 5–7 см. Слой прорезает яма глубиной 50 см, ее заполнение насыщено фрагментами костей и углем.
	BA	25–45	Серо-бурая супесь, слабогумусированная, пылеватая, рыхловатая, комковато-зернистой структуры, неоднородная, с пятнами бурой ожелезненной супеси. Граница ровная, переход резкий.
2. *Темно-серая лесная*	2Bf	45–70	Бурый песок, ожелезненный, сцементированный, плотный, мелкопризматической структуры, с кротовинами и землероинами. На гранях структурных отдельностей отмечаются железистые пленки. Переход резкий.
3. *Лесс*	Bk	70–90	Буровато-палевый песок, однородный, тонкозернистый, облессованный, менее плотный, чем вышележащий, с карбонатными новообразованиями – трубочками по порам, мелко- и крупнопористый.
Разрез 8/15			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–5	Темно-серая супесь.
	Ap старопахотный	5–30	Серая супесь, комковато-зернистой копрогенной структуры, с червороинами, пористая, включает фрагменты керамики, меловую крошку. Граница ровная, переход резкий.
2. *Аллювиальная дерновая*	2BfA	30–50	Светло-бурый песок, связный, сцементированный, с серыми червороинами и кротовинами диаметром 5–6 см, спальной камерой диаметром 20 см, с редкой меловой крошкой. Мощность не выдержана, от 15 до 40 см. Сильно биогенно проработанный. Карбонаты в виде пропитки, пятен, чаще связаны с кротовинами.

Слой, почва	Горизонт	Мощность, см	Морфологическая характеристика
3. *Лесс*	Bk	50–80	Палевая супесь, пылеватая, мелкопористая, с карбонатной пропиткой вокруг пор, лессовидная. Вверху более опесчанена.
Разрез 6/15			
1. *Антропозем на антроседименте* (культурном слое)	Ad	0–10	Темно-серая супесь.
	A	10–20	Серая супесь с редкой меловой крошкой, включает фрагменты керамики.
2. *Аллювиальная лесная*	BAf	20–37/63	Бурый сцементированный песок, неоднородный. Пронизан червороинами и кротовинами диаметром 5 см. Переход резкий по цвету и гранулометрическому составу. Граница неровная по ходам землероев. Слой прорезает яма глубиной 63 см.
3. *Лесс*	Bk	37/63–90	Палевый песок (супесь), тонкий, мелкозернистый, карбонатный, сцементированный, с обильной карбонатной пропиткой и редкими трубочками по порам. Переход резкий по гранулометрическому составу.
4. *Древний аллювий*	Dk	90–115	Палево-светло-серый песок, тонкозернистый, однородный, сыпучий, карбонатная пропитка присутствует по всей мощности.
Разрез 5/15			
1. Наилок	al	0–36/40	Серый песок, гумусированный, неоднородный, тонкозернистый, рыхлый, слоистый. Отмечается обилие раковин моллюсков, коры деревьев, корней. На глубине 33–38 см серый прослой, наклоненный к реке, чередуется с линзами белесого, рыхлого светло-серого песка, включениями гравия.
2. *Погребенная аллювиальная дерновая*	Ab	40–75	Темно-серая супесь, связанная, комковато-зернистой структуры, копрогенная, с включениями редкой меловой крошки. Книзу супесь опесчанивается. Переход резкий по гранулометрическому составу, постепенный по цвету.
	AB	75–85	Серый песок, гумусированный, рыхлый, неоднородный из-за неполной копрогенной проработки.
3. *Аллювий*	al	85–120	Светло-желтый песок, рыхлый, однородный, с редкими ходами червей, бескарбонатный.
Разрез 4/15			
1. Наилок	al 1-1	0–25/45	Светло-серый песок, гумусированный, неоднородный, с обилием обломков и целых раковин моллюсков, старой дернины, угля, коры, древесины. Залегает наклонно в сторону падения реки.
	al 1-2	25/45–70	Светло-серый песок, рыхлый, еще более неоднородный, с обилием раковин, коры, корней, веток. По нижней границе прослои белесовато-серого песка чередуются с прослоями ржавого песка с раковинами. Переход резкий, граница ровная, горизонтальная.

Слой, почва	Горизонт	Мощность, см	Морфологическая характеристика
2. *Погребенная аллювиальная дерновая*	2Ab	70–92	Темно-серый песок, однородный, копрогенной структуры.
	AB	92–107	Палево-серый песок, слабогумусированный.
3. *Пойменный аллювий*	al	107–115	Переслаивание гумусированного серого и светло-желтого песка.
Разрез 3/15			
1. Наилок	al	0–20	Светло-серый песок, рыхлый, с обильными включениями корней, раковин моллюсков, коры, угля, внизу слоистый.
2. *Погребенная аллювиальная дерновая*	2Ab	20–35	Темно-серый песок, сцементированный, с раковинами моллюсков, редкими железистыми новообразованиями. Граница копрогенная.
	AB	35–45	Светло-серый песок.
3. *Аллювий*	al	45–50	Грязно-белесый песок.
4. *Погребенная аллювиальная дерновая*	3Ab	50–62	Серый песок, однородный, гумусированный.
5. *Пойменный аллювий*	al	62–135	Светло-желтый песок, тонкозернистый, в верхней части слегка гумусированный. С глубины 77–110 см – с железистыми пятнами коричнево-ржавого песка. С глубины 110 см отмечаются карбонатные прожилки.
Разрез 2/15			
1. *Аллювий*	al	0–20	Серый, книзу серовато-коричневый песок.
2. *Погребенная аллювиальная дерновая*	2Ab	20–40	Серый песок, гумусированный, с меловой крошкой и раковинами.
3. *Аллювий*	al	40–62	Светло-серый песок.
4. *Погребенная аллювиальная дерновая*	3Ab	62–76	Темно-серый песок.
5. *Аллювий*	al	76–82	Светло-серый, беловато-серый песок.
6. *Погребенная аллювиальная дерновая*	4Ab	82–100	Темно-серый, почти черный песок.
7. *Старичный аллювий*	al	100–135	Зеленовато-серый, книзу сизовато-серый песок.

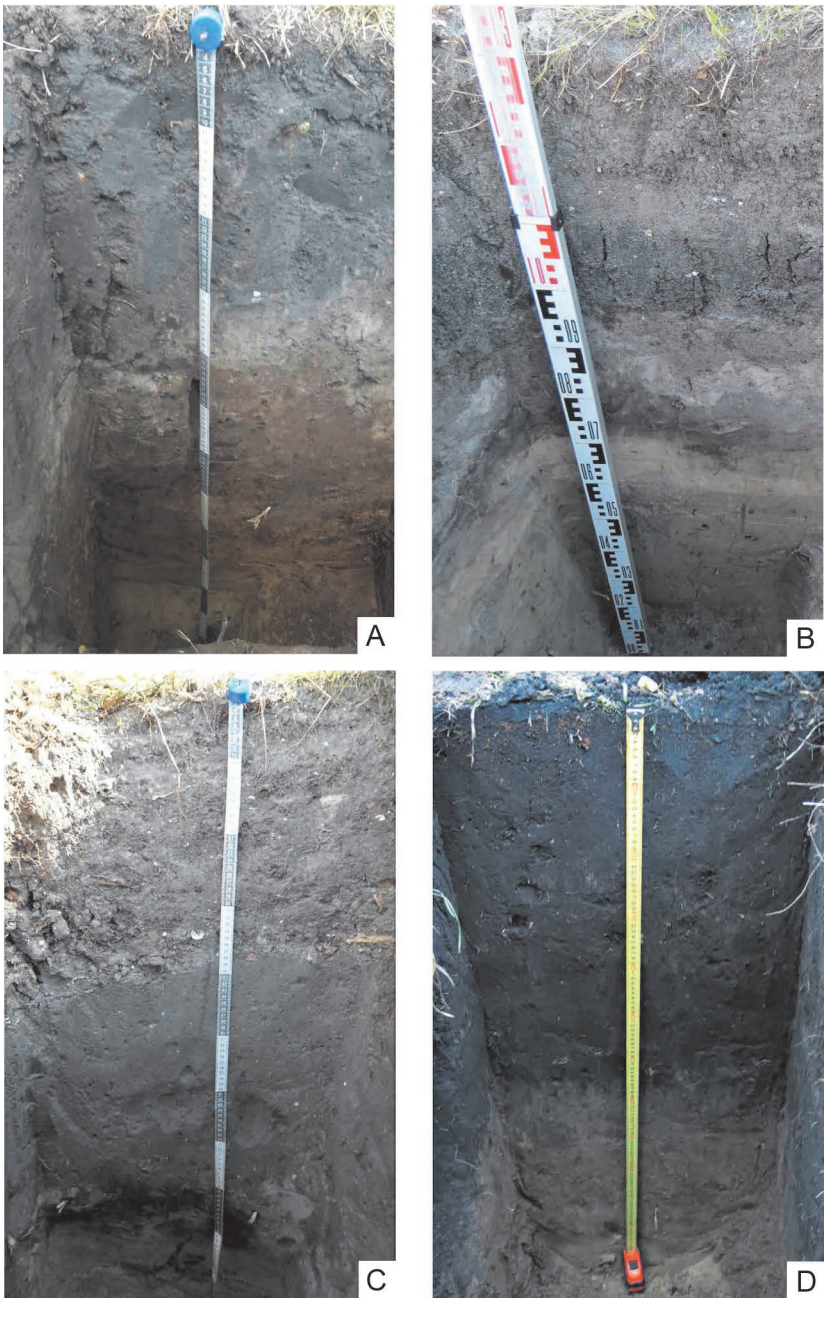


Рис. 8. Поселение Куриловка 2. Репрезентативные разрезы.
A – разрез 11/15; B – разрез 3/15; C – разрез 5/15; D – разрез 10/16

В контексте реконструкции почвенных процессов значительный интерес представляет разрез 3/15 (рис. 6; 8: *B*). Во второй (нижней) погребенной почве (3Ab), на глубине в среднем 50–60 см, обнаружена исключительно лепная керамика раннеславянского облика второй – третьей четвертей I тыс. н. э. В первой погребенной почве, в горизонте 2Ab, на глубине в среднем 20–34 см, содержится смешанный материал, принадлежащий эпохе бронзы, раннеславянскому периоду, а также Новому времени.

Для двух разрезов катены 2 получены радиоуглеродные даты (табл. 2). По гуминовым кислотам вторая погребенная почва в разрезе 3/15 датируется XVI – началом XVII в., а погребенная почва (нижняя часть горизонта Ab) в разрезе 5/15 – концом XV – XVI в. Первая погребенная почва в разрезе 3/15 и верхняя часть погребенной почвы в разрезе 5/15 современные.

Катена 4/16 (рис. 3; 9) характеризует основную площадку останца, несколько сниженную относительно участка, где расположены разрезы

Табл. 1. Радиоуглеродные даты для разрезов 3/15 и 5/15

№	Лабораторный №	Глубина, см	Датированный материал	^{14}C BP/активность, %	Cal BP, Median Probability	Cal BP, 1 σ	Mean Cal AD 1 σ
Куриловка 2, разрез 3/15							
1	IGAN-5200	17–27	Гуминовые кислоты	102,99% ± 2,17%			
2	IGAN-5201	46–56	Гуминовые кислоты	320 ± 50	390	496–296	1564 ± 63
3	UOC-3850	45–50	Уголь дуба	722 ± 22	672	691–656	1273 ± 7
Куриловка 2, разрез 5/15							
4	IGAN-5202	41–49	Гуминовые кислоты	105,86% ± 2,16%			
5	IGAN-5203	63–71	Гуминовые кислоты	370 ± 50	418	505–313	1539 ± 60

12/15, 11/15 и раскоп 2. Состоит из шести разрезов (5/16–10/16), расположенных вдоль линии юго-юго-восток – северо-северо-запад, от наиболее высокой части изучаемой территории вниз по склону, к протоке, ограничивающей останец с запада и северо-запада. Склон осложнен микроложбиной (разрезы 8/16 и 9/16) и микровсхолмлением (разрез 10/16). Общая протяженность катены – около 100 м.

Геологическое строение данного участка включает два-три основных литологических слоя, отличающихся по гранулометрическому составу. В основании всех разрезов катены залегает легкий лессовидный суглинок (лесс), преобразованный в карбонатный горизонт погребенной почвы. Выше развит тяжелый суглинок, который является иллювиально-глинистым горизонтом этой почвы. Над ним с постепенным переходом через средний суглинок или резко залегает легкий суглинок. С этой верхней толщей связаны гумусовые и элювиально-гумусовые горизонты, преобразованные в культурные слои и периодически испытывавшие процессы элювиально-иллювиального почвообразования.

Наиболее полное строение почвенного профиля наблюдается в разрезах 7/16 и 10/16 (рис. 8: *D*) (табл. 1). Тип профиля в разрезе 10/16 – Ad-Ap-AE-2Ab-AEBt-3Bht-Bt-Bk, в разрезе 7/16 – Ad-Ap-AE-2EAb-EBtA-3Bt1-Bt2-Bk. В других разрезах он в целом сходный.

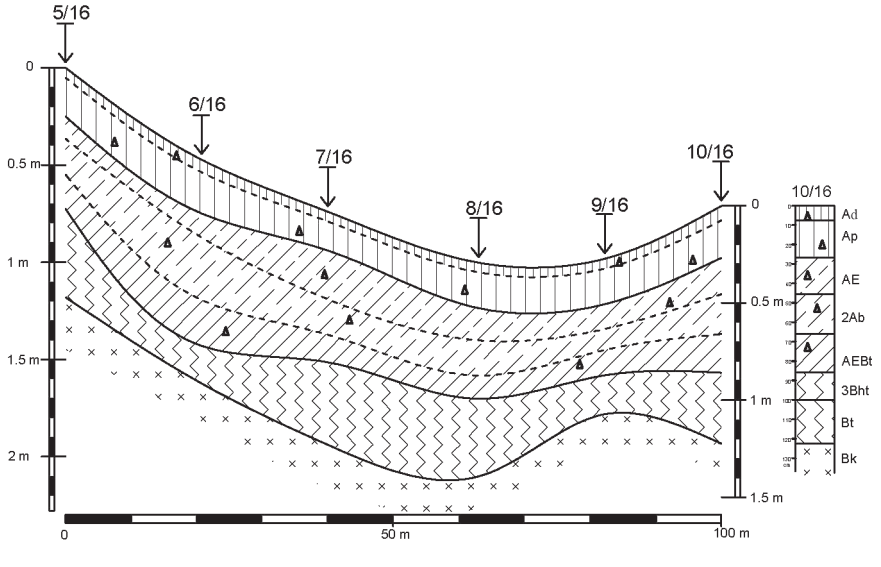


Рис. 9. Катена 4, строение разреза 10/16.
Условные обозначения как на рис. 6

Мощность почвенного профиля и антропогенных отложений составляет 110–120 см (без карбонатного горизонта). Только в разрезе 9/16, расположенном в микроложбине, она значительно меньше – 80 см. Такое строение позволяет говорить, что на сниженной площадке останца развита темно-серая лесная почва (файозем аржилик), в разной степени преобразованная антропогенным фактором и погребенная под культурными наслоениями.

Во всех разрезах присутствует дернина (Ad), развитая на старопахотном горизонте (Ap) мощностью 20–25, до 30 см. Культурный слой, также отмеченный во всех разрезах катены, как правило, разделяется на три подгоризонта по степени проявления гумусообразования и элювиальных процессов (выноса глинистых частиц и отбеливания песчаных зерен).

3.3. Палеоботанические материалы

Для фонового **палинологического разреза «Суджа»** получены три радиоуглеродные даты: 70 ± 30 ^{14}C л. н. на глубине 44 см, 830 ± 35 ^{14}C л. н. на глубине 92 см, 2013 ± 45 ^{14}C л. н. на глубине 176–180 см. Таким образом, материалы из рассматриваемого керна отражают динамику растительности за последние 2500 лет. Эти данные опубликованы (*Shumilovskikh et al.*, 2019). Для удобства дальнейшего обсуждения приведем сокращенную версию диаграммы (рис. 10, *A*) и ее интерпретации.

В первой зоне (Sud-1), которая соотносится с началом голоцена, доминирует пыльца сосны (*Pinus*), маревых (*Chenopodiaceae*) и злаков (*Poaceae*). Для среднего голоцена отмечается хиатус. В позднем голоцене пыльцевые спектры представлены широколиственными породами. Среди них преобладают дуб (*Quercus*), липа (*Tilia*), вяз (*Ulmus*), лещина (*Corylus*), указывающие на распространение дубовых смешанных лесов умеренного пояса. Антропогенные индикаторы, такие как пыльца культурных злаков (*Cerealia*-type), цикориевых (*Cichorioideae*), подорожника (*Plantago major-media*), щавеля (*Rumex acetosella*-type), маревых (*Chenopodiaceae*), образуют на диаграмме два пика. Первый приходится на период с I в. до н. э. по V в. н. э. Второй максимум культурных злаков (*Cerealia*-type), ржи (*Secale*), лютиковых (*Ranunculus acris*-type), маревых (*Chenopodiaceae*) коррелирует с X–XII вв. Наиболее сильное антропогенное воздействие на среду, характеризующееся тотальной вырубкой лесов и распространением сельского хозяйства, отмечается начиная с XVIII в. Рост количества пыльцы злаков (*Poaceae*), маревых (*Chenopodiaceae*) и полыни (*Artemisia*) наряду со значительным увеличением культурных злаков (*Cerealia*-type), коноплевых (*Canabaceae*), ржи (*Secale*) и гречихи (*Fagopyrum*) позволяет предположить выращивание зерновых, включая рожь, а также конопли и гречихи. Образцы из верхней части керна демонстрируют возрастание количества пыльцы дуба (*Quercus*), что может указывать на сокращение в последнее время сельскохозяйственной обработки и запустение прилегающих к памятнику территорий.

Во всех 12 образцах из **разреза 10 катены 4** много микроскопического угля и золы, но пыльца в количестве, достаточном для подсчета процентного содержания, найдена только в 5 из них (рис. 10, *B*). Четко выделяются три группы пыльцевых спектров.

В нижней части культурного слоя, на глубине 65–70 и 70–75 см, пыльца деревьев составляет 20–45%. Это исключительно лиственные породы: береза *(Betula)* (до 30%), ольха *(Alnus)*, липа *(Tilia)*, дуб *(Quercus)*. Среди трав преобладают полынь (*Artemisia)* (до 25%) и другие сложноцветные (до 18%), представлены также зонтичные *(Apiaceae)*, иван-чай *(Onagraceae)*, маревые *(Chenopodiaceae)*, бобовые *(Fabaceae)*, таволга (*Filipendula*) и др. В единичных случаях зафиксированы культурные злаки и гречиха (*Fagopyrum)*. В целом такие спектры (пыльца лиственных деревьев и степных трав) характерны для почв лесостепной зоны. В рассматриваемых образцах отмечается особенно большое количество угля и золы, обугленных фитолитов, среди которых многочисленны паникоидные формы.

В верхней части непотревоженного (погребенного) культурного слоя, на глубине 40–50 (55) см, спектры обеднены из-за низкой концентрации пыльцы. Среди деревьев еще сравнительно много березы *(Betula)* и ольхи *(Alnus)*, появляется сосна (*Pinus*), но уже нет дуба и липы. Среди трав много злаков, диких и культурных (*Poaceae*, *Cerealia*), и сорняков. Единичны фитолиты паникоидных.

В образцах из современной почвы и из верхней части культурного слоя, с глубины 0–5 и 10–15 см, пыльцы древесных видов около 40%,

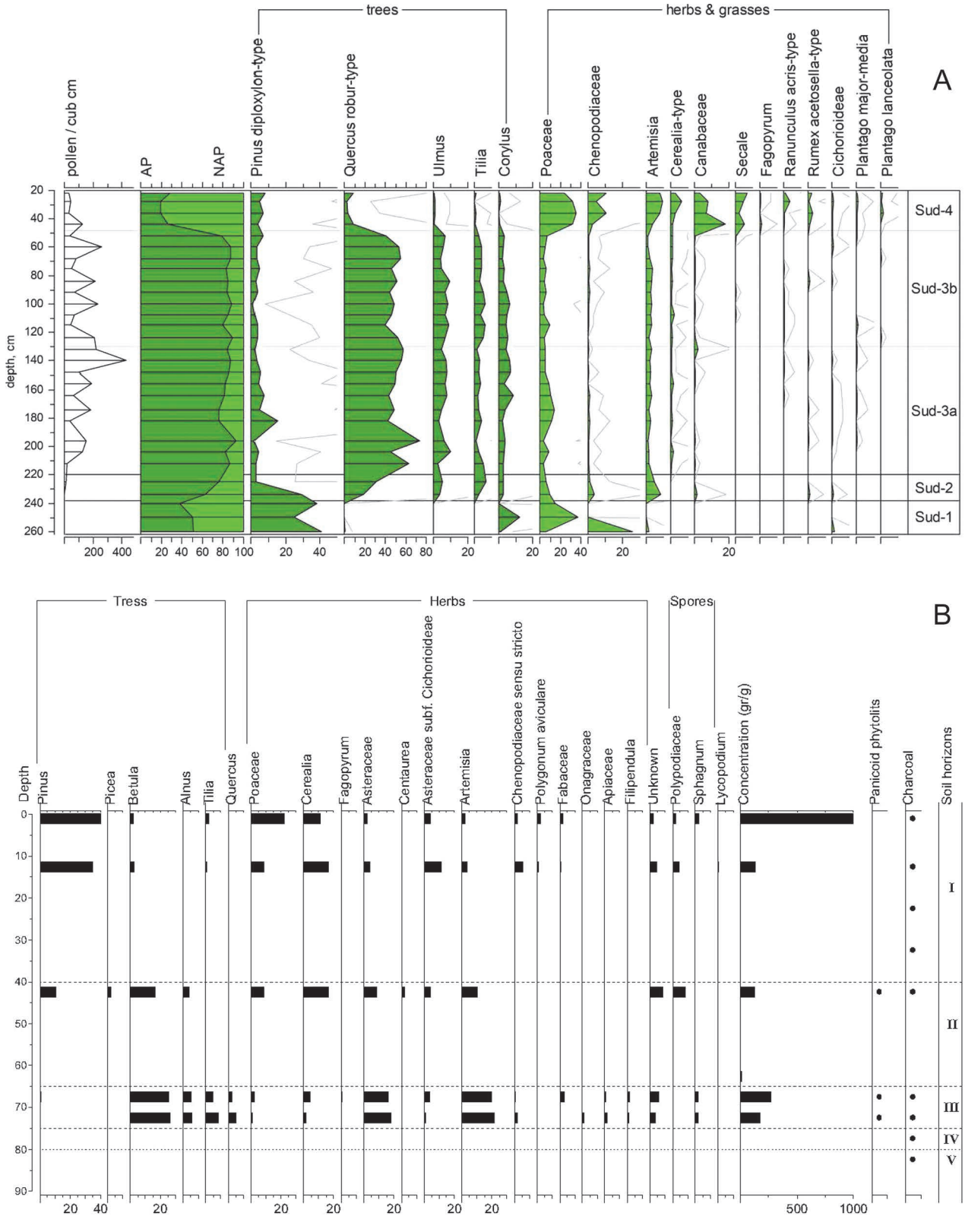


Рис. 10. Результаты палинологических исследований.
A – некоторые кривые пыльцевой диаграммы керна «Суджа»;
B – спорово-пыльцевая диаграмма разреза 10/16: I–V – почвенные горизонты (I – дерн и верхняя часть старопахотного слоя (Ad+Ap); II – погребенный культурный слой (погребенный гумусовый горизонт; Ab); III – верхняя часть гумусово-элювиально-иллювиального глинистого горизонта (AEBt); IV, V – нижняя часть гумусово-элювиально-иллювиального глинистого горизонта; AEBt)

причем это почти исключительно сосна (*Pinus*) (35–40%). Среди трав преобладают дикие и культурные злаки (*Poaceae*, *Cerealia*), вместе они составляют до 25% общего спектра. Кроме них отмечены сорняки: сложноцветные *(Asteraceae)*, цикориевые (*Asteraceae sbf. Cichorioideae*), полынь (*Artemisia*), маревые (*Chenopodiaceae*), бобовые (*Fabaceae*), горец птичий (*Poligonum aviculare*). Зафиксированы споры копротрофных грибов. Описанные пыльцевые спектры характерны для открытого местообитания, занятого травяными сообществами с участием рудеральных растений, на почве, обогащенной навозом.

Педоантракологическому анализу подвергнуты более 100 образцов угля из культурного слоя поселения и строительных объектов раскопа 2. Подавляющее большинство их принадлежит дубу, причем с сильно суженными годичными кольцами. Такое строение может быть косвенным свидетельством произрастания деревьев в угнетенных условиях (например, при засухах, затоплении или вспышках вредителей). В единичных случаях обнаружен уголь березы и сосны.

3.4. Обсуждение

Археологические данные свидетельствуют, что появление человека на останце в устье р. Суджа произошло в неолите или даже мезолите, но первый этап активного освоения территории относится только ко второй – третьей четвертям I тыс. н. э. Он получил отражение в пыльцевых спектрах фонового разреза, в которых антропогенные индикаторы впервые отмечаются в первой половине I тыс. н. э. Вероятно, их появление связано с деятельностью носителей прото- и раннеславянских традиций (*Родинкова и др*., 2017). В конце I тыс. н. э. жизнь на памятнике прерывается. Начало следующего этапа заселения региона приходится на время русской колонизации Дикого поля. Этот этап охватывает период со второй половины XVII в., когда в нижнем течении р. Суджа возникает крепость Суджа (*Бабин*, 2015), до второй половины XX в.

Особенности освоения исследуемого локального ландшафта человеком связаны со спецификой развития почвенного покрова и характером эрозионных процессов, которые, в свою очередь, во многом обусловлены сложившейся здесь геолого-геоморфологической ситуацией. На рассматриваемом участке существуют две разноуровневые поверхности, имеющие разную геологическую структуру и разный возраст: 1) более древняя площадка останца, сформировавшаяся в позднеледниковый период; 2) прислоненный участок поймы Суджи – молодой, голоценовый.

О позднеплейстоценовом возрасте останца – одного из уровней первой надпойменной террасы р. Псел – свидетельствует главным образом его геологическое строение. Он сложен палевым, палево-бурым, в средней части ржавым, ожелезненным песком, не содержащим каких-либо органических остатков и палеопочв и, таким образом, являющимся перигляциальным аллювием (*Васильев*, 1980; *Лаврушин*, 1963; *Панин и др.*, 2011). На наиболее возвышенном участке (разрезы 12/15 и 11/15) этот древний аллювий залегает на наименьшей глубине от поверхности и служит материнской породой голоценовой почвы (рис. 6; табл. 1). Ниже по склону к пойме р. Суджа перигляциальный песок перекрывается пылеватой супесью, обогащенной карбонатными новообразованиями или пропиткой, то есть приобретает облик, близкий к лессу.

Самый высокий участок останца, вероятно, представляет собой древний прирусловый вал Псла, а основная, несколько сниженная поверхность – центральную часть его древней поймы. Такое строение характерно для пойм равнинных рек Восточно-Европейской равнины (*Шанцер*, 1966). В голоцене аллювиальное осадконакопление на площадке не прослеживается, следовательно, во время половодий она не заливалась.

На склоне, обращенном к современному руслу Суджи, напротив, вскрыты молодые слоистые отложения – наилки (рис. 6; табл. 1), позволяющие определить данную территорию как голоценовую пойму (*Мозжерин, Курбанова*, 2004). Важнейшим фактором формирования поверхности здесь являются периодические паводки, объемы которых могут быть весьма значительными. Судя по отметкам, на которых обнаружен наилок в разрезе 5/15 (рис. 8, *С*), высота не затапливаемой при максимальном подъеме полых вод площадки составляет всего около 1,5 м.

Древний прирусловый вал, для которого характерны хорошо дренированные дерновые песчаные почвы (*Александровский, Александровская*, 2005; *Добровольский*, 2005), как в позднеледниковье, так и в голоцене систематически испытывал воздействие эоловой эрозии и плоскостного смыва. Можно предполагать,

что в результате его высота уменьшилась относительно центральной части древней поймы (останца) на 50–60 см. Эрозионные процессы стали особенно интенсивными, очевидно, в Новое время в результате активного сельскохозяйственного использования территории. Масштаб этого использования показывает старопахотный горизонт, развитый на останце повсеместно, включая бровку и верхнюю часть склонов.

Следы почвенной эрозии в виде аккумулятивных горизонтов наблюдаются в занимающих более низкие топографические позиции разрезах 5/15–3/15. Реконструируются как минимум два ее этапа. Первый отразился в нижнем горизонте погребенной почвы разреза 3/15, содержащем только артефакты III–VIII вв. Радиоуглеродный анализ гуминовых кислот позволяет датировать этот горизонт в рамках XVI – начала XVII в. (табл. 2, *2*). То есть не исключено, что первый этап эрозии связан с началом второго этапа активного освоения останца и затронул верхнюю часть антропозема и культурного слоя, сформировавшегося ранее и еще не содержащего материалов Нового времени. Обсуждая датировки по гуминовым кислотам, однако, следует иметь в виду, что они зачастую бывают омоложены за счет того, что почва – открытая система, в которой постоянно происходят процессы обновления гумуса. Возможно, с подобной ситуацией мы имеем дело и в рассматриваемом случае. AMS-дата фрагмента древесного угля из слоя, перекрывающего нижний горизонт погребенной почвы в разрезе 3/15, – XIII в. (табл. 2, *3*). Она старше, чем дата, полученная по гуминовым кислотам с большей глубины. Правда, фрагмент угля также может быть переотложен. Имеющимся данным не противоречит и предположение, что фиксируемый эрозионный процесс связан с хозяйственной деятельностью, осуществлявшейся на останце еще во второй – третьей четвертях I тыс. н. э. носителями раннеславянских культурных традиций.

Второй этап почвенной эрозии получил отражение в верхнем горизонте погребенной почвы разреза 3/15, где найден смешанный материал, принадлежащий хронологическим периодам от неолита до Нового времени. Вероятно, этот этап приходится на основной период распашки памятника, когда в культурном слое наряду с артефактами более ранних эпох появились уже и предметы материальной культуры XVII–XIX вв.

Сниженная часть площадки останца (центральная часть древней поймы р. Псел) отличается от приуслового вала тем, что здесь в позднем плейстоцене накопился лессовидный суглинок с прослоем более тяжелого суглинка, который фиксируется во всех разрезах катены 4 (рис. 9; табл. 1). Последний, в результате почвообразования превратившийся в еще более обогащенный глиной иллювиальный горизонт Bt, расположенный между двумя легкими по гранулометрическому составу суглинками, способствовал удержанию в почве дополнительной влаги. Это, в свою очередь, поддерживало существование леса на южной границе его произрастания не только во влажные, но и в регулярные для лесостепи засушливые периоды (*Мильков*, 1950; 1952). Под широколиственным лесом здесь формировались темно-серые почвы.

Строение профилей погребенной темно-серой лесной почвы и особенно перекрывающего ее антропозема (антроседимента в ямах) демонстрирует неоднократное возобновление процессов текстурной дифференциации на всем протяжении голоцена, даже после активного освоения территории человеком в позднее римское время и в начале раннего Средневековья (*Чендев, Александровский*, 2002). Так, в разрезе 10/16 и других разрезах катены 4 (рис. 9) на погребенной текстурно-дифференцированной (темно-серой) почве, свидетельствующей о существовании здесь леса, сформировался культурный слой, отражающий интенсивную антропогенную деятельность. Он также оказался затронут почвообразованием: в средней его части, на глубине 30–40 см, фиксируются признаки элювиального процесса и следы возобновления лесной растительности.

Разнообразие геолого-геоморфологического строения и почвенного покрова в пределах изучаемой территории позволяет говорить о трех почвенно-литологических ареалах. Первый (A) приурочен к наиболее высокой части останца (древнему прирусловому валу р. Псел), второй (B) – к его сниженной поверхности (центральной части древней поймы Псла), третий (C) – к голоценовой пойме р. Суджа. Важным фактором формирования селитебной и хозяйственной стратегии обитавших в устье Суджи коллективов стала также длительность существования поселения (в раннеславянский период жизнь здесь с большими или меньшими перерывами продолжалась около 600 лет) на фоне значительных

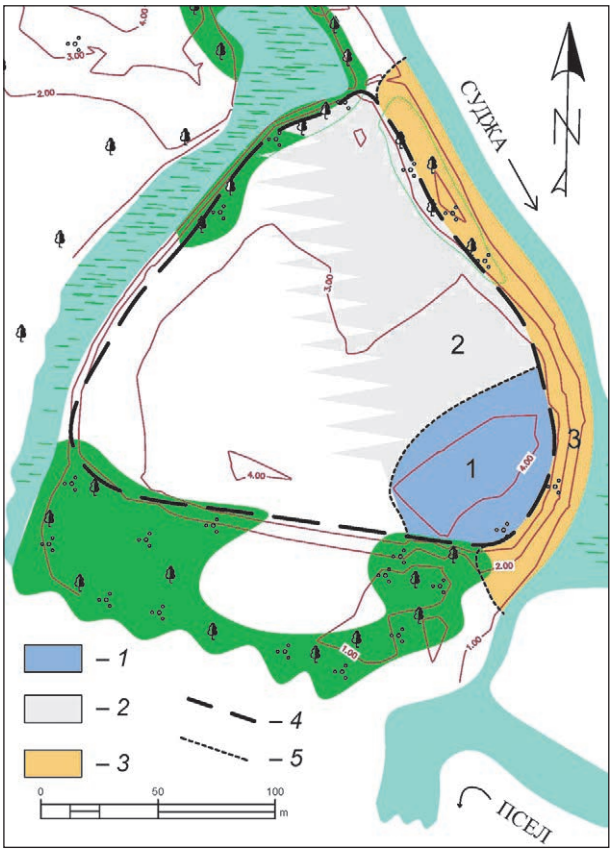


Рис. 11. Поселение Куриловка 2. Зоны землепользования, реконструируемые для раннеславянского этапа освоения памятника. *1* – зона 1; *2* – зона 2; *3* – зона 3; *4* – границы памятника; *5* – границы зон землепользования/ почвенно-литологических ареалов

климатических колебаний (*Борисенков, Пасецкий*, 1988; *Климанов*, 1989; *Климанов, Серебряная*, 1986; *Клименко и др.*, 2001; *Novenko, Volkova,* 2015; *Сидорова и др.*, 2007). Все вместе это привело к сложению нескольких зон землепользования, различных на разных этапах освоения микрорегиона.

Для первого, раннеславянского этапа мы выделяем три зоны землепользования, в целом соответствующие трем почвенно-литологическим ареалам (рис. 11).

В **зоне 1**, соотносимой с ареалом А, нет условий для произрастания леса в засушливые периоды. Возвышенная поверхность с легкими по гранулометрическому составу дерновыми почвами и залегающими ниже песком и супесью была наиболее сухой и прогреваемой, что делало ее особенно привлекательной в качестве селитебного участка. Косвенно такой вывод подтверждает скопление разновременных строительных (жилых и хозяйственных) объектов, фиксируемое в раскопе 2 и в шурфах/разрезах, заложенных в этой части памятника.

Зона 2, приуроченная к ареалу В, использовалась более разнообразно. Наличие в профилях катены 4 темно-серой лесной почвы и палинологические данные из разреза 10/16 позволяют заключить, что изначально данная территория была покрыта лесом. Затем в ареале В, по крайней мере на некоторых его участках, выращивали сельскохозяйственные культуры, в том числе просо. Однако формирование культурного слоя и появление строительных объектов (выявленных в шурфах и раскопе 3 построек и ям), содержащих лепную керамику раннеславянского облика, свидетельствует, что уже в рамках первого периода освоения поселенческая зона распространилась и на сниженную часть останца.

Поверхность **зоны 3** (ареал С), занимающей пойму Суджи, к началу Средневековья уже существовала, о чем свидетельствуют данные, полученные в разрезах 5/15–3/15. Она периодически затапливалась, представляла собой пойменный луг и могла служить для выпаса и сенокоса.

На втором этапе активной антропогенной деятельности, в Новое и Новейшее время, вся площадь зон 1 и 2 (ареалов А и В) была занята распашкой. Именно в это время сформировался старопахотный горизонт. Характер использования зоны 3, по-видимому, не изменился.

Последовательность изменений ландшафта можно реконструировать следующим образом. В ареале А (зона 1), вероятно, существовал естественный луг, на котором во второй четверти I тыс. н. э. началась хозяйственная деятельность, давшая толчок к образованию культурного слоя и, вероятно, приведшая к эрозии исходной почвы.

В ареале В (зона 2) условия для возобновления лесной растительности были более благоприятны. Процесс облесения фиксируется по меньшей мере дважды. Судя по палинологическим данным из фонового разреза, в начале позднего голоцена здесь рос широколиственный лес, вероятно, с преобладанием дуба. Присутствие дуба в микрорегионе и активное использование его жителями поселения подтверждают и результаты педоантракологического анализа. В образцах из гумусо-элювиально-иллювиального горизонта (AEBt) в разрезе 10/16 выявлено большое количество микроскопического угля и золы (рис. 10: *B*), свидетельствующее, что древесная

растительность была уничтожена огнем. Не исключено, что это результат человеческой деятельности – локального выжигания под посевы. В указанном горизонте имеются признаки прохождения почвы через подсечный цикл (циклы): фитолиты просовых, пыльца культурных злаков, а также раннесукцессионных видов (береза, иван-чай). На использование исследуемого участка на первом этапе его освоения в сельскохозяйственных целях указывают и обнаруженные среди макроостатков в основании того же разреза зерна проса. Возобновление широколиственного леса происходило через березняки. Помимо возделывания культурных растений на сниженных участках останца в позднеримское и раннесредневековое время осуществлялось жилое и хозяйственное строительство.

В конце I тыс. н. э. жизнь на территории поселения приостанавливается. Значимых свидетельств присутствия здесь человека не выявлено вплоть до XVII в. Этот период, длившийся несколько сотен лет, оказался достаточным для возобновления в ареале В широколиственного леса (*Тишков*, 1986; 2012) и формирования признаков текстурной дифференциации в антроседиментах (*Александровский, Александровская*, 2005; *Чендев*, 2004).

Новый этап освоения площадки памятника связан с вхождением южной части Днепровской левобережной лесостепи в состав Московского государства и переселением в поречье Верхнего Псла и Суджи выходцев из Малороссии (*Бабин*, 2015. С. 90). Он начинается во второй половине XVII в. и продолжается до второй половины XX в. Характерными чертами этого этапа являются широкомасштабная распашка (снивелировавшая поверхность останца), основанная на применении усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, выращивание определенного набора культур (зерновые, включая рожь, а также конопля и гречиха), удобрение почвы навозом и др. Происходит глобальное сведение лесной растительности не только на территории поселения, но и в Суджанском микрорегионе, а также в центральной части лесостепной зоны Восточно-Европейской равнины в целом (*Сычева*, 1990; *Shumilovskikh et al.*, 2017). Вследствие уничтожения леса интенсифицируются эрозионные процессы (*Сычева, Грибов*, 2003), увеличиваются объем и частота паводков, которые в иные годы становятся катастрофическими.

Современный этап развития ландшафта охватывает последние 20–30 лет. Он отмечен повсеместным в регионе запустением сельскохозяйственных угодий. На останце пашня заброшена, на старопахотном горизонте восстановился луг, который в настоящее время окашивается.

4. Заключение

Благодаря удобному расположению останец древней террасы в устье р. Суджа (правого притока Псла – левого притока Днепра), очевидно, привлекал внимание человека с момента его появления в регионе. В активном освоении этого участка выделяются два этапа. Первый охватывает интервал с II по VIII в., когда здесь существовало поселение последовательно сменяющих друг друга позднезарубинецкой/киевской (протославянской), колочинской и волынцевской (раннеславянских) культур. Особенности геолого-геоморфологического и почвенно-литологического строения территории позволили местному населению варьировать стратегию ее освоения. Для раннеславянского периода выделяются три зоны землепользования, различные по характеру осуществлявшейся в них деятельности: селитьба, выращивание сельскохозяйственных растений, выпас и сенокос. Имеются данные, позволяющие предполагать существование в это время подсечно-огневого земледелия. После окончания раннеславянского этапа в освоении останца наступил перерыв, и на части его площади восстановился произраставший здесь ранее широколиственный лес.

Второй период интенсивной хозяйственной деятельности на изучаемой территории приходится на вторую половину XVII – вторую половину XX в. Он ознаменовался полным уничтожением лесной растительности, вся площадка останца оказалась занята под распашку, снивелировавшую существовавшие на предшествующем этапе зоны землепользования. В целом антропогенное влияние оказалось весьма сильным и привело к заметному изменению ландшафтов не только на участке в устье Суджи, но и на гораздо более широком пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А. Л., Александровская Е. И., 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука. 225 с.

Археологическая карта России, 2000. Курская область. Ч. 2 / Авт.-сост. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. 121 с.

Бабин И. П., 2015. История основания города Суджи // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Курск: КГУ. С. 39–49.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., 1988. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М.: Мысль. 522 с.

Васильев Ю. М., 1980. Отложения перигляциальной зоны Восточной Европы. М.: Наука. 172 с.

Добровольский Г. В., 2005. Почвы речных пойм центра Русской равнины. М.: МГУ. 293 с.

Кашкин А. В., Родинкова В. Е., 2010. Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т. С. 80–92.

Кашкин А. В., Родинкова В. Е., 2023. Раннеславянские памятники в верхнем течении реки Псёл // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 6 / Отв. ред. Г. Ю. Стародубцев. Курск: ИП Бескровный Александр Васильевич. С. 80–112.

Климанов В. А., 1989. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена / Отв. ред. Н. А. Хотинский. М.: Наука. С. 29–33.

Климанов В. А., Серебряная Т. А., 1986. Изменения растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая. № 2. С. 93–102.

Клименко В. В., Климанов В. А., Сирин А. А., Слепцов А. М., 2001. Изменения климата на западе Европейской части России в позднем плейстоцене // Доклады РАН. Т. 376. № 5. С. 679–683.

Лаврушин Ю. А., 1963. Аллювий равнинных рек субарктического пояса и перигляциальных областей материковых оледенений. М.: АН СССР. 268 с. (Труды Геологического института АН СССР. Вып. 87).

Липкинг Ю. А., 1964а. Замощанский и Княжий могильники. Дневник полевых исследований 1964 г. // Научный архив КГОМА. VI-1.

Липкинг Ю. А., 1964б. Отчет об археологических разведках и раскопках в Курской области в 1964 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2937.

Мильков Ф. Н., 1950. Лесостепь Русской равнины. М.: АН СССР. 296 с.

Мильков Ф. Н., 1952. Взаимоотношения леса и лесостепи и проблемы смещения ландшафтных зон на Русской равнине // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 84. Вып. 5. С. 431–447.

Мозжерин В. И., Курбанова С. Г., 2004. Деятельность человека и эрозионно-русловые системы Среднего Поволжья. Казань: Арт-Дизайн. 128 с.

Национальный атлас почв Российской Федерации / Гл. ред. С. А. Шоба. Электронная версия. URL: https://soil-db.ru/soilatlas/ (дата обращения: 31.10.2023).

Панин А. В., Сидорчук А. Ю., Чернов А. В., 2011. Основные этапы формирования пойм равнинных рек Северной Евразии // Геоморфология. № 3. С. 20–31.

Пономаренко Е. В., Пономаренко Д. С., Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф., 2015. Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // Поволжская археология. № 1 (11). С. 126–160.

Радюш О. А., 2015. Исследования памятников рубежа поздней античности и раннего средневековья (III–V вв. н. э.) в верховьях р. Суджа // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Курск: КГУ. С. 18–39.

Радюш О. А., 2020. Раскопки и разведки Сейминско-Суджинской экспедиции // АИЦЧ 2019 / Отв. ред.-сост. М. В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд. С. 135–140.

Родинкова В. Е., 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.

Родинкова В. Е., 2016. Исследования Суджанского отряда ИА РАН в Курской области // АО 2014 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 142–144.

Родинкова В. Е., 2018. Полевые исследования на поселении Куриловка 2 в 2015–2016 гг. // АО 2016 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 150–153.

Родинкова В. Е., 2020. Комплексные исследования микрорегиона в нижнем течении р. Суджа в Курской области в 2017–2018 гг. // АО 2018 г. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 173–176.

Родинкова В. Е., 2021. Работы Суджанского отряда Института археологии РАН // АИЦЧ 2020 / Отв. ред.-сост. М. В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд. С. 83–85.

Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., 2015а. Исследования в Суджанском районе Курской области в 2012–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 249–251.

Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., 2015б. Раннесредневековые клады Суджанщины: новые находки и исследования // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Курск: КГУ. С. 39–49.

Родинкова В. Е., Сычева С. А., Киселев Д. И., Шумиловских Л. С., Ершова Е. Г., 2017. Раннеславянские памятники и их палеогеографический контекст (по результатам комплексных исследований в Суджанском районе Курской области) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов / Отв. ред. А. П. Деревянко,

А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. С. 873–874. Электронный ресурс. URL: http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/3896/book.pdf? sequence=1 (дата обращения: 31.10.2023).

Сидорова О. В., Наурзбаев М. М., Ваганов Е. А., 2007. Динамика климата позднего голоцена севера Евразии по данным ледниковых кернов Гренландии и длительных древесно-кольцевых хронологий // Известия АН СССР. Серия географическая. № 1. С. 95–100.

Сычева С. А., 1990. О взаимосвязи общества и природы Центральной лесостепи Русской равнины в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая. № 1. С. 86–96.

Сычева С. А., 1993. Почвенно-геоморфологические условия древних поселений Потускарья // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. Т. А. Алексеева. М.: ИА РАН. С. 190–204.

Сычева С. А., Грибов Н. Н., 2003. Катастрофические изменения ландшафтов в окрестностях Нижнего Новгорода в XIV–XVIII вв. // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 90–93.

Сычева С. А, Леонова Н. Б., Александровский А. Л., Водяницкий Ю. Н., Гольева А. А., Зазовская Э. П., Карфу А. А., Каздым А. А., Ковалюх Н. Н., Курочкин Е. Н., Маркова А. К., Николаев Н. И., Пустовойтов К. Е., Рысков Я. Г., Седов В. Н., Скрипкин В. В., Скрипникова М. И., Сычевская Е. К., Чепалыга А. Л., Чичагова О. А., 2004. Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений. М.: НИА-Природа. 161 с.

Сычева С. А., Узянов А. А., 1987. История антропогенного влияния на природу Курского Посеймья // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М.: ИГ АН СССР. С. 105–120.

Сычева С. А., Узянов А. А., Гайворон Т. Д., 1988. Динамика заселения Потускарья на сельскохозяйственном этапе его освоения // Временная организованность геосистем. М.: ИГ АН СССР. С. 234–243.

Терпиловский Р. В., 2001–2002. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // Stratum plus. № 5. С. 420–430.

Тихомиров Н. А., 2005. Особенности топографии Суджанского микрорегиона I тыс. н. э. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Истоки. С. 69–80.

Тишков А. А., 1986. Географические особенности первичных и вторичных сукцессий // Общие проблемы биогеоценологии. М.: Наука. С. 61–63.

Тишков А. А., 2012. Сукцессии растительности зональных экосистем: сравнительно-географический анализ, значение для сохранения и восстановления биоразнообразия // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. № 1 (5). С. 1387–1391.

Узянов А. А., 1993. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. Т. А. Алексеева. М.: ИА РАН. С. 79–97.

Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И., Гуман М. А., 1990. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле. Материалы и исследования / Отв. ред. А. К. Зайцев. М. С. 10–53 (Труды ГИМ. Вып. 73).

Хотинский Н. Ф., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука. 200 с.

Чендев Ю. Г., 2004. Естественная эволюция почв центральной лесостепи в голоцене. Белгород: Белгородский гос. ун-т. 200 с.

Чендев Ю. Г., Александровский А. Л., 2002. Изменения почв и растительности в бассейне нижнего течения Воронежа во второй половине голоцена // Почвоведение. № 4. С. 389–397.

Шанцер Е. В., 1966. Очерки учения о генетических типах континентальных осадочных образований. М.: Наука. 241 с. (Труды Геологического института. Вып. 161).

Erdtman G., 1960. The acetolysis method. A revised description // Svensk Botanisk Tidskrift. 1960. 54 (4). P. 561–564.

Novenko E. Yu., Volkova E. M., 2015. The middle and late Holocene vegetation and climate history of the forest-steppe ecotone area in the central part of European Russia // Geographical review of Japan. Series B. № 87 (2). P. 1–8.

Ponomarenko E. V., Anderson D. W., 2000. The importance of charred organic matter in Black Chernozemic soils // Canadian Journal of Soil Science. T. 81. P. 285–297.

Shumilovskikh L. S., Novenko E. Yu., Giesecke T., 2017. Long-term dynamics of the East European forest-steppe ecotone // Journal of Vegetation Science. Vol. 29. № 3. P. 416–426.

Shumilovskikh L. S., Rodinkova V. Ye., Rodionova A., Troshina A., Ershova E., Novenko E., Zazovskaya E., Sycheva S. A., Kiselev D. I., Schlütz F., Schneeweiß J., 2019. Insights into the late Holocene vegetation history of the East European forest-steppe: case study Sudzha (Kursk region, Russia) // Vegetation History and Archaeobotany. 28. P. 513–528

Stockmarr J., 1971. Tablets with spores used in absolute pollen analysis // Pollen et Spores. 13. P. 615–621.

World Reference Base for Soil Resources. World Soil Resources Report 103. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2006. 132 pp.

Резюме. В статье освещаются результаты мультидисциплинарных исследований многослойного поселения Куриловка 2 (Суджанский р-н, Курская обл., Россия), направленных на реконструкцию различных аспектов взаимодействия человека и природной среды в лесостепной зоне Восточной Европы в позднем голоцене. Выделены два этапа активного антропогенного освоения территории. Для первого, относящегося к II–VIII вв. и связанного с деятельностью раннеславянского населения, реконструированы три различные по характеру использования зоны. Выявлены данные, позволяющие предполагать существование в это время подсечно-огневого земледелия, хотя в целом антропогенное влияние на растительность вне границ памятника было небольшим. Второй этап, длившийся со второй половины XVII по вторую половину XX в., характеризуется тотальным сведением лесной растительности и широкомасштабной распашкой. Он оказал гораздо более значительное воздействие как на растительность и почвы на территории памятника, так и на ландшафты региона вообще.

Ключевые слова: поздний голоцен, лесостепь, ранние славяне, культурный слой, почвы, катена, зоны землепользования, динамика растительности.

V. Ye. Rodinkova, S. A. Sycheva, L. S. Shumilovskykh,
Ye. G. Ershova, Ye. V. Ponomarenko, D. I. Kiselev

Man, soils and landscapes in the western part of the East European forest-steppe zone in the late Holocene (based on the materials of the Kurilovka 2 settlement)

Abstract. The paper focuses on some results of the multidisciplinary study of the settlement Kurilovka 2 (Sudzha district, Kursk region, Russia) aimed at reconstruction various aspects of human-environmental interaction in the East European forest-steppe zone in the late Holocene. Two stages of active anthropogenic development of the territory have been identified. The first one (3rd–8th centuries AD) is associated with the activities of the early Slavic population. For this stage, three zones with different land use pattern were distinguished. Some data suggest the existence of the slash-and-burn agriculture at that time, although in general the anthropogenic impact on vegetation outside the boundaries of the site was low. The second stage of the site utilization (2nd half of the 17th – 2nd half of the 20th century) is characterized by the total deforestation and the large-scale plowing. This stage had a much more significant impact on both vegetation and soils in the site and on the landscapes of the region in general.

Keywords: Late Holocene, forest-steppe zone, early Slavs, occupational layer, soils, catena, land use patterns, vegetation dynamics.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.249-257

АМФОРА ТИПА *GÜNSENIN* III ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

А. В. Сазанов, А. В. Энговатова

В 2020 г. Ярославской экспедицией Института археологии РАН (руководитель А. В. Энговатова) были продолжены многолетние исследования участка по адресу: Волжская набережная, дом 1, на территории Рубленого города Ярославля. Были изучены культурные слои XII–XIII вв., исследован участок средневековой городской застройки, собрана обширная коллекция артефактов, характеризующих быт жителей Ярославля конца XII – начала XIII в.

Наибольший интерес представляет постройка начала XIII в. – жилой дом площадью 120 кв. м (рис. 1). В постройке и вблизи нее найдены многочисленные фрагменты оконного стекла, стеклянной и керамической посуды из Сирии, Киева и Византии, в том числе обломки тарелок, сосудов и кубков. Также были обнаружены части браслетов и перстней. Среди прочих находок в постройке зафиксированы 12 фрагментов амфоры типа *Günsenin* III, из которых восстанавливается треть сосуда, что позволяет представить его форму, размеры и вместимость (рис. 2). Амфора этого типа является уникальной для Ярославля.

Важно отметить, что постройка погибла в результате нашествия Батыя в 1238 г., что дает *terminus ante quaem* для найденных в ней вещей.

Предлагаемая вниманию статья посвящена типологии и хронологии амфор *Günsenin* III, что позволяет типологизировать амфору из Ярославля и определить ее датировку.

В настоящий момент общепринята классификация византийских амфор, предложенная турецкой исследовательницей Нергис Гюнсенин. В диссертации 1990 г. она разделила византийские амфоры на 37 типов (включая промежуточные), основными из которых были 4, получившие соответственно наименования *Günsenin* I–IV (*Günsenin*, 1990. Fig. 3). В 2018 г. исследовательницей была издана отдельная статья, корректирующая и дополняющая соответствующие разделы работы 1990 г., на которую мы и опираемся (*Günsenin*, 2018).

Амфора из Ярославля относится к типу *Günsenin* III. Его соответствия с типами и классами других классификаций приведены в отдельных работах (*Sazanov*, 1997. Fig. 4, 53. P. 98).

Несмотря на значительное количество публикаций амфор *Günsenin* III, их типология не разработана. Исследователи ограничиваются указанием на общий тип *Günsenin* III без попытки разделения на подтипы и варианты. Проделанный нами анализ имеющихся публикаций и визуальный осмотр доступных экземпляров позволяют предложить предварительную рабочую типологию этих амфор, в основе которой лежат два признака: общая высота сосуда H1 (по уровню венчика) и максимальный диаметр корпуса (D max). Диаметр корпуса является подтипообразующим признаком, общая высота – вариантообразующим.

В результате оказалось возможным разделить амфоры на три подтипа с двумя вариантами в первом, тремя во втором и четырьмя в третьем (рис. 3, табл. 1).

Амфора из Ярославля относится к выделенному нами подтипу 2b (рис. 2).

Технология изготовления и параметры этих амфор были недавно изучены П. Ларенком и М. Завершинской на материалах, полученных в результате охранных работ на поселении Казачий Ерик в дельте р. Дон в 2018 г. Диаметры амфор замерялись в следующих зонах: Д-1 – верхняя часть горла, Д-2 – нижняя часть горла, Д-3 – плечо, Д-4 – верхняя часть тулова, Д-5 – нижняя часть тулова, Д-5 – придонная часть; Д-6 – дно.

Исходя из анализа полученных данных, по каждому из параметров выделяются следующие размерные группы. Диаметр верхней части горла (Д-1) колеблется от 5,5 до 8,5 см, в небольшом количестве встречаются фрагменты с диаметрами от 9,5 до 11 см. Нижняя часть горла (Д-2) в ряде случаев имеет размеры от 4 до 6 см, основная группа – от 8 до 16 см, и отдельные экземпляры имели диаметры от 18

Табл. 1. Типология амфор *Günsenin* III

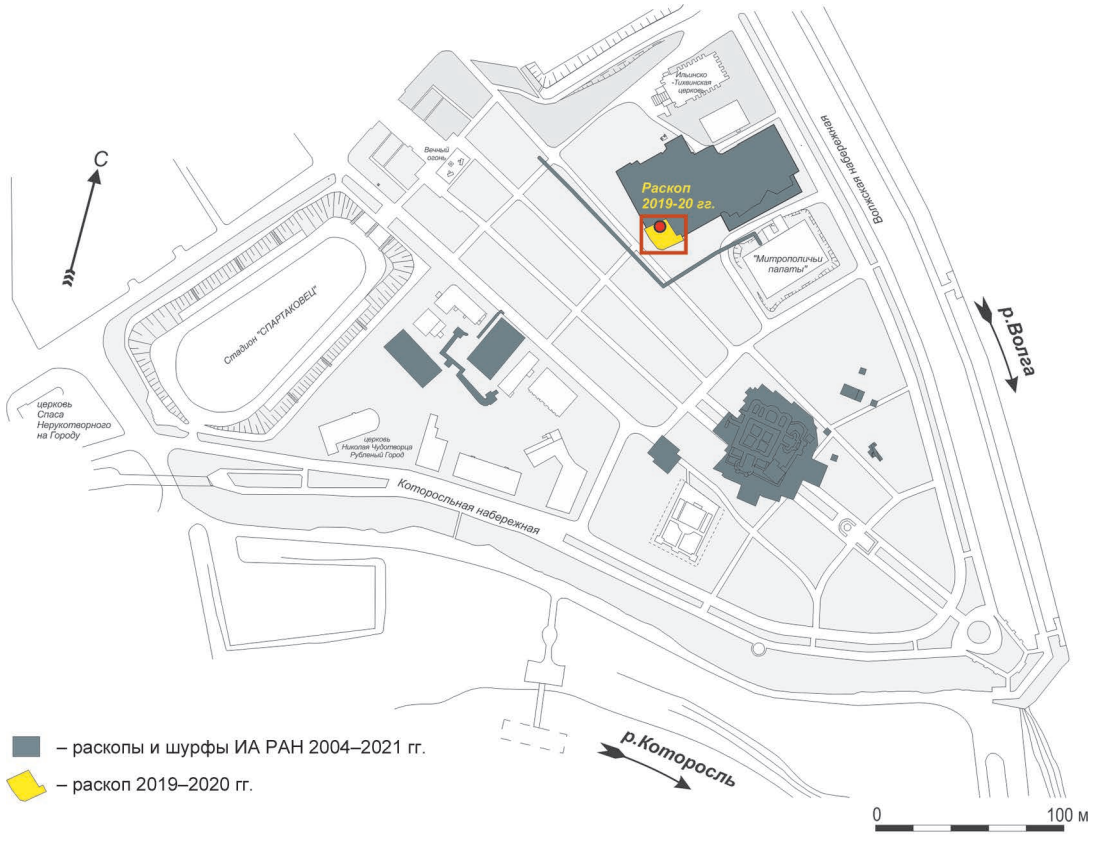
Подтип	Вариант	D max	H max	Публикации
1	a	37,5	88,4	*Brusić*, 2010. Fig. 7, *3*
	b	36	60,1	http://www.nautarch.org/cms/camalti-burnu-i-wreck-excavation
2	a	30–32	65,4–68,6	*Паршина, Созник*, 2012. Рис. 14, *1*; *Армарчук*, 2017. Рис. 13, *4*
	b	23–31,6	52,7–63	*Günsenin*, 1990. Pl. XL, XLI, 1, 2, XLII, 1–3, XLIII, 1, 2, XLIV, 1, 2, XLV, 1, 2, XLIX,1, 2, L, LI, 1–4; *Waksman, Skartsis, Kontogiannis*, *Todorova, Vaxevanis*, 2018. Fig. 1, BZN 322, 322; *Koutsouflakis*, *Rieth*, 2021. P. 94. Fig. 8; *Романчук, Сазанов, Седикова,* 1995. Табл. 44, № 169; *Коваль*, 2012. Рис. 2, 8, 9; *Megaw*, 1972. Fig. 27; *Якобсон,* 1979. Рис. 66, *6–8*
	c	22,8–26,4	48,1–48,9	*Vroom,* 2014. MBYZ 15.2; *Morozova, Waksman, Zelenko*, 2020. Fig. 2, 5
3	a	19,8	53	*Романчук, Сазанов, Седикова,* 1995. Табл. 41, № 171
	b	16–21	47–50	*Романчук, Сазанов, Седикова,* 1995. Табл. 34, № 167. Табл. 43, № 168, 170; *Zelenko, Morozova*, 2010. Pl. 44, *3*
	c	14,2–15,3	34,2–34,6	*Романчук, Сазанов, Седикова,* 1995. Табл. 34, № 166; *Байбуртский, Ушаков, 2018.* Рис. 1В, *4*
	d	10,8	31	*Avissar, Stern*, 2005. Fig. 44, *1*

до 24 см. Диаметры плеча (Д-3) в основном попадали в размерный ряд от 20 до 28 см, но были отдельные фрагменты как с меньшими значениями – от 14 до 18 см, так и с большими – от 28 до 32 см. Значения зоны Д-4 (верхняя часть тулова) в основном попадают в пределы от 18 до 26 см, несколько фрагментов имели диаметр менее 16 см, и в некоторых случаях встречались значения от 28 до 30 см. Нижняя часть тулова (Д-5) в основном имела размеры от 14 до 22 см, в отдельных случаях – от 10 до 14 см и от 22 до 26 см. Диаметр дна (Д-6) не превышал 10,5 см, в основном значения колебались от 6,5 до 10 см, но в некоторых случаях диаметр дна был менее 6 см.

Создание каждого сосуда производилось на своеобразном «конвейере», как сборка из различных деталей частей сосуда. Верхняя часть сосуда – горло (зона Д-1, Д-2) вытягивалось из комка глины на круге. Формирование зоны Д-3 велось в ленточно-жгутовой технике. Центральная часть тулова (зона Д-4) выделяется по линейному орнаменту, нанесенному частым широким гребнем. Предположительно мог использоваться гребень для чесания шерсти. Формовка центральной части тулова велась после присоединения горла к детали зоны 3. Формовка тулова сосуда в зоне Д-5 также проводилась в ленточно-жгутовой технике. Как и горло, дно (зона Д-6) вытягивалось на круге из комка глины в виде усеченного конуса. После сборки сосуда перед прикреплением ручек наносился штампом линейный орнамент по плечу и в центральной части корпуса. Ручки изготавливались из толстого, округлого в сечении жгута («колбаски») глины. Глина раскатывалась, как тесто, на ровной поверхности, на которую, чтобы избежать прилипания, насыпалась мелкорубленая трава. С внешней стороны амфора покрывалась ангобом. Покрытие белым ангобом выполнялось довольно небрежно. Видимо, изделие окуналось в специальную емкость с раствором[1].

Общая хронология амфор типа *Günsenin* III дискуссионна. Нергис Гюнсенин на своей эволюционной схеме поместила эти амфоры в группу XIII в., в тексте отмечая наличие этих амфор в контекстах XII–XIV вв. (*Günsenin*, 1990. Fig. 3. P. 31; 2018. Fig. 1. P. 101). Дж. Хэйс отмечал их наибольшую встречаемость в группах материалов, относящихся к середине XII –

[1] Излагаемые наблюдения по технологии и параметрам амфор, близкие нашим, принадлежат П. Ларенку и М. Завершинской, которых авторы благодарят за предоставленные сведения.



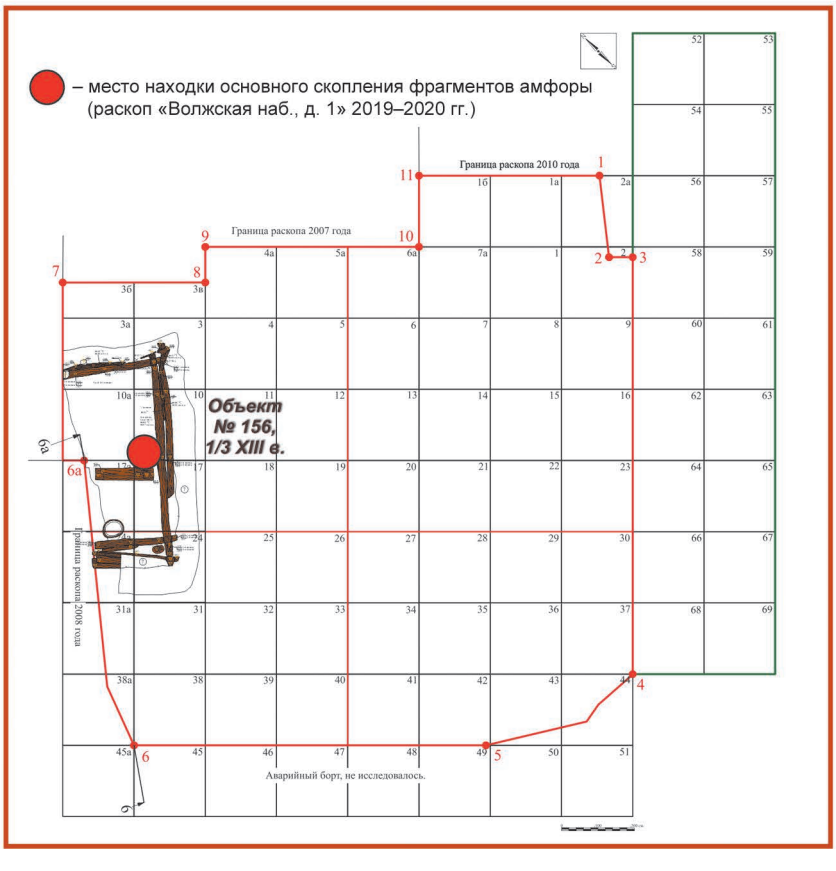


Рис. 1. Расположение раскопа 2019–2020 гг. на территории объекта культурного наследия «Стрелка – место основания города Ярославля в начале XI в.» и место находки амфоры

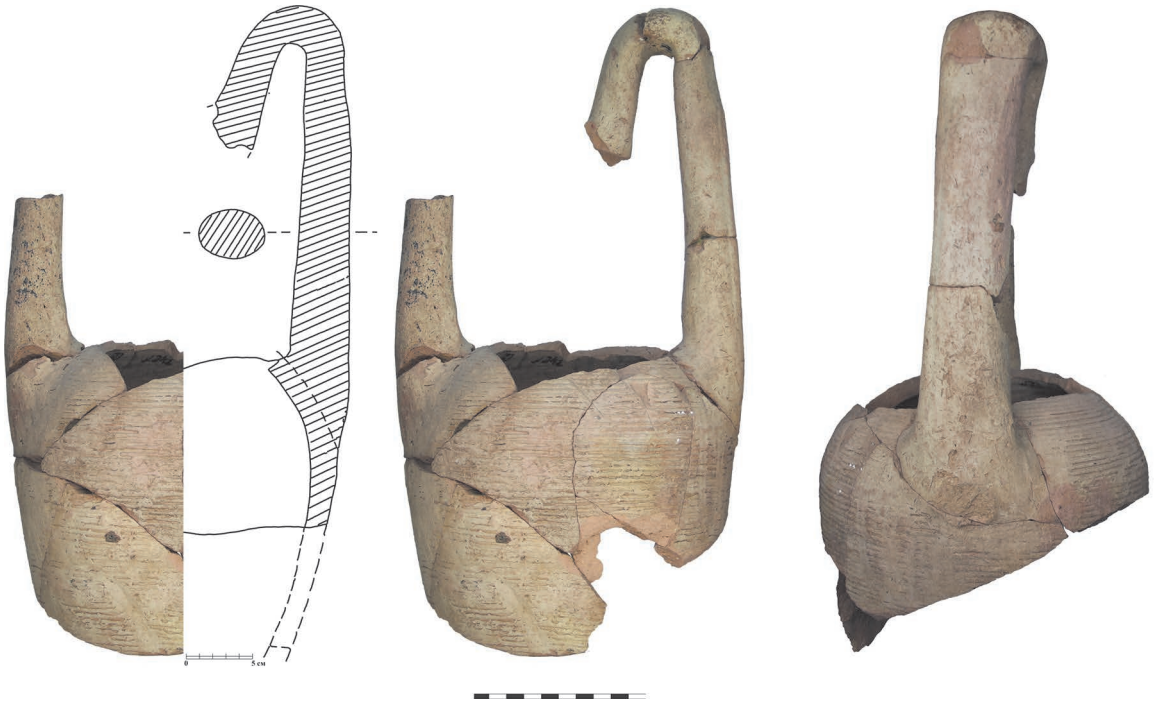


Рис. 2. Амфора *Günsenin* III из Ярославля. Ярославская археологическая экспедиция, раскопки 2020 г. Волжская наб., д. 1

началу XIII в. (*Hayes*, 1992. Fig. 26, 10, 11. P. 76). А. Л. Якобсон писал, что дата таких амфор – преимущественно XII в., в Херсонесе они продолжали бытовать и в XIII в. (*Якобсон*, 1977. С. 111). Авторы второй херсонесской классификации выделяли два варианта: с отогнутым краем и валикообразным венчиком. Первый вариант был датирован XII – концом XIII в., второй – концом XIII – XIV в. (*Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. С. 79, класс 48). И. В. Волков предложил эволюционный ряд этих амфор, охватывающий XII–XIII и XIV, «может быть, даже начало XV в.» (*Волков*, 1992. С. 153. Рис. 5, *5, 6*). В. Ю. Коваль, выделявший рассматриваемый нами тип амфор в группу II, вариант 2, относил его в статье 2012 г. к XII–XIII вв., несколько сужая в статье 2015 г. датировку до XII – первой половины XIII в. (*Коваль*, 2012. С. 47; 2016. С. 121). Ионита Врум относит рассматриваемые нами амфоры к позднему XII – первой четверти XIII в., замечая при этом, что этот тип, вероятно, использовался и в XIV в. вплоть до того времени, когда амфоры как тара были заменены деревянными бочками (*Vroom,* 2003. P. 155). Эдна Штерн, в зависимости от высоты сосудов разделяя эти амфоры на два варианта – larger wider version (40–60 см) и smaller narrower version (примерно 30 см), указывает, что они происходят из поздних контекстов Акры, датируемых XIII в., а их общая датировка – XII–XIII вв. (*Stern*, 2012. P. 70, 71; *Avissar*, *Stern*, 2005. P. 105. Fig. 44, *1*).

По мнению В. В. Майко, совершенно ясно, что в первой половине XII столетия керамический комплекс Сугдеи содержал еще наиболее поздние варианты амфор с венчиком в виде отложного воротничка и сфероемкостных амфор (т. е. *Günsenin* I и *Günsenin* II). Вторая половина XII столетия – время бытования различных переходных типов, свидетельствующих о разных путях эволюции этой категории тары, которые в первой четверти XIII в. привели к окончательному сложению амфор с высокоподнятыми и дуговидными ручками, т. е. амфор *Günsenin* III и *Günsenin* IV (*Майко, Тесленко,* 2020. С.70).

Приведенный разброс мнений по датировкам вызывает необходимость обращения к хронологии комплексов с амфорами *Günsenin* III.

Представляется несомненной нижняя граница типа в пределах конца XI – начала XII в., которую определяют контексты Диногетии с монетами Алексея I Комнина 1081–1118 и Иоанна II Комнина 1118–1143 (*Barnea*, 1967. P. 159. Fig. 159, *4*) и слой Саркела этого времени (*Сазанов*, 1998. С. 56, 57).

Тип очень хорошо представлен в контекстах XII в. Немаловажно то, что большая часть

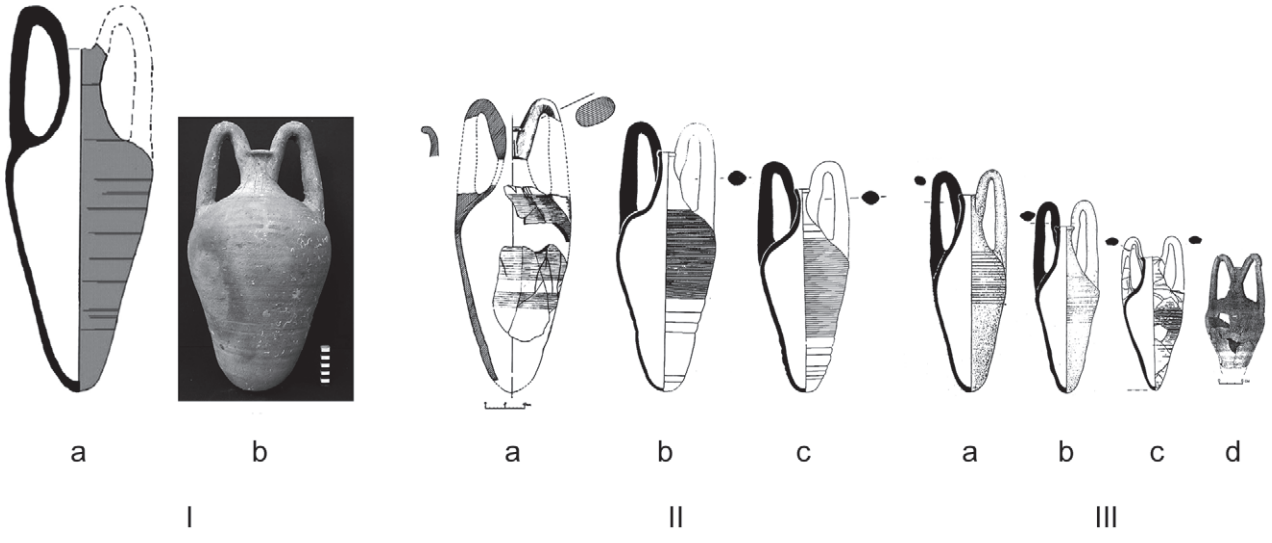


Рис. 3. Типология амфор типа *Günsenin* III. Подтипы (I–III) и варианты (a–d). Подтип I: a – остров Силба (*Brusić*, 2010. Fig. 7, 3); b – кораблекрушение Чамалти Бурну I (http://www.nautarch.org/cms/camalti-burnu-i-wreck-excavation). Подтип II: a – Партенит (*Паршина, Созник*, 2012. Рис. 14, *1*); b – археологический музей г. Самсун (*Günsenin*, 1990. Pl. L); c – Археологический музей Стамбула (*Günsenin*, 1990. Pl. XLIV, 2 в). Подтип III: a – Херсонес (*Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. Табл. 34, № 167); b – Херсонес (*Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. Табл. 43, № 170); c – Херсонес (*Байбуртский, Ушаков*, 2018. Рис. 1В, *4*); d – Акко (*Avissar, Stern*, 2005. Fig. 44, *1*)

кораблекрушений, содержащих амфоры *Günsenin* III, относится к середине – второй половине XII в. (*Koutsouflakis*, *Tsompanidis*, 2015. P. 45). К сожалению, огромный комплекс кораблекрушения в Тартусе, содержащий почти 1000 амфор *Günsenin* III, пока опубликован лишь в виде фотографии и общего чертежа (*Günsenin,* 2018. P. 102; *Türkmenoğlu,* 2006. Fig. 30).

Открытое в районе острова Родос кораблекрушение «Родос 4», содержавшее амфоры Gunsenin III в качестве cargo, имеет радиоуглеродную дату в пределах 1020–1155 CE и датируется исследователями концом XII в. (*Koutsouflakis, Rieth*, 2021. P. 94. Fig. 8).

В Новгороде основная масса находок этих амфор укладывается во вторую половину XII в. (*Волков*, 1996; 2005). Аналогична ситуация на приазовских памятниках домонгольского периода, датирующихся второй половиной XII в. и исчезающих в промежуток времени между началом XIII в. и монгольским завоеванием (*Волков*, 2003. С. 111). В Киеве на Подоле в одной из усадеб XII в. рассматриваемые амфоры составляли 14% амфорного комплекса, в городах Галицкой земли – даже 47% (*Коваль,* 2010. С. 159). Если брать закрытые и условно закрытые комплексы Новогрудка, то в контекстах второй четверти – середины XII в. эти амфоры отсутствуют, контекст постройки 5 второй половины XII в. содержит 20% амфор *Günsenin* III от амфорного комплекса (2 из 10 амфор), контексты первой половины – середины XIII в. этих амфор не содержат (*Малевская*, 2005. С. 72, 79).

Сложнее с верхней границей типа, учитывая неоднократно высказывавшиеся мнения о его существовании на протяжении всего XIII и XIV вв. В этой связи рассмотрим самые поздние комплексы с рассматриваемыми амфорами.

В кораблекрушении Чамалти Бурну I, датирующемся автором раскопок временем Латинской империи (1204–1261 гг.) или «чуть позже», в комплексе примерно на 450 амфор приходится только 3 амфоры *Günsenin* III, что составляет 0,7%. Остальные 99,3% – амфоры типа *Günsenin* IV (*Günsenin*, 2001. P. 118; 2003. P. 362). Процент амфор *Günsenin* III в этом комплексе уменьшится еще почти вдвое, если мы будем исходить из цифры 800 амфор, заявленной в более поздней публикации (*Günsenin*, 2005), и вновь возрастет до 1,2%, если исходить из упомянутой примерно «дюжины», т. е. десятка этих амфор, в последней статье Н. Гюнсенин (*Günsenin,* 2018. P. 102). В любом случае их количество ничтожно, и здесь речь явно идет о том времени, когда амфоры *Günsenin* III уже перестали выпускаться, доживая цикл своего обращения.

Близкую дату по соотношению типов *Günsenin* III и *Günsenin* IV дает кораблекрушение в Новом Свете под Судаком. По мнению исследователей, его можно датировать 1270-ми гг. и связывать с морским сражением у берегов Судака 14 августа 1277 г. (*Zelenko, Morozova*, 2010. P. 84. Pl. 44, *3*). Исходя из соотношения типов, оба кораблекрушения могут быть синхронными или близкими по дате. При таком соотношении типов предложенная авторами трактовка амфор *Günsenin* III из кораблекрушения в Судаке как cargo, видимо, ошибочна.

Комплексы Портового района Херсонеса, в которых были обнаружены амфоры типа *Günsenin* III, опубликованные во второй херсонесской классификации, имеют общую дату «слой пожара XIII в.» без уточнения (№ 166–169, 171, 173–175) или «слой пожара XIV в.» (№ 170, 172) (*Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. С. 78–81). Полагаем, что, учитывая сложную ситуацию со стратиграфией, хронологией и составом комплексов Портового района, откуда происходят амфоры, опубликованные во второй херсонесской классификации, принимать эти данные за основу было бы некорректным. Особенно это касается комплексов XIV в. (*Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. С. 78–81; *Сазанов,* 2005).

Если брать достоверные комплексы Портового района, то ситуация следующая. В комплексе помещения X усадьбы III Второго Портового района Херсонеса, датирующегося первой половиной XIII в., амфоры *Günsenin* III не зафиксированы (*Сазанов*, 2005. С. 197–198). Аналогичная ситуация в квартале X, где в слое гибели середины – третьей четверти XIII в. были обнаружены амфоры *Günsenin* IV (12 сосудов), плоскодонные амфоры класса 52 по херсонесской классификации 1995 г. (5 сосудов), трехручная плоскодонная класса 51 по той же херсонесской классификации и еще 2 плоскодонные амфоры. Однако амфоры *Günsenin* III не встречены (*Голофаст, Рыжов*, 2003. С. 193–195). Слой разрушения усадеб 2 и 3 квартала L Херсонеса содержал амфоры класса 52 (7 сосудов), класса 51 (4 сосуда), *Günsenin* IV (2 сосуда), *Günsenin* XX (1 сосуд, видимо, ошибочно определенный как *Günsenin* III) и только одно горло *Günsenin* III (*Седикова*, 2018. С. 404–409. Рис. 4–7; *Günsenin*, 2018. Fig. 31).

Таким образом, доля амфор *Günsenin* III в амфорных комплексах слоя разрушения, датирующегося сельджукскими монетами 1220–1237 гг. и латинскими имитациями 1204–1261 гг., в лучшем случае составляет 6,7%. Фактически речь идет о единичных сосудах.

Как мы видим, в Херсонесе амфоры *Günsenin* III представлены в контекстах первой половины XIII в. крайне слабо, составляя от 0 до 6,7% всего амфорного комплекса.

Столь же малый процент этих амфор (0,3% – три фрагмента) содержит керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) второй половины XIII в. (*Масловский*, 2009. С. 61, 62).

И. А. Баранов и В. В. Майко отмечают, что в горизонтах Сугдеи середины – второй половины XIII в. *Günsenin* IV в процентном соотношении уступают амфорам *Günsenin* III. В комплексах XIV в. наблюдается обратная картина (*Баранов, Майко,* 2001. С. 201). Однако публикуемый ими комплекс амфор из пода печи, датирующийся монетами Берке 1257–1266 гг., содержит только амфоры *Günsenin* IV (*Баранов, Майко*, 2001. С. 199–201). Упоминаемые, судя по описанию, амфоры *Günsenin* III в контексте комплекса второй половины XIV в. явно представляют собой «примесь снизу». При исследованиях 2007 г. в слое коричневой глины с примесью извести вместе с монетой 1285–1286 гг. действительно были найдены как амфоры *Günsenin* IV, так и *Günsenin* III. Однако этот слой – открытый комплекс, является переотложенным и содержит разновременные материалы (*Майко*, 2019. С. 20). Другие комплексы Сугдеи, датирующиеся примерно 1250–1260 гг., содержали только амфоры *Günsenin* IV (*Майко*, 2013. Рис. 2). Тем самым первоначальная точка зрения о соотношениях амфор *Günsenin* III и *Günsenin* IV в комплексах Сугдеи середины – второй половины XIII и XIV в. ошибочна.

Таким образом, комплексы второй половины XIII – XIV в. либо содержат в лучшем случае единичные находки амфор *Günsenin* III, либо являются переотложенными. Соответственно, говорить об этом времени как периоде производства и активного торгового оборота рассматриваемых амфор (карго) не представляется возможным. Какова же реальная верхняя дата амфор этого типа?

Для ее определения могут быть привлечены находки на Кипре, где они происходят из контекстов первой четверти XIII в. (до землетрясения 1222 г.) (*Megaw*, 1972, 322–43, Fig. 27; *Rosser*, 1985, FC 3086). Примерно ту же дату указывают находки в пласте 28 Переяславля Рязанского, фиксирующем пик выпадения этих амфор в пер-

вой трети XIII в. (*Коваль*, 2016. С. 126). В целом для Руси достаточно очевидно присутствие амфор *Günsenin* III в контекстах XII в. Они однозначно относятся к домонгольской эпохе (*Коваль*, 2016. С. 122, 123). Отметим также несколько фрагментов этих амфор в контекстах шведских городов Лунда и Сигутны, датирующихся первой четвертью и первой третью XIII в. (*Vroom*, 2003. P. 155). Примерно к тому же времени, по предположениям некоторых авторов, следует отнести и уже упоминавшееся кораблекрушение в Тартусе (*Türkmenoğlu*, 2006. P. 78, 79; *Kampbell*, 2013).

Вышеизложенное позволяет предложить общую дату типа *Günsenin* III в пределах XII – первой трети XIII в. Контекст амфоры из Ярославля не позже 1238 г. хорошо подтверждает верхнюю дату типа. С точки зрения разработанной типологии она относится к подтипу 2 в. Наиболее близки ей по указанным параметрам амфоры из Херсонеса, цистерны в Карагюмлюке (Константинополь) и кораблекрушения «Родос 4» (*Günsenin*, 1990. Pl. XLV, *4*. P. 187; *Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. Табл. 44, № 169). Контекст находки в цистерне отсутствует, в Херсонесе амфора происходит «из слоя пожара XIII в.» без уточнения, надежна лишь дата кораблекрушения «Родос 4» конца XII в. (*Koutsouflakis, Rieth*, 2021. P. 94. Fig. 8).

Если соглашаться с требующим подтверждения на средиземноморском материале мнением И. В. Волкова о том, что с середины XII в. мелкое гребенчатое рифление покрывает 3/4 внешней поверхности тулова сверху (*Волков*, 1996), то нижней датой нашей амфоры может быть середина XII в. В таком случае дата амфоры укладывается во вторую половину XII – первую треть XIII в. Однако в предложенную закономерность с рифлением не вписывается амфора из кораблекрушения Чамалти Бурну I времени Латинской империи (*Camalti Burnu I; Vroom,* 2003. Fig. 6, 41 W 12). Повторим, что контекст находки в Ярославле, как, впрочем, и в Переяславле, указывает на первую треть XIII в., не позже 1238 г. Это, а также аналогия с амфорой из кораблекрушения «Родос 4» дает основание для датировки в пределах конца XII – первой трети XIII в.

Существует несколько версий того, какие продукты могли перевозить в этих амфорах. Исследователи отмечали, что на Русь в амфорах перевозились вино и оливковое масло, имевшие широкое употребление, прежде всего в среде элиты. Известны княжеские винохранилища (*Noonan, Kovalev,* 1997; 1999). Традиционно считается, что основным содержанием перевозимых византийских амфор этого времени было вино. Эта точка зрения, подкрепленная прежде всего многочисленными ссылками на сведения письменных источников, вряд ли может быть серьезно оспорена (*Günsenin*, 1990. P. 57–61). Вместе с тем существуют предположения о перевозке в амфорах *Günsenin* III меда и масла. Ионита Врум отмечала, что часто амфоры были полифункциональны. Они могли использоваться для перевозки всех видов жидкостей и в то же время служить для самых разных целей, начиная от сосудов для приготовления пищи и заканчивая емкостями для хранения запасов (*Vroom*, 2003. P. 155). Проведенные методом газовой хроматографии исследования остатков содержимого рассматриваемых амфор показали, что сосуды использовались неоднократно, определить первичное использование трудно, но бесспорно наличие элементов, характерных для красного виноградного вина (*Pecci*, *Garnier*, *Waksman,* 2020).

Центр производства амфор *Günsenin* III надежно локализуется в Халкиде, что подтверждается серией анализов (*Waksman, Skartsis*, *Kontogiannis*, 2018. P. 1118). Бытовавшие до недавнего времени точки зрения о производстве этих амфор в Триллии или Трапезунде, как и названия «триллийская группа» или «триллийско-никейская», а также обосновывающие и проистекающие из этого выводы исторического плана следует признать ошибочными (*Волков*, 1992. С. 153; 1996. С. 97; 2003. С. 108, 111; *Коваль*, 2010. С. 157; 2016. С. 121).

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е. А., 2017. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. СПб.: Нестор-История. 95 с.

Байбуртский А. М., Ушаков С. В., 2018. О финальной истории Византийского Херсона и его взаимоотношениях с Золотой Ордой (на примере археологических комплексов второй половины XIII в. в Северо-восточном районе города) // Археология евразийских степей. № 4. С. 309–313.

Баранов И. А., Майко В. В., 2001. Комплекс амфор XIII–XIV вв. из Сугдеи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Киев. С. 198–201.

Волков И. В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типовсредневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов. С. 147–153.

Волков И. В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 23–25 января 1996 г.). Вып. 10. Новгород. С. 90–103.

Волков И. В., 2003. Поселения Приазовья в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке: древности Темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 108–130.

Волков И. В., 2005. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 19. С. 145–163.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г., 2003. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 10. Симферополь. С. 182–260.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII век. Ин-т археологии РАН. М.: Наука. 268 с.

Коваль В. Ю., 2012. Византийские амфоры (магарики) в Южной Руси // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека VITA ANTIQUA. Збірка наукових праць / Гл. ред. М. І. Гладких. Київ: Чальцев. С. 43–64.

Коваль В. Ю., 2016. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 117–130.

Майко В. В., 2013. Закрытый комплекс середины XIII в. из раскопок в портовой части средневековой Сугдеи // Ганкевич В. Ю., Непомнящий А. А. (ред.). Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы VI Международной научной конференции (Новый Свет, 6–7 октября 2012 г.). Симферополь: Новый Свет. С. 185–194.

Майко В. В., 2019. Византийский комплекс первой половины XIII в. в портовой части Сугдеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. № 6. С. 18–31.

Майко В. В., Тесленко И. Б., 2020. Материальная культура византийской Сугдеи в XII – начале XIII в. (к вопросу о хронологических индикаторах) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 6. С. 69–81.

Малевская М. В., 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. Труды ИИМК РАН. Т. XVII. СПб: Нестор-История. 160 с.

Масловский А. Н., 2009. Керамический комплекс поселения Мартышкина Балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 5. № 3. С. 59–68.

Паршина Е. А., Созник В. В., 2012. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека VITA ANTIQUA. Збірка наукових праць / Гл. ред. М. І. Гладких. Київ: Чальцев, 2012. С. 7–42.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 173 с.

Сазанов А. В., 1998. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры: межвузовский сборник. Вып. 5. М.: Изд-во Магнитогорского государственного университета (МаГУ). С. 50–88.

Сазанов А. В., 2005. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. Вып. VI. М.–СПб.: Алетейя. С. 195–213.

Седикова Л. В., 2018. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIII. С. 402–459.

Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука. 164 с.

Avissar M., Stern E., 2005. Pottery of the crusader, ayyubid, and mamluk periods in Israel. Jerusalem.177 p.

Barnea I., 1967. Ceramica de import // Ștefan G., Barnea I, Comșa M, Comșa E, editors. Dinogeia. I. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn. București: Editura Academiei RSR. P. 229–276.

Brusić Z., 2010. *Ranosrednjovjekovni nalazi iz hrvatskog podmorja* // Archaeologia Adriatica IV. P. 243–255.

Camalti Burnu I, Camalti Burnu I Wreck Excavation//http://www.nautarch.org/cms/camalti-burnu-i-wreck-excavation. Дата обращения 20.03.2023.

Günsenin N., 1990. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles). Typologie, production, circulation d'après les collections turques (Unpublished Ph. D. thesis). University of Paris I (Panthéon-Sorbonne). 311 p.

Günsenin N., 2001. L'épave de Çamaltı Burnu I (Île de Marmara, Proconnèse): résultats des campagnes 1998–2000 // Anatolia Antiqua. T. 9, 2001. P. 117–133.

Günsenin N., 2003. L'épave de Çamaltı Burnu I (île de Marmara, Proconnèse), résultats des campagnes 2001–2002 // Anatolia Antiqua. T. 11, 2003. P. 361–376.

Günsenin N., 2005. A 13th – Century Wine Carrier: Çamaltı Burnu, Turkey // Archaeology Beneath the Seven Seas, ed. George Bass, Thames and Hudson. P. 118–123.

Günsenin N., 2018. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. Revue internationale d'archéologie anatolienne. XXVI. P. 89–125.

Hayes J. W., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul / Volume 2, The Pottery.Oxford: Princeton University Press. 455 pp.
Kampbell S., 2013. Shipwrecks of the Syrian Coast // The International Journal of Nautical Archaeology. Volume 42, Issue 2. P. 419–425.
Koutsouflakis G., *Tsompanidis A.*, 2015. The Kavalliani shipwreck: a new cargo of byzantine glazed tableware from the south Euboean Gulf, Aegean // XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics. Proceedings XI. Vol. 1. Antalya. P. 39–48.
Koutsouflakis G., *Rieth E.*, 2021. A late-12th-century Byzantine Shipwreck in the Port of Rhodes: a preliminary report // Under the Mediterranean I. Studies in Maritime Archaeology. Leiden. P. 91–110.
Megaw A. H., 1972. Supplementary excavations on a castle site at Paphos, Cyprus, 1970–1971 // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 26. P. 322–343.
Morozova I., Waksman, S. Y., Zelenko, S., 2020. Byzantine amphorae of the 10th–13th centuries from the Novy Svet shipwrecks, Crimea, the Black Sea: Preliminary typology and archaeometric studies // Multidisciplinary approaches to food and foodways in the medieval Eastern Mediterranean. Lyon: MOM Éditions.
Noonan T., Kovalev R., 1997. Prayer, Illumination, and Good Times: The Export of Byzantine Wine and Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times, Byzantium and the North, Acta Byzantina Fennica, 8: 1995–1996. P. 73–96.
Noonan T., Kovalev R., 1999. Wine and Oil For All the Rus'!: The Import of Byzantine Wine and Oil to Kievan Rus' // Byzantium and the North, Acta Byzantina Fennica, Vol. 9: 1997–1998. P. 87–121.
Pecci A., Garnier N., Waksman S. Y., 2020. Residue analysis of medieval amphorae from the Eastern Mediterranean // S. Y. Waksman (ed.). Multidisciplinary approaches to food and foodways in the medieval Eastern Mediterranean. P. 417–428.
Rosser J., 1985. Excavations at Saranda Colones, Paphos, Cyprus 1981–1983 // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 39. P. 81–97.
Sazanov A., 1997. Les amphores de l'Antiquité Tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // G. D. D'archimbaud (ed.), La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM 2 (Aix-en-Provence 1995). Aix-en-Provence. P. 87–102.
Stern E., 2012. Akko I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery. Jerusalem. 183 p.
Türkmenoğlu E., 2006. Late byzantine ships and shipping 1204–1453. A Master's Thesis. Department of Archaeology and History of Art. Bilkent University. Ankara. 187 p.
Vroom J., 2003. Medieval and post-medieval ceramics from the archaeological sites discoverd by the Boeotia Project, Central Greece, to the present day. Doctoral Thesis. Faculty of Archeology, Leiden University. 406 p.
Waksman S. Y., Skartsis S., Kontogiannis N., Todorova E., Vaxevanis G., 2018. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // Journal of Archaeological Science: Reports 21. P. 1111–1121.
Zelenko S., Morozova Y., 2010. Amphorae assemblage from the 13th century shipwreck in the Black Sea, near Sudak // Varia Anatolica XXI. Part. 1. Production and trade of amphorae in the Black Sea. Paris. P. 81–84.

Резюме. В связи с находкой в комплексе Ярославля амфоры типа *Günsenin* III рассматриваются вопросы типологии и хронологии этих амфор. В результате проведенного исследования предлагается разделить амфоры этого типа на три подтипа с вариантами в каждом. Анализ комплексов с амфорами *Günsenin* III позволил датировать тип в целом началом XII – первой третью XIII в. Опубликованные в западноевропейской литературе анализы этих амфор позволяют локализовать место их производства в Халкиде и определить, что в них перевозили красное вино. Амфора из Ярославля относится к поздней группе этих сосудов, датирующейся первой третью XIII в.

Ключевые слова: византийская амфора, *Günsenin* III, Ярославль, типология, хронология.

A. V. Sazanov, A. V. Engovatova

Günsenin III amphora from Yaroslavl: problems of typology and chronology

Abstract. In connection with the discovery in the Yaroslavl of amphora type *Günsenin* III, problems of typology and chronology of these amphoras are considered. As a result of the study, it is proposed to divide this type of amphoras into 3 subtypes with variants in each. Analysis of the contexts with *Günsenin* III amphoras allowed dating of this type from the early XII to the first third of the XIII century AD. Analyses of these amphorae published in Western European literature make it possible to localize their production in Chalkis and determine that red wine was transported in them. The amphora from Yaroslavl belongs to the late group of these vessels, dating to the first third of the 13th century AD.

Keywords: Byzantine amphora, *Günsenin* III, Yaroslavl, typology, chronology.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.258-265

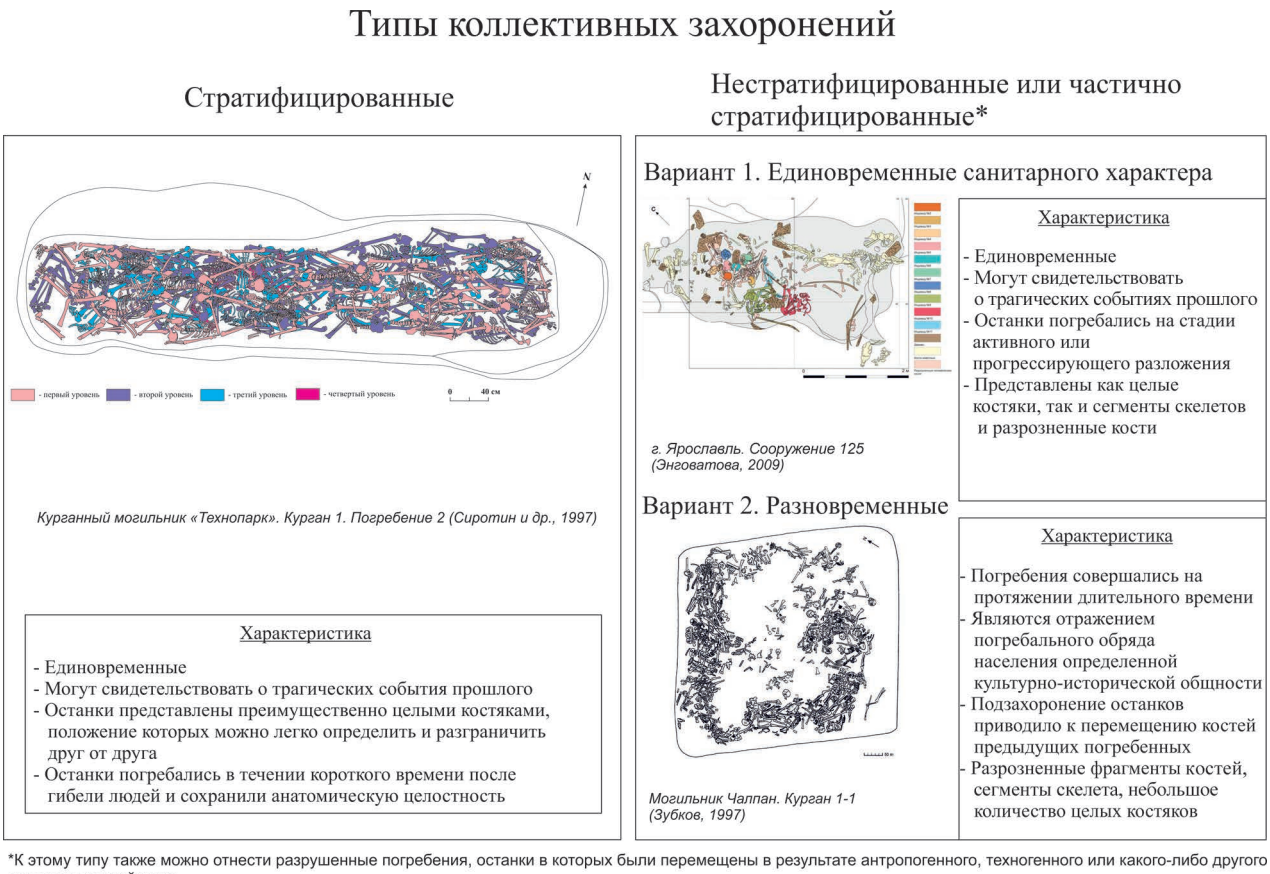
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ С НЕСТРАТИФИЦИРОВАННЫМИ ОСТАНКАМИ. ВОПРОСЫ УЧЕТА И КАМЕРАЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

А. А. Тарасова, К. А. Петрова

Коллективные захоронения[1] часто встречаются при раскопках на территории современной России. Такие памятники известны в различные исторические эпохи и могут являться не только следствием каких-либо трагических событий в прошлом, но и быть устоявшейся вариацией погребального обряда в тех или иных обществах (см., напр.: *Халиков и др.*, 1966; *Хлобыстина*, 1982; *Вадецкая*, 1986; *Смирнов*, 1991, 1997; *Энговатова и др.*, 2009; *Бужилова*, 2010; *Шведчикова*, 2018; *Сиротин и др.*, 2019). В зависимости от численности погребенных, условий и обстоятельств захоронения сильно варьируются количество и степень сохранности антропологических материалов, происходящих из таких могил. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают массовые погребения, содержащие по тем или иным причинам множество разрозненных костей и неполных скелетов, представленных какими-либо сегментами (например, верхней или нижней частями костяка, сохранившимися в анатомическом сочленении с конечностью и др.). На рисунке 1 схематично представлены типы массовых захоронений без учета «ярусности», где наглядно видны особенности погребений с нестратифицированными останками (рис. 1). Как видно на схеме, такие погребения могут быть как единовременными и носящими санитарный характер, так и совершаемыми на протяжении какого-либо продолжительного периода. Кроме того, к ним же можно отнести разрушенные неодиночные захоронения, останки в которых могли быть перемещены в результате антропогенного, техногенного или какого-либо другого внешнего воздействия.

В отличие от работы с захоронениями, в которых костяки имеют полную комплектность и их положение можно разграничить, исследование таких погребений требует особого подхода на всех этапах. Его необходимость обусловлена несколькими причинами. В первую очередь при полевой регистрации останков в таких могилах неприменимо использование традиционно принятых в археологической практике терминов для обозначения останков («индивид», «костяк»), что создает трудности при описании объекта как такового, вида депонирования костей в нем, а также плохо влияет на дальнейшие возможные манипуляции, такие как отбор образцов для изотопных анализов и молекулярно-генетической экспертизы (так как подобные анализы требуют персонифицированного подхода) и т. д. Кроме того, такая ситуация способствует неправильному пониманию (как правило, завышению) количества погребенных в них индивидов, т. к. «индивидами» маркируются как целые костяки, так и сегменты скелетов (будь то верхняя, нижняя, правая или левая части костяка, разрозненные черепа или отдельно лежащие нижние челюсти, кости конечностей в анатомическом сочленении и др.) или скоплений разрозненных костей.

[1] Существует множество терминов, обозначающих неодиночные захоронения, в которых представлены останки более двух человек: групповые, коллективные, массовые, множественные, общие, совместные погребения, костницы, скудельницы, братские могилы. Однако как в археологической, так и в антропологической справочной и учебной литературе определения этих понятий до сих пор четко не очерчены. Они применяются с различными значениями или же используются как синонимы (*Смирнов*, 1997. С. 19–22; *Рафикова*, 2008. С. 22; Методика работы с палеоантропологическими материалами… 2020. С. 48). В данной статье мы будем придерживаться последней стратегии, при этом подразумевая, что большинство из этих терминов может быть употреблено в значении, предложенным археологом Ю. А. Смирновым: «… погребение, содержащее более трех (одновременно или последовательно) захороненных индивидуумов (независимо от того, какому птоматомическому воздействию были подвергнуты их тела на предваряющем этапе некрологического цикла). Коллективное захоронение может находиться в погребальном сооружении любого типа и представлять собой одноярусное, двух-, трех (и более) ярусное погребение. Оно может быть со стратифицированным, то есть разграниченным, положением погребенных, но может быть и нестратифицированным» (*Смирнов*, 1997. С. 178).



*К этому типу также можно отнести разрушенные погребения, останки в которых были перемещены в результате антропогенного, техногенного или какого-либо другого внешнего воздействия.

Рис. 1. Типы коллективных захоронений

На этапе камеральной обработки трудность представляет учет информации о разрозненных костях фрагментарной сохранности. Как правило, на этом этапе уделяется большое внимание гомологичным фрагментам костей, по которым считается количество погребенных, в то время как другие их части могут не регистрироваться в связи с трудоемкостью словесного описания и их большим объемом.

Особенная тщательность и применение специальных методов, предлагаемых нами, нацелена на сохранение потенциала антропологического материала как независимого источника о качестве и образе жизни, а также физическом типе населения прошлых эпох и в целом для биоархеологических реконструкций. Тем более это актуально в связи с развитием методологии работы с останками людей, позволяющими на современном этапе получать все больше сведений о диете, мобильности и генетическом разнообразии в исследуемых палеоантропологических группах. Стоит отметить также, что, как правило, в массовых погребениях количество индивидов может быть очень большим, а в случае санитарных захоронений антропологические серии из них могут рассматриваться как прообраз популяции, реально существовавшей в короткий промежуток времени.

В данной статье мы рассматриваем обозначенные выше проблемы, связанные с исследованием антропологических материалов из таких захоронений, исходя из опыта работы с массовыми погребениями санитарного характера (г. Ярославль, раскопки 2005–2008, 2019, 2020 гг. под руководством А. В. Энговатовой).

Коллективные захоронения в Ярославле были обнаружены в ходе спасательных археологических работ ИА РАН на территории т. н. Стрелки – высокого мыса при слиянии рек Волги и Которосли, ограниченном Медведицким оврагом (рис. 2). Судя по материалам раскопок сезонов 2007–2011 гг., в домонгольский период именно на этой территории находился детинец (кремль) Ярославля (*Энговатова, Яганов*, 2008. С. 95; *Энговатова*, 2015. С. 67). За годы раскопок открыто девять массовых погребений, которые были совершены в различных постройках (подклетах жилых домов и хозяйственных помещений, колодце

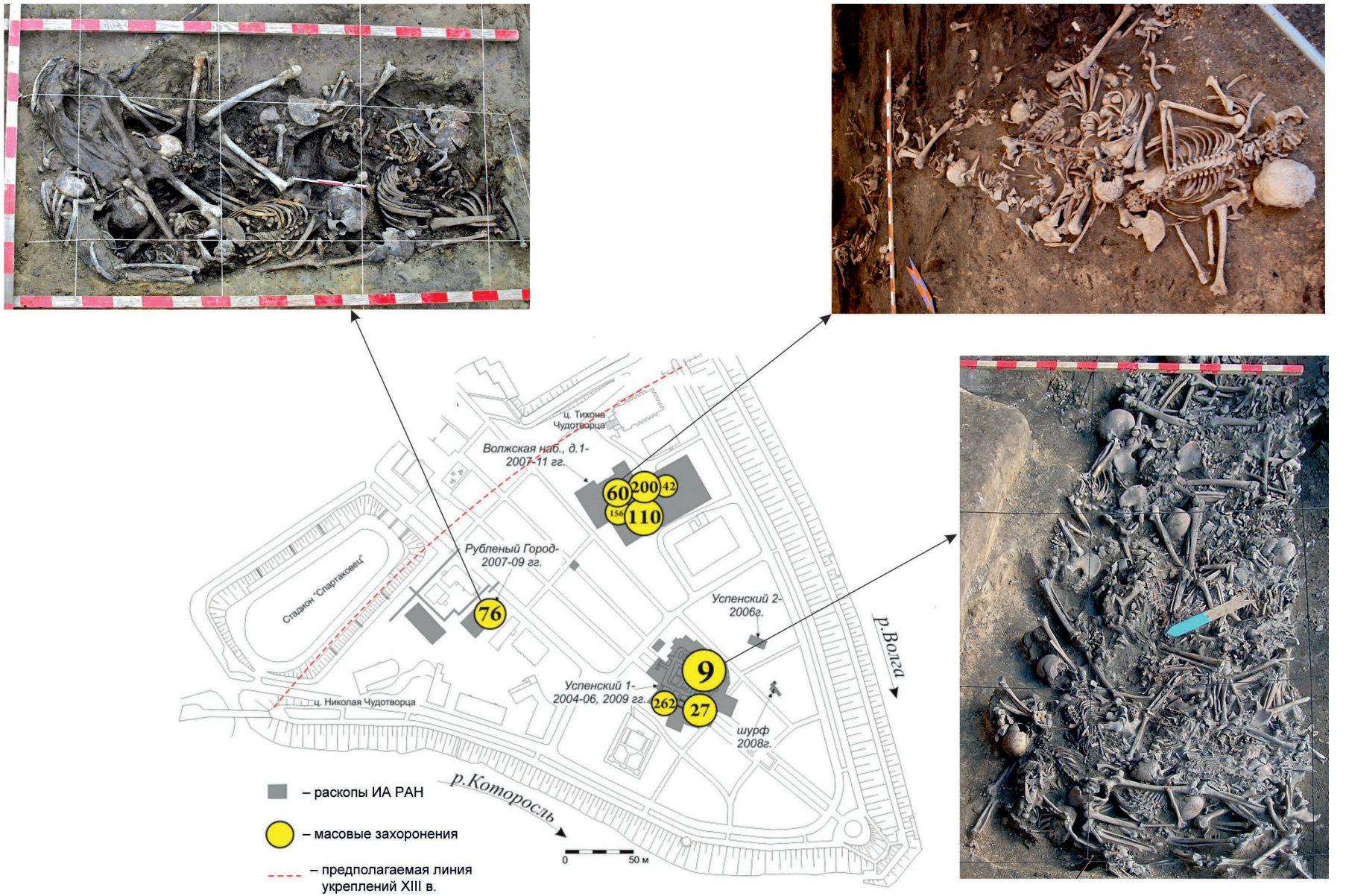


Рис. 2. Схема расположения девяти коллективных захоронений на территории ярославского детинца

и др.), а также в ямах; останки в них были захоронены без соблюдения какого-либо обряда. Анализ стратиграфии, полученного вещевого и керамического материала из них, данные естественнонаучных исследований и анализ сведений письменных источников показали, что все погребения относятся ко времени разорения города войсками Батыя в феврале 1238 г. (*Энговатова и др.*, 2009. С. 69; *Карпухин и др.*, 2011. С. 110; *Энговатова*, 2019). Разрозненность и «некомплектность» костей скелетов, а также наличие большого количества посмертных разломов костей были интерпретированы исследователями как результат санитарного погребения трупов, подвергшихся разложению и находившихся некоторое время на поверхности (*Buzhilova, Goncharova*, 2009. P. 289; *Энговатова и др.*, 2009. С. 77). Энтомологическое исследование скопления коконов (пупариев) мух в заполнении могильной ямы одного из массовых захоронений в сооружении № 76 и внутри сапог одного из погребенных в нем подтвердило предположение о том, что погибшие в феврале 1238 г. жители Ярославля были захоронены не сразу (*Энговатова и др., 2008*. С. 207). В частности, установлено, что погребение останков жертв монгольского нашествия в массовом захоронении в сооружении № 76 было совершено в теплое время года не ранее поздней весны (*Энговатова и др.*, 2008. С. 208).

Как уже было сказано, повышенный интерес вызывают некоторые вопросы, возникающие на разных этапах работы с антропологическими материалами из таких погребений. Они связаны с особенностями депонирования останков, которые могут быть обусловлены наличием временного промежутка между гибелью и погребением людей, а также любыми другими факторами, влияющими на целостность и сохранность костяков. В связи с этой спецификой, на наш взгляд, особое значение имеет выбор правильной стратегии учета останков разной комплектности, а также регистрация разрозненных костей на стадии камеральной обработки.

Новый подход к решению первой упомянутой проблемы, а именно учету останков разной комплектности, был предложен в 2021 г. Детально он был описан в публикациях (*Энговатова, Тарасова*, 2021; 2022) и представлен на международной научной конференции «IX Алексеевские чтения». На примере одного из массовых захоронений XIII в. из ярославского детинца было показано, к каким сложностям приводит употребление неподходящей терминологии. Кроме того, в статье были изложены недостатки принятой как в отечественной, так и в зарубежной практике системы регистрации останков в коллективных погребениях санитарного характера или в массовых захоронениях, содержащих перемещенные или переотложенные в результате природных процессов или антропогенного воздействия кости. Были рассмотрены и причины зачастую упрощенного описания неодиночных погребений с большим количеством разрозненных костей и неполными, не сохранившими анатомический порядок скелетами. Учет зарубежного опыта работы с массовыми захоронениями, а также традиционно принятых в археологии методов регистрации индивидуального и массового материала показал, что необходимо ввести новый общий термин для наименования антропологических находок разной степени комплектности, использование которого будет актуально для коллективных захоронений, содержащих множество костей, разрозненных и переотложенных по каким-либо причинам.

Согласно результатам этого исследования, для детального описания стратиграфии и планиграфии массовых погребений санитарного характера важно, чтобы любой вид депонирования останков (будь то сохранившие анатомический порядок конечности, кости правой или левой сторон туловища и т. д.), за исключением разрозненных костей, был учтен как индивидуальная находка[2]. Использование сквозной нумерации подразумевает общее название нумеруемого объекта. Общим для всех вышеупомянутых видов депонирования человеческих костей, на наш взгляд, является термин «останки», применение которого, однако, может привести к трудностям на этапе описания погребения. Альтернативным вариантом может быть название, аналогичное принятому для обозначения материала в археологии, – «индивидуальная антропологическая находка» (ИАН № …), которое мы предлагаем к использованию. Кроме того, для облегчения дальнейшей работы с материалами захоронения

[2] Изолированные черепа и нижние челюсти предлагается также рассматривать как индивидуальную находку с целью сохранения информации об их локализации, а также облегчения дальнейшей работы антропологов по описанию антропологических материалов и отбору образцов для изотопных исследований и молекулярно-генетической экспертизы.

было предложено ввести полевую опись, в которой в соответствии с нумерацией будут указаны *комплектность* или *вид депонирования* (полный скелет, часть скелета, череп, скопление костей и пр.) останков, их *локализация* (квадрат, пласт, глубина), а также данные о *положении in situ* и других возможных особенностях, фиксируемых в момент их обнаружения.

В дополнение к обозначенным выше рекомендациям хотелось бы отдельно отметить, что такой подход предполагает обязательное участие специалиста-антрополога на стадии расчистки, чертежной фиксации, изъятия и шифровки остеологического материала, о чем не было упомянуто в предыдущих публикациях.

Такой подход необходим не только для облегчения описания погребения, но и для дальнейшей «персонифицированной» работы с останками с применением современных методов анализа антропологических материалов, подразумевающих исследования изотопных сигналов с целью выявления особенностей диеты и степени мобильности людей, а также ставшую более доступной молекулярно-генетическую экспертизу. Это позволит сохранить потенциал антропологического материала как источника знаний о событиях, людях и в целом обществе прошлых эпох.

На камеральном этапе работ отдельной методической задачей является определение количества людей, погребенных в массовом захоронении. В судебно-медицинской практике выяснение вопроса о количестве скелетов, к которым относятся изучаемые объекты, является одним из первых пунктов экспертизы костных останков (*Пашкова, Томилина*, 1975. С. 404; *Cox et al*., 2008. P. 93; *Blau, Briggs*, 2011. P. 30). Приблизительные суждения о принадлежности останков одному или нескольким индивидам основываются, в частности, на подсчете количества гомологичных фрагментов одноименных костей (*Гончарова, Бужилова*, 2007; С. 57; *Buzhilova, Goncharova*, 2009. P. 286, 287; *Гончарова*, 2015. С. 69, 70). Окончательно вопрос о представленном в захоронении количестве людей решается при учете половозрастных и измерительных характеристик костей (*Пашкова, Томилина*, 1975. С. 407).

При работе с антропологической коллекцией из коллективных захоронений из Ярославля мы столкнулись с наличием большого объема разрозненных (не находившихся в анатомическом сочленении) костей, подсчет гомологичных фрагментов при этом представлял серьезную трудность. Она была обусловлена не только разрозненностью, но и плохой степенью сохранности костей, многие из которых были разрушены. Простой подсчет гомологичных фрагментов при этом произвести было возможно, однако дальнейшая работа с антропологическим источником предполагает вычисление частоты встречаемости патологий и аномалий строения костей, который некорректно производить без учета наличия или отсутствия фрагмента, на котором можно наблюдать данную патологию. Формат таблицы не позволяет вносить все возможные варианты фрагментации костей, т. к. они могут быть раздроблены на случайное (произвольное) количество частей. Словесное описание представляется также очень громоздким и требует большого количества времени.

Столкнувшись с данной проблемой, мы пришли к мысли, что наиболее адекватным решением может быть комбинированное графически-словесное описание встречающихся длинных костей и костей черепа[3], являющихся наиболее диагностичными при определении пола и возраста индивида по скелетированным останкам (*Blau, Briggs*, 2011. P. 33), а также наиболее часто сохраняющихся вследствие большей прочности и размера. Тазовые кости и крестцы было решено исключить ввиду их крайней фрагментированности в данном захоронении. Однако они также могут быть учтены при работе с материалами лучшей степени сохранности.

На рисунке 3 представлен вариант бланка фиксации разрозненных плечевых костей (рис. 3) с примером его заполнения. Он состоит из карточек учета со схематичным изображением кости, а также полей для информации о шифре, принадлежности правой или левой стороне скелета, поле и вероятном биологическом возрасте индивида. Незаполненное пространство карточки может быть использовано для

[2] По рекомендациям А.П. Бужиловой и Н.Н Гочаровой помимо целых черепов отдельно необходимо учитывать кости черепных коробок/черепных крышек с лобными костями или их фрагментами с обязательно сохранившимися областями точки *glabella* и затылочные кости (или их фрагменты) с обязательно сохранившимися задними краями большого затылочного отверстия с точкой *opistion*, а также нижние челюсти с фрагментами сохранившейся области *gnation* (*Энговатова и др.*, 2010. С. 110).

примечаний. Предлагается размещать несколько таких карточек на одном бланке при работе с большим объемом разрозненных и фрагментированных костей.

Не вся информация, учтенная в таком бланке, будет необходима при подсчете минимального количества людей, погребенных в массовом захоронении. В частности, в таблицы для подсчета гомологичных фрагментов костей, используемые для целей определения количества индивидов в погребении, обычно не включаются фрагментарные дистальные части локтевых и бедренных костей, проксимальные части плечевых, лучевых и большеберцовой костей, а также диафизы любых длинных костей, по которым зачастую невозможно определить пол, возраст, принадлежность к правой или левой стороне тела, а также присовокупить к уже определенным фрагментам одноименных костей, для которых сторона определена. По части указанных выше причин в такие таблицы не вносятся и нижние челюсти без области *gnathion*. Несмотря на «непригодность» этих фрагментов костей для целей подсчета численности погребенных индивидов (т. к. они могут быть частями уже учтенных фрагментов, являющихся более диагностическими), некоторые из них, например, могут быть измерены в рамках классической остеометрической программы и быть использованы при подсчете частоты встречаемости травматических повреждений, дегенеративных изменений, генетически обусловленных аномалий, дискретно-варьирующих признаков и др. Потеря такого рода информации при просмотре слабо стратифицированного в захоронении антропологического материала сделала бы анализ распространения патологических изменений и параметров морфологической изменчивости в исследуемой группе как минимум неполным.

Специфика коллективных захоронений, содержащих большое количество разрозненных и переотложенных костей, диктует необходимость особого подхода на всех основных этапах их исследования – как в поле, так и на стадии камеральных работ. С развитием методов палеопатологии, изотопных исследований, молекулярно-генетического анализа должны совершенствоваться как способы регистрации антропологического материала из таких погребений, так и способы его камеральной обработки. Эта необходимость возникает в связи с постоянно растущими возможностями использования информации антропологического источника в реконструкции качества жизни, мобильности и других аспектов жизни людей в различные исторические периоды. Предложенные в данной статье подходы отвечают современным требованиям тщательности сбора и анализа материалов из археологических памятников, которые, на наш взгляд, на современном этапе более разработаны в отношении вещевых комплексов и отдельных почвенных и других проб, но не для человеческих останков в случае их большого объема и большой разрозненности и фрагментированности.

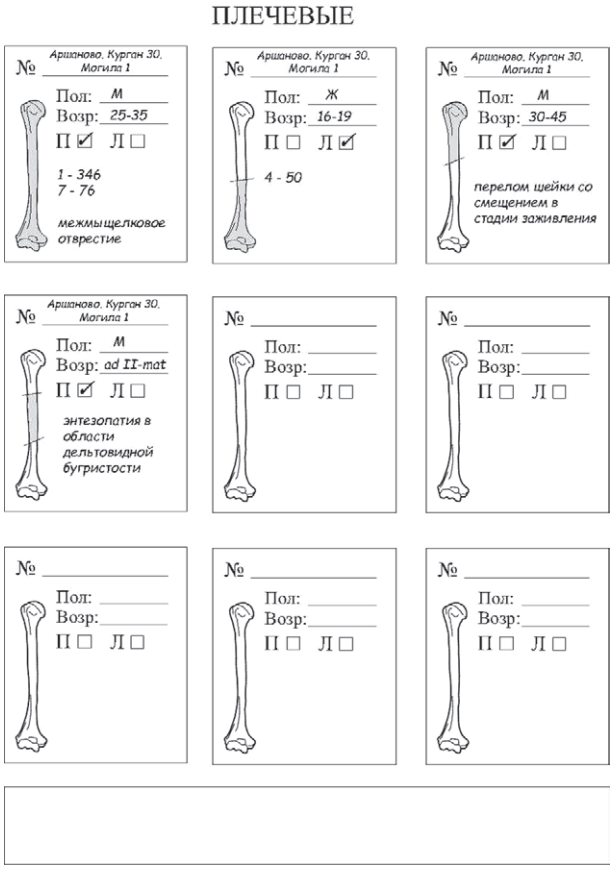


Рис. 3. Бланк фиксации разрозненных плечевых костей с примером заполнения индивидуальных учетных карточек

ЛИТЕРАТУРА

Бужилова А. П., 2010. К вопросу об информативности исследований коллективных погребений // КСИА. Вып. 224. М.: ИА РАН. С. 77–84.

Вадецкая Э. Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. 180 с.

Гончарова Н. Н., 2015. Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. Т. 5. С. 69–75.

Гончарова Н. Н., Бужилова А. П., 2007. Антропологические исследования останков из коллективного захоронения XIII века // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Сборник трудов конференции / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Редмер. С. 56–63.

Зубков В. С., 1997. Отчет об исследовании могильника Чалпан в Хакасии в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19959.

Карпухин А. А., Соловьева Л. Н., Энговатова А. В., 2011. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Т. 2. С. 92–114.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М. В. Добровольская. 2020. М.: ИА РАН. 112 с.

Пашкова В. И., Томилина В. В., 1975. Лабораторные и специальные методы исследования в судебной медицине (практическое руководство) / Ред. В. И. Пашкова, В. В. Томилина. М.: Медицина. 456 с.

Рафикова Я. В., 2008. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Дисс… канд. ист. наук, кн. I. 215 с.

Сиротин С. В., Богачук Д. С., Волошинов А. А., Тарасова А. А., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., 2019. Два необычных захоронения эпохи позднего средневековья в Бахчисарайском районе Республики Крым // КСИА. Вып. 256. М.: ИА РАН. С. 293–307.

Смирнов Ю. А., 1991. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука. 344 с.

Смирнов Ю. А., 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 279 с.

Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 48 с.

Хлобыстина М. Д., 1982. Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. Вып. 169. М.: ИА РАН. С. 13–20.

Шведчикова Т. Ю., 2018. Санитарное захоронение участников Бородинского сражения в с. Колоцкое: результаты исследований 2016 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции / Сост. И. В. Корнеев. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. С. 402–413.

Энговатова А. В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская наб., д. 1 в 2008 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 30438.

Энговатова А. В., 2015. Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа Рубленый город II – 2008 г.) // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Москва – Вологда: Древности Севера. С. 53–68.

Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпухин А. А., Осипов Д. О., 2008. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы. Материалы IV Межрегиональной конференции / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: ОАО «Рыбинский Дом печати». С. 185–208.

Энговатова А. В., Осипов Д. О., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П., 2010. Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты) // КСИА. Вып. 224. С. 106–114.

Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., 2009. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2. С. 68–78.

Энговатова А. В., 2019. Новый древний Ярославль // Природа. № 1. С. 88–93.

Энговатова А. В., Тарасова А. А., 2021. К вопросу об учете человеческих останков в коллективных захоронениях санитарного характера на этапе полевых работ // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 4. С. 100–115.

Энговатова А. В., Тарасова А. А., 2022. Проблема учета останков в коллективных захоронениях санитарного характера // Тезисы докладов международной научной конференции, посвященная памяти академиков В. П. Алексеева и Т. И. Алексеевой. Москва. С. 44.

Энговатова А. В., Яганов А. В., 2008. Топография «Рубленого города» Ярославля (по материалам археологических исследований 2007 г.) // Московская Русь. Проблемы археологии, истории и архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева / Ред. А. Л. Баталов, Н. А. Кренке. Москва: ИА РАН. С. 90–97.

Blau S., Briggs C. A., 2011. The role of forensic anthropology in Disaster Victim Identification (DVI) // Forensic Sci. Int. Published by Elsevier Ireland Ltd. P. 29–35.

Buzhilova A., Goncharova N., 2009. A mass grave from a Mediaeval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journees d'antropologie de Valbonne / Dir. L. Buchet, C. Rigeade, I. Séguy, M. Signoli., Antibes: Éditions Apdca. P. 285–299.

Cox M., Flavel A., Hanson I., 2008. The Scientific Investigation of Mass Graves: Towards Protocols and Standard Operating Procedures. Cambridge University Press. 562 p.

Резюме. Коллективные захоронения, содержащие по тем или иным причинам множество разрозненных костей и неполных скелетов, представленных какими-либо сегментами (например, верхней или нижней частями костяка, сохранившимися в анатомическом сочленении с конечностью, и др.), требуют особого подхода на всех стадиях работы с антропологическими материалами. На этапе раскопок проблему представляет учет утративших анатомический порядок останков, т. к. принятые в отечественной археологии методы их условного обозначения («индивид», «костяк») в данном случае не отражают всех видов депонирования костей и не могут быть применены. Методическую сложность также представляет камеральная обработка полученных из таких могил остеологических коллекций, связанная с большим объемом разрозненных костей и их возможной фрагментированностью. Предложенные в данной статье подходы к решению этих проблем отвечают современным требованиям тщательности сбора и анализа материалов из археологических раскопок, а также способствуют сохранению потенциала антропологических материалов для биоархеологических реконструкций.

Ключевые слова: коллективные захоронения, массовые погребения, переотложенные останки, антропологические материалы.

A. A. Tarasova, K. A. Petrova

Collective burials with unstratified remains. Issues of recording and desk processing of anthropological materials

Abstract. Collective burials containing, for one reason or another, many scattered bones and incomplete skeletons, represented by some segments (for example, the upper or lower part of the skeleton, a limb preserved in the anatomical joint, etc.) require a special approach at all stages of work with anthropological materials. At the excavation stage, the problem is the accounting of remains that have lost their anatomical order, because the methods of their conventional designation accepted in Russian archeology («individual», «skeleton») in this case do not reflect all types of deposit of bones and cannot be applied. The methodological difficulty is also posed by the cameral processing of osteological collections obtained from such graves, associated with the large volume of single bones and their possible fragmentation. The approaches proposed in this article to solve these problems meet modern requirements for the thorough collection and analysis of materials from archaeological sites, and also contribute to preserving the potential of anthropological materials for bioarchaeological reconstructions.

Keywords: collective burials, mass graves, redeposited remains, anthropological materials.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.266-283

УКРЕПЛЕНИЯ А.X, А.XII И А.XIII ГЛАВНОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ МАНГУПА[1]

А. А. Душенко

Мангупское городище является крупнейшим памятником группы так называемых пещерных городов Юго-Западного Крыма. Он занимает плато и склоны одноименного изолированного скального останца на северо-западной границе Внутренней гряды Крымских гор. С запада, востока и юга Мангупское плато ограничено скальными обрывами высотой до 70 м (рис. 1). Северный край плато прорезан тремя узкими ущельями – балками Капу-дере, Гамам-дере и Табана-дере. В верховьях двух последних расположены действующие родники. От соседних горных массивов Мангупское плато отделено узкими долинами Ураус-дере, Джан-дере, Алмалык-дере и Адым-чокрак, пригодными для сельскохозяйственной деятельности.

Географические особенности – крутые склоны и обрывы, обеспечивавшие природную защиту, наличие источников воды и плодородной округи – позволяют рассматривать Мангупское плато в качестве оптимального с точки зрения древних архитекторов и инженеров места для поселения. Важность этих факторов при выборе места строительства городов подчеркивалась Витрувием (*Витрувий*, цит. по публикации 1936 г. С. 24), Вегецием (*Флавий Вегеций Ринат*, цит. по публикации 1940 г. С. 280–283), анонимным автором трактата «О стратегии» VI в. (О стратегии, цит. по публикации 2007 г. С. 70–71). Археологические исследования Мангупа, начатые еще в середине XIX в. и с 1967 г. ведущиеся на систематической основе[2], показали, что первое поселение на плато появилось во второй половине III в. (*Герцен*, 2003. С. 97). Историческая периодизация городища включает семь основных этапов: докрепостной (вторая половина III – середина VI в.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII в.), хазарский (конец VIII – середина IX в.), фемный (середина IX – середина XI в.), золотоордынский (конец XIII – XIV в.), феодоритский (начало XV в. – 1475 г.), османский (1475–1792 гг.) (*Герцен*, 2003. С. 94–112; *Герцен, Науменко*, 2015. С. 88–96).

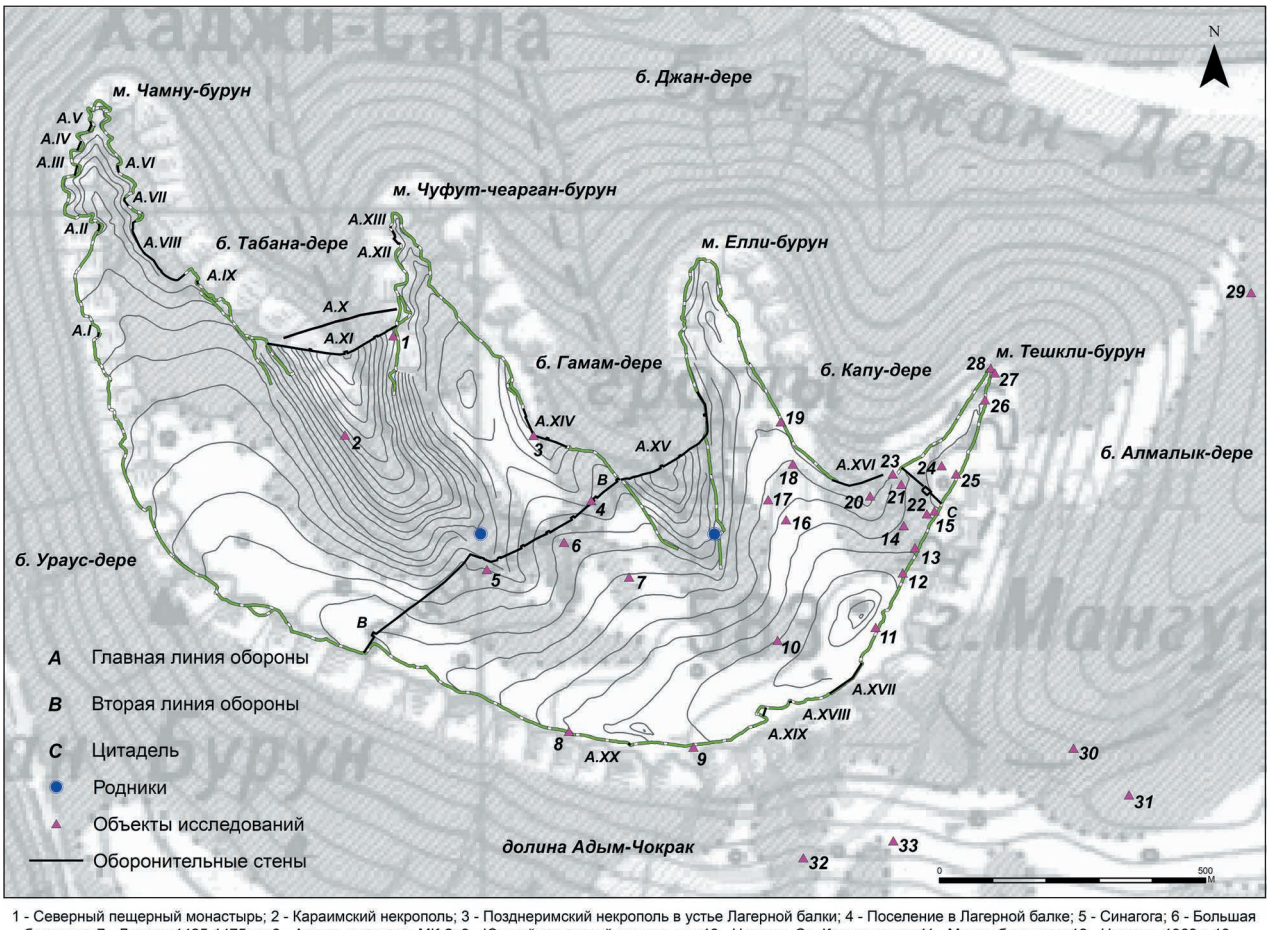
Одним из наиболее ярких объектов городища являются его фортификационные сооружения. Их отличает достаточно хорошая в сравнении с другими пещерными городами сохранность и, как следствие, высокая степень изученности[3]. Концепция оборонительной системы Мангупа была сформулирована А. Г. Герценом. Исследователь выделил три линии обороны городища: Главную, Вторую и цитадель (рис. 1) (*Герцен*, 1990. С. 106). Главная (внешняя) линия обороны (далее – ГЛО), построенная в 550–560-х гг., имела дискретный характер и обеспечивала защиту уязвимых мест всего контура плато. Вторая линия (далее – ВЛО) представляла собой непрерывный пояс оборонительных стен и башен, построенный во второй половине XIV – начале XV в. для защиты наиболее плотно заселенных центральной и восточной частей городища. К этому же хронологическому периоду относится третья линия обороны – цитадель на мысе Тешкли-бурун. Ключевая роль в этой системе отводилась ГЛО. Этот фортификационный пояс состоит из 20 отдельных укреплений (рис. 1), защищающих все возможные пути проникновения на территорию Мангупского плато через балки его северного склона и расселины в обрывах его мысов и южного края (*Герцен*, 1990. С. 106, 128–132). Общая площадь крепостного полигона в пределах ГЛО составляет 88,14 га.

Несмотря на высокую степень изученности оборонительной системы Мангупа, планировка

[1] Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-00296 «Фортификация византийского Мангупа: северо-западный фронт Главной линии обороны».

[2] Подробно об истории изучения городища см.: *Герцен*, 2008а. С. 212–256; 2008б. С. 305–326; 2017. С. 12–45; *Герцен, Науменко*, 2017. С. 10–55.

[3] История изучения оборонительных сооружений Мангупа подробно изложена в соответствующей главе монографии А. Г. Герцена (*Герцен*, 1990. С. 89–102), что позволяет избежать повторений.



1 - Северный пещерный монастырь; 2 - Караимский некрополь; 3 - Позднеримский некрополь в устье Лагерной балки; 4 - Поселение в Лагерной балке; 5 - Синагога; 6 - Большая базилика; 7 - Дворец 1425-1475 гг.; 8 - Алтарь в пещере МК-2; 9 - Южный пещерный монастырь; 10 - Церковь Св. Константина; 11 - Малая базилика; 12 - Церковь 1968 г. 13 - Юго-восточный монастырь; 14 - Главная мечеть; 15 - Церковь 1968 г.; 16 - Церковь 1969 г.; 17 - Мусульманский некрополь; 18 - Церковь Св. Георгия; 19 - Церковь 2015 г.; 20 - Церковь 2019 г.; 21-22 - Скальный некрополь на эспланаде цитадели; 23 - Надвратная церковь с усыпальницами; 24 - Октагональный храм; 25 - Церковь 2005 г.; 26 - "Гарнизонная церковь"; 27 - Пещерная церковь под оконечностью м. Тешкли-бурун; 28 - Северо-восточный монастырь; 29 - Могильник в б. Алмалык; 30 - Крестообразный храм; 31 - Мусульманский некрополь на холме Мазар-тепе; 32 - Могильник Южный-I; 33 - Могильник Южный-II.

Рис. 1. План-схема Мангупского городища с указанием основных объектов исследований

и хронология отдельных ее составляющих остаются до конца не выясненными. Перспективность продолжения их археологического изучения продемонстрировали результаты новейших раскопок двух участков ГЛО. Исследования укрепления А.XIV[4] позволили уточнить дату строительства одной из его куртин во второй половине X в. (*Науменко*, 2022. С. 170–174). В результате работ на укреплении А.XI была скорректирована планировка памятника и выявлены основные этапы его строительной истории: постройка во второй половине VI в. и неоднократные ремонты около середины IX в., в конце X в. и в конце XIII – начале XV в. (*Душенко*, 2022. С. 281; *Науменко*, 2022. С. 175–179).

Данная работа продолжает серию публикаций материалов новейших исследований ГЛО Мангупа и посвящена укреплениям А.X, А.XII и А.XIII, изучавшимся в 2022 г. Указанные объекты являются составляющими западного фланга северного фронта ГЛО, защищающего проходы на Магупское плато через балку Табана-дере. Он включает восемь фортификационных сооружений (рис. 2). Укрепления А.X и А.XI пересекают балку в ее средней части. Укрепления А.I–А.IX перекрывают доступ на территорию плато через скальные расселины в восточном обрыве мыса Чамну-бурун. Аналогичную функцию несут А.XII и А.XIII, расположенные в расселинах западного обрыва мыса Чуфут-Чеарган-бурун.

История изучения. Степень изученности отдельных фортификационных сооружений западного фланга северного фронта ГЛО различна

[4] Здесь и далее укрепления ГЛО обозначены в соответствии с номенклатурой фортификационных сооружений Мангупа, разработанной А.Г. Герценом: *Герцен*, 1990. С. 106.

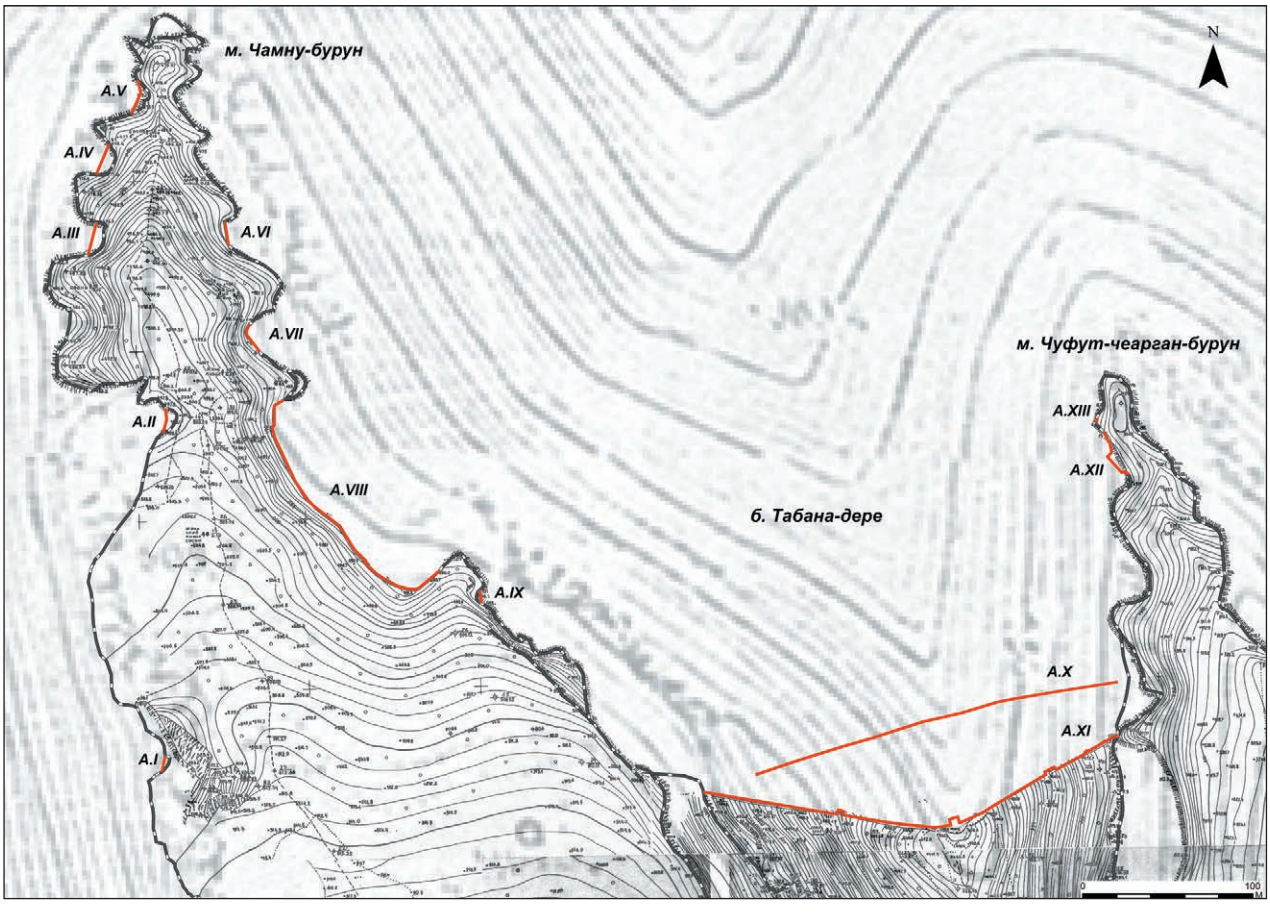


Рис. 2. План-схема участка Главной линии обороны в балке Табана-дере

и напрямую связана с уровнем их доступности и сохранности. Укрепление A.XI, сохранившееся на высоту до 6,35 м и расположенное в непосредственной близости от ведущей на плато тропы, неоднократно становилось объектом внимания путешественников и исследователей[5]. Особый интерес к этому укреплению был обусловлен наличием в западной стене башни № 1 строительной надписи топотерита Цулы. Первый публикатор эпиграфического памятника В. В. Латышев датировал надпись 1503 г. (*Латышев*, 1902. С. 31–33). Точку зрения исследователя поддержали А. В. Белый и Э. И. Соломоник (*Белый, Соломоник*, 1984. С. 172–175). Предложенная В. В. Латышевым датировка надписи Цулы закрепилась в научной литературе в качестве основного аргумента для определения времени постройки укрепления A.XI в начале XVI в. (*Веймарн*, 1953. С. 419; *Репников*, 1939–1940. С. 168–170; *Герцен*, 1990. С. 129). В 2009 г. А. Ю. Виноградов предложил датировать надпись Цулы в пределах 1 сентября 994–31 августа 995 г., поставив вопрос о возможном изменении принятой в литературе даты постройки укрепления (*Виноградов*, 2009. С. 263–270). Археологические исследования A.XI дали основания датировать его строительство второй половиной VI в. и соотнести надпись Цулы с ремонтом укрепления в конце X в., проводившимся, видимо, в рамках масштабной реконструкции всей ГЛО (*Душенко*, 2022. С. 281; *Науменко*, 2022. С. 175–180).

В отличие от A.XI полностью разрушенное укрепление A.X и расположенные в труднодоступных расселинах A.XII и A.XIII вплоть до последней трети XX в. не были известны исследователям Мангупа. Эти фортификационные сооружения, равно как и другие неизвестные ранее участки ГЛО, были открыты в результате планомерных разведок городища, проводившихся А. Г. Герценом в 1969–1973 гг. В монографии исследователя, обобщающей итоги

[5] Подробно об истории изучения A.XI см.: *Душенко*, 2022. С. 271–274.

многолетнего изучения оборонительной системы Мангупа, А.XII и А.XIII кратко упомянуты в ряду укреплений, сложенных в технике двухслойной однолицевой кладки (*Герцен*, 1990. С. 124). Оба объекта отмечены на схемах, характеризующих фортификационный ансамбль городища в различные периоды его истории от VI в. до 1475 г. (*Герцен*, 1990. Рис. 26; 29; 30), что, очевидно, отражает представление А. Г. Герцена об их хронологии.

Несколько запутанная ситуация сложилась с укреплением А.X. Руины этого фортификационного сооружения в монографии А. Г. Герцена локализованы в 100 м ниже А.XI. По мнению исследователя, А.X, построенное в VI в. и функционировавшее до 1475 г., в турецкий период истории Мангупа было разобрано и стало источником строительного материала для постройки А.XI в начале XVI в. (*Герцен*, 1990. С. 129. Рис. 26; 29; 30). Необходимо отметить, что эта гипотеза основывалась главным образом на основании датировки надписи Цулы, предложенной В. В. Латышевым. Кроме А.X в балке Табана-дере ниже укрепления А.XI упомянута протейхизма, построенная также в XVI в. (*Герцен*, 1990. С. 154).

Визуальный осмотр места предполагаемой локализации А.X показал наличие здесь скопления разнокалиберного бутового камня, обработанных блоков и скальных глыб. Локальный характер (длина – около 30 м, ширина – 4–7 м), отсутствие следов строительного камня *in situ*, наличие крупных скальных обломков позволило предположить его естественное происхождение, вероятно, в результате камнепадов, вызвавших частичное разрушение оборонительных сооружений, расположенных выше по склонам балки. В то же время визуальный осмотр протейхизмы подтвердил ее наличие. Поэтому для сохранения номенклатуры укреплений Главной линии обороны обозначение А.X было перенесено на нее.

Резюмируя обзор истории изучения, следует отметить, что после открытия в 70-х гг. XX в. укрепления А.X, А.XII и А.XIII не изучались археологически. Изменение устоявшихся датировок надписи Цулы и укрепления А.XI вызывает необходимость пересмотра гипотезы о переносе основной оборонительной линии в балке Табана-дере. Высказанные соображения обусловили актуальность продолжения исследований западного фланга северного фронта ГЛО. Даем последовательное описание результатов работ 2022 г.

Укрепление А.X пересекает балку Табана-дере в ее средней части. В отличие от тенали А.XI, А.X имеет прямое начертание (рис. 3). Расстояние между фортификационными сооружениями на уровне тальвега балки составляет 61,50 м, в верхней части ее западного склона – 15,90 м, в верхней части восточного склона – 31,80 м. Ширина балки по линии А.X – 245,40 м, что дает представление об изначальной протяженности оборонительной стены. В районе тальвега Табана-дере и проходящей вдоль него туристической тропы А.X полностью разрушено. Восточный и западный фланги укрепления получили условное обозначение куртин А и В соответственно (рис. 3).

Трассы куртин прослежены по линии развалов и отдельным блокам *in situ* (рис. 4). Длина куртины А составляет 92,06 м, куртины В – 100,94 м. Ближайший к мысу Чуфут-Чеарган-бурун сохранившийся участок кладки куртины А расположен в 2,5 м ниже по склону. Западный край куртины В примыкает к скоплению скальных глыб, отколовшихся от мыса Чамну-бурун и отстоящих от него на 20–25 м. Таким образом, примыкание куртин к скальным обрывам мысов, ограничивающих балку Табана-дере, можно лишь предполагать исходя из фортификационного назначения укрепления А. X.

На трассе А.X были заложены два раскопа общей площадью 32 м^2 (рис. 3; 5, *1, 3*). Раскоп I расположен в 25 м к западу от восточного края куртины В. Раскоп II был заложен на трассе куртины А в 8 м к востоку от туристической тропы. Стратиграфическая колонка на обоих участках оказалась достаточно простой и включала два напластования (рис. 5, *2, 4*). Первый слой представлял темно-коричневый рыхлый грунт, насыщенный щебнем и корнями. На участке к северу от куртины В он содержал большое количество крупного бутового и обработанного камня, что указывает на направление падения верхних рядов кладки оборонительной стены. Горизонт залегал в соответствии с рельефом склона балки Табана-дере, понижаясь в северо-восточном направлении. Мощность первого слоя в раскопе I колебалась в пределах 0,21–0,87 м. В раскопе II она составила 0,29–0,68 м. Археологический материал в слое не обнаружен.

Структура второго слоя на исследованных участках различалась. В раскопе I горизонт представлял собой плотный грунт коричневого цвета, насыщенный щебнем. На участке к северу

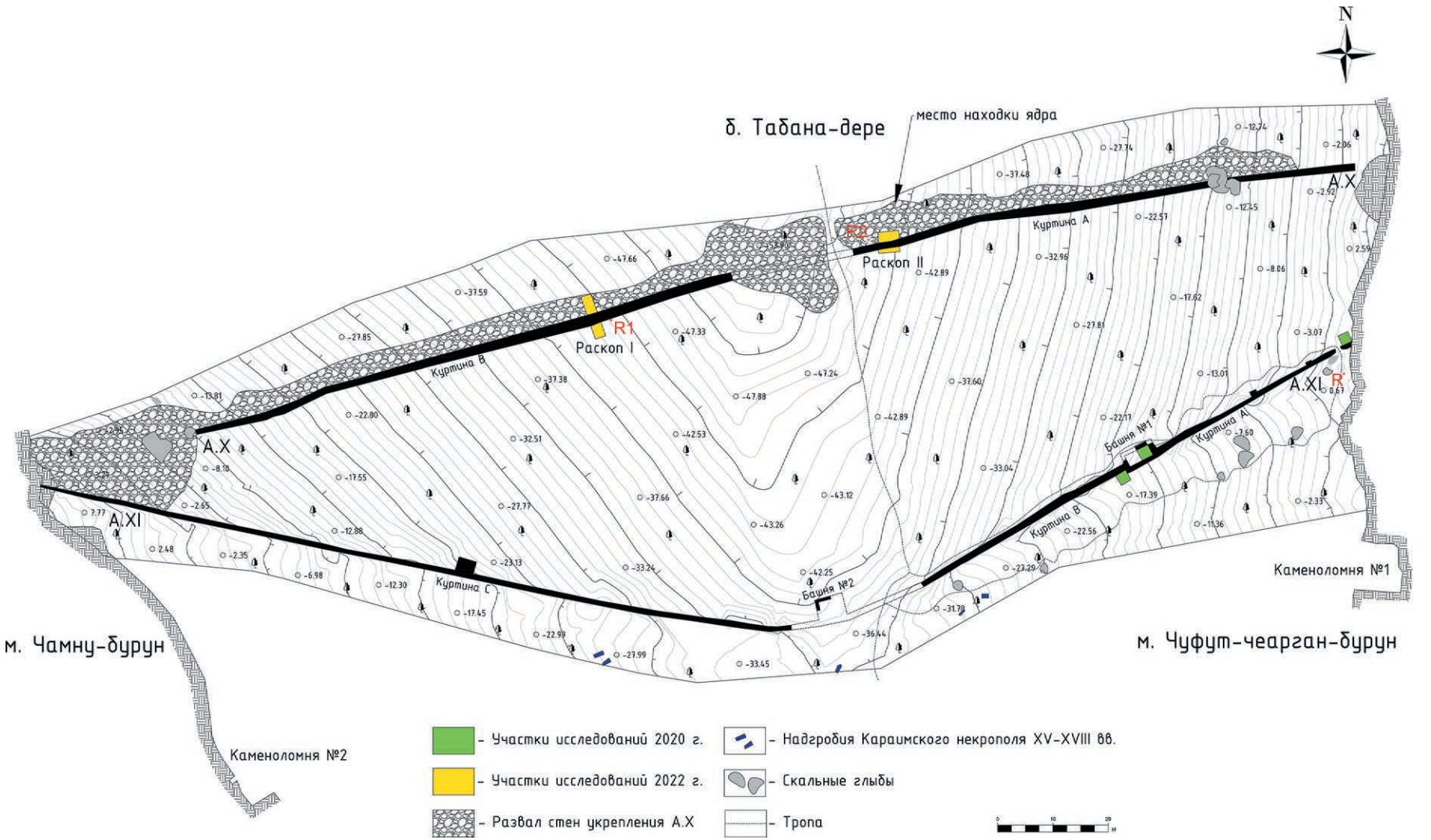


Рис. 3. Укрепления А.X и А.XI. Топографическая съемка 2022 г.

Рис. 4. Укрепление А.X.
1 – куртина А. Участок кладки оборонительной стены на уровне современной дневной поверхности. Вид с запада; *2* – куртина В. Общий вид развала оборонительной стены. Вид с востока

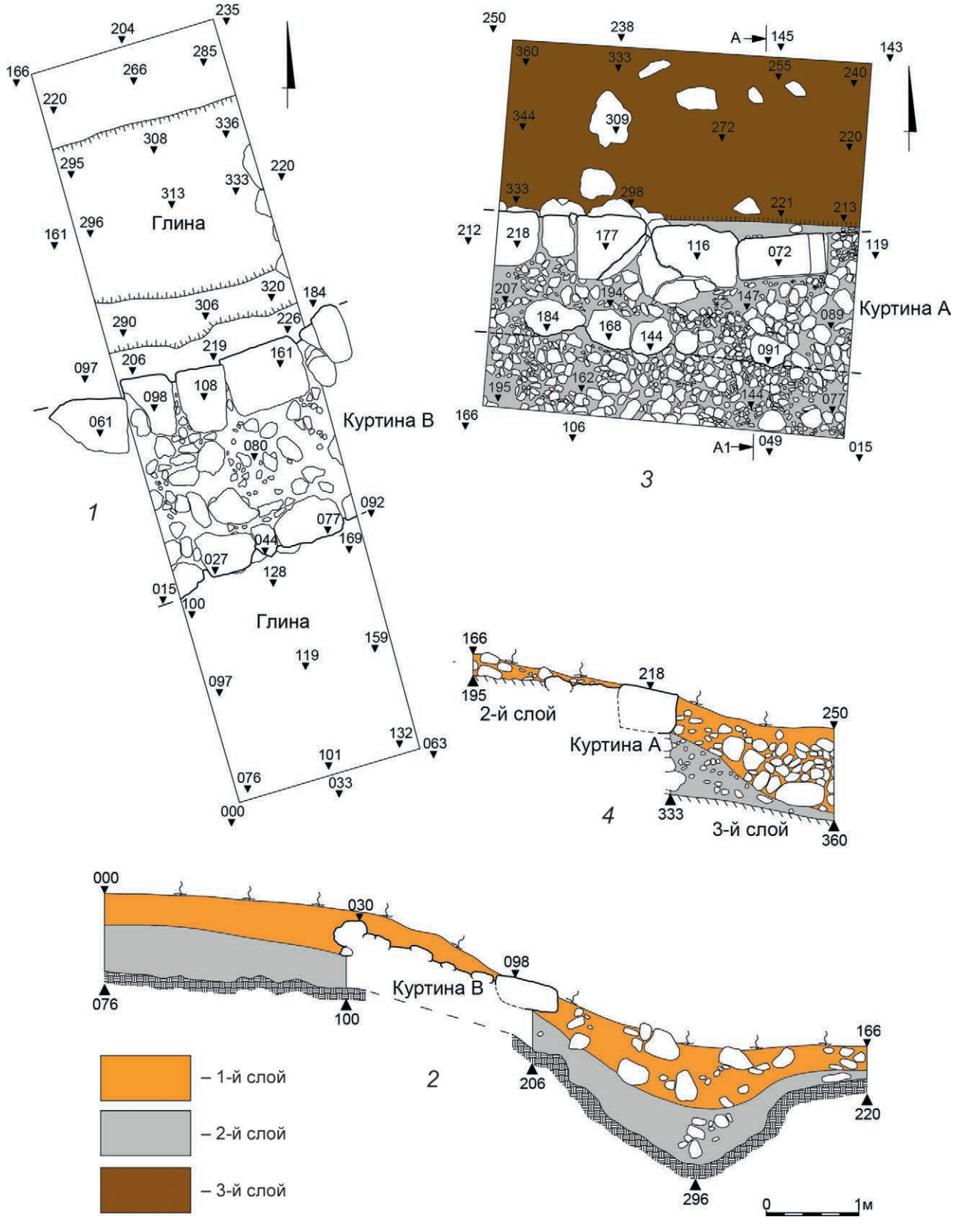


Рис. 5. Укрепление А.Х.
1 – раскоп I. План; *2* – раскоп I. Стратиграфия западного борта; *3* – раскоп II. План; *4* – раскоп II. Стратиграфия западного борта

от куртины В он содержал разнокалиберный бутовый камень. Мощность второго слоя колебалась в пределах 0,09–0,48 м. В раскопе II вторым слоем был раскат мелкого бутового камня, затянутый рыхлым грунтом темно-серого цвета. Он залегал в соответствии с рельефом склона балки, понижаясь в северо-западном направлении. Мощность второго слоя здесь составила 0,31–0,40 м. Судя по структуре и характеру залегания, второй слой накапливался естественным путем. Находки в нем отсутствовали. Важно отметить, что поверхность второго слоя на обоих участках стала основанием для нижнего ряда кладки куртин (рис. 5: *2, 4*). Этот факт позволяет рассматривать горизонт как дневную поверхность времени строительства укрепления А.Х.

Работы на площади раскопов I и II позволили зафиксировать строительную технику куртин укрепления А.Х. Мощность куртины А в раскопе II составила 1,35–1,46 м (рис. 6, *1*). Куртина В более массивна. Ее мощность на отрезке в раскопе I составила 2,20–2,25 м (рис. 6, *2*). На обоих участках сохранился только нижний ряд кладки укрепления А.Х. Судя по ширине каменного завала, составляющей 3,85–5,98 м, изначальная высота оборонительной стены вряд ли превышала 4–5 м.

Обе куртины укрепления А.Х сложены в технике трехслойной кладки, состоящей из двух панцирей и забутовки между ними (рис. 6). Следы связующего раствора на раскопанных участках обнаружены не были. Обращенные на север лицевые панцири куртин сложены из крупных, хорошо обработанных блоков и плит известняка, уложенных без соблюдения горизонтальности рядов (рис. 7). Отметим блок с прямоугольным вырезом-фальцем в кладке лицевого панциря куртины А, открытой в раскопе II (рис. 7, *1*). Подобные блоки неоднократно фиксировались в кладке нижнего строительного яруса укрепления А.XI, датирующегося второй половиной VI в. (*Душенко*, 2022. С. 276). Судя по положению этого блока в кладке, а также по уложенной плашмя облицовочной плите в кладке куртины В (рис. 7, *2*), лицевой панцирь укрепления А.Х сооружен из строительных материалов вторичного использования. Тыльные панцири куртин сложены из разнокалиберного бутового камня. Пространство между панцирями заполнено бутовым камнем, перемешанным с грунтом.

Отсутствие археологического материала в слоях, исследованных на площади раскопов I и II, не позволяет точно определить датировку укрепления А.Х. Тем не менее материалы исследований 2022 г. позволяют высказать по этому поводу ряд соображений. Отсутствие ключевых составляющих любой оборонительной стены – прочного фундамента, связи между бутовым ядром и панцирями облицовки, строительного раствора – свидетельствует о низком фортификационном потенциале укрепления А.Х и позволяет предположить, что его строительство производилось в сжатые сроки. В связи с этим вызывает интерес легенда, услышанная известным крымским краеведом В. Х. Кондораки от жителя с. Ходжа-Сала в 1868 г. Согласно легенде, оборонительная стена в балке Табана-дере была воздвигнута за одну ночь джинном, бывшим в дружбе с военачальником Мангупа (*Кондораки*, 1875. С. 91). Отсутствие археологического материала на прилегающей к укреплению территории может указывать на его функционирование в течение короткого временного отрезка.

Особенности строительной техники А.Х не позволяют рассматривать его в качестве основного фортификационного сооружения западного фланга северного фронта ГЛО. Более вероятно его использование в качестве протейхизмы. Ее основной функцией была пассивная защита ключевой оборонительной линии А.XI от осадных орудий. Срочная необходимость усиления участка ГЛО в балке Табана-дере могла возникнуть в условиях надвигающейся военной угрозы. Наиболее подходящим под это условие событием истории Мангупа является вторжение в Крым армии османского султана Мехмеда II в 1475 г. Из трех балок северного склона Мангупского плато именно Табана-дере является наиболее пологой и, соответственно, удобной для доставки и установки стенобитной артиллерии на расстоянии выстрела от городских стен. Исходя из этих соображений, этот участок обороны города в канун турецкой осады мог рассматриваться в качестве наиболее вероятного направления штурма и был в срочном порядке усилен передовым укреплением А.Х. Возможно, наличие в Табана-дере протейхизмы стало одним из факторов, побудивших осаждающих выбрать другие участки ГЛО в качестве основных направлений осадных действий (*Герцен*, 1990. С. 149–150; *Руев*, 2014. С. 215).

Укрепление А.XII расположено в 34 м к югу от оконечности мыса Чуфут-Чеарган-бурун, в его западном обрыве (рис. 1; 2). Фортификационное

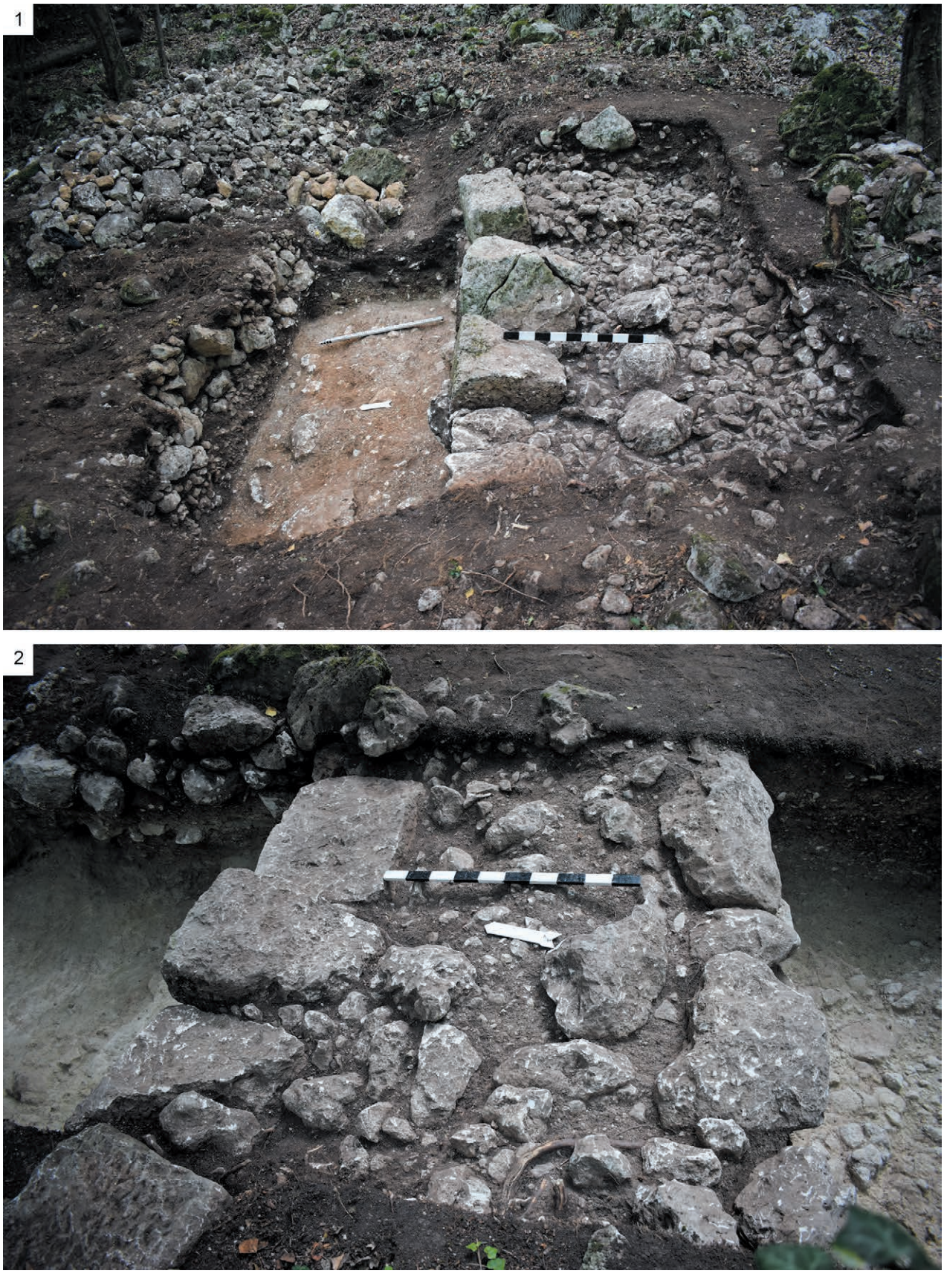


Рис. 6. Укрепление А.Х.
1 – участок куртины А в раскопе II. Вид с запада; *2* – участок куртины В в раскопе I. Вид с запада

Рис. 7. Укрепление А.X.
1 – фас лицевого панциря участка куртины А; *2* – фас лицевого панциря участка куртины В

сооружение перекрывает две расселины, разделенные скальным выступом подпрямоугольной формы. Рельеф внутри расселин определяют скальные ступени, каскадом спускающиеся к восточному склону балки Табана-дере. По обеим расселинам возможен подъем на плато, что, очевидно, обусловило необходимость строительства здесь оборонительной стены.

А.XII в плане имеет сложную форму, близкую к букве П с дуговидными вертикальными гастами (рис. 8). Общая длина оборонительной стены составляет 35,60 м. Для удобства описания она была разделена на три участка. Участок № 1 (рис. 8; 9), перегораживающий северную скальную расселину, в плане имеет дуговидную форму. Его длина составляет 15,20 м. Этот участок укрепления имеет наилучшую сохранность. Оборонительная стена здесь сложена в технике двухслойной однолицевой кладки на известковом растворе.

Лицевой панцирь сохранился на высоту до 1,42 м. В нем зафиксированы два яруса кладки, различные по характеру использованного строительного материала (рис. 9, *1–2*). Нижний ярус кладки, уложенный на обработанную скальную постель, построен из известняковых блоков с подтесанной лицевой поверхностью. Размеры отдельных блоков достигают 0,64×0,24 м. Блоки уложены с иррегулярным чередованием тычков и ложков, горизонтальность рядов соблюдена небрежно с помощью мелкого бута и плиток известняка. Основанием нижнего яруса служит скальная ступень, имеющая следы искусственного выравнивания и в настоящее время сильно деструктированная. Верхний ярус кладки участка № 1 сложен из разнокалиберного бута с грубой лицевой подтеской, уложенного без соблюдения порядовки. Пространство между кладкой лицевого панциря и ближайшей скальной ступенью заполнено мелким бутовым камнем (рис. 9, *3–4*).

Участок № 2 (рис. 8; 10) занимает край упомянутого выше скального выступа, разделяющего две расселины. Здесь был зачищен сохранившийся отрезок кладки длиной 3,45 м (рис. 8). Общую протяженность участка № 2, составляющую 12,30 м, удалось проследить по габариту его искусственно выровненного скального основания (рис. 8). Судя по сохранившемуся отрезку, оборонительная стена на участке № 2 была сложена в той же строительной технике, что и на участке № 1. Лицевой панцирь здесь сохранился в высоту до 0,60 м. По фактуре строительного материала он аналогичен нижнему ярусу участка № 1 (рис. 10, *1, 2*).

Участок № 3 (рис. 8; 11, *1*) в плане имеет дуговидную форму. Его длина составляет 8,20 м. Перекрытая им расселина является природным водосборником, что стало причиной его неудовлетворительной сохранности. Полная зачистка габарита оборонительной стены здесь может вызвать ее разрушение. По этой причине работы здесь были ограничены зачисткой лицевого панциря. Он сооружен из разнокалиберных известняковых блоков с хорошо обработанной лицевой поверхностью, уложенных с иррегулярным чередованием тычков и ложков. По своим габаритам они близки блокам нижнего яруса участка № 1. Основанием нижнего ряда кладки участка № 3 также служит грубо обработанный край скальной ступени.

Особенности планировки А.XII, выявленные в ходе работ 2022 г., позволяют высказать ряд соображений о его фортификационном назначении. Очевидно, основной задачей укрепления была защита двух расселин западного обрыва мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Выступающая вперед центральная часть укрепления, обозначенная как участок № 2, обеспечивала видимость мертвых зон перед участками № 1 и 3 и, в случае проникновения сюда неприятеля, их фланговый обстрел. Кроме того, конструкция центральной части укрепления позволяет предположить наличие здесь боевой площадки с горизонтальной поверхностью, искусственно созданной с помощью мелкого бутового камня (рис. 8). Ее реконструируемые размеры составляют 11,5×7 м, а площадь – порядка 80 м^2. Подобная площадка могла быть использована для установки камнемета, способного обеспечить фланговый обстрел осадных орудий неприятеля, поднимающихся по тальвегу балки Табана-дере в направлении основной оборонительной линии этого участка ГЛО – укрепления А.XI. Безусловно, высказанное предположение имеет чисто умозрительный характер и не имеет фактических подтверждений.

Определение даты строительства укрепления А.XII затруднено отсутствием археологического материала на расчищенной в 2022 г. площади. Логично предположить, что строительство этого фортификационного узла происходило одновременно с другими укреплениями Главной линии обороны в последнее десятилетие правления Юстиниана I (527–565 гг.) (*Герцен*, 1990. С. 132–137; *Науменко, Герцен*, 2022. С. 126–130). Следует отметить, что блоки нижнего строительного яруса А.XII отличаются

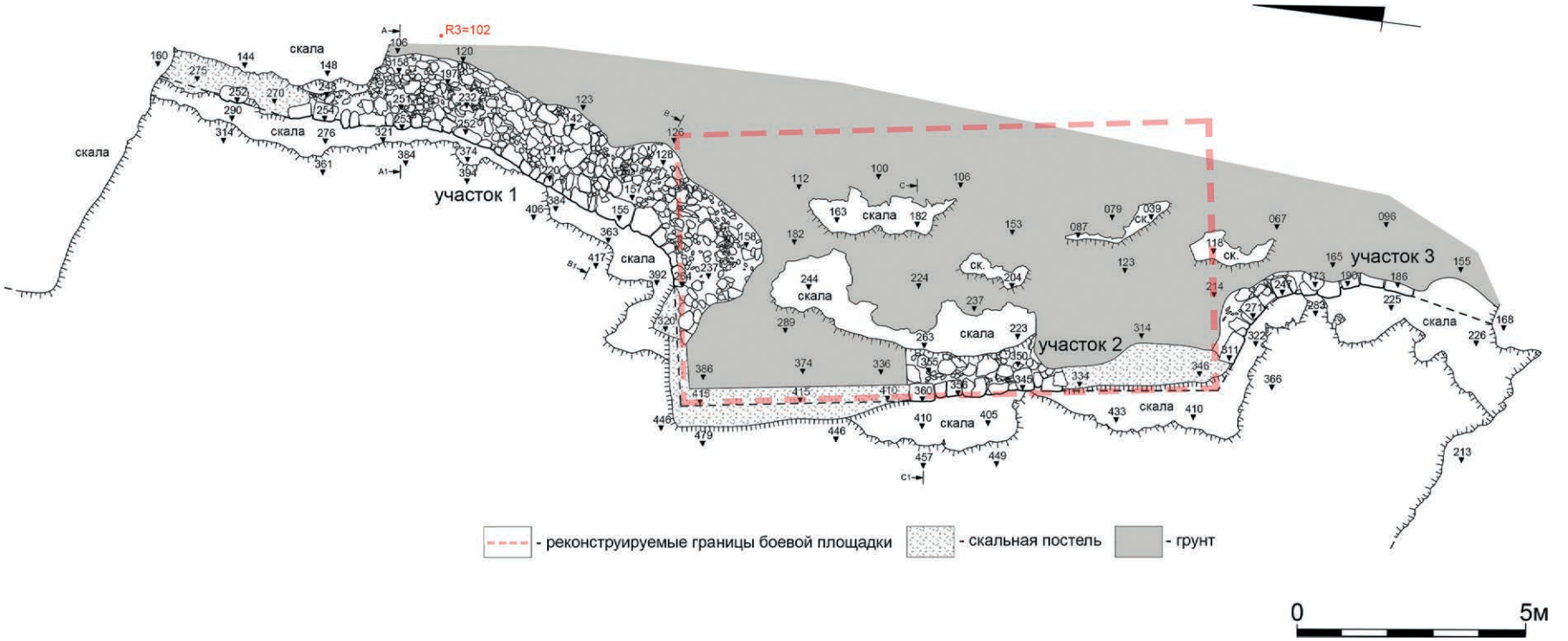


Рис. 8. Укрепление А.XII. Общий план

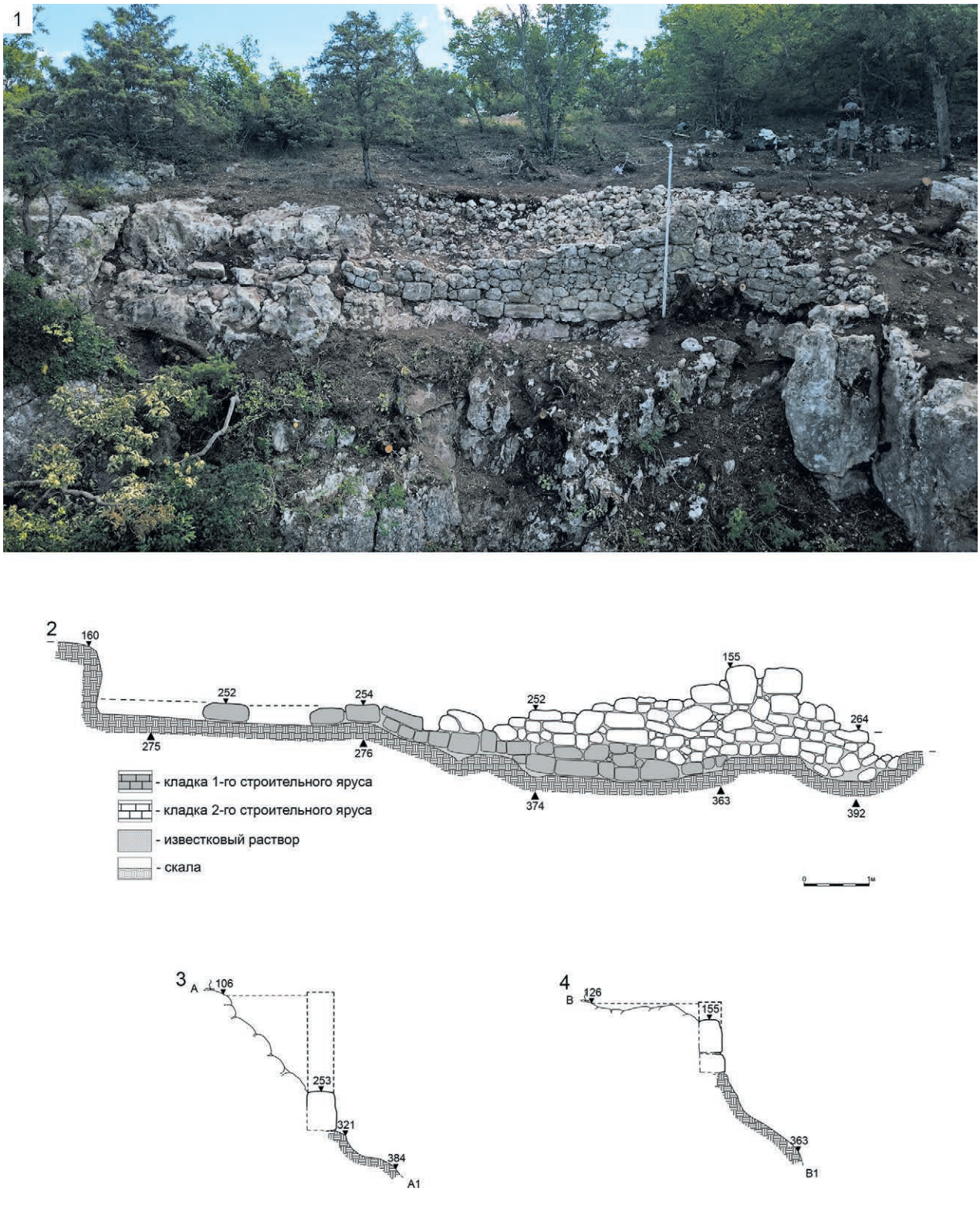


Рис. 9. Укрепление А.XII. Участок № 1.
1 – вид с запада; *2* – фас лицевого панциря; *3, 4* – разрезы

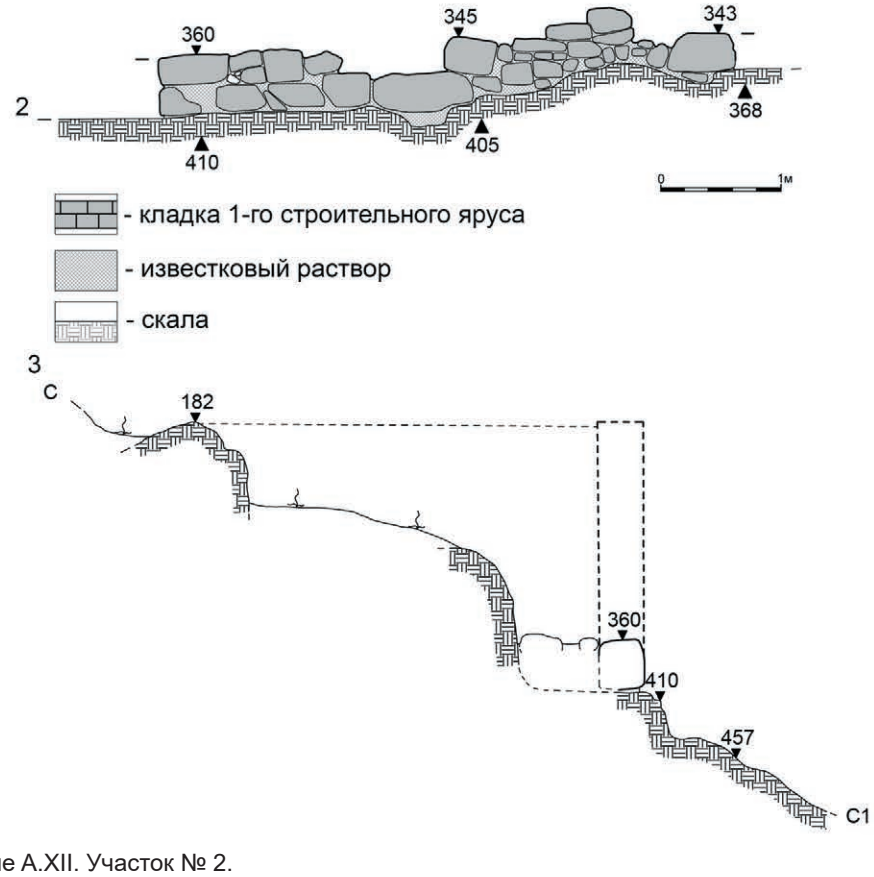


Рис. 10. Укрепление А.XII. Участок № 2.
1 – вид с запада; *2* – фас лицевого панциря; *3* – разрез

Рис. 11. Укрепление А.XII. Участок № 3.
1 – вид с юго-запада; 2 – укрепления А.XII и А.XIII. Общий вид с запада

Рис. 12. Укрепление А.XIII.
1 – вид с юго-запада; *2* – контрфорс

от других раннесредневековых сооружений ГЛО меньшими размерами. Максимальные размеры блоков А.XII достигают 0,66×0,35×0,24 м. В укреплении А.I эти параметры составляют 1,10×0,50×0,40 м, в кладке нижнего яруса укрепления А.XI – 1,10×0,55 м, в куртине Б укрепления А.XIV – 0,92×0,65 м (*Герцен*, 1990. С. 108, 110. Рис. 3, *7*; *Душенко*, 2022. С. 276. Рис. 9, *1*; 11; 12, *2–3*). Верхний ярус кладки участка 1 А.XII по строительной технике аналогичен третьему ярусу кладки куртин укрепления А.XI, датированному концом XIII–XIV в. (*Душенко*, 2022. С. 277. Рис. 9; 11; 12, *1*), что может указывать на их хронологическую близость.

Укрепление А.XIII расположено в скальной расселине в 10 м к северу от северного края укрепления А.XII (рис. 1; 2; 11, *2*). Доступ к нему без альпинистского снаряжения невозможен, что не позволило расчистить его от растительности и выполнить инструментальную съемку. По этой причине в 2022 г. работы на А.XIII были ограничены его повторной локализацией, картографированием и фотофиксацией с помощью квадрокоптера. На базе полученных снимков была построена трехмерная модель лицевой части укрепления, давшая возможность получить предварительные данные о планировке и габаритах объекта.

А.XIII состоит из двух отрезков оборонительной стены, сходящихся под углом 145° и образующих теналь (рис. 12, *1*). Общая протяженность укрепления составляет 5,40 м. Северный край северного отрезка укреплен контрфорсом подпрямоугольной формы, выступающим за линию стены на 0,20–0,30 м и сложенным вперевязь со стеной (рис. 12, *2*). Южный край южного отрезка пристроен к вертикальному борту скальной расселины.

Стена сложена в технике двухслойной кладки с одним лицевым панцирем. Основанием нижнего ряда кладки служит край горизонтальной скальной полки, вероятно, искусственно выровненной. В кладке лицевого панциря видны две группы строительных материалов, возможно, маркирующих два периода строительной истории укрепления А.XIII (рис. 12). Контрфорс и отдельные участки двух нижних рядов кладки построены из прямоугольных блоков известняка с качественно обработанной лицевой поверхностью, уложенных горизонтальными рядами. Основной массив стены сооружен из разнокалиберного бута, уложенного без соблюдения порядовки.

Сходство строительных ярусов лицевых панцирей А.XII и А.XIII позволяет предположить единовременность строительства и последующего ремонта обоих укреплений. Возможным косвенным аргументом в пользу раннесредневековой даты их постройки является наличие контрфорса в северной части А.XIII. Аналогичные конструкции использованы для укрепления кладок нижнего строительного яруса куртин А и С укрепления А.XI (*Душенко*, 2022. С. 275–276. Рис. 9, *1*; 10, *2*; 12, *2*). Прямоугольный контрфорс построен вместе с кладкой утолщения пятой стены куртины 20 оборонительных стен Херсона, датированной А. Л. Якобсоном VI в. (*Якобсон*, 1959. С. 100–101. Рис. 26).

Археологические исследования укреплений ГЛО Мангупского городища, проведенные в 2022 г., позволили впервые зафиксировать планировку и строительную технику укреплений А.X, А.XII и А.XIII. Результаты работ 2022 г. в совокупности с материалами исследований А.XI заставляют отказаться от предложенной ранее гипотезы о переносе основной оборонительной линии в балке Табана-дере. Очевидно, на всем протяжении истории крепости эту функцию выполняло укрепление А.XI. Укрепление А.X стало временным усилением этого участка ГЛО – протейхизмой, построенной, вероятнее всего, накануне османской осады Мангупа. Следует подчеркнуть, что приведенные в настоящей работе соображения о хронологии рассматриваемых укреплений носят предварительный характер и требуют проверки дальнейшими исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. В., Соломоник Э. И., 1984. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV. С. 170–175.

Веймарн Е. В., 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. № 34. С. 419–429.

Виноградов А. Ю., 2009. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. Вып. 39. С. 262–271.

Витрувий, 1936. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. Т. 1. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры. 331 с.

Герцен А. Г., 1990. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Вып. I. С. 87–166, 242–271.

Герцен А. Г., 2003. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Вып. 34. С. 94–112.

Герцен А. Г., 2008а. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Т. 3. С. 212–256.

Герцен А. Г., 2008б. Археологические исследования Мангупа в 1967–1977 гг. // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности В. Н. Даниленко / Ред. Э. Б. Петрова. Симферополь: Сонат. С. 305–326.

Герцен А. Г., 2017. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // МАИЭТ. Вып. XXII. С. 12–45.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., 2015. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум» / Ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Прондо. С. 88–100.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., 2017. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб: Нестор-История. С. 10–55.

Душенко А. А., 2022. Укрепление А.XI Главной линии обороны Мангупа // История и археология Крыма. Вып. XVI. С. 271–310.

Кондораки В. Х., 1875. Универсальное описание Крыма. Часть первая. СПб: Типография В. Веллинга. 234 с.

Латышев В. В., 1902. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // ИАК. Вып. 3. С. 21–57.

О стратегии: византийский военный трактат VI в. / Изд. подгот. В. В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2007. 158 с.

Науменко В. Е., 2022. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период истории // АДСВ. Т. 50. С. 165–184.

Науменко В. Е., Герцен А. Г., 2022. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus… Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византинистов РФ / Отв. ред. С. П. Карпов. Симферополь: ИТ «Ариал». С. 126–130.

Репников Н. И., 1939–1940. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. Рукопись // Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10.

Руев В. Л., 2014. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь: ЧП «Антиква». 308 с.

Флавий Вегеций Ринат, 1940. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. № 1 (10). С. 231–293.

Якобсон А. Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР. 364 с. (МИА. № 63).

Резюме. Оборонительная система Мангупа включает три линии обороны: Главную, Вторую и цитадель. В статье публикуются материалы новейших археологических исследований укреплений А.X, А.XII, А.XIII Главной линии обороны. А.X представляет собой оборонительную стену прямого начертания, длиной 245,40 м, перегораживающую балку Табана-дере. Стена сложена в технике трехслойной двухлицевой кладки, насухо, из бута и вторично использованных строительных блоков. Особенности конструкции позволяют предположить, что А.X было построено в качестве протейхизмы в условиях военной опасности, вероятнее всего, в канун османской осады 1475 г. А. XII и А.XIII представляют собой фланговые укрепления, защищавшие расселины в западном обрыве мыса Чуфут-Чеарган-бурун. В кладках обоих укреплений выявлены следы ремонтов. Их строительство предварительно датируется последним десятилетием правления Юстиниана I (527–565 гг.). Ремонты, вероятно, относятся к периоду конца XIII – XIV в.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, фортификация, Главная линия обороны.

A. A. Dushenko

Fortifications A.X, A.XII and A.XIII of the Main Line of Defense of Mangup

Abstract. The defensive system of Mangup includes three lines of defense: the Main, the Second and the citadel. The article publishes materials of the latest archaeological researches of fortifications A.X, A.XII, A.XIII of the Main line of defense. A.X is a straight line defensive wall, 245.40 m long, blocking the Tabana-dere beam. The wall was built in the technique of three-layer double-faced masonry, without mortar, from rubble and building blocks of second use. The constructive features suggest that A.X was built as a proteichisma under conditions of military danger, most likely on the eve of the Ottoman siege in 1475. A.XII and A.XIII are flank fortifications that protected the clefts in the western cliff of Chufut-cheargan-burun cape. In the masonry of both fortifications, traces of repairs were revealed. Their construction is tentatively dated to the last decade of the reign of Justinian I (527–565). Repairs probably date back to the period of the end of the 13th–14th centuries.

Keywords: Southwest Crimea, Mangup, Fortification, Main Line of Defense.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.284-294

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА СОЛХАТА ИЗ РАСКОПА XIA (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ 2021–2022 ГГ.)[1]

Д. Э. Сейдалиева

На протяжении двух последних лет (с 2021 г.) совместная Старокрымская археологическая экспедиция Института археологии Крыма РАН, Государственного Эрмитажа и Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова продолжает исследования в восточной части городища Солхат на раскопе XIA. Раскоп располагается в 30 м к юго-востоку от юго-восточного угла мечети Куршум-Джами. Ранее данный участок не исследовался. Всего было заложено два участка, получивших названия участок 1 и участок 2. Размеры участков – 4×4 м. В 1984 и 1994 гг. Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа была исследована территория за южной стеной полуразрушенной мечети. Там обнаружен мусульманский могильник (раскопано около 40 погребений), вероятнее всего, конца XIV – начала XV в. (*Крамаровский*, 1985; 1995). В данной публикации фрагменты керамических сосудов, обнаруженные в процессе раскопок 2021 и 2022 гг., стали предметом специального исследования.

Стратиграфия на обоих участках раскопа идентична. Верхний слой представляет собой дерн без бытового мусора. Мощность дернового слоя – 0,05–0,08 м. В слое дерна обнаружено незначительное количество находок. Под слоем дерна прослеживается слой темно-коричневого суглинка (слой 1), толщина слоя – 0,15–0,18 м, имеет рыхлую консистенцию, содержит включения мелких камней. В слое найдено небольшое количество красноглиняных керамических изделий строительного и бытового назначения, хронологически относящихся к золотоордынскому периоду и эпохе Крымского ханства. Далее фиксируется второй слой темно-коричневого суглинка (слой 2), мощность слоя – 0,4–0,6 м, имеет более плотную консистенцию, содержит включения мелких и средних по размеру камней (*Сейдалиев*, 2022).

Под этим слоем обнаружен слой темно-коричневого суглинка в заполнении траншеи, канавы или какого-то пока не определенного строения (далее – заполнение), являющийся также заполнением ямы на участке 1. Его мощность составляет приблизительно от 0,4 до 1,7 м (в центре ямы), имеет рыхлую консистенцию, содержит редкие включения угля и мелкого камня. Размеры ямы с севера на юг – 1,4 м, с запада на восток – 1,6 м, глубина – 1,5–1,6 м. Заполнение ямы – слой рыхлого темно-коричневого суглинка, содержащего редкие включения угля, мелкого камня и твердых глинистых частиц.

На втором участке, вероятно, выявлены остатки тандыра, о чем косвенно может свидетельствовать небольшое удлиненное углубление (для керамической трубы поддувала?), в материковой глине подходящее к северу – к округлой в плане яме. В заполнении тандыра выявлено незначительное количество фрагментов неглазурованной керамики.

Таким образом, второй темно-коричневый суглинок и заполнение траншей, ямы и тандыра хронологически соотносится с золотоордынским слоем городища Солхат. Керамический материал распределяется в этих слоях следующим образом.

В верхнем слое обнаружена тарная (представлена мелкими фрагментами амфор константинопольского изготовления с дуговидными ручками, имеются стенки с граффити, а также несколько черепков стенок пифоса) и столовая глазурованная керамика. Столовая посуда представлена фрагментами краев, стенок и кольцевых поддонов красноглиняных чаш и тарелок с примесью крупно дробленного шамота и известняка, с полихромной (рис. 1, *1*; 2, *3–6)* и монохромной зеленой глазурью (цвет варьируется от светлого до темного оттенка) (рис. 1, *8, 11*; 2, *12*), с орнаментом, выполненным в технике сграффито (*Polychrome Sgraffito* [*Green and Brown*] *Ware*; *Monochrome*

[1] Публикация выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

[*Green*] *Sgraffito Ware*). В единственном экземпляре представлена чаша, покрытая монохромной зеленой глазурью, с орнаментом, выполненным в технике сграффито в виде геометрических мотивов (*Monochrome* [*Green*] *Sgraffito Ware*), которая, вероятно всего, изготавливалась на ремесленном поселении Бокаташ II (рис. 2, *12*). Все находки в данном слое хронологически относятся к золотоордынскому периоду. Нумизматический материал датируется в пределах XIV в. (*Сейдалиев*, 2022).

В слое темно-коричневого суглинка в заполнении предполагаемой траншеи (?) обнаружено большое количество керамики строительного, кухонного, столового и специального назначения различных типов. Среди них фрагменты черепиц типа «татарки», амфор IV типа по Н. Гюнзенин (*Günsenin*, 2018. P. 102–108) или класса 45 по ХК-95 (XIII–XIV вв.) (*Романчук, Сазанов, Седикова*, 1995. С. 73–77), пифоса с орнаментом, выполненным вдавлениями пальцами, а также кувшинов и копилок без покрытия. Столовая керамика представлена чашами на кольцевом поддоне и куманами (рис. 7, *9–11, 13*), покрытыми монохромной зеленой или коричневой глазурью без орнаментации (*Monochrome* [*Green or Brown*] *Glazed Ware*) (рис. 3, *3–5*, *8*; 7, *12*), а также с орнаментом, выполненным в технике сграффито (*Monochrome* [*Green*] *Sgraffito Ware*) (рис. 2, *10*, *11*; 3, *1*, *2, 9*). Обнаружены кольцевые поддоны чаш, изнутри покрытые полихромной глазурью с орнаментом, выполненным в технике сграффито (*Polychrome Sgraffito* [*Green, Yellow and Brown*] *Ware*) (рис. 2, *7–9*). Также встречаются тарелки, покрытые монохромной глазурью зеленого цвета (*Monochrome* [*Green*] *Glazed Ware*) (рис. 3, *6, 7*) и полихромной глазурью с орнаментом, выполненным в технике сграффито (*Polychrome Sgraffito* [*Green, Yellow and Brown*] *Ware*) (рис. 1, *2*). Найдено несколько фрагментов пиал с монохромной светло-зеленой (рис. 3, *12)*, желтой (рис. 3, *13)* или коричневой (рис. 3, *13, 14)* глазурью (*Monochrome* [*Green, Yellow or Brown*] *Glazed Ware*). В большом количестве найдены чаши и тарелки, изнутри покрытые монохромной зеленой или коричневой глазурью с подглазурной росписью густым белым ангобом (рис. 4, *1–15*). Обнаружены фрагменты керамики специального назначения – тувак (рис. 5, *1–3, 5*) и светильники (рис. 5, *6*), изнутри покрытые монохромной зеленой глазурью (*Monochrome* [*Green*] *Glazed Ware*). Найден археологически целый профиль тувака с покрытием светло-зеленой глазурью (рис. 5, *7*). Единичной находкой представлен фрагмент стенки альбарелло красноглиняного, с примесью крупно дробленного шамота и известняка, снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в технике сграффито, в виде растительных и геометрических мотивов. Изделия специального назначения по формовочной массе (крупно дробленный шамот и известняк), вероятнее всего, были изготовлены на ремесленном поселении Бокаташ II. Все находки в данном слое хронологически относятся к золотоордынскому периоду. Нумизматический материал датируется в пределах XIV в.

Хозяйственная яма является закрытым комплексом. В яме обнаружена кухонная, столовая посуда, а также большое количество фрагментов керамических изделий кухонного и бытового назначения, хронологически относящихся к золотоордынскому периоду. В яме найдены вертикальные, слегка отогнутые наружу венчики, стенки и кольцевые поддоны красноглиняных чаш и тарелок с примесью крупно дробленного шамота и известняка, с полихромной (рис. 1, *3–6, 9, 10*) и монохромной зеленой (цвет варьируется от светлого до темного оттенка) (рис. 1, *12–14*) или коричневой (сильно пережженной) глазурью (рис. 3, *10, 11*), с орнаментом, выполненным в технике сграффито (*Polychrome Sgraffito* [*Green and Brown*] *Ware; Monochrome* [*Green*] *Sgraffito Ware*).

Импортная посуда представлена разнообразным ассортиментом. Кашинные чаши представлены экземплярами с подглазурной росписью точками и растительными либо геометрическими мотивами черного или синего цвета под монохромной бирюзовой глазурью – вид II по Ковалю (*Коваль*, 2010. С. 90–93), отдел III по Лисовой (*Лисова*, 2012. С. 25, 26) (рис. 6, *3, 5*). Также найден вертикальный венчик чаши с подглазурной росписью в виде растительных мотивов, выполнена полихромными красками (черной, бирюзовой и синей) и линиями ангоба – вариант II по Ковалю (*Коваль*, 2010. С. 93–100), отдел I по Лисовой (*Лисова*, 2012. С. 25, 26) (рис. 6, *6*). Все находки кашинной керамики датируются серединой – второй половиной XIV в. и встречаются при раскопках городских центров Улуса Джучи в Поволжье (*Герцен, Науменко*, 2016. С. 36–49).

В единственном экземпляре представлен фрагмент придонной части чаши насыщенно

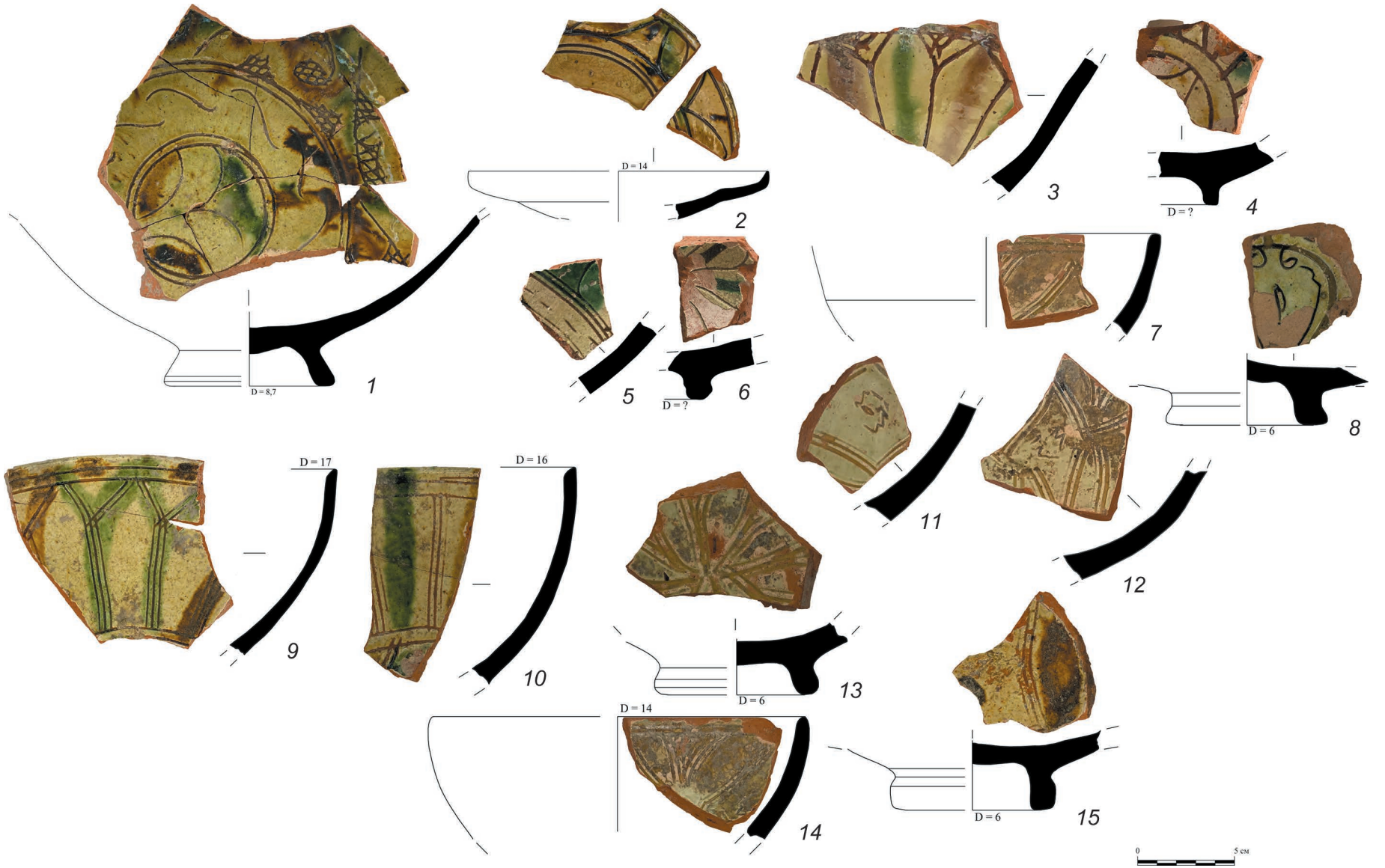


Рис. 1. Чаши и тарелки с полихромным и монохромным покрытием и орнаментом в технике сграффито

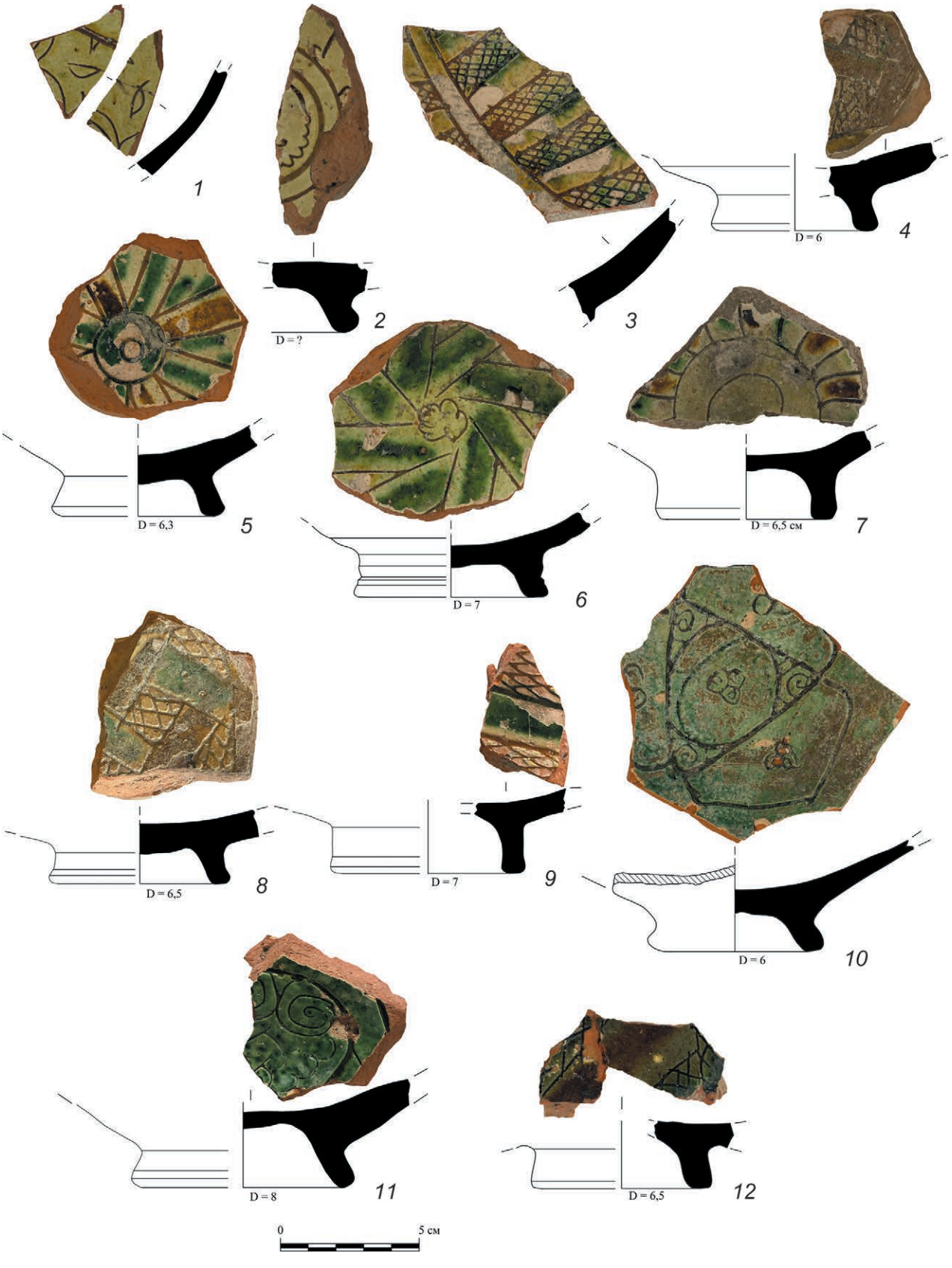


Рис. 2. Чаши с полихромной и монохромной глазурью и орнаментом в технике сграффито

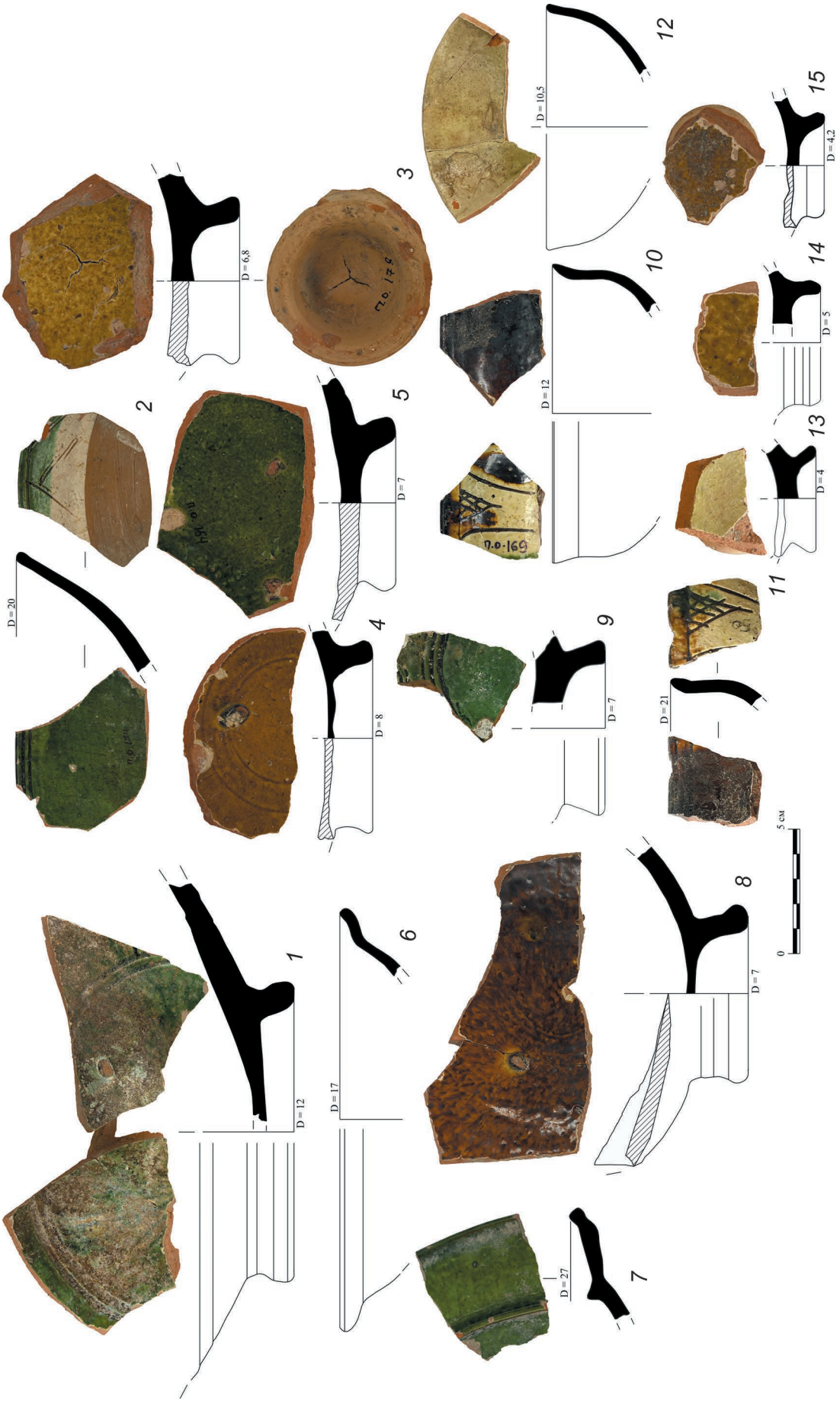


Рис. 3. Чаши с монохромной глазурью и орнаментом в технике сграффито

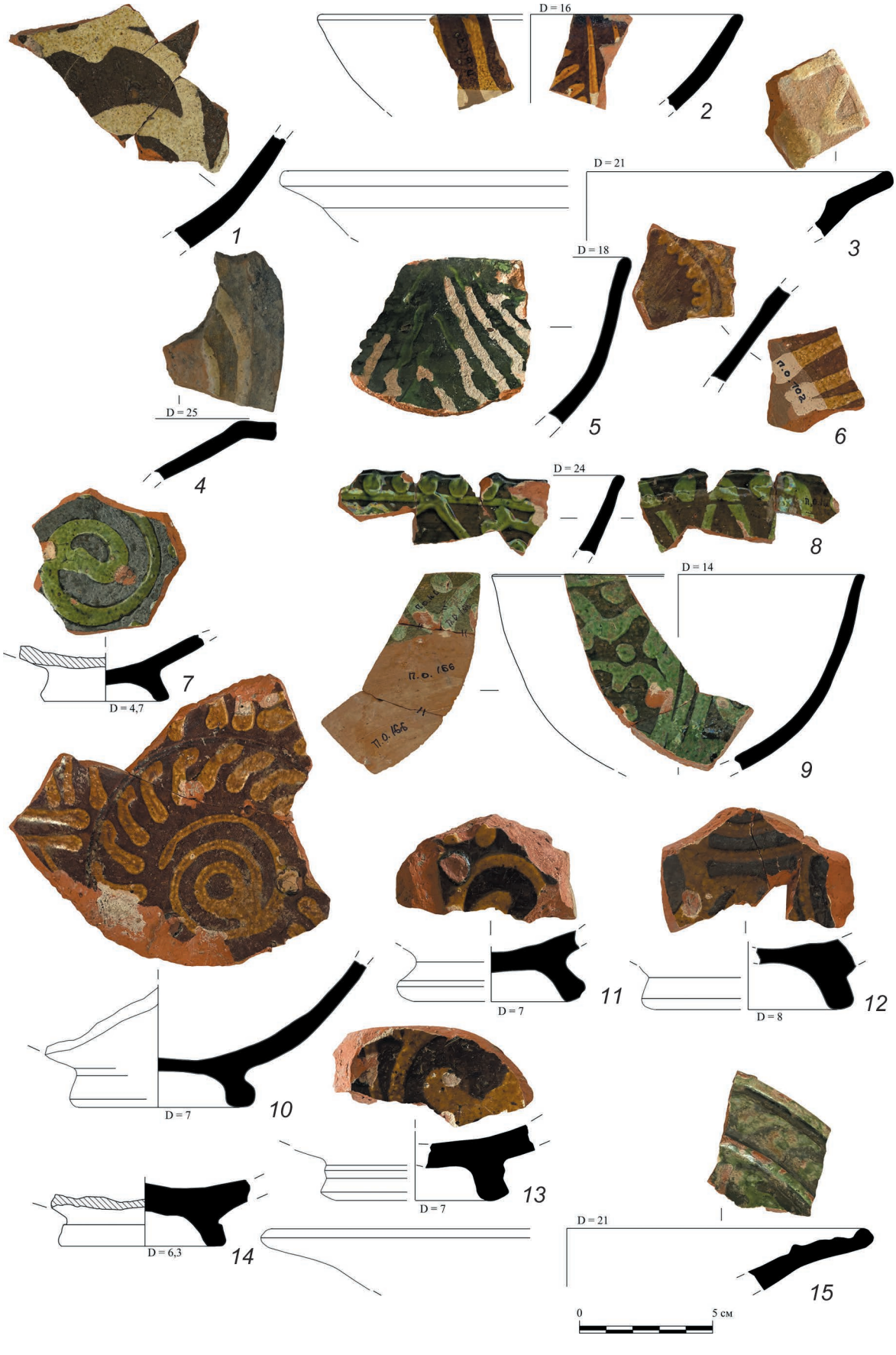


Рис. 4. Глазурованные чаши и тарелки с подглазурной росписью белым ангобом

Рис. 5. Керамика специального назначения (глазурованные туваки, светильники и альбарелло)

Рис. 6. Импортная посуда из раскопа XIA

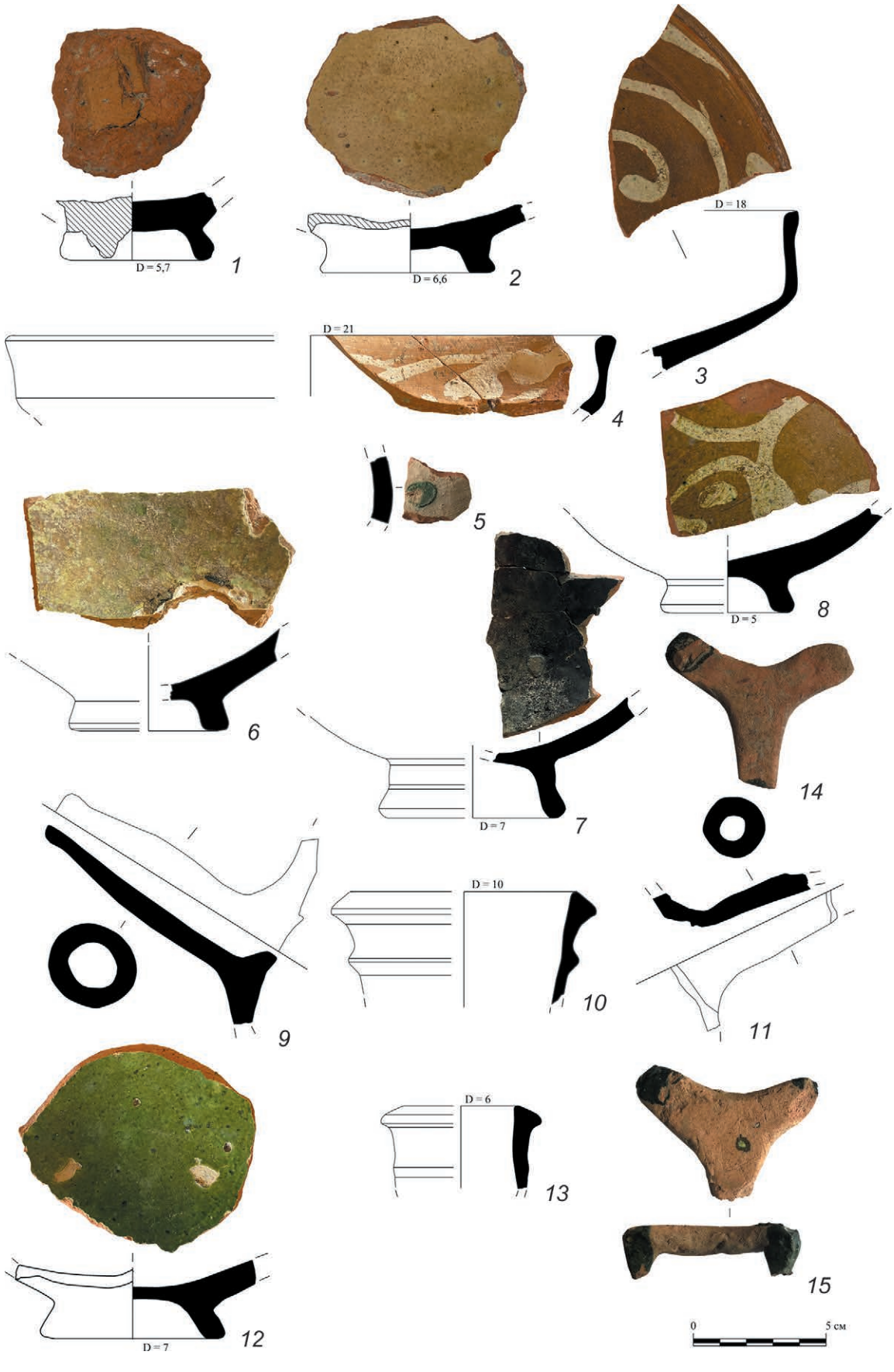


Рис. 7. Полуфабрикаты, бракованные изделия, технологическая керамика и чаши с монохромной глазурью

красноглиняной на кольцевом поддоне с плотным бирюзовым покрытием снаружи (сильно заизвесткована), изнутри покрыта темно-коричневой поливой (рис. 6, *4*). Отдаленные аналогии встречаются на территории Крымского полуострова (*Науменко, Душенко*, 2017. С. 187–238) на памятниках Казанского ханства (*Ситдиков*, 2009. С. 243–245; *Ситдиков, Храмченкова,* 2011. С. 125–132). Некоторые исследователи предполагают, что данная посуда изготавливалась на Селитренном городище (*Бочаров*, 2020. С. 34).

Обнаружены сосуды закрытого типа красноглиняные с незначительными включениями известняка, на небольшом кольцевом поддоне. На стенках снаружи декорированы белым густым ангобом в виде точек, которые расположены между линиями (рис. 6, *1, 2*).

К числу импортной для Солхата керамики, встречаемой на раскопе XIA, следует отнести изделия Юго-Западного Крыма, которая представлена группой *Polichrome (Brown and Green) Sgraffito Wares* (рис. 6, *7–9*). Данная посуда встречается на поздних поселениях горной и южнобережной частей Таврики и за ее пределами и датируется 60-ми гг. XIV–XV вв. (*Сейдалиева*, 2020. С. 367). Изготавливалась керамика этой группы в Алустоне, Чембало, Фуне, Мангупе и др. (*Герцен* и др., 2006. С. 386).

По всей территории раскопа XIA встречается большое количество полуфабрикатов (рис. 7, *2–5, 8*), технологических изделий (сепай) (рис. 7, *14, 15*) и брака (рис. 7, *1, 6, 7*). Наличие этих вещей может говорить нам о том, что где-то располагались гончарные печи для обжига. Исследование данной территории не дало пока каких-то значительных строительных остатков, но перспективно с точки зрения получения массового материала и индивидуальных находок как вероятное место осуществления хозяйственной деятельности, в том числе гончарного производства, характер которого еще предстоит определить.

ЛИТЕРАТУРА

Бочаров С. Г., 2020. Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью из археологических исследований Царевского городища // Поволжская археология. № 2 (32). С. 32–37.

Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В., 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XII. С. 371–494.

Герцен А. Г., Науменко В. Е., 2016. «Между Золотой Ордой и Романией…» // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Ред. Э. И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан. С. 36–49.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVIII в. / Отв. ред. Л. А. Беляев. М.: Наука. 269 с.

Крамаровский М. Г., 1985. Отчет о полевых исследованиях 1984 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым, Ленинград. 106 с.

Крамаровский М. Г., 1995. Отчет о полевых исследованиях 1994 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым, Петербург. 221 с.

Лисова Н. Ф., 2012. Орнамент посуды поливной золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ. 184 с. (Археология евразийских степей. Вып. 15).

Науменко В. Е., Душенко А. А., 2017. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. Вып. XXII. С. 187–238.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В., 1995. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 169 с.

Сейдалиев Э. И., 2022. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Солхат, XIII–XVIII вв.» в Кировском районе Республики Крым в 2021 г. Т. 1. Симферополь. 227 с.

Сейдалиева Д. Э., 2020. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и памятников его ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг. // МАИЭТ. Вып. XXV. С. 359–390.

Ситдиков А. Г., 2009. Поливная керамика Казанского ханства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Вып. № 3 (27). С. 243–245.

Ситдиков А. Г., Храмченкова Р. Х., 2011.Типология поливной керамики Казанского ханства и анализ ее элементного состава // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Вып. № 3 (25). С. 125–132.

Günsenin N., 2018. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. XXVI. P. 89–124.

Резюме. В статье рассматривается глазурованные керамические изделия, обнаруженные на раскопе XIA в восточной части городища Солхат. Ранее данный участок не исследовался. Выделена полихромная и монохромная посуда с орнаментом в технике сграффито, с подглазурной росписью белым густым ангобом, импортная красноглиняная и кашинная керамика, а также специализированные изделия. По всей территории раскопа XIA встречается большое количество полуфабрикатов, технологических изделий (сепай) и брака. Наличие этих вещей может говорить нам о том, что где-то располагались гончарные печи для обжига и велась активная городская хозяйственная жизнь. Исследование данного участка перспективно с точки зрения реконструкции жизни населения золотоордынского города и изучения топографии территории, прилегающей к мечети Куршум-Джами.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат, Свинцовая мечеть, Куршум-Джами, глазурованная керамика

D. E. Seidalieva

Glazed ceramics at Solkhat from excavation XIA (based of the materials research 2021–2022)

Abstract. The article deals with glazed pottery found at the XIA excavation site in the eastern part of the Solkhat settlement. This area has not been explored before. Polychrome and monochrome dishes with sgraffito ornaments, underglaze painting with thick white engobe, imported red-clay and kashin ceramics, as well as specialized products are distinguished. A large number of semi-finished products, technological products (sepai) and rejects are found throughout the territory of the XIA excavation. The presence of these things can tell us that pottery kilns for firing were located somewhere and an active urban economic life was conducted. The study of this site is promising from the point of view of reconstructing the life of the population of the Golden Horde city and studying the topography of the territory adjacent to the Kurshum-Jami mosque.

Keywords: Golden Horde, Solkhat, Lead Mosque, Kurshum-Jami, glazed ceramics.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.295-302

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩЕ 11-Й КИЛОМЕТР

А. Н. Свиридов, С. В. Язиков

В полевом сезоне 2017 г. отдельным отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН под руководством авторов статьи исследовалась южная часть поселения Городище 11-й километр, расположенного в 15 км к западу от г. Керчь. Поселение оказалось многослойным и существовало с перерывами от эпохи поздней бронзы до Нового времени. Предварительные итоги работ, а также отдельные категории находок были опубликованы нами ранее (*Свиридов* и др., 2018; *Язиков* и др., 2018а; 2018б). Особый интерес представляют руины римского поселения. Они частично исследованы в южной части восточного холма, в пределах участка 1 раскопа 3, на перекрывающих друг друга полах двух зольников I в. н. э. Общая занятая ими площадь – около 800 кв. м (рис. 1). Вероятно, глинобитные стены строений стояли на каменных основаниях-фундаментах: одно-двухрядных иррегулярных кладках, уцелевших в один или несколько слоев. Ширина кладок в среднем 0,8–0,9 м. Пространство между стенами частично было вымощено плотно подогнанными уплощенными камнями (*Свиридов, Язиков*, 2018а. С. 217–226).

С южной и восточной сторон к открытым конструкциям примыкали крупные округлые каменные сооружения. Стены их сложены из необработанного камня разного размера. Кладка иррегулярная, однолицевая, с использованием крупных плит. Внешний диаметр конструкций – 5 и 7,4 м. Ширина кладки – от 0,5 до 0,85 м у южного и до 1,2 м у восточного сооружения. Сохранившаяся высота – от 1 до 2 м. По керамическому материалу из заполнения они могут быть датированы не позднее I–II вв. н. э. (*Свиридов, Язиков*, 2018б).

В данной статье мы хотели бы остановиться на строениях хазарского времени, которые

Рис. 1. Развалы строений римского и хазарского времени

Рис. 2. Сооружение 1, вид с севера

не были освещены нами ранее, но, несомненно, вызовут интерес у исследователей, занимающихся средневековой археологией Крыма.

К указанному времени относятся два строительных комплекса (сооружения 1 и 2), которые были открыты в восточной части участка 1 раскопа 3 и частично перекрывали постройки и зольник римского времени (рис. 1).

Сооружение 1 представлено конструкцией прямоугольной формы с прямыми стенами, ориентированными по сторонам света с небольшим отклонением к востоку (рис. 2; 3, *1*). Размер сооружения – 5,4×5,2 м, высота стен – 0,4–0,6 м. Все стены выложены в два ряда из крупных камней, пространство между которыми было забутовано мелким камнем в один уровень (рис. 4). В южной стене имеется проход шириной 0,5 м. В северо-восточном углу строения фиксируется разрушение кладки.

В юго-восточной части к южной стене примыкает крупный камень прямоугольной формы, размером 110×35×16 см, расположенный на одном уровне фиксации со стеной. Частично под камнем и далее на юго-восток находятся две крупные, плоские, хорошо обработанные плиты, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток. Их общая длина составляет 2,5 м, размер западного блока – 1,3×0,68×0,13 м, размер восточного блока – 1,2×0,71×0,14 м. У обеих плит малые грани срезаны под углом, образуя наклон. С востока плиты примыкают к сооружению 2.

Внутреннее пространство сооружения 1 имеет размер 3,5 м по линии восток – запад и 3,7 м по линии север – юг. В северо-западном углу расположен очаг. Основанием его является крупный уплощенный камень, являющийся фрагментом более ранней стены, которая подстилает сооружение в северо-западном углу. Камень, являющийся основанием очага, по периметру обложен мелким камнем в два уровня (рис. 3, *2*). В западной части строения расположены две столбовые ямы, диаметром 0,25 и 0,3 м. Рядом с ними с внутренней стороны западной стенки сооружена небольшая пристройка из мелких камней.

При расчистке постройки обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Керамические изделия в большинстве представлены обломками встречающихся на поселении повсеместно амфор первых веков н. э. (являющаяся для рассматриваемой конструкции примесью снизу). Средневековая керамика малочисленна, представлена несколькими обломками салтово-маяцких горшков, украшенных нанесенными на плечики параллельными врезными линиями (рис. 5, *1, 2*).

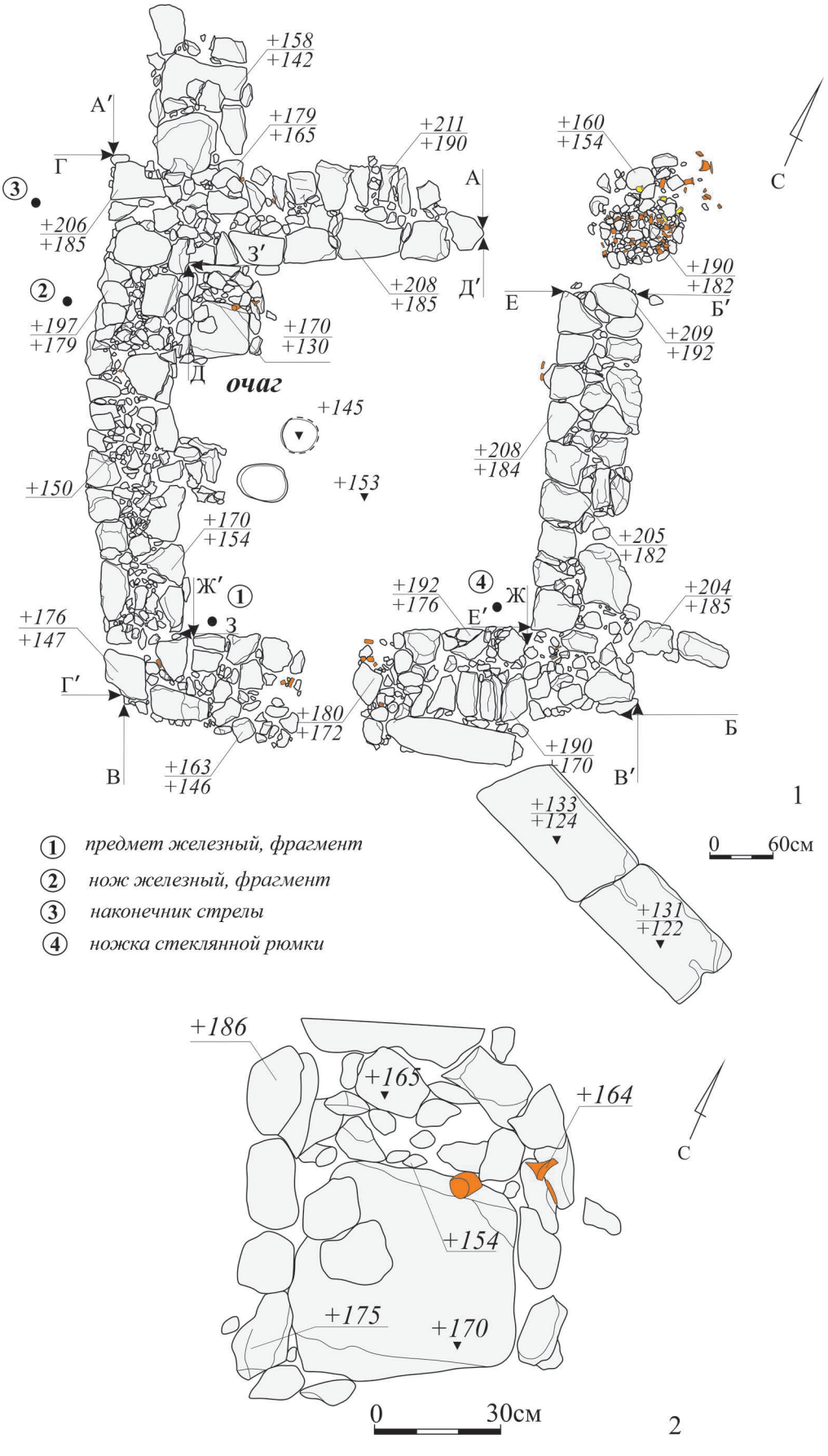


Рис. 3. *1* – сооружение 1, план; *2* – очаг, план

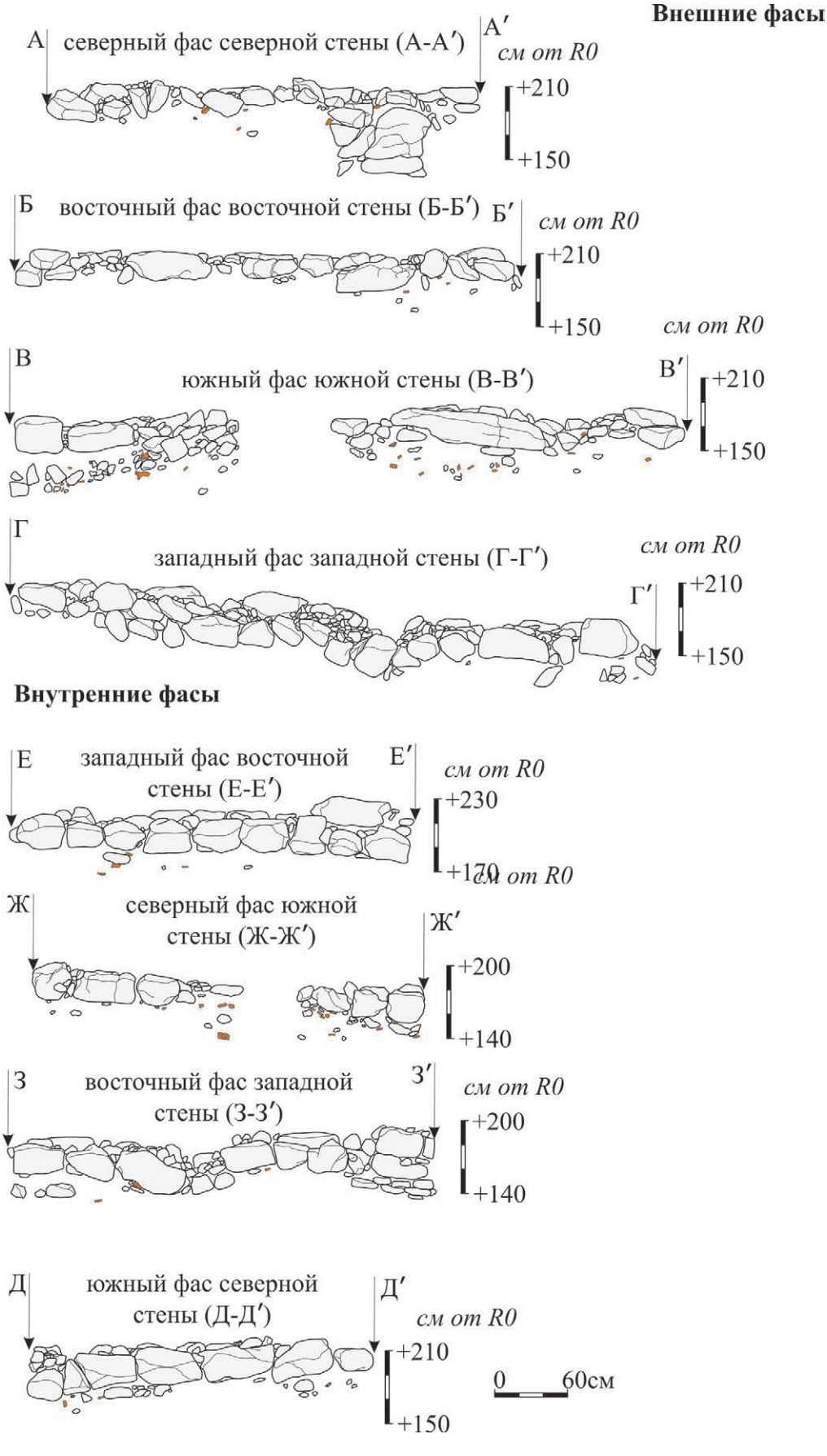


Рис. 4. Сооружение 1. Фасы стен

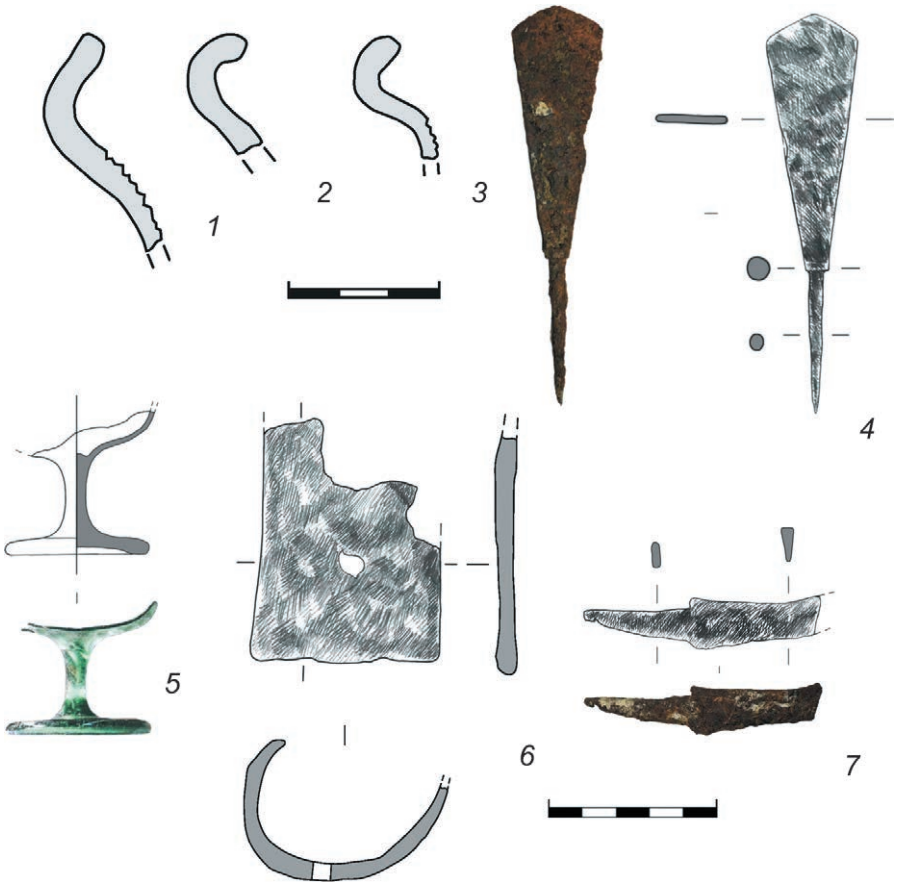


Рис. 5. *1–3* – венчики керамических сосудов, *4* – наконечник стрелы железный, *5* – ножка стеклянной рюмки, *6* – предмет железный, *7* – ножа железного фрагмент

Рис. 6. Камень со знаком из сооружения 2

Рис. 7. Сооружение 2, вид с востока

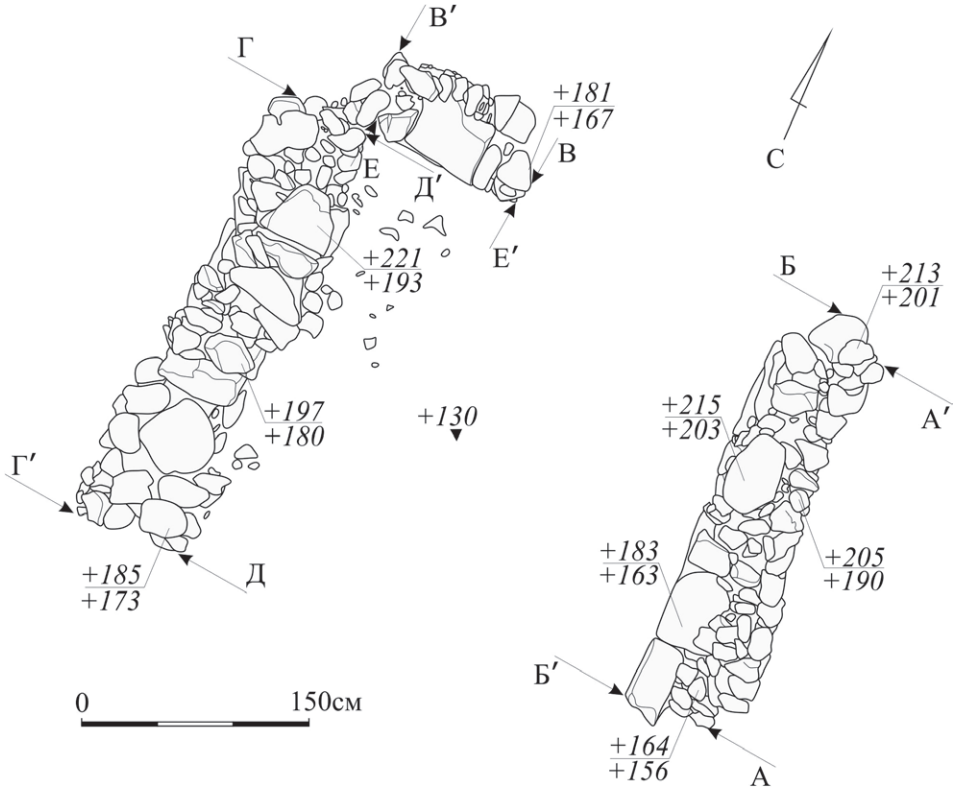


Рис. 8. Сооружение 2, план

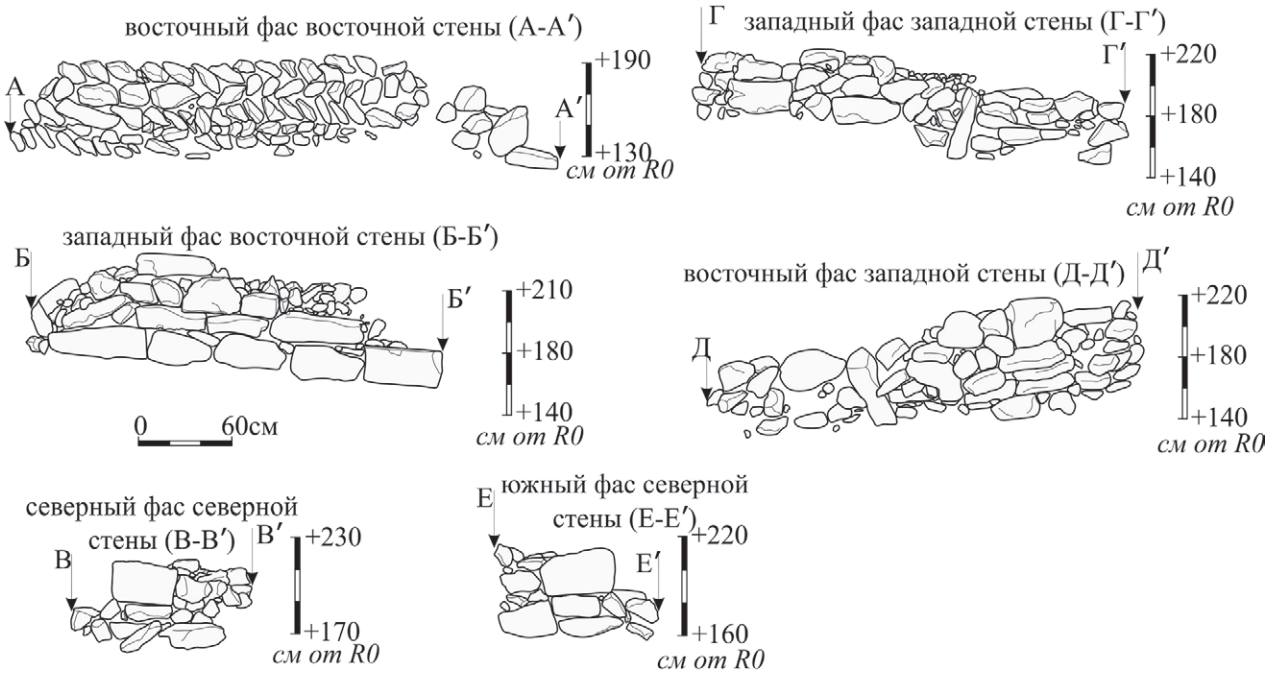


Рис. 9. Сооружение 2. Фасы стен

С внешней стороны западной стены обнаружен железный черешковый наконечник стрелы с уплощенной ромбовидной боевой головкой (рис. 5, *4*). Подобные наконечники стрел имеют широкие аналогии в памятниках монгольского времени степной полосы и датируются периодом XIII–XIV вв. н. э. (*Медведев*, 1966. С. 55, 56; Степи… 1981. С. 215. Рис. 82, *66–67*). В юго-западном углу обнаружен фрагмент стеклянной рюмки на ножке (рис. 5, *5*). Подобные сосуды известны в комплексах салтово-маяцкого круга с Керченского полуострова на поселениях Героевка-3, Артезиан (*Пономарев*, 2014. С. 381. Рис. 7; *Винокуров*, *Пономарев*, 2016. С. 197. Рис. 5, *19*) и традиционно соотносятся с рюмками типа II по Веймарну, Айбабину, датируемыми в пределах VII–VIII вв. н. э. (*Веймарн, Айбабин*, 1993. С. 194, 195). Из других находок обнаружены фрагмент железного предмета (рис. 5, *6*) и фрагмент железного ножа (рис. 5, *7*).

Сооружение 2 первоначально представляло собой каменный навал, после расчистки которого выявлено руинированное сооружение, имеющее подчетырехугольную конструкцию, фиксируемый размер составляет 3,9×3,3 м (рис. 8; 9). В юго-восточной части сооружение разрушено траншеей магистрального трубопровода, поэтому полный размер конструкции установить не удалось. Вся центральная часть завалена крупным и средним камнем. Среди навала камней, расчищенного в центральной части, обнаружен вертикально установленный уплощенный обработанный камень размером 0,6×0,5 м, шириной 0,2 м. На одной из граней прочерчены две линии под прямым углом друг к другу, образуя удлиненный Т-образный знак (рис. 6). После полной расчистки сооружения от наваленного камня зафиксированы две сохранившиеся стены – восточная и западная (рис. 7).

Западная стена имеет длину 2,9 м, северная часть ее состоит из крупных уплощенных камней, уложенных плашмя, южная представлена в виде навала камней, северную и южную части разделяет крупный вертикальный камень. Высота стены – 0,8 м. С севера к ней примыкает фрагмент северной стены размером 1,1×0,5 м. Стена комбинированная. Внутренняя часть сложена из каменных обработанных блоков. Самый крупный – 0,3×0,45×0,25 м. С внешней стороны к каменным блокам примыкает кладка из небольших необработанных камней – частично разрушенная «елочка».

Восточная стенка имеет длину 2,8 м, ширину 0,6 м, высота – 0,7 м, кладка комбинированная. Во внутренней части сохранилась кладка в четыре ряда из крупных хорошо обработанных уплощенных камней. Их размеры – 0,55×0,1×0,35 м; блок – 0,65×0,2 м. Наружная часть выложена мелким камнем кладкой «елочка» в пять рядов.

Как и в сооружении 1, керамический материал разновременный, большинство керамики представлено амфорной тарой первых веков н. э., которая относится к подстилающим слоям римского времени. Средневековая керамика представлена незначительным количеством венчиков и стенок от сосудов салтовского круга (рис. 5, *3*).

Учитывая характер находок из рассмотренных комплексов, а также особый архитектурный прием (кладка «елочкой»), сооружения предварительно можно датировать концом I тыс. н. э. и соотносить с кругом памятников хазарского времени Восточного Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 203 с.

Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю., 2016. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1. С. 186–232.

Медведев А. Ф. 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. № 2. С. 50–60.

Пономарев Л. Ю., 2014. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Вып. I. С. 376–399.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., Топоривская М. А., Фролов В. В., 2018. Поселение 11 км (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 324–333.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2018а. Многослойное поселение «Городище 11 км» (Республика Крым, Ленинский район) // Древности Боспора. Т. 23. С. 213–229.

Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2018б. Круглые каменные сооружения на поселении «Городище 11 км» на Керченском полуострове // Древности Боспора. Т. 23. С. 201–212.

Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Отв. ред. тома С. А. Плетнева. М.: Наука. 303 с. (Археология СССР).

Язиков С. В., Свиридов А. Н., Суханов Е. В., 2018а. Глиняные светильники поселения «Городище 11-й километр» // Древности Боспора. Т. 23. С. 282–291.

Язиков С. В., Свиридов А Н., Суханов Е. В., 2018б. Фибулы раннеримского времени с поселения «Городище 11-й километр» (Восточный Крым) // КСИА. Вып. 252. С. 178–194.

Резюме. В статье представлены предварительные результаты исследования поселения Городище 11-й километр. Памятник расположен в Ленинском р-не Республики Крым. Поселение многослойное, существовало с эпохи позднего бронзового века до Нового времени. В статье рассматриваются два сооружения хазарского времени, расположенных в восточной части участка № 1 раскопа № 3. Сооружение 1 представляет собой конструкцию прямоугольной формы с прямыми стенами, ориентированными по сторонам света. Сооружение 2 представляет собой разрушенную конструкцию, имеющую прямоугольную форму и сложную каменную кладку. Внутренняя часть сооружения 2 состоит из больших каменных блоков, внешняя часть выполнена в технике «елочка» с пятью рядами мелких камней.

Ключевые слова: Крым, поселение, хазарское время, сооружение.

A. N. Sviridov, S. V. Yazikov

Medieval structures of Gorodische 11 kilometer settlement

Abstract. The paper deals with the preliminary results of Gorodische 11 kilometer settlement study. The site is located in the Leninsky district of Crimea. The settlement existed from Late Bronze age to Modern time. Two structures of Khazar times located into eastern part of the area № 1 of excavation site № 3 are discussed here. Structure 1 is construction of rectangular shape with linear walls which are oriented according to parts of the world. Structure 2 is ruined construction which has rectangular shape and complicated masonry. Inner part of structure 2 consists big stone blocks. External part of structure 2 has technique «opus spicatum» with five rows of small stones.

Keywords: Crimea, settlement, Khazar time, structures.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.303-313

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ФОНТАН 1 В ЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ[1]

П. С. Успенский, А. Р. Попов, А. Н. Свиридов

В 2018 г. сотрудники Крымской новостроечной экспедиции Института археологии РАН проводили спасательные археологические раскопки на территории грунтового могильника Фонтан 1 периода Нового времени, попадающего в створ строящейся трассы «Таврида» (рис. 1; 2).

Памятник находится в Ленинском районе Республики Крым, в 3,8 км к западо-северо-западу от современного с. Фонтан (рис. 2). Грунтовый могильник расположен в долине, образованной двумя грядами выходов скальной породы. Территория некрополя вытянута в широтном направлении и имеет небольшой уклон к востоку и северу. Общая площадь памятника составляет около 19 000 м^2 (рис. 3).

Впервые могильник был выявлен и локализован в апреле 2018 г. сотрудниками отряда Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН под руководством С. В. Язикова. В ходе разведочных работ произведен визуальный осмотр, поиск подъемного материала, а также выполнено доследование нескольких погребений, частично разрушенных при прокладке кабельной траншеи. Данные погребения выявлены в зачистках, сделанных в прокладываемой кабельной траншее. Всего было сделано 12 зачисток, в каждой зафиксированы или контуры погребальной конструкции, или разрушенные захоронения (рис. 3).

Раскоп 2018 г. располагался в юго-восточной части могильника (рис. 3). На момент начала полевых работ поверхность будущего раскопа была частично потревожена в результате работы строительной техники, часть грунта в южной части будущего раскопа была снята, по центру раскопа проходила свежая траншея шириной 1–1,5 м, на момент начала работ засыпанная. В восточной части раскопа проходила действующая грунтовая дорога. Поверхность исследуемого участка имела небольшой уклон к востоку, вдоль южной границы раскопа фиксировались выходы скальной породы. Раскоп имел близкую к прямоугольной форму и по длинной оси был вытянут в широтном направлении в соответствии со створом землеотвода проектируемого строительства; длина его – 55 м, максимальная ширина – 35 м. Общая исследованная площадь составила 1880 кв. м, на всем исследованном участке было выявлено 148 погребений (рис. 4).

Из-за частичной потревоженности поверхности, а также постоянной распашки проследить уровень древнего горизонта, с которого были впущены могильные ямы погребений, не удалось. Концентрация погребений на исследованной площади высокая, погребения расположены достаточно регулярно, только в центральной части зафиксирована пустая площадка. Уверенно удалось выявить участок южной границы некрополя, маркированный естественным выходом скального массива. Несмотря на высокую плотность погребений, случаи нарушения одного захоронения другим не выявлены, что свидетельствует о существовании надмогильных сооружений. Кроме того, одно надгробие было обнаружено в заполнении могильной ямы погребения 100 (рис. 5).

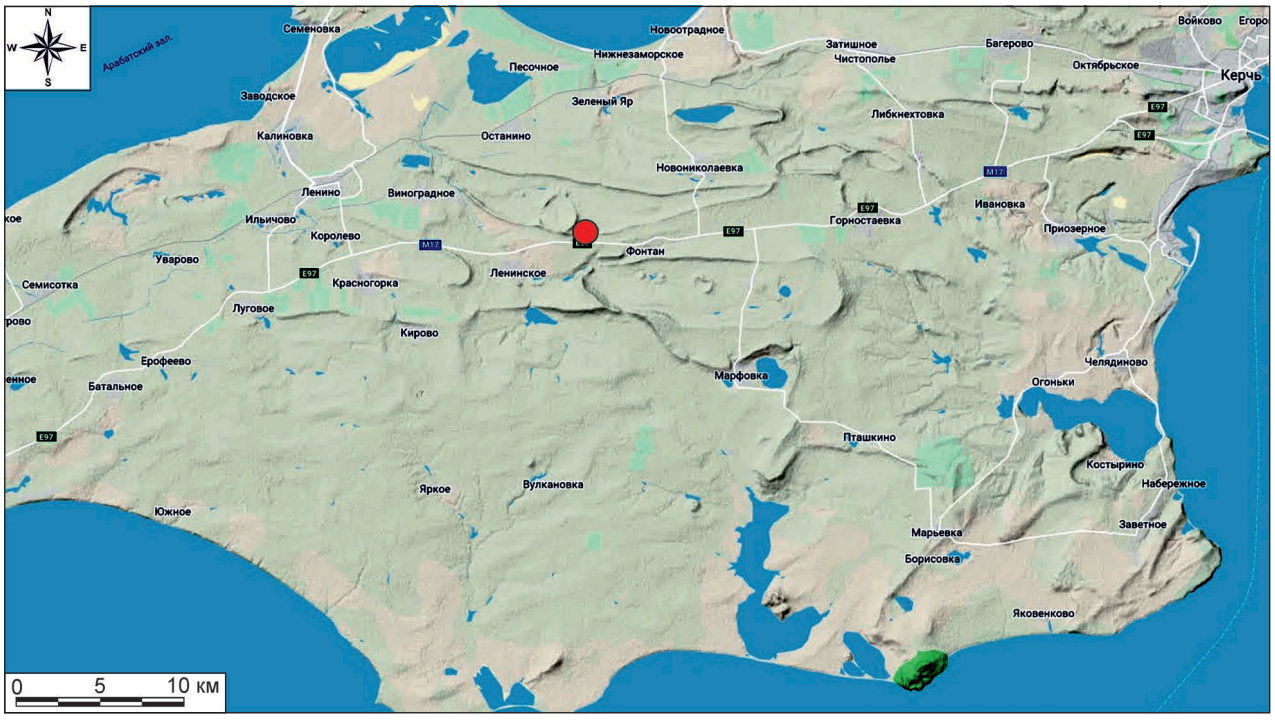
Выявленные на раскопанном участке погребальные сооружения были ориентированы в широтном направлении, иногда с отклонениями к югу или северу. Они представлены следующими типами:

– тип 1 – простая грунтовая яма прямоугольной формы (зафиксирована в 31% захоронений от всех исследованных комплексов)[1] (рис. 6, *1*);

– тип 2 – грунтовая яма прямоугольной формы с подбоем, сделанным в южной стенке (характерна для 52% погребений от всех исследованных комплексов) (рис. 6, *2*);

– **тип 3** – грунтовая яма прямоугольной формы с подбоем в южной стенке и широкой ступенькой-заплечиком, сделанной вдоль северной стенки могильной ямы (встречена в 9,4%

[1] В 7,4% погребений могильная яма прослежена не была.



Условные обозначения:

– *а*

Рис. 1. Местоположение грунтового могильника Фонтан 1 на карте Керченского полуострова.
а – местоположение грунтового могильника Фонтан 1

Рис. 2. Грунтовый могильник Фонтан 1. Участок раскопа 2018 г. на уровне материка, вид с востока

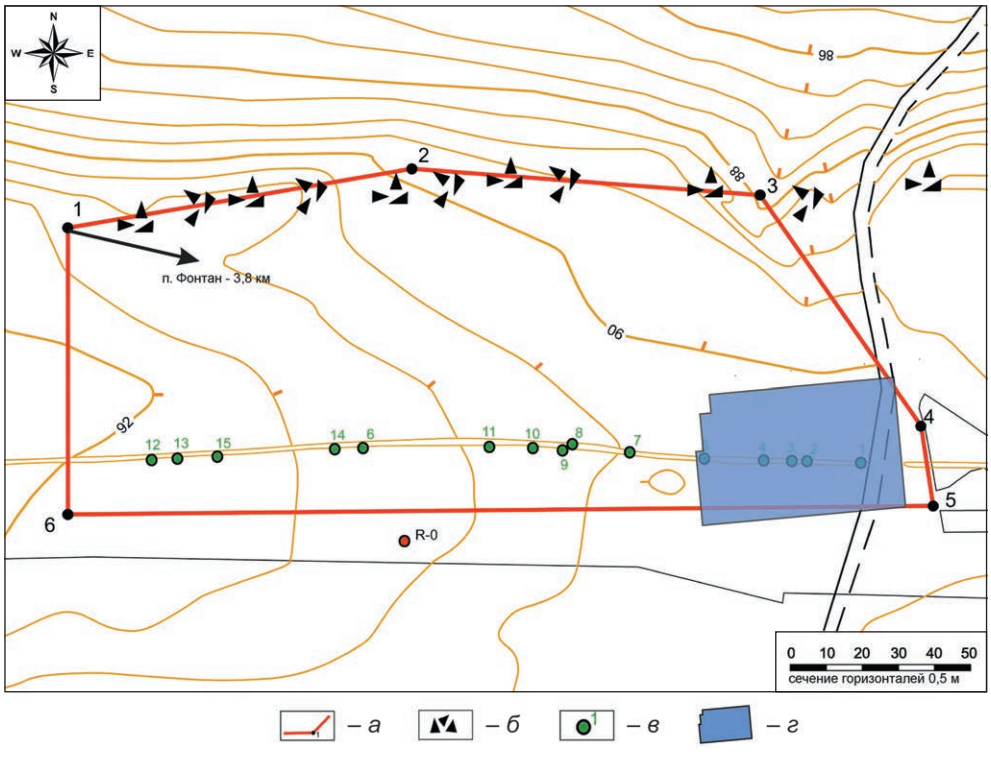


Рис. 3. Топографический план грунтового могильника Фонтан 1: *а* – граница ОАН и поворотные точки; *б* – выход скальной гряды; *в* – зачистки с указанием номера; *г* – раскоп 2018 г.

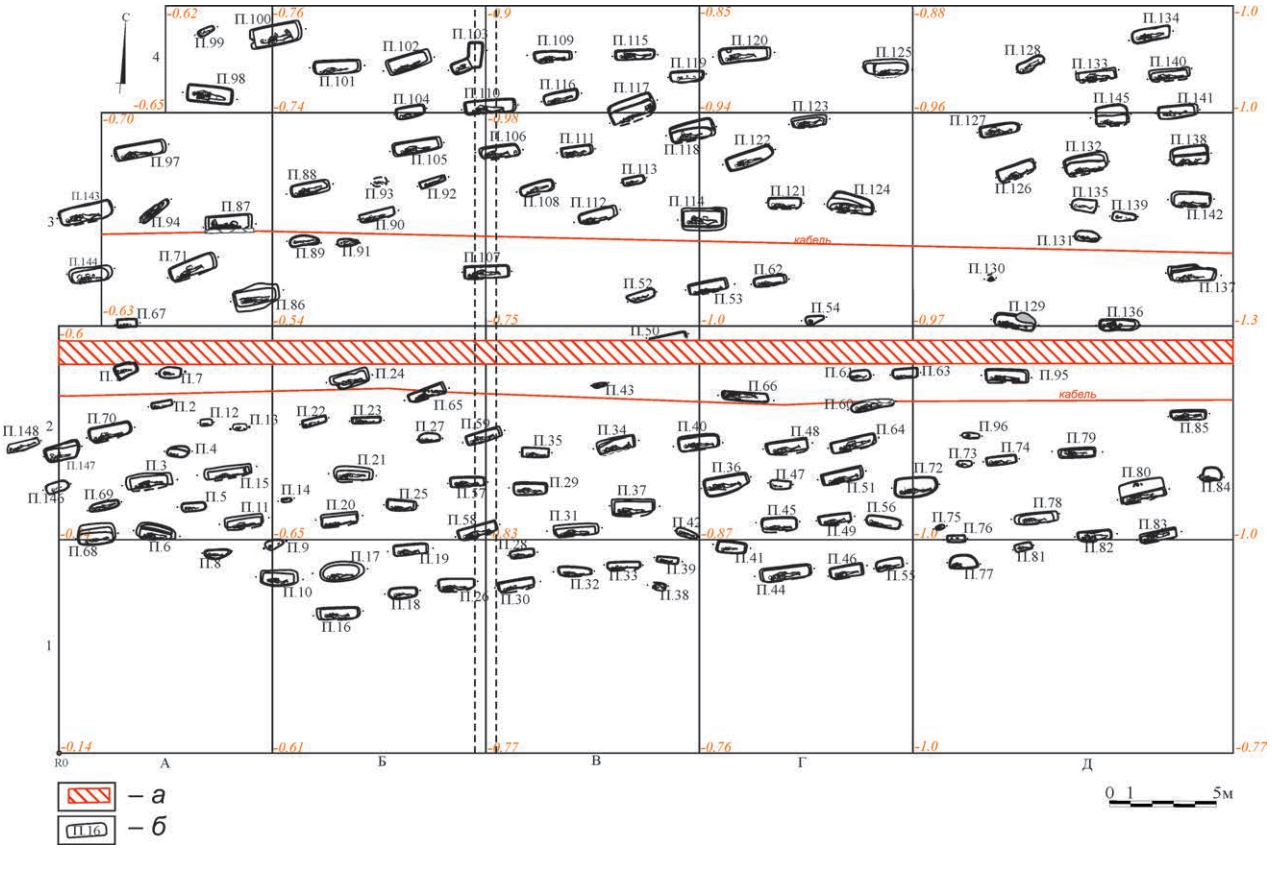


Рис. 4. План раскопа 2018 г. на уровне материка: *а* – современные коммуникации; *б* – погребение и его порядковый номер

Рис. 5. Погребение 100. Каменное надгробие

погребений от всех исследованных комплексов) (рис. 6, *3*).

Заполнение могил представлено перемешанным грунтом, иногда были зафиксированы мелкие и средние необработанные камни, не образующие какой-либо конструкции. При наличии подбоя в ряде могил выявлены фрагменты деревянного перекрытия ниши (рис. 6, *3*). На широких заплечиках погребальных сооружений типа 3 иногда фиксировались фрагменты деревянного настила, которым была перекрыта могильная яма, возможно, являющиеся частями деревянных носилок, на которых тело умершего доставлялось на кладбище, или было фрагментами деревянного заклада ниши, в которой располагалось тело умершего. Кроме того, в одном погребении на дне ямы расчищены следы предположительно деревянного гробовища.

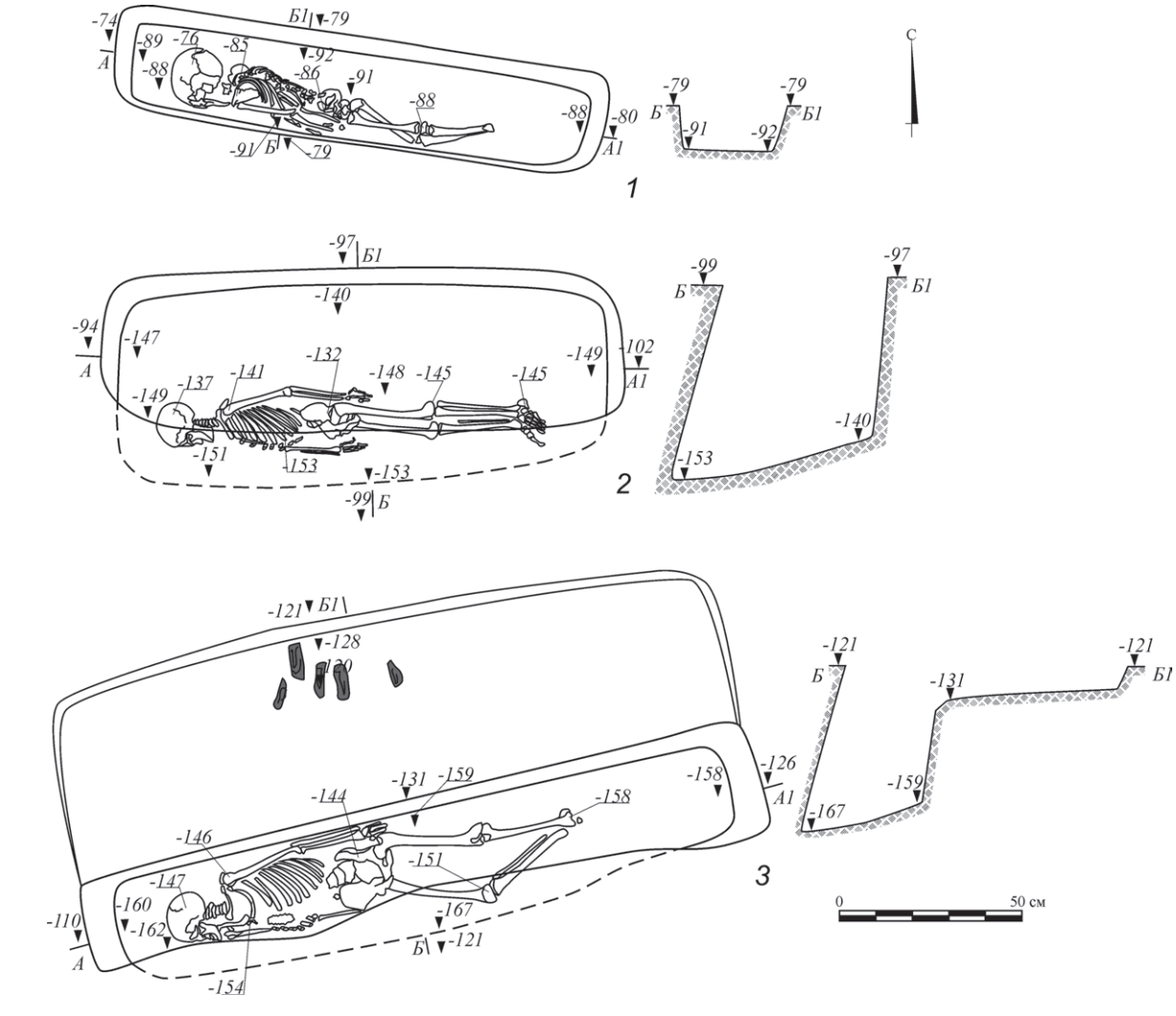


Рис. 6. Классификация погребальных сооружений исследованного участка могильника.
1 – тип 1; *2* – тип 2; *3* – тип 3

Наиболее распространенными погребальными сооружениями являлись могильные ямы типа 1 (31%) и 2 (52%), грунтовые ямы типа 3 встречались реже (9,4%), и основная их часть сосредоточена на северо-восточном участке раскопа.

Все погребения совершены по обряду ингумации, с устойчивой ориентировкой головой на запад, иногда фиксировались отклонения к югу или северу, которые могут быть интерпретированы как сезонные. На раскопанном участке выделяются следующие варианты поз погребенных:

1 – вытянуто на спине с руками и ногами, вытянутыми вдоль туловища (рис. 7, *1*);

2 – на спине с доворотом на правый бок с вытянутыми или немного согнутыми в коленях ногами (наиболее распространенная поза) (рис. 7, *2*);

3 – на правом боку с плотно прижатыми к телу руками (рис. 7, *3*);

4 – сильно скорченно на спине (рис. 7, *4*).

Как правило, скелеты погребенных лежали ближе или вплотную к южной стенке могильной ямы, особенно хорошо это прослеживалось в могилах с подбоями. Руки погребенных могли лежать вытянуто вдоль туловища или правая была вытянута вдоль тела, а левая согнута в локтевом суставе и покоилась на тазовых костях или немного сдвинута в сторону. При характеристике поз погребенных следует обратить внимание на положение черепа. В подавляющем числе погребений череп покоился на правом боку, его лицевая часть была обращена к югу, в сторону Мекки, что является свидетельством выполнения ритуала кыблы, дабы увидеть приход Судного дня и восстать из мертвых. Этот ритуал считается одним из определяющих элементов в системе джаназы (*Измайлов,* 2016. С. 76, 77). Значительно реже встречалось положение черепа на затылочных костях, и только в одном случае он был развернут лицевой частью к северу (рис. 8, *1*).

В ряде захоронений положение костей скелета (сильная «сжатость») может являться признаком пеленания покойного, что согласуется с каноном классического погребального обряда: умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде или завернут в саван.

Как правило, в каждой могильной яме было положено по одному костяку, но в погребении 117 расчищены кости двух индивидов. Первый погребенный находился в обычной для захоронений могильника позе, тогда как кости второго индивида были смещены к восточной стенке ямы и лежали компактным скоплением (рис. 8, *3*). Кроме того, следует отметить погребение 106, в котором череп находился в заполнении могильной ямы и был положен отдельно от тела и, вероятно, несколько позднее (рис. 8, *2*).

В большинстве исследованные погребения не содержали инвентаря, только в четырех комплексах были найдены вещи: фрагмент курительной трубки (погр. 9) (рис. 9, *1*), пастовый бисер (погр. 47) (рис. 9, *3*), бронзовая серьга (погр. 77) (рис. 9, *2*) и монета из белого металла (погр. 114) (рис. 9, *4*). Погребения с инвентарем составляют 2,7% от всего числа исследованных захоронений. При этом только в двух случаях (погребения № 47 и 77) археологические артефакты могут быть интерпретированы как детали одежды и украшения, поскольку они были найдены непосредственно у костяка умершего, в остальных случаях вещи обнаружены в заполнении могильной ямы, что может свидетельствовать о том, что они попали в захоронение как поминальные дары.

Как неоднократно указывалось исследователями, беззынвентарность является одним из признаков «канонического» мусульманского захоронения (см., напр.: *Халикова,* 1986. С. 44–49). Однако, как отмечает И. Л. Измайлов, категорического запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках, редкие находки вещей в погребениях могут являться местной особенностью мусульманской джаназы (*Измайлов,* 2016. С. 78–79). В небольшом процентном соотношении с безынвентарными комплексами захоронения с инвентарем выявлены в могильниках Су-Баш-1, Кырк-Азизлер, Живописное 1 (*Мастыкова и др.*, 2018. С. 194; *Волошинов и др.,* 2019. Рис. 6; *Меньшиков, Юнкин,* 2019. С. 166).

Для определения датировки исследованного участка некрополя важна находка монеты (рис. 9, *4*), которая относится к чекану Крымского ханства, Гиреи: Селим Гирей I, Бахадур Гирей, 2-е правление (1095–1102 гг. х./1684–1691 гг.), Бахчисарай, год интронизации – 1095 г. х. (1684 г.)[2].

Обнаруженный в погребении 9 фрагмент курительной трубки (рис. 9, *1*) относится к широко

[2] Авторы статьи выражают признательность научному сотруднику отдела средневековой археологии ИА РАН к. и. н. А. А. Гомзину за помощь в определении нумизматического материала.

Рис. 7. Основные положения скелетов погребенных.
1 – погребение 83; *2* – погребение 16; *3* – погребение 53; *4* – погребение 136

Рис. 8. Грунтовый могильник Фонтан 1. *1* – погребение 98; *2* – погребение 106; *3* – погребение 117

распространенным изделиям. Подобные трубки продавались по всему черноморскому побережью примерно с середины XVII по начало XIX в.[3]. Аналогии подобным трубкам известны в культурном слое поселения Кош-Кую (*Куликов,* 2018. Рис. 19).

В целом исследованные погребения некрополя могут быть датированы в пределах XVII–XIX вв., не исключая более ранней нижней даты.

Учитывая малоинвентарность погребений и определенную унифицированность погребального обряда, в значительной степени сведения о населении, оставившем некрополь Фонтан 1, дополняют антропологические исследования обнаруженных костных останков. В данной работе мы приводим первичные антропологические данные, в дальнейшем работа в этом направлении будет продолжена.

[3] Выражаем благодарность научному сотруднику Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника И.Р. Гусач за подробную консультацию по вопросам датировки и производства курительных трубок.

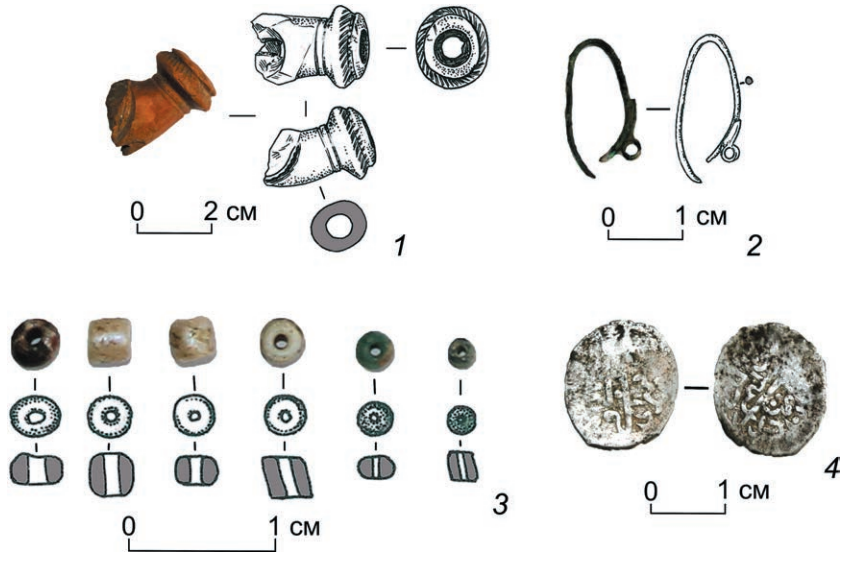


Рис. 9. Предметы материальной культуры из захоронений грунтового могильника Фонтан 1. *1* – фрагмент курительной трубки, погребение 9; *2* – серьга бронзовая, погребение 77; *3* – бисер, погребение 47; *4* – монета из белого металла, погребение 114

При изучении антропологического материала было исследовано 147 костяков разной степени сохранности, однако степень сохранности большинства объектов можно характеризовать как среднюю или хорошую, комплектность отделов скелетов в большей части случаев полная. Рассматриваемая серия характеризуется преобладанием мужчин над женщинами: 52% (58%) и 36% (42%).

В серии отмечается высокая детская смертность. Наибольший пик детской смертности приходится на детей в возрасте от 2 до 12 лет (57 погребений, 38,7%), значительно ниже процент смертности в младенческом (9 погребений, 6,1%) и подростковом возрасте (14 погребений, 9,5%). Высокий процент детской смертности был также выявлен при исследовании материалов могильника Су-Баш 1, в этом памятнике сопоставление сведений о детской смертности и распространении патологических состояний позволяет говорить о периодических эпидемиях и эндемиях (*Мастыкова и др.*, 2018. С. 195).

У мужчин наибольшее количество смертей приходится на возрастную категорию 35–40 лет. Несколько ниже показатели смертности в возрасте 40–50 лет. У женщин наибольшее количество смертей приходится на 40–50 лет (табл. 1).

В целом для анализируемой группы характерна благоприятная демографическая обстановка, вероятно, смертность связана с естественными процессами старения.

К палеопатологическим особенностям группы относятся такие заболевания, как кариес (20 индивидов), минерализованные отложения зубного камня (34 индивида), воспалительные процессы (17 индивидов), прижизненная утрата части зубов (42 индивида).

Характер патологий зубочелюстной системы указывает на присутствие специфического пищевого стресса в группе (употребление твердых компонентов растительного происхождения).

К другим патологиям относятся 14 случаев остеохондроза, 4 случая сифилиса, 2 случая гиперостоза, 1 случай периостита.

На одном черепе зафиксировано смертельное рубленое ранение лобной кости. В целом в группе показатели травматизма минимальны – три случая, что может говорить о мирном характере населения.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Несмотря на существование нескольких типов погребальных сооружений, основная масса исследованных захоронений совершена в соответствии с канонами исламского погребального обряда, к которым относится могильная яма с подбоем и наклоном дна ямы в его сторону, классическая поза с соблюдением обряда кыблы, ориентировка умерших головой на запад или с некоторыми отклонениями к северу и югу.

Перечисленные характеристики погребального обряда несколько отличают материалы

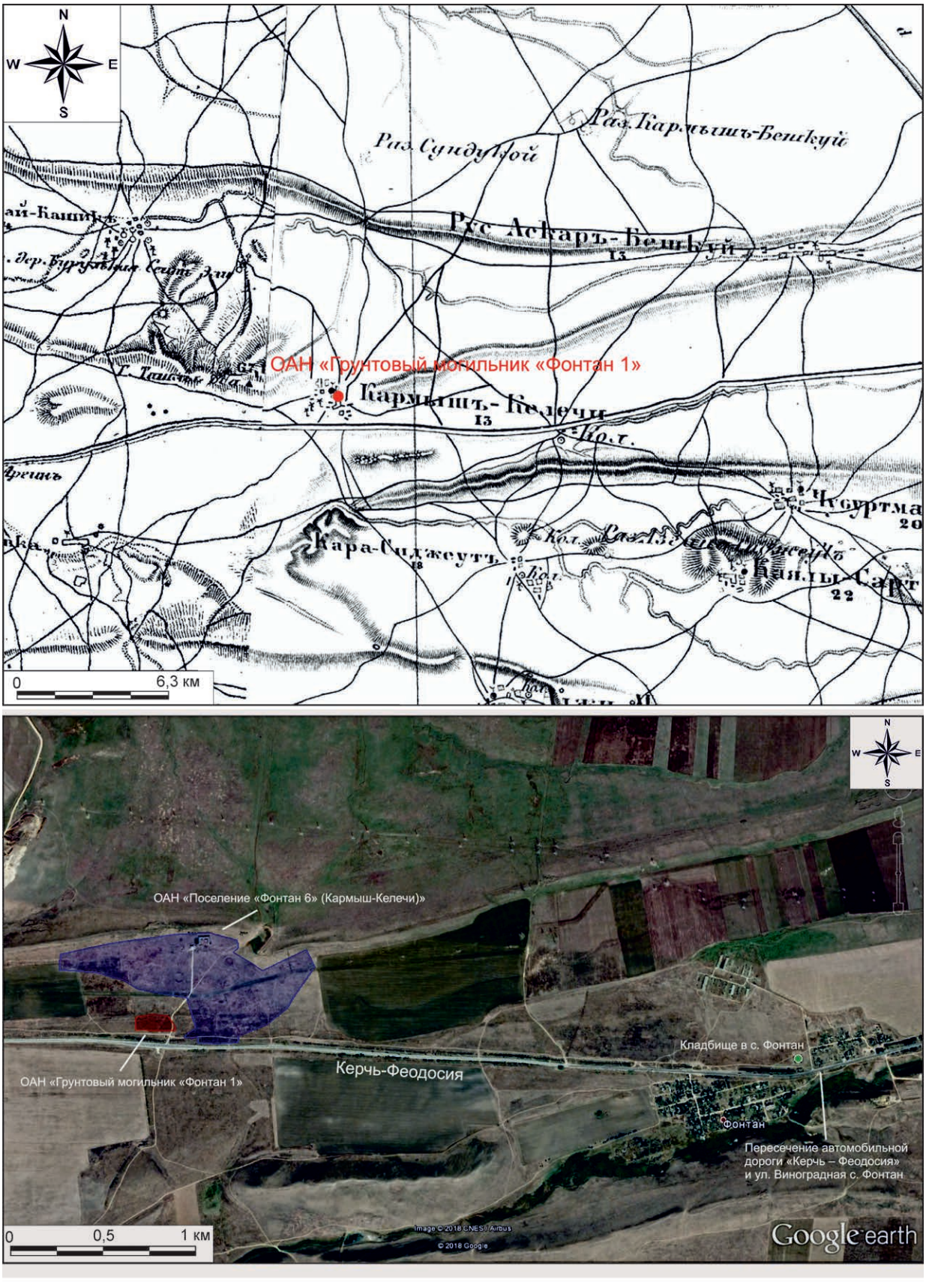


Рис. 10. Локализация грунтового могильника Фонтан 1 и поселения Кармыш-Келечи (Кармыш Келеджи) на Военно-топографической карте Крыма 1865 г. и космоснимке Google Earth

Табл. 1. Таблица возрастного распределения смертности мужчин и женщин могильника Фонтан 1

Мужчины		Женщины	
Возраст	Кол-во	Возраст	Кол-во
18–20	1	16–18	3
20–25	3	18–20	3
25–30	1	20–25	1
35–40	17	25–30	1
40–50	13	30–35	4
50–60	4	30–40	2
		40–50	12
		50–60	2

могильника Фонтан 1 от захоронений некрополя Су-Баш 1, для которого характерен более сложный и полиморфный погребальный обряд (*Мастыкова и др.*, 2018. С. 194). Другие аналогии рассматриваемым погребальным сооружениям известны в частично синхронных могильниках Кырк-Азизлер, Живописное 1, Батальное 1, Эски-Юрт и др. (*Волошинов и др.,* 2019. С. 214–216; *Меньшиков, Юнкин,* 2019. С. 165–166; *Богачук, Сиротин,* 2018. С. 51; *Ермолин, Бонин,* 2018. С. 109–111).

Несмотря на значительное преобладание погребений, следующих мусульманскому канону, присутствуют и захоронения с отклонениями от правил исламского обряда. В дальнейшем при работе с антропологической коллекцией могильника, в частности с данными краниологии, появится возможность сопоставить выделенные краниологические группы с типами погребальных сооружений могильника.

Учитывая основные черты погребального обряда, захоронения грунтового могильника Фонтан 1 могут быть связаны с татарским населением Крымского полуострова.

К северу от могильника Фонтан 1 располагается поселение Фонтан 6. На Военно-топографической карте Крыма 1865 г. оно известно под названием Кармыш-Келечи (рис. 10). С высокой вероятностью можно предполагать, что могильник Фонтан 1 связан именно с этим поселением. Первое документальное упоминание с. Кармыш-Келечи (Кармыш Келеджи) встречается в Камеральном описании Крыма 1784 г., судя по которому в последний период Крымского ханства село входило в Орто Керченский кадылык Кефинского каймаканства (*Лашков,* 1888). Согласно Памятной книжке Таврической губернии за 1867 г., д. Кармыш Келечи была покинута жителями в 1860–1864 гг. в результате эмиграции крымских татар в Турцию и позднее заселена русским населением (*Сейдаметов,* 2005. С. 30–33). Можно предположить, что на это время (середина XIX в.) приходится прекращение функционирования могильника Фонтан 1.

Результаты, полученные в ходе работы на участке грунтового могильника Фонтан 1, в определенной степени дополнят наши знания об истории населения Крымского полуострова в период позднего Средневековья – Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Богачук Д. С., Сиротин С. В., 2018. Курганы в зоне строительства автодороги Керчь – Севастополь (Республика Крым, Бахчисарайский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 46–53. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Волошинов А. А., Меньшиков М. Ю., Резниченко И. А., Юнкин Ж. А., Брызгалов В. В., 2019. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2 т. / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН. Т. 2. С. 211–238.

Ермолин С. А., Бонин А. В., 2018. Поселение Батальное 1, могильник Батальное и северо-западный могильник Батальное 1 (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25). С. 106–111.

Измайлов И.Л., 2016. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. № 2 (16). С. 68–92.

Куликов А.В., 2018. Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25). С. 164–173.

Лашков Ф.Ф., 1888. Каймаканствы и в оных каймаканами кто состоит // Камеральное описание Крыма 1784 года. Симферополь (Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 6).

Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А., 2018. Поселение и могильник Су-Баш 1 (Республика Крым, Кировский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25). С. 192–197.

Меньшиков М.Ю., Юнкин Ж.А., 2019. Исследования позднесредневекового мусульманского могильника Живописное 1 в Симферопольском районе Республики Крым // Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2018 г. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2 т. / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН. Т. 2. С. 161–172.

Сейдаметов Э.Х., 2005. Эмиграция крымских татар в XIX – начале XX в. // Культура народов Причерноморья. № 68. С. 30–33.

Халикова Е.А., 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: КГУ. 159 с.

Резюме. Статья посвящена предварительной характеристике результатов работ на территории грунтового могильника Фонтан 1, расположенного в Ленинском р-не Республики Крым. В ходе работ 2018 г. на раскопанном участке было зафиксировано 148 погребений. В работе рассматривается погребальный обряд могильника, приводится его датировка, а также дается краткий антропологический анализ выявленных костных останков. Могильник Фонтан 1 является крупным мусульманским некрополем, оставленным татарским населением. Полученные материалы позволяют датировать погребения на исследованном участке XVII–XIX вв. По-видимому, могильник был оставлен населением, проживавшим в близко расположенном с. Кармыш-Келечи.

Ключевые слова: могильник, грунтовое погребение, Крымское ханство, ингумация, Новое время.

P. S. Uspenskiy, A. R. Popov, A. N. Sviridov
Research of the Fontan 1 soil burial ground in the Leninsky district of the Republic of Crimea

Abstract. The article is devoted to a preliminary description of the results of excavations on the territory of the soil burial ground Fontan 1. Cemetery located in the Leninsky district of the Republic of Crimea. In the course of work in 2018, were excavated 148 burials. The paper considers the burial rite of the burial ground, gives its dating, and also gives a brief anthropological analysis of the identified bone remains. The Fontan 1 cemetery is a large Muslim necropolis left by the Tatar population. The obtained materials make it possible to date the burials in the investigated area of the 17th–19th centuries AD. Apparently, the burial ground was abandoned by the population living in the nearby village of Karmysh-Kelechi.

Keywords: burial ground, ground burial, Crimean Khanate, inhumation, New Ages.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.314-322

КЕРАМИЧЕСКАЯ СТОЛОВАЯ ПОСУДА СО ЗНАКАМИ СОБСТВЕННОСТИ (ТАМГАМИ) ИЗ РАСКОПОК И РАЗВЕДОК В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОСЕЛКОВ КРАСНАЯ ПОЛЯНА И РОЗА ХУТОР (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

М. Ю. Меньшиков

В 2010–2011 гг. на территории горного кластера застройки объектов Олимпиады Сочи-2014 автором данной статьи проводились охранные археологические исследования. В ходе работ были изучены в основном памятники, расположенные на северном склоне хребта Аибга, правый берег р. Мзымта. Из общего объема исследованных памятников пять содержали материалы II тыс. н. э. Опираясь на находки в целом и керамический материал в частности, можно с уверенностью говорить о преемственности и стабильном развитии местного населения на протяжении всего II тыс. н. э.

В Средние века и в Новое время данная территория была заселена этнической группой или племенем, название которой можно озвучить на русском языке как ахчипсху или ахчипсы. Данная группа входила в состав народа садзы (садзуа), принадлежавшего к группе западноабхазских племен (*Инал-Ипа*, 1995. С. 138–140). Несмотря на значительную труднодоступность территории и удаленность от моря, данная этническая группа поддерживала тесные связи с адыгскими племенами прибрежной зоны и племенами Северного Кавказа. Письменные свидетельства проживания ахчипсху в окрестностях современного пос. Красная Поляна и Роза Хутор известны с XVII в., когда они впервые упоминаются в труде Эвлии Челеби (*Челеби*, цит. по изданию 1983 г. С. 54). Много информации о связях с соседями и языковой принадлежности данной группы в первой половине XIX в. можно получить из книги Ф. Ф. Торнау, который в 1835 г. находился в этих землях в ходе военной разведывательной миссии (*Торнау*, 2008. С. 269, 303). Земли ахчипсху стали последним участком Кавказской войны XIX в. В мае 1864 г. в окрестностях современного пос. Красная Поляна был проведен парад, который принимал кавказский наместник и великий князь Михаил Николаевич Романов, после чего было заявлено об окончании Кавказской войны. Местное население, которое отказалось перейти под власть русского правления, было выселено со своих территорий и частично осело в Турции, а частично расселилось по окрестным землям, которые в силу разных причин еще не находились под жестким контролем со стороны Российской империи.

Этническая группа ахчипсху являлась носителем собственного диалекта, но не имела письменности. В качестве знака права собственности вместо подписи в регионе активно применялась тамга.

В данной работе рассматриваются 33 изображения тамг на керамической посуде, которая происходит с территории памятников, содержащих слои Средневековья и Нового времени. Помимо артефактов, найденных в ходе археологических работ 2010–2011 гг. под руководством автора на северном склоне хребта Аибга (Роза 1, Ржаной 3, Садовый 2) (*Меньшиков*, 2015а; 2015б; 2015в), в статью включены находки, опубликованные в отчете Л. Н. Ситниковой по результатам разведок в 1971 г. Этот материал был собран на правом берегу р. Мзымты у подножия горы Ачишхо на поселении, которое было датировано в отчете VI–IX вв. н. э. (*Ситникова*, 1971). Также в работу включена тамга на фрагменте кувшина, обнаруженная на памятнике, расположенном ниже по течению р. Мзымты в районе пос. Ахштырь (*Воронов*, 1979. С. 103). В рамках обзорной части статьи хотелось бы упомянуть, что при сборе подъемного материала в 2010 г. в разрушенной части селища Роза 1 был обнаружен фрагмент ручки кувшина, на которой красной краской был изображен тамгообразный знак, который, вероятно, представлял собой косой крест. Сохранность поверхности была плохой, и краска исчезла до того, как удалось ее зафиксировать, поэтому данный артефакт не включен в работу.

Изображения тамг встречены в 25 случаях на ручках кувшинов (из них восемь фрагментов с тамгами в отчете Л.Н. Ситниковой (*Ситникова*, 1971. С. 21) и один фрагмент в публикации Ю.Н. Воронова (*Воронов*, 1979. С. 103). В восьми случаях тамги были нанесены на стенки сосудов (из них один в отчете Л.Н. Ситниковой) (*Ситникова*, 1971. С. 21). Когда речь идет о стенках, то в трех случаях тамги расположены на одном фрагменте рядом с пальцевыми вдавлениями на венчике с внутренней стороны. Исходя из формы и пропорций остальных стенок, несущих на себе изображения, можно говорить, что они, вероятнее всего, тоже представляют собой фрагменты аналогичных чаш (*Меньшиков*, 2022. С. 67–72). Опираясь на вышесказанное, есть основания полагать, что все найденные фрагменты со знаками являются частями столовой посуды и представляют всего две ее разновидности: чаши с пальцевыми вдавлениями, расположенными с внутренней стороны на противоположных сторонах периметра венчика, и кувшины с ручкой (*Меньшиков*, 2022. С. 67–72).

В ходе ознакомления с коллекцией была предпринята попытка найти закономерности между тамгами, формой и качеством сосудов, на которые они нанесены. Вероятно, что малая выборка не позволила выявить каких-либо взаимосвязей. Сечение ручки не коррелируется с изображением на ней. Однако следует отметить, что знаки в виде креста (III группа) в основном встречены на кувшинах с более грубо выполненной поверхностью, чаще всего на участках ручек с подокруглым сечением.

В рамках статьи тамги были разделены на шесть условных групп.

I группа

Представлена восьмью находками. Три предмета происходят из раскопок 2010–2011 гг. Пять публикуются по прорисовкам в отчете Л.Н. Ситниковой. В группе предварительно были выделены два варианта.

А. Косой равноконечный крест, линии пересекаются под прямым углом. Два пересекающихся отрезка выполнены зубчатым штампом. Этот вариант представлен четырьмя экземплярами. В одном случае крест расположен на венчике чаши с пальцевыми вдавлениями (рис. 1, *1*). В трех других случаях – на ручках кувшинов (рис. 1, *2–4*). Один фрагмент керамики со знаком (рис. 1, *4*) происходит с правого берега р. Мзымты. Остальные три – из раскопок в районе поселения Ржаной 3.

Данный символ имеет широкое распространение. Наиболее географически близкие аналогии представлены тамгами абхазской фамилии Плиа, мегрельской фамилии Пипиа (*Лавров*, 2009. С. 27, 55), а также среди ногайских знаков собственности (*Лавров*, 2009. Табл. III. С. 77).

Б. Косой равноконечный крест, выполненный зубчатым штампом (рис. 1, *5–8*). Крест вытянут вдоль по ручке кувшина, линии пересекаются под острым углом. Вариант представлен четырьмя экземплярами из отчета Л.Н. Ситниковой.

Схожие тамги принадлежат черкесскому роду Хутовых, кабардинскому Ханцевых (*Чуяко*, 2012. С. 103, 110), а также абхазской фамилии Хагба (Ахагба) (*Лавров*, 2009. Табл. I, *626*. С. 27).

II группа

Тамга в виде песочных часов или двух треугольников, соединенных вершинами. Группа представлена десятью экземплярами. Один фрагмент является венчиком чаши и несет на себе и тамгу, и пальцевое вдавление на внутренней стороне венчика; три фрагмента стенок чаш и шесть ручек кувшинов.

На стенках сосудов тамги выполнены на внешней стороне. В каналах, сформировавших рисунок, прослеживаются следы зубчатого штампа. Изображения тамг расположены под разными наклонами как в правую, так и в левую сторону (рис. 1, *9–12*). Находки происходят с поселений Роза 1 (рис 1, *11*) и Ржаной 3 (рис. 1, *9, 10, 12*).

На ручках кувшинов тамги вытянуты по внешней поверхности ручки кувшина. Во всех случаях прослежены следы зубчатого инструмента в каналах рисунка (рис. 1, *13–18*). В одном случае тамга выполнена на кувшине с лощением и следами красной краски (ангоба?) (рис. 1, *16*). Все обнаруженные фрагменты происходят с поселения Ржаной 3.

Вертикально расположенные два треугольника, которые соединены вершинами, были обнаружены В.А. Кузнецовым в ходе раскопок на Хумаринском городище (*Кузнецов*, 1963. С. 298–305). В своей публикации В.А. Кузнецов связывал символ с древнетюркским руническим алфавитом. Аналогичный символ опубликован в разделе, написанном М.К. Хотелашвили (Инал-Ипа), как тамга фамилии Чаушба (*Инал-Ипа*, 2002. С. 364. Табл. V, *265*). Этот

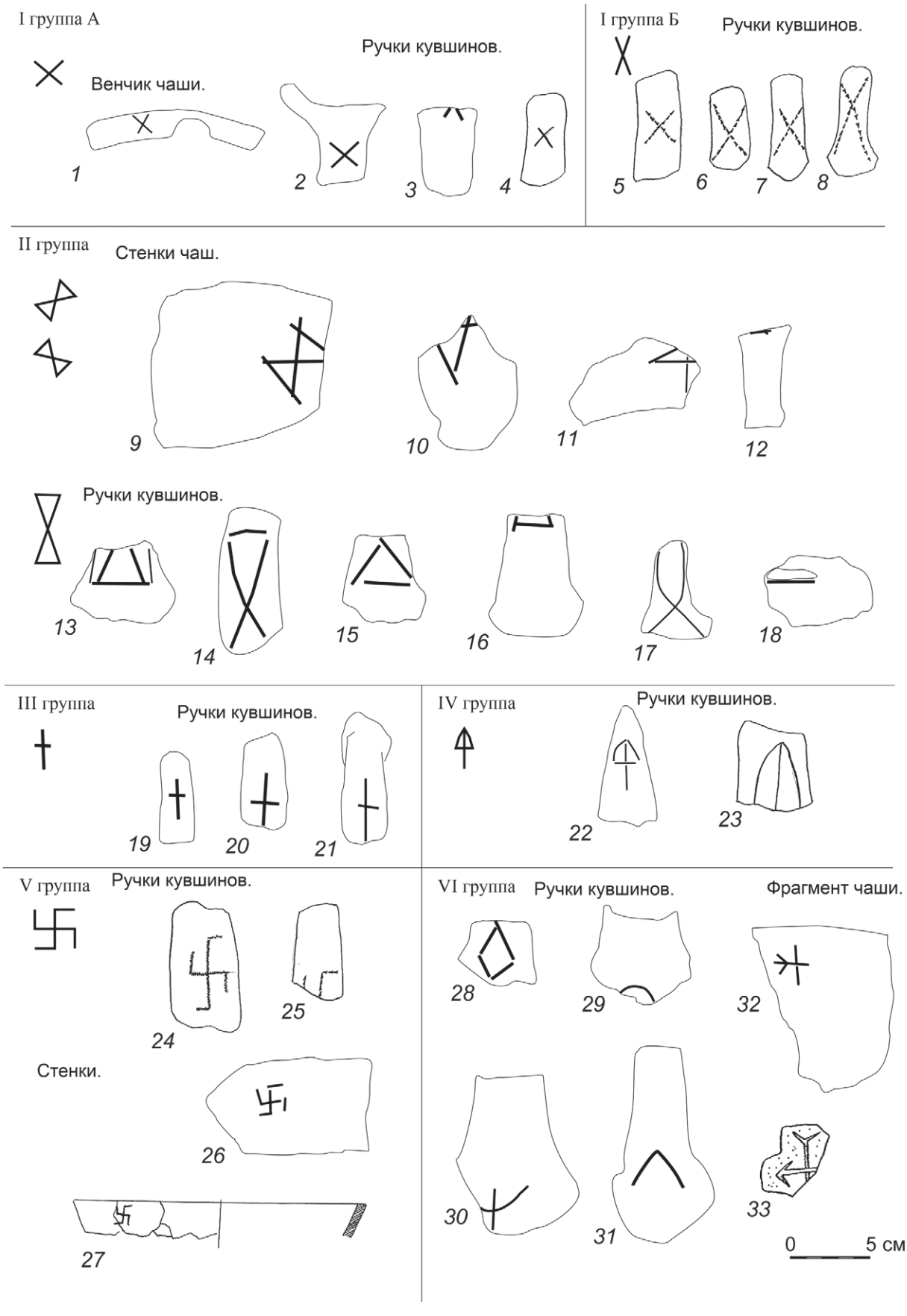


Рис. 1. Формы тамг на керамической посуде

род связывает свое происхождение с западной Абхазией и был переселен в Аджарию в ходе мухаджирства (*Гитолендиа*, 2012).

III группа

Тамга в виде вытянутого креста: удлиненная вертикальная перекладина в центре пересекается горизонтальной, которая в два или более раз короче вертикальной. Данная тамга встречена на трех ручках кувшинов, происходящих с поселения Ржаной 3 (рис. 1, *19–21*). Изображение выполнено зубчатым штампом.

IV группа

Тамга в виде стрелы, направленной вверх. Такое изображение встречено лишь на двух экземплярах ручек кувшинов. Один из них происходит с поселения Ржаной 3 (рис. 1, *22*), другой из сборов Л. Н. Ситниковой у подножия г. Ачишхо (рис. 1, *23*).

Морфологически близкий знак, но с некоторыми отличиями в пропорциях опубликован А. Б. Чуяко как родовой символ адыгской фамилии Тлецеруковых (*Чуяко*, 2012. С. 72).

V группа

Свастика, лучи вращения направлены вправо. Изображение встречено на стенке чаши и на двух ручках кувшинов из сборов Л. Н. Ситниковой (рис. 1, *24, 25, 27*) и на стенке сосуда, происходящей с территории поселения Ржаной 3 (рис. 1, *26*). Во всех случаях в каналах рисунка прослежены следы зубчатого штампа.

Близкий по морфологии, но отличающийся по пропорциям символ был обнаружен в 1974 г. среди знаков на камнях кладки башни и стен на Хумаринском городище в ходе раскопок В. А. Кузнецова (*Биджиев, Гадло*, 1979. С. 37).

VI группа

В группу были включены тамги, встреченные в единичном экземпляре. Группа представлена шестью изображениями, в некоторых случаях тамги сохранились не полностью.

А. Ромб (рис. 1, *28*). Вероятно, это полная форма тамги, но так как изображение одним из углов подходит близко к краю керамического фрагмента, то нельзя исключать, что над ромбом сверху могли присутствовать еще какие-то элементы. Тамга расположена на фрагменте ручки кувшина, который происходит с поселения Ржаной 3.

Подобный знак встречен в качестве тамг абазинского рода Цуговых и кабардинской фамилии Афасижевых (*Чуяко*, 2012. С. 23). А также обнаружен на Хумаринском городище в Карачаевском р-не (*Лавров*, 2009. Табл. I: *1146*. С. 31).

Б. Тамга сохранилась частично (рис. 1, *29*). Сохранился верхний фрагмент окружности на нижнем прилепе ручки кувшина. Фрагмент керамики найден на территории поселения Ржаной 3.

В. Тамга сохранилась не полностью (рис. 1, *30*). В пределах сохранившегося фрагмента нижнего прилепа ручки кувшина прослеживается знак в виде греческой буквы **Ψ** (пси). Возможно, это неполное изображение тамги. Происходит с поселения Ржаной 3.

Близкие по форме знаки, направленные в разные стороны, встречаются среди тамг достаточно часто. Ближайшая аналогия у адыгов-бжедухов рода Эльбуздок (*Лавров*, 2009. Табл. I: *276*. С. 23). Однако непосредственно то расположение, которое присутствует на кувшине (соответствующее исходному положению буквы греческого алфавита), среди опубликованных символов не встречено.

Г. Тамга в виде греческой буквы **Λ** (лямбда) (рис. 1, *31*). Знак расположен на нижнем прилепе ручки кувшина. Происходит с поселения Ржаной 3.

Чрезвычайно простой знак, что должно было привести к широкому распространению подобного символа у разных народов. Ближайшие известные аналогии А. Б. Чуяко связывает с кабардинской и абазинской фамилией Хурай, абхазской фамилией Хуриевы, кабардинской фамилией Пилов (*Чуяко*, 2012. С. 88, 103, 106). Аналогичный символ опубликован Л. И. Лавровым как тамга одного из родов абазинов-тапанта (*Лавров*, 2009. Табл. I, *590*. С. 26). В работе Ш. Д. Инал-Ипа подобный знак приводится как тамга фамилии Быджаа (*Инал-Ипа*, 2002. С. 361).

Д. Тамга в виде креста с тремя разветвляющимися отрезками от луча, направленного влево (рис. 1, *32*). Знак расположен на внутренней стороне чаши рядом с пальцевым вдавлением на венчике. Знак, вероятно, был нанесен по подсохшей глине непосредственно перед обжигом. Развал керамического сосуда был обнаружен в заполнении ямы на однослойном поселении Нового времени Садовый 2. Следует отметить,

что найденный символ имеет значительное внешнее сходство с мегрельскими тамгами, которые опубликованы в работе Л. И. Лаврова (*Лавров*, 2009. С. 26, 27).

Е. Частично сохранившаяся тамга на фрагменте кувшина (рис. 1, *33*). В работе Ю. Н. Воронова не указано, какой именно частью кувшина является обнаруженный фрагмент со знаком, но, вероятнее всего, это ручка (*Воронов*, 1979. С. 103). Тамга представляет собой крест, верхний луч которого заканчивается «ласточкиным хвостом», а левый имеет вид двушипного наконечника. Нижняя и правая часть креста остались за пределами сохранившегося фрагмента. Находка происходит с поселения Ахштырь 5, которое расположено на расстоянии около 25 км юго-западнее пос. Красная Поляна, ниже по течению р. Мзымта. Для этого знака есть близкая аналогия среди тамг, опубликованных Ш. Д. Инал-Ипа. Схожее изображение имеет тамга фамилии Амаба (*Инал-Ипа*, 2002. С. 360. Табл. I, *24*). Ш. Д. Инал-Ипа упоминает фамилию Амаба среди выходцев из общества Ачхыпсы (*Инал-Ипа*, 1995. С. 141).

Встречаемость тамг

Несмотря на труднодоступность высокогорного региона, ахчипсху поддерживали родовые и военные контакты с соседними племенами, регулярно ходили в набеги на северный склон Кавказских гор. Безусловно, что тамги ахчипсху были вписаны в общую систему знаков собственности населения региона, эти тамги были за ними закреплены и были знакомы соседям. Из этого следует, что использование сходных тамгообразных знаков разными, но не родственными при этом племенами было маловероятно в регионе.

Предпринятая сухумским полицейским управлением пофамильная опись тамг в регионе, проведенная в 1869–1874 гг. (*Инал-Ипа*, 2002. С. 358), уже не содержит информацию о большинстве знаков, которые массово встречены на территории племени ахчипсху в ходе наших археологических раскопок. Это подтверждает, что к моменту проведения описи владельцы наиболее массовых тамг в микрорегионе были уже выселены со своей территории и в основном покинули рубежи западной Абхазии. Несмотря на то что символы, изображающие достаточно простые геометрические фигуры, такие как угол, круг, ромб, крест и свастика, широко использовались в качестве тамг на всей территории Кавказа и за его пределами, мы практически не находим сходных изображений подобных тамг в литературе, основанной на этнографических данных нашего региона, собранных после периода мухаджирства. В литературе, посвященной данному вопросу и основанной на материалах конца XIX – XX в., автором встречено всего несколько символов, сходных с тамгами, имеющими археологическое происхождение из окрестностей пос. Красная Поляна. Так, например, подобным исключением является тамга VI-Г (рис. 1, *31*), которая встречена как в этнографической литературе периода постмухаджирства, так и при раскопках в единичном экземпляре. Данная корреляция представляется нам вполне логичной, так как единичность встречаемости данного символа на территории ахчипсху позволяет высказать предположение, что он связан с одним из соседних народов, который не был переселен со своих земель, в отличие от несговорчивых ахчипсинцев, но с которым ахчипсху поддерживали контакты.

Интересным является фрагмент кувшина, обнаруженный Ю. Н. Вороновым, с тамгой VI-Е (рис. 1, *33*). По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, данная тамга относится к роду Амба, который является выходцем из ахчипсху, но данная тамга найдена значительно южнее и ниже по течению р. Мзымта, хоть и в зоне, близкой к расселению родственной ахчипсху этнической группы чижгуча (цвиджы). Аналогий данному символу среди археологических материалов окрестностей пос. Красная Поляна и Роза Хутор пока не выявлено.

Тамга группы VI-Д, как описано выше, хоть и близка по форме, но не повторяет известные мегрельские тамги в точности. То же относится и к тамге группы IV. Несмотря на близкую морфологию, пропорции тамг позволяют высказать предположение, что адыгейский знак, опубликованный в работе А. Б. Чуяко, и изображения на ручке кувшинов с поселений в районе пос. Красная Поляна имеют различное происхождение.

Описанная выше ситуация позволяет предположить, что тамги групп I, II, III, V можно уверенно отнести к тамгам местного населения, проживавшего в окрестностях современного пос. Красная Поляна и Роза Хутор. Тамги группы VI, встреченные в единичных экземплярах, можно отнести к соседним племенным образованиям или, как в случае с тамгой VI-Е (рис. 1, *33*), к соседнему роду, проживавшему в стороне от зоны археологических работ 2010–2011 гг., возможно, в рамках племени ахчипсху.

Датировка сосудов с тамгами

Большинство фрагментов с нанесенными на них тамгами происходят с многослойных памятников, имеющих широкую датировку, и укладываются в период с конца I тыс. до этапа мухаджирства. Подъемный материал, содержащий тамги, обнаруженный Л. Н. Ситниковой, в отчете датирован VI–IX вв., однако, с нашей точки зрения, такая узкая и ранняя датировка на сегодняшний день уже неактуальна. На наш взгляд, в ходе последних работ на памятниках региона стало очевидно, что такая категория посуды, как чаши с пальцевыми вдавлениями на внутреннем крае венчика, имеют бытование на протяжении всего II тыс. н. э. (*Меньшиков*, 2022. С. 68, 69). Более детально о хронологии керамики говорить пока сложно, так как практически отсутствуют комплексы, на основании которых можно датировать материал. Особенности региона не всегда позволяют выделить стратиграфические слои на памятниках. Горная местность и крутые склоны на поселенческих участках часто приводят к естественной санации поверхностных отложений, что формирует такое явление, когда разновременная керамика оказывается в одном слое отложений на скальном материке или обнаруживается среди перемещенных делювиальных отложений. Единственная ситуация, когда мы можем достаточно точно датировать изделие с тамгой, относится к находке чаши с двумя пальцевыми вдавлениями в яме однослойного поселения Садовый 2 (рис. 1, *32*) (*Меньшиков*, 2022. С. 69–70). Поселение представляло собой однодворный хутор, который прекратил свое существование в середине XIX в. Наличие еще как минимум двух подобных чаш с тамгами с других памятников, имеющих более длительный период бытования, позволяет высказать два предположения: либо тамги I, II, VI-Д и, вероятно, V групп относятся к одному узкому периоду (конец XVIII – XIX в.), либо традиция нанесения тамг на такие изделия, что более вероятно, распространяется вглубь Средневековья.

Технология нанесения тамг

Из этнографической литературы мы знаем много об использовании тамг народами Кавказа. Известно, что тамги уважаемых людей вырезались на деревянных дверях (*Мамиев, Сланов*, 2004. С. 6, 7) и порогах, столбах, а также на деревянных кружках (*Инал-Ипа*, 2002. С. 350, 351), обеспечивая покровительство рода носителя тамги данному месту, дому или семье. Однако в этнографической литературе автору не удалось встретить информацию о тамгах на столовой керамической посуде. В тех случаях, когда упоминаются тамги на чашах для вина или молочного напитка, всегда идет речь о том, что почетный гость вырезает тамгу на поданной ему деревянной чаше своим ножом в знак благодарности после трапезы. После чего чаша становится неким практически сакральным объектом, хранится отдельно и подается почетному гостю при новом визите (*Инал-Ипа*, 2002. С. 351; *Бжания*, 1973. С. 63, 64). Все обнаруженные в ходе археологических работ тамгообразные знаки выявлены на керамической посуде, и признаков нанесения знаков на уже готовые изделия в процессе их бытования выявить не удалось.

В ходе работ на средневековом поселении Ржаное 3 был найден инструмент гончара для заглаживания поверхности и формирования расчесов (рис. 3, *1*). Инструмент имеет два зубчатых края, рабочая поверхность которых могла быть использована для нанесения тамг на сырую поверхность сосудов. Следует отметить, что во всех группах, кроме IV и VI, все тамги, встреченные массово и отнесенные нами к местным знакам, нанесены подобным зубчатым штампом. Таким же выполнено заглаживание поверхности сосудов. Четыре из шести тамг группы VI и тамги группы IV сформированы прочерчиванием, без признаков зубчатого штампа. Поверхность изделий, на которые нанесены тамги простым прочерчиванием, ровная, заглаженная и без расчесов.

Исходя из формы линий, которыми выполнены тамги, во всех тех случаях, где автор имел возможность держать предмет в руках, очевидно, что знаки нанесены до обжига. В некоторых случаях по сырой глине, что хорошо видно по следам зубчатого штампа (рис. 2; 3, *4, 6*) или краям рисунка (рис. 3, *5*). Или же, вероятно, по подсохшей глине непосредственно перед обжигом – VI-Д (рис. 3, *7*).

В отчете Л. Н. Ситниковой шесть тамг из девяти нарисованы таким образом, что показано их формирование с помощью зубчатого штампа. Это также позволяет высказать предположение, что тамга была оставлена еще на влажной поверхности до обжига. В остальных трех случаях судить о способе нанесения знака невозможно.

Случаев, когда знак нанесен в процессе использования готового предмета, не выявлено.

Рис. 2. Тамги групп I–III, V.
1–7 – фрагменты ручек керамических кувшинов; *8–11* – фрагменты керамических чаш с пальцевыми вдавлениями с внутренней стороны венчика. Все знаки нанесены инструментом с зубчатым штампом

Рис. 3. Инструмент гончара и тамги групп IV и VI.
1 – инструмент гончара (железо); *2–6* – фрагменты ручек керамических кувшинов;
7 – фрагмент керамической чаши с пальцевым вдавлением с внутренней стороны венчика.
Знаки 4 и 6 нанесены зубчатым штампом; *2–5, 7* – прочерчены

ЛИТЕРАТУРА

Бжания Ц. Н., 1973. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми: Алашара. 323 с.

Биджиев Х. Х., Гадло А. В., 1979. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск: Краевая типография. С. 27–51.

Воронов Ю. Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство. 128 с.

Гитолендиа Т., 2012. Устные истории аджарских абхазов [Электронный ресурс]. URL: http://rus.expertclub.ge/portal/cnid__11482/alias__Expertclub/lang__ru/tabid__2546/default.aspx.

Инал-Ипа Ш. Д., 1995. Садзы: Историко-этнографические этюды. М: Институт этнологии и антропологии РАН. 286 с.

Инал-Ипа Ш. Д., 2002. Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея». 384 с.

Кузнецов В. А., 1963. Надписи Хумаринского городища // Советская археология. № 1. С. 298–305.

Лавров Л. И., 2009. Кавказские тамги. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 88 с.

Мамиев М. Э., Сланов А. А., 2004. Своды осетинских тамг // Историко-филологический архив. Вып. 1. С. 6–10.

Меньшиков М. Ю., 2015а. Отчет о выполнение охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый 1», «Поселение Садовый 2», «Святилище Садовый 3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п. о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2011 г. Архив ИА РАН, № 46544–46547.

Меньшиков М. Ю., 2015б. Отчет о проведении археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Селище Роза 1», «Могильник Роза 1», расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза Хутор» в Краснополянском п. о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. Архив ИА РАН, № 46548–46553.

Меньшиков М. Ю., 2015в. Отчет о проведении охранных археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Поселение Ржаное» (Ржаной 2 и Ржаной 3), расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза Хутор» в Краснополянском п. о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. Архив ИА РАН, № 46545, 46546.

Меньшиков М. Ю., 2022. Средневековые керамические чаши с пальцевыми вдавлениями из окрестностей поселка Красная Поляна // Лунинские чтения. Выпуск I: Материалы Всероссийской научно-практической конференции по археологии, локальной истории и музееведению Юга России [Текст] / Отв. ред. С. Н. Малахов. Армавир: Арт-Принт. С. 67–73.

Ситникова Л. Н., 1971. Отчет о результатах археологических разведок в окрестностях г. Сочи в 1971 г. Архив ИА РАН, Р-1. № 4531.

Торнау Ф. Ф., 2008. Воспоминания кавказского офицера. М: АИРО–XXI. 456 с.

Челеби Эвлия, 1983. Книга путешествия. Вып. 3. М.: Наука. 376 с.

Чуяко А. Б., 2012. Адыгские фамилии и тамги. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. 224 с., на адыг. языке.

Резюме. Данная статья посвящена находкам тамгообразных знаков на столовой керамической посуде, обнаруженным в результате охранных археологических работ в окрестностях пос. Красная Поляна и Роза Хутор (Краснодарский край). При анализе полученных находок удалось выделить группы, которые, по мнению автора публикации, могут представлять собой родовые знаки местного племени ахчипсху, а также группу знаков, которые, вероятно, связаны с соседними племенами, имевшими контакты с ахчипсинцами. В работе показаны способы нанесения знаков, типы посуды, на которые нанесены тамги, а также рассмотрены вопросы хронологии найденных предметов

Ключевые слова: Кавказ, Красная Поляна, р. Мзымта, ахчипсху, Средневековье, тамга, керамика.

M. Y. Menshikov

Bowls and jugs with property signs (tamgas) from excavations in Krasnaya Polyana and Rosa Khutor (Krasnodar region)

Abstract. This article is devoted to the findings of tamgas on medieval ceramic tableware excavated at Krasnaya Polyana region (Western Caucasus, Russia). As a result of analysis of these signs, it became possible to identify two main groups: signs of local tribes and signs of neighboring tribes. The paper shows the methods of applying signs, the types of dishes on which tamgas are applied, and discusses the chronology of the tamgas.

Keywords: Caucasus, Krasnaya Polyana, Mzymta river, Akhchipsu, Middle Ages, Tamga, ceramics.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-418-0.323-340

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ БАЛТОВ В СВЯЗИ С КОСТЮМОМ: ЛИТОВЦЫ

Н. В. Жилина

Выделение особенностей убора из украшений различных народов важно для дальнейшего анализа систем убора, выявления в них сходств и различий[1]. Сходства могут объясняться общими закономерностями в развитии, проявлением родства уборов по происхождению, близким набором испытанных влияний. Различия, как правило, объясняются особенностями местоположения, исторических путей развития народов и конкретным набором испытанных влияний (*Жилина*, 2022).

В данной статье анализируется убор литовской ветви восточных балтов (*Zhilina*, 2021)[2]. Преимущественно рассматривается материал эпохи Средневековья, но привлекаются и материалы первых веков н. э., а также этнографического костюма.

М. Гимбутас охарактеризовала основные черты костюма и убора из украшений балтов в обобщающей работе (*Gimbutas*, 1963). Основные представления исследователей о литовском уборе практически не меняются с 1960-х гг. по конец XX – начало XXI в. (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970; 1997; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 121–184; *Седов*, 1987).

Для сравнительного анализа мною выделены основные исторические стадии развития убора из украшений (*Zhilina*, 2016).

На натуральной стадии убора украшения предназначены в основном для тела и соответствуют его частям. Украшения выполняются из природных материалов – камня, глины, раковин, но начинают использоваться и искусственные (керамика, стекло, текстиль). Натуральный убор характерен для первобытной эпохи, элементы его наблюдаются в костюме древних цивилизаций, сохраняются в этнографическом костюме. Соединение украшений осуществляется способом обматывания, привязывания, нанизывания, скалывания. Сакральная и эстетическая функция убора объединены. Убор не обладает высокой прочностью (*Zhilina*, 2016; *Жилина*, 2022).

Добыча и торговля янтарем – «северным золотом» – в течение длительного времени была одной из основ материальной культуры Северной Европы. Балтский убор из украшений эпохи бронзы и железа сохранял черты натуральной стадии (использование янтаря: бусины, подвески и другие украшения), но приобрел и черты обильно-металлической (*Gimbutas*, 1963. P. 55–60. Fig. 13, 16; *Гимбутас*, 2004. С. 60–65, 68, 75–77, 123, 124. Рис. 13; 14; 16).

Стадия обильно-металлического убора существует с эпохи овладения металлом, сохраняя актуальность по эпоху раннего Средневековья. Термин «металлический» является здесь не только определением, указывающим на материал, но и характеризует сущностные качества убора. Тяжелые и многочисленные украшения из металла, изготовленные ковкой и литьем, скрепляют драпированную одежду и поддерживают ее на теле. Характерна прочная конструктивная связь металлических украшений между собой и с одеждой. Одни украшения заключают часть тела и деталь одежды в жесткий футляр (спирали, обоймы), другие играют роль несущего каркаса (головные обручи), третьи покрывают ткань костюма прилегающим металлическим слоем (нашивные и подвесные пластинки и бляшки, вшивные спирали, вотканные кольца). Украшения наглядно показывают свою конструкцию, создающую и конструктивный декор. Наиболее важными являются конструктивная функция убора и функция защиты, реальной и сакральной. Некоторые части убора могут выступить в качестве вооружения. Металл лучше

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

[2] Аналогично в других работах планируется рассмотреть убор из украшений латышских и западнобалтских народов.

всего реализует защитный шум звоном подвесных украшений: колокольчиков, бубенчиков и других подвесок. Количество металла отражает состоятельность и достаток человека. Люди любят металлический убор за его прочность и долговечность, многофункциональность и совершенство выполнения своих функций.

Обильно-металлическая стадия убора представлена балтским убором II–V вв., согласно оценке М. Гимбутас, эпохи «золотого века» балтов. Убор этого времени лежит в основе дальнейшего развития балтского средневекового убора из украшений (*Gimbutas*, 1963. P. 109–148. Fig. 40; 43; 45; *Гимбутас*, 2004. С. 113–124, 128–142, 150–152, 165–169. Рис. 40; 43; 45).

При рассмотрении материал сгруппирован в соответствии с отношением его к народам, известным на современной территории Литвы с эпохи Средневековья и позже. Этнический термин «литва» известен по ПВЛ, отразившей в своем составе Древнейший летописный свод 30-х гг. XI в. *Литва* входит в число народов, доставшихся Иафету (Библиотека, 2004. С. 62–65, 68, 69, 487)[3]. Этнические термины, соответствующе народам **литве** и **жемайтам** (жемоить), упомянуты в части ПВЛ Летописца Переяславля Суздальского (ПСРЛ. Т. 41. 1995. С. 5). Как государственное образование, граничащее с Русью, Литва упомянута в немецкой хронике «Кведлинбургские анналы» под 1009 г. (Немецкие анналы, 2012. С. 65). В «Слове о полку Игореве», литературном памятнике XII в., наименование «литва» упомянуто в одном ряду с этническим термином (ятвяги), но определено как страна. Там рассказано также, что русский князь Изяслав Васильковичвоевал «острыми мечами о шлемы литовские», но сам оказался повержен «литовскими мечами» (Слово… 1955. С. 88–91). Названия земель Жемайтия и Аукштайтия, народов – жемайты и литвины известны по «Хронике земли Прусской» XIV в. при описании событий 1294 г. на территории Великого княжества Литовского (Хроника земли Прусской, 1997. С. 152, 153, 155–158; Этнаграфія Беларусі, 1989. С. 41, 291; *Пашуто*, 1959. С. 5, 6, 10). Название народа «жемайты» отразилось в полном названии Великого княжества Литовского: Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское (Вялікае Княства Літоўскае, 2007. С. 5).

Значительная часть привлекаемого материала по убору датируется более ранним временем по сравнению с появлением в источниках указанных названий народов и земель. Поэтому следует оговориться, что более ранний материал включен в эти группировки условно. Это оправдано стремлением не дробить при рассмотрении комплекс убора одной территории, а также тем, что упоминания и традиционность развития материальной культуры позволяют предполагать существование народов и ранее.

Конкретная характеристика убора литовцев первоначально неизбежно носит описательный и констатирующий характер и основана на материале, введенном в научный оборот. Но на основании объединения данных в итоге дается характеристика основных стадий и особенностей убора.

База материала

Одежда литовских народов. Головной убор. Девичьи головные венки, известные от начала н. э. по XIV в., имели основу из ткани и кожи, дополнялись бронзовыми спиралями, соединительными пластинами и другими деталями (рис. 1, *1, 2*). В середине I тыс. н. э. венки стали выше. Разнообразие венков характерно для IX–XII вв. Венок становился и частью женского головного убора.

Постепенно происходит замена металлических венков мягкими ткаными лентами с разноцветными нитями и бусинами, что соответствует и археологическим материалам XIII–XVI вв., и этнографическим материалам XIX – начала XX в. В Жемайтии сохраняется форма венка, переходная от мягкой ленты к обручу с твердой основой (*рангай*) (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 73, 74. Карта 29).

Женские головные уборы – шерстяные или кожаные шапки, в I – начале II тыс. имели полусферическую форму и обильно украшались бронзовыми деталями, в том числе височными кольцами (рис. 1, *3–5*). В богатых погребениях известны жесткие и тяжелые шапки, сплетенные из лент, с бронзовыми колечками и подвесками (рис. 1, *9*).

В IX–X вв. женский полотенчатый головной убор типа «наметка» украшался бисером

[3] В основу публикации текста ПВЛ в указанном издании положен Ипатьевский список Ипатьевской летописи, но для передачи текста привлекаются другие списки ПВЛ (Библиотека, 2004. С. 488).

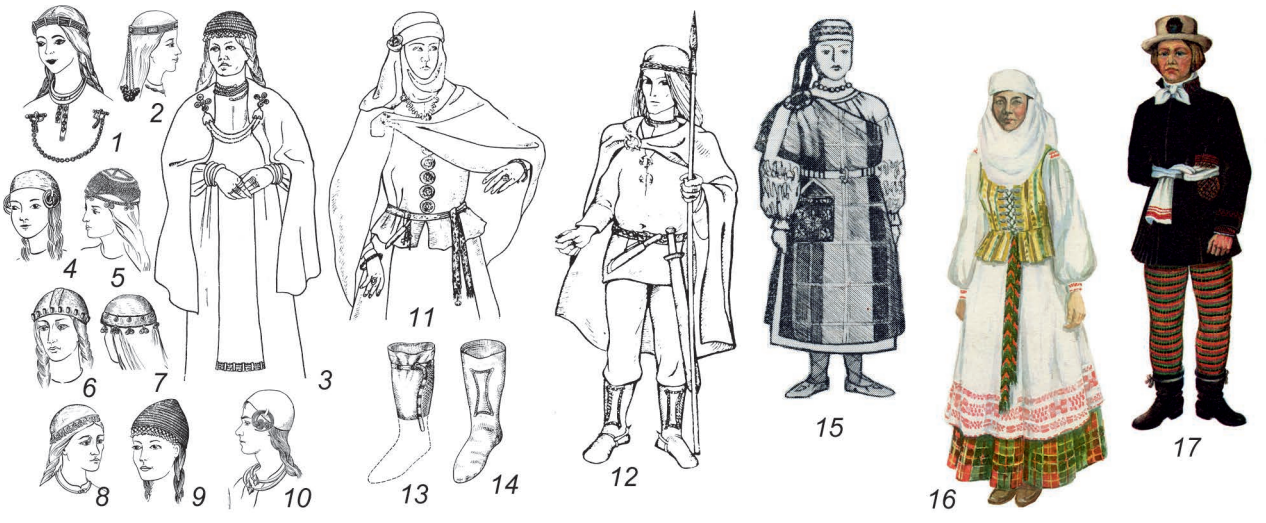


Рис. 1. Одежда литовских народов, реконструкции.
1 – убор аукштайтов, IX–X вв. (Финно-угры, 1987. Табл. CXX: *14*); *2* – венок, Восточная Литва (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 54, *б*); *3* – одежда жемайтов, X–XI вв.; шапки литвы – *4, 10* – с височными кольцами; *5* – с металлическим декором и подвесками; *6* – со спиралями; *7, 8* – с подвесками; *9* – шапка жемайтов с подвесками (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 51, *г, ж, д*; 52, *а–в*; Финно-угры, 1987. Табл. CXXV, *7*); *11* – литовский женский костюм XIV–XV вв.; *12* – литовский мужской костюм X–XI вв.; *13, 14* – мужская обувь (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 59; 58, *а, б*); *15* – *маргине*, XVII в.; *16, 17* – женская и мужская одежда аукштайтов, середина XIX в. (Историко-этнографический атлас, 1986. Рис. 1, *б*; 19Ц, 38Ц)

и закреплялся двумя перпендикулярными булавками (рис. 1, *11*). В XIII–XVI вв. наметка распространилась шире, бытовала до XVIII–XIX вв. и практически в неизменном виде сохранилась в костюме **аукштайтов**, а жемайтский комплекс сохранил множество платков, повязывавшихся вокруг головы и поверх чепца (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 152–159, 163, 164; Историко-этнографический атлас, 1986. С. 18, 75, 86. Рис. 19Ц; 20Ц. Карта 30; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 19–25, 131, 132) (рис. 1, *16*).

Женский костюм состоял из рубахи, юбки, передника, наплечного покрывала.

Покрой льняной туникообразной рубахи с длинными рукавами с высоким воротом сохранялся до XIX в. (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 18, 33. Рис. 19Ц; 20Ц). В XIII–XVI вв. рубахи застегивались на пуговицы.

Частично несшитые юбки длиной до щиколотки состояли из прямоугольных кусков, заходивших друг на друга, край украшался бляшками. Несшитая юбка в XVII в. называлась *«маргине»*, но с XVI в. в костюме распространялись сшитые юбки (*индорак*) (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 22, 23).

Известный с IV в. н. э. передник длиной ниже середины голени закрывал несшитую часть юбки, украшался рядами бронзовых спиралей с пластинами-распределителями. На сшитой юбке передник переходил к декоративной роли. Он известен по письменным и изобразительным источникам XVII–XIX вв., в ряде областей сохраняясь как часть праздничного костюма. На территории Литвы до XIX–XX вв. единично встречался архаичный покрой передника из двух полотнищ (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 46–48).

Тканые пояса известны с IV – начала V в. и широко распространены в конце I – начале II тыс. В VIII–IX вв. одежда скреплялась поясом с подвеской справа в области бедра. В начале XIV в. зажиточные женщины использовали кожаные ремни. К поясам крепили различные бытовые предметы (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 149, 150, 168. Рис. 47, *б*).

В этнографическом женском костюме пояса в значительной мере переходили на декоративную роль, завязывались спереди бантом. Домотканые пояса (в том числе тканные на дощечках) преобладали в Аукштайтии, но практически не использовались в Жемайтии. Матерчатые пояса оставались гладкими и вышивались нитками (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 122–126. Рис. 132Ц, *3*).

В X–XI вв. костюм дополнился безрукавкой, сохранявшейся в XVI–XVII вв., застегивавшейся

булавками меньшего размера по сравнению с булавками для верхней одежды. В XIX в. безрукавки остались в народном литовском костюме как основной вид наплечной одежды, сохранившей металлические украшения-застежки. В Аукштайтии петли шнуровки безрукавок отделывались орнаментированными металлическими пластинками, а шнурование выполнялось металлическими цепочками. Вышивка же применялась редко и оставалась скромной. Кофты известны с XVI в., к XX в. распространяются больше (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 150, 151; Историко-этнографический атлас, 1986. С. 50–59. Рис. 26; 92Ц, *2*; 35, *а*).

Наплечные покрывала, известные с конца IV – начала V в., застегивались булавками, соединяемыми рядами цепочек, или фибулой (рис. 1, *1, 3*). Покрывало пристегивалось и к нижележащей одежде. Шерстяные покрывала четырехугольной формы украшались металлическими деталями и притканной по краям тесьмой (Литовское взморье). В костюм женщины могли входить два-три покрывала (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 151, 152. Рис. 50).

Термин «маргине» в XVII в. относился и к наплечному покрывалу, соединенному с несшитой юбкой – полотнищем, окружавшим бедра[4] (рис. 1, *15*). Несшитая юбка к XIX в. уходит в прошлое. Покрывало остается в составе костюма до XIX в. включительно, позже используется при совершении обрядов. Для скрепления какое-то время используются металлические застежки, аналогичные фибулам. Тем не менее одно из старых названий покрывал в Жемайтии (*rišti*) сохранило смысл «завязывать». На западе Литвы сохранились наплечные покрывала и другие признаки драпированной одежды (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 62–71, 163, 165. Рис. 110Ц).

Остатки меха в погребениях позволяют предполагать зимнюю безрукавную одежду на булавках, соединенных рядами цепочек, вероятно, в форме накидки, сохранявшуюся в XVII в. (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 121–132; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 146–152, 168; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 132–134).

В XVI–XVII вв. в письменных источниках упомянуты верхние одежды из грубого сукна (*сермяга*) и холста. В начале XIX в. это была мужская и женская кафтанообразная одежда, приталенная и расширяющаяся книзу, с рукавами и скрытой застежкой на крючки. Овчинные шубы застегивались на пуговицы (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 128–135, 141–143. Рис. 113; 114).

Сведения о древней обуви скудны; вероятно, она изготавливалась из меха и кожи и не имела каблука. С мягкой кожаной обувью (*постолы*) простого кроя носили тканевые обмотки для ног. Кожаная обувь более сложного кроя шнуровалась и стягивалась ремешком. Предполагается существование лаптей (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 131, 132; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 159, 169; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 134).

В этнографическом комплексе типична кожаная и текстильная обувь на мягкой подошве (*постолы*[5]), плетеная и вязаная (*лаптu*), деревянная (*клумпес, клумпяй* и др.), иногда с кожаным верхом; кожаные сапоги, нуждавшиеся в подвязывании на ноге; валенки (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 144–151. Карты № 55–57). В XVII в. распространилось ношение вязаных чулок (до колена) и носков (до щиколотки), считавшихся праздничным и нарядным элементом костюма, а в XIX в. они уже повседневны (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 152)[6].

В X–XI вв. **мужчины** носили шапки-колпаки из шерсти или меха, края или передняя часть украшались бронзой (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 163, 164). В XVI в. невысокие полусферические войлочные шапки имели прижатые поля. В XIX в. в мужском этнографическом комплексе аналогичны валяные шляпы *магерки*, а также высокие цилиндрические и расширяющиеся кверху с прямыми полями; меховые цилиндрические шапки; шапки с конусообразной тульей, вязаные колпаки. В это время головные уборы украшались текстильным материалом (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 170; Историко-этнографический атлас, 1986. С. 115, 118–121).

В **мужской костюм** входила льняная нательная подпоясанная туникообразная рубаха

---

[4] Определение термина «маргине» в этнографической литературе дано неоднозначно: то как поясной, то как наплечной одежды. По-видимому, логично понимать термин как соответствующий либо комплекту из полотнищ, либо одному полотнищу, перекинутому с бедер на плечи.

[5] До конца XIX – начала XX в. распространены постолы из одного куска кожи, к 30-м гг. XX в. их уже мало.

[6] Перчатки в Литве известны с XVI в. В XIX в. здесь характерны перчатки и варежки без цветных узоров и узорчатые (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 156–161).

(сохранялась до XIX в.) с прямой прорезью ворота, застегнутого фибулой. Поверх рубахи носили толстую шерстяную туникообразную одежду длиной до середины бедра с рукавами, с прямой передней прорезью, застегивающейся несколькими фибулами, и подпоясанную ремнем. К этой одежде пристегивался кусок ткани для покрытия головы (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Pav. 52).

Сужающиеся штаны, вероятно, заправлялись в обувь с высокими голенищами.

Верхняя одежда – плащи из толстой ткани или меха застегивались массивной фибулой на правом плече (рис. 1, *12*).

В XIII–XVII вв. поверх рубахи носили одежду из тонкой шерстяной ткани, подпоясанную кожаным ремнем, поверх нее – одежду из грубошерстного сукна (сермяга), подпоясанную ремнем, с бляшками на заклепках (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 171; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 132–138; 1997. P. 134–136; Историко-этнографический атлас, 1986. С. 162)[7].

До середины XIX в. мужской костюм сохранил очень многое из древнего состава: рубаха, узкие длинные штаны, заправленные в сапоги или с обмотками. Сформировалась распашная одежда – шерстяная прямая куртка и суконный кафтан с ремнем (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 162–165, 171, Рис. 58; Историко-этнографический атлас, 1986. С. 100, 107–111. Рис. 37Ц–40Ц). Ворот рубах застегивается на пуговицы (в том числе текстильные) или завязывается, дополняется шейным платком, застежки типа фибул практически не используются (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 102, 114) (рис. 1, *17*).

Поясные ремни с пряжками, бляшками, металлическими оковками, декоративными гвоздиками и привесками известны с V–VI вв., распространились в IX–XII вв. Ремни располагались на плечах, груди и на поясе, соединялись распределителями, образуя систему связи с украшениями из металла. Есть сведения, что орнаментация мужских ремней металлом (пластинками, гвоздиками и пряжками) сохранялась в XVI–XVII вв. и до первой половины XIX в., но сами вещи не сохранились. Ко второй половине XIX в. ремни с металлическими украшениями уходят в прошлое (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 162, 163, 170, 171. Рис. 56; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Pav. 45, 46; Историко-этнографический атлас, 1986. С. 126. Рис. 136Ц, *3*; 140Ц, *1, 2*).

С V–VI вв. в археологическом материале хорошо известны пряжки, язычки, оковки, нашивки кожаной мужской обуви. Высокое голенище сапога стягивалось ниже колена окованным бронзой ремешком, застегивалось бронзовой пряжкой, конец ремешка свисал (рис. 1, *13, 14*). Такая конструкция обуви характерна по начало II тыс. н. э. К XIII–XIV вв. появилась более жесткая обувь. В XIII–XVI вв. известны мягкие кожаные туфли (*постолы*) из цельного куска кожи, стянутые шнурком, украшаемые металлом, носимые с обмотками. Для мужской обуви характерен более тупой носок по сравнению с женской (рис. 1, *12*) (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 165, 166, 170. Рис. 58).

Убор из украшений литовских народов. Металлические детали и украшения головного убора. Металлические украшения в женском головном уборе использовались от начала н. э. до второй половины I тыс. н. э. Головной ленточный венок состоял из бронзовых спиралей и соединительных пластин, закрепленных на тканых лентах (известен по XIV в. включительно) (рис. 2, *1, 2*). В первые века н. э. ленточные венки с основой из кожи или ткани покрывались рядами бронзовых шишечек; жгутовые с основой из тонкого шнура дополнялись нанизанными проволочными кольцами. Наиболее типична для **жемайтов** и **аукштайтов** V–VIII вв. ленточная конструкция из бронзовых спиралей (рис. 1, *1*; 2, *1*). В облике венка **литвы** VIII–XI вв. доминировали пластины (рис. 2, *4*). На затылке на бронзовых цепочках привешивались колоколовидные подвески (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 315–317. Pav. 216; 218). Завязки, продетые в металлические кольца по краям венков, скрепляли венок и украшались спиралями и подвесками.

Ленточные венки IV–V вв. имели два ряда спиралей, с середины I тыс. н. э. – до пяти-шести. Вместо спиралей использовались миниатюрные цилиндры. Особая затылочная пластина регулировала диаметр венка (рис. 2, *1, 2а, б*). Массивность венков характерна для IX–XII вв.

Жгутовые венки V–IX вв. соединялись с крупной изгибающейся затылочной спиралью для укладки волос (со стержнем в пучке веревок

[7] Конкретные ссылки на используемые в статье реконструкции костюма даны в подписях к рис. 1.

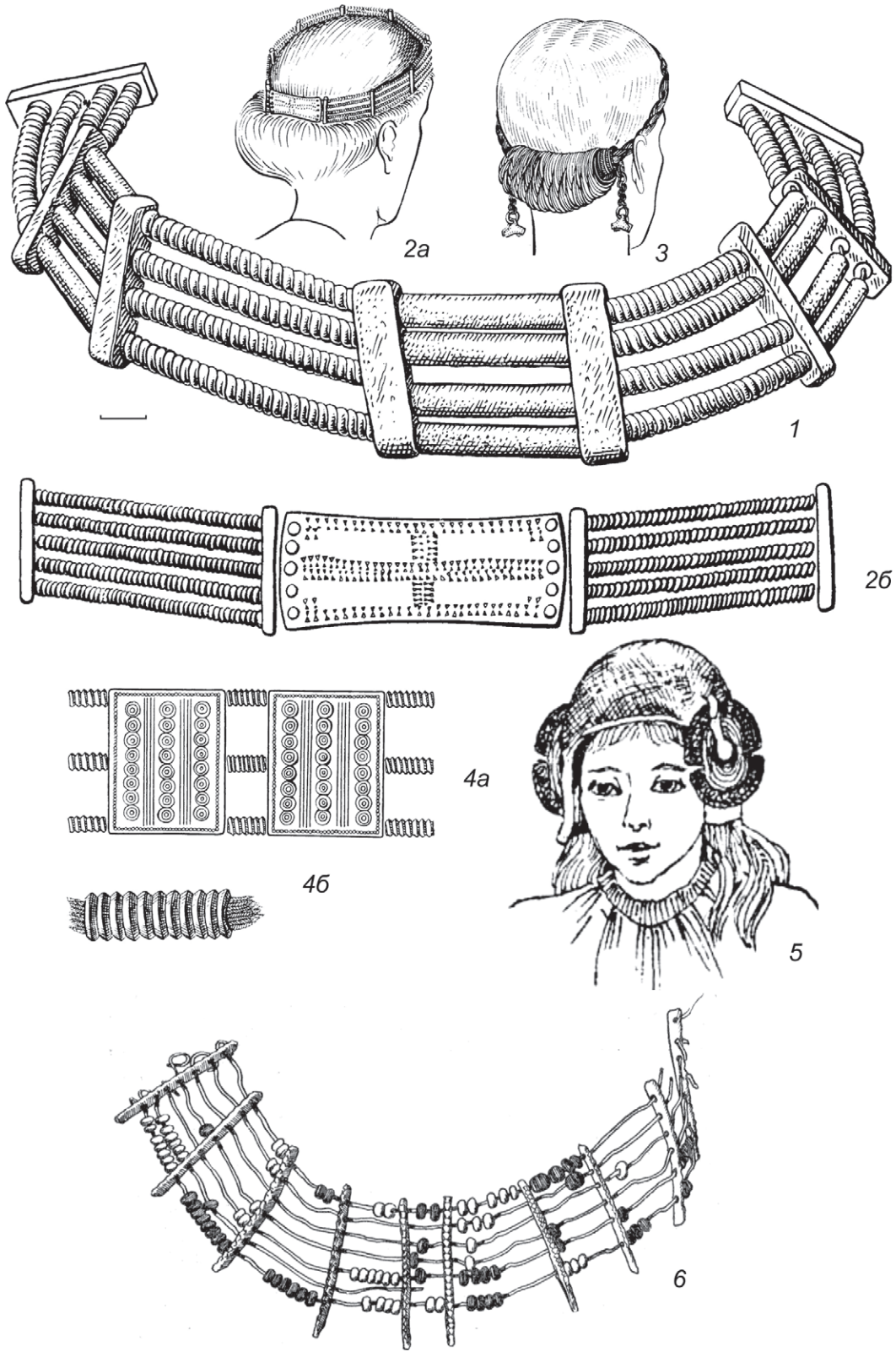


Рис. 2. Головные уборы литовцев: жемайтов: *1, 2* – ленточные венки, V–VIII вв. (Финно-угры, 1987. Табл. CXVIII: *2*; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 53, *а*); *3* – венок с тыльной пластиной и спиралью для прически (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 53, *б*); *4* – детали венков, Центральная Литва (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 55); *5* – шапка с височным кольцом для крепления к волосам (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Pav. 13, *1*); *6* – легкий головной убор, Плунгенский р-н, территория жемайтов, IX–XII вв. (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. Pav. 326)

внутри для придания изгиба), с подвесками на цепочках по краям (рис. 2, *3*).

Для облегчения венков со временем элементы делают из тонкой жести (рис. 1, *2*).

В первые века н. э. **шапки** украшались двумя небольшими, звеньеобразно соединенными височными кольцами (рис. 3, *1*). Во II–III вв. н. э. более крупные спиральные височные кольца диаметром до 10 см закреплялись по одному с обеих сторон шапки (рис. 3, *2*). В IV–VI вв. н. э. у **литвы** использовались кольцевидные височные кольца с заходящими концами и со спиральным завитком на конце, иногда по несколько штук (рис. 1, *10*; 3, *3–5*). В Центральной Литве использовались круглые спирально орнаментированные плоские височные украшения диаметром до 12 см (рис. 3, *6*). Они имели щелевидное отверстие, способное к расширению, возможно, предназначенное для продевания косы (рис. 2, *5*) (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 25. Pav. 13, *1*).

Во второй половине I тыс. височные украшения практически не использовалось, но шапки обильно украшались металлом. В III–IV вв. поверхность покрывалась бронзовыми бляшками в геометрическом порядке, а по краю свисали спиральные очковидные подвески (рис. 1, *5*; 3, *7*). В середине I тыс. н. э. края украшались рядом вертикальных трубочек и полосой по центру (рис. 1, *6*); в VIII–IX вв. – кольцевидными и сердцевидными подвесками (рис. 1, *7*). В погребении VI в. по краю расположено украшение, аналогичное ожерелью: парные четырехугольные подвески на арочной основе отходят от линии спиралек (рис. 1, *8*).

В конце I – начале II тыс. край более скромно украшен спиралями в геометрическом порядке, дополнен янтарной бусиной. На территории Жемайтии сохранилось полное украшение шапок металлом, изготовленных из плетеных и спирально уложенных лент с нанизанными маленькими кольцами, с подвесками в виде кленовых семян по краям или спереди (рис. 1, *9*; 3, *8, 9*). В Восточной Литве сохранилась шапка с кольцеобразными височными кольцами со спиральными концами (рис. 1, *10*).

Известны украшения цилиндрической формы для продевания волос, сделанные из кожаных полос, обвитых проволокой, застегнутые пластиной (рис. 3, *11, 12*).

Для скрепления полотенчатого головного убора служили две перпендикулярно расположенные булавки: горизонтальная железная сверху, вертикальная нарядная булавка или фибула справа (рис. 1, *11*; 4, *10*).

В VII–VIII вв. в головном уборе жемайтов могла употребляться тесьма, сотканная на дощечках с вотканными кольцами, аналогичная тесьме поясов (*Rimkute*, 2008).

В IX–XII вв. (совр. Плунгенский р-н, территория жемайтов) известен своеобразный облегченный головной убор, состоящий из семи рядов тонкой проволоки с нанизанными стеклянными бусинами, пропущенных через узкие разделительные пластинки, расположенные равномерно по диаметру с сужением налобного участка (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 454, 455. Pav. 326) (рис. 2, *6*).

В X–XI вв. мужские шапки украшались рядами переплетенных проволок или спиралями в геометрическом орнаменте, часто только с лицевой стороны (рис. 3, *10*) *(Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 453–455. Pav. 325; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 152–159; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 19–26, 131, 132).

Металлические застежки и украшения шейно-нагрудного яруса. В мужском уборе V–VIII вв. (**жемайты, аукштайты, литва**) используются арбалетовидные фибулы и железные посоховидные булавки (рис. 4, *1, 4, 5*). В раннем уборе *литвы* есть подковообразные фибулы с выемчатой эмалью, фибулы на звездчатой ножке (рис. 4, *2, 3*). Использование подковообразных фибул возрастает. В IX–XIII вв. у жемайтов – по одной-две подковообразные фибулы в костюме (с маковидными, грибовидными и зооморфными концами). В мужских погребениях в данный период встречается от 10 до 20 подковообразных фибул в комплекте одного костюма *(Kulikauskas, Kulikauskienė*, *Tautavičius*, 1961. Pav. 271; *Гимбутас*, 2004. С. 167). В XIV–XV вв. распространены кольцевые плоские формы застежек.

В женском уборе также используются железные и бронзовые арбалетовидные фибулы; разные типы булавок: посоховидные, с кольцеобразными, раструбовидными (рис. 4, *4, 5*) и треугольными головками (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 327–344. Pav. 229–247).

В IX–XII вв. характерны булавки с крестовидными головками (рис. 4, *6, 7*); есть с кольцеобразными или раструбовидными, единичны с треугольными, посоховидные. Около булавок находятся мелкие янтарные бусы, вероятно, привешенные к ним. В IX–XII вв. наплечное

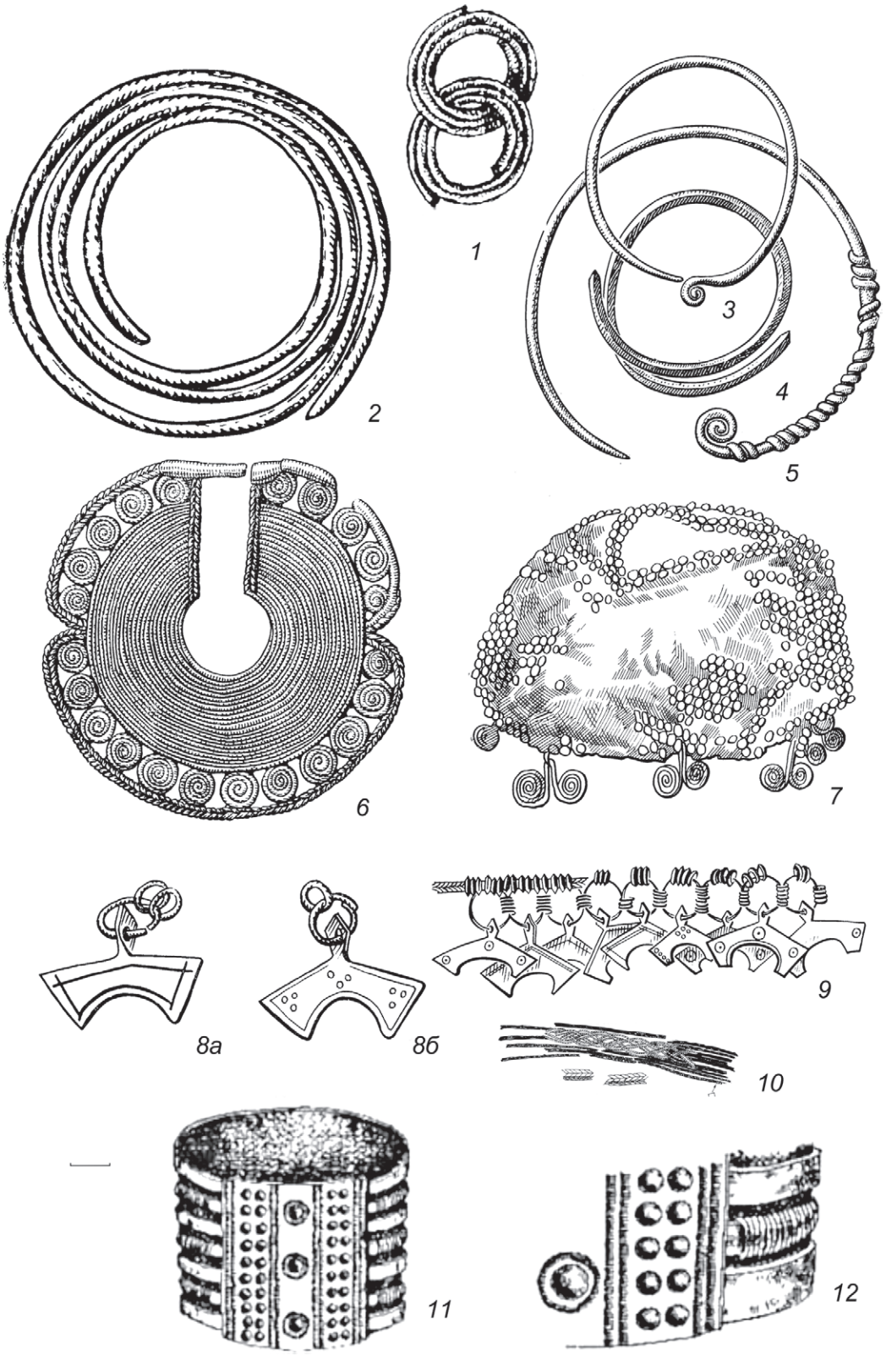


Рис. 3. Украшения головных уборов литовцев: *1, 2* – спиральные височные кольца первых веков н. э. (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Pav. 11, *3*; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 51, *б*); *3–5* – височные кольца литвы (известны в IV–VI вв.) (Финно-угры, 1987. Табл. CXXV, *4–6*); *6* – височная пластина головного убора (Финно-угры, 1987. Табл. CXXI, *16*); *7* – шапка с геометрическим декором и очковидными привесками; *8, 9* – подвески к шапкам жемайтов; *10* – украшение мужской шапки (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 51, *е, д, ж*; 57, *б*); *11, 12* – детали для волос (Volkaitė-Kulikauskienė, 1997. Pav. 35, *1, 2*)

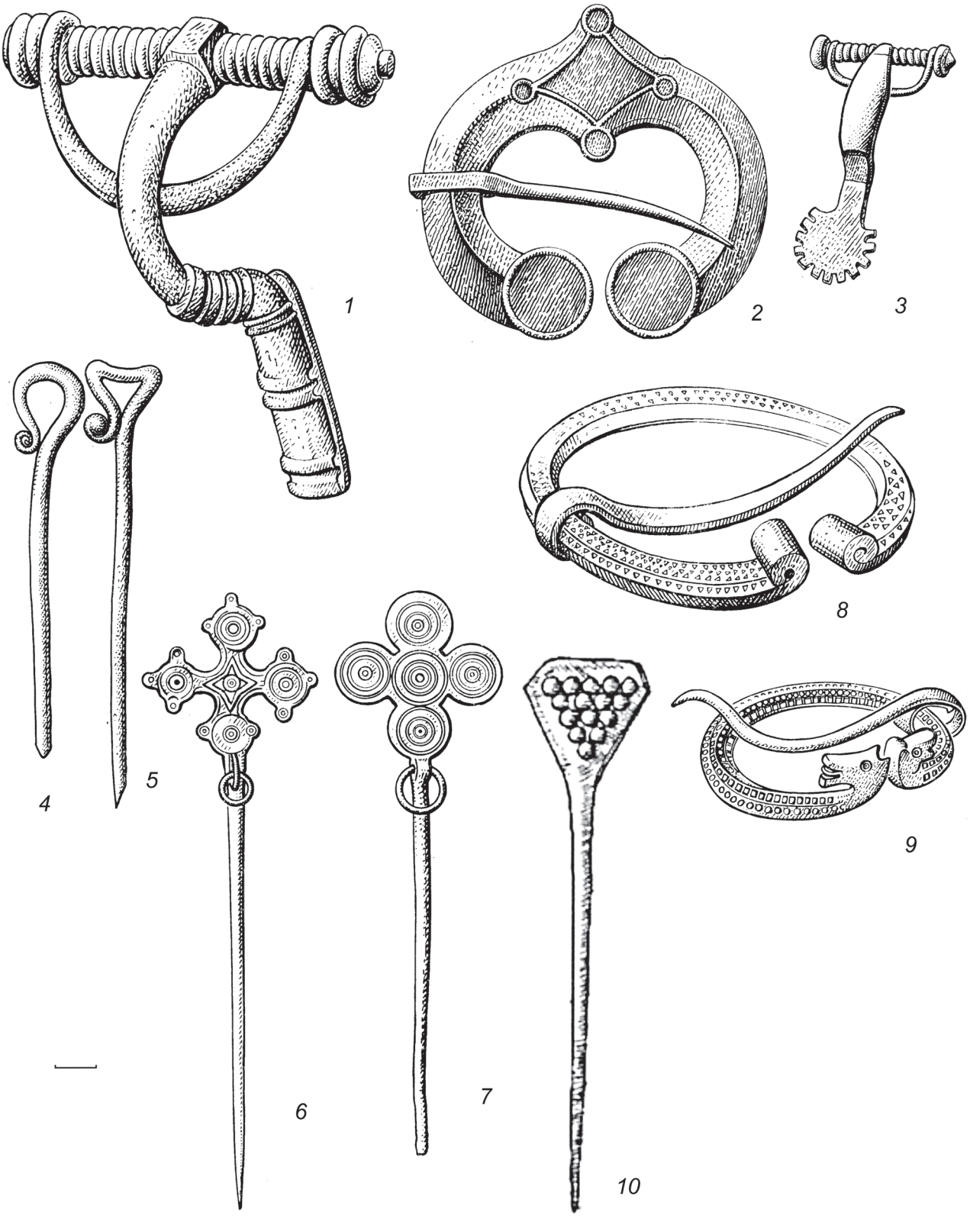


Рис. 4. Булавки и застежки: V–VIII вв.: *1* – мужская арбалетовидная фибула жемайтов (Финно-угры, 1987. Табл. CXVIII, *10*); литвы – *2* – подковообразная фибула, выемчатая эмаль, *3* – арбалетообразная фибула, *4, 5* – посоховидные булавки (Финно-угры, 1987. Табл. CXXV, *1, 2, 14, 18*); IX–XII вв., жемайтов – *6, 7* – крестовидные булавки; *8* – подковообразная фибула (Финно-угры, 1987. Табл. CXVIII, *16*; CXIX, *1, 3*); *9* – с зооморфными концами, литвы (Финно-угры, 1987. Табл. CXXV, *19*); 10 – булавка для полотенчатого убора (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Pav. 35, *3*)

покрывало застегивается парой посеребренных булавок с крестовидной головкой и с подвесками (рис. 1, *3*). Со временем все более используются подковообразные фибулы (рис. 4, *8*) со спиралевидными, трубчатыми и зооморфными концами (рис. 4, *9*). Булавки соединялись нагрудными цепями в один или несколько рядов (рис. 1, *1, 3*) (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 474–490. Pav. 341–343, 359; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 157–177).

Гривны у **жемайтов** в раннее время нечасты. В V–VIII вв. витые, дротовые и пластинчатые гривны (иногда двойные) имеют утяжеленные, расширяющиеся и рельефные, заходящие концы или застежку из усложненных петель и крючков (рис. 5, *2–6*) (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 317–327. Pav. 219–224). Ожерелья с подвесками аналогичны украшению края шапок (рис. 5, *1*). В IX–XII вв. шейные гривны часты и разнообразны: крученые, витые, со спиралеобразной обмоткой; концы часто заходящие, многогранные и утолщенные; застежки на петлю и крючок разных форм иногда принимают форму округлых ложечных лопасок (рис. 5, *7–11*). До XIV–XV вв. сохранились спиральные формы гривен в несколько оборотов (рис. 5, *10*). Сходные формы гривен характерны для **аукштайтов** и **литвы**. В женском уборе **литвы** IX–XI вв. представлены гривны с конусовидными концами (рис. 1, *10*), пластинчатые гривны с заходящими концами и трапециевидными привесками (рис. 5, *13*). В составе убора носили по нескольку гривен (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. Pav. 270).

У **жемайтов** в IV–VII вв. до XII в. встречаются ожерелья из спиралек и колечек, стеклянных и янтарных бусин и привесок. В XII–XIII вв. у **литвы** распространились ожерелья из бронзовых биконических бус спиральной формы (рис. 5, *12*). До XIV–XV вв. сохранялись ожерелья из бубенчиков и раковин каури (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 456–474. Pav. 227, 327–338; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 139–157).

Украшение ткани металлическими деталями. Широко используются вшивные и нашивные на ткань орнаменты. Украшение края богатой одежды, юбок и передников ромбовидными бляшками характерно для **жемайтов** (рис. 6, *2*). С IV в. н. э. известны украшения края передника спиралями, становящиеся к X–XI вв. многорядными. Для соединения и ритмизации нашитых спиралей использовались миниатюрные пластины (рис. 1, *3*).

В узкие пояса жемайтов VII–VIII вв., сотканные на дощечках, были вотканы бронзовые колечки диаметром около 1 см (*Rimkute*, 2008. Fig. 3; 6) (рис. 6, *1*).

Тканый пояс в VIII–IX вв. мог быть украшен круглой подвеской со стеклянными вставками. Наплечное покрывало **литвы** в IX–XII вв. украшалось бронзовыми миниатюрными цилиндрами и спиралями (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 435–439. Pav. 305–310; 324; *Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 150–152; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 19–26, 132–134).

Украшения рук. В V–IX вв. для **жемайтов** характерны браслеты с расширяющимися концами и спиральные, в VII–VIII вв. – манжетовидные с выпуклой гранью посередине (рис. 7, *1–4*). Спиральные браслеты продолжают бытовать в IX–XII вв.

Для мужского убора V–VII вв. **аукштайтов** характерны трехгранные бронзовые браслеты. Более ранние формы женских браслетов – круглые в сечении, с расширяющимися концами. В XI–XIII вв. типичны пластинчатые формы, ровные или с расширяющимися концами (рис. 7, *5–8*).

В раннем мужском уборе **литвы** можно отметить манжетовидные браслеты, в женском – браслеты с утолщенными концами. В IX–XII вв. в Восточной Литве остаются высокие манжетообразные браслеты. Носили спиральные браслеты или по нескольку лентовидных.

У **жемайтов, аукштайтов, литвы** распространены спиральные перстни из пластинчатой спирали с сужающимися концами (рис. 7, *9, 10*); появляются витые, с рубчатым и зубчатым краем (рис. 7, *11–14*) (*Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius*, 1961. P. 344–346, 490–500. Pav. 248; 249; 251; 253; 363–366; 377; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1970. P. 177–184; 1997. P. 134)[8].

Облегчение металлического убора постепенно происходит в XIII/XIV–XVII вв. Уменьшается количество тяжелых бронзовых украшений, с начала XVI в. их сменяют украшения из тонкой жести, соответствующей и более тонкой ткани одежды.

[8] Отмечается, что в восточных областях Литвы не употреблялись булавки и массивные браслеты, характерны браслеты из пластины, гривны и ожерелья из бронзовых биконических бусин (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 159–161).

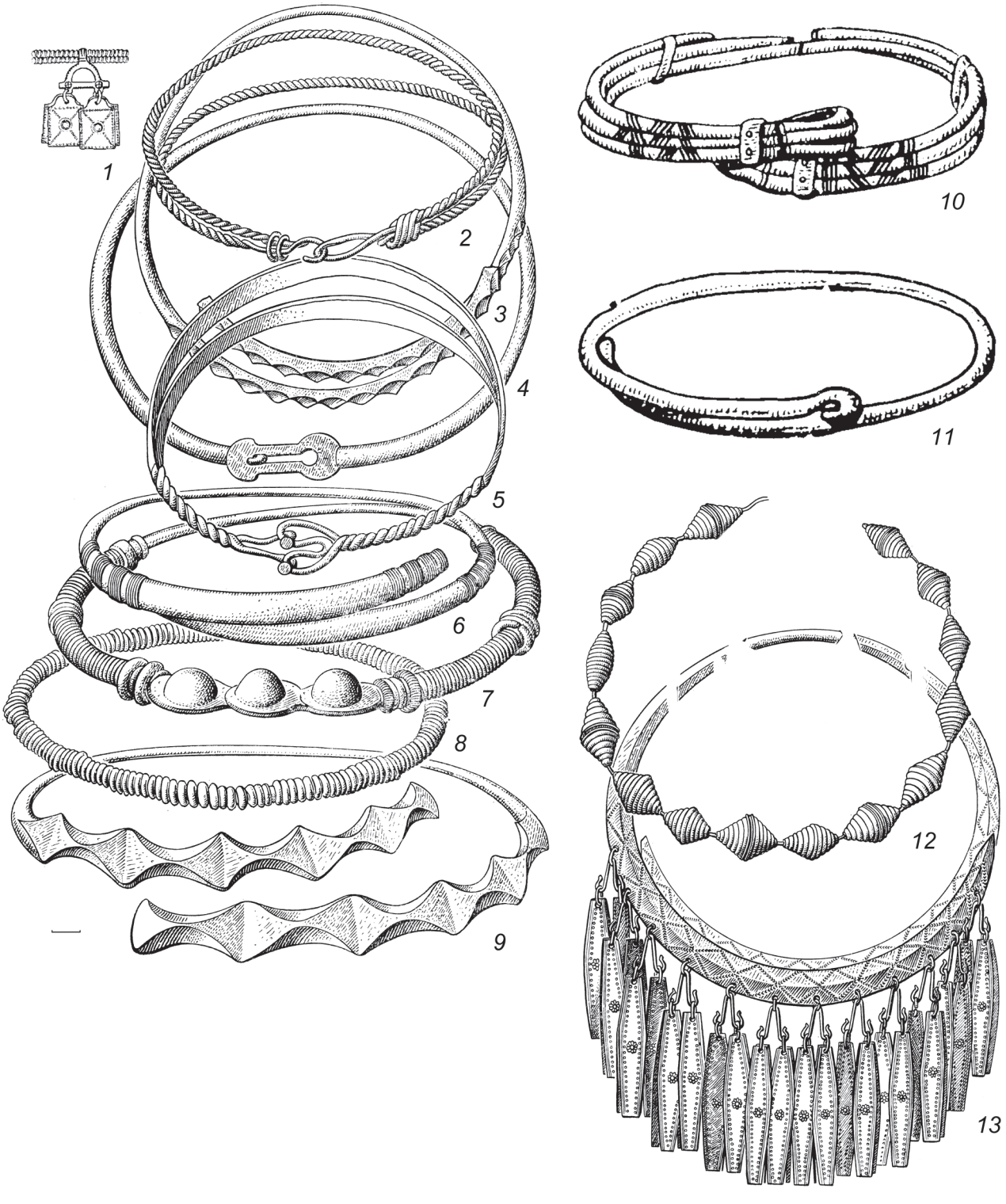


Рис. 5. Ожерелья литовских народов. 1 – ожерелье с подвесками, аналогичное украшению шапки (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Pav. 23, *2*); гривны V–VIII вв.: *2* – жемайтов, витая двойная, V–VI вв.; *3* – с утяжеленными гранеными концами, VII–VIII вв.; *4* – с пластинчатым замком в виде замочной скважины VII–VIII вв.; *5* – двойная пластинчатая с витыми концами с усложненным замком на петлю и крючок, VI–VII вв.; *6* – с расширяющимися концами, VI–VII вв. (Финно-угры, 1987. Табл. CXIX, *5–10*); *7* – с ложковидными концами и обмоткой, IX–X вв.; *8* – с обмоткой, IX–XII вв.; *9* – с гранеными седловидными концами; *10* – спиральная трехрядная, X–XI вв.; *11* – дротовая, с заходящими концами (Финно-угры, 1987. Табл. CXIX, *10, 12, 14, 16*; CXVII, *6, 5*); литвы: *12* – ожерелье из спиральных бусин; *13* – гривна с подвесками (Финно-угры, 1987. Табл. CXXV, *3, 9*)

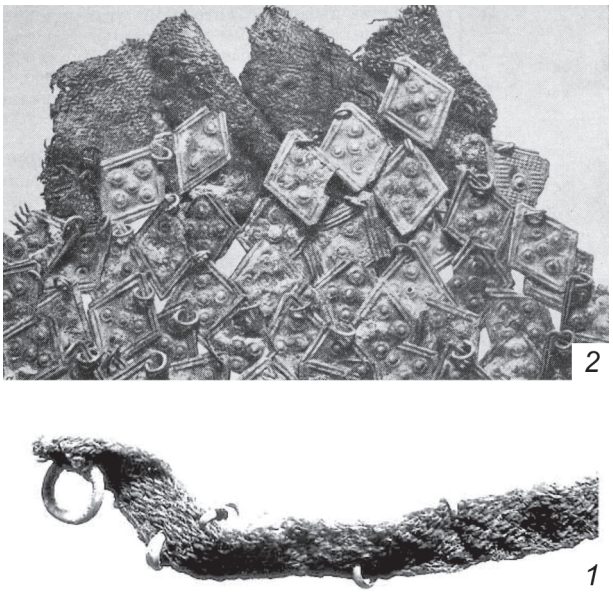


Рис. 6. Украшение предметов костюма металлом. Жемайты: *1* – ленты, тканные на дощечках, с колечками, VII–VIII вв. (*Rimkute*, 2008. Fig. 3, *6*); *2* – украшение края одежды, юбки (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. Рис. 47, *а*)

Венки с бляшками единичны, они сменяются тканными лентами с разноцветными нитями, лентами, тесьмой, бисером, бусинами, натуральными растительными украшениями (ветви руты), что соответствует этнографическим материалам XIX – начала XX в. В середине XIX в. основным видом украшения девичьих венков является вышивка в разной технике. Большинство женских головных уборов не украшено бляшками. Более распространен полотенчатый убор, застегиваемый легкими фибулами или булавками и переходящий к завязыванию (рис. 1, *11*). Известны мягкие, шитые и вязаные, чепцы (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 76, 78, 79, 83. Карта 29, 30).

Тем не менее до XIII–XIV вв. к головному убору прикрепляются бусинные серебряные височные кольца. В XIV–XV вв. появляются серьги с отходящим вниз стержнем, кольцевидные с подвесками и бусинами.

В XIII–XIV вв. характерны витые и плетеные гривны и фибулы, круглые пластинчатые фибулы из жести. Для застегивания наплечных покрывал и распашной одежды используется от двух до пяти фибул округлых форм (подковообразных, кольцевидных) (рис. 1, *11*). В XIII–XVI вв. появляются пуговицы для рубах (полые шарообразные и ажурные). В XV–XVI вв. гривны в основном заменяются ожерельями из мелких бусинок, раковин каури, бубенчиков и крестиков.

В этнографическом костюме ко второй половине XIX в. остаются ожерелья из бусин и бисера, металлических и стеклянных, янтарных и коралловых. Можно отметить сохранение шумящих подвесок к ожерельям. Фибулы и цепочки в середине XIX в. практически не отмечаются в использовании (Историко-этнографический атлас, 1986. С. 94–98. Рис. 76, *г*; 79. Карта 32, 33).

В мужском уборе XIII–XVI вв. украшение поясов металлом регулярно, есть и окованные бронзой кошельки. Кожаные ремни с бронзовой отделкой исконно более характерны для мужских комплексов, а с начала XIV в. и для зажиточных женщин. Тканый женский пояс дополнялся бронзовым бубенчиком.

Браслеты, частые в XIII–XIV вв., позже практически отсутствуют. Наиболее поздние формы – пластинчатые, витые и плетеные. Основным украшением рук остались перстни с заходящими концами, с расширяющейся средней частью, с XV в. – со стеклянными вставками. В XVI–XVII вв. из украшений мужчины носят практически только перстни (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 166, 167, 169).

Анализ. Основные черты убора балтов

В костюме литовцев наблюдается длительное сохранение элементов драпированной одежды вплоть до этнографического костюма. При туникообразном крое основной одежды (рубах), наличии конструкций распашной одежды (мужские кафтаны, женские безрукавки) драпированность сохраняют женские юбки и покрывала и мужские плащи.

Конструирование драпированной одежды предполагает элементарно простой крой, практически нарезание ткани кусками и полосами. Отрезки ткани четырехугольной формы дают форму литовского женского покрывала. Полосы ткани применялись и женщинами, и мужчинами как обмотки ног. Женские шапки изготавливаются плетением из узкой полосы ткани, лапти – из полосы лыка, кожаные постолы – из куска кожи.

В первые века н. э. и эпоху раннего Средневековья драпированная одежда литовцев складывается в связанный комплекс. Комплект драпировок (маргине) состоял из несшитой или частично сшитой

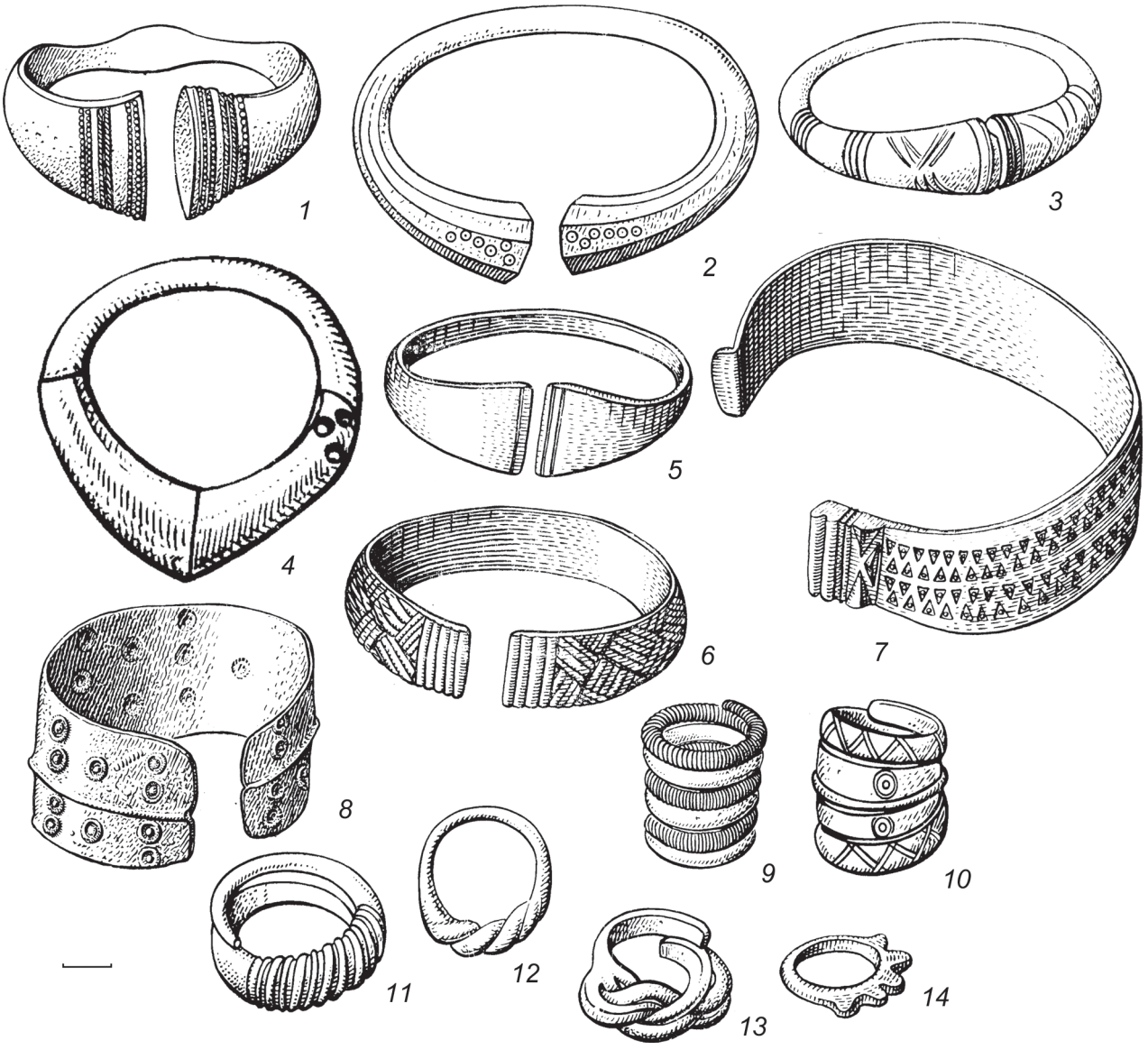


Рис. 7. Украшения рук. Браслеты жемайтов VI–VIII вв.: *1–3* – с расширяющимися концами; *4* – манжетовидный (Финно-угры, 1987. Табл. CXIX, *4, 8, 13*; CXVII, *18* – опубликовано без масштаба; аукштайтов: *5–7* – пластинчатые браслеты (Финно-угры, 1987. Табл. CXXI, *14, 15, 19*); *8* – пластинчатый браслет с продольным ребром, литва (Финно-угры, 1987. Табл. CXXV, *22*); перстни жемайтов: *9, 10* – спиральные, *11* – рубчатый с заходящими концами, *12, 13* – с витьем (Финно-угры, 1987. Табл. CXVIII, *4, 21, 17, 11, 13*); *14* – рубчатый аукштайтов (Финно-угры, 1987. Табл. CXXI, *17*)

юбки и покрывала, перекидывавшегося на верхнюю часть тела. Частью комплекса был и передник – драпировка, закрывавшая несшитые места и создававшая целостность костюма. К мужской теплой одежде пристегивался кусок ткани для покрытия головы. Конструкцию накидки сохраняла женская верхняя меховая одежда без рукавов.

Литовский драпированный костюм характеризовался и многослойностью: в женском гардеробе было два-три покрывала на случай утепления.

Один из способов скрепления драпированной одежды – завязывание, такой смысл сохранило одно из старых названий литовских покрывал. Кожаные сапоги стягивались на ногах ремешками. Важную конструктивную роль играли пояса и кожаные ремни: закрепление и оформление одежды на фигуре, ношение различных предметов и украшений.

Другой способ закрепления – обматывание сохраняют головной убор наметка и онучи.

Драпированная одежда была конструктивно удачно и удобно объединена с металлическими деталями обильно-металлического убора.

Она сочеталась со скреплением металлическими незастегивающимися булавками и фибулами. В древности и Средневековье складывались комплекты видов одежды и металлических деталей. Незастегивающиеся булавки – более простой скрепляющий инструмент, вероятно, и более архаичный. Они могли быть и более легкими, и более массивными; рабочими и декоративными; использоваться мобильно соответственно одежде: крупные соединяли тяжелые части костюма, небольшие – головные уборы. Образовался комплект наметки с двумя булавками, комплект застегивания женского покрывала из крупных булавок, соединенных рядами цепей. Покрывало пристегивалось и к нижележащей одежде. Комплекты для шапок образовывали и височные кольца разных размеров.

Более сильными являются застегивающиеся фибулы. Наиболее техничной является конструкция арбалетовидных фибул, они же наиболее крупные и тяжелые. Крупными были и подковообразные фибулы с выемчатой эмалью. Они соответствовали костюму, сохранявшему большую степень драпированности.

Важную роль уже в древний период у литовцев играла более развитая по крою одежда. Туникообразные рубаха и мужская верхняя теплая одежда сохраняли разрез от горловины вниз, застегиваемый фибулами. Удлинение разреза верхней мужской туникообразной одежды создавало предпосылку для развития распашной одежды. Распашную конструкцию имела женская безрукавка, по направлению к кафтану развивалась мужская одежда поверх рубахи.

Более длинные разрезы требовали использования большего количества, но не столь крупных подковообразных фибул. Использование до 10–20 подковообразных фибул в одном костюме показывает формирование частой застежки – предпосылки застежки на пуговицы, возникающей впоследствии, к XIII в. Подковообразные фибулы приближались к роли более мобильных пряжек.

Сохранение драпированной одежды характерно и для **этнографического костюма литовцев** – наметки и покрывала. Наследием наметки было многослойное ношение головных платков. На архаичность покрывала указывает его более поздняя ритуальная роль. Для их скрепления какое-то время используются металлические застежки, аналогичные фибулам. В Аукштайтии сохранилась отделка металлом и цепочки шнуровки безрукавок. Передник и пояс в развитом кроеном костюме приобрели декоративную роль. Сформировалась полностью сшитая женская юбка, мужская распашная одежда.

Анализ убора из украшений. Украшения имеют конструктивно удобные детали и форму, приспособленные для соединения (надевания, охватывания): кольцо, спираль, обойма.

Мощная и крепкая металлическая конструкция девичьего головного венка V–VIII вв. включала приспособления для регулирования размера для плотного охвата по голове, кольца для завязывания шнура, спирали для наматывания волос. Многие детали, как декоративные, так и технические, имели форму спирали или цилиндра, способных охватывать стержень, шнур или нить. В IX–XII вв. венки увеличивают массивность.

Некрупные височные кольца соединялись друг с другом в небольшую цепь. Шапки снабжались крупными височными украшениями (сопоставимыми с размером уха – «наушниками») с удобными приспособлениями для соединения с волосами или краем шапки. Основанные на спиральной конструкции и декоре одновременно, они составляли комплекты из крупных плоских спиралей, игравших основную конструктивную роль, и меньших подвесных – более декоративных.

Для поддержания полотенчатых уборов использовалось по две булавки, одна из которых играла конструктивную, другая – и декоративную роль. В наиболее обильно снабженном металлом варианте шапки отличались массивностью и жесткостью.

Позже шапки украшаются множественными подвесками по всей поверхности или краю. Детали сохраняют вид трубочек и содержат спирали в своем составе.

Шапки **жемайтов** имеют полностью металлический облик, состоят из плетеных и спирально уложенных лент с нанизанными мелкими кольцами, края украшены подвесками в виде кленовых семян, форма которых, вероятно, стилистически связана с формами украшений с выемчатой эмалью.

Специальные цилиндрические обоймы, застегнутые на пластины, предназначены для пропускания и охватывания прядей волос или кос.

Само изготовление их из кожаных полос, обвитых проволокой, выполнено типичным для металлического убора способом обматывания и укрепления металлом мягкого материала.

Шумящие украшения в виде колокольчиков подвешивались к головным венкам.

Ожерелья из спиралевидной основы с подвесками создавали комплект с аналогичными украшениями шапки. У **жемайтов** долго использовались ожерелья из колечек и бусин (янтарных и стеклянных).

В V–VIII вв. в литовском уборе используются наиболее массивные шейные гривны с укрупненными и утяжеленными заходящими концами. Тело гривны может быть двойным и тройным (спиральным), гривны дополняются привесками. Некоторые виды сохраняются и в IX–XII вв. и позже. Застежки на петлю и крючок прочны и рациональны, напоминают замочную скважину, дополняются скромным декором (расплющенные фигурные формы петель). В это время распространяются более гибкие ожерелья из бусин, сделанных из спирально свернутой проволоки.

Обильное многорядное украшение ткани одежды металлом способами вшивания, воткания, нашивания мелких металлических деталей: спиралей, пластин, бляшек – распространялось на многие виды одежды: головные уборы, основную одежду, пояса. Эти детали на ткани создают ансамбль с привесками к украшениям и цепям.

Браслеты, как правило, имеют расширяющиеся и утяжеленные концы. Но особенно характер обильно-металлического убора передают массивные широкие манжетовидные браслеты с выпуклой гранью (могли стать и оружием ближнего боя) и спиральные многорядные (могли охватывать ткань одежды). С XI в. распространились более легкие пластинчатые формы украшений рук. Браслетов могли носить по нескольку штук на руке. Среди перстней также наиболее типичная форма – спиральные, позже постепенно распространяются витые, плетеные, рубчатые (или отражающие такую фактуру в литье).

На всем протяжении развития обильно-металлического убора в нем сохраняются черты натуральной стадии: подвешивание отдельных янтарных бусин, ожерелья из янтарных, коралловых и стеклянных бусин, из раковин.

Эстетика литовских украшений задается в основном их крупными формами с ритмично повторяющимися объемами на видных местах, иногда в их почти гротескном увеличении. Декор усиливает впечатление тяжести. Поверхностная орнаментация технически и визуально проста: гравированный и штампованный пуансоном геометрический орнамент.

Для эпохи раннего Средневековья в уборе балтов наблюдаются общие и конкретные аналогии с убором «древностей антов»: использование нагрудных цепей, конструкция головного убора с височными кольцами и крупными наушными пластинами. Если общие аналогии объясняются стадиальным сходством обильно-металлического убора, то конкретное сходство головного убора может быть объяснено и родственностью славянского и балтского этноса (*Жилина*, 2019).

Применение тонких ювелирных технологий не отмечается. Наблюдающиеся на ранних этапах украшения с выемчатой эмалью уходят в прошлое, к тому же сочетающаяся с литьем эмаль не обладает подлинно ювелирной тонкостью.

Система обильно-металлического убора и драпированного костюма балтов сходна с вариантом, наблюдаемым у прибалтийско-финских народов (*Жилина*, 2020).

В литовском уборе используются некоторые формы, сходные со скандинавскими украшениями: зооморфные окончания фибул, свернутые спирально бусины. Но сделать прямой вывод о заимствовании этих форм именно из Скандинавии вряд ли корректно, поскольку они достаточно распространены и могут быть выработаны различными народами, в том числе и литовцами, самостоятельно. Но отмеченное сходство позволяет условно отнести балтско-литовский регион эпохи развитого Средневековья к североевропейской зоне, где лидерами создания ювелирного убора были скандинавы.

Скандинавский костюм может быть аналогией литовскому по сохранению драпированности, но конкретные виды одежды и способы их скрепления различны. Наличие драпированного двухфибульного женского платья у скандинавов не находит аналогий в литовской одежде. Различны и способы застегивания покрывала: в литовском его скрепляли незастегивающиеся булавки с цепями, в скандинавском – различные формы фибул. Мужской костюм более универсален.

Облегчение металлического убора литовцев начинается в эпоху развитого Средневековья – около XIII в. Распространяются более лег-

кие и компактные формы гривен и украшений рук. Украшения не отливаются, а изготавливаются из тонкой пластины металла чеканкой. Это свидетельствует о том, что они переходят от конструктивной роли в костюме к декоративной, или к новой: частые фибулы приблизились к роли пряжек или пуговиц. Височные кольца сменяются серьгами. Головные венки преимущественно становятся ткаными, а ткань одежды украшается текстильными и стеклянными деталями (бисером, бусинами). По этнографическому комплексу известно и украшение натуральными материалами, природными цветами. Почти не применяются браслеты, преимущественно используются перстни.

Заключение

Балтский костюм в значительной мере сохраняет черты драпированной стадии. Архаичный способ скрепления одежды незастегивающимися булавками или фибулами, соответствующий драпированной одежде, сохранялся долго. Застежка на пуговицы появилась около XIII в. Ткань одежды и головные уборы интенсивно дополнялись нашивными и вшивными металлическими деталями.

С данным костюмом связан своеобразный вариант обильно-металлического убора. Металлические части головных уборов связаны с прической или полотнищем, закрепляют и регулируют головное убранство, прическу.

Первоначально в мужском и женском уборе использовались сильные конструктивные арбалетовидные фибулы, незастегивающиеся булавки, соединенные цепями. В VIII–IX вв. распространились подковообразные фибулы, более декоративные и имеющие тенденцию к превращению в пряжки и броши.

Характерны нагрудные цепи, играющие роль скрепления или соединения частей одежды: от однорядных до многорядных, скрепленные пластиной или парными булавками. Цепи широко используются для подвешивания украшений. Подвески носят шумящий характер: трапециевидные, подпрямоугольные разных форм, колокольчики и др. Часть таких форм происхождением может быть связана с украшениями в технике выемчатой эмали.

Характерно ношение массивных гривен и ожерелий из спиралей и подвесок, со временем распространились ожерелья из металлических бусин.

Формы украшений рук акцентируют их массивность и силу: расширяющиеся концы, ребро на широком манжетовидном теле, спиральные многооборотные изделия.

У **балтов** сохранялись признаки натуральной стадии убора: ожерелья из раковин, янтарных и коралловых бусин.

С XIII в. начался уход от обильно-металлического убора: сократилось количество металлических украшений, они стали более легкими. Преобладают украшения из других материалов: стекло, текстиль.

Система обильно-металлического убора и драпированного костюма балтов сходна с вариантом, наблюдаемым у прибалтийско-финских народов. Есть определенное конструктивное и стадиальное сходство с убором антов конца VI–VII в. в формах и системе ношения головных украшений и шумящих нагрудных цепей. И тот и другой уборы сформировались самостоятельно.

Признаков создания убора ювелирной стадии не отмечается. Хотя по общим закономерностям балтский убор можно отнести к североевропейской зоне, где ювелирным лидером были скандинавы, сильного воздействия скандинавского ювелирного убора не ощущается. В целом следует отметить, что балтский убор сохраняет свои характерные черты вплоть до этнографического костюма.

ЛИТЕРАТУРА

Библиотека литературы Древней Руси. 2004. Т. 1. СПб.: Наука. 542 с.

Волкайте-Куликаускене Р. К., 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы (Материалы к историко-этнографическому атласу) / Отв. ред. М. Г. Рабинович. Москва: Наука. С. 146–171.

Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 1. 2007. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўки. 688 с.

Гимбутас М., 2004. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрополиграф. 223 с.

Жилина Н. В., 2019. Славяно-русский убор из украшений как объект истории прикладного искусства (VI–IX вв.) // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье / Ред. И. О. Гавритухин, С. Трифунович. Материалы I сербско-российской археологической конференции. Нови Сад: ИА РАН, Музеј Војводине. С. 443–475.

Жилина Н. В., 2020. Средневековый убор из украшений финских народов. Общие тенденции и своеобразие регионов // Волго-Уральский регион. От древности до Средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский государственный университет. С. 175–181.

Жилина Н. В., 2022. Общие закономерности в развитии средневекового убора из украшений в связи с костюмом // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Выпуск IV: Материалы научно-образовательного семинара, 24 сентября 2021 г. / Науч. ред. Н. В. Жилина, сост. ред. Ю. В. Степанова [Электронное издание]. Тверь: Тверской государственный университет. С. 3–33, 131.

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда, 1986 / Отв. ред. Г. С. Маслова. Рига: Зинатие. 173 с. Прил.: 70 карт, 2 табл.

Немецкие анналы и хроники X–XI столетий, 2012. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 560 с.

ПСРЛ. Т. 41. 1995. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр. 179 с.

Седов В. В., 1987. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. Москва: Наука. С. 353–419.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 / Отв. ред. В. В. Седов. Москва: Наука. 510 с.

Хроника земли Прусской. Петр из Дусбурга, 1997. М.: Ладомир. 384 с.

Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя / Гал. Рэд. І. П. Шамякін і інш. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя Імя Петруся Броўкі. 1989. 575 с.

Gimbutas M., 1963. The Balts. London: Thames and Hudson. 287 p.

Volkaite-Kulikauskienė R., 1970. Lietuviai IX–XII amžiais. Vilnius: Mintis. 296 p.

Volkaitė-Kulikauskienė R., 1997. Senovės Lietuvių Drabužiai ir jų papuošalai (I–XVI a.). Vilnius: Lietuvos Istorijos institutas. 151 p.

Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961. Lietuvos archeoloijos bruozai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. 561 p.

Rimkute V., 2008. The archaeological tablet woven bands in the National Museum of Lithuania. Poster Presentation. Nesat. X. https://vk.com/@kvitravn_workshop-arheologicheskie-nahodki-tesmy. Дата обращения 17.02.2023.

Zhilina N., 2016. Attire of adornments: the main historical stages: natural, heavy-metal, jewelry, the accessory. *22nd Annual Meeting of the EAA.* 31st August – 4th September 2016 / Ed. A. Žilinskaitė. Vilnius: Saulius Jokuzys Publishing Printing House. P. 87.

Zhilina N., 2021. The Main Features of Balts' Attire of Adornments // Atgimstanti Senoji Europa / The New Old Europe. The 11th International Scientific Readings of Prof. Jonas Puzinas. The Centennial of Marija Gimbutienė Birthdate. Programme and Abstracts. Vilnius: UNESCO. P. 16–19.

Резюме. В статье определяется стадия развития костюма и убора из украшений литовской ветви восточных балтов. Методом сравнения определяются сходные черты с уборами других народов. Костюм сохраняет черты драпированной стадии, с ним связан своеобразный вариант обильно-металлического убора. Для скрепления частей одежды и закрепления прически использовались фибулы и булавки, соединенные цепями. Характерно ношение массивных гривен и ожерелий из спиралей и шумящих подвесок, распространились ожерелья из металлических бусин. Типично украшение металлом ткани одежды. Формы украшений рук массивны и многооборотны. Сохранялись признаки натуральной стадии убора. С XIII в. начался уход от обильно-металлического убора. Убор литовцев конструктивно и стадиально сходен с убором «антов» конца VI – VII в., с убором прибалтийско-финских народов. Признаков создания убора ювелирной стадии не отмечается. Убор можно отнести к североевропейской зоне, где ювелирным лидером были скандинавы, но сильного воздействия скандинавского ювелирного убора не ощущается. Литовский убор сохраняет свои характерные черты вплоть до этнографического костюма.

Ключевые слова: убор, украшения, одежда, костюм, литовцы, балты, обильно-металлический.

N. V. Zhilina

The main features of Balt's attire of adornments in connection with the costume: Lithuanians

Abstract. The article defines the stage of development of the costume and attire of adornments for the Lithuanian branch of the Eastern Balts. The method of comparison determines similar features with the attire of other peoples. The costume retains the features of the draped stage; a peculiar variant of the heavy metal attire of adornments is associated with it. Brooches and pins connected by chains were used to fasten parts of clothing and fix hair. The wearing of massive torques and necklaces made of spirals and noisy pendants is typical; necklaces made of metal beads have spread. Metal decoration of clothing fabric was typical. Hand adornments were massive and multi-turned. Signs of the natural stage of attire were preserved. From the 13th century the departure from the heavy metal stage began. The attire of the Lithuanians is structurally and phasically similar to the «Ant's» attire of the end of the 6th – 7th centuries, and with the attire of the Baltic-Finnish peoples. There are no signs of the creation of a jewelry stage within Balt's attire. It can be attributed to the North European zone, where the Scandinavians were the jewelry leader, but there was no strong influence of Scandinavian jewelry. The Lithuanian attire retains its characteristic features right up to the ethnographic costume.

Keywords: attire, adornments, clothing, costume, Lithuanians, Balts, heavy metal.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и Средние века. Екатеринбург
АИЦЧ	– Археологические исследования в Центральном Черноземье
АлтГТУ	– Алтайский государственный технический университет
АМЗ	– Азовский музей-заповедник
АМЗТ	– Археологический музей-заповедник «Танаис»
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/ Санкт-Петербург
АО	– Археологические открытия
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва
ВМА	– Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова. Санкт-Петербург
ВУАК	– Воронежская учетная археологическая комиссия
ГАУ РК	– Государственное автономное учреждение Республики Крым, Симферополь
ГБУ РК БИКАМЗ	– Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва
ГМЗ	– Государственный музей-заповедник
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург
ДПШ	– Дворец пионеров и школьников
ИАК	– Известия Императорской Архивной комиссии. Санкт-Петербург
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГ	– Институт географии РАН. Москва
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ІА НАНУ	– Інститут археології Національної академії наук України. Киев
ИПОС	– Институт проблем освоения Севера
ЛНУ	– Львівський національний університет
КВФ	– Книга вспомогательного фонда
КГОМА	– Курский государственный музей археологии
КГУ	– Казанский государственный университет
КГУ	– Курский государственный университет
КП	– Книга поступлений
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. Москва
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград
МАИАСП	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва – Ленинград
МГУ	– Московский государственный университет
НА ГИАМЗ ХТ	– Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИИКСИ СПбГУ	– Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург

ООО	– общество с ограниченной ответственностью
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
П.о.	– полевая опись
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология. Москва
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва – Ленинград
СПбГАСУ	– Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТОО	– товарищество с ограниченной ответственностью
УГИ	– Училище гражданских инженеров. Санкт-Петербург
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет
IOSPE	– Inscriptions of the Northern Black Sea (Надписи Северного Причерноморья)
PLoS ONE	– Public Library of Science ONE

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипина Екатерина Евстафьевна
Институт археологии РАН, г. Москва
bikanty@mail.ru

Белов Максим Александрович
Институт археологии РАН, г. Москва
mmmaxxx8422@mail.ru

Быковская Наталья Владимировна
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь
nvbykovskaya@gmail.com

Внуков Артем Андреевич
Государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула
mr.grandson@yandex.ru

Володин Семен Алексеевич
Институт археологии РАН, г. Москва
volodinsaimon@gmail.com

Волошинов Алексей Александрович
Институт археологии РАН, г. Москва
voloshinov-alexs@yandex.ru

Горошников Андрей Алексеевич
Институт археологии РАН, г. Москва
goroshnikov89@bk.ru

Душенко Антон Анатольевич
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Лаборатория «Византийский Крым» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь
tnu.dushenko@mail.ru.

Ершова Екатерина Георгиевна
Московский государственный университет, г. Москва
ekaterinagershova@mail.ru

Жилина Наталья Викторовна
Институт археологии РАН, г. Москва
nvzhilina@yandex.ru

Журавлев Денис Валерьевич
Государственный исторический музей, г. Москва
denzhuravlev@mail.ru

Захаров Виталий Анатольевич
Музей-заповедник «Судакская крепость», г. Судак
vitalyzacharov@gmail.com

Зинько Виктор Николаевич
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь
zinko@bf-demetra.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич
Государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула
parosta@mail.ru

Иванов Алексей Владимирович
Южный региональный центр археологических исследований, г. Краснодар
ivanov_arx@mail.ru

Казанский Михаил Михайлович
Национальный центр научных исследований, Париж, Франция
michel.kazanski53@gmail.com

Каргапольцев Сергей Юрьевич
Государственный архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург
clio@spbgasu.ru

Киселев Дмитрий Игоревич
Независимый исследователь, г. Москва
dkiselev2010@gmail.com

Кислый Александр Евгеньевич
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь
Kisly.a@mail.ru

Кононов Валерий Юрьевич
Крымский региональный центр археологических исследований, г. Краснодар
kononov1978@mail.ru

Малинин Максим Алексеевич
Государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула
malinin.maxim.a@yandex.ru

Меньшиков Максим Юрьевич
Институт археологии РАН, г. Москва
Maxim-menshikov@ya.ru

Минаев Александр Павлович
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов
alexminaev1987@gmail.com

Неневоля Иван Иванович
Независимый исследователь, г. Симферополь
volyaivan56@mail.ru

Нессель Виктория Александровна
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь
v_nessel@mail.ru

Обломский Андрей Михайлович
Институт археологии РАН, г. Москва
oblomsky_a@rambler.ru

Петрова Кристина Александровна
Институт археологии РАН, г. Москва
kriss150294@mail.ru

Полянская Евгения Юрьевна
Институт археологии РАН, г. Москва
ep@iaran.ru

Пономаренко Елена Викторовна
Оттавский университет, г. Оттава
ecosystemarchaeology@gmail.com

Попов А. Р.
Кубаньохранкультура, г. Краснодар
asia85@bk.ru

Родинкова Власта Евгеньевна
Институт археологии РАН, г. Москва
vlasta2004@mail.ru

Сазанов Андрей Владимирович
Институт археологии РАН, г. Москва
andrei.v.sazanov@mail.ru

Свиридов Алексей Николаевич
Институт археологии РАН, г. Москва
a_sviridov@mail.ru

Сейдалиева Джемиле Эльвировна
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь
Djemka65@gmail.com

Соколов Павел Михайлович
Инженерно-технический Центр специальных работ, г. Санкт-Петербург
sokolov.pm@gmail.com

Соколова Людмила Анатольевна
Институт археологии РАН, г. Москва
lasokol007@gmail.com

Суворова Надежда Игоревна
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов
w.falke@mail.ru

Сычева Светлана Арсеньевна
Институт географии РАН, г. Москва
sychevasa@mail.ru

Тарасова Анна Анатольевна
Институт археологии РАН, г. Москва
taa-volga@yandex.ru

Успенский Павел Сергеевич
Институт археологии РАН, г. Москва
uspenskiy07@mail.ru

Шумиловских Людмила Сергеевна
Гёттингенский университет им. Георга Августа, г. Гёттинген
shumilovskikh@gmail.com

Энговатова Ася Викторовна
Институт археологии РАН, г. Москва
engov@mail.ru

Язиков Сергей Владимирович
Институт археологии РАН, г. Москва
sergei.yazikov2012@yandex.ru

Ярцев Сергей Владимирович
Государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула
s-yartsev@yandex.ru

Научное издание

Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О. В. Шарова

Том 34

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка и дизайн: В. Б. Степанов
Дизайн обложки: В. А. Кулишов

Подписано в печать 31.01.2024.
Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 40,5. Уч.-изд. л. 40,7
Тираж 300 экз. Заказ № 3215.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

ISBN 978-5-94375-418-0

